

Аннотация

В сборник включены три романа основоположников жанра социального детектива в Швеции, писателей П. Вале и М. Шеваль.

Острюжетные произведения раскрывают читателю антинародную сущность институтов буржуазного государства, где преступность социально обусловлена, а преступником нередко оказывается жертва социальных порядков.

Пер Валё

ГИБЕЛЬ 31-ГО ОТДЕЛА

Посвящается МАЙЕ

1

Тревога началась в тринадцать часов ноль две минуты. Начальник полиции лично позвонил в шестнадцатый участок. А спустя одну минуту тридцать секунд в дежурке и других комнатах нижнего этажа раздались звонки

Когда Иенсен – комиссар шестнадцатого участка – вышел из своего кабинета, звонки еще не смолкли. Иенсен был мужчина средних лет, обычного сложения, с лицом плоским и невыразительным. На последней ступеньке винтовой лестницы он задержался и обвел взглядом помещение дежурки. Затем поправил галстук и проследовал к машине.

В это время дня машины текли сплошным блестящим потоком, а среди потока, будто колонны из бетона и стекла, высились здания. Здесь, в мире резких граней, люди на тротуарах выглядели несчастными и неприкаянными. Одеты они были хорошо, но как-то удивительно походили друг на друга и все до одного спешили. Они шли нестройными вереницами, широко разливались, заведев красный светофор или металлический блеск кафе-автоматов. Они непрестанно озирались по сторонам и теребили портфели и сумочки.

Полицейские машины с включенными сиренами пробивались сквозь эту толчею.

Комиссар Иенсен сидел в первой. Это была обычная полицейская машина, темно-синяя, с полоской. Следом ехал серый автобус с зарешеченными стеклами в задней двери и вращающимся прожектором на крыше.

Начальник полиции вызвал Иенсена по радиотелефону.

— Иенсен!

— Слушаю.

— Где вы находитесь?

— В центре площади Профсоюзов.

— Сирены включены?

— Да.

— Выключите, когда проедете площадь.

— Слишком большое движение.

— Ничего не поделаешь. Вам нельзя привлекать внимания.

— Нас все равно подслушивают репортеры.

— Ну, это не ваша забота. Меня беспокоит население вообще. Люди на улицах.

— Понял.

— Вы в форме?

— Нет.

— Хорошо. Кто участвует в операции?

— Я плюс четверо из патруля. И пикет из девяти полицейских. Эти в форме.

— Стоять перед домом или входить в него разрешается только патрулю. А пикет пусть быстро высадит половину команды за триста метров, проедет мимо и остановится на достаточном расстоянии.

— Будет исполнено.

— Перекройте главную улицу и переулки.

– Будет исполнено.

– На вопросы отвечайте, что этого требуют срочные дорожные работы. Например...

Начальник умолк.

– Лопнула труба теплоцентрали?

– Вот именно.

Потрескивание. Потом:

– Иенсен!

– Слушаю.

– Вы уже в курсе специфики обращения?

– Специфики обращения?

– Я думал, это все знают. Там никого не следует называть директором.

– Будет исполнено.

– Они очень щепетильны на этот счет.

– Понял.

– Я думаю, нет надобности указывать вам на... на деликатный характер задания?

– Нет.

Механические шумы в трубке. Звук, похожий на вздох, глубокий, металлический,

– Где вы сейчас находитесь?

– На правой стороне площади. Перед монументом Рабочего.

– Выключить сирены.

– Сделано.

– Увеличить дистанцию между автомобилями.

– Сделано.

– Вызываю по радио дополнительный патруль. Они будут вас ждать на стоянке. Используйте их как резерв.

– Понял.

– Где вы находитесь?

– На проезжей части вдоль северной стороны площади.

Вижу Дом.

Улица была прямая, широкая, с движением в шесть рядов и узкой резервной зоной посередине. За высокой стальной оградой по левой ее стороне начинался откос, а далеко внизу растянулась гавань для судов дальнего плавания, с товарной пристанью, множеством складов и цепью тележек, белых и красных, вдоль грузовых причалов. Там, внизу, сновали люди – по большей части грузчики и шоферы в белых комбинезонах и красных фуражках.

Дорога шла вверх, огибая холм. С востока к ней подступала каменная стена. Стена была сложена из голубых валунов, скрепленных цементом, по ней отвесно спускались ржавые потеки от арматурного железа. Из-за стены выглядывали редкие верхушки деревьев с голыми ветвями. Снизу, с дороги, не видно было здания, спрятанного за деревьями, но Иенсен знал, что здание там есть, и знал даже, как оно выглядит. Это была психиатрическая лечебница.

Достигнув вершины холма, дорога едва заметно поворачивала направо. Там был расположен Дом. Он и без того принадлежал к числу самых высоких в стране, а благодаря своему положению просматривался из любой части города. Он всегда был перед глазами, и, откуда бы человек ни ехал, Дом виднелся в конце его пути.

Дом имел тридцать этажей и стоял на квадратном фундаменте. На каждой стене было по четыреста пятьдесят окон и белые часы с красными стрелками. На облицовку

пошла глазированная плитка, темно-синяя у основания Дома, но чем выше, тем светлей.

При первом взгляде на Дом через ветровое стекло Иенсену показалось, будто он пробивается из земли, как неслыханных размеров колонна, и вонзается в холодное, по-весеннему безоблачное небо.

Иенсен по-прежнему прижимал к уху трубку радиотелефона и слушал. Дом разрастался, заслоняя горизонт.

– Иенсен!

– Слушаю.

– Я полагаюсь на вас. Вам предстоит лично разобраться в обстановке.

Короткая пауза, наполненная треском. Потом начальник неуверенно сказал:

– У меня все.

2

На восемнадцатом этаже полы были устланы голубыми коврами. Иенсен увидел две большие модели кораблей в застекленных витринах и холл с креслами и низким изогнутым столиком. В комнате со стеклянными стенами празднично сидели три молодые женщины. Одна из них бросила на вошедшего беглый взгляд и спросила:

– Вам кого?

– Моя фамилия Иенсен. У меня спешное дело.

– Ах, спешное...

Женщина нехотя встала и плавно, с хорошо заученной небрежностью прошествовала по коврику. Распахнув дверь, она выкрикнула:

– Вас спрашивает какой-то Иенсен!

У нее были красивые ноги и тонкая талия. А одета безвкусно.

Из дверей выглянула другая женщина. Чуть постарше, блондинка с правильными чертами и стерильной внешностью. Не обращая внимания на свою помощницу, она сказала:

– Прошу. Вас ожидают.

В угловой комнате было шесть окон, а под ней лежал город, безжизненный и ненатуральный, как на рельефной карте. День был ясный и холодный. Ослепительный солнечный свет не скрывал перспективы. Комната была выдержана в чистых и холодных тонах: стены, пластик на полу и мебель из стальных трубок – все очень светлое.

В одном из простенков стояла стеклянная витрина, где выстроились хромированные кубки, каждый на деревянной черной подставке с гравюрой венка из дубовых листьев. Сверху большинство из них было увенчано фигурами – то обнаженные стрелки из лука, то орлы с распростертыми крыльями.

На письменном столе помещался внутренний телефон, объемистая пепельница из нержавеющей стали и костяная змея.

Сверху на витрине стоял настольный красно-белый флажок на металлическом стержне, а под столом – пара светло-желтых сандалий и пустая алюминиевая корзина для бумаг.

Посредине стола лежало письмо.

В комнате находились два человека.

Первый стоял у короткой стороны стола, опершись кончиками пальцев о полированную столешницу. На нем был отутюженный темный костюм, сшитые на заказ чер-

ные ботинки, белая сорочка и серебристо-серый шелковый галстук. Лицо гладкое и угодливое, волосы зачесаны, за массивными очками в роговой оправе – собачьей преданности взгляд. Иенсену часто доводилось видеть такие лица, особенно на экране телевизора.

Второй казался чуть помоложе, на нем были носки с желтой каемкой, поверх носков – подследники, светло-коричневые териленовые брюки и расстегнутая белая рубаша навыпуск. Этот подтащил к окну стул и стоял на коленях, уперши подбородок в ладони, а локти – в белый мраморный подоконник. Он был белокурый, синеглазый.

Иенсен предъявил свой служебный значок и шагнул к столу.

– Шеф издательства?

Мужчина в шелковом галстуке отрицательно помотал головой и отступил от стола, легкими поклонами и энергичными жестами указывая в сторону окна. Его улыбка как-то не соответствовала первому впечатлению.

Белокурый сполз со стула и неслышными шагами приблизился к Иенсену. Торопливо и энергично пожав руку Иенсену, он кивнул на письменный стол:

– Вот оно.

Конверт был белый, ничем не примечательный. На нем были наклеены три марки, а в нижнем левом углу – ярлычок «Срочное». В конверте лежал лист бумаги, сложенный вчетверо. Как адрес, так и текст письма были склеены из отдельных букв, а буквы вырезаны из какой-то газеты. Бумага была чрезвычайно высокого качества, и формат ее казался не совсем обычным. Подняв письмо кончиками пальцев, Иенсен прочел:

«Чтобы отомстить за совершенное вами убийство в здание заложен мощный взрывной заряд с часовым механизмом ровно в четырнадцать часов двадцать третьего марта произойдет взрыв невинные не должны пострадать».

– Она, разумеется, не в своем уме, – сказал блондин. Просто-напросто душевнобольная.

– Да, мы пришли к такому заключению, – сказал мужчина в галстуке.

– Или это попросту немыслимо глупая шутка, – сказал блондин. – И пошлая к тому же.

– Может быть, и так, вполне может быть, – поддержал мужчина в галстуке.

Блондин бросил на него равнодушный взгляд и сказал:

– Это наш директор. Первый директор издательства. – И после короткой паузы добавил: – Моя правая рука.

Лицо директора расплылось в улыбке, и он наклонил голову. Вероятно, это означало признательность, но может быть, он захотел спрятать лицо по каким-то другим соображениям. Ну, например, из скромности, почтения или самолюбия.

– У нас есть еще девяносто восемь директоров, – уточнил блондин.

Комиссар Иенсен взглянул на свои часы: 13:19.

– Насколько я понял, господин шеф, вы сказали «она». Есть ли у вас основания предполагать, что отправительницей была женщина?

– Как правило, меня называют просто «издатель», – сказал блондин. Он обогнул стол, сел в кресло и закинул на

подлокотник правую ногу. – Оснований у нас вроде бы нет. Просто сказалось так. Ведь кто-то же составил это письмо.

– Вот именно, – сказал директор.

– Вопрос только – кто? – сказал блондин.

– Совершенно справедливо, – заключил директор. Улыбка сбежала с его лица, сменившись глубокомысленными складками на переносице.

Издатель закинул на подлокотник также и левую ногу.

Иенсен снова взглянул на часы: 13:21.

– Здание надо эвакуировать, – сказал он.

– Эвакуировать? Исключено. Нам пришлось бы тогда остановить все работы, и, может быть, часа на два. Вы понимаете, что это значит? Вы имеете хоть малейшее представление, во сколько это нам обойдется? – И, повернувшись вместе с креслом, блондин вызывающе посмотрел на того, кто был его правой рукой. Директор издательства с молниеносной быстротой распустил складки по всему лбу и, бормоча что-то себе под нос, начал быстро прикидывать на пальцах. Человек, который хотел, чтобы его называли издателем, окинул директора холодным взглядом и вернул кресло в исходное положение.

– Минимум семьсот пятьдесят тысяч. Вы понимаете? Три четверти миллиона. Как минимум. А может быть, в два раза больше.

Иенсен еще раз прочел письмо. Глянул на часы: 13:23.

Издатель продолжал:

– Мы издаем сто четыре журнала. Все они печатаются в этом доме. Их общий тираж превышает двадцать один миллион экземпляров. В неделю. И для нас самое главное – напечатать и разослать их без промедления.

Выражение его лица вдруг изменилось. Просветленный синий взор упал на Иенсена.

– В каждом доме нашей страны каждая семья ждет свой журнал. Наши журналы одинаково интересны для всех – для принцессы и для жены лесоруба, для крупнейшего общественного деятеля или деятельницы и для самых униженных и отверженных, если бы таковые у нас имелись, – словом, для всех.

И после короткой паузы:

– А дети, все эти милые малютки...

– Малютки?

– Да, девяносто восемь из наших журналов предназначены для детей.

– Серийные выпуски, – уточнил директор.

Блондин наградил директора неблагосклонным взглядом, и лицо у него снова изменилось. Досадливо повернувшись в кресле, он взглянул на Иенсена:

– Ну так как же?

– При всем моем почтении к этим доводам я настаиваю на эвакуации.

– Больше вы ничего не можете сказать? Чем же тогда, позвольте вас спросить, занимаются ваши люди?

– Ищут.

– И если бомба есть, они ее найдут?

– Это опытные люди, но у них слишком мало времени. Заряд взрывчатки нелегко обнаружить. Практически он может быть где угодно. Как только они найдут хоть что-нибудь, мне доложат непосредственно сюда.

– У вас еще есть в запасе три четверти часа.

Иенсен взглянул на свои часы:

– Тридцать пять минут. Но даже если они найдут заряд, для того чтобы его обезвредить, потребуется дополнительное время.

– А если никакой бомбы вообще нет?

– Я все-таки посоветовал бы очистить здание.

– Даже считая риск минимальным?

– Даже. Я допускаю, что угрозу могли не привести в исполнение, что ничего не случится. Но, к сожалению, нам известны и обратные примеры.

– Откуда?

– Из истории криминалистики.

Иенсен заложил руки за спину и качнулся на носках.

– Таково мое мнение как профессионала, – сказал он.

Издатель пристально поглядел на него.

– За какую сумму вы согласились бы изменить свое мнение? – спросил он.

Иенсен взглянул на него недоуменно.

Издатель, видимо, покорился судьбе.

* * *

– Это была только шутка, – мрачно пояснил он, затем спустил ноги с подлокотников, снова вернул кресло в исходное положение, уронил руки на стол и опустил голову на стиснутый левый кулак.

Потом он рывком выпрямился:

– Мы должны посоветоваться с моим кузеном, – и нажал кнопку внутреннего телефона.

Иенсен заметил время: 13:27.

Мужчина в шелковом галстуке как-то бесшумно пере-

местился в пространстве и, очутившись подле Иенсена, шепнул ему:

– С шефом, главным шефом, шефом всего треста, главной концерны.

Издатель что-то промурлыкал в микрофон. Потом прижал трубку к уху и недружелюбно взглянул на шепчущихся. Нажал другую кнопку, пригнулся к микрофону и заговорил. Четко и деловито:

– Это комендант здания? Прикиньте, сколько времени уйдет на учебную пожарную тревогу. Со скоростной эвакуацией. Ответ должен быть готов не позже чем через три минуты. Доложите непосредственно мне.

В комнату вошел шеф. Такой же белокурый, как и его брат, но старше примерно лет на десять. Лицо у него было спокойное, серьезное и красивое, плечи широкие, осанка прямая. На нем был коричневый костюм, простой и строгий. Шеф с места в карьер заговорил низким приглушенным голосом.

– Сколько лет этой новенькой? – спросил он рассеянно и подобием кивка указал на дверь.

– Шестнадцать, – доложил брат.

– А-а-а.

Директор издательства очутился возле витрины, и вид у него сделался такой, словно он приподнялся на цыпочки, хотя стоял он на всей ступне.

– Это человек из полиции, – сказал издатель. – У него есть люди, которые ищут, но они ничего не найдут. И он говорит, что мы должны эвакуировать здание.

Шеф подошел к окну, поглядел, помолчал.

– Вот и весна пришла, – сказал он. – Ах, как красиво!

В комнате воцарилось молчание. Иенсен взглянул на часы: 13:29.

Шеф процедил сквозь уголок рта:

– Перегоните наши машины.

Директор опрометью бросился к дверям.

– Они стоят у самой стены, – кротко добавил шеф. – Ах, как красиво!

Молчание – на тридцать секунд. Потом что-то зажужжало, и на внутреннем телефоне мигнула лампа.

– Слушаю, – сказал издатель.

– От восемнадцати до двадцати минут с использованием лестниц, непрерывных и скоростных автоматических лифтов.

– Учтено все?

– Кроме тридцать первого.

– А если с... особым отделом?

– Значительно дольше.

При этом голос в микрофоне несколько увял.

– Винтовые лестницы слишком узки, – сказал он.

– Знаю.

Щелчок. Молчание. 13:31.

Иенсен подошел к одному из окон. Далеко внизу он увидел стоянку и улицу, разделенную на шесть рядов. Теперь она была пустынна. Он увидел также, что его люди перекрыли проезжую часть желтыми рогатками метрах в четырехстах от здания и что один из них направляет движение по боковой улице. Несмотря на расстояние, Иенсен отчетливо видел зеленую форму полицейских и белые нарукавники регулировщика. От стоянки отделились две большие черные машины. Они передвинулись к югу в со-

провождении третьей белого цвета, которая, по всей вероятности, принадлежала директору.

Директор снова возник в комнате и стоял теперь у стены. Улыбка его выражала тревогу, голова поникла под бременем забот.

– Сколько всего этажей в здании? – спросил Иенсен.

– Тридцать над поверхностью земли, – ответил издатель, – и четыре под землей. Мы обычно исходим из цифры тридцать.

– Мне показалось, что вы упомянули тридцать первый?

– Разве? Это по рассеянности.

– А сколько у вас служащих?

– Здесь? В Доме?

– Да.

– Четыре тысячи сто в главном корпусе. Две тысячи в боковых крыльях.

– Итого свыше шести тысяч?

– Да.

– Я настаиваю на их эвакуации.

Молчание. Издатель повернулся вместе с креслом вокруг своей оси. Шеф стоял, засунув руки в карманы, и глядел в окно. Потом он медленно перевел взгляд на Иенсена. Его правильное лицо казалось очень серьезным.

– Вы и в самом деле допускаете, что в здание подложена бомба?

– Во всяком случае, с такой возможностью следует считаться.

– Вы полицейский комиссар?

– Да.

– В вашей практике бывали подобные случаи?

Иенсен ненадолго задумался.

— Это случай особого рода, но опыт учит нас, что угрозы, содержащиеся в анонимных письмах, более чем в восьмидесяти случаях из ста оказываются справедливыми... или по крайней мере основаны на фактах.

— Это доказано статистикой?

— Да.

— Вы знаете, во сколько нам обойдется эвакуация?

— Да.

— Наше предприятие более тридцати лет борется с экономическими затруднениями. Убытки растут из года в год. К сожалению, это доказано статистикой. Лишь благодаря большим жертвам личного порядка мы можем продолжать нашу деятельность.

Голос его приобрел другую окраску: стал горестным и сокрушенным.

Иенсен не отвечал. Тринадцать часов тридцать четыре минуты.

— Наша деятельность носит чисто идеалистический характер. Мы не бизнесмены. Мы издатели-книжники.

— Книжники?

— Свои журналы мы приравниваем к книгам, ибо они отвечают тем потребностям, которые никогда не смогли бы удовлетворить книги, издававшиеся в прошлом.

Он глянул в окно и бормотнул:

— Ах, как красиво! Сегодня я шел парком и видел, что там уже распустились первые цветы. Фиалки и подснежники. Вы любите природу?

— Да как вам сказать...

— Все люди должны любить природу. Ибо от этого жизнь становится богаче. Еще богаче.

И снова, повернувшись к Иенсену:

– Вы понимаете, чего вы от нас требуете? Расходы огромные. Положение у нас тяжелое, даже в частной жизни. Вот у меня дома после того, как последний раз подбили бухгалтерские итоги, в ходу лишь большие коробки спичек. Я говорю об этом для примера.

– Большие коробки?

– Да, из соображений экономии. Приходится экономить решительно на всем. Большие коробки гораздо дешевле. Это здоровая экономия.

Издатель к этому времени уже сидел на столе, поставив ноги на подлокотник кресла. Он глядел на своего кузена.

– Если бомбу и впрямь подложили, тоже может получиться здоровая экономия. Домик становится тесноват.

Шеф глянул на него с горечью.

– Ну, страховка-то покроет убытки, – сказал издатель.

– А кто покроет убытки страхового общества?

– Банки.

– А убытки банков?

Издатель промолчал, и шеф вторично перенес свое внимание на Иенсена.

– Я понимаю, что вы по долгу службы обязаны молчать.

– Разумеется.

– Начальник полиции вас рекомендовал. Надеюсь, он знал, что делает.

Иенсен не нашелся что ответить.

– Кстати, внутри здания нет полицейских в форме?

– Нет.

Издатель снял ноги с кресла и скрестил их под собой, как делают портные.

Иенсен покосился на часы. Тринадцать часов тридцать шесть минут.

– А если бомба есть в самом деле, – сказал издатель, – шесть тысяч человек... скажите-ка, господин Иенсен, какой процент составят потери?

– Потери?

– Ну да, потери в людях?

– Это нельзя предсказать заранее.

Издатель пробормотал, как бы ни к кому не обращаясь:

– Найдутся такие, которые скажут, что мы нарочно дали им взлететь на воздух. Это вопрос престижа. – И обращаясь к кузену: – А о потере престижа ты подумал?

Шеф устремил затуманенную синеву глаз на город, белый, чистый, кубистский. Самолет вычерчивал геометрические фигуры на ясном весеннем небе.

– Эвакуировать, – сквозь приоткрытый уголок рта проронил он.

Иенсен заметил время: 13:38.

Рука издателя легла на внутренний телефон. Рот приблизился к микрофону. Голос был четким и решительным:

– Учебная пожарная тревога. Провести скоростную эвакуацию. Через восемнадцать минут в доме не должно быть ни одного человека, кроме особого отдела. Начинайте ровно через девяносто секунд.

Красная лампочка погасла. Издатель встал и пояснил:

– Для сотрудников тридцать первого лучше спокойно сидеть у себя в отделе, чем гонять по лестницам. Ток будет отключен в ту самую минуту, когда последний лифт спустится вниз.

– Откуда у нас могут быть такие недоброжелатели? – сокрушенно сказал шеф.

И ушел.

Издатель начал обуваться.

Иенсен вышел из комнаты вместе с директором.

Едва за ними захлопнулась дверь, у директора сразу же опустились уголки рта, лицо стало неподвижное и надменное, а взгляд – пронзительный и пытливый. Когда они проходили через секретарскую, молодые женщины, как по команде, склонились над своими столами.

Ровно в тринадцать часов сорок минут комиссар Иенсен вышел из лифта и пересек вестибюль. Он дал своим людям знак следовать за ним и толкнул вращающуюся дверь. Полиция покинула Дом.

Позади, перекатываясь между бетонными стенами, гремели усиленные микрофоном слова команды.

3

Машина ждала у ограды, примерно на полдороге между стоянкой и полицейским кордоном. Комиссар Иенсен сидел на переднем сиденье рядом с шофером. В левой руке он держал секундомер, в правой – микрофон. Через небольшие промежутки времени он отдавал краткие энергичные приказания сотрудникам, находящимся в радиофицированных машинах и тем, которые перекрыли улицу. У него была хорошая выправка; густые седые волосы были коротко подстрижены на затылке.

Сзади сидел директор – человек в шелковом галстуке и со скользкой улыбкой. Лоб у него взмок от пота, он суетливо ерзал на сиденье. Теперь, когда поблизости не было ни выше-, ни нижестоящих, он мог наконец предоставить

отдых своему лицу. Черты его как-то сразу обмякли и расплылись, а между губами то и дело мелькал кончик разбухшего языка. Он явно не учел, что Иенсен может наблюдать за ним в зеркало заднего вида.

– Вам вовсе незачем оставаться, если вам это неприятно, – сказал Иенсен.

– Я обязан. Шеф уехал, издатель тоже. Таким образом я становлюсь ответственным лицом, так сказать, шефом.

– Понимаю.

– А это опасно?

– Едва ли.

– Но если рухнет все здание?

– Маловероятно.

Иенсен поглядел на секундомер. Тринадцать часов пятьдесят одна минута.

Он перевел взгляд на Дом. Даже отсюда, с расстояния почти в триста метров, монолитная глыба устрашала и подавляла своими грандиозными размерами. Четыреста пятьдесят кусков стекла, оправленных в четыреста пятьдесят одинаковых металлических рам, отражали белый солнечный свет, голубая облицовочная плитка на стенах создавала впечатление холода, блеска, неприступности. Иенсену вдруг показалось, что Дом может рухнуть и без всякой бомбы, просто земля прогнется под этим непомерным грузом, просто давление, распирающее изнутри эти стены, разорвет их.

Из главного подъезда лился нескончаемый людской поток. Он не спеша петлял между рядами автомобилей на стоянке, просачивался сквозь проходы в высокой стальной ограде, стекал вниз по склону холма и потом наискось по

серым бетонным плитам порта. За грузовыми причалами и низким длинным зданием пакгауза поток дробился, представлял серой безликой массой, человеческой туманностью. Несмотря на расстояние, Иенсен успел заметить, что по меньшей мере две трети персонала составляют женщины и что большинство из них одето в зеленое. Должно быть, потому, что зеленое – цвет весны.

Две большие красные машины с брандспойтами и подъемными лестницами тронулись со стоянки и подъехали к входу. Пожарники сидели вдоль бортов, и их стальные каски сверкали на солнце. Но ни сирены, ни колокола не издали ни звука.

В тринадцать часов пятьдесят семь минут поток поредел, спустя еще минуту из стеклянных дверей выходили лишь отдельные лица.

А спустя еще немного в дверях остался один-единственный человек. Напрягая зрение, Иенсен смог узнать его. Это был начальник гражданского патруля.

Иенсен взглянул на секундомер. Тринадцать часов пятьдесят девять минут.

Слышно было, как за спиной нервно возится директор издательства.

Пожарники сидели на своих местах. А начальник патруля исчез. Дом был пуст.

Иенсен в последний раз взглянул на часы, потом на здание и начал отсчет.

Когда перевалило за пятнадцать, секунды как будто сделались длинней.

Четырнадцать... тринадцать... двенадцать... одиннадцать... десять... девять... восемь... семь... шесть...

пять... четыре... три... два... один...

– Ноль, – сказал комиссар Иенсен.

4

– Это неслыханное преступление, – сказал начальник полиции.

– Но бомбы-то мы не обнаружили. И вообще ничего не произошло. Ровно через час дали отбой пожарной тревоги, и люди снова приступили к работе. Задолго до четырех все уже шло своим чередом.

– И все-таки это неслыханное преступление, – повторил начальник полиции.

Голос его звучал внушительно, но не совсем твердо, словно он пытался убедить не только своего собеседника, но и самого себя.

– Преступника надо задержать.

– Следствие продолжается.

– Но я не советовал бы вам вести следствие обычными методами. Преступника надо найти во что бы то ни стало.

– Понял.

– Выслушайте меня внимательно. Я далек от мысли критиковать ваши методы...

– Я избрал единственно возможный путь. Риск был слишком велик. На карту были поставлены сотни человеческих жизней, а то и больше. Если бы Дом загорелся, мы вряд ли смогли бы что-нибудь сделать. Пожарные лестницы достают только до седьмого, максимум до восьмого этажа. Словом, команда возится внизу, а огонь лезет вверх. Далее: высота Дома сто двадцать метров, а выше чем на тридцать метров брандспойты не достают.

– Конечно, конечно, я вас понимаю. И вообще я не осуждаю вас, как я уже сказал. Но они ужасно возмущаются. Остановка производства обошлась им почти в два миллиона. Шеф лично связался с министром внутренних дел. Я не сказал бы, что он принес жалобу...

Пауза.

– Слава богу, это не назовешь жалобой в обычном смысле слова...

Иенсен промолчал.

– Но он возмущен, его возмущают как убытки, так и гнусные происки, жертвой которых он стал. Да, да, я цитирую дословно: происки.

– Слушаю.

– Они настаивают на немедленной поимке преступника.

– Нужно время. Мы располагаем только письмом.

– Я знаю. Но преступление должно быть раскрыто.

– Слушаю.

– Дело довольно щекотливое и, как я уже сказал, спешное. Все остальные дела можно отложить. Чем бы вы ни занимались до этого, можете все считать несущественным.

– Понял.

– Сегодня у нас понедельник. В вашем распоряжении неделя – и ни секунды больше. Семь дней, понимаете!

– Понимаю.

– Займитесь этим делом лично. Можете пользоваться услугами всех наших лабораторий, но не посвящайте их в суть дела. А если захотите с кем-нибудь посоветоваться, обращайтесь непосредственно ко мне.

– Должен сообщить вам, что гражданский патруль уже в курсе.

– Очень жаль. Прикажите им хранить молчание.

– Постараюсь.

– Все важные допросы проводите лично.

– Понял.

– И еще одно: следствие никак не должно мешать им. Они чрезвычайно дорожат временем. Если уж вам непременно понадобится получить от них какие-либо сведения, они предпочитают давать их через шефа-исполнителя, первого директора издательства.

– Понял.

– Вы с ним уже знакомы?

– Да.

– Иенсен!

– Слушаю.

– Желаю вам удачи. Это прежде всего в ваших интересах.

Комиссар Иенсен положил трубку. Поставил локти на зеленое сукно стола и уронил голову на ладони. Коротко остриженные волосы больно кололи пальцы. Рабочий день Иенсена начался пятнадцать часов назад. Сейчас было уже без малого десять, и Иенсен очень устал.

Иенсен встал из-за стола, расправил плечи и спустился по винтовой лестнице вниз, в дежурную часть. Комната выглядела очень старомодно. Все здесь было выкрашено в ядовито-зеленый цвет, как и двадцать пять лет назад, когда Иенсен был еще постовым полисменом. Через всю комнату тянулся деревянный барьер, а за ним скамьи, прикрепленные к стене, и кабины для допроса со стеклянными

оконцами и до блеска отполированными ручками дверей. Сегодня в дежурке большого наплыва не было. Несколько пьяниц да оголодавших проституток, все средних лет или чуть постарше. Они сидели кто где и дожидались, когда их вызовут на допрос, а за барьером виднелась непокрытая голова полицейского. На полицейском был полотняный китель защитного цвета. Он нес дежурство у телефона. Время от времени доносился рев машин, с шумом въезжавших во двор.

Иенсен открыл стальную дверцу в стене и спустился в подвал. Помещение у шестнадцатого участка было старое, пожалуй, единственное старое в этой части города, да к тому же оно не содержалось в должном порядке. Зато камеры были оборудованы по последнему слову техники. Потолки белые, пол белый, стены тоже, решетчатые двери сверкают под резким, безжалостным светом ламп.

У ворот стоял серый полицейский автобус. Задние дверцы у него были распахнуты, и несколько человек в форме выгружали оттуда группу пьяниц. Надо сказать, что с задержанными они не церемонились, но Иенсен уже знал, что причиной тому не столько жестокосердие, сколько отчаянная усталость.

Иенсен прошел через помещение для регистрации алкоголиков, разглядывая по пути их бессмысленные тоскливые лица.

Хотя пьянство на улицах преследовалось строжайшим образом, и с каждым годом все строже, хотя правительство совсем недавно приняло новый закон, запрещающий злоупотребление алкоголем даже в домашних условиях, полиция совершенно изнемогала от непосильной нагрузки:

каждый вечер она задерживала от двух до трех тысяч человек, находящихся в более или менее глубокой стадии опьянения. Из них примерно половину составляли женщины. Со времени постовой службы Иенсен помнил, что тогда три сотни задержанных в субботний вечер считалось чрезвычайным происшествием.

Рядом с автобусом стояла санитарная машина, а подле нее молодой человек в спортивной шапочке и белом халате – полицейский врач.

– Пятерых надо отправить в больницу для промывания желудка, – сказал он. – Оставить их здесь я не рискну. Не могу взять на себя такую ответственность.

Иенсен кивнул.

– Черт знает что получается, – продолжал врач. – Сперва облагают спиртные напитки огромным налогом – пять тысяч процентов, потом создают такие условия жизни, которые толкают человека к пьянству, и после всего этого в одном только нашем городе государство ежедневно зарабатывает на штрафах за пьянство триста тысяч.

– Советую вам держать язык за зубами, – ответил Иенсен.

5

Жил комиссар Иенсен по теперешним временам сравнительно недалеко от центра, в южном районе застройки, и на машине он добрался до своего дома меньше чем за час.

В центре на улицах было все так же шумно: не закрылись еще кинотеатры и кафе-автоматы, и люди сновали по тротуарам вдоль освещенных витрин. Лица у них были белые и напряженные, словно их измучил холодный ко-

лючий свет реклам и фонарей. Кое-где встречались группы празднующейся молодежи. Они собирались во-круг фургонов, где продавали жареную кукурузу, или перед витринами. Стояли по большей части тихо, даже друг с другом почти не разговаривали. Лишь изредка кто-нибудь равнодушно провожал глазами полицейскую машину.

Преступность среди молодежи, считавшаяся прежде чрезвычайно важной проблемой, за последнее десятилетие почти сошла на нет. И вообще теперь совершалось гораздо меньше преступлений, возрастал только алкоголизм. По дороге через центр Иенсен неоднократно наблюдал полицейских при исполнении ими служебных обязанностей. В неоновом свете отливали белым резиновые дубинки, когда полицейские запихивали пьяниц в автобусы.

Перед министерством внутренних дел машина Иенсена нырнула в восьмикилометровый туннель и вынырнула в пустынном заводском районе, потом проехала через мост и продолжала свой путь по шоссе к югу.

Иенсен устал, и в правом подреберье у него засела боль, тяжелая и тягучая.

Пригород, где он жил, состоял из тридцати шести восьмиэтажных домов, выстроенных в четыре параллельные линии. Между этими линиями располагались места для стоянки автомобилей, цветочные газоны, а для детей — игровые павильоны из прозрачной пластмассы.

Иенсен остановил машину перед седьмым домом в третьей линии, выключил зажигание и вылез под холодное звездное небо. Хотя часы показывали всего пять минут одиннадцатого, в доме было темно. Иенсен сунул монету в автомат при стоянке, повернул рычажок с красной часовой стрелкой и пошел к себе.

Он зажег свет, снял плащ, ботинки, галстук, пиджак, расстегнул рубашку, прошелся по комнате, окинул взглядом ее безликую обстановку, большой телевизор и снимки – еще из полицейской школы, – развешанные по стенам.

Потом опустил жалюзи на окнах, снял брюки и погасил свет. В темноте прошел на кухню и достал из холодильника бутылку. Прихватив еще и рюмку, отогнул одеяло и простыню и уселся на постели.

Так он сидел и пил – в полной темноте.

Когда боль поутихла, Иенсен отставил рюмку на тумбочку и лег.

Уснул он почти мгновенно.

6

Комиссар Иенсен проснулся в половине седьмого. Вылез из постели, прошел в ванную комнату, там вымыл лицо, руки и шею холодной водой, побрился и почистил зубы.

От полоскания долго кашлял.

Потом, вскипятив воды с медом, он постарался выпить ее, пока она не остыла. Между делом просмотрел газеты. Ни одна из них ни словом не обмолвилась о событиях, которые занимали его со вчерашнего дня.

На шоссе было оживленное движение, и, даже включив сирену, он смог добраться до участка только в тридцать пять минут девятого.

Через десять минут позвонил начальник полиции.

– Следствие ведется?

– Да.

— По каким направлениям?

— Послано на анализ вещественное доказательство — бумага. Психологи изучают текст. Откомандировал человека на почту.

— Имеются результаты?

— Пока нет.

— У вас есть какая-нибудь версия?

— Нет.

Молчание.

— Мои сведения об этом издательстве недостаточны, — сказал Йенсен.

— Желательно их освежить.

— Да.

— Еще желательнее, чтобы вы нашли источники информации вне концерна.

— Понял.

— Я порекомендовал бы вам обратиться в министерство, например, к государственному секретарю по вопросам печати.

— Понял.

— Вы читаете их журналы?

— Нет. Но я начну.

— Хорошо, только ради бога постарайтесь не вызывать нареканий со стороны шефа и его кузена.

— Если я назначу кого-нибудь из патруля в личную охрану, вы не будете возражать?

— Для кого охрану? Для шефа с братом?

— Да.

— Без их ведома?

— Да.

– Вы считаете такой шаг обоснованным?

– Да.

– И вы думаете, ваши люди справятся с таким щекотливым поручением?

– Да.

За этим последовало столь продолжительное молчание, что Иенсен невольно взглянул на часы. Он слышал, как дышит начальник, слышал, как тот постукивает чем-то по столу, скорей всего авторучкой.

– Иенсен!

– Слушаю!

– С этой минуты следствие целиком передоверено вам. Я не желаю ничего знать ни о ваших методах, ни о ваших действиях.

– Понимаю.

– За все отвечаете вы. А я на вас полагаюсь.

– Понял.

– Общие установки ясны?

– Да.

– Желаю удачи.

Комиссар Иенсен пошел в туалет, набрал там воды в бумажный стаканчик и вернулся к своему столу. Выдвинув ящик стола, достал оттуда пакетик с питьевой содой, высыпал в стаканчик ложки три – на глазок – и размешал ручкой.

За двадцать пять лет службы в полиции Иенсен видел начальника один раз, а не говорил с ним ни разу – до вчерашнего дня. Зато со вчерашнего они уже успели поговорить по телефону пять раз.

Соду он выпил залпом, стаканчик смял и кинул в кор-

зинку для бумаг, потом позвонил в лабораторию. Лаборант отозвался сухим, официальным тоном:

– Отпечатки пальцев не обнаружены.

– Вы уверены?

– Разумеется, уверен. Но для нас еще ничего не ясно.

Мы прибегнем к другим методам.

– Конверт?

– Из самых обычных. Ничего нам не даст.

– А бумага?

– Вот бумага особой выработки, И кроме того, надорвана по одному краю.

– Это может служить какой-то нитью?

– Допускаю.

– Еще что?

– Ничего. Мы продолжаем работу.

Иенсен положил трубку, подошел к окну и поглядел вниз на цементированный двор участка. У входа в подвал стояли двое полицейских в резиновых сапогах и непромокаемых комбинезонах. Они разматывая шланги собирались мыть камеры. Иенсен распустил ремень, чтобы легче было дышать, пока газы, распиравшие желудок, не выйдут через пищевод.

Зазвонил телефон. Это звонил полицейский, который был откомандирован на почту.

– Боюсь, что скоро мне не управиться.

– Расходуйте столько времени, сколько нужно, но ни секундой больше.

– Как часто докладывать?

– Каждое утро в восемь ноль-ноль письменно.

Иенсен положил трубку, надел фуражку и вышел из комнаты.

Министерство средств информации было расположено в самом центре города, между королевским дворцом и главной канцелярией объединенных партий страны. Кабинет государственного секретаря по делам печати, с видом на дворец, находился на третьем этаже.

— Концерн являет нам пример идеального руководства, — сказал он. Концерн — это краса и гордость свободного предпринимательства.

— Понимаю.

— Единственное, чем я могу помочь вам, — это сообщить некоторые статистические данные.

Он взял со стола какую-то папку и рассеянно полистал ее.

— Концерн выпускает сто сорок четыре различных издания. В прошлом году общий тираж их составлял двадцать один миллион триста двадцать шесть тысяч четыреста пятьдесят три экземпляра в неделю.

Иенсен записал на карточке: «21 326 453».

— Это очень высокая цифра. Она свидетельствует о том, что наша страна имеет самую высокую читательскую активность в мире.

— А еще где-нибудь еженедельники издаются?

— Очень немного. Их печатают всего несколько тысяч экземпляров — для весьма ограниченного круга читателей.

Иенсен кивнул.

— Но издательство представляет собой, разумеется, лишь одну из ветвей концерна.

— А что еще в него входит?

— По моему ведомству речь идет о ряде типографий, печатающих главным образом газеты.

- Сколько именно?
- Чего, типографий? Тридцать шесть.
- А сколько газет они выпускают?

– Около ста... Одну минуточку... – Секретарь порылся в бумагах. – Сто две – на сегодняшний день. Ибо газетное дело на редкость непостоянно. Одни газеты закрываются, вместо них возникают другие.

– Почему?

– Чтобы лучше отвечать новым запросам и улавливать дух времени.

Иенсен кивнул.

– Общий тираж газет за истекший год...

– Какой же?

– У меня есть только сводные цифры, для всей страны. Девять миллионов двести шестьдесят пять тысяч триста двенадцать экземпляров ежедневно. Но это и есть примерно та цифра, которая вас интересует. Выходит, правда, несколько газет, не зависящих от концерна. Но они испытывают затруднения с подписчиками, и тиражи у них ничтожные. Если вы сократите приведенные мной цифры тысяч на пять, вы получите искомый результат.

Иенсен записал на ту же карточку: «9 260 000». И спросил:

- А кто занимается вопросами подписки?
- Демократическое объединение издателей.
- Там представлены все газеты?

– Да, за исключением тех, чьи тиражи не превышают пяти тысяч экземпляров.

– Почему?

– Более низкие тиражи нерентабельны. Практически

концерн незамедлительно закрывает те газеты, чей тираж упал ниже приведенной цифры.

Иенсен сунул карточку в карман.

– Другими словами, концерн контролирует все газеты, выходящие в стране?

– Если угодно. Но я считаю своим долгом подчеркнуть, что это в высшей степени разносторонние издания, заслуживающие всяческой похвалы. И прежде всего заслуживают похвалы наши еженедельники, доказавшие, что они способны без лишнего шума и суеты удовлетворять все законные вкусы и предпочтения наших читателей. Ибо раньше пресса зачастую возбуждала и тревожила читательские круги. Теперь совсем другое дело. Теперь оформление и содержание служат одной цели – нести нашим читателям пользу и... и... – секретарь бросил взгляд в папку и перевернул страницу... – и радость. Они принимают в расчет семью, они хотят быть доступными для всех и не порождать при этом агрессивности, недовольства или беспокойства. Они удовлетворяют также естественную потребность человека наших дней уйти от действительности. Короче говоря, они служат созданию единого общества.

– Ясно.

– До того как проблема единого общества была решена, издание газет носило раздробленный характер. Политические партии и профсоюзы издавали свои газеты. Но по мере того как эти газеты сталкивались с экономическими трудностями, концерн либо закрывал, либо присоединял их. И многие сумели выжить именно благодаря...

– Чему же?

– Именно благодаря тем принципам, которые я только что перечислил. Благодаря способности подарить своим читателям душевное спокойствие и уверенность. Благодаря способности быть простыми и общедоступными, способности угадать вкусы современного человека, способности постичь его умственные потребности.

Иенсен кивнул.

– Я не нахожу ни малейшего преувеличения в утверждении, что единая пресса больше, чем все иные средства, содействовала консолидации общества, уничтожению пропастей, отделяющих одну политическую партию от другой, монархию от республики, так называемый правящий класс от...

Он умолк, посмотрел в окно и продолжал:

– И не нахожу ни малейшего преувеличения в утверждении, что заслуга принадлежит главным образом руководителям концерна. Это редкостные... исключительные люди, высоких... высоких моральных качеств. Они начисто лишены тщеславия, они не гонятся ни за почестями, ни за властью, ни за...

– За богатством?

Секретарь бросил быстрый, недоверчивый взгляд на человека, сидящего в кресле для посетителей.

– Вот именно.

– Какие еще сферы контролирует концерн?

– Понятия не имею, – рассеянно откликнулся секретарь, – подписку и доставку, производство тары, пароходства, мебельную промышленность, само собой, бумажную промышленность и... и вообще это не по моей части.

Он устремил взгляд на Иенсена:

– Не думаю, что могу дать вам сколько-нибудь исчерпывающие сведения. Кстати, зачем вам все это понадобилось?

– Приказ, – сказал комиссар Иенсен.

– Чтобы переменить тему: как отразилось на статистике расширение прав полиции?

– Вы имеете в виду статистику самоубийств?

– Именно.

– Положительно.

– Очень рад это слышать.

Комиссар Иенсен задал еще четыре вопроса.

– Не противоречит ли деятельность концерна антитрестовскому закону?

– Не знаю, я не юрист.

– Каковы обороты издательства?

– Это дело налогового управления.

– А личное состояние владельцев?

– Ну, это трудно подсчитать.

– Вы сами служили в концерне?

– Служил.

На обратном пути Иенсен зашел в кафе-автомат, выпил чашку чаю и съел два ржаных сухарика.

За едой он размышлял о том, что кривая самоубийств заметно пошла вниз после принятия закона об усилении наказания за пьянство. Ибо вытрезвители не ведут статистического учета, а самоубийства в камерах полицейских участков заносятся в рубрику скоропостижных смертей. Хотя надзор там поставлен очень хорошо, это случается не так уж редко.

Когда он прибыл в шестнадцатый участок, было уже

без малого два и пьяниц доставляли целыми партиями. С утра наплыв бывает не так велик, потому что полицейские избегают задерживать их до полудня. Это диктуется чисто гигиеническими соображениями – необходимостью предварительно продезинфицировать камеры.

Врач стоял в дежурке, облокотясь на барьер одной рукой, и курил. Халат у него был помятый, в кровавых пятнах. Иенсен посмотрел на него с явным неодобрением. Но врач неправильно истолковал этот взгляд и сказал:

– Ничего страшного. Так, один бедолага... Он уже скончался. Я опоздал.

Иенсен кивнул.

Веки у врача припухли и покраснели, на ресницах висели засохшие кусочки гноя.

Он задумчиво посмотрел на Иенсена и спросил:

– А правду говорят, что вы до сих пор не провалили ни одного расследования?

– Да, – ответил комиссар Иенсен. – Правду.

7

На столе в его кабинете лежали журналы, которые он приказал доставить. Сто сорок четыре журнала, разложенных на четыре стопки, по тридцать шесть в каждой.

Комиссар Иенсен выпил соды и отпустил ремень еще на одну дырочку. Потом сел и взялся за чтение.

Журналы различались по формату, иллюстрациям и числу страниц. Одни были напечатаны на глянцевой бумаге, другие на простой. Сравнение показало, что это определяет и цену.

У всех были цветные обложки с изображением ковбоев, суперменов, членов королевских фамилий, певцов, телезвезд, известных политических деятелей, детей и животных. На некоторых обложках были сразу и дети и животные во всевозможных сочетаниях: например, девочки с котятами, белокурые мальчуганы со щенками, мальчуганы с громадными псами и девочки-подростки с маленькими кошечками. Все люди на обложках были красивые, все голубоглазые и с приветливыми лицами. Все, включая детей и домашних животных. Когда Иенсен взял лупу и более внимательно рассмотрел некоторые иллюстрации, он заметил, что на всех лицах лежит отпечаток безжизненности, словно кто-то удалил с них родинки, поры, синие прожилки.

Комиссар Иенсен начал читать журналы, как обычно читал донесения, быстро, но внимательно, ничего не пропуская, если не был убежден заранее, что это ему уже знакомо. Примерно через час он заметил, что знакомые места встречаются все чаще.

К половине двенадцатого он проработал семьдесят два журнала — ровно половину. Он спустился вниз, перекинулся несколькими словами с дежурным на телефоне и выпил в буфете стакан чаю. Несмотря на стальные двери и капитальные кирпичные перекрытия, из подвала доносились бранчливые выкрики и жалобные вопли. По дороге к себе в кабинет он заметил, что полицейский в зеленом полотняном кителе читает один из тех журналов, которые он только что изучал. А на полочке за барьером ждут своей очереди еще три.

На изучение второй половины у Иенсена ушло в три

раза меньше времени. Без двадцати три он перевернул последнюю глянцевую обложку и поглядел в лупу на последнее приветливое лицо.

Проведя кончиками пальцев по щекам, он нашел, что кожа у него дряблая и несвежая. Спать ему даже и не особенно хотелось, а стакан чаю, выпитый в буфете, до сих пор так заметно напоминал о себе, что есть не хотелось тоже.

Иенсен на мгновение расслабил плечи, поставил левую руку на подлокотник и подпер ладонью голову. В такой позе он посидел еще немного, глядя на журналы.

Он не вычитал из них ничего интересного, но зато и ничего такого, что показалось бы ему неприятным, тревожным или отталкивающим. Ничего, что могло бы порадовать его, рассердить, огорчить или удивить. Почерпнул некоторые сведения, преимущественно об автомашинах и личностях, занимающих видное положение, но ни одно из этих сведений не могло бы оказать воздействие на чьи-то поступки или образ мыслей. Встречались и элементы критики, но она всегда была направлена либо против известных из истории психопатов, либо в редких случаях — против каких-то частных обстоятельств в каких-то отдаленных странах, да и то лишь изредка и в чрезвычайно сдержанных выражениях.

Выносился на рассмотрение ряд моральных проблем, выуженных преимущественно из телепередач, где кто-то один, к примеру, выругался, а кто-то другой, к примеру, явится нечесаным или небритым. Эти проблемы занимали видное место в большинстве журналов, и при обсуждении их царило полное взаимопонимание, из чего явствовало, что все правы в равной мере. Порой такой вывод напрашивался.

Часть материала составляла фантастика, она и оформлена была как фантастика, с цветными – словно с натуры – иллюстрациями. Подобно статьям, основанным на фактическом материале, фантастика говорила о людях, которые добились успеха в личной жизни или в области экономики. Материал подавался по-разному, но, насколько Иенсен мог судить, в журналах с глянцевогой бумагой подача была не более сложной, чем в массовых выпусках.

Он заметил также, что журналы адресовались к различным классам общества, но содержание их оставалось неизменным. Они хвалили одних и тех же людей, рассказывали те же сказки, и, хотя стиль их не совпадал, при чтении подряд создавалось впечатление, будто все это написано одним автором. Но это, разумеется, была мысль, лишенная каких бы то ни было оснований.

Столь же неосновательной представлялась мысль, что кого-нибудь может задеть или возмутить написанное в этих журналах. Авторы, правда, весьма часто «переходили на личности», но всякий раз это были личности, известные высокими моральными принципами и прочими добродетелями. Можно было предположить, что некоторые добившиеся почета личности упоминаются реже, чем другие, или не упоминаются вовсе, но это было дело темное, да и маловероятное к тому же.

Комиссар Иенсен достал из нагрудного кармана маленькую белую карточку. И написал четким убористым почерком: «144 журнала. Улик никаких».

По дороге домой Иенсен вдруг почувствовал, что ему хочется есть. Он остановился перед автоматом, опустил монету, получил два бутерброда в целлофановой обертке и съел их прямо за рулем.

Пока он добрался до дому, в правом подреберье опять начались сильные боли.

Разделся он в темноте, достал бутылку и стакан, откинул одеяло и сел на кровать.

8

– Донесения должны поступать ко мне ежедневно до девяти. В письменном виде. Все, что вы сочтете важным.

Начальник патруля наклонил голову и молча ушел.

Была среда, две минуты десятого.

Комиссар Иенсен подошел к окну и посмотрел, как полицейские в защитных комбинезонах разматывают шланги и поливают камеры дезинфекционным раствором.

Потом Иенсен снова сел за стол и еще раз просмотрел донесения. Два из них были предельно кратки.

От того, кто был откомандирован на почтамт: «Письмо отправлено из западной части города не ранее двадцати одного часа в воскресенье и не позднее десяти часов утра в понедельник».

От лаборанта: «Проведен анализ бумаги. Бумага белая, без примесей, высокого качества. Место изготовления пока не установлено. Способ заклейки: обыкновенный канторский клей, фотопленка, разведенная ацетоном. Производство – не поддается определению».

От психолога: «Не исключено, что отправителем был человек с ярко выраженной вязкостью психики или человек с угнетенной психикой и, возможно, с навязчивыми представлениями. Совершенно исключается возможность неустойчивой психики. Во всяком случае, можно устано-

вить, что обвиняемый человек пунктуальный, причем пунктуальность его граничит с педантизмом или со скрупулезностью. Кроме того, у обвиняемого наблюдается профессиональная привычка к выступлениям, устным или печатным, скорее ко вторым, и привычка, сложившаяся довольно давно. Само изготовление письма говорит о большой тщательности как с технической стороны, так и со стороны текста; например, подбор шрифта (все буквы одинаковой величины) и почти абсолютная ровность строк указывают, как мы уже неоднократно убеждались, на вязкость психики и скованность мышления. Некоторые особенности лексики указывают на то, что автор-мужчина не первой молодости и несколько чудаковатый. Ни одно из этих положений не подкрепляется доказательствами достаточно вескими, чтобы его можно было счесть бесспорным, но зато каждое из них может послужить руководством для дальнейших поисков».

Это донесение было отстукано на машинке небрежно, торопливо, со множеством опечаток и исправлений.

Комиссар Иенсен аккуратно сунул все три донесения в дырокол, пробил их, спрятал в зеленую папку и переложил папку налево от себя. Потом он встал, надел фуражку, китель и вышел из комнаты.

Погода за это время не испортилась. Так же резал глаза невыносимый солнечный свет, но настоящей жары пока не было, и небо ослепляло холодной синевой, и даже воздух, несмотря на пары бензина, оставался чистым и свежим. Казалось, что пешеходы на тротуарах просто отлучились ненадолго от своих машин. Как обычно, все они были хорошо одеты и, как обычно, походили друг на друга. Дви-

гались они нервно и торопливо, словно до смерти хотели залезть обратно в свои машины.

Только под их надежным кровом они могли чувствовать себя в безопасности. Поскольку автомобили все-таки различались ну хотя бы по цвету, размерам, форме кузова, мощности, они и своим владельцам придавали какие-то личные черты, более того, даже порождали некоторую солидарность: у людей в одинаковых машинах возникало чувство принадлежности к какой-то определенной социальной категории, категории равнозначных, и это чувство казалось более реальным, чем единое общество.

Все эти мысли Иенсен вычитал в циркуляре министерства общественных проблем. Циркуляр составили крупные психологи и разослали руководящим чинам полиции с пометкой «Совершенно секретно».

Проезжая по южной стороне площади, перед монументом Рабочего он заметил в зеркальце заднего вида точно такую же машину, как и его собственная. Должно быть, в ней сидел комиссар соседнего участка, то ли пятнадцатого, то ли семнадцатого.

По дороге Иенсен рассеянно ловил одним ухом писк своего коротковолнового приемника — через равные промежутки времени приемник передавал краткие шифрованные приказы из радиоцентра пикетам и патрулирующим машинам. Иенсен знал, что репортеры могут свободно подслушивать эту радиосвязь. Но за исключением дорожных происшествий, не случалось почти ничего сколько-нибудь интересного и сенсационного.

Иенсен подал машину на стоянку и загнал ее в промежуток между черными автомобилями шефов и белым — директора.

К нему тотчас подскочил охранник в белой форме и красной фуражке. Иенсен показал ему свой значок и прошел в Дом.

Скоростной лифт автоматически доставил его сразу на восемнадцатый этаж, но, пока Иенсена допустили перед светлые очи, прошло по меньшей мере минут двадцать. Чтобы скоротать время, Иенсен разглядывал модели пассажирских судов, названных одно в честь премьер-министра, другое – в честь его величества.

Секретарша в зеленом платье и с потупленным взором пригласила его войти. Комната как две капли воды походила на ту, где он был позавчера, разве что кубки в витрине были чуть поменьше да вид из окна другой.

Первый директор на мгновение перестал полировать ногти и пригласил Иенсена садиться.

– Ну как, дело уже закончено?

– К сожалению, нет.

– Если вам нужна помощь или более сложная информация, мне поручено оказывать вам всяческое содействие. Итак, я к вашим услугам.

Иенсен кивнул.

– Хотя я должен предупредить вас, что немыслимо занят.

Иенсен взглянул на кубки и спросил:

– Вы увлекаетесь спортом?

– Я член общества любителей природы. До сих пор активный. Парусный спорт, рыбная ловля, стрельба из лука, гольф... Ну, разумеется, мне далеко до...

Директор стыдливо улыбнулся и неопределенным жестом указал на дверь. Через несколько секунд уголки его

рта снова опустились. Он поглядел на свои часы, большие, элегантные часы с широким золотым браслетом.

– Итак, чем могу быть полезен?

Комиссар Иенсен давно уже составил в уме те вопросы, которые собирался задать.

– Имели у вас место какие-нибудь события, которые могли бы удовлетворительно объяснить выражение «совершенное вами убийство»?

– Конечно, нет.

– Значит, вы не можете увязать это выражение с каким-нибудь конкретным случаем?

– Нет, я ведь уже сказал, что нет. Идиотская выдумка, и писал идиот – вот единственное мыслимое объяснение.

– И смертных случаев никаких не припомните?

– Во всяком случае, за последнее время – никаких. Впрочем, по этому вопросу вам лучше обратиться к директору по кадрам. Я ведь, по сути дела, журналист, отвечаю за содержание и оформление журналов. Вдобавок...

– Что вдобавок?

– Вдобавок вы пошли по ложному следу. Неужели вы сами не видите, как абсурден такой ход мыслей?

– Какой?

Директор посмотрел на него растерянно.

– И еще один вопрос, – сказал Иенсен. – Если мы предположим, что автор письма намеревался просто насолить руководителям издательства или одному из них, в каком кругу нам следует его искать?

– Ну, это пусть решает полиция. Я уже выразил свою точку зрения: в кругу сумасшедших.

– Существуют ли отдельные индивидуумы или группа

таковых, которые могли бы питать антипатию к издательству или его руководителям?

– Вы наши журналы знаете?

– Я их читал.

– Тогда вы должны были понять, что вся наша политика к тому и сводится: не пробуждать недовольства, агрессивности, разногласий. Мы издаем журналы здоровые и развлекательные. Они меньше всего способны усложнить жизнь читателя и смутить его чувства.

Директор сделал небольшую паузу, после чего подвел итоги:

– У нашего издательства нет врагов. У его руководителей – тоже. Сама мысль об этом нелепа.

Комиссар Иенсен все так же прямо и неподвижно сидел в кресле для посетителей. Лицо его по обыкновению ничего не выражало.

– Не исключено, что мне придется произвести розыск в самом здании.

– Не забывайте о необходимости соблюдать строжайшую тайну, – немедленно отозвался директор. – Только шеф, издатель да еще я знаем, чем вы здесь занимаетесь. Мы, конечно, постараемся помочь вам по мере возможности, но повторяю: никто не должен знать, что полиция интересуется нашим издательством, и прежде всего не должны знать об этом наши служащие.

– Вести следствие немисливо без известной свободы передвижения.

Директор задумался, потом ответил:

– Я могу дать вам универсальный ключ и выписать удостоверение, которое позволит вам посещать все отделы.

– Хорошо.

– Оно... оно, так сказать, оправдывает ваше присутствие.

Директор постучал костяшками пальцев по краю стола. Потом улыбнулся доверительно, с заговорщическим видом и сказал:

– Пожалуй, я сам напишу и оформлю ваше удостоверение. Так будет лучше. – И словно мимоходом нажал кнопку возле телефона. Тотчас же откинулся какой-то щиток, и на выдвижную доску стола плюхнулась пишущая машинка. Машинка обтекаемой формы блистала хромом и лаком и, казалось, никогда не бывала в употреблении.

Директор выдвинул какой-то ящик, достал оттуда синюю карточку. Пересел на табурет, легким движением вставил ее в машинку. Немножко поколдовал над рычагом интервалов, задумчиво почесал указательным пальцем переносицу, пробежал по клавиатуре и, сдвинув очки на лоб, посмотрел, что у него получается. Потом выдернул карточку из машинки, смял ее и бросил в корзину для бумаг, а из ящика достал новую.

На сей раз он писал медленно и старательно. После каждого удара по клавишам сдвигал очки и смотрел, хорошо ли вышло.

Когда он скомкал и кинул в корзину второй бланк, улыбка у него была уже не столь доверительная.

Он достал еще один бланк. А потом – сразу пять.

Комиссар Иенсен сидел прямо и неподвижно, при первом взгляде казалось, что он смотрит мимо, на кубки и флажок.

Испортив седьмой бланк, директор окончательно перестал улыбаться. Он расстегнул воротник, распустил

галстук, достал из нагрудного кармана черную авторучку с серебряной монограммой и принялся составлять черновик на белом листке почтовой бумаги с неброской маркой фирмы.

Комиссар Иенсен ничего не говорил и все так же смотрел мимо. Капля пота сбежала по директорскому носу и упала на бумагу.

Директор вздрогнул, словно в ознобе, и продолжал писать, царапая пером. Потом скомкал бумагу и швырнул ее под стол. Бумага не попала в корзину, а легла прямо к ногам Иенсена.

Директор встал, подошел к окну, открыл его и постоял немного спиной к посетителю.

Комиссар Иенсен быстро глянул на скомканный черновик, поднял его и сунул в карман.

Директор закрыл окно и с улыбкой сел за стол. Он застегнул воротник, поправил шелковый галстук и нажатием кнопки убрал машинку. Потом нажал какую-то другую кнопку и сказал в микрофон:

– Выпишите господину Иенсену пропуск на право свободного входа в издательство. Он из строительного надзора. Срок годности – по воскресенье включительно. К пропуску приложите универсальный ключ.

Голос звучал сурово, холодно и повелительно, но улыбка оставалась неизменной.

Ровно через девятнадцать секунд пришла женщина в зеленом и принесла ключ и пропуск. У директора появилось на лице брюзгливое выражение, он окинул пропуск критическим взором и сказал, пожав плечами:

– Ну ладно, сойдет и так.

Что-то мелькнуло во взгляде секретарши.

– Я же сказал, что сойдет и так, – резко повторил директор. – Я вас не задерживаю.

Он размашисто подписался, протянул ключ и пропуск Иенсену.

– Ключ подходит к дверям всех отделов, какие только могут заинтересовать вас. Разумеется, кабинет шефа он не откроет, и эту дверь тоже.

– Благодарю.

– У вас есть еще вопросы? В противном случае...

Директор сокрушенно поглядел на свои часы.

– Еще одна незначительная деталь, – сказал Иенсен. – Что представляет собой особый отдел?

– Это проектная группа, она создает проекты новых журналов.

Иенсен молча кивнул, спрятал ключ и синюю карточку в нагрудный карман и вышел из кабинета.

Прежде чем завести мотор, он достал скомканный лист бумаги, разгладил его и провел по нему кончиками пальцев. Бумага была очень высокого качества, и формат ее казался необычным.

Почерк у директора был небрежный и угловатый, как у ребенка, но вполне разборчивый. Иенсен прочел:

«Инспектору стройнадзора настоящим...

Господин Н. Иенсен представитель стройнадзора и пользуется правом свободного доступа во все отделы, за исключением...

Н. Иенсен – сотрудник стройнадзора и может посещать...

Господину Иенсену, подателю сего, настоящим разрешается доступ...

Господин Иенсен из стройнадзора наделен особыми полномочиями...

Комиссар комиссар комиссар...

Господин Иенсен...

А, ЧТОБ ТЫ СДОХ...»

Иенсен сложил бумагу и сунул ее в тайник, где у него лежал пистолет. Пригнувшись к боковому стеклу, глянул на Дом. Взгляд у него был спокойный и ничего ровным счетом не выражал.

Опять засосало под ложечкой. Иенсен проголодался, но знал, что, стоит ему съесть хоть самую малость, сразу же начнутся боли.

Иенсен повернул ключ зажигания и засек время.

Половина первого – и уже среда.

9

– Нет, – сказал лаборант, – Бумага другая. Формат не совсем тот. Но...

– Что «но»?

– Большой разницы в качестве нет. Одинаковая структура. Очень, очень много общего.

– Ну и?..

– Представляется вполне правдоподобным, что оба листа изготовлены на одной фабрике.

– Ах, так.

– Мы сейчас делаем анализ. Во всяком случае, это не исключено, Лаборант как будто задумался и мгновение спустя добавил: – Скажите, а записи на втором листе имеют какое-нибудь отношение к делу?

– Вы почему спрашиваете?

– К нам заходил один врач из психиатрической лечебницы и случайно увидел этот листок. Он тотчас пришел к выводу, что человек, исписавший листок, страдает так называемой алексией, то есть неспособен читать и понимать прочитанное. Он в этом абсолютно уверен.

– Кто допустил вашего психиатра к материалам следствия?

– Я. Он случайно зашел к нам, и оказалось, что мы знакомы.

– Я подам на вас рапорт. – И Иенсен положил трубку. – «Абсолютно уверен». «Очень, очень много общего», – повторил Иенсен себе самому.

Потом он прошел в туалет, налил воды в стакан, всыпал туда три ложечки соды, размешал авторучкой и выпил.

Достал из кармана универсальный ключ. Ключ был длинный, плоский, и бородка какой-то странной формы. Иенсен подержал его на ладони и мельком взглянул на часы.

Было двадцать минут четвертого, и среда все еще не кончилась.

10

Из вестибюля Иенсен пошел налево, сел в патерностер¹ и поехал вниз. Непрерывная цепь кабин двигалась медленно, с лязгом и скрежетом, а Иенсен тем временем старался увидеть по дороге все, что можно увидеть из кабины. Сперва проплыл мимо огромный зал, где электрокары

¹ Патерностер – фуникулер.

сновали по узким проходам между штабелями увязанных в пачку свежих журналов, ниже — люди в комбинезонах развозили на тележках отливные формы и оглушительно грохотали ротационные машины. Еще ниже — душевые, туалеты, раздевалки со скамейками и длинными рядами металлических зеленых шкафчиков. На скамейках сидели люди: отдыхали, наверно, или у них кончилась смена. Многие вяло перелистывали пестрые страницы свежих журналов — только-только из-под пресса скоропечатной машины. Но тут путешествие закончилось, и Иенсен очутился в бумажном складе. В складе царила тишина, не полная, конечно, ибо звуки и шумы, пронизывающие огромное здание, доносились и сюда биением мощного пульса.

Иенсен немного проплутал в потемках среди пухлых тюков и поставленных стоймя бумажных рулонов. Единственный человек, который встретился ему, был щуплый паренек в белом халате. Паренек испуганно воззрился на Иенсена, зажав в кулаке горящую сигарету.

Иенсен выбрался из склада и поехал наверх. На уровне первого этажа у него объявился попутчик — мужчина средних лет в сером костюме. Мужчина вошел в ту же кабину и поднялся вместе с ним до десятого этажа, где надо было пересаживаться на другой лифт. Всю дорогу он молчал и даже не глядел в сторону Иенсена. После пересадки на десятом этаже Иенсен заметил, что серый костюм прыгнул в следующую кабину патерностера.

На двадцатом этаже Иенсен пересел в третий лифт, и через четыре минуты лифт поднял его на самый верх.

Иенсен очутился в узком бетонированном коридоре без

окон, без ковров на полу. Коридор описывал правильный четырехугольник вокруг скопления лестниц и лифтовых механизмов, а по внешней стороне его шли белые двери. Слева от каждой двери была укреплена металлическая табличка с одним, двумя, тремя или четырьмя именами. Освещался коридор мертвенно-синим светом люминесцентных ламп, укрепленных на потолке,

Из табличек явствовало, что Иенсен попал в отдел массовых изданий. Он спустился на пять этажей, перед ним по-прежнему был отдел массовых изданий. Коридоры были почти безлюдны, но из-за дверей доносились голоса и стук пишущих машинок. На каждом этаже висели доски объявлений преимущественно с сообщениями и приказами по издательству. Еще там были часы с боем и контрольные часы для ночных вахтеров и специальное устройство на потолке, чтобы автоматически выключать свет.

На двадцать четвертом этаже помещались четыре разные редакции. Иенсен узнал названия журналов и припомнил, что все они довольно просты по оформлению и содержат главным образом рассказы с цветными иллюстрациями.

Иенсен не спеша шел вниз. На каждом этаже он проходил четыре коридора: два – подлинней, два – покороче, словом, четыре стороны прямоугольника. И здесь были такие же белые двери и такие же голые стены. Если не считать разных имен на табличках, верхние семь этажей почти ничем не отличались друг от друга. Все было вычищено, вылизано, нигде ни малейших следов беспорядка, всюду безукоризненная чистота. Из-за дверей доносились голоса, телефонные звонки да изредка стук пишущих машинок.

Иенсен остановился возле доски объявлений и прочел:

«Не позволяй себе пренебрежительных высказываний о самом издательстве или его журналах.

Запрещается прикреплять картинки или предметы подобного рода на наружной стороне дверей.

Будь всегда и всюду представителем своего издательства! Даже в нерабочее время. Помни, что тебе как представителю подобает обдуманность, достоинство и чувство ответственности.

Пренебрегай необоснованной критикой. Помни, что «уход от действительности» и «лживость» суть синонимы «поэзии» и «воображения».

Ни на мгновение не забывай, что ты являешься представителем своего издательства и своего журнала. Даже в нерабочее время!

Самые «правдивые» репортажи не всегда самые хорошие. Правда – это такой товар, который требует от современной журналистики крайне осторожного обращения. Не думай, что все любят ее так же, как ты.

Твоя задача – развлекать нашего читателя, пробуждать в нем полет мечты. В твою задачу не входит шокировать, будоражить, беспокоить, а также «открывать ему глаза» и «воспитывать».

Висели на доске и другие инструкции примерно такого же вида и содержания. Большинство из них было подписано руководством издательства, дирекцией концерна и лишь некоторые – лично издателем. Иенсен прочел все, потом отправился вниз.

Чем ниже, тем, судя по всему, крупнее и элегантнее становились журналы. И обстановка менялась: здесь вдоль коридоров лежали светлые ковры, стояли кресла из металлических трубок и хромированные пепельницы.

Чем ближе к восемнадцатому этажу, тем заметнее возрастала эта холодная элегантность, чтобы с восемнадцатого опять пойти на убыль. Дирекция занимала четыре этажа, ниже помещался административный отдел, отдел подписки, доставки и тому подобное. Тут снова пошли голые коридоры, громче стал перестук машинок, и все тот же холодный, белый, режущий свет.

Комиссар Иенсен проходил этаж за этажом. Когда он добрался до вестибюля, часы показывали уже без малого пять. Всю дорогу вниз он проделал пешком и потому испытывал некоторую усталость в икрах и коленях.

Минуты через две по лестнице спустился мужчина в сером костюме. Иенсен ни разу не видел его с тех пор, как час тому назад они расстались у лифта на десятом этаже. Человек вошел в будку охранника перед главным входом. Через стеклянную стену видно было, как он сказал что-то охраннику в форме. После этого человек вытер пот со лба и скользнул по вестибюлю беглым равнодушным взглядом.

Часы пробили пять, и точно через минуту открылись двери перегруженного автоматического лифта, который первым спустился вниз.

Людской поток не иссякал примерно с полчаса, потом начал редеть. Комиссар Иенсен стоял, заложив руки за спину, задумчиво покачивался на носках и глядел, как люди спешат к дверям. За дверями они рассыпались в разные стороны к своим автомобилям и исчезали в них, робкие и какие-то сутулые.

Без четверти шесть вестибюль совершенно опустел. Застыли лифты. Люди в белой форме заперли входные двери и тоже ушли. Только человек в сером костюме будто присох за стеклянной перегородкой. На дворе почти стемнело.

Комиссар Иенсен вошел в алюминиевую кабину одного из лифтов и нажал верхнюю кнопку на распределительном щите. Молниеносно, словно подхваченный вихрем, долетел лифт до восемнадцатого этажа, створки дверей разъехались, потом сомкнулись, и лифт понесся дальше.

Коридоры, где помещались редакции массовых изданий, были освещены ярко, как днем, но звуки за дверями смолкли. Иенсен постоял тихо, прислушиваясь, и секунд через тридцать услышал, как где-то поблизости, примерно этажом ниже, остановился другой лифт. Иенсен подождал, что будет дальше, но шагов не услышал. И вообще ничего не услышал, хотя тишина почему-то не казалась полной. Лишь приложив ухо к бетонированной стене, он уловил пульсирующий стук отдаленных машин. Через некоторое время стук этот стал более внятным, назойливым и нестерпимым, как смутное ощущение боли.

Иенсен выпрямился и проследовал по коридору. На всем пути его сопровождал стук. Там, где лестницы обрывались, были две стальные двери, крытые белым лаком. Одна – побольше, другая – поменьше, и обе без ручек. Он достал из кармана ключ с диковинной бородкой, попробовал сперва открыть первую, ту, что поменьше, но ключ не подошел. Зато вторая открылась сразу, и Иенсен увидел перед собой узкую крутую лестницу, тоже бетонную. Лестница скупо освещалась двумя небольшими матовыми

плафонами. Иенсен поднялся по этой лестнице, открыл еще какую-то дверь и очутился на крыше.

Уже совсем стемнело, задувал холодный и неприветливый ветер. По краю плоской крыши шла кирпичная балюстрада высотой около метра. Глубоко внизу лежал город, испещренный миллионами холодных белых огоньков. В центре крыши стоял десяток невысоких дымовых труб. Из двух валил дым, и, несмотря на ветер, воздух здесь был едкий, тяжелый и удушливый.

Когда он открыл верхнюю, чердачную дверь, ему показалось, будто кто-то в это же мгновение закрыл нижнюю, но, когда он вернулся на тридцатый этаж, там было пусто, безлюдно и тихо. Еще раз он попытался отпереть ту дверь, что поменьше, но дверь упрямо не поддавалась. Скорей всего, это была дверь в какое-нибудь машинное отделение, какую-нибудь диспетчерскую лифтов или электрораспределитель.

Он еще раз обошел замкнутый четырехугольник коридоров, по профессиональной привычке неслышно и осторожно ступая на своих резиновых подметках. В дальнем коротком коридоре остановился, напряг слух, и тут ему почудились шаги где-то поблизости. Впрочем, звук шагов тотчас смолк и на поверку мог оказаться эхом.

Иенсен опять достал из кармана ключ, отпер ближайшую дверь и оказался в помещении какой-то редакции. Комната по своим размерам незначительно превосходила арестантские камеры в подвале шестнадцатого участка, стены и потолок в ней были голые, выбеленные, а пол — светло-серый. Меблировка состояла из трех белых же письменных столов, занимавших чуть ли не всю комнату,

да еще в оконной нише примостился хромированный аппарат внутреннего телефона. На столах лежали бумаги, рисунки, линейки, рейсфедеры – все в строгом порядке.

Комиссар Иенсен остановился перед одним из столов, разглядывая цветную вкладку, разделенную на четыре части и явно входящую в какую-то серию. Рядом лежал отпечатанный текст с надписью: «Оригинальная рукопись из авторского отдела».

На первом рисунке была изображена сцена в ресторане. Белокурая, чрезвычайно пышногрудая дама в блестящем платье с большим декольте сидела за столом. Против нее сидел мужчина в синей полумаске, облегающем трико и с широким кожаным поясом. На груди у него был вышит череп. На заднем плане виднелись эстрадный оркестр, люди в смокингах и бальных туалетах, а на столе стояли бутылка шампанского и два фужера. Следующий рисунок изображал все того же мужчину в необычном костюме. Вокруг головы его светился нимб, правую руку он сунул в какое-то странное сооружение, напоминающее примус. Третий рисунок изображал все тот же ресторан, но теперь мужчина в трико как бы висел над столом, а белокурая дама безучастно на него взирала. И наконец, последняя иллюстрация представляла все того же мужчину; он по-прежнему парил в воздухе, а на заднем плане сверкали звезды. Из перстня, украшавшего указательный палец его правой руки, вырастала гигантская ладонь, а на ладони этой лежал апельсин.

Иллюстрации были частью закрашены белой краской, где – по верхнему краю, где – в виде овалов, приклеенных к ослепительным зубам героев. И поверх этой краски шли

краткие разборчивые тексты, наведенные тушью, но еще не законченные:

«В тот же вечер Синий Леопард и богатая Беатриса встретились в самом роскошном ресторане Нью-Йорка.

— Мне кажется... у меня такое странное чувство... мне кажется, что я... что я... тебя люблю.

— Что? Мне показалось, будто луна покачнулась.

Синий Леопард тайком вышел из зала и надел свой волшебный перстень.

— Прости, я должен на минуту покинуть тебя. По-моему, с луной что-то неладно.

И еще раз в течение вечера покинул Синий Леопард любимую женщину, покинул, чтобы спасти вселенную от верной гибели: проклятые крисмомомпы затеяли... «

Иенсен узнал эти фигуры. Точно такие он видел вчера в одном из просмотренных журналов.

Перед самым столом на стене висело приколотое кнопками и написанное по трафарету объявление.

Иенсен прочел:

«За истекший квартал наши тиражи возросли на двадцать шесть процентов. Журнал отвечает насущным потребностям. Перед ним стоят большие задачи. Предмостное укрепление взято. Теперь мы боремся за окончательную победу».

Комиссар Иенсен бросил последний взгляд на иллюстрации, погасил свет и захлопнул за собой дверь.

Спустившись восемью этажами ниже, Иенсен оказался на территории одного из больших журналов. Теперь он совершенно отчетливо и через равные промежутки времени слышал шаги того, кто шел за ним следом. Значит, его подозрение оказалось верным, и Иенсен мог больше не думать об этом.

Он по очереди открыл несколько дверей и всякий раз оказывался в таких же бетонированных камерах, какие уже видел на тридцатом этаже. Здесь на столах лежали картины, изображавшие членов королевских фамилий, кумиров публики, детей, собак и кошек, а кроме того, статьи – либо не до конца переведенные, либо недописанные. По некоторым из них кто-то прошелся красным карандашом.

Он прочел несколько статей и установил, что вычеркивались, как правило, замечания умеренно критического толка и вообще оригинальные рассуждения. Посвящены они были популярным зарубежным артистам.

Кабинет главного редактора был чуть просторнее. И на полу здесь лежал бежевый ковер, и мебель из стальных трубок была обтянута каким-то белым пластиком. А на столе, помимо рупора, стояли два белых телефона, лежала светло-серая пластинка – чтобы удобнее было писать – и чей-то снимок в стальной рамке. На снимке был изображен мужчина средних лет с озабоченным видом, собачьей преданностью в глазах и холеными усами – должно быть, главный редактор собственной персоной.

Иенсен сел за письменный стол. Когда он откашлялся, по всей комнате прошло гулкое эхо. Выглядела она холодно, неприветливо и почему-то казалась больше, чем есть на самом деле. Ни книг, ни журналов в ней не было,

только на белой стене перед столом висела большая фотография в рамке – Дом с фасада в вечернем освещении.

Иенсен выдвинул один за другим несколько ящиков, но ничего интересного не обнаружил. В одном ящике он увидел коричневый, заклеенный по второму разу конверт с надписью «Лично». В конверте лежали цветные фотографии и полоска печатного текста:

«Специальный выпуск международной фотослужбы издательства по льготным ценам для руководящих работников».

На фотографиях были все сплошь голые женщины с большими торчащими грудями. Иенсен тщательно заклеил конверт и положил его на прежнее место. Официального закона, который запрещал бы распространение такого рода фотографий, в стране не существовало, но после эпохи бурного расцвета, имевшего место несколько лет назад, порнографическая продукция почти исчезла с внутреннего рынка. Некоторые круги связывали понижение спроса с катастрофическим падением рождаемости.

Иенсен приподнял светло-серую пластинку и нашел там закрытый циркуляр директора.

Циркуляр гласил:

«Репортаж о состоявшемся в королевском дворце бракосочетании принцессы с руководителем центрального объединения профсоюзов никуда не годится. Многие весьма значительные и близкие издательству лица названы мельком. Упоминание о том, что брат невесты был в молодости рьяным республиканцем, производит отталкивающее впечатление, равно как и «юмористическое» от-

ступление на тему, что руководитель центрального объединения профсоюзов мог бы стать королем. Кроме того, я, как профессионал, возражаю против стилистической сухости в подаче материала. Совершенно незачем было давать корреспонденцию в восьмом номере. Утверждение, что кривая самоубийств в нашей стране пошла вниз, может привести к тревожным выводам, будто раньше число самоубийств в едином обществе было высоким. Есть ли необходимость после всего вышеизложенного напоминать, что тираж журнала до сих пор не растет в соответствии с предписаниями руководства?»

Из примечаний на полях можно было заключить, что копии циркуляра разосланы нескольким руководящим деятелям.

Когда Иенсен снова вышел в коридор, ему почудился за одной из закрытых дверей негромкий хрип.

Он достал ключ, открыл дверь и вошел. В комнате было темно, но слабый отблеск огней фасада чуть заметно освещал фигуру человека, поникшего в кресле у письменного стола. Иенсен притворил за собой дверь и повернул выключатель. Перед ним оказалась самая обыкновенная комната с хромированным окном и бетонированными стенами. В комнате стоял тяжелый, удушливый запах спирта, табака и рвоты.

Мужчине, сидевшему у стола; должно быть, перевалило за пятьдесят. Он был довольно высокого роста, но уже заметно начал полнеть. Костюм его состоял из пиджака, белой рубашки, галстука, ботинок и носков. Брюки лежали на столе — он явно хотел свести с них какие-то пятна, а

подштанники сохли на батарее, Сидел он, упершись подбородком в грудь, и лицо у него пылало. На столе стояли пластмассовый стаканчик и почти пустая бутылка, а на полу между его ногами – алюминиевая корзина для бумаг.

Когда внезапно зажегся свет, мужчина заслонился рукой и из-под ладони посмотрел на посетителя голубыми глазами с множеством красных прожилок.

– Журналистика умерла, – сказал он, – я умер. Все умерло – и, не глядя, нашарил бутылку на столе. – Вот я сижу... в этой чертовой кухне. Безграмотные невежды командуют мной и шпыняют меня. Меня! Из года в год!..

Он схватил бутылку и вылил остаток в стакан.

– Величайшая кухня мира. Триста пятьдесят тысяч порций в неделю. Суп «брехня», безвкусица гарантируется. Из года в год...

Все его тело сотрясалось. Ему пришлось стиснуть стаканчик обеими руками, чтобы поднести его к губам.

– Но теперь баста! – Он достал из ящика письмо и помахал им в воздухе.

– Можете прочесть. Пронаблюдать финал.

Комиссар Иенсен взял у него письмо. Оно было от главного редактора:

«Твой репортаж о бракосочетании во дворце некомпетентно составлен, плохо написан и полон ошибок. А помещение корреспонденции о самоубийствах в номере восьмом – чудовищная накладка. Я вынужден подать на тебя рапорт».

– Разумеется, он сам все это читал, прежде чем подписать в набор. И корреспонденцию тоже. Я его, конечно, не осуждаю. Бедняга дрожит за свою шкуру.

Тут он взглянул на Иенсена с неожиданным любопытством.

– А вы кто такой? Новый директор, да? Ну, ничего, сработаетесь. У нас тут батраки прямо от сохи сидят в главных редакторах. И разумеется, вышедшие из возраста потаскухи, которых кто-то надумал сбыть с рук и пристроил к нам.

Иенсен достал свое синее удостоверение. Но мужчина даже и не глянул на него. Он сказал:

– Тридцать лет я был журналистом. Я наблюдал этот духовный распад своими глазами. Это удушение интеллигенции. Эту самую продолжительную казнь из всех, какие знал мир. Раньше я чего-то хотел. Это было ошибкой. Я и сейчас хочу, но только самую малость. Это тоже ошибка. Я умею писать. Это ошибка. Потому они и ненавидят меня. Но до поры до времени им нужны такие, как я. Покуда они не изобретут машину, которая могла бы сочинять навоз. Они ненавидят меня потому, что я не безотказная машина с кнопками и рычагами, которая могла бы писать всю эту грязную брехню по шесть страниц в час, без ошибок, вычеркиваний и собственных мыслей. А я пьян. Гип-гип, ура!

Глаза у него выкатились, а зрачки стали совсем крошечные.

Он смолк, дыша прерывисто и неровно. Потом простер вперед правую руку и воскликнул:

*Почтеннейшая публика, итак.
Героя наконец должны казнить.
Так уж устроен божий мир. Дурак,
Кто хочет даром что-то получить.*

Вы знаете, кто это написал?

– Нет, – ответил комиссар Иенсен.

Он повернул выключатель и вышел из комнаты. На десятом этаже он пересел в патерностер и спустился до бумажного склада.

Здесь уже зажгли ночное освещение – редкие синие плафоны, распространявшие слабый и неверный свет.

Иенсен постоял с минуту совершенно неподвижно, чувствуя, как давит его здание, всей своей громадой навалившееся на его плечи. Давно уже смолкли ротационные машины и линоtypes, и от наступившей тишины, казалось, только возросла непомерная тяжесть Дома. Теперь Иенсен не слышал даже шагов того, кто все время крался за ним.

Иенсен поднялся в вестибюль. Там никого не было, и он задержался. Ровно через три минуты из боковой двери вынырнул человек в сером костюме и проследовал в будку вахтера.

– У вас там сидит один пьяный в комнате за номером две тысячи сорок три, – сказал комиссар Иенсен.

– Этим человеком уже занялись, – сказал бесцветным голосом человек в сером костюме.

Иенсен открыл дверь своим ключом и вдохнул холодный ночной воздух.

11

Когда Иенсен вернулся в шестнадцатый участок, было уже без пяти десять. В дежурной комнате ничего интересного не наблюдалось, и он спустился вниз, куда как раз привели двух молодых женщин. Он подождал, пока обе

они сдадут удостоверение личности, обувь, верхнее платье и сумочки на контрольный стол. Одна из них ругалась и даже плюнула в лицо регистратору. Доставивший ее полицейский зевнул, заломил ей руки за спину и бросил усталый взгляд на свои часы. Другая стояла тихо, опустив голову и бессильно уронив руки. Она все время плакала и бормотала сквозь слезы всем давно известные слова: «Нет, нет, нет» и «Я не хочу».

Потом задержанных увели два полисмена в резиновых сапогах и светло-зеленых плащах, и тотчас из комнаты, где производилось медицинское освидетельствование, слышались плач и стоны. Женский персонал, как и всегда, был выносливее и вообще работоспособнее, чем мужской.

Иенсен вернулся к контрольному столу и прочитал список всех пьяниц, доставленных за последние часы. В издательстве никого не задерживали, и донесений по этому поводу оттуда не поступало.

По дороге домой Иенсен так и не стал ничего есть. Особого голода он не испытывал, да и под ложечкой больше не сосало. Но хотя в машине было тепло и уютно, его все время трясло, как от холода, и руки с трудом держали баранку.

Он быстро разделся и лег. Прележал час без сна, потом встал в темноте и принес бутылку, дрожь унялась, но мерз он все время, даже во сне.

Кончился третий день. Осталось четыре.

Утро было холодное и ясное. За ночь газоны между

домами чуть припорошило снежком, и на асфальте шоссе поблескивала наледь.

Иенсен проснулся рано и потому, несмотря на оживленное движение и скользкие дороги, вовремя добрался до своего участка, У него пересохло небо, и, хотя он перед уходом прополоскал горло и почистил зубы, во рту остался неприятный, затхлый привкус. Он велел принести из буфета бутылку минеральной воды и углубился в изучение лежащих на столе бумаг. Донесение из криминалистической лаборатории еще не поступало, а остальные не представляли интереса.

Полицейский, откомандированный на почтамт, явно зашел в тупик. Иенсен досконально изучил его краткое донесение и, помассировав виски подушечками пальцев, набрал номер Главпочтамта. Трубку сняли не сразу.

— С вами говорит Иенсен.

— Слушаю, комиссар.

— Что вы сейчас делаете?

— Опрашиваю сортировщиков. На это уйдет много времени.

— А если более точно?

— Еще дня два. Или три.

— Вы думаете, это что-нибудь даст?

— Едва ли. Попадается немало писем, на которых адреса наклеены из газетных букв. Через мои руки их уже прошло около сотни. И большинство даже не анонимки. Просто люди так делают.

— Почему?

— Я думаю, шутки ради. Единственный, кто припоминает письмо, нарочный, доставлявший его.

– Копия письма у вас есть?

– Нет, комиссар. Зато у меня есть копия конверта и адреса.

– Знаю. Не сообщайте ненужных подробностей.

– Слушаюсь.

– Прекратите опрос, поезжайте в криминалистическую лабораторию, закажите себе фотокопию текста и уточните, из какой или из каких газет вырезаны буквы. Ясно?

– Ясно.

Иенсен положил трубку. Под окном шумели санитары с ведрами и лопатами.

Иенсен хрустнул суставами и приготовился ждать.

Когда он прождал три часа двадцать минут, зазвонил телефон.

– Мы определили сортность бумаги, – сказал лаборант. – Это бумага для документов, идет под обозначением ЦБ-3. Изготавливается бумажной фабрикой, принадлежащей непосредственно концерну. – Молчание. Потом лаборант добавил: – Ну, в этом ничего удивительного нет. Практически они прибрали к рукам всю бумажную промышленность.

– Ближе к делу, – напомнил Иенсен.

– Фабрика лежит к северу от города, километрах в сорока. Мы откомандировали туда человека. Пять минут назад я с ним разговаривал.

– Ну и?..

– Они выпускали этот сорт примерно в течение года. Главным образом на экспорт, но небольшие партии поступали в так называемую внутреннюю типографию, которая тоже принадлежит концерну. Изготавливался этот сорт

в двух форматах. Но насколько я могу судить, в данном случае мы имеем дело с большим форматом. К этому я ничего не могу добавить, остальное в ваших руках. Я отправил к вам через рассыльного все имена и адреса. Не позже чем через десять минут они будут у вас.

Иенсен молчал.

– Вот как будто и все. – Лаборант замялся и после короткой паузы спросил нерешительно: – Комиссар, скажите, пожалуйста...

– Что?

– Вот вчера... Рапорт за служебное упущение... Он не отменен?

– С чего вдруг? – сказал комиссар.

Ровно через десять минут ему доставили письменное донесение.

Дочитав его до конца, Иенсен встал, подошел к стене, посмотрел на большую карту, потом надел плащ и спустился к машине.

13

В конторе были стеклянные стены, и, ожидая, пока вернется заведующий типографией, Иенсен мог видеть, что творится за пределами конторы, по ту сторону, где люди в белых и серых халатах сновали вдоль длинных столов. Откуда-то издали доносился стук печатных машин.

На стальных крючках вдоль одной стены висели еще влажные гранки. В них крупным жирным шрифтом рекламировались журналы, выпускаемые издательством. Сообщалось, в частности, что на этой неделе один из

журналов выйдет с панорамной вкладкой, где будет изображена шестнадцатилетняя артистка телевидения в натуральную величину. Причем вкладка многокрасочная и отличается редкостной красотой. Реклама советовала населению не прозевать этот номер.

— Мы делаем для издательства часть рекламы, — сказал заведующий. — Вот это анонсы для газет. Красиво, но дорого. На одну такую рекламу они тратят в пять раз больше, чем мы с вами получаем за год.

На это Иенсен ничего не сказал.

— Впрочем, для тех, кому принадлежит все — и журналы, и газеты, и типографии, и бумага, — издержки, разумеется, особой роли не играют. Но красиво, красиво, ничего не скажешь, — добавил он и, отвернувшись, сунул в рот мятную лепешку. — Вы совершенно правы. На такой бумаге мы печатали два текста. Примерно год назад. И с богатым оформлением. Очень небольшим тиражом, примерно по несколько тысяч экземпляров того и другого. Во-первых, почтовую бумагу лично для шефа, во-вторых, какой-то диплом.

— Для нужд издательства?

— А как же! У меня даже остались пробные оттиски. — Он начал копаться в бумагах. — Вот, пожалуйста.

Почтовая бумага для шефа была очень небольшого формата и очень элегантного вида. Серая монограмма в верхнем правом углу была явно призвана свидетельствовать о непритязательном и строгом вкусе владельца. Комиссар с первого же взгляда понял, что бумага по формату значительно меньше, чем анонимное письмо. Однако на всякий случай он измерил ее и сравнил с данными крими-

налистической лаборатории. Цифры не совпадали.

Второй экземпляр представлял собой почти квадратный кусок бумаги, сложенный вдвое. Первый лист был чистый, на втором – золотом отпечатан текст. Большие готические буквы.

Текст гласил:

«За многолетнее плодотворное сотрудничество на службе культуры и взаимопонимания выражаем глубочайшую признательность».

– Красиво, правда?

– А для какой цели это печаталось?

– Понятия не имею. Для какого-то диплома. Наверно, кто-нибудь под этим расписывается. А потом его кому-нибудь вручают. Да, наверное, так.

Комиссар Иенсен достал линейку и измерил первый лист. Потом достал из кармана рапортичку и сверил цифры. Они совпали.

– У вас на складе осталась такая бумага?

– Нет, это особый сорт. Очень дорогой. А если что и осталось, когда мы печатали, все уже давно списано.

– Я возьму с собой этот экземпляр.

– Но он у нас единственный, для архива.

– Понятно, – сказал комиссар.

Заведующему было что-то около шестидесяти. Морщинистое лицо и унылый взгляд. Пахло от него спиртом, типографской краской и леденцами от кашля. Он ничего больше не сказал, даже не попрощался.

Иенсен свернул диплом и ушел.

Кабинет директора по кадрам помещался на девятнадцатом этаже. За письменным столом сидел грузный, коренастый мужчина с жабым лицом. Улыбка у него была не такая отработанная, как у директора издательства. Какая-то она была кривая и производила, скорее, отталкивающее впечатление. Кадровик сказал:

– Смертные случаи? Прыжочки, конечно, бывали.

– Прыжочки?

– Ну да, самоубийства. А где их нет?

Спорить было трудно: за последний год два пешехода были убиты в центре города падающими телами. Еще несколько получили серьезные увечья. Так выглядела теневая сторона высотного строительства.

– А кроме самоубийств?

– Несколько человек умерло за последние годы, одни – своей смертью, другие – от несчастных случаев. Я затребую выписку из секретариата.

– Благодарю.

Директор по кадрам старался как мог, и ему удалось наконец усовершенствовать свою улыбку. Тогда он спросил:

– Я могу служить еще чем-нибудь?

– Да, – ответил Иенсен и развернул диплом. – Что это такое?

Директор слегка оторопел.

– Поздравительный адрес, или, точнее, благодарность, ее выдавали тем, кто завершил свою деятельность в нашем издательстве. Обходится она недешево, но мы хотим,

чтобы у наших старых, преданных сотрудников осталось приятное воспоминание. А уж тут с расходами не считаются. Так рассуждает руководство издательства, и не только в данном случае, но и во многих других.

— А такой лист вручают всем, кто от вас уходит?

Кадровик покачал головой.

— Ну что вы! Конечно, нет. Это было бы слишком уж накладно. Такие почести мы оказываем только руководящим деятелям или самым доверенным сотрудникам. Те, кто награждается таким знаком отличия, во все времена делали свое дело и выступали достойными представителями нашего издательства.

— Сколько таких штук вы роздали?

— Очень немного. Этот образец из самых последних. Мы применяем его с полгода, не больше.

— Где хранятся дипломы?

— У моего секретаря.

— Доступ к ним свободный?

Директор по кадрам нажал какую-то кнопку внутреннего телефона.

В комнату вошла молодая женщина.

— Имеют ли посторонние лица свободный доступ к формуляру ПР-8?

Женщина даже испугалась:

— Конечно, нет. Они хранятся в большом сейфе, а я запираю его всякий раз, когда выхожу из комнаты.

Директор отпустил секретаршу движением руки и сказал:

— На эту девушку вполне можно положиться. Она очень пунктуальна. Иначе мы не стали бы ее держать.

– Мне нужен список лиц, получивших дипломы такого образца.

– Пожалуйста. Это нетрудно устроить.

Пока составляли список, оба сидели молча. Под конец Иенсен спросил:

– Каковы ваши основные служебные обязанности?

– Нанимать редакционный и административный персонал. Следить за тем, чтобы для блага персонала делалось все возможное. Затем...

Он сделал небольшую паузу и улыбнулся во весь свой жабий рот. Улыбка была злая, холодная. Словом, вполне точно выражала его чувства.

– Затем избавлять издательство от тех, кто злоупотребляет нашим доверием, и принимать меры против тех, кто сам себя не бережет.

Еще через несколько секунд:

– Конечно, к этим мерам мы прибегаем только в самых крайних случаях и в самой гуманной форме; впрочем, это характерно для всего стиля нашей работы.

В комнате снова воцарилась тишина. Иенсен сидел неподвижно, прислушиваясь к гулкой пульсации дома.

Вошла секретарша, принесла список в двух экземплярах. В списке было двенадцать имен. Директор пробежал список.

– Двое из перечисленных лиц умерли после ухода на пенсию. А один уехал за границу. Это я точно знаю.

Он достал из нагрудного кармана авторучку и поставил четкие, аккуратные галочки перед каждым из трех имен. После чего передал список посетителю.

Иенсен лишь бегло взглянул на него. Против каждого

имени стояли год рождения и еще кое-какие данные, например «ушел на пенсию досрочно» или «ушел по собственному желанию». Потом Иенсен бережно свернул список и сунул его в карман.

Перед тем как Иенсен вышел из кабинета, они обменялись еще несколькими фразами:

– Могу ли я спросить, чем вызван такой повышенный интерес именно к этому вопросу?

– Служебным поручением, обсуждать которое я не уполномочен.

– Может быть, какой-нибудь из наших дипломов попал в руки недостойного?

– Не думаю.

В кабине лифта вместе с Иенсеном спускались еще два человека. Оба они были очень молоды, оба курили сигареты и беседовали о погоде. Жаргон у них был какой-то дерганный и усеченный и напоминал скорее шифр, нежели человеческий разговор.

Человеку непосвященному трудно было их понять.

Когда лифт сделал остановку на восемнадцатом этаже, в кабину вошел шеф. Он рассеянно кивнул остальным и повернулся лицом к стене. Молодые журналисты поспешно загасили сигареты и сдернули с головы кепочки.

– Ты только подумай, весна – и снег, – сказал один, перейдя на шепот.

– Мне от души жаль бедные цветочки, – сказал шеф своим красивым, низким голосом.

Но при этом он не поднял глаз и не взглянул на говорившего. Он стоял все в той же позе, лицом к алюминиевой стене кабины. Других разговоров по дороге не было.

Прямо из вестибюля Иенсен позвонил в лабораторию,

– Ну как?

– Вы были правы. Мы обнаружили на бумаге следы позолоты. В клее, под буквами. Удивительно, как мы этого сразу не заметили.

– Не нахожу ничего удивительного.

15

– Выясните адрес этого человека. Срочно, – сказал комиссар Иенсен.

Начальник патруля щелкнул каблуками и ушел. А Иенсен начал изучать список, лежащий перед ним на столе. Он выдвинул ящик стола, достал оттуда линейку и аккуратно вычеркнул три имени. Потом пронумеровал оставшиеся – от первого до девятого, бросил взгляд на часы и четко написал сверху: «Четверг. 16 часов 25 минут». Потом достал из ящика неначатый блокнот, открыл его и написал на первой странице: «№ 1. Бывший заведующий отделом подписки. 48 лет. Женат. Досрочно ушел на пенсию по болезни».

Ровно через две минуты явился начальник патруля и принес адрес. Иенсен переписал адрес, закрыл блокнот, сунул его во внутренний карман и поднялся.

– Добудьте сведения об остальных. К моему возвращению они должны быть готовы.

Он миновал центр города, заполненный учреждениями и магазинами, проехал мимо площади Профсоюзов и дальше, на запад, увлекаемый сплошным потоком автомобилей. Автомобили мчались по широкому шоссе, кото-

рое вело через промышленный район и жилые массивы, где выстроились однообразными колоннами тысячи многоэтажных домов.

В ясном свете закатного солнца четко рисовался серый слой отходящих газов. Толщиной он был метров в пятнадцать и нависал над городом словно ядовитый туман. Несколько часов назад Иенсен выпил две чашки чаю и съел четыре сухарика. Теперь заныло в правом подреберье. Боль была тяжелая, нудная, словно бур, работающий на малых оборотах, впивался в мягкие ткани. Но боль болью, а есть хотелось по-прежнему.

Еще через несколько миль дома пошли старые, обветшалые. Они торчали, словно придорожные столбы, из буйной, неухоженной зелени, лепнина местами отвалилась, обнажая неровные, обглоданные непогодой бетонные панели, во многих окнах не доставало стекол.

С тех пор как десять лет тому назад правительство сумело разрешить жилищный кризис благодаря поточному строительству многоэтажных домов с одинаковыми стандартными квартирами, старые районы быстро обезлюдели. Теперь в пригородах была заселена от силы треть всей жилой площади. Остальные квартиры пустовали и приходили в негодность, как приходили в негодность сами дома. Теперь, когда они стали нерентабельными, никто не заботился об их ремонте и содержании. Вдобавок дома были построены из рук вон плохо и потому ветшали быстрее, чем можно было ожидать. Многие фирмы обанкротились и закрылись, другие были попросту заброшены своими владельцами, а с тех пор, как статистика установила, что у каждого человека должна быть собственная машина, ни-

какие виды общественного транспорта не связывали этот район с центром. В непролазном кустарнике вокруг домов валялись части машин и целлофановые пакеты.

Министерство коммунальных дел давно решило, что заброшенные дома в конце концов рухнут сами собой и окраины автоматически и без особых затрат превратятся в свалку.

Иенсен свернул с шоссе, переехал через мост и очутился на сильно вытянутом в длину, очень зеленом острове, где были открытые бассейны, теннисные корты, дорожки для верховой езды и белые виллы вдоль берега. Через несколько минут он сбавил скорость, повернул налево и, миновав высокие чугунные ворота, остановился у подъезда.

Вилла была большая и роскошная, стеклянный фасад ослепительной чистоты усиливал впечатление вызывающей роскоши. Возле входа стояли три машины, одна из них – большая, серебристо-серая – была какой-то заграничной марки. Последняя модель года.

Иенсен поднялся на крыльцо, и, когда он прошел мимо фотоэлемента, из дома донесся мелодичный звон. Молодая женщина в черном платье и накрахмаленной кружевной наkolке распахнула перед ним дверь, попросила его подождать и скрылась в глубине дома. Убранство вестибюля и – насколько он мог судить – всего дома было ультрасовременным и безличным. Та же холодная элегантность, что и в директорских кабинетах издательства.

В вестибюле, кроме Иенсена, находился еще юнец лет девятнадцати. Вытянув ноги, он сидел в кресле из стальных трубок и тупо смотрел перед собой.

Тот, ради кого Иенсен приехал сюда, оказался загорелым и синеглазым мужчиной, чуть выше средней упитанности, с бычьим затылком и надменным выражением лица. Он был одет в спортивные брюки, сандалии и короткую элегантную куртку из какой-то легкой ткани.

– В чем дело? – хмуро начал он. – У меня решительно нет времени.

Иенсен шагнул ему навстречу и предъявил свой значок.

– Моя зовут Иенсен. Я комиссар шестнадцатого участка. Веду следствие по делу, касающемуся вашей прежней должности и места работы.

Поза и выражение лица хозяина мгновенно изменились. Он растерянно переступил с ноги на ногу и съежился. Глаза тревожно забегали.

– Ради бога, – пролепетал он, – только не здесь... не при... пойдемте в мой... или в библиотеку лучше всего. – Он сделал какой-то неопределенный жест, словно хотел отвлечь внимание Иенсена, и сказал: – Это мой сын.

Молодой человек, сидевший в кресле, бросил на них недовольный взгляд.

– Ты не хочешь прокатиться, испробовать свою новую машину? – спросил мужчина в куртке.

– Это еще зачем?

– Ну, барышни и вообще...

– Лажа, – сказал юнец и тупо уставился в пространство.

– Не понимаю я нынешнюю молодежь, не понимаю, – вымученно улыбнулся человек в куртке.

Иенсен промолчал, и улыбка тотчас угасла.

В библиотеке – большой светлой комнате – стояло несколько шкафов и несколько низких кресел, а книг не было совсем. На столе лежали журналы.

Хозяин плотно прикрыл дверь и бросил умоляющий взгляд на посетителя. Лицо последнего сохраняло невозмутимую серьезность. Затем, преодолевая нервную дрожь, хозяин подошел к одному из шкафов, достал стакан, из каких пьют сельтерскую, почти доверху налил его водкой и залпом выпил. Налил еще раз, поглядел на Иенсена и промямлил:

– Теперь-то уже все равно... А вы сами случайно не желаете... хотя, что я спрашиваю... извините... Вы меня поймете – нервы. – И с этими словами он рухнул в одно из кресел.

Иенсен, по-прежнему стоя, достал из кармана блокнот. Лицо хозяина заблестело от пота. Он непрерывно утирал его сложенным вчетверо платком.

– Господи, господи! – простонал он. – Я это предвидел. Я это предвидел с самого начала. Я знал, что эти гады воткнут мне нож в спину, как только кончатся выборы. Но я буду сопротивляться, – вдруг взвился он. – Конечно, они отберут у меня все, но я кой-чего знаю, много кой-чего, о чем они даже и не...

Иенсен не сводил с него глаз.

– Много есть всякой всячины, – продолжал хозяин, – есть и цифры, которые им нелегко будет объяснить. Вы знаете, какой налог они платят? А какое жалованье получают их консультанты по налогам, вы знаете? А где служат эти юристы на самом деле, вы знаете? – И, возбужденно запустив пальцы в свою поредевшую шевелюру, уныло добавил: – Вы меня, конечно, извините... Я не хотел... Это только ухудшит мое положение... – Вдруг в его голосе прозвучали властные нотки: – А с какой стати вы допра-

шиваете меня в моем собственном доме? Небось и так все знаете. Чего вы стоите? Почему не сядете?

Иенсен все стоял. И по-прежнему не произносил ни слова. Хозяин осушил второй стакан и со стуком поставил его на стол. Руки у него дрожали.

– Ну, действуйте, действуйте, – сказал он, покорившись судьбе. Значит, ничего не поделаешь. Значит, придется все это оставить.

Он еще раз подошел к шкафу и возобновил прежние манипуляции со стаканом.

Иенсен раскрыл блокнот и достал авторучку.

– Когда вы ушли оттуда? – спросил он.

– Осенью. Десятого сентября. Этот день я никогда не забуду. И время, которое ему предшествовало, тоже нет. Это было страшное время, не лучше, чем нынешний день.

– Вы досрочно ушли на пенсию?

– Попробуй не уйди. Они меня заставили. От хорошего отношения, ни от чего другого. У меня даже есть медицинское заключение. Они все предусмотрели. Порок сердца, сказали они. «Порок сердца» – это звучит. Хотя на самом деле я был здоров как бык.

– А размер пенсии?

– Месячное жалованье. Я до сих пор такую получаю. Господи, ведь для них это гроши по сравнению с теми суммами, которые они выплачивают налоговым инспекторам. Кстати, они в любой момент могут прекратить выплату. Я ведь подписал бумагу.

– Какую бумагу?

– Они называют это объяснительной запиской. Ну, признание своего рода. Вы, наверно, его читали. Отказ от

этого дома, где мы находимся, и от всех денежных средств. Они заверили меня, что это чистейшая проформа, что они в жизни не воспользуются моей запиской без крайней необходимости. Я, конечно, никогда не строил иллюзий. Я только не думал, что крайняя необходимость наступит так скоро. Я долго уговаривал себя, что они не посмеют привлечь меня к ответственности, не решатся на открытое судебное разбирательство, не пойдут на скандал. Я сижу у них на крючке, а это добро, – он обвел рукой вокруг себя, – вполне вознаградит их за все затраты, как ни велика покажется сумма на первый взгляд.

– А точнее?

– Около миллиона. Скажите, а я непременно должен это вспоминать? Устно... и здесь... у меня?

– Все наличными?

– Нет, примерно половину. Да и то в рассрочку на много лет. А вторую половину...

– Да, да?

– Вторую выплатили стройматериалами, транспортом, рабочей силой, бумагой, конвертами... Этот паразит все просчитал, бьюсь об заклад, что он просчитал даже скрепки, клей и тесьму для папок.

– Кто?

– Мерзавец, который оформлял эту историю. Их любимчик, их цепной пес, господин директор издательства. Их самих я и в глаза не видел. Они не желают пачкать руки, сказал директор. И никто ничего не узнал. Это нанесло бы концерну невосполнимый ущерб, сказал директор. Дело было как раз перед выборами. Я догадывался, что им важно только переждать, пока пройдут выборы.

Говоря это, он все тер и тер лицо носовым платком. Платок уже весь посерел и вымок.

— А что вы хотите со мной сделать?

— Когда вы перестали там работать, вам был вручен диплом, своего рода поздравительный адрес?

Хозяин вздрогнул.

— Был, — вяло сказал он.

— Будьте любезны, покажите мне его.

— Сейчас?

— Вот именно.

Хозяин встал пошатываясь, привел в порядок выражение лица и вышел из комнаты. Через несколько минут он вернулся с дипломом в руках. Диплом был вставлен под стекло в золотую рамку. На нем стояли подписи шефа и издателя.

— Должен быть еще один лист, первый, где ничего не написано. Куда вы его дели?

Хозяин растерянно воззрился на Иенсена.

— Понятия не имею. Наверное, выбросил. Помнится, я просто отрезал его, когда заказывал рамку.

— А поточнее не можете сказать?

— Не могу, но скорей всего я его действительно выбросил. Да, да, теперь припоминаю. Отрезал. Отрезал и выбросил.

— Ножницами?

— А чем же еще? Конечно, ножницами.

Он глянул на диплом и взмахнул рукой.

— Какой обман! — простонал он. — Какое гнусное лицемерие, какой подлый обман!

— Да, — согласился Иенсен.

Он захлопнул блокнот, сунул его в карман и встал.

– До свиданья.

Хозяин вытаращил глаза.

– А когда вы... вернетесь?

– Не знаю, – сказал Иенсен.

Юнец за это время не переменял позы, но сейчас он изучал в журнале гороскопы и даже проявлял при этом некоторые признаки интереса.

Когда Иенсен выехал в обратный путь, на дворе уже была ночь и в заброшенных поселках торчали дома, словно шеренги черных призраков среди дремучего леса.

Иенсен не стал даже заезжать на работу, а прямым ходом отправился домой. Он только завернул по дороге в кафе и хотя понимал, к чему это приведет, съел три бутерброда и выпил две чашки черного кофе.

Кончился четвертый день.

16

Телефон зазвонил раньше, чем Иенсен успел одеться. Будильник показывал пять минут седьмого, и Иенсен стоял и брился перед зеркалом в ванной. Ночью его отчаянно донимали колики, теперь боль немного отпустила, но под ложечкой все равно сосало.

Он сразу понял, что звонок служебный, он сам никогда не пользовался телефоном для частных разговоров и другим не разрешал.

– Иенсен! – вскричал начальник полиции. – Где вас черти носят?

– В нашем распоряжении еще три дня.

- Я не совсем точно выразился.
- Я только-только приступил к допросам.
- Да я не про ваши темпы, честное слово.

Эта была одна из тех фраз, на которые не знаешь что ответить.

Начальник хрипло прокашлялся.

- На наше с вами счастье, вопрос уладился и без нас.
- Уладился?
- Да, они сами разыскали виновника.
- Кто же он?

– Один из служащих концерна. Как мы и предполагали с самого начала, причиной всему была глупая шутка. Пошутил один из служащих, журналист. Судя по всему, это чрезвычайно разболтанный молодой человек, одержимый всякими завиральными идеями. А вообще-то он славный парень. Они его подозревали с первой минуты, хотя и не позаботились сообщить нам об этом.

– Понимаю.

– Скорее всего, они не хотели высказывать непроверенные подозрения.

– Понимаю.

– Как бы то ни было, инцидент исчерпан. Они решили не возбуждать против него дела. Они примирились с убытками, они проявили великодушие. От вас требуется только одно: снять с него показания. И можете поставить точку.

– Понимаю.

– У меня есть его имя и адрес. Запишите.

Иенсен записал имя и адрес на обратной стороне маленькой белой карточки.

– Я думаю, для вас будет лучше, если вы спихнете это как можно скорей – и дело с концом.

– Да.

– Потом оформите все обычным порядком. Учтите, что они в данном случае хотели бы ознакомиться с материалами следствия.

– Понимаю.

– Иенсен!

– Слушаю.

– У вас нет повода огорчаться. Очень хорошо, что все так кончилось. Разумеется, у служащих концерна было больше возможностей распутать дело. Точное знание персонала и внутренних взаимоотношений давало им определенное преимущество.

Иенсен молчал. Начальник дышал прерывисто и неровно.

– И еще одно, – сказал он.

– Слушаю.

– Я с самого начала говорил вам, что ваша задача – разобраться с анонимным письмом, не так ли?

– Говорили.

– Другими словами, что вам незачем обращать внимание на всякие побочные детали, которые могут всплыть в ходе следствия. Как только вы снимете показания с этого шутника, можете считать дело закрытым. И забыть все, что к нему относится. Ясно?

– Ясно.

– Думаю, что эта история кончилась ко всеобщему удовольствию... включая вас и меня, как я уже говорил.

– Понимаю.

– Вот и хорошо. До свиданья.

Иенсен повесил трубку, вернулся в ванную, добрил вторую щеку, оделся, выпил чашку горячей воды с медом и прочел утреннюю газету. Все это без спешки.

Хотя движение было не такое интенсивное, как обычно, Иенсен ехал на малой скорости, и, когда он добрался до участка и отогнал машину на стоянку, часы показывали уже половину десятого.

Целый час он просидел за столом, не заглядывая ни в донесения, ни в заготовленный список адресов. Потом он вызвал начальника патруля, передал ему белую карточку и сказал:

– Соберите сведения об этом лице. Все, какие можно. И поскорей.

Он долго стоял у окна и глядел, как санитары дезинфицируют камеры. Раньше чем они успели завершить свою работу, два полицейских в зеленой форме доставили первого алкоголика. Немного спустя позвонил тот полицейский, который в свое время был откомандирован на почту.

– Вы где находитесь?

– В центральном архиве периодических изданий.

– Есть какие-нибудь результаты?

– Никаких. Продолжать?

– Продолжайте.

Еще через час, никак не меньше, вернулся начальник гражданского патруля.

– Докладывайте.

– Двадцать шесть лет. Сын известного коммерсанта. Семья считается весьма состоятельной. Время от времени сотрудничает в еженедельниках. Получил хорошее обра-

зование. Холост. Судя по некоторым данным, ему протезируют сами шефы, скорее всего ради его фамильных связей. Характер... – Он наморщил лоб и принялся внимательно изучать записи, словно не мог разобрать собственный почерк. После этого он продолжал: – Неустойчивый, порывистый, обаятельный, с чувством юмора. Склонность к довольно смелым шуткам. Нервы плохие, ненадежен, быстро утомляется. Семь раз страдал запоем, дважды принудительно лечился от алкоголизма... Одним словом, портрет неудачника, – завершил свой доклад начальник патруля.

– Ну и достаточно. – сказал Иенсен.

В половине первого он велел принести из буфета два яйца всмятку, чашку чаю и три белых сухарика. Позавтракав, надел китель и фуражку, спустился вниз, сел в машину и поехал в южном направлении.

Указанную квартиру он нашел на третьем этаже обыкновенного доходного дома. На звонок никто не вышел. Он прислушался, и ему показалось, что из-за двери доносятся чуть слышные звуки гитары. Подождав минуту, Иенсен повернул дверную ручку. Дверь была не заперта, и он вошел в квартиру, стандартную квартиру из двух комнат, передней и кухни. Стены в первой комнате были голые, окно не занавешено. Посреди комнаты стоял стул, на полу возле стула – пустая бутылка из-под коньяка. На стуле сидел раздетый мужчина и перебирал струны гитары.

Чуть наклонив голову, он взглянул на посетителя, но играть не перестал и ничего не спросил.

Иенсен прошел в следующую комнату. Там тоже не было ни мебели, ни ковров, ни занавесок, но зато на полу

лежали несколько бутылок и груды одежды. В углу на тюфяке спала женщина, укрытая простыней и одеялом, спала, уткнувшись носом в подушку. Одна рука у нее съехала на пол, и как раз на расстоянии вытянутой руки перед ней лежали сигареты, коричневая сумочка и пепельница.

Воздух здесь был тяжелый и затхлый, пахло спиртом, табаком, человеческим телом.

Иенсен открыл окно.

Женщина подняла голову и бессмысленно посмотрела на него.

– Вы кто такой? – спросила она. – Какого черта вы здесь ковыряетесь?

– Птичка, это сыщик, которого мы ждали весь день! – крикнул гитарист из соседней комнаты. – Известный сыщик, который явился уличить нас.

– А пошел ты... – сказала женщина и опять уронила голову на подушку.

Иенсен приблизился к тюфяку.

– Предъявите ваше удостоверение личности, – сказал он.

– А, пошел ты... – сонно сказала она лицом в подушку.

Иенсен нагнулся, поднял сумочку и после недолгих поисков нашел удостоверение. Посмотрел анкетные сведения: девятнадцать лет. В верхнем правом углу Иенсен увидел две красные пометки, довольно отчетливые, хотя кто-то явно пытался стереть их. Две пометки означали два привода за пьянство. После третьего отправляют на принудительное лечение.

Иенсен вышел из квартиры и в дверях сказал гитаристу:

– Я вернусь ровно через пять минут. К этому времени потрудитесь одеться.

Он спустился к машине и вызвал по радиотелефону полицейский автобус. Автобус прибыл через три минуты, и Иенсен с двумя полицейскими снова зашел в квартиру. Гитарист за это время успел надеть штаны и рубашку. Он сидел на подоконнике и курил. Женщина по-прежнему спала.

Один из полицейских достал алкогольный тестер и, приподняв с подушки голову женщины, сунул ей в рот раструб прибора.

– Дохните, – скомандовал он.

Кристаллик в резиновом пузыре тотчас позеленел.

– Одевайтесь, – сказал полицейский.

Женщина сразу проснулась, села и дрожащими руками натянула простыню на грудь.

– Нет, – сказала она. – Вы не смеете. Я ничего не сделала. Я здесь живу. Нет, вы не смеете. Не надо, ради бога, не надо.

– Одевайтесь, – повторил полицейский с прибором и кончиком башмака придвинул ворох одежды к ее постели.

– Не хочу! – закричала она и отшвырнула ворох чуть не до дверей.

– Заверните ее в одеяло, – приказал комиссар Иенсен, – и поскорей.

Она повернулась к нему резко, молча, испуганно. Правая щека у нее была красная и помятая от подушки, черные, коротко остриженные волосы сбились в ком.

А Иенсен вышел в другую комнату. Гитарист по-прежнему сидел на подоконнике. Женщина плакала, пронзительно, вздох, и, должно быть, сопротивлялась, но все это заняло очень немного времени. Минуты через две

полицейские одержали победу и увели ее. Иенсен заметил время по часам.

– Неужели это было так необходимо? – спросил мужчина, не вставая с подоконника.

Голос у него был звучный, но неуверенный, и руки дрожали.

– Значит, это вы написали письмо? – спросил Иенсен.

– Ну да, я же сознался. И давно сознался, черт побери.

– Когда вы его отправили?

– В воскресенье.

– В какое время дня?

– Вечером. Точно не помню.

– До девяти или после?

– По-моему, после. Я же вам сказал, что не помню точно.

– Где вы составляли письмо?

– Дома.

– Здесь?

– Нет, у родителей.

– На какой бумаге?

– На обыкновенной, белой.

Голос его обрел твердость, он даже взглянул на Иенсена с некоторым пренебрежением.

– На бумаге для машинки?

– Нет, лучше. На обрывке какого-то диплома.

– А где вы его взяли?

– Известно где – в издательстве, их много там валяется. Сотрудники, которые уходят по собственному желанию или получают под зад коленкой, награждаются перед уходом такими дипломами. Описать, как он выглядит?

— Не стоит. Где вы его нашли?

— Вам говорят, в издательстве.

— А точнее?

— Ну, валялся он, валялся, понимаете? Наверно, брали его для образца или еще зачем-нибудь.

— На столе?

— Может, и на столе. — Он задумался. — А может, на полке, не помню.

— Когда это произошло?

— Несколько месяцев назад. Хотите верьте, хотите нет, но я почти ничего не помню. Вот ей-богу. Одно могу сказать: не в этом году.

— И вы взяли его с собой?

— Да.

— Для шутки?

— Нет, я думал устроить хорошенький бенц.

— Что устроить?

— Ну, бенц. Это тоже вроде шутки. Выражение старое.

— А какой именно шутки?

— Да мало ли какой! Подписать выдуманной фамилией, приклеить на первой странице голую девку и отправить какому-нибудь идиоту.

— А когда у вас возникла идея написать письмо?

— В воскресенье. Делать было нечего. Я и решил устроить у них небольшой переполох. Только ради забавы. Я даже и не думал, что они всерьез этим займутся.

С каждой минутой голос его становился тверже и уверенней. Но вдруг он просительно добавил:

— Ну откуда я мог знать, что начнется такая петрушка? У меня и в мыслях не было.

- Каким клеем вы пользовались?
- Своим собственным. Обычный клей.

Иенсен кивнул.

- Покажите мне ваше удостоверение личности.

Тот достал его сразу. На удостоверении стояло шесть красных пометок, все перечеркнуты синим.

– Задерживать меня не к чему. Я и так уже три раза подвергался принудительному лечению.

Иенсен вернул ему документ.

– А она нет, – добавил гитарист и кивком головы указал на дверь соседней комнаты. – Если разобраться, вы сами и виноваты во всем. Мы вас дожидались с прошлой ночи, а чем еще прикажете заниматься, пока ждешь? Терпеть не могу сидеть без дела. Бедная девочка.

– Она что, ваша невеста?

– Пожалуй, так.

– Она здесь живет?

– Обычно. Она правильная девка, душевная, только возни с ней много. У нее немножко устаревшие взгляды. А уж темперамент – прямо вихрь, если только вы понимаете, что я имею в виду.

Иенсен кивнул.

– Скажите, если бы дядя... если бы они не были так снисходительны и не сняли иск, о каком наказании могла бы идти речь?

– Такие вещи решает суд, – ответил Иенсен. И закрыл блокнот.

Его собеседник достал сигарету, закурил, спрыгнул с подоконника и стоял теперь, бессильно привалившись к стене.

– Иногда вытворяешь черт-те что, – пробормотал он. – Счастье еще, что мне везет в жизни.

Иенсен спрятал блокнот в карман и поглядел на дверь.

— А перед тем как наклеить буквы, вы рвали газету?

— Ну, разумеется.

— И вырывали из нее буквы?

— Да.

— А не вырезали? Ножницами?

Гитарист быстрым движением потер переносицу, затем провел пальцами по бровям, наморщил лоб и только после этого ответил:

— Точно не могу сказать...

— А вы попробуйте.

Пауза.

— Не припомню.

— Откуда вы отправили письмо?

— Отсюда. Из города.

— Точнее.

— Ну, сунул в какой-то ящик.

— Точнее. Где он находится?

— А я почему знаю?

— Значит, вы не знаете, где вы опустили письмо?

— Сказал ведь, что в городе, а где точно, я не помню.

— Значит, не помните?

— Смешно было бы запоминать такие глупости. В городе полно почтовых ящиков, верно ведь?

Иенсен не ответил.

— Верно ведь? — переспросил гитарист, повышая голос.

— Верно, верно.

— Вот видите.

— Но зато вы, конечно, помните, в какой части города это произошло?

Иенсен рассеянно поглядел в окно. Гитарист пытался поймать его взгляд, но успеха не имел и потому, чуть наклонив голову, ответил:

– Представьте себе, что не помню. А разве это имеет какое-нибудь значение?

– Где живут ваши родители?

– В восточной части города.

– Может быть, и письмо вы опустили неподалеку от их дома?

– Не знаю, слышите! Не все ли равно, где я его опустил?

– А может быть, в южной части?

– Да, черт возьми. То есть нет, не знаю.

– Где вы опустили письмо?

– Не знаю, черт подери, не знаю! – истерически выкрикнул гитарист и, внезапно оборвав крик, с шумом вздохнул. Потом после небольшой паузы сказал: – Я в тот вечер гонял по всему городу.

– Один?

– Да.

– И вы не помните, где вы опустили письмо?

– Не помню. Сколько раз надо повторять, что я не помню?

Он встал и принялся расхаживать по комнате мелкими, торопливыми шажками.

– Не помните, значит?

– Нет.

– Итак, вы не знаете, в какой ящик вы опустили письмо.

– Не-ет! – закричал он, больше не владея собой.

– Одевайтесь и следуйте за мной, – приказал Иенсен.

– Это куда еще?

– В полицию, в шестнадцатый участок.

– А вас не устроит, если я просто... просто запишу все это на бумаге? Завтра утром? У меня... у меня были другие планы на сегодняшний вечер.

– Нет.

– А если я откажусь следовать за вами?

– Не имеете права. Вы арестованы.

– Арестован? Да как вы смеете, черт вас подери! Они взяли иск обратно. Ясно вам? За что я, спрашивается, арестован?

– За дачу ложных показаний.

По дороге ни тот, ни другой не проронили ни слова. Арестант сидел на заднем сиденье, и Иенсен мог наблюдать за ним в зеркало, почти не поворачивая головы. Арестант заметно нервничал. Щурился под очками, моргал, а когда думал, что за ним не наблюдают, грыз ногти.

Иенсен заехал во двор и отогнал машину к дверям подвала. Потом вылез из машины и провел арестованного мимо регистрационного стола, мимо камер, где за блестящими решетчатыми дверями сидели пьяницы – одни плакали, другие поникли в тупом оцепенении. Иенсен распахнул последнюю дверь и очутился вместе со своим подопечным в ярко освещенной комнате. Потолок здесь был белый, стены и пол тоже, а посреди комнаты стояла скамейка из белого бакелита.

Арестант оглянулся вызывающе и в то же время растерянно и опустился на скамью. А Иенсен вышел и запер за собой дверь. У себя в кабинете он снял трубку, набрал три цифры и сказал:

– Срочно направьте следователя в камеру-одиночку.

Речь идет о ложных показаниях. Обвиняемый должен в этом сознаться,

Иенсен повесил трубку, достал из нагрудного кармана белую карточку, выложил ее на стол и тщательно нарисовал в левом верхнем углу маленькую пятиконечную звездочку. Потом с не меньшим тщанием заполнил такими звездочками целую строку. Ниже последовала строка шестиконечных звезд, маленьких, одинакового размера. Доведя свой труд до конца, он подвел итог. В общей сложности он нарисовал одну тысячу двести сорок две звезды, из них шестьсот тридцать три пятиконечных и шестьсот девять шестиконечных. Изжога начала донимать Иенсена, к ней присоединились желудочные спазмы. Он развел щепотку соды и залпом выпил ее. Со двора доносились вопли и прочие шумы, там явно разыгрывалась баталия, но Иенсен даже не подумал выглянуть в окно.

Телефон зазвонил через четыре часа двадцать пять минут.

— Все ясно, — сказал следователь, — Конечно, он тут ни при чем, но пока я это из него выудил, столько пришлось попотеть...

— А протокол допроса?

— Уже подписан.

— Мотивы?

— Скорей всего деньги... Но в этом он до сих пор не сознался.

— Отпустите его.

— Передать дело в суд?

— Нет.

— Выжать из него, кто давал ему деньги?

- Нет.
- Теперь это будет нетрудно сделать.
- Нет, – повторил Иенсен, – не надо.

Иенсен положил трубку, разорвал испещренную звездами карточку и бросил обрывки в корзину для бумаг. Потом извлек список с девятью именами, перевернул страничку блокнота и написал: «№ 2. 42 года. Репортер. Разведенный. Ушел по собственному желанию».

Потом Иенсен поехал домой и сразу лег, даже не поужинав.

Устал он страшно, и, хоть изжога отпустила, он все равно еще долго ворочался, прежде чем заснуть.

Итак, прошел пятый день, и прошел зря, без малейшей пользы.

17

– Это был не он, – сказал комиссар Иенсен начальнику полиции.

– То есть как не он? В чем дело? Ведь он же сам говорил...

- Он все выдумал.
- И признался?
- Да, только не сразу.

– Итак, вы утверждаете, что этот человек сознался в преступлении, которого не совершил? Вы уверены, что не ошиблись?

- Да.
- Вам известно, почему он так поступил?
- Нет.

– Не кажется ли вам, что в этом случае необходимо установить причину?

– Нет надобности.

– Может, оно и к лучшему... – Казалось, начальник полиции обращается к себе самому. – Иенсен!

– Слушаю.

– Положение у вас незавидное. Ведь требование найти преступника остается в силе, насколько мне известно. А в запасе всего два дня. Успеете?

– Не знаю.

– Если вам не удастся решить эту задачу до понедельника, я не ручаюсь за последствия. Мне даже самому трудно их представить. Стоит ли напоминать вам об этом?

– Нет.

– Ваша неудача может обернуться неудачей и для меня.

– Понимаю.

– После столь непредвиденного оборота важнее, чем когда бы то ни было, вести дальнейшее следствие в условиях строжайшей секретности.

– Понимаю.

– Я полагаюсь на вас. Желаю удачи.

Начальник позвонил почти в то же время, что и вчера, но на сей раз Иенсен уже был готов выйти из дому. За всю ночь он проспал от силы два часа, но тем не менее чувствовал себя бодрым и даже отдохнувшим. Вот только вода с медом не утолила его голод, под ложечкой сосало, и чем дальше – тем сильнее.

– Пора съесть хоть какую-нибудь настоящую стряпню. Завтра или самое позднее – послезавтра.

Это Иенсен сказал самому себе, когда спускался вниз

по лестнице. Вообще же он не имел такой привычки – разговаривать с самим собой.

Редкий ночной дождик съел снег. Ртутный столбик поднялся чуть выше нуля, тучи рассеялись, и солнце по-прежнему светило холодным белым светом.

В шестнадцатом участке еще не завершили утреннюю программу. У входа в подвал стоял серый автобус, который развозит алкоголиков с тремя приводами по лечебницам или на принудительные работы, а в самом подвале полицейские еще только выгоняли из камер сонных арестантов. Полицейские были бледные и усталые от ночного дежурства.

Перед дверью, выстроившись в безмолвную длинную цепь, ждали те, кого освободили из-под стражи. Им надо пройти стол регистрации и получить прощальный укол. Иенсен подошел к врачу.

– Как прошла ночь? – осведомился он.

– Нормально. Точнее сказать, чуть хуже предыдущей.

Иенсен кивнул.

– У нас тут ночью опять случай был со смертельным исходом. Одна женщина.

– Так-так...

– Она крикнула из камеры, что если она и пила, то лишь затем, чтобы покончить с собой, но полицейские ей помешали... Я ничего не успел сделать.

– Ну и?..

– Бросилась вперед головой на стену камеры и разможила себе череп. Это не так просто, но у нее получилось.

Врач поднял взгляд. Веки у него припухли и покрас-

нели, и в воздухе запахло спиртом. Едва ли запах мог исходить от стоящего перед ним арестанта, которому только что закатали укол.

– Для этого нужна физическая сила – раз, большая воля – два, – продолжал врач. – И нужно содрать обивку со стены – три.

Почти все освобожденные стояли, засунув руки в карманы и апатично понутив головы. Ни страха, ни отчаяния больше не было в их лицах, одна только беспредельная пустота.

Иенсен вернулся к себе в кабинет, достал очередную карточку и сделал на ней две записи: «Улучшить стенную обивку. Нового врача».

Больше никаких дел у него в кабинете не было, и он ушел не задерживаясь.

Часы показывали двадцать минут девятого.

18

Пригород был расположен на несколько миль южнее города и принадлежал к той категории, которая у экспертов из коммунального министерства числится, как правило, под рубрикой «районы самосноса».

Строили его в пору великого жилищного кризиса, симметрично расставив вокруг так называемого торгового центра и автобусной остановки тридцать многоэтажных домов. Теперь маршрут автобуса отменили, предприятия почти все лопнули сами собой, большая мощеная площадь превратилась в автомобильное кладбище, а из квартир пустовало по меньшей мере восемьдесят процентов.

Иенсен не без труда отыскал нужный адрес, отъехал на стоянку и вышел из машины. Дом был четырнадцати-этажный, штукатурка местами обвалилась, местами почернела от непогоды. Каменная дорожка перед домом была усеяна осколками стекла, а деревья и кусты подступали вплотную к бетонному фундаменту. Ясно было, что пройдет еще немного времени, и корни их разорвут мостовую.

Лифт не работал, пришлось тащиться пешком на девятый этаж. Лестничная клетка была холодная, запущенная и темная. Часть дверей была распахнута настежь, открывая взору комнаты в том виде, как их бросили хозяева, захлавленные, на потолке и на стенах трещины, сквозь которые задувает ветер.

Попадались и занятые квартиры – об этом можно было судить по кухонному чаду и громовым воплям телевизоров – шла утренняя передача. Должно быть, стены и междуэтажные перекрытия строились без звукоизоляционной прокладки.

Одолев пять этажей, Иенсен запыхался, а к девятому у него больно сдавило грудь и заныло под лопечкой. Прошло несколько минут, и одышка улеглась. Тогда он достал служебный значок и постучал в дверь. Хозяин открыл сразу. И удивился:

– Полиция? Я абсолютно трезв вот уже несколько лет.

– Моя фамилия Иенсен, я комиссар шестнадцатого участка. Я веду следствие по делу, касающемуся вашей прежней должности и прежнего места работы.

– И что же?

– Несколько вопросов.

Хозяин пожал плечами. Он был опрятно одет, худощав и с погасшим взглядом.

– Тогда войдите.

Квартира была стандартного типа, меблировка соответственная. На стене висела книжная полка с десятком книжек, а на столе стояла чашка кофе, лежали хлеб, масло, сыр и газета.

– Садитесь, пожалуйста.

Иенсен огляделся. Квартира очень напоминала его собственную. Он сел, достал ручку, раскрыл блокнот.

– Когда вы ушли из издательства?

– В декабре прошлого года, как раз перед рождеством.

– По собственному желанию?

– Да.

– Работали долго?

– Да.

– А почему ушли?

Хозяин отхлебнул кофе. Взглянул на потолок.

– Это долгая история. Вряд ли она вас заинтересует.

– Почему вы ушли?

– Будь по-вашему. У меня нет секретов. Просто все это нелегко сколько-нибудь связно изложить.

– Попробуйте.

– Так вот, утверждение, что я ушел по собственному желанию, можно принять за истину только с оговоркой.

– Уточните.

– Если даже затратить на это несколько дней, все равно вы ничего не поймете. Я могу лишь поверхностно изложить ход событий.

Он сделал паузу.

– Но сперва я хотел бы узнать, зачем вам это понадобилось. Меня в чем-нибудь подозревают?

– Да.

– И вы, конечно, не скажете в чем?

– Нет.

Хозяин встал и подошел к окну.

– Я переехал сюда, когда этот район только начали заселять. Это было не так уж давно. И вскоре я поступил в концерн: меня привел туда несчастный случай.

– Несчастный случай?

– До этого я служил в другом журнале. Вы, наверно, такого и не помните. Его издавали социал-демократическая партия и объединение профсоюзов. Это был последний крупный журнал в стране, не зависящий от концерна. У него были свои амбиции, культурные в частности, хотя положение на этом фронте начало заметно ухудшаться.

– Культурные амбиции?

– Ну да, он ратовал за настоящее искусство и поэзию, публиковал серьезные рассказы и тому подобное. Я не силен в этих вопросах, я репортер, я занимался политическими и социальными проблемами.

– Вы были социал-демократом?

– Я был радикалом. Точнее говоря, я принадлежал к крайнему левому крылу социал-демократов, но об этом я и сам не догадывался.

– Дальше.

– Дела шли далеко не блестяще. Журнал почти не давал дохода, хотя и убытков тоже не приносил. Он имел довольно большой круг читателей, которые ему доверяли. И вообще он служил единственным противовесом всем журналам концерна, он боролся с концерном и с издательством, он критиковал его, отчасти прямо, отчасти косвенно, благодаря самому факту своего существования.

– Как?

– Полемические статьи, передовицы, критические выступления. Честный и серьезный подход к поднимаемым вопросам. Деятели Дома, разумеется, ненавидели его лютой ненавистью и наносили ответные удары, но уже на свой лад.

– Как?

– Они увеличивали выпуск безликих массовых серий и развлекательных журналов, а кроме того, они ловко использовали повальную тенденцию современных людей.

– Какую тенденцию?

– Рассматривать картинки, вместо того чтобы читать текст, или если уж читать, то по крайней мере ничего не значащий вздор, а не такие статьи, которые заставляют думать, волноваться, занимать определенную позицию. К сожалению, именно так обстояло дело уже в мое время.

Рассказчик по-прежнему стоял у окна спиной к посетителю.

– Этот феномен именуется мозговой ленью и является, как говорят, неизбежным следствием, своего рода возрастной болезнью телевизионного века.

Над домом пророкотал самолет. Южнее поселка в нескольких милях от него была посадочная площадка, откуда ежедневно вылетали большие группы людей, чтобы провести свой отпуск за границей, в «специально для этой цели отведенных местах с благоприятными условиями». Такие поездки были доступны со всех точек зрения. Иенсен и сам один раз соблазнился и съездил за границу, но повторять этот эксперимент не желал.

– Словом, это было в те времена, когда многие все еще

думали, что спад половой активности вызван радиоактивными осадками. Припоминаете?

– Да.

– Ну, с нашими читателями концерт сладить не мог. Это был круг не такой уж большой, но зато тесно сплоченный. И наш журнал был им очень нужен. Он служил для них последней отдушиной. Я думаю, издательство больше всего ненавидело нас именно по этой причине. Но нам все-таки казалось, что им с нами не совладать.

Он обернулся и взглянул на Иенсена.

– Сейчас последуют всякие сложности. Я ведь говорил, что так просто это не объяснишь.

– Продолжайте. Что было дальше?

Рассказчик чуть заметно улыбнулся и сел на диван.

– Что было дальше? Самое неожиданное. Они просто-напросто купили нас со всеми потрохами. Чин чином, с персоналом, с идеологией и прочим хламом. За наличные. Или, если перевернуть по-другому: партия и объединение профсоюзов продали нас врагу.

– Почему?

– Ну, это трудней объяснить. Мы стояли на распутье. Единое общество принимало вполне зримые черты. История-то давняя. А знаете, что я думаю?

– Нет.

– Как раз тогда социализм в других странах, преодолев все трудности, сумел сплотить людей, помог им осознать себя людьми сделал их свободнее, увереннее, сильнее духовно, показал, чем может и должен стать труд для человека, пробудил человеческую личность к активной деятельности, воспитал в ней чувство ответственности... Мы

со своей стороны все так же превосходили их по уровню материального производства, и близилось время, когда следовало использовать на практике наш общий опыт. А получилось по-другому. Развитие пошло другим путем. Вам не трудно следить за ходом моих рассуждений?

— Ничуть.

— Здесь всех настолько ослепило сознание собственного превосходства, все головы были настолько забиты верой в успех так называемой практической политики (грубо говоря, у нас считали, что нам посчастливилось примирить и чуть ли не соединить марксизм с плутократией), что наши социалисты сами признали социализм излишним. Впрочем, реакционные теоретики предсказывали это много лет назад. Далее последовали определенные перемены в партийной программе. Из нее просто-напросто вычеркнули тот раздел, где говорилось о том, какой опасностью чревато становление Единого общества. Шаг за шагом партия отказалась от всех основных положений своей программы. И одновременно следом за всеобщим оглушением наступала духовная реакция. Вы понимаете, к чему я веду?

— Не совсем.

— Тогда-то и была предпринята попытка сблизить крайние точки зрения в различных вопросах. Мысль сама по себе, возможно, не столь дурная, но все методы, которыми пользовались для осуществления ее, сводились к фигуре умолчания, точнее, замалчивания: замалчивали трудности, замалчивали противоречия. Каждую проблему опутывали ложью. Через нее перескакивали путем неуклонного повышения материального уровня, ее обволакивали бездумной болтовней газеты, радио, телевидение.

Вместо фигового листка на эту болтовню навесили термин «занимательные беседы» и надеялись, что замалчиваемые болезни в ходе времени исчезнут сами собой. Но вышло по-другому. Личность почувствовала, что физически она вполне ублажена, зато морально над ней учредили опеку; политика, общество стали понятиями расплывчатыми и непостижимыми, все было вполне терпимо и все мало привлекательно. Наступила растерянность, сменившаяся у некоторых равнодушием. А на самом дне притаился беспричинный страх. Да, страх, – повторил он. – Перед чем – не знаю. А вы случайно не знаете?

Иенсен все так же без выражения смотрел на него.

– Может, страх перед жизнью, как это нередко бывает, и самое абсурдное заключалось в том, что внешне жизнь становилась все лучше. На весь протокол какие-нибудь три кляксы: алкоголизм, падение рождаемости, увеличение числа самоубийств. Но говорить об этом считается неприличным – так было, так есть.

Он умолк. И Иенсен не нарушил молчания.

– Одно из положений, распространившееся на все общество сверху донизу – пусть даже никто до сих пор не рискнул произнести его вслух, – сводится к следующему: все должно приносить выгоду. Самое ужасное, что именно эта доктрина и побудила профсоюзы и партию запродать нас тем, кого мы в ту пору считали своими заклятыми врагами. Нас продали ради денег, а не ради того, чтобы избавиться от нашей откровенности и радикализма. Только потом они осознали двойную выгоду такой сделки.

– И от этого вы ожесточились?

Рассказчик, казалось, не понял вопроса.

– Но даже и не это больше всего оскорбило и унизило нас. Больше всего оскорбило и унизило нас то обстоятельство, что все это делалось без нашего ведома, на высшем уровне, над нашими головами. Мы-то воображали, будто играем определенную роль, будто все, что мы говорим, и все, что мы собой представляем, а заодно и те, кого мы представляем, имеют вес, достаточный по меньшей мере для того, чтобы нас поставили в известность, как намерены с нами обойтись. Но мы напрасно обольщались. Весь вопрос был улажен с глазу на глаз двумя бизнесменами в рабочем порядке. Один из них был шеф издательства, другой – глава объединения профсоюзов. Затем сделку довели до сведения премьер-министра и партии, чтобы те уладили кое-какие практические детали. Тех, чьи имена пользовались известностью, и тех, кто занимал у нас руководящие посты, рассовали по всяким синекурам в правлении концерна, а остальные пошли в придачу. Самым незначительным просто указали на дверь. Я принадлежал к промежуточной категории. Вот как оно было. С таким же успехом это могло произойти в средние века. Так бывало всегда. Это доказало нам, сотрудникам журнала, что мы ничего не значим и ни на что не способны. Это было страшней всего. Это было смертоубийством. Это убило идею.

– И от этого вы ожесточились?

– Скорее отупел.

– Но вы испытывали ненависть к своей новой службе? Концерну? Его шефам?

– Ничуть. Если вы так подумали, значит, вы не поняли меня. Ибо со своей точки зрения они действовали в строгом

соответствии с логикой: чего ради они стали бы отказываться от такого доступного триумфа? Представьте себе, что генерал Миаха во время сражения за Мадрид позвонил генералу Франко и спросил у него: «Не хотите ли по дешевке откупить у меня мою авиацию? Уж больно много она жрет бензина». Это сравнение вам что-нибудь объясняет?

— Ничего.

— Впрочем, оно не совсем точно. Ну что ж, тогда я дам вполне однозначный ответ на ваш вопрос: нет, я не испытывал ненависти к издательству ни тогда, ни позже. Ко мне даже неплохо относились.

— И все же уволили?

— На самых гуманных условиях. К тому же учтите, что я сам их на это спровоцировал.

— Чем?

— Я умышленно злоупотребил их доверием, так это у них называется.

— Как?

— Осенью меня послали за границу собирать материал для серии статей. Статьи должны были представить целую человеческую жизнь, путь человека к почестям и богатству. Речь шла об одном всемирно известном артисте телевидения, об одном из тех, которыми без конца пичкают публику во всех передачах. Предыдущие годы я только тем и занимался, что писал гладкие, красивые биографии известных людей. Но впервые меня откомандировали для этой цели в чужую страну.

Он улыбнулся все той же чуть заметной улыбкой и забарабанил пальцами по краю стола.

– Моя знаменитость, мой герой родился в социалистической стране, одной из тех, чье существование тщательно замалчивается. Я даже думаю, что наше правительство до сих пор ее не признало.

Он взглянул на Иенсена пытливо и грустно.

– И знаете, что я сделал? Я написал серию статей, где подробно и доброжелательно проанализировал политику и культурный уровень этой страны, сравнил их с нашей обстановкой. Мои статьи, конечно, так и не увидели света, да я и не ждал этого.

Он смолк ненадолго, потом, нахмутив брови, продолжал:

– А самое забавное, что я до сих пор не знаю, зачем я это сделал.

– Назло?

– Возможно. Но до сих пор, много лет подряд, я ни с кем не беседовал на эту тему. И не знаю, с чего я вдруг сейчас разговорился об этом. Во всяком случае, ни о чем таком я не думал. Проработав в издательстве с полмесяца, я потерял интерес ко всему на свете, после чего начал писать то, что они хотели, страницу за страницей. Сначала они действительно относились ко мне серьезней, чем я того заслуживал. А потом убедились, что я вполне безопасен и могу быть отличным винтиком в их большой машине. Тогда – и лишь тогда – они подумывали о том, чтобы перевести меня в особый отдел. Вы, верно, о нем и не слыхали?

– Нет, слыхал.

– Его можно назвать иначе – тридцать первым отделом. Он считается, у них одним из главных отделов. Почему – не знаю. Говорят о нем редко, деятельность его проходит в

условиях строжайшей секретности. Они занимаются каким-то планированием. На нашем профессиональном жаргоне их называют «макетная группа». И вот меня совсем уже было надумали перевести в тридцать первый, но потом, должно быть, спохватились, что я ни на что больше не гожусь, кроме как на сочинение красивых и прилизанных жизнеописаний известных людей. Кстати, они были правы.

Он рассеянно провел пальцами по краю чашки.

— Тут я вдруг выкинул этот фортель. Ну и удивились же они!

Иенсен кивнул.

— Видите ли, я понимал, что больше ничего не смогу написать, и мне нестерпима была мысль, что последние строки, которые выйдут из-под моего пера, будут приторной и лживой стряпней на тему о каком-то прохвосте, будут восхвалением негодяя, который зарабатывает миллионы своим уродством и безголошьем, который разъезжает по свету и устраивает дебоши в притонах для педерастов.

— Последние строки?

— Ну да. Я выдохся. Я и раньше понимал, что исписался до конца и больше ни на что не способен. Это сознание вдруг нахлынуло на меня. Со временем я подыщу себе какую-нибудь другую работу, все равно какую. Для журналиста не так просто подыскать другую работу: мы ведь, по сути дела, ничего не умеем. Но и это уладится, в наши дни совсем не обязательно что-нибудь уметь.

— А на какие средства вы живете?

— Издательство обошлось со мной очень милостиво. Они сказали, будто давно заметили, что я исписался, вы-

платили мне жалованье за четыре месяца и отпустили с богом.

– И даже вручили диплом?

Рассказчик удивленно взглянул на Иенсена.

– Вручили. Смешно, правда? А вы откуда это знаете?

– Где ваш диплом?

– Да нигде. Я мог бы, конечно, напеть вам, что, мол, разорвал диплом на мелкие кусочки и выбросил их с тридцатого этажа. Но если говорить по правде, я самым прозаическим образом выкинул его, прежде чем покинуть издательство.

– Вы его хоть скомкали?

– А как же? Иначе он не влез бы в корзину для бумаг. Он, сколько мне помнится, был довольно большого формата. А почему вы об этом спрашиваете?

Тут Иенсен задал еще четыре вопроса.

– Это ваша постоянная квартира?

– Как я уже вам говорил, я живу здесь со дня сдачи дома в эксплуатацию и намерен жить, пока не отключат свет и воду. Теперь здесь стало даже лучше, чем прежде. Соседей никаких, и поэтому не приходится страдать от немыслимой звукопроводимости.

– Почему особый отдел называется тридцать первым?

– Он помещается на тридцать первом этаже.

– Разве там есть тридцать первый этаж?

– Да, на чердаке, над редакциями массовых выпусков, под самой крыше. Лифт туда не ходит.

– А вы там бывали?

– Ни разу. Большинство сотрудников вообще не знает, что он существует.

На прощанье хозяин сказал:

– Я сожалею, что так разговорился. Когда для скорости перескакиваешь с пятого на десятое, все выглядит наивно и запутанно. Но вы настаивали... И еще, самое последнее: вы до сих пор меня в чем-то подозреваете?

Иенсен уже вышел на площадку и ничего ему не ответил. А хозяин стоял в дверях. Лицо его не выражало беспокойства – только равнодушие и бесконечную усталость.

19

Несколько минут Иенсен неподвижно сидел в машине, просматривая свои заметки. Потом перевернул страницу и записал: «№ 3. Бывший главный редактор. 48 лет. Не замужем. Освобождена от занимаемой должности по собственному желанию и с полной пенсией».

Номер третий была женщина.

Сверкало солнце, белое и безжалостное. Была суббота, и часы показывали без одной минуты двенадцать. Оставалось ровно тридцать шесть часов. Он включил зажигание, и машина тронулась.

Он не стал слушать приемник. И хотя дорога шла через центр, даже не подумал заехать в свой участок.

Зато перед кафе-автоматом он остановился и долго изучал три рекомендуемых на сегодня завтрака.

Меню было разработано в специальном отделе министерства народного здравоохранения. Приготовление пищи было централизовано и сосредоточено в руках гигантского синдиката продовольственных товаров. Одни и те же блюда подавались во всех предприятиях общественного

питания. Иенсен так долго изучал меню, что люди, стоявшие за ним, начали проявлять беспокойство. Затем он нажал одну из кнопок, получил уставленный тарелками поднос и пристроился у ближайшего столика.

Здесь он внимательно осмотрел свою добычу: молоко, морковный сок, несколько биточков, несколько листов капусты и две разваренные картофелины.

Иенсен ужасно хотел есть, но положиться на свой желудок он не мог. Поэтому после длительных раздумий он отковырнул кусок биточка, долго жевал его, запил морковным соком и вылез из-за стола.

Улица, которую он разыскивал, была расположена восточнее кафе, очень недалеко от центра и в таком районе, где с давних пор селились сохранившиеся по чистой случайности представители привилегированных классов. Дом блистал новизной, и строили его явно не по типовому проекту. Он принадлежал концерну, помимо квартир, в нем были залы заседаний и большая студия со стеклянной крышей и балконом.

Открыла женщина, приземистая и расплывшаяся. Белокурые волосы были затейливо начесаны, а тон на гладко-розовом лице положен так густо, что оно напоминало цветную иллюстрацию.

Пеньюар из тонкой прозрачной материи был выдержан в двух тонах голубом и розовом. Красные домашние туфли на высоком каблуке были украшены золотым шитьем и диковинными пестрыми помпошками.

Иенсену сразу показалось, что он видел однажды точно такой же туалет на цветной вкладке в одном из ста сорока четырех журналов.

– А к нам мужчина, – жеманно хихикнула женщина.

– Я Иенсен, комиссар шестнадцатого участка. Я веду следствие по делу, касающемуся вашей прежней должности и прежнего места работы, – бесцветным голосом отрапортовал Иенсен и предъявил свой значок.

За это время он, глядя через плечо женщины, успел изучить убранство комнаты.

Она была большая, просторная и богато обставленная. На фоне вьющихся растений и драпировок – преимущественно пастельных тонов – стояла низкая мебель какого-то светлого дерева. Все в целом сильно смахивало на будуар дочери американского миллионера, прямым доставленный сюда с промышленной ярмарки и до безобразия увеличенный.

На диване в углу сидела еще одна женщина – брюнетка, заметно моложе первой. На одном из столиков Иенсен увидел бутылку хереса, рюмку и кошку какой-то заморской породы.

Обладательница розово-голубого пеньюара впорхнула в комнату.

– Ах, как интересно! К нам пришел сыщик.

Иенсен последовал за ней.

– Да, душечка, можешь себе представить – это самый заправдашний сыщик из какой-то специальной полицейской конторы или участка, как это у них называется... ни дать ни взять наш собственный рассказ в картинках.

Она повернулась к Иенсену и защебетала.

– Садитесь, мой дорогой, садитесь. И вообще будьте в моем маленьком гнездышке как у себя дома. Рюмочку хереса не желаете?

Иенсен покачал головой и сел.

– Ах, я совсем забыла представить вам свою гостью, это одна из моих любимых сотрудниц, одна из тех, кто встал к штурвалу, когда я сошла на берег.

Брюнетка взглянула на Иенсена беглым равнодушным взглядом, после чего послала хозяйке вежливую подобострастную улыбку. Та опустилась на диван, склонила голову набок и заморгала, как маленькая девочка. Потом вдруг спросила деловито и сухо.

– Итак, чем могу служить?

Иенсен достал блокнот и ручку.

– Когда вы ушли с работы?

– Под Новый год. Только, умоляю, не говорите «работа». Журналистика – это призвание, не меньше чем профессия врача и священника. Ни на одну минуту ты не должен упускать из виду, что все читатели – твои собратья, почти твои духовные пациенты. Ты вживаешься в ритм своего журнала, ты думаешь только о своих читателях, ты отдаешь им себя без остатка, целиком.

Гостья внимательно разглядывала свои туфли, закусив губу. Углы рта у нее подергивались, словно она удерживала крик или смех.

– А почему вы ушли?

– Я ушла из издательства, поскольку считала, что моя карьера уже достигла своего апогея. Я осуществила все, к чему стремилась, – двадцать лет я вела свой журнал от победы к победе. Не будет преувеличением сказать, что я создала этот журнал своими руками. Когда я пришла туда, он не имел никакого веса, ну решительно никакого. В самый короткий срок он – под моим руководством – стал

одним из крупнейших женских журналов у нас в стране, а еще через незначительное время вообще крупнейшим. И является таким до настоящей минуты.

Она бросила на брюнетку торопливый взгляд и ехидно продолжала:

– Вы спросите, как я этого достигла? Отвечу: труд, труд и полнейшее самоотречение. Надо жить во имя стоящей перед тобой задачи, надо мыслить иллюстрациями и полосами, надо чутко прислушиваться к голосу читателей для того... – она задумалась, – для того, чтобы удовлетворить их законное стремление позолотить будни красивыми грезами, идеалами, поэзией.

Она пригубила рюмку хереса и ледяным тоном продолжала:

– Чтобы совершить все это, надо обладать тем, что мы называем чутьем. И в отношениях к своим сотрудникам надо проявлять то же самое чутье. Увы! Лишь немногие наделены этим даром. Порой приходится не щадить себя, чтобы как можно больше дать другим.

Она закрыла глаза, и голос ее зажурчал:

– И все это ради одной цели: журнал и его читатели.

– Ради двух, – поправил Иенсен.

Брюнетка глянула на него – быстро, испуганно. Хозяйка не реагировала.

– А вы знаете, как я сделалась главным редактором?

– Нет.

Очередная смена интонаций, теперь ее голос стал мечтательным.

– Это похоже на сказку, я вижу это перед собой как новеллу в иллюстрациях – из действительности. Слушайте, как все вышло...

Лицо и голос снова меняются:

– Я родилась в простой семье и не стыжусь этого. – Теперь голос агрессивный, уголки рта опущены, а нос, напротив, задран.

– Слушаю вас.

Быстрый, испытующий взгляд на посетителя, и – деловитым голосом:

– Шеф концерна – гений. Ничуть не меньше. Великий человек, куда выше, чем Демократ.

– Демократ?

Она, хихикая, покачала головой:

– Ах, я вечно путаю имена. Разумеется, я имела в виду кого-то другого. Всех не упомнишь.

Иенсен кивнул.

– Шеф принял меня сразу, хотя я занимала до того очень скромный пост, и передал мне журнал. Это была неслыханная смелость. Вообразите: молоденькая, неопытная девочка – и вдруг редактор большого журнала. Но во мне оказались именно те свежие соки, которые и нужно было туда влить. За три месяца я сумела изменить лицо редакции, я разогнала бездельников. За полгода он стал любимым чтением всех женщин. И остается таковым до сих пор.

Еще раз переменив голос, она обратилась к брюнетке:

– Не забывайте, что и восемь полос гороскопов, и киноновеллы в иллюстрациях, и рассказы из жизни матерей великих людей – все это ввела я. И что именно благодаря этим нововведениям вы процветаете. Да, еще изображения домашних животных в четыре краски.

Она слабо взмахнула рукой, ослепляя посетителя блеском своих колец, и продолжала скромно:

– Я говорю это не для того, чтобы напроситься на комплимент или похвалу. Достаточной наградой мне были письма, согревающие сердце письма от благодарных читательниц, сотни тысяч писем. – Она смолкла ненадолго, все так же простирая руку вперед и склонив голову к плечу, словно засмотрелась в туманную даль.

– Не спрашивайте меня, как мне удалось этого достичь, – заговорила она, стыдливо потупясь. – Такое просто чувствуешь, но чувствуешь с уверенностью, как знаешь, к примеру, что любая женщина мечтает хоть раз в жизни поймать чей-нибудь взгляд, полный страстного желания...

У брюнетки вырвался какой-то придушенный, булькающий звук.

Хозяйка вся подобралась и взглянула на нее с откровенной ненавистью.

– Конечно, так было только в наше время, – сказала она отрывисто и презрительно, – когда у нас, женщин, был еще огонек под бельем.

Лицо у нее вдруг обмякло, и целая сеть морщин наметилась вокруг глаз и рта. Со злости она даже начала грызть ноготь, длинный острый ноготь, покрытый перламутром.

– Когда вы ушли, вам вручили диплом?

– Да, конечно. Удивительной красоты. – Опять вернулась на лицо усмешка шаловливого подростка и заиграли глаза. – Хотите посмотреть?

– Да.

Она грациозно встала и покачивая бедрами, вышла из комнаты. Брюнетка в совершенном ужасе поглядела на Иенсена. Хозяйка вернулась, прижимая документ к груди.

– Вы только подумайте: все сколько-нибудь значительные личности поставили здесь свои подписи. Даже одна принцесса.

Она развернула диплом. Пустая левая сторона была вся испещрена подписями.

– Мне думается, это был самый дорогой подарок из сотен полученных мной подарков. Со всех концов страны, хотите посмотреть?

– Спасибо, это не требуется, – сказал Иенсен.

Она растерянно улыбнулась.

– Скажите тогда, почему вы, полицейский комиссар, приходите ко мне и выспрашиваете меня?

– Я не уполномочен обсуждать этот вопрос, – ответил Иенсен.

Целая серия разнообразнейших выражений сменилась за секунду на ее лице. Потом она всплеснула руками, беспомощно, совсем по-бабьи, и покорно сказала:

– Ну что ж, тогда я подчиняюсь...

Они вышли вместе с брюнеткой. Едва лифт тронулся, спутница Иенсена всхлипнула и сказала:

– Не верьте ни единому слову. Она все врет, она страшная женщина, она просто чудовище. Про нее рассказывают такие ужасы.

– Да?

– Она ходячее воплощение гнусности и любопытства. Она до сих пор держит в руках все нити, хотя из издательства ее удалось выжить. А теперь она заставляет меня шпионить. Каждую среду и субботу я должна являться к ней и приносить подробный отчет. Ей надо быть в курсе.

– Зачем же вы соглашаетесь?

– Неужели непонятно? Да стоит ей захотеть – она прищелкнет меня за десять минут, как вошь. Она издевается надо мной. О, господи...

Иенсен ничего не ответил. Когда они спустились вниз, Иенсен снял фуражку и распахнул перед ней двери лифта. Молодая женщина боязливо глянула на него и выбежала на улицу.

Движение за это время стало заметно меньше. Была суббота. Часы показывали без пяти четыре. В правом подреберье опять заныло...

20

Иенсен выключил зажигание, но не вышел из машины, и открытый блокнот по-прежнему лежал на баранке. Только что Иенсен сделал следующую запись: «№ 4. Художественный директор. 20 лет. Не замужем. Ушла по собственному желанию».

Номер четыре тоже была женщина.

Дом, где она жила, был расположен на другой стороне улицы. Не очень новый, но вполне ухоженный дом. Квартира ее оказалась внизу, не пришлось подниматься. Иенсен позвонил. Безрезультатно. Позвонил еще несколько раз, потом дал один резкий продолжительный звонок и даже подергал ручку. Заперто. Из-за двери не доносилось ни звука. Он постоял немного в молчании. Тем временем за дверью зазвонил телефон. Тогда Иенсен вернулся в машину, открыл блокнот, пропустил в нем пять чистых страниц и на шестой написал: «№ 5. Журналист. Холост. 52 года. Срок службы истек в соответствии с контрактом».

На сей раз ему повезло: нужная улица находилась в этом же районе, всего через каких-нибудь пять кварталов.

И дом очень напоминал тот, в котором Иенсен побывал десять минут назад: длинное, желтое пятиэтажное здание, стоящее под углом к улице. Весь район был застроен точно такими же панельными домами.

На дверях висела дощечка с именем владельца. Имя было составлено из газетных букв. Часть букв стерлась, некоторые отклеились, и прочесть имя было нелегко. Звонок работал, и в квартире за закрытой дверью кто-то вошел, но открыли дверь только через несколько минут.

Открывший казался старше своих лет и, судя по всему, совершенно за собой не следил: всклокоченные длинные волосы и густая седая щетина на лице. На нем была грязная кремовая рубашка, спустившиеся брюки и стоптанные черные ботинки. Иенсен нахмурил брови. По нынешним временам плохо одетые люди стали музейной редкостью.

– Я Иенсен, комиссар шестнадцатого участка, я веду следствие по делу, касающемуся вашей прежней должности и места работы.

Значок он показывать не стал.

– Предъявите документы, – немедленно отозвался хозяин, и Иенсен показал ему свой эмалированный жетончик.

– Входите, – сказал хозяин. Он держался очень уверенно, чтобы не сказать заносчиво.

Беспорядок в квартире производил прямо-таки сокрушительное впечатление. На полу валялись бумаги, газеты, книги, гнилые апельсины, набитые доверху пакеты для мусора, грязное белье и немытая посуда. Меблировку составляли несколько деревянных стульев, два полуживых

кресла, один колченогий стол и диван с неубранной постелью. На столе все было сдвинуто к одному краю, вероятно, чтобы освободить место для пишущей машинки и объемистой рукописи. Поверх всего лежал толстый слой пыли. Воздух в комнате был затхлый и с явной примесью спирта. Хозяин освободил и вторую часть стола с помощью свернутой в трубку газеты. Обрывки бумаги, какая-то домашняя утварь и очистки шлепнулись на пол.

– Садитесь! – Он придвинул Иенсену стул.

– Вы пьяны, – сказал Иенсен.

– Нет, не пьян, а под хмельком. Я ни разу в жизни не был пьян, а под хмельком я почти всегда. Но между первым и вторым имеется существенная разница.

Иенсен сел. Небритый хозяин наклонился к нему,

– А вы наблюдательны, иначе бы вы ни за что этого не заметили. Большинство не замечают.

– Когда вы ушли оттуда?

– Два месяца назад. А почему вы спрашиваете?

Иенсен положил блокнот на стол и начал его перелистывать. Когда он дошел до той страницы, где был записан номер третий, хозяин заглянул через его плечо:

– Ого, я очутился в изысканном обществе, – сказал он.

Иенсен молча перелистывал блокнот.

– Меня удивляет, что вы побывали у этой ведьмы и сохранили рассудок, – сказал хозяин и обошел вокруг стола. – Вы у нее были дома? Вот уж ни за что бы не рискнул!

– Вы ее знаете?

– Ну еще бы. Я уже работал в журнале, когда она пришла. Ее назначили главным редактором. И я усидел на месте в течение года.

– Усидели?

– Ну, я был тогда сильнее и моложе.

Он сел на диван, запустил правую руку под грудку грязных одеял, простынь и подушек и достал бутылку.

– Раз вы все равно догадались, дальнейшее не играет никакой роли. Кроме того, как уже говорилось, я не пьянею. Я только становлюсь более решительным.

Иенсен не сводил с него глаз.

Хозяин глотнул из бутылки, отставил ее и спросил:

– А чего вам, собственно говоря, нужно?

– Некоторые сведения.

– О чем?

Иенсен не ответил.

– Если вы желаете получить некоторые сведения об этой старой стерве, вам повезло. Мало кто знает ее лучше, чем я. Я мог бы написать ее биографию.

Хозяин умолк, но, видимо, не потому, что ждал ответа. Он, прищурясь, взглянул на посетителя, потом обратил взгляд к окну, мутному от грязи. Несмотря на опьянение, взгляд у него был цепкий и внимательный.

– А вы знаете, как она сделалась главным редактором крупнейшего журнала в стране?

Иенсен промолчал.

– Жаль, – задумчиво пробормотал хозяин. – Очень жаль, что об этом почти никто не знает. А ведь ее вступление в должность представляет собой переломный момент в истории печати.

Наступила тишина. Иенсен без тени любопытства смотрел на хозяина и крутил между пальцами авторучку.

– Вы знаете, кем она работала, прежде чем податься в главные редакторы?

Хозяин гаденько захихикал.

– Уборщицей. А вы знаете, где она убирала?

Иенсен изобразил маленькую пятиконечную звездочку на чистой странице блокнота.

– В святая святых. На этаже, где помещается дирекция концерна. Как она туда прорвалась, я вам не скажу, но, уж конечно, не по воле случая.

Он нагнулся, поднял бутылку.

– Она могла и не такое устроить. Понимаете, она была соблазнительна, до чертиков соблазнительна. Так думал каждый, пока незнакомился с ней.

Он сделал глоток.

– В то время уборка производилась после рабочего дня. Уборщицы приходили к шести. Все, кроме нее. Она приходила на час раньше, когда шеф, как правило, сидел у себя в кабинете. Шеф обычно отпускал секретаршу в пять часов, чтобы оставшийся час без помех заняться чем-то другим. Не знаю, чем именно. Но могу догадаться, – добавил он и поглядел в окно.

Уже смеркалось. Иенсен посмотрел на часы. Четверть седьмого.

– Точно в четверть шестого она открывала дверь его кабинета, заглядывала туда, говорила: «Ах, простите» – и снова закрывала дверь. Когда он уходил домой или просто шел в туалет или еще куда-нибудь, он всякий раз успевал заметить, как она скрывается за углом коридора.

Иенсен раскрыл было рот, хотел что-то сказать, но тут же передумал.

– Особенно соблазнительной казалась она со спины. Я хорошо помню, как она выглядела. Она носила голубую

юбку, белую косынку, белые туфли на деревянной подметке – только на босу ногу. Должно быть, она кое-что пронюхала. Помнится, про шефа ходили разговоры, что он не может равнодушно видеть подколенные ямки ни у одной женщины.

Хозяин встал, подошел, волоча ноги, к выключателю и зажег свет.

– С тех пор как шеф начал повсюду натекать на нее, дело двинулось вперед семимильными шагами. Он у нас славился по этой части. Говорили также, что он любит знакомиться по всем правилам. Вот пизон, верно? И знаете, что было дальше?

Лампочка под потолком была окутана толстым слоем пыли и светила сквозь него робко и неверно.

– Она ему толком не отвечала. Пробормочет что-то смиренное и невразумительное и уставится на него глазами лани. И так все время.

Иенсен добавил к первой вторую звездочку. Шестиконечную.

– После этого она накрепко засела у него в голове. Он рыл землю носом. Он пытался выяснить ее адрес. Не вышло. Черт ее знает, где она обитала в ту пору. Говорили даже, что он посылал людей выследить ее, но она ускользала от них. Потом она начала приходить на пятнадцать минут позже срока. А он все сидел. Она приходила с каждым днем позже и позже, а он по-прежнему сидел у себя в кабинете и делал вид, будто чем-то занят. И вот как-то раз...

Он умолк. Иенсен терпеливо ждал полминуты. Потом он поднял глаза и без всякого выражения посмотрел на рассказчика.

– Можете себе представить, что шеф совершенно ошалел. Однажды она вообще заявила в половине девятого, когда остальные уборщицы давно ушли. В кабинете у него было темно, но она прекрасно знала, что он еще здесь, потому что видела на вешалке его пальто. И вот она начала расхаживать по коридору, грохоча деревянными подметками, а потом вдруг взяла свое ведро, вошла к нему и захлопнула за собой дверь.

Он рассмеялся громко и с клетотом.

– Чего было! – сказал он. – Шеф стоял, притаившись за дверью, в одной рубашке, он взвыл и как набросится на нее; содрал с нее платье, опрокинул ведро, повалил ее на пол. Она, конечно, отбивалась, и вопила, и...

Рассказчик перебил себя на полуслове и поглядел на слушателя с нескрываемым торжеством.

– ...и как по-вашему, чем это все кончилось?

Иенсен упорно созерцал какой-то предмет на полу, и определить, слушает ли он, было затруднительно.

– В эту секунду ночной вахтер, в форме, конечно, и со связкой ключей на животе, распахнул дверь и осветил своим фонарем. Когда он увидел такую картину, он до смерти напугался, быстро захлопнул дверь и давай бог ноги. А шеф припустил за ним. Вахтер – в лифт, а шеф за ним – успел вскочить, прежде чем закрылись двери. Он думал, что вахтер поднимет страшный шум, а бедняга просто до смерти перепугался и решил, что его прогонят с работы. Уж конечно, она все наперед рассчитала и знала с точностью до секунды, когда вахтер делает обход и засекает время на контрольных часах.

Рассказчик прямо забулькал от подавляемого смеха и самозабвенно запустил руки в сбитые простыни.

– Итак, вообразите: шеф концерна садится в лифт в одной нижней рубашке, а вместе с ним едет окаменевший от страха вахтер в полной форме, даже при головном уборе, с фонарем, дубинкой и большой связкой ключей. Ну, доехали они почти до бумажного склада, тут кто-то из них спохватился, остановил лифт, нажал другую кнопку, и они снова поехали вверх. Но пока они добрались доверху, вахтер успел из вахтера превратиться в коменданта здания, несмотря на то что за все время не издал ни звука.

Рассказчик умолк. Огонь в его глазах погас, он сразу сник.

– Прежний комендант получил отставку за неумение подбирать кадры.

Потом начались переговоры, и уж тут она разыграла все как по нотам, потому что ровно через неделю мы узнали из приказа по редакции, что наш главный редактор отстранен от должности, а еще через пятнадцать минут в редакцию заявила она, и тут пошла такая свистопляска...

Рассказчик вдруг спохватился, что у него есть бутылка, и отхлебнул из нее.

– Понимаете, журнал у нас был неплохой, но расходился он плохо. Хотя мы писали исключительно о процессах и о том, как наилучшим образом печь пряники, для широких читательских кругов он был все-таки чересчур сложен, и шел даже разговор о том, чтобы прикрыть его. Но тут...

Он испытующе поглядел на Иенсена, чтобы установить лучший контакт с аудиторией, но поймать его взгляд так и не сумел.

– Она учинила форменный погром. Практически она

разогнала почти всех сотрудников и набрала на их место самых феноменальных идиотов. Ответственным секретарем редакции она назначила одну парикмахершу, которая даже не подозревала о том, что на свете существует точка с запятой. Когда ей первый раз попалась на глаза пишущая машинка, она зашла ко мне спросить, что это такое, а я так дрожал за свое место, что не смел даже огрызнуться. Помнится, я ответил, что, должно быть, мы имеем дело с очередной выдумкой всяких там интеллигентов.

Он задвигал беззубыми челюстями.

— Эта гадина ненавидела все причастное к интеллигентности, а с ее точки зрения интеллигентностью считалось решительно все начиная с умения связно излагать свои мысли на бумаге. Я смог усидеть единственно потому, что «вел себя не так, как другие, — не умничал». И потому, что взвешивал каждое свое слово. Я помню, как один репортер из новеньких сдуру рассказал ей историю о другом главном редакторе, нарочно, чтобы выслужиться. История была подлинная и до чертиков смешная. Вот послушайте: какой-то сотрудник идеологического отдела явился к редактору отдела культуры в одном из крупнейших журналов и сказал, что Август Стриндберг — мировой писатель и что картину «Фрекен Юлия» можно, без сомнения, напечатать в иллюстрациях, если предварительно слегка переработать ее, убрать из нее классовые различия и другие непонятные места. Редактор глубокомысленно нахмурился, а затем переспросил: «Как, ты говоришь, его зовут?» А идеолог ему и отвечает: «Август Стриндберг, будто сам не знаешь». И тогда редактор сказал: «Не возражаю. Скажи ему, чтобы он забежал завтра в «Гранд-отель» часиков около двена-

дцати. Мы с ним позавтракаем и перетолкуем насчет гонорара». Ну, репортер, стало быть, все это ей и рассказал. А она смерила его ледяным взглядом и говорит: «Не нахожу в этом ничего смешного». И спустя два часа он уже собирал свои манатки.

Рассказчик опять захихикал себе под нос. Иенсен поднял глаза и без выражения посмотрел на него.

– Сейчас начнется самое пикантное. Эта ведьма благодаря своей уникальной глупости сумела вдвое увеличить тираж за полгода. Журнал заполнили фотографии собак, и детей, и кошек, и цветов, и гороскопы, и френология, и как надо гадать на кофейной гуще, и как поливать герань, и ни одной запятой не было там, где положено, а народ его покупал. То малое, что именовалось текстом, было так ничтожно и так наивно! Оно вполне могло выдержать конкуренцию с тем, что пишется сегодня. Мне, черт меня подери, не разрешали написать слово «локомотив», не объяснив, что это, мол, такой аппарат на колесах, он ходит по рельсам и тянет за собой вагоны. А для нашего шефа это была великая и знаменательная победа. Все в один голос превозносили его беспримерную дерзость и дар предвидения и утверждали, что этот маневр произвел революцию в журнальном деле и заложил основы современной журналистики.

Он еще раз приложился к бутылке.

– Все складывалось блестяще. Только одна ложка дегтя портила бочку меду – наш вахтер. Он так загордился своей новой должностью, что не мог утаить, как она ему досталась. Но скоро этому пришел конец. Через полгода он погиб, вылезая из кабины непрерывного лифта. Кабина за-

стряла, не достигнув этажа, а когда он начал вылезать из нее, снова тронулась. И его просто-напросто разрезало пополам. Поскольку все знали, как он глуп, проще всего было предположить, что это произошло по его собственной вине.

Рассказчик прижал ладонь к губам и долго, натужно кашлял. Когда кашель улегся, он продолжал:

– А она свирепствовала дальше. Она пообтесалась, и претензии у нее с каждым годом становились все безудержнее. Журнал был забит фасонами каких-то немислимых платьев. Ходили слухи, что она получает взятки от фабрикантов. Наконец ее удалось спровадить, но за большую цену. Шефу пришлось выложить четверть миллиона наличными, чтобы она согласилась раньше срока уйти на покой – с полной пенсией.

– А почему ушли вы?

– Какое это имеет отношение к делу?

– Почему ушли вы?

Бутылка была пуста. Хозяин передернул плечами и возбужденно объяснил:

– Меня устранили. Без разговоров. И не выплатили ни единого эре в награду за все эти годы.

– По какой причине?

– Просто хотели избавиться от меня. Должно быть, мне не хватало внешней импозантности. Я не мог достойно представлять издательство. А кроме того, я исписался и не мог выжать из себя ни одной строчки, самой дурацкой. Так кончаем мы все.

– Это и послужило официальным поводом?

– Нет.

– Что же послужило официальным поводом?

– Я выпивал прямо в редакции.

– И вы сразу же ушли?

– Да. То есть формально меня не уволили. Мой контракт был составлен так, что давал им возможность в любое время выставить меня за дверь.

– Вы протестовали?

– Нет.

– Почему?

– Бессмысленно. Им посчастливилось подобрать такого директора по кадрам, который раньше возглавлял профсоюз журналистов и до сих пор заправляет там по своему усмотрению. Он знает все ходы и выходы. Ни один простой смертный не может с ним тягаться. Захочешь пожаловаться, к нему же и попадешь. Как он решит, так оно и будет. Хитро придумано, но так обстоит дело повсюду. Их юрисконсульты по налогам одновременно состоят на жалованье в министерстве финансов. И если раз в пять лет раздается какая-нибудь критика по адресу еженедельников, можете не сомневаться, что они сами сочинили ее для своих же ежедневных выпусков. Но так обстоит дело повсюду.

– И от этого вы ожесточились?

– Не думаю. Это время уже миновало. Кто в наши дни способен ожесточиться?

– Вы получили диплом, когда уходили?

– Не исключено. Внешне там комар носу не подточит. Директор по кадрам знает толк в таких делах. Он улыбается и протягивает вам сигару одной рукой, а другой хватает вас за глотку. Вообще-то он похож на жабу.

Хозяин уже явно не мог сосредоточиться.

– Вы получили диплом или нет?

– Какое это имеет отношение к делу?

– Вы получили диплом или нет?

– Может, и получил.

– Вы сохранили его?

– Не знаю.

– Покажите.

– Не могу и не хочу.

– Он здесь?

– Не знаю. Даже если и здесь, мне его не найти. А вы сами могли бы здесь что-нибудь найти?

Иенсен огляделся, потом захлопнул блокнот и встал.

– До свиданья.

– Но вы мне так и не сказали, зачем вы приходили.

Иенсен не ответил. Он надел фуражку и вышел из комнаты. Хозяин продолжал сидеть среди грязных простынь. Он казался серым и поношенным, и взгляд у него был сонный-сонный.

Иенсен включил радиотелефон, вызвал полицейский автобус и указал адрес.

– Злоупотребление алкогольными напитками на дому. Доставьте его в шестнадцатый участок. И поживей.

На другой стороне улицы Иенсен увидел телефон-автомат, зашел в кабину и позвонил начальнику патруля.

– Домашний обыск. Срочно. Что нужно искать, вам известно.

– Да, комиссар.

– Затем идите в участок и ждите. Его не выпускайте впредь до получения дальнейших распоряжений.

- Под каким предлогом?
- Под каким хотите.
- Понял.

Иенсен вернулся к машине. Едва он отъехал на каких-нибудь пятьдесят метров, ему встретился полицейский автобус.

21

Сквозь почтовую щель пробивался слабый свет. Иенсен достал блокнот и еще раз пробежал глазами свои заметки: «№ 4. Художественный директор. 20 лет. Не замужем. Ушла по собственному желанию». Потом он спрятал блокнот в карман, достал значок и нажал кнопку звонка.

- Кто здесь?
- Полиция!
- Будет заливать! Я ведь уже сказала раз и навсегда, что это вам не поможет. Я не хочу.
- Откройте!
- Убирайтесь отсюда! Оставьте меня, ради бога, в покое. И передайте ему, что я не хочу.

Иенсен дважды ударил в дверь кулаком.

- Полиция! Откройте!

Двери распахнулись. Она смерила его недоверчивым взглядом.

- Нет, – сказала она. – Нет, это уже заходит слишком далеко.

Иенсен шагнул через порог и показал ей свой жетон.

- Я Иенсен, комиссар шестнадцатого участка. Я веду следствие по делу, касающемуся вашей прежней должности и прежнего места работы.

Она вытаращила глаза на эмалированный значок и пятилась назад.

Она была совсем молоденькая, черноволосая, с серыми глазами чуть навывкате и упрямым подбородком, а одета в клетчатую рубашку навывпуск, брюки цвета хаки и резиновые сапоги. И еще она была длинноногая, с очень тонкой талией и крутыми бедрами. Когда она сделала шаг, сразу стало заметно, что под рубашкой у нее ничего не надето. Коротко стриженные волосы были не расчесаны, и косметики она явно не употребляла.

Чем-то она напоминала женщин на старинных картинах.

Трудно было определить выражение ее глаз. В них одинаково читались злость и страх, отчаяние и решимость.

Брюки у нее были измазаны краской, в руках она держала кисть. На полу среди комнаты лежали разостланные газеты, на газетах стояла качалка, явно предназначенная для окраски.

Иенсен обвел комнату глазами. Остальная мебель тоже выглядела так, словно ее подобрали на свалке, чтобы потом раскрасить в радостные цвета.

— Оказывается, вы говорили правду, — сказала она. — С него случилось натравить на меня полицию. Только этого еще не хватало. Но я должна вас заранее предупредить: вы меня не запугаете. Можете посадить меня, если найдете подходящий повод. На кухне у меня хранится бутылка вина. При желании можете прицепиться к этому. Мне все равно. Лучше что угодно, чем так, как сейчас.

Иенсен достал блокнот.

— Когда вы ушли оттуда?

– Две недели назад. Не явилась на работу, и все. У вас это считается преступлением?

– А сколько вы там проработали?

– Две недели. Более дурацких вопросов вы не могли придумать, чтобы мучить меня? Я ведь уже сказала, что это ни к чему не приведет.

– Почему вы ушли?

– А вы как думаете? Потому что я не могла больше вытерпеть, чтобы ко мне приставали каждую минуту и следили за каждым моим шагом.

– Вы были художественным директором?

– Никаким не директором, Я служила в отделе оформления. У них это называется клейбарышня. Но я еще клеить толком не выучилась, когда началась эта комедия.

– В чем заключаются обязанности художественного директора?

– Не знаю. По-моему, он сидит и перерисовывает буквы, а то и целые страницы из иностранных журналов.

– Почему же вы ушли с работы?

– Господи, неужели даже полиция у них на жалованье? Неужели у вас нет ни капли сострадания? Кланяйтесь тому, кто вас послал, и передайте, что ему больше пристало сидеть в сумасшедшем доме, чем валяться в моей постели.

– Почему вы ушли?

– Потому что не выдержала. Неужели так трудно понять? Он положил на меня глаз через несколько дней после моего поступления. Один знакомый фотограф упросил меня сняться для какого-то медицинского текста или уж не помню для чего. И он увидел этот снимок. Я без стеснения поперлась с ним в какой-то подозрительный ресторанчик.

Потом я сдуру пригласила его к себе. А на следующую ночь он мне позвонил, он значит, сам позвонил мне и спросил, не найдется ли у меня дома бутылки вина. А я послала его к черту. И тут-то все и началось.

Она стояла, широко расставив ноги, и в упор смотрела на Иенсена.

– Что вы хотите от меня услышать? Ну что? Что он сидел здесь, у меня, на полу и три часа держал меня за ногу и жалобно подвывал? И что его чуть не хватил удар, когда я под конец вырвала у него свою ногу и просто пошла и легла спать?

– Воздержитесь от ненужных подробностей.

Она швырнула кисть в сторону качалки. Красные брызги осели на резиновых сапогах.

– Да-да, – возбужденно сказала она. – Я бы даже могла переспать с ним, если уж на то пошло. Почему бы и нет, в конце концов? Должен же у человека быть какой-нибудь интерес в жизни. У меня, правда, глаза слипались, но я же не могла предположить, что он просто осатанеет, когда увидит, как я раздеваюсь. Вы себе не можете представить, в каком аду я прожила эти две недели. Ему нужна была я. Ему нужны были мои свободные естественные инстинкты. Он собирался послать меня в кругосветное путешествие. Я должна была помочь ему восполнить какие-то потери. Он хотел назначить меня главным редактором незнамо чего. Это меня-то главным редактором! «Нет, дарлинг, там ничего не нужно уметь! Тебе не интересно? Ах, дарлинг, стоит ли об этом говорить!».

– Повторяю: воздержитесь от ненужных подробностей.

Она запнулась и поглядела на него, наморщив лоб.

– А вы не от... это не он вас послал?

– Нет. Вам вручили диплом?

– Да, но...

– Покажите.

В глазах у нее застыло изумление. Она подошла к голубому секретеру, стоявшему у стены, выдвинула ящик и достала оттуда диплом.

– Только у него не совсем приличный вид, – сказала она смущенно.

Иенсен развернул диплом. Кто-то умудрился снабдить золотой текст красными восклицательными знаками. На первой странице красовалось несколько ругательств – тоже красных.

– Я понимала, что это нехорошо, но я так рассвирепела... Смех да и только. Я проработала там всего четырнадцать дней и за эти четырнадцать дней только и успела, что позволила три часа держать себя за ногу, один раз разделась догола, а потом надела пижаму.

Иенсен спрятал блокнот в карман.

– Всего доброго, – сказал он.

Когда он вышел на лестничную площадку, его скрутила боль в правом подреберье. Она началась внезапно и очень интенсивно. У него потемнело в глазах, он сделал неуверенный шаг и навалился плечом на дверной косяк.

Она выскочила сразу.

– Что с вами? Вы больны? Зайдите ко мне, присядьте. Я вам помогу.

Он почувствовал ее прикосновение. Она подпирала его плечом. Он успел заметить, какая она теплая и мягкая.

– Подождите, – сказала она. – Я принесу вам воды.

Она помчалась на кухню и тотчас вернулась.

– Выпейте. Может, вам еще что-нибудь нужно? Не хотите ли прилечь? Простите, что я так по-дурацки себя вела. Я просто не сообразила, что к чему. Один из тех, кто там заправляет, я не стану вам его называть, все это время преследует меня...

Иенсен выпрямился. Боль не утихла, просто он начал привыкать к ней.

– Простите меня, – повторила она. – Я просто не поняла цели вашего прихода. Я и до сих пор ее не понимаю. Вечно я ошибаюсь. Порой мне начинает казаться, что во мне есть какой-то изъян, что я не такая, как все. Но я хочу чем-то интересоваться, хочу что-то делать и хочу сама решать, что именно. Я и в школе была не такая, как все, и вечно задавала какие-то вопросы, которых никто не понимал. А меня они интересовали. И теперь я другая, не такая, как все женщины. Я и сама это чувствую. И выгляжу-то я не так, и даже запах у меня другой. Наверно, я просто сумасшедшая, или весь мир сумасшедший. Не знаю, что хуже.

Боль начала отступать.

– Советую вам держать язык за зубами, – сказал Иенсен. И, надев фуражку, пошел к машине.

22

На пути в город Иенсен связался по радиотелефону с дежурным шестнадцатого участка. Люди, отправленные с обыском, еще не возвращались. В течение дня ему несколько раз звонил начальник полиции.

Когда он добрался до центра, шел уже двенадцатый час,

иссяк нескончаемый поток машин и опустели тротуары. Боль угнездилась теперь чуть пониже и стала привычной, глухой и ноющей. Во рту пересохло, и очень хотелось пить, как всякий раз после приступа. Он остановился перед небольшим кафе, благо его до сих пор не закрыли, и подсел к стеклянной стойке. Кафе сверкало металлом и стеклом. Кроме шести парней лет по семнадцать-восемнадцать, там никого не было. Они сидели за одним столом, сонно пялились друг на друга и молчали. Буфетчик читал один из ста сорока четырех журналов и зевал. Три телевизора передавали легкую развлекательную программу. Программа сопровождалась искусно вмонтированными, хотя и не совсем натуральными взрывами смеха.

Медленно, маленькими глотками Иенсен выпил минеральную воду и почувствовал, как забулькал, сокращаясь, пустой желудок. Немного посидев, Иенсен встал и последовал в туалет. Там на полу лежал хорошо одетый господин средних лет, сунув руку прямо в каменный желоб. От господина разило спиртным, на рубашке и пиджаке виднелись следы рвоты. Глаза у него были открыты, но взгляд — невидящий и бессмысленный.

Иенсен вернулся, подошел к стойке.

— У вас в туалете лежит пьяный.

Буфетчик пожал плечами и продолжал разглядывать цветные иллюстрации.

Иенсен показал значок. Буфетчик сразу отложил журнал и подошел к телефонному аппарату для вызова полиции. Все предприятия общественного питания имели прямую связь с радиофицированным патрулем ближайшего участка.

За пьяным пришли сонные и усталые полицейские. Когда они выволакивали арестованного, голова его несколько раз ударилась о выкрашенный под мрамор пол.

Пришли они из другого участка, скорее всего из одиннадцатого и потому не узнали Иенсена.

Когда часы показывали без пяти двенадцать, буфетчик, боязливо покосившись на посетителя, начал запирать. Иенсен вышел, сел в машину и вызвал своего дежурного. Группа только что вернулась с обыска.

– Все в порядке, – доложил начальник патруля, – Мы нашли его.

– Он целый?

– Да, в том смысле, что есть оба листа. Только между ними лежал растоптанный кружок колбасы.

Иенсен промолчал.

– Это отняло у нас много времени, – продолжал начальник патруля, – да ведь и задача была не из легких. Там такая свалка, одних бумаг десятки тысяч.

– Проследите, чтобы хозяина квартиры освободили завтра с утра обычным порядком.

– Понял.

– Еще одно.

– Слушаю, комиссар.

– Сколько-то лет назад комендант Дома погиб в лифте.

– Так.

– Выясните подробности. Соберите также сведения о погибшем. Особенно о семейных обстоятельствах. И поскорей.

– Понял. Разрешите доложить?

– Да.

– Вас искал начальник полиции.
– Он что-нибудь просил передать?
– Нет, насколько мне известно.
– Покойной ночи. – Иенсен повесил трубку. Где-то неподалеку часы пробили полночь – двенадцать тяжелых, гулких ударов.

Миновал шестой день. До конца срока оставалось ровно двадцать четыре часа.

23

Домой он ехал не спеша. Физически он устал до предела, но знал, что все равно скоро не заснет, а времени для сна оставалось немного.

Ни одной машины не встретил он в длинном, ярко освещенном туннеле с белыми стенами. Южнее за туннелем начинался промышленный район. Сейчас он был тих и всеми покинут. Под луной серебрились алюминиевые газгольдеры и пластиковые крыши фабричных корпусов.

На мосту его перегнал полицейский автобус, а почти сразу же за автобусом – карета «Скорой помощи». Оба ехали на большой скорости и с включенными сиренами.

На полдороге его остановил полицейский кордон. Полицейский с фонарем в руках, по-видимому, узнал Иенсена: когда Иенсен опустил боковое стекло, тот откозырял и доложил:

– Дорожное происшествие. Один погибший. Разбитая машина загорела проезжую часть. Через несколько минут мы расчистим дорогу.

Иенсен кивнул. Он сидел, не поднимая стекла, чтобы

холодный ночной воздух беспрепятственно врывается в машину. А сам тем временем думал о том, что дорожных происшествий из года в год становится все меньше, а число погибших в результате аварий, наоборот, возрастает. Эксперты в транспортном министерстве уже давно разрешили эту статистическую загадку. Уменьшение числа дорожных происшествий и размеров материального ущерба можно объяснить улучшением качества дорог и бдительностью регулировщиков. Но важнее здесь чисто психологический фактор: люди сейчас больше зависят от своих автомобилей, а потому обращаются с ними бережнее и – сознательно или бессознательно – боятся только одного – потерять машину. Увеличение числа аварий со смертельным исходом объясняется тем, что большинство из них можно бы по праву квалифицировать как самоубийства. Но и здесь решающую роль играет психологический фактор: люди живут вместе со своими машинами и ради них, а потому хотят и умирать вместе с ними. Все это Иенсен знал из одного исследования, сделанного несколько лет назад. Конечно, оно проходило в обстановке строжайшей секретности, но высшие полицейские чины могли ознакомиться с его результатами.

Дорогу расчистили через восемь минут. Иенсен поднял стекло и включил зажигание. На бетонированном шоссе лежал чуть заметный налет изморози, а там, где произошла катастрофа, под лучами прожекторов четко выделялись отпечатки шин. Но возникли они не от юза и не от резкого торможения, а от удара машины о бетонный столб на обочине. Сомнительно, чтобы при таких обстоятельствах можно было рассчитывать на выплату страховой премии.

Хотя, как всегда, не исключалось и самое естественное объяснение: водитель устал и заснул за рулем.

Иенсен чувствовал какую-то смутную неудовлетворенность, словно что-то упустил или сделал не так, как надо. Когда он пытался проанализировать это чувство, у него вдруг от голода засосало под ложечкой. Он отогнал машину на стоянку перед седьмым домом в третьем ряду, сбегал к продовольственному автомату и нажатием кнопки извлек из него пакет синтетического молочного супа для диетпитания.

У себя он прежде всего снял и аккуратно повесил пальто и пиджак, потом зажег свет. Опустив жалюзи, он прошел на кухню, отмерил ноль целых три десятых литра воды, налил их в кастрюлю и высыпал туда суповой порошок. Когда смесь разогрелась, он перелил ее в большую чашку и вернулся в комнату. Здесь он поставил чашку на тумбочку, сел на кровать и расшнуровал ботинки. Часы показывали четверть третьего, и тишина кругом стояла полная. Ему все так же казалось, будто он что-то упустил или сделал не так, как надо.

Он достал из пиджака блокнот, включил бра над кроватью и погасил верхний свет. Прихлебывая суп, он тщательно проштудировал свои заметки. Суп был густой, вязкий и к тому же безвкусный и какой-то затхлый.

Когда заметки были дочитаны, Иенсен поднял взгляд и долго рассматривал фотографии, сделанные в полицейской школе. Иенсен и себя нашел на фотографии: он стоял в заднем ряду, крайний справа, скрестив руки на груди и неуверенно улыбаясь. Судя по всему, он что-то говорил своему соседу как раз в ту минуту, когда фотограф щелкнул затвором.

Затем Иенсен встал и вышел в переднюю. Здесь он открыл двери гардероба и взял с полки одну из бутылок, что рядами лежали вдоль стены под прикрытием форменных фуражек.

Из кухни он принес стакан, почти доверху наполнил его спиртом и поставил на тумбочку около чашки с супом.

Развернув список с девятью именами, он тоже положил его на тумбочку перед собой. Положил и начал разглядывать.

Электрические часы в кухне отметили время тремя короткими звонками.

Иенсен открыл чистую страницу в блокноте и записал: «№ 6. 38 лет. Разведенный. Отдел общественных отношений. В связи с переходом на другую работу».

Переписывая адрес, Иенсен чуть заметно покачал головой. Потом он поставил будильник на нужный час, погасил свет, разделся догола, надел пижаму и сел в постели, укрывшись одеялом. Суп разбухал в желудке как на дрожжах, и казалось, словно кто-то снизу давит на сердце.

Стакан он выпил в два присеста. Шестидесятиградусный спирт обжег язык и огненной стрелой вонзился в пищевод.

Иенсен лежал на спине, широко раскрыв глаза, и дожидался сна.

Иенсен так и не смог уснуть. С трех часов до двадцати минут шестого он лежал в каком-то забытии, не в силах ни мыслить, ни избавиться от мыслей. Разбитый и мокрый от

пота, встал он по звонку будильника, а спустя сорок минут уже сидел в машине.

Путь его лежал к северу, за двести километров отсюда. И поскольку день был воскресный, он рассчитывал добраться туда за три часа.

Город был тих и безлюден, пустые гаражи, голые стоянки, но система регулировки, как всегда, делала свое дело, и по дороге через центр Иенсен десять раз останавливался перед красным светофором.

Дорога была прямая, удобная, пейзаж по обеим ее сторонам незанимательный. Изредка мелькали отдаленные пригороды и тянулись к небу «районы самосноса». Между линией горизонта и автострадой торчали какие-то сухие и унылые насаждения – то искривленные деревья, то низкий колючий кустарник.

В восемь часов Иенсен свернул к бензоколонке – заправиться. Там же он выпил стакан остывшего чая и позвонил по автомату в два места.

Начальник патруля говорил сиплым, усталым голосом, должно быть, звонок Иенсена поднял его с постели.

– Это случилось девятнадцать лет назад, – доложил он. – Комендант застрял в лифте, и его разрезало пополам.

– По делу велось следствие?

– Нет, только стандартная запись в журнале. Слишком простое дело: его классифицировали как несчастный случай – элементарный обрыв на линии, из-за которого лифт остановился на несколько минут, а потом без постороннего вмешательства пришел в движение. Так что он погиб по собственной халатности.

– А как родственники?

– У него не было семьи. Он жил в гостинице для холостяков.

– Он что-нибудь оставил?

– Да. Довольно крупную сумму.

– Кто ее унаследовал?

– Никто из родственников не объявился в установленные сроки, и деньги отошли государству.

– Еще что?

– Пустяки, не стоящие упоминания. Он жил отшельником в отдельном номере, друзей не имел.

– До свиданья.

Полицейского, который был откомандирован в архив периодических изданий, Иенсен тоже застал дома.

– Говорит Иенсен.

– Слушаю, комиссар.

– Какие результаты?

– Вы не получили мое донесение?

– Нет.

– Я вчера утром завез его.

– Доложите устно.

– Одну минуту, я попытаюсь все восстановить в памяти.

– Жду.

– Все буквы для письма взяты из одной газеты, но за разные дни. Они вырезаны из двух номеров – за пятницу и за субботу прошлой недели. Этот шрифт носит название «бодони».

Иенсен достал блокнот и записал полученные сведения на внутренней стороне обложки.

– Что еще?

Полицейский ответил не сразу:

– Еще вот что: искомое сочетание букв и текста на второй странице встречается не во всех экземплярах газеты, а только в так называемом тираже А.

– Что это за тираж?

– Другими словами, такой подбор букв можно встретить только в тех экземплярах, которые печатаются последними. Для городских киосков и городских подписчиков.

– Можете считать расследование законченным и вернуться к обычной работе, – сказал ему Йенсен. – До свиданья.

Он положил трубку, сел в машину и поехал дальше.

Ровно в десять он миновал по-воскресному безлюдный рабочий район, где тысячи совершенно одинаковых домов правильным четырехугольником обступили фабрику. Из фабричных труб валили лохматые клубы желтого дыма. Поднявшись на несколько сот метров, они сливались в сплошное облако отработанных газов и медленно падали вниз, на дома.

Еще через пятнадцать минут он был у цели.

Итак, время он рассчитал правильно, поскольку лишние пятнадцать минут ушли на заправку и телефонные разговоры.

Перед ним был вполне современный спортивный домик: стены из стекла, крыша из рифленого пластика. Он стоял в трех километрах от автострады и был со всех сторон окружен деревьями. Внизу, под обрывом, плескалось озеро. Вода в нем была мутная, серая, а воздух пропитан дымом фабричных труб.

На бетонированной площадке перед домом стоял полный мужчина в домашней куртке и тапочках. Вид у него был заспанный и вялый, и посетителя он встретил без особого воодушевления. Иенсен показал ему свой значок.

– Я Иенсен, комиссар шестнадцатого участка. Я веду следствие по делу, касающемуся вашей прежней должности и прежнего места работы.

– Что вам угодно?

– Несколько вопросов.

– Тогда войдите.

Всевозможная мебель из стальных трубок, пепельницы и ковры, составлявшие убранство обеих комнат, выглядели так, словно их взяли напрокат в издательстве.

Иенсен достал блокнот и ручку.

– Когда вы ушли оттуда?

Хозяин сделал вид, что подавляет зевок, и повел глазами по сторонам, словно желая от чего-то уклониться.

– Три месяца тому назад, – сказал он под конец.

– Почему вы ушли?

Хозяин перевел взгляд на Иенсена, и в его серых глазах мелькнула искра раздумья. Казалось, он раздумывает: стоит ему отвечать или нет. Наконец он неопределенно развел руками и сказал:

– Если вы хотите посмотреть мой диплом, предупреждаю: здесь у меня его нет,

Иенсен промолчал.

– Диплом остался у... у моей жены, в городе.

– Почему вы ушли?

Хозяин наморщил лоб, словно пытаясь сосредоточиться. И – опять не сразу – ответил:

– Поймите, все, что вы слышали, и все, что вы вбили себе в голову, не соответствует действительности. Больше ничем не могу служить.

– Почему вы ушли?

Молчание продолжалось несколько секунд. Хозяин уныло подергал себя за кончик носа.

– Собственно говоря, я даже и не уходил. Правда, срок контракта уже истек, но я до сих пор связан с концерном.

– Чем вы занимаетесь?

Иенсен обвел глазами холодную комнату. Хозяин следил за направлением его взгляда.

После молчания, еще более длительного, чем предыдущее, хозяин сказал:

– Послушайте, для чего вы это затеяли? Я ничем не могу вас порадовать. А диплом остался в городе, клянусь вам.

– Почему вы думаете, что мне нужен ваш диплом?

– Не знаю. А вообще нелепо тащиться за двести километров ради такой чепухи! – И хозяин покачал головой. – Сколько вы сюда ехали? – Он спросил это не без любопытства, но Иенсен ему не ответил, и тогда он впал в прежний тон. – Мой лучший результат – один час пятьдесят восемь минут, – мрачно сказал он.

– Телефон у вас есть?

– Нет.

– Дом принадлежит вам?

– Нет.

– А кому?

– Концерну. Я просто снял его, чтобы отдохнуть, прежде чем приступить к выполнению новых задач.

– Каких задач?

Все длиннее становился промежуток между вопросом и ответом. На этот раз он, казалось, вообще никогда не кончится.

– Вам здесь удобно?

Хозяин поглядел на Иенсена, как бы что-то прикидывая.

– Послушайте, я уже говорил вам, что вы ошибаетесь. Мне решительно нечем вас порадовать. Все эти истории не стоят выеденного яйца.

– Какие истории?

– А я почему знаю, какие вы слышали.

Иенсен не сводил с него глаз. Было тихо. Фабричный дым чувствовался в комнате не меньше, чем на улице.

– Кем вы были в концерне?

– Спросите лучше, кем я не был. Сперва спортивным обозревателем. Потом главным редактором в разных журналах. Потом перешел на рекламу. Много ездил, писал, по большей части спортивные репортажи со всего света. Потом служил в филиале концерна за границей; ну и ездил повсюду и... учился.

– Чему вы учились?

– Всему понемножку. Изучал общественные отношения и прочее.

– Что такое «общественные отношения»?

– Это трудно объяснить.

– Значит, вы много путешествовали?

– Да, я бывал почти всюду.

– Языками владеете?

– У меня нет способностей.

Теперь замолчал Иенсен. Он молчал и не сводил глаз с человека в куртке. Наконец он спросил:

– А журналы часто публикуют спортивные репортажи?

– Нет.

Вид у хозяина сделался совсем пришибленный.

– Никто в наши дни не интересуется спортом, разве что смотрят по телевизору.

– И все-таки вы путешествовали и писали спортивные репортажи?

– Я не умел писать ни о чем другом. Пробовал – не получилось.

– Почему вы ушли?

– Наверное, потому, что это слишком дорого стоило.

Хозяин задумался на несколько секунд.

– Вообще-то они народ прижимистый, несмотря ни на что, – сказал он совсем уж замогильным тоном и покосился на мебель из стальных трубок.

– Какое у вас почтовое отделение?

Хозяин растерялся, поглядел, ткнул пальцем в окно. За лесом, на том берегу озера, висела над фабрикой желтая дымная туча.

– Такое же, как у них... почтальон, во всяком случае, приходит оттуда.

– А почту разносят каждый день?

– Кроме воскресений.

И опять не было слышно ничего, только неровное дыхание да автомобильные гудки с отдаленного шоссе.

– Вам очень нужно мучить меня? Все равно это ничего не даст.

– Вы знаете, зачем я приехал?

– Не имею ни малейшего представления.

Хозяин беспокойно задержался. Казалось, молчание угнетает его.

– Я самая заурядная личность, просто я потерпел неудачу, – сказал он.

– Неудачу?

– Да, неудачу. Все, напротив, утверждают, что я великий удачник. Но вы же сами видите, если человек сидит здесь один-одинешенек и покрывается плесенью, о какой удаче может идти речь?

– Чего же вы хотите?

– Ничего. Я просто не желаю никого обременять.

Молчание, длительное, гнетущее молчание. Хозяин раз-другой покосился на Иенсена, но тут же быстро отвел глаза.

– А теперь прошу вас оставить меня, – глухо сказал он. – Клянусь вам, что диплом в городе. У жены.

– Вы, должно быть, тяготитесь своим пребыванием здесь?

– Я этого не говорил.

– А работой вы не тяготились?

– Нет, нет, конечно, нет. Да и не с чего. Я получал там все, что хотел.

Он погрузился в бесплодные размышления. Потом сказал:

– Вы ничего не поняли. Вы наслушались всяких историй и вообразили бог весть что. Нельзя верить всему, что говорят люди. Они могут сказать неправду, точнее, они не всегда говорят правду.

– Итак, все, что говорят о вас, – это неправда?

– Ну ладно, не будем спорить, шеф, конечно, струхнул и выскочил за борт. Но я здесь ни при чем.

– Когда это было?

– На прошлой регате. Вы это и сами знаете не хуже, чем я. Нечего сказать, нашли сенсацию. Меня потому только и взяли, что он думал, будто я умею ходить под парусом. Ему хотелось, конечно, получить приз. А когда налетел шквал и я вскочил на планшир, чтобы вычерпать воду, он решил, что мы сейчас перевернемся, взвизгнул да как сиганет в озеро. А мне что оставалось делать? Я пошел дальше.

Он мрачно взглянул на Иенсена.

– Если бы я умел держать язык за зубами, ничего и не случилось бы. Но я сдуру решил, что это очень забавное приключение. Вдобавок мне стало так тошно, когда я понял, что мне нарочно дают всякие интересные задания, только чтобы держать подальше от дома. И я не сумел промолчать, хотя...

Он вздрогнул и потер нос.

– Не занимайтесь вы такими делами. Обычная болтовня. Это моя жена постаралась – она всегда поступает как ей вздумается. А кроме того, мы потом разошлись. Но я не жалею, ради бога, не подумайте, что я жалею. И после короткой паузы он повторил: – Нет, я не жалею.

– Покажите мне телеграмму.

Хозяин с ужасом взглянул на Иенсена.

– Какую телеграмму? Нет у меня никакой телеграммы.

– Не лгите.

Хозяин сорвался с места, подбежал к окну, сжал кулаки, постучал одним кулаком о другой.

– Нет, – сказал он. – Не пытайтесь подловить меня. Больше я ничего не скажу.

– Покажите телеграмму.

Хозяин обернулся. Руки у него по-прежнему были сжаты в кулаки.

– Не выйдет, – сказал он. – Нет у меня телеграммы.

– Вы ее уничтожили?

– Не помню.

– Что в ней было сказано?

– Не помню.

– Кто ее подписал?

– Не помню.

– Почему вы ушли оттуда?

– Не помню.

– Где живет ваша бывшая жена?

– Не помню.

– Где вы находились в это время неделю назад?

– Не помню.

– Не здесь?

– Не помню.

Хозяин все так же стоял спиной к окну и все так же сжимал кулаки. На лице у него выступили капли пота, в глазах притаились страх и детское упрямство. А Иенсен смотрел на него без всякого выражения. Выждав с минуту, не меньше, он спрятал блокнот в карман, взял фуражку и направился к дверям. С порога он задал последний вопрос:

– Что такое тридцать первый отдел?

– Не помню.

Когда он подъехал к фабрике, часы показывали четверть двенадцатого. Он зашел в полицейский участок и позвонил оттуда начальнику патруля.

– Да, они в разводе. Узнайте ее адрес, съездите к ней и

найдите диплом. Если диплом надорван, захватите его с собой.

— Понял.

— Поторопитесь. Я буду ждать вас здесь.

— Понял.

— Еще одно.

— Слушаю.

— Он вчера или сегодня утром получил телеграмму. Откомандируйте человека на почту за копией.

— Понял.

Помещение здесь было мрачное и унылое, с желтыми кирпичными стенами. На окне висели синтетические гардины. В задней части дома были расположены арестантские камеры с блестящими решетками на дверях. Некоторые камеры были уже заняты.

За барьером сидел полицейский в зеленой форме и перелистывал папку с донесениями.

Иенсен сел у окна и поглядел на тихую пустынную площадь. Желтая туча, казалось, задерживает в себе тепло солнечных лучей и пропускает только свет, какой-то безжизненный и плоский. От фабрики несло удушливой вонью.

— Здесь всегда так пахнет?

— По будням еще хуже, — ответил дежурный.

Иенсен кивнул.

— Привыкнуть можно. Газ совершенно безвредный, но, по моей теории, людей это подавляет. Многие кончают жизнь самоубийством.

— Понятно.

Телефон зазвонил через пятьдесят минут.

— Она была очень любезна, — доложил начальник патруля. — И сразу же показала диплом.

— Ну и?..

— В целости и сохранности. Оба листа на месте.

— У вас нет оснований подозревать, что его обменивали или подновляли?

— Подписи были не новые. Чернила уже старые.

— А в самой квартире вы были?

— Нет, она вынесла нам диплом. И встретила нас очень любезно, как я уже говорил. Словно ждала нас. Вообще довольно элегантная молодая женщина.

— А телеграмма?

— Я послал человека на телеграф.

— Верните его.

— Копия больше не нужна?

— Нет.

Иенсен помолчал, затем добавил:

— Вероятно, она не имеет никакого отношения к делу.

— Комиссар!

— Да?

— Мне показалась странной такая деталь: один из моих ребят стоял на посту как раз перед ее домом.

— Так. Что еще?

— Вас разыскивал начальник полиции.

— Просил что-нибудь передать?

— Нет.

Движение заметно оживилось. По обочинам дороги там и тут стояли машины. Их владельцы по большей части наводили блеск на все, что только может блестеть. Но попадались и такие, которые сидели подле машин за откид-

ными столиками на демонтированных сиденьях. На столах стояли портативные телевизоры и целлофановые пакеты с продуктами из тех, что продаются в автоматах. Чем ближе к городу, тем гуще шли машины, и до центра Иенсен добрался только без десяти пять.

А в центре было все так же пусто. Было самое что ни на есть футбольное время, и потому все, кто не возился со своими машинами, сидели дома. Футбольные матчи предназначались теперь исключительно для трансляции. Они проходили без публики, в больших отапливаемых залах телекомпании. Команды футболистов состояли на жалование, среди них было много иностранцев. Но, несмотря на высокий, как говорили, уровень мастерства, интерес к футбольным матчам падал день ото дня. Иенсен сам редко смотрел матчи, хотя, когда он сидел дома, у него все время был включен телевизор. Он догадывался, что так делает не только он один.

С каждой минутой Иенсена все сильнее давила усталость, а несколько раз у него темнело в глазах, как перед обмороком. Он понял, что это от голода, и подъехал к кафе-автомату, где получил чашку горячей воды, пакет с бульонным порошком и порцию сыра.

Дожидаюсь, пока порошок растворится в горячей воде, он достал блокнот и записал: «№ 7. Журналист. Холост. 58 лет. Ушел по собственному желанию».

Хотя Иенсен, чтобы не терять времени, даже не дал бульону остыть, когда он допил свою чашку и сел в машину, часы показывали уже половину шестого. На дороге в западный район его настигли сумерки.

До срока оставалось шесть часов.

Улица была узкая, скупо освещенная и с обеих сторон обсаженная деревьями. За деревьями шли ряды одно- и двухэтажных домов. Находилась она неподалеку от центра. Эту часть города застраивали тому лет сорок, а населяли ее главным образом чиновники, что и спасло ее от превращения в стандартный район массовой застройки, каких немало возникло, когда началась ликвидация жилищного кризиса.

Иенсен поставил машину у тротуара, пересек улицу и нажал кнопку звонка. Но в окнах не было света, и на звонок никто не вышел.

Тогда Иенсен вернулся к машине, сел на свое место и принялся изучать список и блокнот. Потом он спрятал бумаги, поглядел на часы, выключил в машине свет и начал терпеливо ждать.

Через пятнадцать минут он увидел на противоположном тротуаре невысокого мужчину в велюровой шляпе и сером пальто. Мужчина открыл парадное и вошел. Иенсен ждал, покуда за жалюзи не вспыхнет свет. Тогда он вторично пересек улицу и позвонил. Хозяин открыл тотчас же. Он был одет непритязательно и строго и никак не выглядел на свои пятьдесят восемь. У него было худое лицо, глаза за стеклами очков смотрели вопросительно, но приветливо.

Иенсен показал значок.

— Я Иенсен, комиссар шестнадцатого участка. Я веду следствие по делу, касающемуся вашей прежней должности и места службы.

— Входите, пожалуйста, — сказал хозяин и шагнул в сторону.

Иенсен увидел просторную комнату. На полках, занимавших две стены сверху донизу, лежали книги, газеты и журналы. У окна стоял письменный стол с телефоном и пишущей машинкой, а посреди комнаты – другой стол, курительный, низкий, и вокруг него – три кресла. Освещалась комната раздвижной лампой над письменным столом и плафоном в центре потолка.

В тот миг, когда Иенсен переступил порог комнаты, с хозяином произошла какая-то перемена: изменились его движения, изменился взгляд. Казалось, он выполняет какую-то привычную процедуру, которую уже не раз выполнял.

– Садитесь, пожалуйста.

Иенсен сел, достал ручку и блокнот.

– Чем могу быть полезен?

– Мне нужны некоторые сведения.

– Я к вашим услугам, если, конечно, смогу ответить на ваши вопросы.

– Когда вы ушли оттуда?

– Примерно в конце октября прошлого года.

– Вы там долго работали?

– Сравнительно. Точнее говоря, пятнадцать лет и четыре месяца.

– А почему ушли?

– Давайте пользоваться другой формулировкой: я изъявил желание оставить службу. Я оставил издательство по собственному желанию и предупредил об уходе обычным порядком.

Он держался выжидательно, голос у него был негромкий и приятного тембра.

– Не хотите ли чего-нибудь? Чаю, к примеру.

Иенсен отрицательно качнул головой.

– А где вы работаете сейчас?

– Я материально обеспечен, следовательно, мне незачем работать ради средств к существованию.

– Чем же вы занимаетесь?

– Читаю почти все время.

Иенсен оглядел комнату. Порядок в ней был поразительный. При великом множестве книг, газет, бумаг все казалось организованным и продуманным до удивления.

– Когда вы уходили оттуда, вам вручили своего рода диплом, или, точнее сказать, прощальный адрес?

– Вручили.

– Он у вас?

– Должно быть. Хотите посмотреть?

Иенсен не ответил. С минуту, а то и больше он сидел неподвижно, не поднимая глаз, потом вдруг спросил:

– Вы признаете, что отправили руководителям концерна анонимное письмо угрожающего содержания?

– Это когда же?

– Примерно в это время, неделю тому назад.

Хозяин поддернул брюки на коленях и скрестил ноги. Он оперся левой рукой о подлокотник и медленно провел указательным пальцем по нижней губе.

– Нет, – спокойно ответил он. – Не признаю.

Иенсен открыл было рот, хотел что-то сказать, но, как видно, раздумал. И поглядел на свои часы. Девятнадцать часов одиннадцать минут.

– Надо полагать, я не первый, с кем вы беседуете на эту тему. Сколько человек вы уже... уже допросили? – Хозяин вдруг оживился.

– С десяток, – ответил Иенсен.

– Все – сотрудники издательства?

– Да.

– Воображаю, сколько вы наслушались анекдотов и всяких пикантных историй. Поделитесь. Полупризнания, старые счета, намеки. Фальсификация истории.

Иенсен молчал.

– Там вечно творится что-нибудь эдакое, сколько я мог понять. Хотя то же самое, наверно, происходит повсюду, – добавил он задумчиво.

– Какие обязанности лежали на вас, когда вы работали в концерне? – спросил Иенсен.

– Я ведал вопросами культуры. Все время выполнял одни и те же обязанности, говоря вашими словами.

– Вы имели возможность ознакомиться с общей структурой и деятельностью издательства?

– Вообще да, до некоторой степени. Или вы подразумеваете что-либо конкретное?

– Вы когда-нибудь слышали о так называемом тридцать первом отделе?

– Да.

– Вы знаете, чем он занимается?

– Еще бы мне не знать. Я проработал там пятнадцать лет и четыре месяца.

Помолчав с минуту, Иенсен как бы невзначай спросил:

– Вы признаете, что отправили руководителям концерна анонимное письмо угрожающего содержания?

Хозяин пропустил этот вопрос мимо ушей.

– Тридцать первый, или, как его еще называют, особый отдел, является самым важным отделом концерна.

– Я уже слышан об этом. Чем занимается тридцать первый?

– Ничем, – ответил хозяин. – Ничем он не занимается.

– Объясните.

Хозяин поднялся с места и мгновенно взял со стола лист бумаги и шариковую ручку, не нарушив при этом безупречного порядка. Затем он снова сел, положил бумагу так, чтобы ее край совпал с линией узора на скатерти, а ручку положил сверху, параллельно верхнему краю листа. Затем он пристально поглядел на посетителя.

– Ладно, – сказал он. – Попытаюсь объяснить.

Иенсен взглянул на часы: девятнадцать часов двадцать девять минут. В его распоряжении оставалось четыре с половиной часа.

– Вы торопитесь, господин комиссар?

– Да, очень.

– Попытаюсь быть кратким по возможности. Итак, если я вас правильно понял, вы спрашиваете, чем занимается тридцать первый?

– Да.

– Я уже дал вам вполне исчерпывающий ответ: ничем. И по мере того как я буду развивать свой ответ, он будет становиться все менее и менее исчерпывающим. Как это ни грустно. Вы поняли?

– Нет.

– Не удивительно. Надеюсь, вы все-таки поймете раньше или позже. Это вопрос жизни. И смерти.

Тут хозяин замолчал секунд на тридцать, и за это время в нем произошла какая-то перемена. Когда он заговорил снова, он показался Иенсену неуверенным и слабым, хотя и более оживленным, чем прежде.

– Проще всего, если я буду говорить о себе самом. Я вырос в интеллигентной семье, я воспитан в гуманистических традициях. Отец мой был преподавателем университета, сам я пять лет проучился в академии. И не в теперешней, а в тогдашней, где гуманитарные факультеты были гуманитарными не только по наименованию. Вы хорошо представляете себе, что это значит?

– Нет.

– Ну, все я не могу объяснять. Это завело бы нас слишком далеко. Я допускаю, что вы забыли значение тех терминов, которые я употребляю, но вы не могли вообще не слышать их. И следовательно, вы рано или поздно по ходу моего рассказа вспомните их значение и уловите взаимосвязь.

Иенсен отложил ручку и прислушался.

– Как я уже говорил вам в начале, я избрал своей специальностью вопросы культуры отчасти потому, что не надеялся стать когда-нибудь настоящим писателем. Я просто не вытянул бы, хотя писать было для меня жизненной потребностью. И почти единственным увлечением.

Пауза. Мелкий дождь застучал в окно.

– Я много лет возглавлял отдел культуры в одной частной газете. На ее страницах не только печатались статьи об искусстве литературе, музыке и тому подобном, там велись и дискуссии. Для меня, как и для многих других, важней всего были именно такие дискуссии. Они затрагивали довольно широкий круг вопросов, практически говоря, они касались всех сторон общественной жизни, причем далеко не все высказанные взгляды были так уж до конца продуманы и неуязвимы.

Иенсен сделал едва заметное движение.

– Погодите, – сказал хозяин и поднял правую руку. – Я, кажется, догадываюсь, что вы хотите сказать. Да, конечно, эти статьи могли встревожить людей, порою огорчить или раздосадовать, испугать или рассердить. Они никого не гладили по шерстке, о чем бы ни шла речь – об идеях, общественных институтах или отдельных личностях. Мы, другими словами, я и еще кое-кто, считали это правильным.

Иенсен довел до конца прерванное движение и засек время: 19:45.

– Говорили, правда, – задумчиво продолжал хозяин, – будто критика и нападки достигали иногда такой остроты, что некоторые объекты их кончали жизнь самоубийством.

Молчание продолжалось несколько секунд. Дождь все так же стучал в окно.

– Кое-кого из нас называли радикалами от культуры, но радикалами были все мы, без исключения, независимо от того, где мы работали – в частных газетах или в социал-демократических. Я со своей стороны не сразу это понял. Кстати сказать, политика интересовала меня далеко не в первую очередь. И вообще, мне не внушали доверия политические деятели. Они казались мне людьми неполноценными, как в общечеловеческом плане, так и в образовательном.

Иенсен забарабанил пальцами по краю стола.

– Понимаю, понимаю, вы хотите, чтобы я скорее перешел к делу, – грустно отметил хозяин. – Точно так же не внушали мне доверия еженедельные издания. И здесь я был более последователен и убежден. На мой взгляд, эти из-

дания уже давно не приносили ничего, кроме вреда. То есть они, разумеется, выполняли какую-то свою задачу, какой бы она ни была, и, следовательно, имели право на существование, но из этого никоим образом не следовало, что они имеют право на мирное существование. Я немало потратил времени, чтобы хорошенько ударить по тому, что они называют своей идеологией, чтобы вскрыть ее сущность и уничтожить ее. Я посвятил этому немало статей и одну книгу дискуссионного порядка.

Он улыбнулся чуть заметно.

– Эта книга отнюдь не снискала мне расположение тех, кто протезировал еженедельной печати. Помнится, еженедельники даже называли меня врагом номер один. Но с тех пор прошел немалый срок.

Хозяин умолк и провел несколько линий, вместе напоминающих диаграмму. Линии были изящными и тонкими. Должно быть, у него была искусная рука.

– А теперь пойдем навстречу запросам нашего времени и попытаемся коротко и просто изложить длинную и запутанную историю. Структура общества начала изменяться сперва медленно и незаметно, потом – с головокружительной быстротой. Слова «благоденствие» и «единое общество» начали произноситься все чаще, покуда оба эти явления не слились в нечто цельное и не были признаны неотделимыми одно от другого. Сначала тревожные симптомы не бросались в глаза – жилищный кризис исчез, преступность падала, молодежные проблемы близились к полному разрешению. Одновременно и неотвратимо, как ледниковый период, наступала неизбежная духовная ре-акция. Повторяю: тревожные симптомы поначалу не бро-

сались в глаза. Только немногие из нас держались настороженно. Я думаю, вы не хуже меня знаете, что произошло потом?

Иенсен не ответил. Новое, какое-то странное чувство начало захватывать его. Чувство одиночества, изоляции, словно и он, и этот маленький человечек в очках вместе очутились под стеклянным – точнее, пластмассовым – колпаком или на стенде какого-нибудь музея.

– Для нас важней всего было, конечно, то обстоятельство, что вся публицистика начала сливаться воедино, что владельцы продавали издательство за издательством, газету за газетой концерну, и всякий раз это мотивировалось соображениями экономической выгоды. Все шло прекрасно, до такой степени прекрасно, что те, кто пытался отныне выступить с критикой, чувствовали себя в положении пресловутой собаки, которая лает на луну. И люди, считавшиеся предусмотрительными, уже начали высказываться в том смысле, что глупо поднимать дискуссию вокруг вопросов, по которым, собственно, не может быть двух мнений. Лично я думал иначе, пусть из упрямства или фанатизма. И небольшой число деятелей культуры – этот термин был тогда в ходу – думало так же, как я.

Опять в комнате воцарилась тишина, и шум дождя больше не нарушал ее.

– Концерн пожрал и ту газету, где работал я. Не помню точно, когда это произошло. Во всяком случае, это явилось заключительным звеном в длинной цепи всевозможных слияний и перепродаж через подставных лиц и даже не вызвало сколько-нибудь громкого отклика. Мой отдел и без того усох до минимума. А под конец его и вовсе лик-

видировали – за ненадобностью. В практическом плане это означало, что я лишился средств к существованию. Та же участь постигла моих коллег из других газет и кое-кого из наших авторов. По непонятному стечению обстоятельств работы не нашлось только для наиболее упрямых и ершистых. Причину я понял лишь много позже. Извините, я принесу попить. Вы случайно не хотите?

Иенсен покачал головой. Хозяин встал и скрылся за дверью, которая, надо полагать, вела на кухню. Вернулся он со стаканом минеральной воды и, сделав несколько глотков, поставил стакан на стол перед собой.

– Впрочем, им все равно не удалось бы сделать из меня спортивного хроникера или референта на телевидении, – сказал он вполголоса. Затем он чуть приподнял стакан, явно желая проверить, не осталось ли мокрых следов на столе.

– Прошло несколько месяцев, – продолжал он. – Материальная сторона моей жизни выглядела весьма мрачно. И вдруг, к моему великому удивлению, меня пригласили в издательство, чтобы всесторонне обсудить возможности нашего сотрудничества.

Очередная пауза. Иенсен заметил время: 20:05. После мгновенного колебания он спросил:

– Вы признаете, что отправили руководству концерна анонимное письмо угрожающего содержания?

– Нет, нет, погодите, – сердито ответил хозяин и отхлебнул из стакана.

– Пошел я к ним в самом скептическом настроении и встретился с тогдашними руководителями концерна. Практически они почти все остались до сих пор на своих

местах. Встретили меня очень предупредительно и сделали мне предложение, которое несказанно удивило меня. Я до сих пор еще помню отдельные формулировки слово в слово. Не оттого, что у меня хорошая память, а оттого, что я записал их. Мне сказали, что дух свободной дискуссии не должен умереть, что носители его не должны прозябать в бездействии. Что, если даже общество близится к достижению совершенства, всегда могут найтись явления, достойные дискуссии. Что свободная дискуссия, даже когда в ней нет надобности, является одним из краеугольных камней идеального государства. Что все наличные завоевания культуры независимо от формы их выражения следует тщательно взлелеять, чтобы сохранить для потомства. И наконец, мне сказали, что, поскольку концерн уже взял на себя ответственность за большую часть жизнеспособной гласности в нашей стране, он готов также взять на себя ответственность и за дискуссии по вопросам культуры. Что они намерены издавать первый в стране разносторонний и абсолютно независимый журнал по вопросам культуры и привлечь к сотрудничеству в нем самых лучших и самых, так сказать, драчливых журналистов.

С каждым словом рассказчик все более воодушевлялся. Он пробовал даже перехватить взгляд Йенсена и удержать его.

— Повторяю, со мной обошлись очень корректно. Они весьма почтительно отозвались о моих столь часто высказываемых взглядах на еженедельники, обменялись со мной рукопожатием, как после партии в пинг-понг, и под конец заявили, что от души радуются возможности переубедить меня. После чего мне было сделано конкретное предложение.

Он помолчал немного, отдавшись своим мыслям, затем продолжал.

– Цензура, – сказал он. – Если я не ошибаюсь, официальной цензуры в нашей стране не существует.

Иенсен утвердительно кивнул.

– И несмотря на это, у нас более свирепая и придирчивая цензура, чем в любом полицейском государстве. Вы спросите: почему? Да потому, что она носит частный характер, не регламентирована законом и ведется такими методами, которые делают ее неуязвимой с юридической точки зрения. Потому, что не само право осуществлять цензуру – хорошенько заметьте разницу, – не само право, а практическая возможность зависит от людей, будь то чиновники или отдельные издатели, которые уверены, что их решения разумны и служат всеобщему благу. И потому, что люди в большинстве своем тоже разделяют их дурацкую уверенность и, следовательно, сами выступают в роли цензоров при каждом удобном случае.

Он быстро глянул на Иенсена, словно желая убедиться, что аудитория поспевает за ходом его рассуждений.

– Цензуре подвергается решительно все: пища, которую мы едим, газета, которую мы читаем, телевизионная программа которую мы смотрим, радиопередача, которую мы слушаем. Даже футбол и тот проходит цензуру – из матча удаляются те моменты, где игроки получают травмы или грубо нарушают правила. И все это – на благо человека. Подобное направление в нашем развитии можно было предугадать на весьма ранней стадии.

Он вычертил на своем листке еще несколько геометрических фигур.

— Мы, то есть те, кто был занят дискуссией по вопросам культуры, очень давно начали замечать эту тенденцию, хотя первоначально она проявлялась в сфере, которая внешне не имела к нам никакого отношения. Всего очевиднее сказывалась она в нашем судопроизводстве. Началось с требования строжайшей секретности — чем дальше, тем чаще и тем строже; военщина сумела убедить юристов и политиканов, что все эти мелочи чрезвычайно важны для безопасности государства. Затем мы заметили, что другие процессы все чаще идут при закрытых дверях — метод, который всегда представлялся мне сомнительным и нелепым, даже если речь шла о рядовом преступлении против нравственности. Кончилось тем, что почти каждый ерундовый процесс стал целиком или частично недоступен для широкой публики. Объяснение давалось всегда одно и то же: оградить личность от неприятных, волнующих или пугающих фактов, которые так или иначе могут нарушить ее душевный покой. В это же время стало известно вспоминаю, с каким удивлением я впервые констатировал сей факт, — что различные более или менее высокопоставленные государственные деятели и чиновники получили возможность налагать гриф «Совершенно секретно» на следствие и судебные процессы, касающиеся возглавляемых ими учреждений. Нелепейшие пустяки, как, например, вопрос, должны ли наши муниципалитеты сами заботиться о вывозке отходов, и тому подобные «проблемы», окутывались строжайшей секретностью, и никто даже ухом не повел. А в тех отраслях, которые находились под контролем частного капитала, и прежде всего в газетном деле, цензура была еще невыносимее. Порой даже не по злобе

или недоброжелательству, а в силу того, что они называют моральной ответственностью,

Он допил остаток воды.

– Ну, а о моральных критериях людей, обладающих такой властью, разумеется, следует говорить шепотом.

Иенсен глянул на часы: 20:17.

– В тот момент, когда профсоюзное движение и частные работодатели достигли полного единства, создалась концентрация сил, не имеющая себе противовеса. И организованная оппозиция исчезла сама собой.

Иенсен кивнул.

– Да и что прикажете делать оппозиции? Все проблемы решены и ликвидированы – даже жилищный вопрос и нехватка стоянок для машин. Уровень жизни возрастает с каждым днем, число детей, рожденных вне брака, сокращается, преступность падает. Только горсточка недоверчивых людей, диспутантов по призванию, словом, таких, как я, могла осуществлять оппозицию, могла подвергать критике политический фокус, на основе которого совершилось это моральное и экономическое чудо. Горсточка таких, кто был способен во всеуслышание задать ряд не идущих к делу вопросов: за счет чего мы достигли материального процветания? Почему вне брака рождается меньше детей? Почему уменьшилась преступность? И так далее.

– Ближе к делу, – напомнил Иенсен.

– Ну, разумеется, к делу, – сухо отозвался хозяин. – Мне сделали конкретное и чрезвычайно заманчивое предложение. Концерн намеревался издавать в числе прочих и этот чертов журнал. Писать для него и выпускать его будут

«самые сильные, самые взрывные, самые динамичные из всех деятелей культуры, населяющих нашу страну». Я до-словно помню всю фразу. Меня явно причисляли к этой категории, и – не скрою – я почувствовал себя польщен-ным. Мне показали список предполагаемых сотрудников редакции. Список меня изумил, ибо в нем я нашел имена людей – их было примерно двадцать пять, составлявших, на мой взгляд, культурную и интеллектуальную элиту страны. Все мыслимые средства будут предоставлены в наше распоряжение. Как вы думаете, удивился я, когда это услышал?

Иенсен равнодушно глянул на него.

– Ну, конечно, они выдвинули свои условия. Журнал должен быть рентабельным или по меньшей мере сводить концы с концами. Это же один из основных постулатов. Далее – личность должна быть ограждена от зла. Ну, чтобы достичь рентабельности, необходимо как можно более точно спланировать журнал, он должен, так сказать, найти свою форму. А прежде чем он найдет свою форму, надо тщательно изучить рыночную конъюнктуру. В этой связи нам было дозволено выпускать любое потребное количество пробных номеров. Чтобы не полагаться на волю случая. Что до содержания и тематики, тут нам предоставлялась полная свобода действий как на время пробных выпусков, так и позднее, когда журнал поступит в открытую продажу.

Он с горечью улыбнулся.

– Далее мне сказали, что у них существует такое профессиональное правило, согласно которому работа над новыми журналами в период их проектирования и ста-

новления должна вестись в условиях строжайшей секретности. А иначе кто-нибудь – один бог знает, кого они имели в виду, может похитить всю идею. Далее мне привели в пример такие-то и такие-то периодические непотребства, которые прошли через годы исканий, прежде чем занять свое место в плановой продукции издательства. Все это подкреплялось избитой истиной «тише едешь – дальше будешь», ибо медлительность в сочетании с глубокой секретностью дает превосходные результаты. Напоследок мне предложили подписать уже составленный контракт. Контракт был заманчивый – просто на диво. Я должен был сам назначить себе жалованье в разумных пределах. Сумма, на которой мы остановились, начислялась с учетом всех гонораров, буквально за каждую написанную мною строчку. Но, даже если гонораров не хватит для покрытия оговоренной суммы, она все равно будет выплачиваться полностью. Разумеется, сумма гонораров и выплаченного жалованья не всякий раз будет совпадать, и тогда я окажусь должником издательства – или наоборот. В таких случаях восстановление равновесия зависит от меня, и только от меня. Если мне переплатят, я должен буду некоторое время писать больше обычного, если недоплатят, я могу воспользоваться случаем и отдохнуть. В остальном контракт состоял из стандартных условий и оговорок: меня могут уволить за явную профессиональную непригодность или умышленное причинение ущерба, я не имею права расторгнуть контракт, не выплатив долги издательству, и всякое другое в том же духе.

Он потрогал ручку, не сдвинув ее с места.

– Ну, я и подписал. Контракт обеспечивал мне гораздо

более высокий доход, чем я когда-либо имел. Впоследствии оказалось, что и остальные подписали точно такие же контракты. А спустя несколько дней я приступил к работе в особом отделе.

Иенсен хотел что-то сказать, но подумал и воздержался.

– Да, официально он назывался особым. Прозвище «тридцать первый» возникло позднее. Дело в том, что мы расположились на тридцать первом этаже, выше всех. Первоначально на месте отдела предполагался какой-нибудь склад или чердачные помещения, так что многие даже и не подозревали о его существовании. Лифт до тридцать первого не ходит. Попасть туда можно только по железной винтовой лестнице, очень узкой. Окон там тоже нет, только на потолке два люка для света. Поместили нас туда, как нам было сказано, с двоякой целью. Во-первых, чтобы обеспечить нам необходимый для работы покой, во-вторых, чтобы легче было соблюдать условия строжайшей секретности на весь организационный период. Даже часы работы у нас были другие, и, кстати сказать, рабочий день значительно короче, чем у остальных сотрудников концерна. Тогда все это представлялось вполне естественным. Вы удивлены?

Иенсен не ответил.

– Итак, мы приступили к работе, и сперва у нас шла изрядная грызня. Вообразите себе две дюжины отъявленных индивидуалистов, две дюжины непокорных умов, не приведенных заблаговременно к общему знаменателю. Главным редактором у нас был абсолютно безграмотный тип, который впоследствии занял в концерне весьма видное положение. Я могу отлично пополнить имеющийся у вас

запас анекдотов, если расскажу, что ему удалось сделать такую карьеру в журналистике именно потому, что он точно так же, как шеф и издатель, страдает алексией, то есть словесной слепотой. Впрочем, тогда он не задира́л нос. Первый номер был подписан в набор только месяцев через восемь, отчасти потому, что нас очень задерживал производственный отдел. Номер получился что надо – резкий, смелый, и, к нашему величайшему удивлению, он встретил самый благосклонный прием у руководителей концерна. Хотя большинство статей было написано в резко критическом тоне и подвергало критике решительно все, включая еженедельники самого концерна, по поводу содержания мы не слышали ни одного худого слова. Нам просто указали на ряд технических погрешностей и прежде всего предложили повысить темпы. Ибо пока мы не можем гарантировать выпуск двух номеров в месяц, нечего и думать об открытой публикации. И это тоже казалось вполне естественным.

Хозяин приветливо взглянул на Иенсена.

– Прошло не менее двух лет, прежде чем мы с нашими возможностями, неповоротливыми наборщиками и несовершенной печатью сумели давать два номера в месяц. Журнал выходил регулярно. Мы делали десять пробных оттисков каждого номера и отдавали их в переплет для архива. Из-за строжайшей секретности мы не могли взять на вынос ни один номер. Ну, когда мы добились такой периодичности, руководство концерна выразило живейшее удовлетворение и, я бы даже сказал, удовольствие и заявило, что теперь осталось только одно разработать новый макет журнала, придать журналу современную форму,

которая поможет ему справиться с жестокой конкуренцией на открытом рынке. И хотите верьте, хотите нет, но лишь после того, как некая таинственная группа экспертов восемь месяцев бесплодно прозанималась поисками этой современной формы, мы начали...

— Что начали? — спросил комиссар Иенсен.

— ...начали наконец постигать их замысел во всей его глубине. А когда мы стали возражать, они в два счета укротили нас обещанием увеличить тираж пробного выпуска до пятисот экземпляров якобы затем, чтобы рассылать их по редакциям ежедневных газет и по всяким высоким инстанциям. Со временем мы догадались, что нас обманули, но только со временем. Когда мы, к примеру, совершенно точно установили, что название нашего журнала никому не известно, что содержание его никем не комментируется, и по этим признакам догадались, что никуда его не рассылают. Что его используют в качестве коррелята, или, другими словами, в качестве указателя, как и о чем не следует писать. Мы по-прежнему получали свои десять экземпляров. Ну, а дальше...

— Что дальше?

— А дальше сохранялось это чудовищное положение — куда ни кинь, всюду клин. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год культурная элита страны, последние из могикан, сидели в этих мрачных катакомбах и с убывающим энтузиазмом выжимали из себя очередной номер, который, несмотря ни на что, оставался единственным во всей стране журналом, достойным своего звания. И единственным во всей стране журналом, никогда не увидевшим света... За это время мы выслушали тысячи объяснений на

тому, почему все должно быть именно так, а не иначе. Окончательная форма представлялась не совсем удовлетворительной, темпы выпуска – недостаточно высокими, не хватало типографских мощностей. Ну и так далее. Только содержание никогда не вызывало нареканий,

Он постучал указательным пальцем по краю стола.

– А содержание могло бы многое изменить. Оно могло бы пробудить, пока не поздно, сознание народа, некоторых оно могло бы попросту спасти. Я уверен, что это так.

Он поднял руку, как бы желая отвести неначатую реплику.

– Я знаю, вы сейчас спросите: почему мы не ушли отсюда? Нет ничего проще: мы не могли.

– Объясните.

– С удовольствием. Наш контракт был составлен так, что все мы оказались в неоплатном долгу перед концерном. Проработав всего лишь год, я уже задолжал примерно половину того, что получил. Через пять лет цифра долга соответственно выросла в пять раз, через пятнадцать лет она достигла астрономических размеров – во всяком случае, для людей с обычными доходами. Это был так называемый «технический долг». Мы регулярно получали извещение о том, на какую именно сумму он возрос. Но никто с нас не требовал выплаты долга. И не собирался требовать до той минуты, пока кто-нибудь из нас не вздумает уйти из тридцать первого отдела.

– Но вы-то ушли?

– Да, но благодаря счастливой случайности. Нежданно-негаданно я получил наследство. И хотя наследство было весьма значительное, почти половина его ушла на то,

чтобы выплатить концерну задолженность. Задолженность, которая с помощью различных махинаций продолжала возрастать до той самой минуты, когда я проставил сумму на чеке. Но я вырвался. Я бы вырвался даже в том случае, если бы на это ушло все мое состояние. Если бы я знал, как это делают, я мог бы украсть или ограбить кого-нибудь, лишь бы добыть нужную сумму.

Он усмехнулся.

– Кража, грабеж – это все такие занятия, которые вряд ли пользуются в наши дни большой популярностью.

– Признаете ли вы...

Хозяин не дал ему докончить.

– Вы постигли весь смысл того, о чем я вам рассказал? Это было убийство, духовное убийство, куда более страшное и подлое, чем убийство физическое, убийство бесчисленных идей, убийство способности мыслить, убийство свободы слова. Преднамеренное убийство по первому разряду убийство целой области нашей культуры. А причина убийства – самая гнусная из всех мыслимых причин: гарантировать народу душевный покой, чтобы приучить его покорно глотать все, чем его пичкают. Вы понимаете – беспрепятственно сеять равнодушие, вводить в организм отраву, предварительно убедившись, что в стране не осталось ни врачей, ни противоядия.

Он проговорил это взволнованно, торопливо и потом, не переводя дыхания, продолжал:

– Конечно, вы можете возразить, что в общем и целом нам жилось недурно, если не считать тех девятерых, которые помешались, умерли или покончили с собой. И что концерну недешево обошлось удовольствие регулярно

вкладывать деньги в журнал, так никогда и не увидевший света. Но деньги для них – тьфу! Когда финансовые декларации составляют у них такие ловкачи и когда в налоговом управлении служат эти же... – Он не покончил и вдруг сказал с неожиданным спокойствием: – Простите, я прибегаю к недостойной аргументации. Ну, разумеется, я все признаю. Вы ведь знали с самого начала, что так оно и будет. Но во-первых, я решил предварительно отвести душу, а во-вторых, я проделал эксперимент местного значения. Я хотел посмотреть, сколько времени можно протянуть не сознаваясь.

Он снова засмеялся и сквозь смех заметил мимоходом:

– Нет у меня таланта на вранье.

– Объясните, почему вы это сделали.

– Когда мне удалось живым уйти оттуда, я решил по меньшей мере привлечь к этому делу хоть какое-нибудь внимание. Но почти сразу я понял, что нечего и надеяться написать и опубликовать где-нибудь хоть строчку. И тогда я подумал, что в народе могла сохраниться способность реагировать по крайней мере на проявления жестокости и сенсационные происшествия. Тут я и послал письмо. Разумеется, я поступил неправильно. Как раз в тот день мне разрешили наконец посетить одного из моих прежних коллег, который сидит в сумасшедшем доме, что напротив концерна. И вот я стоял и смотрел, как полиция перекрывает улицу, как съезжаются пожарные машины, как персонал покидает здание. Но о событии не было сказано ни звука, не было напечатано ни слова, не говоря уже о каких-нибудь комментариях.

– Вы не откажетесь повторить свое признание в присутствии свидетелей?

— Конечно, не откажусь, — рассеянно откликнулся хозяин. — Кстати, если вам нужны вещественные доказательства, нет ничего проще. Они все здесь.

Иенсен кивнул. Хозяин встал и подошел к одной из полок.

— Сейчас я достану первое вещественное доказательство. Итак, перед вами номер несуществующего журнала. Последний из выпущенных при мне.

Журнал был превосходно оформлен. Иенсен полистал его.

— Хотя все это сломило нас, мы не настолько лишились зубов, чтобы они рискнули выпустить нас на свободу. Мы поднимали любые вопросы. Табу для нас не существовало.

Содержание журнала потрясло Иенсена, хотя лицо его по-прежнему ничего не выражало. Он принялся изучать разворот, посвященный выяснению физиологической стороны вопроса: почему падает рождаемость и растет импотентность? По обе стороны текста были помещены две большие фотографии голых женщин. Женщины явно олицетворяли два различных женских типа. Одна напоминала картинки из заклеенного конверта, который попался Иенсену в столе главного редактора. У нее была стройная, но не худая фигура и узкие бедра. А на втором снимке Иенсен узнал номер четыре, женщину, в квартире которой ровно сутки тому назад он стоял, прислонясь к дверному косяку, и даже выпил стакан воды. Она держалась прямо и просто, чуть расставив ноги и свесив руки. У нее были большие черные соски, широкие бедра и округлый живот.

— Это совсем недавний снимок, — пояснил хозяин. —

Нам нужен был именно такой, но, пока мы его добыли, пришлось попотеть. Вероятно, сейчас этот тип встречается еще реже, чем прежде.

Иенсен продолжал перелистывать журнал, потом сложил его и взглянул на часы. 21:06.

– Соберите все, что нужно, и следуйте за мной.

Человек в очках кивнул.

В машине они продолжили разговор.

– Должен сделать еще одно признание.

– Слушаю.

– Завтра в то же самое время они получают точно такое же письмо. Я как раз ходил опускать его перед вашим приходом.

– Зачем?

– Так просто я не сдамся. Боюсь только, что на этот раз они вообще не станут заниматься моим письмом.

– Что вы знаете о взрывном деле?

– Меньше, чем первый директор издательства о Гегеле.

– Другими словами?

– Другими словами – ничего. Я не был даже на военной службе. Я уже тогда был пацифистом. Если бы в мои руки попал целый склад боеприпасов, я все равно не смог бы создать из него что-нибудь взрывчатое. Вы мне верите?

– Верю.

На полдороге к шестнадцатому участку Иенсен спросил:

– А у вас случайно не мелькала мысль и в самом деле взорвать здание?

Задержанный ответил лишь тогда, когда машина уже въехала во двор участка.

– Да, мелькала. Если бы я был в состоянии изготовить бомбу и знал наверняка, что ни один человек не пострадает, я возможно, взорвал бы Дом. А теперь бомба носит чисто символический характер.

Когда машина остановилась, он еще добавил, как бы для собственного сведения:

– Так или иначе, но я все выложил. И кому? Полицейскому!

Потом он повернулся к своему спутнику и спросил:

– Процесс, конечно, будет идти при закрытых дверях?

– Не знаю, – ответил Иенсен.

Он нажал кнопку на приборном щитке – выключил магнитофон, вылез из машины, обошел ее кругом и распахнул другую дверцу. Потом он отвел задержанного на регистрацию, а сам поднялся к себе в кабинет и позвонил начальнику патруля.

– Адрес записали?

– Да.

– Возьмите с собой еще двоих и выезжайте на место преступления. Соберите все вещественные доказательства, какие только сможете найти. И поторапливайтесь.

– Понял.

– Еще одно.

– Слушаю.

– Пошлите следователя в одиночку. Пусть снимет показания.

– Понял.

Иенсен поглядел на часы. Часы показывали тридцать пять минут десятого. До полуночи оставалось два часа двадцать пять минут.

– Иенсен? Куда вы опять пропали?

– Заканчивал следствие.

– Я третий день вас разыскиваю. Дело приняло неожиданный оборот.

Иенсен промолчал.

– Между прочим, что вы имели в виду, когда сказали: «Заканчивал следствие»?

– Что я задержал виновного.

В трубке послышалось тяжелое дыхание.

– И он сознался?

– Да.

– И уличен?

– Да.

– Значит, это он?

– Да.

Начальник полиции явно погрузился в размышления.

– Иенсен, надо немедленно известить шефа.

– Да.

– Вот и займитесь. Я думаю, вам следует лично сообщить ему эту новость.

– Понял.

– Пожалуй, оно и к лучшему, что я не смог поймать вас вчера.

– Не понял.

– Вчера руководители концерна связались со мной. Через министра. Мне сообщили, что на данном этапе всего разумнее прекратить следствие. И что они даже готовы взять иск обратно.

– Почему?

– Мне кажется, потому, что они считают, будто следствие зашло в тупик. И потому, что ваши методы представляются им обременительными. Вы якобы действуете совершенно вслепую и напрасно беспокоите людей, невиновных и вдобавок занимающих видное положение в обществе.

– Понял.

– В общем, разговор был не из приятных. Но поскольку я, признаюсь вам честно, не рассчитывал, что вы уложите в установленный срок, крыть было нечем. Министр прямо в лоб спросил меня, верю ли я, что у вас что-нибудь выйдет. И я вынужден был ответить: «Нет». Зато теперь, теперь...

– Слушаю.

– Теперь, насколько я понимаю, положение коренным образом изменилось.

– Да. И еще одно.

– Ну что там опять?

– Преступник, скорей всего, отправил второе письмо аналогичного содержания. Письмо должно прийти завтра.

– Это реальная угроза?

– Думаю, что нет.

– Будь наоборот, ситуация была бы поистине уникальная: преступник задержан за шестнадцать часов до совершения преступления.

Иенсен промолчал.

– Да, сейчас всего важнее поставить в известность шефа, отыщите его сегодня же. Это в ваших интересах.

– Понял.

– Иенсен!

– Слушаю.

– Вы славно потрудились. До свиданья.

Комиссар Иенсен положил трубку и секунд через десять снова поднес ее к уху. Набирая номер, он услышал со двора истерический визг.

На то, чтобы установить местопребывание шефа, ушло пять минут. Чтобы дозвониться до загородной виллы, где находился шеф, – еще пять. К телефону подошел кто-то из прислуги.

– У меня очень важное дело.

– Хозяин просил не беспокоить его.

– И срочное.

– Ничем не могу помочь. С хозяином случилось несчастье, теперь он лежит.

– В спальне есть телефон?

– Конечно, есть.

– Соедините меня с ним.

– Очень сожалею, но это невозможно. С хозяином случилось несчастье...

– Уже слышал. Попросите к телефону кого-нибудь из членов семьи.

– Хозяйка ушла.

– А когда вернется?

– Не знаю.

Иенсен положил трубку и взглянул на часы. Четверть одиннадцатого.

Сыр и бульон до сих пор напоминали о себе изжогой, и поэтому, сняв пальто, Иенсен прошел в туалет и выпил там щепотку соды.

Загородная вилла была расположена к востоку от го-

рода, в тридцати километрах, среди почти нетронутого леса, на берегу озера. Иенсен ехал быстро, включив сирены, и дорога заняла у него двадцать пять минут.

Он поставил машину перед домом и подождал немного. Когда из темноты вынырнул дежурный патруль, Иенсен опустил стекло.

– Говорят, здесь случилось несчастье?

– Тоже мне несчастье. Он, правда, лег в постель, но врача я не видел. А прошло уже несколько часов.

– Точнее.

– Это было... не помню, в каком часу это было, но уже смеркалось.

– А вы могли понять, что там произошло?

– Да, почти все. Я очень удачно стоял. Меня не видно, а я могу видеть всю террасу, комнату в нижнем этаже и лестницу к его спальне. И дверь спальни.

– Так что же произошло?

– У них были гости. С детьми, наверное, ради воскресенья.

Он смолк.

– Дальше.

– Дети, говоря, были, – задумчиво продолжал рассказчик. – Играли они на террасе, а сам он сидел с гостями в большой комнате на первом этаже и что-то пил. Скорее всего, водку, но не очень много.

– Ближе к делу.

– Вдруг на террасу влез барсук.

– Ну и?..

– Сдуру, должно быть. Дети поднимают крик, барсук не может убежать вокруг террасы идут такие вроде как перила, барсук мечется. Дети орут.

– Ну?

– А слуг поблизости нет. И никаких мужчин, кроме него. Ну и, конечно, меня. Вот он встает, выходит на террасу и смотрит, как мечется барсук. Дети вопят от страха. Сперва он раздумывал. А потом подошел к барсуку и подтолкнул его носком, чтобы спугнуть. Барсук пригнул голову и цап его за ногу. А потом он нашел выход и удрал.

– А шеф?

– Шеф вернулся в комнату, но, не присаживаясь вниз, стал подниматься по лестнице. Еще я видел, как он открыл дверь в свою комнату и упал прямо на пороге. Застонал и позвал жену. Примчалась жена и уложила его в постель. Потом они закрыли дверь. Наверно, она помогла ему раздеться. Она несколько раз выходила из комнаты и возвращалась с разными вещами – принесла чашку, наверно, еще термометр – на таком расстоянии разве увидишь?

– Барсук укусил его или нет?

– Укусить не укусил. Скорее, просто напугал. А странно...

– Что странно?

– Да вот с барсуком. Ведь они спят в это время года. Я сам смотрел по телевизору передачу про зимнюю спячку барсуков.

– Воздержитесь от ненужных подробностей.

– Понял.

– С сегодняшнего дня можете вернуться к обычным служебным обязанностям.

– Понял. – Он потерял свой бинокль. – Любопытное было задание, позволю себе заметить.

– Воздержитесь от ненужных подробностей. И еще одно.

– Слушаю.

– Ваша манера докладывать оставляет желать много лучшего.

– Понял.

Иенсен подошел к дому, и горничная впустила его. Где-то пробили часы. Одиннадцать. Иенсен стоял с фуражкой в руке и ждал. Через пять минут появилась жена шефа.

– В такое время? – спросила она надменно. – Я уже не говорю о том, что мой супруг стал жертвой несчастного случая и лежит в постели.

– Я по очень важному делу. И срочному.

Она поднялась наверх и вернулась через несколько минут,

– Вот здесь телефон, можете поговорить с ним, но недолго.

Иенсен снял трубку.

Шеф был явно утомлен, но голос у него был четкий и мелодичный.

– Так-так... Значит, вы его посадили?

– Он задержан.

– Где он сейчас?

– Ближайшие три дня он проведет в шестнадцатом участке.

– Чудненко. Бедняга, без сомнения, душевнобольной.

Иенсен промолчал.

– Выяснилось еще что-нибудь любопытное во время следствия?

– Нет.

– Чудненко. Всего вам наилучшего.

– Еще одно.

– Покороче, пожалуйста. Вы поздно пришли, а у меня был нелегкий день.

– Прежде чем его задержали, он успел отправить второе анонимное письмо.

– Ах та-ак. А содержание вам известно?

– Если верить его словам, оно ничем не отличается от первого.

Молчание так затянулось, что Иенсен даже счел разговор оконченным. Когда шеф заговорил снова, у него стал другой голос:

– Значит, он, как и в прошлый раз, грозит взорвать здание?

– Очевидно.

– А была у него возможность пронести в здание взрывчатку и подложить ее?

– Едва ли.

– Но можете ли вы поручиться, что это совершенно исключено?

– Конечно, не могу. И все же это представляется абсолютно невероятным.

Голос шефа отразил глубокие раздумья. Помолчав тридцать секунд, шеф завершил разговор следующими словами:

– У меня нет сомнений, что он душевнобольной. Все это крайне неприятно. Впрочем, если и принимать какие-то меры, так ведь не раньше чем завтра. Итак, покойной ночи.

Домой Иенсен возвращался на малой скорости. Пробыло полночь, а ему все еще оставалось добрых пятнадцать километров до города. Тут его обогнала большая черная машина.

Она удивительно напоминала машину шефа, хотя Иенсен не мог бы сказать с уверенностью, что это именно она.

Без малого в два он подъехал к своему дому.

Он устал, проголодался и совсем не испытывал почему-то того приятного чувства, которое появлялось у него всякий раз после законченного дела.

Он разделся в темноте, прошел на кухню, отмерил сто пятьдесят граммов и залпом осушил стакан. Потом прямо так, голый, подошел к мойке, ополоснул стакан, вернулся в комнату и лег.

Заснул он почти сразу. Последним, что успело на границе сна промелькнуть в его сознании, было чувство одиночества и неудовлетворенности.

27

Едва открыв глаза, Иенсен мгновенно стряхнул остатки сна. Что-то разбудило его, он только не знал что. Вряд ли это был какой-то звук извне телефонный звонок или выкрик. Скорей всего, мирное течение сна нарушила мысль, острая и ослепительная, как вспышка магния. Но как только он открыл глаза, мысль исчезла.

Он немного полежал, глядя в потолок. Встал минут через пятнадцать и прошел на кухню. Электрочасы показывали без пяти семь, день недели понедельник.

Иенсен достал из холодильника бутылку минеральной воды налил полный стакан и подошел со стаканом к окну. За окном лежала серая, заросшая, унылая местность. Иенсен выпил воду и пошел умываться. Он снял пижаму и сел в

ванну. Полежал в теплой воде, пока вода не остыла, после этого встал, ополоснулся под душем, слегка помассировал кожу и оделся.

Он не стал читать утренние газеты, но выпил медовой воды и съел три сухарика. Сухарики не помогли – только острее стал сосущий мучительный голод.

Машины он вел медленно и все же у моста чуть не проехал на красный свет. Пришлось резко затормозить. Сзади с единодушным укором взвыли машины.

Ровно в восемь тридцать Иенсен открыл дверь своего кабинета, а через две минуты зазвонил телефон.

– С шефом говорили?

– Только по телефону. К нему не допускают. Он лежит в постели.

– С чего это вдруг? Он болен?

– Его напугал барсук.

Начальник ответил не сразу, и Иенсен привычно ловил ухом его прерывистое дыхание.

– Думаю, что это было не так уж серьезно. Во всяком случае, сегодня рано утром шеф вместе с издателем улетели на какой-то заграничный конгресс.

– И что же?

– Я звоню вам не поэтому. Скорее, для того, чтобы сообщить, что ваши тревоги подошли к концу. Материалы следствия у вас оформлены?

Иенсен полистал протоколы.

– Да.

– Прокурор занялся этим делом в срочном порядке. Его люди приедут за арестованным минут через десять и переведут его в дом предварительного заключения. Вы передадите с ними все донесения и протоколы допросов.

– Понял.

Как только преступником займется прокуратура, вы можете закрыть дело, поставить галочку в календаре и выкинуть эту историю из головы. И я тоже.

– Понял.

– Вот и хорошо. Ну, до свиданья, Иенсен.

Из прокуратуры приехали точно в назначенное время. Иенсен стоял у окна и видел, как вывели арестованного. На нем были та же велюровая шляпа и серое пальто. Держался он вполне непринужденно: идя к машине, с любопытством оглядывал цементированный двор участка. Но ничего интересного во дворе не было – только шланг, да ведра, да двое полицейских в ярко-желтых комбинезонах.

Оба конвоира относились к своей задаче донельзя серьезно. Они не надели на арестованного наручники и не взяли его за руки, но вплотную зажали с обеих сторон. И еще Иенсен заметил, что один из них все время держит руку в кармане. Не иначе новичок.

Иенсен продолжал стоять у окна, хотя машина давно уехала. Потом он сел за стол, достал блокнот и перечитал свои заметки. В нескольких местах он надолго задерживался или возвращался к уже прочитанному.

Когда стенные часы одиннадцатью короткими звонками напомнили ему о времени, он отложил блокнот в сторону и минут десять, не меньше, рассматривал его. Затем он положил блокнот в коричневый конверт, а конверт запечатал и, написав на оборотной стороне номер, сунул его в нижний ящик стола.

После этого Иенсен пошел в буфет, механически отвечая по пути на приветствия подчиненных. Он заказал

стандартный завтрак целиком, получил тесно уставленный поднос и прошел к угловому столику, который всегда за ним числился. Завтрак состоял из трех ломтиков колбасного фарша, двух обжаренных луковиц, пяти разваренных картофелин и кудрявого салатного листа. Сверху все это было полито густым и клейким молочным соусом. Далее, к завтраку полагалась бутылка пастеризованного цельного молока, четыре куска черствого хлеба, порция витаминизированного растительного жира, плавленый сырок, стакан черного кофе, скользкий пряник с сахарной корочкой и джемом.

Он ел медленно, жевал тщательно, с таким отсутствующим видом, словно весь этот прием пищи не имел к нему решительно никакого касательства.

Разделавшись с завтраком, он долго и старательноковырял в зубах. А потом некоторое время сидел неподвижно, выпрямившись и сложив руки на краю стола. Казалось, он никуда не смотрит, и те, кто проходил мимо, не могли поймать его взгляд.

Через полчаса он вернулся в свой кабинет и сел за стол. Просмотрел обычные сообщения – о самоубийствах, об алкоголиках; наугад извлек из кучи донесений одно, пытался прочесть его внимательно, но дело не клеилось.

Пот лился с него ручьями, мысли разбегались, не поддаваясь контролю, а это с ним бывало редко.

Завтрак оказался непосильной нагрузкой для его желудка. Иенсен отложил донесение, встал, пересек коридор и открыл дверь уборной.

Он притворил за собою дверь. Его вырвало. Он стоял спиной к двери и думал, что в любую минуту сюда может

кто-нибудь войти и выстрелить ему в затылок. Если у вошедшего хороший револьвер, выстрел разнесет голову, он, Иенсен, повалится лицом на унитаз, так его потом и найдут.

Когда спазмы в желудке прекратились, мысли обрели прежнюю четкость.

Иенсен умылся, смочил затылок и руки холодной водой, причесался, почистил пиджак и вернулся к себе в кабинет.

28

Иенсен только успел сесть за стол, как зазвонил телефон. Он поднял трубку и по старой привычке глянул на часы: 13:08.

— Иенсен!

— Слушаю.

— Они только что получили письмо, как вы и предсказывали.

— Да?

— Мне звонил первый директор. Он в беспокойстве и сомнении.

— Почему?

— Как я уже сообщил вам утром, оба главы концерна — шеф и издатель находятся за границей. Вся ответственность тем самым ложится на него, а он, насколько я понимаю, не получил никаких указаний на этот счет.

— На какой счет?

— Насчет мер, которые он должен принять. Его, по-видимому, не информировали заблаговременно о

письме. И оно было для него равносильно взрыву бомбы. Мне кажется, он даже не знал, что преступник арестован.

— Понимаю.

— Он несколько раз меня переспрашивал, можем ли мы гарантировать на все сто процентов, что бомбы нет. Я ответил ему, что риск, во всяком случае, ничтожный. Но гарантировать что бы то ни было, да еще на сто процентов... Вот вы можете?

— Нет.

— Так или иначе, он просит выделить ему несколько человек на всякий случай. Мы не можем отказать ему в столь законной просьбе.

— Понимаю.

Начальник полиции откашлялся.

— Иенсен!

— Слушаю.

— Вам незачем брать это на себя. У вас и без того была нелегкая неделя, к тому же на этот раз мы имеем дело со случаем почти заурядным. А кроме того...

Короткая пауза.

— ...кроме того, директор не выразил особого восторга от возможности новой встречи с вами. Не будем уточнять почему.

— Слушаю.

— Вышлите те же силы, что и в прошлый раз. Ваш непосредственный помощник в курсе всех дел. Пусть он и командует.

— Понял.

— Если вам хочется, вы можете, разумеется, управлять операцией по радио. Словом, поступайте по собственному усмотрению.

– Понял.

– Не считите мои слова за попытку дезавуировать вас. Я думаю, вам не нужно это объяснять. Но, с другой стороны, у нас нет оснований не пойти навстречу человеку, когда можно.

– Понимаю.

Отдавая распоряжения начальнику патруля, Иенсен включил сигнал местной тревоги.

– Держитесь в тени. Не привлекайте внимания.

– Слушаю, комиссар.

Иенсен положил трубку и прислушался к звонкам в помещениях нижнего этажа.

Через одну минуту тридцать секунд машины выехали со двора. Часы показывали 13:12.

Иенсен просидел минуту, пытаясь сосредоточиться. Потом он встал и спустился в аппаратную. Полицейский вскочил из-за пульта и взял под козырек. Иенсен сел на его место.

– Где вы находитесь?

– За два квартала от площади Профсоюзов.

– Выключите сирены, когда проедете площадь.

– Понял.

Голос у Иенсена звучал спокойно, как всегда. На часы он не смотрел. Расчет времени был и так ясен до последней секунды.

Начальник патруля должен подъехать к Дому в 13:26.

– Прошли площадь. Вижу Дом.

– Ни одного человека в форме внутри Дома и перед ним.

– Понял.

– Пикет разделите на две части и поставьте в трехстах

метрах от дома. Перекройте оба подъездных пути.

– Понял.

– Увеличить дистанцию между автомобилями.

– Сделано.

– Следовать схеме прошлой недели.

– Понял.

– Сообщите мне сразу, как только оцените обстановку.

Разговор на время прервался. Иенсен разглядывал распределительный щит.

Дом принадлежал к числу самых высоких в стране и благодаря своему положению просматривался из любой части города. Он всегда был перед глазами, и, откуда бы человек ни ехал, Дом виднелся в конце его пути. Дом имел тридцать один этаж и стоял на квадратном фундаменте. На каждой стене было по четыреста пятьдесят окон и белые часы с красными стрелками. На облицовку пошла глазированная плитка, темно-синяя у основания Дома, но чем выше, тем светлей. При первом взгляде на Дом через ветровое стекло начальнику патруля показалось, будто Дом пробивается из-под земли, как неслыханных размеров колонна, и вонзается в холодное, по-весеннему безоблачное небо. Дом разрастался, заслоняя горизонт.

– Мы у цели. У меня все.

– У меня тоже.

Комиссар Иенсен взглянул на свои часы: 13:27.

Телефонист повернул выключатель.

Иенсен не шелохнулся и не оторвал взгляда от часов.

Секундная стрелка заглатывала время короткими торопливыми рывками.

В комнате стояла полная тишина. Лицо у Иенсена стало напряженное и сосредоточенное, зрачки уменьшились, во-

круг глаз побежали морщинки. Радист испытующе поглядел на начальника.

13:34... 13:35... 13:36... 13:37...

В динамике что-то затрещало.

– Комиссар?

– Да.

– Я видел письмо. Ясно, что его составил тот же человек. Буквы такие, все такое. Только бумага другая.

– Дальше.

– Тот, с кем я говорил, ну, этот директор издательства, ужасно волнуется. Дрожит – наверно, от страха, как бы чего не вышло в отсутствие шефов.

– Ну?

– Они эвакуируют здание, совсем как в прошлый раз. Четыре тысячи сто человек. Эвакуация уже началась.

– Где вы сейчас?

– Перед главным входом. Ну и народу!

– Пожарные?

– Вызваны. Одна машина. Думаю, хватит. Прошу прощения... Надо перекрыть улицу. Потом доложу.

Иенсен слышал, как начальник патруля отдает кому-то приказания. Потом все стихло.

13:46. Иенсен сидел все в той же позе. И выражение лица у него не изменилось.

Телефонист пожал плечами и подавил зевок.

13:52. В селекторе опять треск.

– Комиссар?

– Да.

– Народу стало меньше. В этот раз у них получилось быстрее. Должно быть, уже выходят последние.

– Доложите обстановку.

– Все в исправности. Перекрытие полное. Говорим, что лопнула теплоцентраль. Пожарная машина уже здесь. Все хорошо.

Он казался уверенным и невозмутимым. Говорил свободно, и голос его действовал успокоительно.

– Господи, ну и народищу! Вышли все.

Глаза Иенсена следили за секундомером. Круг, другой, третий. 13:55.

Телефонист зевнул.

– Хорошо хоть, дождя нет, – сказал начальник патруля.

– Воздержитесь от...

Тут Иенсен вздрогнул и приподнялся со своего места.

– Все покинули Дом? Отвечайте немедленно!

– Конечно, все, кроме маленького отдела, особого. Они там сидят в полной безопасности, да и не эвакуируешь их за такое короткое...

Кадры замелькали с лихорадочной быстротой. Он увидел все до мельчайших подробностей, словно при вспышке магния. И опустил на стул, не дослушав.

– Где вы сейчас?

– Перед главным...

– Немедленно в вестибюль. Немедленно!

Вспышка не кончалась. Теперь Иенсен знал, какая мысль мелькнула у него сегодня утром в ту долю секунды, когда он открыл глаза.

– Выполнено.

– Срочно в будку вахтера. К телефону. Наберите номер тридцать первого отдела. Там есть список всех телефонов.

Молчание. 13:56.

– Телефон... телефон не работает. А номер – вот он...

– Лифты?

- Ток отключен по всему Дому. И телефоны, и все...
- А если по лестницам? Сколько понадобится?
- Не знаю. Десять минут... Не знаю...
- Есть в Доме ваши люди?
- Двое, но не выше пятого этажа.
- Отзовите. Не отвечайте. Некогда.

13:57.

- Они спускаются.
- Где стоит пожарная машина?
- Перед входом. Мои уже спустились.
- Пусть пожарная машина отъедет за боковое крыло здания.
- Выполнено.

13:58.

- Позаботьтесь о своей безопасности. Немедленно за крыло. Бегом!

Тяжелые шаги, пыхтение.

- В Доме – никого?
- Да... кроме этих... из тридцать первого...
- Знаю. Прижмитесь к стене, в углу, надо укрыться от падающих предметов. Откройте рот. Расслабьте мускулы. Следите, чтобы не прикусить язык. У меня все.

13:59.

Иенсен снова повернул рычажок.

- Дайте сигнал общей тревоги, – сказал он радисту. – Не забудьте про вертолетную службу. И поскорей.

Тут Иенсен встал и вернулся в свой кабинет. Он сел за стол и начал ждать. Он ждал тихо, а про себя думал, будет ли слышен взрыв в его кабинете.

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

I

Церковные часы пробили два, когда она вышла из метро на Вольмар Иксюльсгатан. Она остановилась, закурила сигарету и быстро зашагала дальше, к Мариинской площади.

Дрожащий колокольный звон напомнил ей о безрадостных воскресных днях детства. Она родилась и выросла всего в нескольких кварталах от Мариинской церкви, где ее крестили и почти двенадцать лет назад конфирмовали. От всей процедуры перед конфирмацией ей запомнилось только одно: как она спросила священника, что подразумевал Стриндберг, говоря о «тоскующем дисканте» колоколов на Мариинской башне. Память не сохранила ответа.

Солнце пекло ей спину, и, миновав Санкт-Паульсгатан, она сбавила шаг, чтобы не вспотеть. Почувствовала вдруг, как расшалились нервы, и пожалела, что перед выходом из дома не приняла успокоительное.

Подойдя к фонтану посередине площади, она смочила в холодной воде носовой платок и села на скамейку в тени деревьев. Сняла очки, быстро вытерла лицо мокрым платком, потом протерла уголком голубой рубашки очки и снова надела их. Большие зеркальные стекла закрывали верхнюю часть лица. Сняв синюю широкополую шляпу из джинсовой ткани, она подняла длинные, до плеч, светлые волосы и вытерла шею. Снова надела шляпу, надвинула ее на лоб и замерла, сжимая платок руками.

Немного погодя она расстелила платок рядом с собой на скамейке и вытерла ладони о джинсы. Посмотрела на свои часы – двенадцать минут третьего – и дала себе еще три минуты на то, чтобы успокоиться.

Когда куранты пробили четверть, она открыла темно-зеленую брезентовую сумку с кожаным ремнем, которая лежала у нее на коленях, взяла со скамейки высохший платок и сунула комком в сумку. Встала, повесила ее на правое плечо и зашагала к Хурнsgатан. Понемногу ей удалось справиться с нервами, и она сказала себе, что все должно получиться, как задумано.

Пятница, 30 июня, для многих уже начался летний отпуск. На Хурнsgатан царило оживление – машины, прохожие. Свернув с площади налево, она оказалась в тени домов.

Она надеялась, что верно выбрала день. Все плюсы и минусы взвешены, в крайнем случае придется отложить операцию на неделю. Конечно, ничего страшного, и все-таки не хочется терзать себя недельным ожиданием.

Она пришла раньше времени и, оставаясь на теневой стороне, посмотрела через улицу на большое окно. Чистое стекло пестрело солнечными бликами, проносившиеся мимо машины тоже мешали, но она разглядела, что шторы опущены.

Она стала медленно прохаживаться по тротуару, делая вид, что ее занимают витрины. Хотя перед часовым магазином поодаль висел большой циферблат, она поминутно глядела на свои часы. И внимательно следила за дверью через улицу.

Без пяти три она направилась к переходу на углу и через четыре минуты очутилась перед дверью банка.

Прежде чем войти, она открыла замок брезентовой сумки, потом толкнула дверь.

Перед ней был длинный прямоугольник зала, в котором располагался филиал известного крупного банка. Дверь и единственное окно образовывали одну короткую сторону, от окна до противоположной стены тянулась стойка, часть левой стены занимали четыре конторки, дальше стоял низкий круглый стол и два круглых табурета с обивкой в красную клетку, а в самом углу вниз уходила крутая винтовая лестница, очевидно ведущая к абонентским ящикам и сейфу.

В зале был только один клиент, он стоял перед стойкой, складывая в портфель деньги и документы.

За стойкой сидели две женщины; третий служащий, мужчина, рылся в картотеке.

Она подошла к конторке и достала из наружного кармана сумки ручку, следя уголком глаза за клиентом, который направился к выходу. Взяла бланк и принялась чертить на нем каракули. Вскоре служащий подошел к двойным дверям и захлопнул на замок наружную часть. Потом он наклонился, поднял щеколду, удерживающую внутреннюю часть, и вернулся на свое место, провожаемый тихим вздохом закрывающейся двери.

Она взяла из сумки платок, поднесла его левой рукой к носу, как будто сморкаясь, и пошла с бланком к стойке.

Дойдя до кассы, сунула бланк в сумку, достала плотную нейлоновую сетку, положила ее на стойку, выхватила пистолет, навела его на кассиршу и, не отнимая от рта платок, сказала:

– Ограбление. Пистолет заряжен, в случае сопротив-

ления буду стрелять. Положите все наличные деньги в эту сетку.

Испуганно глядя на нее, кассирша осторожно взяла сетку и положила перед собой. Вторая женщина, которая в это время поправляла прическу, замерла, потом робко опустила руку с гребенкой. Открыла рот, как будто хотела что-то сказать, но не произнесла ни слова. Мужчина, стоявший у письменного стола, сделал резкое движение, она тотчас направила пистолет на него и крикнула:

– Ни с места! И руки повыше, чтобы я их видела!

Потом опять пригрозила пистолетом остолбеневшей кассирше.

– Поживее! Все кладите!

Кассирша торопливо набила пачками сетку и положила ее на стойку. Мужчина вдруг заговорил:

– Все равно у вас ничего не выйдет. Полиция...

– Молчать! – крикнула она.

Бросив платок в брезентовую сумку, она схватила сетку и ощутила в руке приятную тяжесть. Затем, продолжая угрожать служащим пистолетом, стала медленно отступать к двери.

Неожиданно кто-то метнулся к ней от лестницы в углу зала. Долговязый блондин в отутюженных белых брюках и в синем пиджаке с блестящими пуговицами и большим золотым вензелем на грудном кармане.

По залу раскатился грохот, ее руку дернуло вверх, блондин с вензелем качнулся назад, и она увидела, что на нем совсем новые белые туфли с красной рифленой резиновой подошвой. Лишь когда его голова с отвратительным глухим стуком ударилась о каменный пол, до нее вдруг дошло, что она его застрелила.

Она швырнула пистолет в сумку, кинула безумный взгляд на объятых ужасом служащих и бросилась к двери. Возясь с замком, успела подумать: «Спокойно, я должна идти спокойно», — но, выскочив на улицу, устремила к переулку чуть не бегом.

Она не различала прохожих, только чувствовала, что кого-то толкает, а в ушах ее по-прежнему стоял грохот выстрела.

Завернув за угол, она побежала, крепко держа сетку в руке; брезентовая сумка колотила ее по бедру. Вот и дом, где она жила ребенком. Она рванула дверь знакомого подъезда и пробежала мимо лестницы во двор. Заставила себя умерить шаг и через подъезд флигеля прошла на следующий двор. Спустилась по крутой лестнице в подвал и села на нижней ступеньке.

Сначала она попыталась запихнуть сетку поверх пистолета в брезентовую сумку, но сетка не влезала. Тогда она сняла шляпу, очки и светлый парик и сунула их в сумку. Ее собственные волосы были темные, с короткой стрижкой. Она встала, расстегнула рубашку, сняла и тоже уложила в сумку. Под верхней рубашкой на ней была черная футболка. Она повесила сумку на левое плечо, взяла сетку и поднялась по лестнице. Пересекла двор, миновала еще несколько подворотен и дворов, перелезла через две или три ограды и наконец очутилась на улице в другом конце квартала.

Она зашла в продовольственный магазин, взяла два литра молока и вместительную хозяйственную сумку из пластика, сунула в нее свою черную сетку, а сверху положила оба пакета с молоком. Потом направилась к станции метро «Слюссен» и поехала домой.

Гюнвальд Ларссон прибыл на место преступления на своей сугубо личной машине. Она была красного цвета, редкой для Швеции марки «ЭМВ», и многие считали ее чересчур роскошной для обыкновенного старшего следователя, тем более когда речь шла о служебных поездках. В этот ясный солнечный день он уже сел за руль, чтобы ехать домой, в Булмору, когда Эйнар Рённ выбежал во двор полицейского управления и разрушил его мечты о тихом вечере у себя дома. Эйнар Рённ тоже был старшим следователем отдела насильственных преступлений и, сверх того, пожалуй, единственным другом Гюнвальда Ларссона, так что его сочувствие Гюнвальду Ларссону, вынужденному пожертвовать свободным вечером, было вполне искренним.

Рённ выехал на Хурнsgатан на служебной машине. Когда он добрался до банка, там уже были сотрудники ближайшего участка, а Гюнвальд Ларссон успел даже приступить к опросу служащих.

У дверей банка теснился народ, и, когда Рённ ступил на тротуар, один из полицейских, сверливших глазами зевак, обратился к нему:

— У меня тут есть свидетели, которые говорят, будто слышали выстрел. Как с ними быть?

— Попросите их задержаться, — ответил Рённ. — А остальным лучше разойтись.

Полицейский кивнул, а Рённ вошел в банк.

На мраморном полу между стойкой и конторками лежал убитый. Он лежал на спине, раскинув руки и согнув в

колоне левую ногу. Штанина задралась, ниже нее белел орлоновый² носок с темно-синим якорьком и поблескивала светлыми волосками загорелая нога. Пуля попала в лицо, и от затылка по полу растеклась густая кровь.

Служащие сидели за стойкой, в дальнем углу. Гюнвальд Ларссон примостился перед ними на краю стола. Он записывал в блокнот показания, которые звенящим от волнения голосом давала кассирша.

Заметив Рённа, Гюнвальд Ларссон поднял широченную правую ладонь, и женщина смолкла на полуслове. Гюнвальд Ларссон встал, откинул перекладину в стойке, подошел с блокнотом к Рённу и указал кивком на убитого:

– Ишь, как его отделали. Останешься здесь? А я потолкую со свидетелями... скажем, во втором участке на Русенлюндсгатан. Чтобы вы могли работать тут без помех.

Рённ кивнул.

– Я слышал, будто это какая-то дева потрудилась, – сказал он. – И унесла денежки. Кто-нибудь видел, куда она подалась?

– Во всяком случае, никто из служащих, – ответил Гюнвальд Ларссон. – Один молодчик на улице как будто заметил машину, которая рванула с места, но он не обратил внимания на номер и насчет марки не уверен, так что от него мало проку. Но я потом еще потолкую с ним.

– А этот кто такой? – Рённ показал на убитого.

– Болван какой-то, вздумал разыграть героя, схватить грабителя. А она, понятное дело, с испугу взяла да вы-

² Акриловое синтетическое волокно. Основные торговые названия: нитрон, орлон, акрилан, кашмилон, куртель, дралон, вольпрыла.

стрелила. Здешний персонал знает его, постоянный клиент. У него внизу абонентский ящик, и черт дернул его подняться именно в эту минуту. – Гюнвальд Ларссон заглянул в блокнот. – Преподаватель гимнастики, фамилия – Гордон.

– Не иначе вообразил себя Молниеносным Гордоном из комикса, – сказал Рённ.

Гюнвальд Ларссон пристально поглядел на него.

Рённ покраснел и поспешил переменить тему:

– Ничего, мы найдем портрет грабителя в этой штуке, – он показал на укрепленную под потолком кинокамеру.

– Если не забыли пленку зарядить и резкость навести, – скептически произнес Гюнвальд Ларссон. – И если кассирша кнопку нажала.

Большинство банковских отделений теперь было оснащено кинокамерами, которые автоматически включались, когда дежурный кассир нажимал ногой кнопку в полу, – единственная мера, предписанная персоналу на случай появлений грабителей. С некоторых пор вооруженные налеты участились, и тогда начальство распорядилось, чтобы служащие не подвергали себя опасности, не пытались помешать налетчикам или задержать их, а сразу выдавали деньги. Однако было бы неверно думать, что такое решение вызвано заботой о персонале и прочими гуманными соображениями: просто опыт показал, что в конечном счете банкам и страховым обществам это выгоднее, чем выплачивать компенсацию пострадавшим, а то и пожизненное пособие семьям погибших.

Приехал судебный врач, и Рённ пошел к своей машине за оперативной сумкой. Он работал по старинке, но не-

редко с успехом. Гюнвальд Ларссон отправился в полицейский участок на Русенлюндсгатан, захватив с собой троих служащих и еще четверых свидетелей, которые вызвались дать показания.

Ему отвели помещение, он снял замшевую куртку, повесил ее на спинку стула и приступил к предварительному опросу.

Показания троих служащих банка совпадали, зато остальные четыре свидетельства сильно расходились.

Первым из четырех был мужчина сорока двух лет, который находился в подъезде метрах в пяти от банка, когда прозвучал выстрел. Он видел, как по улице пробежала девушка в черной шляпе и зеркальных очках, А когда он примерно через полминуты выглянул из подъезда, метрах в пятнадцати от него рванула с места зеленая легковая машина, как ему показалось, «опель». Машина умчалась в сторону площади Хурнсплан, и вроде бы девушка в черной шляпе сидела на заднем сиденье. Номер он не рассмотрел, а буквы, кажется, «АБ».

Следующая свидетельница, владелица небольшого магазина рядом с банком, стояла в дверях своей лавки и вдруг услышала громкий хлопок. Сперва ей почудилось, что хлопнуло в кухоньке за торговым помещением, и она побежала туда: думала, газ взорвался. Убедившись, что плита в порядке, она вернулась к двери. Выглянула на улицу и увидела, как большая синяя машина развернулась посреди улицы, только шины завизжали. В ту же минуту из банка выбежала женщина и закричала, что человека застрелили. Свидетельница не видела, кто сидел в машине, номера не запомнила, в марках машин не разбиралась. Что-то похожее на такси.

Третий свидетель, рабочий-металлист тридцати двух лет, дал более подробные показания. Он не слышал выстрела, во всяком случае, не обратил на него внимания. Шел по улице, вдруг из банка выскочила девушка. Она торопилась и, проходя мимо, толкнула его. Лица он не разглядел. Возраст – лет около тридцати. На ней были синие брюки, синяя рубашка, шляпа, в руке она держала темную сумку. Он видел, как она подошла к машине с буквой «А» и двумя тройками в номере. Машина – «рено-16», светло-бежевая. За рулем сидел худощавый мужчина лет двадцати-двадцати пяти. У него длинные, косматые черные волосы, белая футболка, очень бледное лицо. Второй мужчина, постарше, стоял на тротуаре рядом с машиной. Он открыл девушке заднюю дверцу, потом закрыл и сел рядом с водителем. Плечистый, рост около ста восьмидесяти сантиметров, волосы пепельные, курчавые, очень пышные, румяное лицо. Одет в черные расклешенные брюки и черную рубашку из какого-то блестящего материала. Машина развернулась и ушла в сторону Слюс-сена.

Показания металлиста привели Гюнвальда Ларссона в замешательство, и он прочел свою запись еще раз, прежде чем пригласить последнего свидетеля.

Это был пятидесятилетний часовщик, он сидел в своей машине перед самым банком и ждал жену, которая зашла в обувной магазин через улицу. Боковое окошко было опущено, и он слышал выстрел, но не понял, в чем дело: на Хурнsgатан большое движение, всяких шумов хватает. В пять минут четвертого из банка вышла женщина. Он обратил на нее внимание, потому что она очень спешила,

толкнула пожилую даму и даже не извинилась. Он еще подумал, как это типично для стокгольмцев – вечно торопятся и до других им дела нет. Сам он из Сёдертелье. Женщина была в брюках, на голове – что-то вроде ковбойской шляпы, в руке она держала черную сетку. Добежала до угла и свернула в переулок. Нет, она не садилась ни в какую машину и не останавливалась по пути, а проследовала напрямик до угла и скрылась.

Гюнвальд Ларссон передал по телефону в управление приметы обоих пассажиров «рено», затем поднялся, собрал свои бумаги и поглядел на часы. Уже шесть...

И скорее всего, он трудился впустую. Данные насчет машин давно сообщены полицейскими, которые первыми прибыли на место. К тому же в свидетельских показаниях слишком много расхождений. Словом, все кошке под хвост. Как обычно.

Может быть, еще поработать с тем свидетелем, который потолковее? Да нет, не стоит. Всем им явно не терпится поскорее отправиться домой.

По чести говоря, больше всех не терпелось уехать домой ему самому.

Да только на это теперь нечего надеяться.

Гюнвальд Ларссон отпустил свидетелей, надел куртку и вернулся к банку.

Останки доблестного учителя гимнастики уже увезли, но из патрульной машины вышел молодой полицейский и доложил, что старший следователь Рённ ждет старшего следователя Ларссона у себя в кабинете. Гюнвальд Ларссон вздохнул и пошел к своей машине.

Он открыл глаза и удивился – живой...

И в этом не было ничего нового, вот уже пятнадцать месяцев он каждое утро, проснувшись, недоуменно спрашивал себя:

«Как же я жив остался?»

И второй вопрос:

«Почему так вышло?»

Перед тем как проснуться, он видел сон. Этому сну тоже год и три месяца.

Только частности меняются, суть все та же.

Он скачет на коне. Мчится галопом, пригнувшись к холке, и холодный ветер треплет ему волосы.

Потом бежит по вокзальному перрону. Впереди – человек с пистолетом в руке. Он знает этого человека, знает, что сейчас будет. Это Чарлз Гито, у него спортивный пистолет марки «хаммерли интернешнл³».

Гито нажимает спуск, а он в ту же секунду бросается наперехват и принимает выстрел на себя. Удар в грудь, как от кувалды... Он пожертвовал собой. И уже очевидно, что жертва была напрасной. Президент лежит навзничь, блестящий цилиндр слетел с головы и катится по земле, описывая полукруг...

Он просыпается. Сначала все черно, мозг опалает волна жгучего пламени, затем он открывает глаза.

Мартин Бек лежал дома на кровати и смотрел в пото-

³ Чарлз Гито в июле 1881 года смертельно ранил двадцатого президента США – Гарфилда.

лок. В комнате было светло.

Он размышлял о своем сне. Дурацкий сон, а эта версия – особенно. И слишком много несуразицы. Взять, например, оружие: при чем тут спортивный пистолет, когда должен быть револьвер, на худой конец – «деррингер». И почему Гарфилд оказался смертельно раненным, ведь Мартин Бек принял пулю на себя?

Он не знал, как выглядел убийца на самом деле. Может, и видел когда-нибудь портрет, но память никаких примет не сохранила. В его снах Гито чаще всего был голубоглазый блондин с гладкой прической и светлыми усиками, но сегодня он больше всего напоминал какого-то известного киноактера.

Ну конечно – Джон Каррадин в роли игрока из «Дилижанса». Одним словом, сплошная романтика.

Впрочем, пуля в груди – отнюдь не романтика. Он знал это по собственному опыту. Если пуля, пройдя правое легкое, застрянет рядом с позвоночником, она временами вызывает острую боль и вообще основательно докучает человеку.

Вполне реалистичными были и другие детали его сна. Например, спортивный пистолет. На самом деле его держал в руке бывший полицейский, голубоглазый блондин с гладкой прической и светлыми усиками. Они встретились на крыше дома под холодным весенним небом. Весь обмен мнениями свелся к пистолетному выстрелу.

Вечером того же дня он очнулся в комнате с белыми стенами, точнее, в отделении грудной хирургии Каролинской больницы. И хотя ему сказали, что рана не смертельная, он с удивлением спрашивал себя, как это вышло, что

он остался жив.

Потом ему сказали, что рана уже не угрожает жизни, однако пуля неудачно расположена. Он оценил тонкость намека, заключенного в словечке «уже», но ему от этого не стало легче. Хирурги не одну неделю штудировали рентгеновские снимки, прежде чем извлекли из его груди чужеродное тело. После этого ему объявили, что теперь опасность окончательно миновала. Он совершенно оправится при условии, что будет вести спокойный, размеренный образ жизни. Да только к тому времени он перестал им верить.

Тем не менее он вел спокойный, размеренный образ жизни. Собственно, у него не было выбора.

Теперь его уверяют, что он совершенно оправился. Правда, опять с небольшим прибавлением: физически.

Кроме того, ему не следует курить. Он и раньше-то не мог похвастаться хорошими бронхами, а тут еще и легкое прострелено. После заживления вокруг рубцов отмечены какие-то подозрительные тени.

Ладно, пора вставать.

Мартин Бек прошел через гостиную в холл и поднял газету с коврика у двери. По пути на кухню пробежал глазами заголовки на первой странице. Погода хорошая, и метеорологи обещают, что она еще продержится. В остальном ничего отрадного, как обычно.

Он положил газету на стол, достал из холодильника пакет йогурта и выпил. Н-да, вкусным его не назовешь, как всегда, отдает чем-то затхлым, ненатуральным. Должно быть, срок хранения истек еще в магазине. Давно прошли те времена, когда в Стокгольме можно было без особого труда и не слишком переплачивая купить что-нибудь све-

жее.

Теперь – в ванную. Умывшись и почистив зубы, он вернулся в спальню, убрал постель, снял пижамные штаны и начал одеваться.

Глаза его равнодушно скользили по комнате. Большинство стокгольмцев сказали бы, что у него не квартира – мечта. Верхний этаж дома на Чёпмангатан в Старом городе, всего три года, как вселился. И он хорошо помнил, как славно ему жилось вплоть до той злополучной стычки на крыше.

Теперь он чаще всего чувствует себя как в одиночке, даже когда его кто-нибудь навещает. И квартира тут, пожалуй, ни при чем – в последнее время он и на улице подчас чувствует себя как в заточении.

Что-то беспокойно на душе, сейчас бы сигарету. Правда, врачи сказали, что ему надо бросить курить, но мало ли что врачи говорят. Хуже то, что государственная табачная фирма перестала выпускать его любимую марку, а папирос теперь вообще не купишь. Два-три раза пробовал другие марки – не то...

Сегодня Мартин Бек одевался особенно тщательно. Повязывая галстук, он безучастно разглядывал модели на полке над кроватью. Три корабля, два совсем готовые, один собран наполовину. Увлечение началось лет восемь назад, но с апреля прошлого года он ни разу не прикасался к моделям.

С тех пор они успели основательно запылиться.

Дочь много раз вызывалась протереть корабли, но он упросил ее не трогать их.

Половина восьмого, понедельник, 3 июля 1972 года.

Не простой день, особенный.

Сегодня он вновь приступает к работе.

Ведь он по-прежнему полицейский, точнее, комиссар уголовной полиции, руководитель группы расследования убийств.

Мартин Бек надел пиджак и сунул газету в карман, с тем чтобы прочесть ее в метро. Еще одна частица привычного распорядка, к которому предстоит вернуться.

Идя вдоль набережной Шеппсбрун под яркими лучами солнца, он вдыхал отравленный воздух. И чувствовал себя обессиленным стариком.

Внешне это никак не выражалось. Напротив, он выглядел бодрым, сильным, двигался быстро и ловко. Высокий загорелый мужчина, энергичная челюсть, широкий лоб, спокойные серо-голубые глаза.

Мартину Беку исполнилось сорок девять. До пятидесятого дня рождения оставалось немного, но большинство считало, что он выглядит моложе.

IV

Кабинет в здании на аллее Вестберга красноречиво свидетельствовал, что кто-то другой долго исполнял обязанности руководителя группы расследования убийств.

Конечно, кабинет был тщательно убран, и чья-то заботливая рука даже поставила на письменном столе вазу с васильками и ромашками, и все-таки давали себя знать отсутствие педантизма и явная склонность к милому беспорядку.

Особенно в ящиках письменного стола.

Вне всякого сомнения, кто-то совсем недавно извлек из них кучу предметов, но кое-что осталось. Например, квитанции за такси, старые билеты в кино, исписанные шариковые ручки, коробочки из-под пилюль. На канцелярских подносиках цепочки из скрепок, круглые резинки, куски сахара, конвертики с заваркой... Две косметические салфетки, пачка бумажных носовых платков, три пустые гильзы, сломанные часы марки «Экзакта»... Не говоря уже о многочисленных клочках бумаги с различными записями, сделанными крупным, четким почерком.

Мартин Бек уже обошел другие кабинеты, поздоровался с коллегами. Большинство были старые знакомые, но он увидел и немало новых лиц.

Теперь он сидел за письменным столом, штудировав ручные часы. Они годились только в утиль, стекло запотело изнутри, а в корпусе, если встряхнуть, гремело так, словно весь механизм рассыпался.

В дверь постучали, и вошел Леннарт Колльберг.

— Привет, — сказал он. — Добро пожаловать.

— Спасибо. Твои часы?

— Ага, — мрачно подтвердил Колльберг. — Они побывали в стиральной машине. Забыл карманы опростать.

Он поглядел кругом и виновато добавил:

— Честное слово, я начал прибираться в пятницу, но меня оторвали. Сам знаешь, как это бывает...

Мартин Бек кивнул. Колльберг чаще других навещал его в больнице и дома, и они обменивались новостями.

— Худеешь?

— Еще как, — ответил Колльберг. — Утром взвешивался, уже полкило долой, было сто четыре, теперь сто три с по-

ловиной.

– Значит, на диете всего десять кило прибавил?

– Восемь с половиной, – возразил Колльберг с оскорбленным видом. Потом пожал плечами и добавил:

– Черт те что. Дурацкая затея. Гюн только смеется надо мной. И Будиль тоже... А ты-то как себя чувствуешь?

– Хорошо.

Колльберг насупился, но ничего не сказал. Открыв свой портфель, он достал прозрачную папку из розового пластика. В папке лежало что-то вроде сводки, небольшой, страниц на тридцать.

– Что это у тебя?

– Считай, что подарок.

– От кого?

– Допустим, от меня. Вернее, не от меня, а от Гюнвальда Ларссона и Рённа. Такие остряки, дальше ехать некуда.

Колльберг положил папку на стол. Потом добавил:

– Извини, мне пора.

– Далеко?

– В цепу.

Что означало: ЦПУ, Центральное полицейское управление.

– Зачем?

– Да все эти чертовы ограбления банков.

– Но ведь этим специальная группа занимается.

– Спецгруппа нуждается в подкреплении. В пятницу опять какой-то болван на пулю нарвался.

– Знаю, читал.

– И начальник цепу сразу же решил усилить

спецгруппу.

— Тобой?

— Нет, — ответил Колльберг. — Тобой, насколько я понимаю. Но приказ был получен в пятницу, а тогда еще я заправлял здесь и принял самостоятельное решение.

— А именно?

— А именно: пожалеть тебя и самому отправиться в этот сумасшедший дом.

— Спасибо, Леннарт.

Мартин Бек был искренне благодарен товарищу. Работа в спецгруппе влекла за собой ежедневное соприкосновение с начальником ЦПУ, минимум с двумя его заместителями и кучей заведующих отделами, не считая прочих важных шишек, ни черта не смыслящих в деле. И вот Колльберг добровольно принимает огонь на себя.

— Не за что, — продолжал Колльберг, — взамен ты получишь вот это.

Его толстый указательный палец уперся в папку.

— И что же это такое?

— Дело, — ответил Колльберг. — По-настоящему интересное дело, не то что ограбление банка и прочая дребедень. Жаль только...

— Что жаль?

— Что ты не читаешь детективы.

— Почему?

— Может, лучше оценил бы подарок. Рённ и Ларссон думают, что все читают детективы. Собственно, дело это по их ведомству, но они так перегружены, что только рады поделиться с желающими. Тут надо поработать головой. Сидеть на месте и думать, думать.

- Ладно, погляжу, – безучастно произнес Мартин Бек.
- В газетах ни слова не было. Ну как, завел я тебя?
- Завел, завел. Пока.
- Пока.

Выйдя из кабинета, Колльберг остановился, нахмурил брови, несколько секунд постоял около двери, потом озабоченно покачал головой и зашагал к лифту.

V

Мартин Бек покривил душой, когда ответил утвердительно на вопрос Леннарта Колльберга. На самом деле содержимое розовой папки его ничуть не волновало.

Почему же он погрешил против истины?

Чтобы сделать приятное товарищу? Вряд ли.

Обмануть его? Ерунда. Во-первых, незачем, во-вторых, из этого ничего не вышло бы. Они слишком хорошо и слишком давно знали друг друга, к тому же кого-кого, а Колльберга не так-то просто провести.

Сам себя обманывал? Тоже чушь.

Продолжая мусолить этот вопрос, Мартин Бек довел до конца методическое обследование своего кабинета.

После ящиков стола он принялся за мебель, переставил стулья, повернул письменный стол, пододвинул шкаф чуть ближе к двери, привинтил настольную лампу справа. Его заместитель, видимо, предпочитал держать ее слева. А может, это вышло чисто случайно. В мелочах Колльберг нередко поступал как Бог на душу положит. Зато в важных делах он был предельно основателен. Так, с женитьбой прождал до сорока двух лет, не скрывая, что ему нужна

идеальная жена. Ждал ту, единственную.

На счету Мартина Бека числилось почти двадцать лет неудачного брака с особой, которая явно не была той, единственной.

Правда, теперь он опять холостяк, но, похоже, слишком долго тянул с разводом. За последние полгода Мартин Бек не раз ловил себя на мысли, что, пожалуй, все-таки зря развелся. Может быть, нудная, сварливая жена лучше, чем никакой... Ладно, это не самая важная из его проблем.

Он взял вазу с цветами и отнес одной из машинисток. Она как будто обрадовалась.

Мартин Бек вернулся в кабинет, сел за стол и посмотрел кругом. Порядок восстановлен.

Уж не пытается ли он внушить себе, что все осталось по-прежнему? Праздный вопрос, лучше выкинуть его из головы. Он потянул к себе прозрачную папку, чтобы отвлечься.

Так, смертный случай... Что ж, порядок. Смертные случаи как раз по его части.

Ну и где же произошел этот случай?

Бергсгатан, пятьдесят семь. Можно сказать, под носом у полицейского управления.

Вообще-то он вправе заявить, что его группа тут ни при чем, этим делом должна заниматься стокгольмская уголовная полиция. Позвонить на Кунгсхольмен и спросить, о чем они там думают? Или еще того проще – положить бумаги в пакет и вернуть отправителю.

Позыв к закоснелому формализму был настолько силен, что Мартину Беку пришлось сделать усилие над собой, чтобы не поддаться.

Он поглядел на часы. Время ленча. А есть не хочется.

Он встал, дошел до туалета и выпил теплой воды.

Вернувшись, обратил внимание, что в кабинете душно, воздух застоялся. Тем не менее он не стал снимать пиджак, даже не расстегнул воротничок.

Сел за стол, вынул бумаги из папки и начал читать

Двадцать восемь лет службы в полиции многому его научили, в частности как, читать донесения и сводки, отбрасывая все лишнее и второстепенное и схватывая суть. Если таковая имелаась.

Меньше часа ушло у него на то, чтобы внимательно изучить все документы. Тяжелый слог, местами ничего не поймешь, а некоторые обороты просто ни в какие ворота не лезут. Это, конечно, Эйнар Рённ – сей стилист от полиции явно пошел в печально известного чинушу, который в сочиненных им правилах уличного движения утверждал, что темнота наступает, когда зажигаются уличные фонари.

Мартин Бек еще раз перелистал сводку, останавливаясь на некоторых деталях.

Потом отодвинул бумаги в сторону, поставил локти на стол и обхватил ладонями лоб.

Нахмурил брови и попробовал осмыслить, что же произошло.

Вся история распадалась на две части. Первая из них была обыденной и отталкивающей.

Две недели назад, то есть в воскресенье 18 июня, один из жильцов дома 57 по Бергсгатан на острове Кунгсхольмен вызвал полицию. Вызов был принят в 14:19, но патрульная машина с двумя полицейскими прибыла на место только через два часа. Правда, от полицейского управления

до указанного дома всего пять минут пешком, но задержка объяснялась просто. Во-первых, в стокгольмской полиции вообще не хватало людей, а тут еще отпускная пора, да к тому же воскресенье. Наконец, дело явно было не такое уж срочное.

Полицейские Карл Кристианссон и Кеннет Квастму вошли в дом и обратились к женщине, от которой поступил вызов. Заявительница жила на втором этаже. Она сообщила, что уже несколько дней на лестнице стоит неприятный запах, который заставил ее заподозрить неладное.

Оба полицейских тоже сразу обратили внимание на запах. Квастму определил его как запах разложения, «очень похожий на вонь от тухлого мяса». Дальнейшее определение источника запаха (сообщал тот же Квастму) привело их к дверям квартиры этажом выше. По имеющимся данным, за дверью находилась однокомнатная квартира, с некоторых пор занимаемая жильцом примерно шестидесяти лет по имени Карл Эдвин Свядр. Фамилия установлена по сделанной от руки надписи на кусочке картона под кнопкой электрического звонка. Поскольку были основания предполагать, что в квартире может находиться тело самоубийцы, или покойника, умершего естественной смертью, или собаки (писал Квастму), а возможно, больной и беспомощный человек, было решено проникнуть внутрь. Электрический звонок явно не работал, а на стук никто не отзывался. Попытки найти управляющего домом, дворника или кого-нибудь еще, располагающего вторым ключом, не дали результата. Тогда полицейские обратились за инструкциями к начальству и получили приказание проникнуть в квартиру.

Послали за слесарем, на это ушло еще полтора часа. Когда прибыл слесарь, он констатировал, что дверь заперта на замок с секретом, не поддающийся никаким отмычкам, и щель для почты отсутствует. С помощью специального инструмента замок удалось вырезать, но дверь тем не менее не открылась.

Кристианссон и Квастму, дежурство которых давно кончилось, снова обратились за инструкциями и получили распоряжение выломать дверь. На вопрос, не будет ли при этом присутствовать кто-нибудь из уголовной полиции, им сухо ответили, что больше послать некого.

Слесарь уже ушел, сделав свое дело.

Около семи вечера Квастму и Кристианссону удалось снять дверь с наружных петель, сломав шпильки. Но тут «возникли новые препятствия». Как выяснилось затем, дверь, помимо замка, запиралась двумя металлическими задвижками и железной балкой, которая «утапливалась в косяк». И только еще через час полицейские смогли проникнуть в квартиру, где царила страшная духота и стоял невыносимый трупный запах.

В комнате, окно которой выходило на улицу, был обнаружен мертвец. Он лежал на спине примерно в трех метрах от окна, рядом с включенным электрокамином. Из-за жаркой погоды и тепла от камина труп раздулся и стал «по меньшей мере вдвое больше обычной толщины». Разложение достигло высокой степени, «в изобилии наблюдались черви».

Окно было заперто на щеколду изнутри, штора спущена.

Второе окно, на кухне, выходило во двор. Рама была заклеена бумажной лентой и, судя по всему, давно не от-

крывалась.

Мебели было мало, обстановка убогая. Квартира «в смысле потолка, пола, стен, обоев и покраски» сильно запущена.

Число обнаруженных предметов обихода на кухне и в жилой комнате совсем незначительно.

Из найденных пенсионных документов было выяснено, что покойник – Карл Эдвин Свард, 62 года, бывший складской рабочий, пенсия назначена по инвалидности шесть лет назад.

После осмотра квартиры следователем Гюставссоном тело было отправлено на судебно-медицинскую экспертизу.

Предварительное заключение: самоубийство или смертный случай вследствие голода, болезни или иных естественных причин.

Мартин Бек порылся в карманах пиджака, тщетно пытаясь нащупать снятые с производства сигареты «Флорида».

Газеты ничего не писали о Сварде. Стишком банальная история. Стокгольм занимает одно из первых мест в мире по числу самоубийств, но об этом стараются не говорить, а когда уж очень прижмет, выкручиваются с помощью подтасованной и лживой статистики. Обычное и самое простое объяснение – в других странах со статистикой ловчат еще больше. Правда, в последние годы даже члены правительства не решаются официально прибегать к этому трюку. Должно быть, уразумели, что люди больше доверяют собственным глазам, чем уверткам политиканов.

Ну а если это не самоубийство, то и вовсе ни к чему

шум поднимать... Дело в том, что так называемое общество всеобщего благоденствия изобилует больными, нищими и одинокими людьми, которые в лучшем случае питаются собачьим кормом и чахнут без всякого ухода в крысиных норах, громко именуемых человеческим жильем.

Словом, история явно не для широкой публики. Да и полиции как будто делать нечего.

Если бы повесть о пенсионере Карле Эдвине Сварде этим исчерпывалась. Однако у нее было продолжение.

VI

Мартин Бек был старый служака и хорошо знал: если в сводке не сходятся концы с концами, в девяноста девяти случаях из ста причина заключается в том, что кто-то работал спустя рукава, совершил ошибку, небрежно оформил протокол, не уловил сути дела или попросту не умеет вразумительно излагать свои мысли.

Вторая часть истории о покойнике в доме на Бергсгатан заставила Мартина Бека насторожиться.

Поначалу все шло как положено. В воскресенье вечером тело увезли в морг. В понедельник в квартире произвели столь необходимую дезинфекцию, и в тот же день сотрудники полиции оформили надлежащий протокол.

Вскрытие было произведено во вторник; заключение поступило в полицейское управление на следующий день.

Исследовать старый труп отнюдь не весело, особенно когда заранее известно, что человек покончил с собой или умер естественной смертью. А если он к тому же не зани-

мал видного места в обществе, скажем, был всего-навсего скромным пенсионером, бывшим складским рабочим, в таком деле и подавно нет ничего интересного.

Подпись на протоколе вскрытия была незнакома Мартину Беку – скорее всего, какой-нибудь временный работник... Текст пестрил учеными словами, и разобраться в нем было непросто.

Возможно, оттого и дело продвигалось не слишком быстро. Ибо в отдел насильственных преступлений, к Эйнару Рённу, документы, судя по всему, попали только через неделю. И только там, похоже, произвели надлежащее впечатление.

Мартин Бек пододвинул к себе телефон, чтобы впервые за много месяцев набрать служебный номер. Поднял трубку, положил правую руку на диск и задумался.

Он забыл номер морга. Пришлось заглянуть в справочник.

– Ну конечно, помню. – В голосе эксперта (это была женщина) звучало удивление. – Заключение отправлено нами две недели назад.

– Знаю.

– Там что-нибудь неясно?

– Просто я тут кое-чего не понимаю...

– Не понимаете? Как так?

Кажется, она оскорблена?

– Согласно вашему протоколу, исследуемый покончил с собой.

– Совершенно верно.

– Каким способом?

– Разве это не вытекает из заключения? Или я написала

так невразумительно?

— Что вы, что вы.

— Так чего же вы тогда не поняли?

— По чести говоря, довольно много. Но виновато, разумеется, мое собственное невежество.

— Вы подразумеваете терминологию?

— И ее тоже.

— Ну, такого рода трудности неизбежны, если у вас нет медицинского образования, — утешила она его.

Высокий, звонкий голос — должно быть, совсем молодая.

Мартин Бек промолчал. Ему следовало бы сказать: «Послушайте, милая девушка, это заключение предназначено не для патологоанатомов. Запрос поступил из полиции, значит, надо писать так, чтобы любой оперативный работник мог разобраться».

Но он этого не сказал. Почему?

Врач перебила его размышления:

— Алло, вы слушаете?

— Да-да, слушаю.

— У вас есть какие-нибудь конкретные вопросы?

— Да. Прежде всего, хотелось бы знать, на чем основана ваша гипотеза о самоубийстве.

— Уважаемый господин комиссар, — ответила она озадаченно, — тело было доставлено нам полицией. Перед тем как произвести вскрытие, я разговаривала по телефону с сотрудником, который, насколько я понимаю, отвечал за дознание. Он сказал, что случай рядовой и ему нужен ответ только на один вопрос.

— Какой же?

– Идет ли речь о самоубийстве.

Мартин Бек сердито потер костяшками пальцев грудь. Рана до сих пор давала себя знать. Ему объяснили, что это психосоматическое явление, все пройдет, как только подсознание отключится от прошлого. Но сейчас его раздражало как раз не прошлое, а самое натуральное настоящее. И подсознание тут вовсе ни при чем.

Допущена элементарная ошибка. Вскрытие должно производиться объективно. Наводить судебного врача на версию – чуть ли не должностное преступление, особенно когда патологоанатом, как в данном случае, молод и неопытен.

– Вы запомнили фамилию сотрудника, который говорил с вами?

– Следователь Альдор Гюставссон. Я поняла так, что он ведет это дело. Он произвел на меня впечатление опытного и сведущего человека.

Мартин Бек не имел никакого представления о следователе Альдоре Гюставссоне и его профессиональных качествах.

– Итак, полиция дала вам определенные установки? – спросил он.

– Можно сказать и так. Во всяком случае, мне дали ясно понять, что подозревается суицид.

– Вот как.

– Разрешите напомнить, что суицид означает «самоубийство».

Мартин Бек оставил эту шпильку без ответа.

– Вскрытие было сопряжено с трудностями? – осведомился он.

– Да нет. Если не считать обширных органических из-

менений. Это всегда накладывает свой отпечаток.

Интересно, много ли самостоятельных вскрытий на ее счету?

– Процедура долго длилась?

– Нет, недолго. Поскольку речь шла о самоубийстве или остром заболевании, я начала с вскрытия торакса.

– Почему?

– Покойный был пожилой человек. При скоропостижной смерти естественно предположить сердечную недостаточность или инфаркт.

– Откуда вы взяли, что смерть была скоропостижной?

– Ваш сотрудник намекнул на это.

– Как намекнул?

– Довольно откровенно, помнится мне.

– Что он сказал?

– Сказал? Что старичок либо покончил с собой, либо у него был разрыв сердца. Что-то в этом роде.

Еще одна вопиющая ошибка. В деле нет никаких данных, исключаящих возможность того, что Свард перед смертью несколько суток пролежал парализованный или в забытии.

– Ну хорошо, вы вскрыли грудную клетку.

– Да. И почти сразу мне все стало ясно. Версия напращивалась сама собой.

– Самоубийство?

– Вот именно.

– Каким способом?

– Покойник выстрелил себе в сердце. Пуля осталась в тораксе.

– Он попал в самое сердце?

– Почти. А точнее, в аорту. – Она помолчала. Потом

спросила не без яда: – Я выражаюсь достаточно понятно?

– Да.

Мартин Бек постарался возможно тщательнее сформулировать следующий вопрос:

– У вас большой опыт работы с огнестрельными ранами?

– Полагаю, вполне достаточный. К тому же данный случай представляется не таким уж сложным.

Сколько убитых огнестрельным оружием довелось ей вскрывать? Троих? Двоих? А может быть, всего лишь одного?

Словно угадав его невысказанные сомнения, она дала справку:

– Я работала в Иордании во время гражданской войны два года назад. Там хватало огнестрельных ран.

– Но вряд ли было много самоубийств.

– Это верно.

– Так вот, самоубийцы редко целят в сердце, – объяснил Мартин Бек. – Большинство стреляют себе в рот, некоторые – в висок.

– Не спорю. Но все равно он далеко не первый. В курсе психологии сказано, что самоубийцам как раз присуще побуждение направлять оружие в сердце. Особенно это касается лиц, которым самоубийство представляется романтическим. А таких достаточно много.

– Как по-вашему, сколько мог прожить Свяд с таким ранением?

– Очень мало. Минуту, от силы две или три. Внутреннее кровоизлияние было обширным. Я бы сказала – минуту, и вряд ли я намного ошибусь. Это играет ка-

кую-нибудь роль?

– Может быть, и не играет. Но меня интересует еще один вопрос. Вы исследовали останки двадцатого июня.

– Да, двадцатого.

– Как вы считаете, сколько дней прошло тогда с его смерти?

– Ну, как вам сказать...

– В заключении этот пункт сформулирован не совсем четко.

– Это довольно затруднительный вопрос. Возможно, более опытный патологоанатом смог бы ответить точнее.

– А вы-то как считаете?

– Не меньше двух месяцев, но...

– Но?

– Все зависит от условий в помещении. Температура и влажность воздуха играют большую роль. Например, если было жарко, срок мог быть и меньше. С другой стороны, как я уже говорила, процесс разложения зашел достаточно далеко...

– Что вы скажете о входном отверстии?

– На этот вопрос трудно ответить по той же причине.

– Выстрел произведен в упор?

– По-моему, нет. Но учтите, что я могу ошибаться.

– И все-таки, вы как считаете?

– По-моему, он застрелился вторым способом. Если не ошибаюсь, основных способов известно два?

– Совершенно верно, – подтвердил Мартин Бек.

– Либо дуло приставляют вплотную к телу и спускают курок. Либо держат пистолет или другое оружие в вытянутой руке, дулом к себе. В этом случае, насколько я по-

нимаю, курок спускают большим пальцем?

– Верно. И вы склоняетесь к этой версии?

– Да. Правда, это не окончательный вывод. Когда налицо такие изменения в тканях, трудно определить, произведен ли выстрел в упор.

– Понятно.

– Выходит, одна я такая непонятливая, – небрежно произнесла девушка. – К чему столько вопросов? Неужели вам так важно знать, когда именно он застрелился?

– Похоже, что да. Сварда обнаружили мертвым в его квартире, окна и двери были заперты изнутри, он лежал рядом с электрокамином.

– Вот вам и причина разложения, – оживилась она. – Тогда достаточно было и месяца.

– Правда?

– Ну да. Оттого и трудно определить, был ли выстрел произведен в упор.

– Ясно, – сказал Мартин Бек. – Благодарю за помощь.

– Что вы, не за что. Звоните, если что-нибудь еще будет непонятно.

– До свидания.

Он положил трубку.

Здорово она все объясняет. Этак скоро лишь один вопрос останется невыясненным.

Правда, вопрос весьма заковыристый.

Свард не мог покончить с собой.

Как-никак, чтобы застрелиться, надо иметь чем.

А в квартире на Бергсгатан не было обнаружено огне-

стрельного оружия.

VII

Мартин Бек снова взялся за телефонную трубку.

Он хотел разыскать полицейских из патрульной машины, которая выезжала на Бергсгатан, но их не было на дежурстве. Немало времени ушло на то, чтобы выяснить, что один из них в отпуску, а другого вызвали в суд свидетелем по какому-то делу.

Гюнвальд Ларссон где-то заседал, Эйнар Рёnn ушел по делам. В конце концов Мартин Бек нашел сотрудника, который переправил дело из участка в городскую уголовную полицию. Однако долго же он раскачивался – только в понедельник двадцать седьмого оформил отправку... Мартин Бек счел нужным осведомиться:

– Это верно, что заключение судебного врача поступило к вам еще в среду?

– Ей-богу, точно не знаю. – В голосе сотрудника сквозила неуверенность. – Во всяком случае, я прочитал его только в пятницу.

И так как Мартин Бек молча ждал объяснения, он продолжал:

– В нашем участке только половина людей на месте. Еле-еле управляемся с самыми неотложными делами. А бумаги все копятся, что ни день – только хуже.

– Значит, до пятницы никто не знакомился с протоколом?

– Почему же, начальник оперативного отдела смотрел. В пятницу утром он и спросил меня, у кого пистолет.

– Какой пистолет?

– Которым застрелился Свард. Сам я пистолета не видел, но решил, что кто-то из полицейских, которые первыми приехали по вызову, обнаружил оружие.

– Передо мной лежит их донесение, – сказал Мартин Бек. – Если в квартире находилось огнестрельное оружие, они обязаны были упомянуть об этом.

– Я не вижу никаких ошибок в действиях нашего патруля, – защищался голос в телефоне.

Старается выгородить своих людей... Что ж, его нелегко понять. За последние годы полицию критикуют все острее, отношения с общественностью резко ухудшились, а нагрузка почти удвоилась. В итоге люди пачками увольняются из полиции, причем уходят, как правило, лучшие. И хотя в стране растет безработица, полноценную замену найти невозможно. А кто остался, горой стоят друг за друга.

– Допустим, – сказал Мартин Бек.

– Ребята действовали правильно. Как только они проникли в квартиру и обнаружили покойника, они вызвали следователя.

– Вы имеете в виду Гюставссона?

– Совершенно верно. Он из уголовной полиции, ему положено делать выводы и докладывать обо всем, что замечено. Я решил, что они обратили его внимание на пистолет и он его забрал.

– И умолчал об этом в своем донесении?

– Всякое бывает, – сухо заметил сотрудник.

– Так вот, похоже, что в комнате вовсе не было оружия.

– Да, похоже. Но я узнал об этом только в прошлый понедельник, когда разговаривал с Кристианссоном и

Квастму. И сразу переслал все бумаги на Кунгсхольмста-
тан.

Полицейский участок и уголовная полиция находились
в одном и том же квартале, и Мартин Бек позволил себе
заметить:

– Не такое уж большое расстояние.

– Мы действовали, как положено, – отпарировал со-
трудник.

– По правде говоря, меня больше интересует вопрос о
Свярге, чем о промахах той или иной стороны.

– Если кто-нибудь допустил промах, то уж во всяком
случае не служба охраны порядка.

Намек был достаточно прозрачный, и Мартин Бек
предпочел закруглить разговор.

– Благодарю за помощь, – сказал он. – Всего доброго.

Следующим его собеседником был следователь
Гюставссон, основательно замотанный, судя по голосу.

– Ах, это дело, – вспомнил он. – Да, непонятная исто-
рия. Что поделаешь, бывает.

– Что бывает?

– Непонятные случаи, загадки, которые просто нельзя
решить. Безнадежное дело, сразу видно.

– Я попрошу вас прибыть сюда.

– Сейчас? На Вестберга?

– Вот именно.

– К сожалению, это невозможно.

– В самом деле? – Мартин Бек посмотрел на часы. –
Скажем, к половине четвертого.

– Но я никак не могу...

– К половине четвертого, – повторил Мартин Бек и

положил трубку. Он встал и начал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину. Все правильно. Так уж повелось последние пять лет, все чаще приходится для начала выяснять, как действовала полиция. И нередко это оказывается потруднее, чем разобраться в самом деле.

Альдор Гюставссон явился в пять минут пятого.

Фамилия Гюставссон ничего не сказала Мартину Беку, но лицо было знакомо. Худощавый брюнет лет тридцати, манеры развязные и вызывающие. Мартин Бек вспомнил, что ему случалось видеть его в дежурке городской уголовной полиции и в других, не столь достославных местах.

– Прошу сесть.

Гюставссон опустился в самое удобное кресло, положил ногу на ногу и достал сигару. Закурил и сказал:

– Муторное дельце, верно? Ну, какие будут вопросы?

Мартин Бек покрутил между пальцами шариковую ручку, потом спросил:

– Когда вы прибыли на Бергсгатан?

– Вечером, что-нибудь около десяти.

– И что вы увидели?

– Жуть. Жирные белые черви. И запах паскудный. Одного из полицейских вырвало в прихожей.

– Где находились полицейские?

– Один стоял на посту у дверей. Второй сидел в патрульной машине.

– Они все время держали дверь под наблюдением?

– Сказали, что все время.

– Ну, и что вы... что ты предпринял?

– Как что – вошел и посмотрел. Картина, конечно, была жуткая. Но ведь проверить-то надо, вдруг дело нечистое.

– Однако ты пришел к другому выводу?

– Ну да. Дело ясное, как апельсин. Дверь была заперта изнутри на кучу замков и задвижек. Ребята еле-еле взломали ее. И окно заперто, и штора опущена.

– Окно по-прежнему было закрыто?

– Нет. Они сразу открыли его, как вошли. А иначе пришлось бы противогаз надевать.

– Сколько ты там пробыл?

– Недолго. Ровно столько, сколько понадобилось, чтобы убедиться, что уголовной полиции тут делать нечего. Картина четкая: либо самоубийство, либо естественная смерть, а этим местный участок занимается.

Мартин Бек полистал донесение.

– Я не вижу описи изъятых предметов.

– Правда? Выходит, забыли. Да только что там описывать? Барахла-то почти не было. Стол, стул, кровать, да в кухонной нише разная дребедень, вот и все.

– Но ты произвел осмотр?

– Конечно. Все осмотрел, только потом дал разрешение.

– Какое?

– Чего – какое? Не понял.

– Какое разрешение ты дал?

– Останки увозить, какое же еще. Старичка ведь надо было вскрывать. Даже если он своей смертью помер, все равно, есть такое правило.

– Ты можешь изложить свои наблюдения?

– Запросто. Труп лежал в трех метрах от окна. Примерно.

– Примерно?

– Я не взял с собой рулетки. Месяца два пролежал, должно быть, совсем сгнил. В комнате было два стула, стол и кровать.

– Два стула?

– Ага.

– Ты только что сказал – один.

– Правда? Нет, кажется, все-таки два. Так, еще полка с книгами и старыми газетами. Ну и на кухне две-три кастрюли, кофейник и все такое прочее.

– Все такое прочее?

– Ножи там, вилки, консервный нож, мусорное ведро...

– Понятно. На полу что-нибудь лежало?

– Ничего, не считая покойника. Полицейские тоже ничего не нашли, я спрашивал.

– В квартиру еще кто-нибудь заходил?

– Нет, ребята сказали, что никто не заходил. Только я да они. Потом приехали мужики с фургоном и увезли труп в полиэтиленовом мешке.

– И причина смерти Свярда уже установлена.

– Ага, вот именно. Застрелился. Уму непостижимо! Куда же он пушку-то дел?

– У тебя есть какие-нибудь предположения на этот счет?

– Ноль целых. Дурацкий случай. Этого дела не раскрыть, я точно говорю. Редко, но бывает.

– А полицейские что сказали?

– Да ничего. Что они могут сказать – обнаружили труп, убедились, что все было заперто, и точка. Если бы в квартире пушка была, неужели мы ее не нашли бы. Да и где ей быть, если не на полу рядом с покойничком.

– Ты выяснил личность покойника?

– А как же. Фамилия – Свьярд, на двери написано. С одного взгляда видно, что за человек.

– Ну-ну?

– Обычный алкаш, надо думать. Клиент для органов призрения. Такие частенько кончают с собой. Или упиваются до смерти, или с инфарктом на тот свет отправляются.

– Больше ничего существенного не добавишь?

– У меня все. В общем, головоломка... Загадочный случай. Тут и ты не справишься, помани мое слово. Да и будто нету дел поважнее.

– Возможно.

– Как пить дать. Мне можно сматываться?

– погоди, – ответил Мартин Бек.

– У меня все. – Альдор Гюставссон ткнул сигару в пепельницу.

Мартин Бек встал и подошел к окну.

– Зато у меня не все, – заметил он, стоя спиной к собеседнику.

– А что такое?

– Сейчас услышишь. Например, на прошлой неделе на место происшествия выезжал криминалист. Большинство следов было уничтожено, но на коврике он сразу обнаружил пятна крови, одно большое и два поменьше. Ты видел пятна крови?

– Нет. Да я их и не искал.

– Это чувствуется. А чего же ты искал?

– Да ничего. Ведь все и так было ясно.

– Если ты не заметил крови, мог и другое пропустить.

– Во всяком случае, огнестрельного оружия там не

было.

– Ты обратил внимание, как был одет покойный?

– Не так чтобы очень. И ведь труп-то сгнил уже. Что на нем могло быть, тряпье какое-нибудь. И вообще, я не вижу, чтобы это играло какую-нибудь роль.

– Но ты сразу определил, что покойный был бедняк и жил одиноко. Не какая-нибудь приметная личность.

– Точно. Насмотришься, как я, на всяких алкашей и прочую шушеру...

– И что же?

– А то, что я свою публику знаю.

– Ну а если бы покойник занимал более высокое положение в обществе? Тогда, надо понимать, ты работал бы тщательнее?

– Само собой, тут приходится все учитывать. Нам ведь тоже достается – дай Бог.

Альдор Гюставссон обвел взглядом кабинет.

– Вам тут, может, и невдомек, но у нас работы выше головы. Охота была изображать Шерлока Холмса каждый раз, как тебе попадется мертвый босьяк. Ты еще что-нибудь хочешь сказать?

– Да. Хочу отметить, что это дело ты вел из рук вон плохо.

– Что?

Гюставссон встал. Похоже, до него только теперь дошло, что Мартин Бек вполне может испортить ему карьеру.

– погоди, – бормотал он. – Только потому, что я не заметил кровавых пятен и несуществующего пистолета...

– Эти упущения еще не самое главное, – сказал Мартин Бек. – Хотя тоже грех непростительный. Хуже то, что ты

позвонил судебному врачу и дал указания, которые основывались на предвзятых и неверных суждениях. Кроме того, заморочил голову полицейским, и они поверили, что дело элементарное, тебе, мол, достаточно войти в комнату и окинуть ее взглядом, и все станет ясно. Заявил им, что никаких специалистов вызывать не нужно, потом велел забирать тело и даже не позаботился о том, чтобы были сделаны снимки.

— Господи, — произнес Гюставссон. — Но ведь старикашка сам покончил с собой.

Мартин Бек повернулся и молча посмотрел на него.

— Эти замечания... надо понимать как официальный выговор?

— Вот именно, строгий выговор. Всего хорошего.

— погоди, зачем же так, я постараюсь исправить...

Мартин Бек отрицательно покачал головой. Следователь встал и направился к выходу. Он был явно озабочен, но, прежде чем дверь затворилась, Мартин Бек услышал, как он произнес:

— Черт старый.

По правде говоря, такому, как Альдор Гюставссон, не место в уголовной полиции и вообще в полиции. Бездарный тип, заносчивый, развязный, и совсем неверно понимает свою службу.

Прежде в городскую уголовную полицию привлекали лучших сотрудников. Да и теперь, наверно, к этому стремятся. Если такого человека сочли достойным два года назад, что же будет дальше?

Ладно, первый рабочий день окончен. Завтра надо будет пойти и посмотреть на эту запертую комнату.

А сегодня вечером? Поест, что дома найдется, потом посидит и полистает книги, которые следует прочесть. Будет лежать в постели и ждать, когда придет сон. Один-одинешенек.

В собственной запертой комнате.

VIII

Эйнар Рёnn любил природу, он и в полицейские пошел потому, что работа живая, много времени проводишь на воздухе. Но с годами, поднимаясь по служебной лестнице, он все больше превращался в кабинетного работника и на свежем воздухе – если это выражение применимо к Стокгольму – бывал все реже. Для него стало жизненной потребностью проводить отпуск в родных горах у Полярного круга. Стокгольм он, по чести говоря, крепко невзлюбил и уже в сорок пять начал мечтать о том, как уйдет на пенсию и навсегда вернется в Арьеплуг.

Близился очередной отпуск, но Эйнар Рёnn опасался, как бы его не попросили повременить с отдыхом, пока не будет раскрыто это дело с ограблением банка.

И, стремясь хоть как-то ускорить расследование, он в понедельник вечером, вместо того чтобы ехать в Веллингбю, где его дома ждала жена, решил отправиться в Соллентуну и побеседовать с одним свидетелем.

Мало того, что Эйнар Рёnn добровольно взялся посетить свидетеля, которого вполне можно было вызвать обычным порядком, – он проявил при этом такое рвение, что Гюнвальд Ларссон, не подозревая об эгоистических мотивах товарища, спросил его, уж не поссорился ли он с

Ундой.

– Ага, не поссорился, – ответил Рённ с обычным для него презрением к логике фразы.

Свидетель, которого собрался провести Эйнар Рённ, был тот самый тридцатидвухлетний рабочий-металлист, который давал показания Гюнвальду Ларссону о виденном возле банка на Хурнсгатан.

Звали его Стен Шёгрэн, он жил один в типовом домике на Сонгарвеген. Когда Рённ вышел из машины, Шёгрэн стоял в садике перед домом и поливал розовый куст, но при виде гостя поставил лейку и отворил калитку. Вытер ладони о брюки, поздоровался, потом поднялся на крыльцо и предложил Рённу войти.

Домик был маленький, на первом этаже, кроме прихожей и кухни, – всего одна комната. Дверь в комнату была приоткрыта. Пусто... Хозяин перехватил взгляд Рённа.

– Только что развелся с женой, – объяснил он. – Она забрала часть мебели, так что здесь сейчас не очень-то уютно. Пошли лучше наверх.

На втором этаже находилась довольно просторная комната с камином, перед которым стояли низкий белый столик и несколько разномастных кресел. Рённ сел, но хозяин остался стоять.

– Хотите пить? – спросил он. – Могу сварить кофе, а еще в холодильнике должно быть пиво.

– Спасибо, мне то же, что и вам, – ответил Рённ.

– Значит, пиво.

Он сбежал вниз по лестнице и загремел посудой на кухне. Эйнар Рённ осмотрелся кругом. Мебели не густо, зато стереофоническая радиола и довольно много книг. В

газетнице у камина – газеты и журналы: «Дагенс нюхетер», «Ви», «Ню даг», «Металларбетарен».

Стен Шёгрэн вернулся со стаканами и двумя банками пива и поставил их на белый столик. Он был жилистый и худощавый. Косматые рыжие волосы нормальной, на взгляд Рённа, длины. Спортивная рубашка защитного цвета. Лицо в веснушках, веселая искренняя улыбка. Открыв банки и наполнив стаканы, он сел напротив гостя, приветственно поднял свой стакан и выпил. Рённ глотнул пива и сказал:

– Мне хотелось бы услышать, что вы видели в пятницу на Хурнsgатан. Лучше не откладывать, пока воспоминание не слишком потускнело.

«Кажется, складно получилось», – удовлетворенно подумал он.

Стен Шёгрэн кивнул и отставил бокал.

– Да знать бы, что там было ограбление и убийство, я бы лучше пригляделся и к девчонке, и к тем мужикам, и к машине.

– Во всяком случае, вы пока наш лучший свидетель, – поощрительно сказал Рённ. – Итак, вы шли по Хурнsgатан. В какую сторону?

– Я шел от Слюссена в сторону Рингвеген. А эта дева выскочила у меня из-за спины и побежала дальше, да еще толкнула меня.

– Вы можете описать ее?

– Боюсь, не очень хорошо. Ведь я ее видел со спины, да сбоку мельком, когда она садилась в машину. Ростом поменьше меня, сантиметров на десять. Во мне метр семьдесят восемь. Возраст точно не скажу, но, по-моему не

моложе двадцати пяти и не старше тридцати пяти, что-нибудь около тридцати. Одета в джинсы, синие такие, обыкновенные, и голубая блузка или рубашка, навывпуск. На обувь я не обратил внимания, а на голове – шляпа, тоже из джинсовой материи, с широкими полями. Волосы светлые, прямые и не такие длинные, какие сейчас носят многие девчонки. В общем, средней длины. На плече сумка висела, зеленая, американская, военного фасона.

Он достал из грудного кармашка пачку сигарет и предложил Рённу, но тот отрицательно мотнул головой и спросил:

– Вы не заметили, у нее было что-нибудь в руках?

Хозяин встал, взял с камина спички и закурил.

– Не знаю, не уверен. Может, и было.

– А сложение? Худая, полная?..

– В меру, я бы сказал. Не худая и не толстая. В общем, нормальная.

– А лица, значит, совсем не видели?

– Только одну секунду, когда она в машину садилась.

Но ведь на ней эта шляпа была, да и очки большие...

– Узнаете, если она вам где-нибудь попадется?

– По лицу не узнаю. И в другой одежде, в платье скажем, тоже вряд ли.

Рённ задумчиво пососал пиво. Потом спросил:

– Вы абсолютно уверены, что это была женщина?

Хозяин удивленно посмотрел на него, насупил брови и нерешительно произнес:

– Не знаю, мне показалось, что женщина... Но теперь... теперь я начинаю сомневаться. Просто я ее так воспринял, ведь обычно сразу чувствуешь, кто перед тобой – парень

или девчонка, хотя по виду и не всегда разберешь. Но побожиться я не могу, спросите, какая грудь у нее, – не приметил.

Он поглядел на Рённа сквозь сигаретный дым, потом медленно продолжал:

– Да, это вы верно говорите. Почему непременно девчонка, мог быть и парень. Так больше на правду похоже, мне что-то не приходилось слышать, чтобы девчонки грабили банки и убивали людей.

– Значит, вы допускаете, что это мог быть мужчина, – сказал Рённ.

– Да, после того, что вы сказали... Ясное дело, парень, а как же.

– А остальные двое? Вы можете их описать? И машину? Шёгрэн затянулся в последний раз и бросил окурочек в камин, где уже лежала куча окурочков и обгорелых спичек.

– Машина – «рено-шестнадцать», это точно. Светло-серая или бежевая – не знаю, как цвет называется, в общем, почти белая. Номер весь не скажу, но мне запомнилась буква «А» и две тройки. Или три... во всяком случае, не меньше двух, и, по-моему, они стояли рядом, где-то посередине.

– Вы уверены, что «А»? Может, «АА» или «АБ»?

– Нет, только «А», точно помню. У меня зрительная память на редкость.

– Это очень кстати, – заметил Рённ. – Нам бы всегда таких очевидцев.

– Вот именно. I am a camera⁴. Читали? Ишервуд напи-

⁴ Я – фотоаппарат (англ.)

сал.

– Не читал, – ответил Рённ.

Он не стал говорить, что смотрел одноименный фильм. Пошел на него только ради своей любимой актрисы Джулии Харрис, а фамилия Ишервуд ему ничего не говорила, он и не подозревал, что фильм снят по книге.

– Но фильм-то вы, конечно, видели, – сказал Шёгрэн. – Так всегда с хорошими книгами, которые экранизируют, люди фильм посмотрят и за книгу уже не возьмутся. А вообще-то картина отличная, только название дурацкое – «Буйные ночи в Берлине», надо же!

– Н-да. – Рённ мог поклясться, что, когда он смотрел эту картину, она называлась «Я – фотоаппарат». – Н-да, название неудачное.

Смеркалось. Стен Шёгрэн встал и включил торшер, который стоял за креслом Рённа.

– Ну что ж, продолжим, – сказал Рённ, когда он снова сел. – Вы собирались описать людей в машине.

– Ага, впрочем, сидел в машине только один.

– А второй?

– Второй стоял на тротуаре и ждал, придерживал заднюю дверцу. Рослый, повыше меня верзила. Не то чтобы полный, а крепкий такой, сильный на вид. Моего возраста, примерно лет тридцати-тридцати пяти, кучерявый, как артист этот, Харпо Маркс, только потемнее, серые волосы. Брюки черные, в обтяжку, расклешенные, и рубашка тоже черная, блестящая такая, на груди расстегнутая, и, по-моему, цепочка на шее, с какой-то серебряной штучкой. Роба довольно загорелая или просто красная. Когда эта дева подбежала – если это была дева, конечно, – он рас-

пахнул дверцу, чтобы она могла вскочить, захлопнул дверцу, сам сел впереди, и машина рванула со страшной скоростью.

– В какую сторону? – спросил Рённ.

– Они развернулись посреди улицы и понеслись к Мариинской площади.

– Так. Ясно... А второй? Второй мужчина?

– Он же сидел за рулем, так что его я не рассмотрел как следует. Но он показался мне моложе, лет двадцати с небольшим. И худой такой, бледный. Белая тенниска, руки тощие-тощие. Волосы черные, довольно длинные и грязные, я бы сказал. Сальные космы. И тоже в темных очках. Еще я припоминаю на левой руке у него широкий черный ремешок – часы, значит.

Шёгрэн откинулся назад, держа в руке стакан.

– Как будто все рассказал, все, что помню, – закончил он. – А может, забыл что-нибудь?

– Чего не знаю, того не знаю, – сказал Рённ. – Если еще что-нибудь вспомните, свяжитесь с нами. Вы никуда не уезжаете?

– К сожалению. Вообще-то у меня сейчас отпуск, да денег – ни гроша, куда тут поедешь. Буду дома болтаться.

Рённ допил пиво и встал.

– Вот и хорошо. Возможно, нам опять понадобится ваша помощь.

Шёгрэн тоже встал, и они спустились на первый этаж.

– Это что же, снова рассказывать? – спросил он. – Записали бы лучше на магнитофон, и делу конец.

Он отворил наружную дверь, и Рённ вышел на крыльцо.

– Да нет, скорее вы можете нам понадобится, чтобы

опознать этих молодчиков, когда мы их схватим. Или же мы пригласим вас посмотреть кое-какие фотографии.

Они обменялись рукопожатием, и Рёnn добавил:

– В общем, там будет видно. Может, и не придется вас больше беспокоить. Спасибо за пиво.

– Ну что вы. Если надо еще помочь – я пожалуйста.

Пока Рёnn шел к машине, Стен Шёгрен стоял на крыльце и приветливо махал ему рукой.

IX

Если не считать четвероногих ищек, то профессиональные борцы с преступностью, за редким исключением, такие же люди, как все. И даже при выполнении серьезных и ответственных заданий они подчас способны на обычные человеческие чувства. Скажем, волнуются и переживают, когда предстоит ознакомиться с доказательствами перво-степенной важности.

Члены спецгруппы по борьбе с банковскими грабителями и высокопоставленные самозванные гости сидели затаив дыхание. Свет в зале был притушен, и все смотрели на экран. Вот-вот на нем оживет картина ограбления на Хурнsgатан. Собравшиеся собственными глазами увидят вооруженный налет на банк, убийство и персону, которую недремлющая вечерняя пресса с присущей ей находчивостью уже успела окрестить «смертоносной секс-бомбой» и «белокурой красавицей в темных очках, с пистолетом в руках». По этим и другим, столь же свежим эпитетам было видно, что репортеры, за неимением собственной фантазии, черпали вдохновение у других авторов – попросту

говоря, сдирали.

Предыдущая «секс-бомба», арестованная за ограбление банка, была угреватая плоскостопая особа сорока пяти лет, с роскошным тройным подбородком; вес, по достоверным сведениям, восемьдесят семь килограммов. Но даже после того, как она на суде уронила вставную челюсть, пресса продолжала расписывать ее внешность в самых лирических тонах, и легковерный читатель навсегда остался в убеждении, что на скамье подсудимых сидела писаная красавица с лучистыми очами – то ли стюардесса американской авиалинии, то ли претендентка на титул «Мисс Вселенная».

Так уж повелось: на страницах вечерней прессы женщины, замешанные в крупных преступлениях, неизменно выглядели как кинозвезды.

Просмотр заветных кадров мог бы состояться и раньше, но техника, как всегда, подвела: в кассете что-то заело, и сотрудникам лаборатории пришлось основательно повозиться, чтобы не повредить пленку. В конце концов удалось извлечь ее и проявить, не повредив перфорацию.

Судя по плотности позитива, на этот раз обошлось без недодержки, и вообще пленка, по мнению техников, удалась на славу.

– Ну-ну, что нам сегодня покажут, – предвкушал Гюнвальд Ларссон. – Вот бы Диснея, что-нибудь про Утенка.

– Тигренок лучше, – отозвался Колльберг.

– Конечно, кое-кто предпочел бы «Партайтаг в Нюрнберге⁵», – заметил Гюнвальд Ларссон.

⁵ Имеется в виду документальный фильм об одном из сборищ немецких фаши-

Они сидели впереди и разговаривали достаточно громко, но в задних рядах царил тишина. Присутствующие тузы во главе с начальником полицейского управления и членом коллегии Мальмом молчали.

«Интересно, о чем они задумались?» – спросил себя Колльберг. Должно быть, прикидывают, как укоротить хвост строптивым подчиненным. Мысленно переносятся в прошлое, когда кругом царил полный порядок и делегаты шведской полиции, не моргнув глазом, голосовали за избрание Гейдриха президентом Интерпола⁶. Вспоминают, насколько лучше обстояли дела всего год назад, когда еще никто не смел оспаривать разумность решения, по которому подготовка полицейских снова была доверена реакционерам из вооруженных сил.

Один только Бульдозер Ульссон хихикнул, слушая острословов. Прежде Колльберг и Гюнвальд Ларссон не очень-то симпатизировали друг другу. Но за последние годы им довелось многое пережить вместе, и отношения изменились. Друзьями они не стали и вне службы вовсе не общались, однако все чаще ощущали некое родство душ. А в спецгруппе и подавно чувствовали себя союзниками.

Механик закончил приготовления.

Напряжение в зале достигло предела.

– Что ж, поглядим, – произнес Бульдозер Ульссон, потирая руки. – Если кадры и впрямь так удались, как нам тут говорят, сегодня же вечером покажем их в «Новостях» по телевидению и в два счета накроем всю компанию.

стов.

⁶ *Гейдрих* – гитлеровский палач, убит в 1942 году патриотами в Чехословакии. Интерпол – международная организация уголовной полиции.

– Стройные ножки тоже неплохо, – не унимался Гюнвальд Ларссон.

– А шведский стриптиз? – подхватил Колльберг. – Представляешь, я еще ни разу не смотрел порнографического фильма. Девочка Луиза, семнадцать лет, раздевается и все такое прочее.

– Эй вы, помолчите, – прорычал начальник ЦПУ.

Пошли кадры, резкость была отменная, никто из присутствующих и припомнить не мог ничего подобного. Обычно на таких просмотрах вместо людей на экране мелькали какие-то расплывчатые пятна, то ли клетки, то ли тефтели. Но на сей раз изображение было на диво четким.

Камера была хитро установлена вверху за кассой, и благодаря специальной высокочувствительной пленке можно было хорошо рассмотреть человека, находящегося перед стойкой.

Правда, сперва там было пусто. Но уже через полминуты в кадр вошел человек. Остановился, посмотрел направо, потом налево. И наконец уставился прямо в объектив, словно для того, чтобы его получше запечатлели анфас.

Отчетливо было видно одежду: замшевая куртка и стильная рубашка с отложным воротником.

Энергичное суровое лицо, зачесанные назад светлые волосы, недовольный взгляд из-под густых бровей... Вот он поднял большую волосатую руку, выдернул из ноздри волосок и стал внимательно рассматривать его.

Лицо на экране было хорошо знакомо присутствующим.

Гюнвальд Ларссон.

Вспыхнул свет. Спецгруппа безмолствовала.

Наконец заговорил начальник ЦПУ:

– Об этом никому ни слова.

Разумеется, как же иначе.

Пронзительный голос Мальма повторил:

– Никому ни слова. Вы отвечаете за это.

Кольберг расхохотался.

– Как это могло получиться? – спросил Бульдозер Ульссон.

Похоже было, что даже он слегка озадачен.

– Кхм, – прокашлялся киноэксперт. – С точки зрения техники это нетрудно объяснить. Скажем, заело спуск, и камера начала работать с опозданием. Что поделаешь, деликатное устройство.

– Если хоть одно слово просочится в печать, – рокотал начальник ЦПУ, – то...

– ...министру придется новый графин заказывать, – сказал Гюнвальд Ларссон.

– Это же надо, как она замаскировалась, – ликовал Кольберг.

Начальник ЦПУ рванулся к двери, Мальм затрусил следом.

Кольберг задыхался от смеха.

– Ну что тут скажешь, – сокрушался Бульдозер Ульссон.

– Лично я сказал бы, что фильм совсем неплохой, – скромно подвел итог Гюнвальд Ларссон.

Отдыхавшись, Колльберг обратил испытующий взгляд на человека, которому он был временно подчинен.

Бульдозер Ульссон был главной движущей силой спецгруппы. Он прямо-таки обожал ограбления банков и за последний год, когда число их неимоверно возросло, расцвел пуще прежнего. Генератор идей и концентрат энергии, он мог неделями трудиться по восемнадцать часов в сутки – и хоть бы что, никаких жалоб, никакого намека на уныние и усталость. Порой его вконец измотанные сотрудники спрашивали себя, уж не он ли директор пресловутого акционерного общества «Шведские преступления».

Бульдозер Ульссон явно считал полицейскую работу самым интересным и увлекательным делом на свете.

Скорее всего потому, что сам он был не полицейский.

Ульссон работал в прокуратуре и отвечал за расследование вооруженных налетов на банки. Таких налетов совершалось несметное количество. Некоторые из этих дел раскрывали, правда, не до конца, кого-то задерживали, кого-то сажали в тюрьму, но налеты только учащались, что ни неделя – три или четыре случая, и всем было ясно, что многие из них каким-то образом связаны между собой. Но каким?

Конечно, грабили не только банки. Нападений на частных лиц было неизмеримо больше, не проходило часа, чтобы кого-нибудь не ограбили. На улице, на площади, в магазине, в метро, в собственной квартире – нигде нельзя было чувствовать себя в безопасности. Но банкам придавалось особое значение. Покушаться на банки было все равно что посягать на основы общества.

Система государственного устройства на каждом шагу

демонстрировала свою несостоятельность, лишь с величайшей натяжкой можно было назвать ее сколько-нибудь дееспособной. Что же до полиции, то она и на такую оценку не тянула. В одном Стокгольме за последние два года 220 тысяч правонарушений остались нерасследованными из-за бессилия блюстителей порядка. Из более серьезных преступлений удавалось раскрыть только каждое четвертое, а сколько их вообще не доходило до полиции?

Высшие чины лишь озабоченно качали головой, изображая недоумение. Издавна повелось кивать друг на друга, но теперь больше не на кого было кивать. И никто не мог придумать ничего дельного. Правда, кто-то предложил запретить людям пить пиво, но если учесть, что Швеция занимает далеко не первое место по его потреблению, нетрудно было уразуметь, сколь далеки от действительности умозаключения иных деятелей руководящих государственных органов, если тут вообще можно говорить об умозаключениях.

Одно было совершенно ясно: полиция во многом сама виновата. После реорганизации 1965 года, когда управление всеми полицейскими силами было централизовано и передано в одни руки, сразу же стало очевидно, что руки, мягко выражаясь, не те.

Многие исследователи и социологи давно уже задавались вопросом, какими соображениями руководствуется в своих действиях Центральное полицейское управление. Вопрос этот, понятное дело, оставался без ответа. Ревностно оберегая свою кухню от чужого взгляда, начальник ЦПУ принципиально не давал никаких разъяснений. Зато он обожал произносить речи, которые чаще всего не

представляли даже риторического интереса.

Не так давно кто-то из полицейских чинов придумал нехитрый, но вполне надежный способ подавать статистику преступности так, что она, формально оставаясь верной, сбивала людей с толку. Все началось с того, что в верхах решили сделать полицию более монолитной и боеспособной, щедрее оснастить ее техникой вообще и оружием в частности. Чтобы получить на это средства, требовалось преувеличить опасности, которым подвергались сотрудники. Словеса помочь не могли, и началась подтасовка статистики.

Очень кстати пришлось тут политические манифестации второй половины шестидесятых годов. Демонстранты выступали за мир – их разгоняли силой. Они были вооружены лозунгами и верой в свою правоту – против них применяли слезоточивый газ, водометы и резиновые дубинки. Чуть не каждая антивоенная манифестация заканчивалась потасовкой. Тех, кто пробовал обороняться, избивали и арестовывали. Потом их привлекали к ответственности за «нападение на представителей власти» или «буйное сопротивление», и независимо от того, кончалось дело судом или нет, все такие случаи включали в статистику. Этот прием срабатывал безошибочно. Каждый раз, когда на демонстрантов натравливали сотню-другую полицейских, число «нападений на блюстителей порядка» резко возрастало.

Полицейских призывали «не снимать ежовых рукавиц», и многие, надо не надо, с охотой внимали этому призыву. Ударь, например, пьянчужку дубинкой – он, скорее всего, даст сдачи. Простая истина, любой усвоит.

Хитроумные тактики добились своего. Полицию вооружили до зубов. На дела, с которыми раньше справлялся один человек, вооруженный простым карандашом и толстой здоровой смыслом, теперь посылали полный автобус полицейских с автоматами и в пуленепробиваемых жилетах.

Правда, в конечном счете вышло не так, как было задумано. Насилие рождает не только антипатию и ненависть, оно сеет тревогу и страх.

Дошло до того, что люди и впрямь стали бояться друг друга. Стокгольм превратился в город, где десятки тысяч граждан познали страх, а испуганный человек опасен.

Из шестисот полицейских, которые ни с того ни с сего оставили службу, многие на самом деле уволились со страху. Хотя, как уже говорилось, их вооружили до зубов и они чаще всего сидели в патрульных машинах.

Конечно, были и другие причины: кто-то вообще скверно чувствовал себя в Стокгольме, кому-то противно было нести службу так, как его заставляли.

Словом, налицо был явный провал нового курса. Истоки же его терялись во мраке. И кое-кто улавливал в этом мраке коричневые оттенки.

Можно было найти и другие примеры манипуляции со статистикой, отдающие подчас подлинным цинизмом. Год назад было решено положить конец махинациям с чеками. Кое-кто выписывал чеки, забывая о том, сколько на самом деле числится на его счету, другие присваивали чужие бланки, и количество нераскрытых мелких мошенничеств бросало тень на органы власти. Они не желали с этим мириться, и Центральное полицейское управление потребо-

вало, чтобы магазины не принимали чеки в уплату за товар. Всем было ясно, к чему это приведет: как только людям придется носить при себе крупные суммы, участятся грабежи на улицах. Так и вышло. Конечно, мошенничества с чеками прекратились и полицейские власти могли похвастать успехом в кавычках. А то, что в городе ежедневно подвергались нападению десятки граждан, было не так уж важно.

И даже кстати: еще один повод требовать пополнения полиции хорошо вооруженными кадрами.

Правда, возникал вопрос: откуда их взять?

Официальная статистика за первое полугодие прозвучала как ликующие фанфары. Преступность сократилась на два процента! Хотя всем было известно, что она намного выросла, все объяснялось просто. Меньше полицейских – меньше выявленных преступлений. К тому же каждый случай махинаций с чековой книжкой учитывался отдельно, а теперь их не стало.

Когда политической полиции запретили подслушивать частные телефонные разговоры, опять же поспешили на помощь теоретики ЦПУ. Они наговорили столько ужасов, что убедили риксдаг принять закон, разрешающий тайное подслушивание телефонных разговоров – для борьбы против торговли наркотиками. После чего упомянутая торговля расцвела пуще прежнего, зато антикоммунисты спокойно могли продолжать подслушивание.

«Да, не очень-то приятно быть полицейским», – говорил себе Леннарт Коллльберг.

Что делать, когда у тебя на глазах твоя организация заживо разлагается? Когда слышишь, как за стеной копо-

шатся крысы фашизма? А ведь все твои сознательные годы отданы этой организации...

Как поступить?

Сказать все, что думаешь, – уволят.

Ничего хорошего.

Должны быть какие-то более конструктивные средства.

И ведь не один он так рассуждает, многие сослуживцы разделяют его взгляды. Кто именно и сколько их?

Совесть Бульдозера Ульссона не была обременена такими проблемами.

Ему превосходно жилось на свете и все было ясно, как апельсин.

– Одного только не пойму, – сказал он.

– В самом деле? – удивился Гюнвальд Ларссон. – Чего же?

– Куда машина подевалась? Ведь сигнальные установки были в порядке?

– Вроде бы да.

– Значит, мосты были сразу взяты под контроль.

Сёдермальм – остров, к нему подходят шесть мостов, и спецгруппа давно разработала подробные инструкции, как возможно быстрее блокировать центральные районы Стокгольма.

– Точно, – подтвердил Гюнвальд Ларссон. – Я запрашивал службу охраны порядка. Похоже, на этот раз механизм не подвел.

– А что за телега? – спросил Колльберг.

Он еще не успел ознакомиться с деталями.

– «Рено-шестнадцать», светло-серый или бежевый. С буквой «А» и двумя тройками в номере.

– Номер, конечно, фальшивый, – сказал Гюнвальд Ларссон.

– Конечно, но я еще ни разу не слышал, чтобы можно было перекраситься по пути от Мариинской площади до Слюссена. А если они поменяли машину...

– Ну?

– Куда же делась первая?

Бульдозер Ульссон быстро ходил по комнате и хлопал себя ладонями по лбу. Ему было лет сорок, рост ниже среднего, ладный, румяный, все время в движении, ни ногам, ни мозгам не дает покоя.

Сейчас он рассуждал:

– Они загоняют машину в какой-нибудь гараж поблизости от метро или автобусной остановки. Один сразу же увозит монету, другой меняет номер на машине и тоже сматывается. В субботу приходит механик и перекрашивает кузов. И уже вчера утром можно было перегонять телегу в другое место. Но...

– Что – но? – спросил Колльберг.

– Мои люди до часа ночи вчера проверяли каждый «рено», который шел из Сёдермальма.

– Стало быть, либо машина проскользнула в первый же день, либо она еще на острове, – заключил Колльберг.

Гюнвальд Ларссон молчал. Он брезгливо созерцал одеяние Бульдозера Ульссона. Мятый голубой костюм, розовая рубашка, широкий цветастый галстук. Черные носки, остроносые коричневые полуботинки с узором, давно не чищенные.

– А про какого механика ты толкуешь?

– Они сами не возятся с машинами, нанимают человека, часто из совсем другого города, из Мальмё или там из Гё-

теборга. Он пригоняет машину в условленное место, и он же забирает ее. С транспортом у них все точно рассчитано.

– У них? Ты о ком говоришь? – недоумевал Колльберг.

– О Мальмстрёме и Мурене, о ком же еще.

– Кто это – Мальмстрём и Мурен?

Бульдозер Ульссон озадаченно поглядел на него, но тут же взгляд его прояснился:

– А, ну да. Ты ведь у нас в группе новенький. Мальмстрём и Мурен – налетчики, специалисты по банкам. Уже четыре месяца они на свободе, и за это время это их четвертая операция. Они удрали из Кумлы в конце февраля.

– Но ведь оттуда, говорят, невозможно убежать.

– А они и не бежали. Их отпустили домой на субботу и воскресенье. Понятно, они не вернулись. По нашим данным, до конца апреля они ничего не затевали. Скорее всего, отдыхали где-нибудь – скажем, на Канарских островах или в Гамбии. Взяли двухнедельные туристские путевки – и укатили.

– А потом?

– Потом начали добывать снаряжение. Оружие и все такое прочее. Обычно они разбиваются в Италии или Испании.

– Но этот налет, в пятницу, совершила женщина, – возразил Колльберг.

– Маскировка, – наставительно произнес Бульдозер Ульссон. – Светлый парик, накладной бюст. Готов побиться об заклад, это работа Мальмстрёма и Мурена. Только они способны на такое нахальство. Ставка на неожиданность, тонкий ход! Чувствуешь, какое интересное дело нам поручено? Шик-блеск! Тут не заскучаешь! Все

равно что...

– ...играть с гроссмейстером в шахматы по переписке, – вяло договорил за него Гюнвальд Ларссон. – Кстати, о наших гроссмейстерах: не забудь, что и у Мальмстрёма, и у Мурена сложение бычье. Вес девяносто пять килограммов, обувь сорок шестой размер, ладони – лопаты. У Мурена объем груди сто восемнадцать – на пятнадцать сантиметров больше, чем было у Аниты Экберг в ее лучшие дни. Я не очень-то представляю себе его в платье и с накладным бюстом.

– Между прочим, эта женщина, если не ошибаюсь, была в брюках? – вставил Колльберг. – И небольшого роста?

– Мало ли кого они могли взять с собой, – спокойно отпарировал Бульдозер Ульссон. – Обычный прием.

Он подбежал к письменному столу и схватил какую-то бумагу.

– Сколько же у них всего денег сейчас? – громко размышлял он. – Пятьдесят тысяч загребли в Буресе, сорок тысяч в Гюббэнгене, двадцать шесть в Мерсте и теперь вот еще девяносто... Итого, двести с лишним. Значит, скоро пойдут...

– Куда? – поинтересовался Колльберг.

– На большое дело. Дело с большой буквы. Все остальное – подготовка, чтобы главную операцию финансировать. Да, теперь жди, вот-вот грянет.

Он снова забежал по комнате, обуреваемый радостным предвкушением.

– Но где? Где, дамы и господа? Сейчас... давайте подумаем. Какой ход сделал бы я на месте Вернера Руса? На каком фланге повел бы атаку на короля? А вы?.. И когда?

– Кто этот Вернер Рус, черт возьми? – спросил Колльберг.

– Эконом – ну, вроде главного буфетчика на самолете. В авиакомпании работает, – объяснил Гюнвальд Ларссон.

– Прежде всего он преступник! – воскликнул Бульдозер Ульссон. – Вернер Рус гений в своем роде. Это он им планы разрабатывает, без него Мальмстрём и Мурен были бы простые пешки. Он умственную работу делает, все до мелочей предусматривает. Сколько воругов ходили бы без работы, если бы не Рус. Король преступного мира! Или, если хотите, профессор...

– Не надрывайся, – вмешался Гюнвальд Ларссон. – Ты не на судебном заседании.

– А мы вот что сделаем: схватим его! – Бульдозер Ульссон явно был восхищен своей гениальной идеей. – Прямо сейчас и возьмем.

– А завтра отпустим, – сказал Гюнвальд Ларссон.

– Ничего. Важно сделать неожиданный ход. Может, собьем его с толку.

– Ты уверен? В этом году его уже четыре раза задерживали.

– Ну и что?

Бульдозер Ульссон ринулся к двери. Его настоящее имя было Стен. Но об этом никто не помнил, разве что жена. Зато она, должно быть, забыла, как он выглядит.

– Похоже, я чего-то не понимаю, – сказал Колльберг.

– Насчет Руса Бульдозер, пожалуй что, прав, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Редкостный пройдоха, и всегда у него алиби. Фантастические алиби. Как до дела доходит – он либо в Сингапуре, либо в Сан-Франциско, либо в Токио, либо еще где-нибудь.

– Но откуда Бульдозеру известно, что Мальмстрём и Мурен причастны к этому налету?

– Шестое чувство, интуиция... – Гюнвальд Ларссон пожал плечами и продолжал:

– Ты мне другое объясни. Мальмстрём и Мурен – отпетые гангстеры. Их сто раз задерживали, они каждый раз выкручивались, но все же под конец угодили в Кумлу. И вдруг этих молодчиков отпускают домой на побывку.

– Нельзя же вечно держать людей взаперти наедине с телевизором.

– Конечно, конечно, – согласился Гюнвальд Ларссон. Они помолчали.

Оба думали об одном. Государство не один миллион ухлопало на тюрьму Кумла, все было сделано, чтобы физически изолировать правонарушителей от общества. Иностранцы знатоки учреждений такого рода говорили, что камеры Кумлы, пожалуй, угнетают и обезличивают человека как ни один другой застенок в мире.

Отсутствие клопов в матрацах и червей в пище не может возместить полное отсутствие человеческих контактов.

– Кстати, насчет этого убийства на Хурнsgатан, – заговорил Колльберг

– Какое там убийство. Скорее, несчастный случай. Она выстрелила нечаянно. Наверно, даже не знала, что пистолет заряжен.

– Ты все-таки уверен, что это была девушка?

– Конечно.

– А как же насчет Мальмстрёма и Мурена?

– Как – взяли да и послали на дело деву.

– А отпечатки пальцев есть? Ведь она, кажется, была

без перчаток.

– Отпечатки были. На дверной ручке. Но кто-то из служащих банка хватался за эту ручку до того, как мы подоспели. Так что все смазано.

– Баллистическая экспертиза?

– Будь спокоен. Эксперты получили и пулю, и гильзу. Сорок пятый калибр, скорее всего, «лама».

– Изрядный калибр... Особенно для девушки.

– Да уж. Бульдозер говорит, оружие тоже указывает на эту компанию – Мальмстрём, Мурен и Рус. Они всегда пользуются крупным калибром, страх нагоняют. Но...

– Что – но?

– Мальмстрём и Мурен не стреляют в людей. Во всяком случае, до сих пор не стреляли. Если кто-нибудь артачится, пустят пулю в потолок, и сразу полный порядок.

– Какой же смысл брать этого Руса?

– Не знаю, может быть, Бульдозер рассуждает так: если у Руса неопровержимое алиби – скажем, в пятницу он был в Июкогаме, – можно биться об заклад, что план операции разработан им. Если же он находился в Стокгольме, тогда дело сомнительное.

– А как ведет себя в таких случаях Рус? Не поднимает бучу?

– Никогда. Он подтверждает, дескать, Мальмстрём и Мурен – его старые друзья, это верно, и ах, как жаль, что они пошли по кривой дорожке. В прошлый раз даже спросил, не может ли он чем-нибудь помочь своим корешам. Член коллегии Мальм был при этом. Как услышал эти слова, чуть не околел от злости.

– А Ульссон?

- Бульдозер только заржал. Хитрый ход, говорит.
- На что же он рассчитывает?
- Сам слышал – ждет следующего хода. Считает, что Рус замыслил большое дело для Мальмстрёма и Мурена. Видно, приятели надумали загрести такой куш, чтобы потом можно было смотаться за границу и жить до самой смерти на ренту.
- Обязательно банк пощупают?
- Бульдозер только банками занимается, на все остальное ему плевать, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Должно быть, так ему велено.
- А свидетель что же?
- К которому Эйнар ездил?
- Ну да.
- Был тут сегодня утрам, смотрел фотографии. Никого не опознал.
- А насчет машины он уверен?
- Железно.
- Гюнвальд Ларссон долго молчал, дергая пальцы до хруста в суставах, и наконец произнес:
- С этой машиной что-то не так.

XI

День обещал быть жарким, и Мартин Бек достал из шкафа самый легкий костюм, голубой. Он купил его месяц назад и надевал всего один раз. Натягивая брюки, увидел на правой штанине шоколадное пятно и вспомнил, что в компании с двумя детьми Колльберга тогда было съедено энное количество сладостей.

Мартин Бек снял брюки, пошел на кухню, намочил горячей водой уголок полотенца и потер пятно, отчего оно еще больше расплылось. Но он не сдался и, продолжая упорно сражаться с брюками, подумал, чего же стоил их брак с Ингой, если ему только в таких вот случаях не достаёт ее... Уже половина брючины мокрая, зато пятно — ага, почти исчезло. Он пригладил складку большим и указательным пальцами и повесил брюки на спинку стула у открытого окна, чтобы солнце подсушило.

Еще только восемь, но он проснулся давно, несколько часов назад. Накануне неожиданно для себя заснул рано и спал на диво спокойно, без снов. Первый после долгого перерыва рабочий день был не таким уж напряженным, а все-таки утомил его.

Мартин Бек открыл холодильник, поглядел на пакет с молоком, на масло, на одинокую бутылку пива: вечером по пути домой надо будет зайти в магазин. Взять пива и йогурта. Или бросить пить йогурт по утрам, уж больно невкусно... Но тогда нужно придумать на завтрак что-нибудь другое, врач сказал, что необходимо восстановить хотя бы те килограммы, которые он потерял после выписки из больницы, а лучше всего прихватить еще немного.

Зазвонил телефон в спальне.

Мартин Бек захлопнул холодильник, подошел к аппарату и снял трубку.

Звонила медсестра Биргит из дома для престарелых.

— Фру Бек стало хуже, — сообщила она. — Сегодня с утра высокая температура, тридцать девять с лишним. Я решила вам об этом сообщить.

— Ну конечно, спасибо. Она сейчас не спит?

– Пять минут назад не спала. Но она очень слаба.

– Еду, – сказал Мартин Бек.

– Нам пришлось перевести ее в другую палату, там удобнее наблюдать за ней, – объяснила медсестра. – Так что вы сперва зайдите в канцелярию.

Матери Мартина Бека исполнилось восемьдесят два года, и она уже третий год находилась в клиническом отделении дома престарелых. Болезнь развивалась медленно, сначала легкие приступы головокружения, потом припадки участились и стали тяжелее. Кончилось это частичным параличом, ноги отнялись, пришлось ей обзавестись инвалидным креслом, а с конца апреля она и вовсе не вставала с постели.

Пользуясь вынужденным отдыхом, Мартин Бек часто навещал мать, хоть и мучительно было смотреть, как она медленно угасает, как годы и болезнь омрачают ее рассудок. Последние несколько раз она принимала его за своего мужа, отца Мартина, скончавшегося двадцать два года назад.

Тяжко было смотреть и на то, как она одинока в своей палате, отрезана от всего света. До начала приступов она часто приезжала в город, ходила по магазинам, была на людях, навещала немногих оставшихся в живых друзей. Ездил к Инге и Рольфу в Багармуссен, к внучке Ингрид в Стоксунд. Конечно, в приюте ей и до болезни бывало порой тоскливо и одиноко, но тогда она еще не была обречена видеть вокруг себя одних только немощных стариков. Читала газеты, смотрела телевизор, слушала радио, иногда посещала концерты или кино. Ее продолжало интересовать все, что происходило в мире.

Вынужденная изоляция очень скоро отразилась на психике.

На глазах Мартина у нее развился маразм, мать утратила интерес к происходящему вне стен палаты, а там и вовсе отключилась от реальности.

Как будто сработал защитный механизм, и ее сознание, не находя ничего отрадного в настоящем, целиком замкнулось на прошлом.

Когда мать еще сидела в инвалидном кресле и радовалась посещениям сына, его охватывал ужас при мысли о том, как протекают ее дни.

В семь утра ее умывали, одевали, сажали в кресло и приносили завтрак. Потом она сидела в своей комнате одна, радио не слушала – слух уже не тот, читать не было сил, и ослабевшие пальцы не справлялись ни с каким рукоделием. В двенадцать – обед, а в три, когда кончался рабочий день санитарок, они раздевали ее и укладывали в постель. Потом легкий ужин, который мать из-за плохого аппетита далеко не всегда съедала. Рассказывая о том, что ее журят за это, она не жаловалась: пусть бранят, только бы совсем не забывали!

Мартин Бек знал, что в доме для престарелых не хватает обслуживающего персонала, особенно трудно найти сестер и санитарок в клиническое отделение. Знал он также, что люди там славные, заботливые, пекутся о стариках, несмотря на мизерное жалованье и неудобные часы работы. Он долго ломал себе голову, как скрасить матери существование, – может быть, перевезти в частную клинику, где ей смогут уделять больше времени и внимания? Но потом понял, что вряд ли в частной клинике будет намного лучше, главное – почаще навещать ее. Изыскивая воз-

возможности улучшить ее положение, он убедился, что многим старикам приходится куда хуже.

Что такое одинокая нищая старость? После полноценной трудовой жизни ты обречен на жалкое прозябание и полную утрату человеческого достоинства. И если ты к тому же не в силах сам вести хозяйство, остается лишь дожидаться кончины в приюте вместе с другими, такими же отверженными, несчастными стариками.

Правда, слово «приют» вышло из обихода, как и название «дом для престарелых», – теперь говорили «дом пенсионеров», даже «отель для пенсионеров», маскируя тот факт, что на самом деле большинство стариков попадало туда отнюдь не по своей воле, а по приговору так называемого «процветающего общества», которое списало их в расход.

Да, суровый приговор ожидает тех, кто достиг чересчур преклонного возраста. Изношенному колесу место на свалке...

Мартин Бек понимал, что его матери еще посчастливилось. Она долго откладывала деньги впрок, чтобы на старости лет никому не быть в тягость. Правда, инфляция сильно обесценила деньги, но все же сбережения позволяли ей рассчитывать на уход и приличный стол, у нее была большая, светлая палата, где ее окружали привычные, дорогие сердцу вещицы...

Брюки быстро высохли на солнце, и пятна почти не видно. Мартин Бек оделся и вызвал по телефону такси.

Дом для престарелых был окружен большим зеленым парком – высокие деревья, прохладные тенистые дорожки, клумбы, газоны, террасы. До болезни мать Мартина лю-

била гулять здесь под руку с сыном.

Он прошел в канцелярию, но никого не застал. В коридоре ему встретилась женщина, которая несла поднос с термосами. На вопрос, где найти сестру Биргит, она с певучим финляндским акцентом ответила, что сестра занята с пациентом. Тогда он спросил, в какую палату перевели фру Бек. Женщина кивком указала в конец коридора и пошла дальше.

Мартин Бек тихо отворил дверь. Палата была меньше прежней и больше отдавала больницей. Все бело, только на столике у окна красные тюльпаны, которые он привез два дня назад.

Мать лежала в постели, глядя в потолок. Казалось, от посещения к посещению глаза ее становятся больше. Исхудалые пальцы теребили покрывало. Он подошел к кровати и взял ее за руку. Она медленно перевела взгляд на него.

— Приехал, в такую даль... — чуть слышно прошептала она.

— Вам не следует говорить, мама, это вас утомляет, — сказал Мартин Бек и сел на стул, не выпуская ее руки.

Это маленькое измученное лицо... И блестящие от жара глаза...

— Как вы себя чувствуете, мама?

Она долго молча смотрела на него, раз-другой моргнула — медленно, с усилием, словно веки стали очень тяжелыми.

— Мне холодно, — услышал он наконец.

Мартин Бек осмотрелся кругом. На табуретке у изножья лежало одеяло; он накрыл ее им.

— Спасибо, милый, — прошептала она.

Он снова сел возле нее. Не зная, что говорить, просто держал в своей руке ее тонкие холодные пальцы.

В горле у нее что-то сипело. Постепенно дыхание успокоилось, она закрыла глаза.

Мартин Бек продолжал сидеть неподвижно. Тихо... Только дрозд поет за окном.

Он осторожно выпустил ее руку и встал.

Погладил сухую горячую щеку.

Шагнул было к двери, в эту минуту мать открыла глаза и посмотрела на него.

– Надень синюю шапочку, на улице холодно, – прошептала она и опять закрыла глаза.

Он постоял, нагнулся, поцеловал ее в лоб и вышел.

XII

Кеннет Квастму, один из двух полицейских, которые обнаружили тело Сварда, опять ушел в суд давать показания. Мартин Бек разыскал его в коридоре городского суда и до того, как Квастму пригласили в зал, успел задать два самых важных для себя вопроса.

Выйдя из здания суда, Мартин Бек направился к дому, где жил Свард; идти было недалеко, всего два квартала. По пути он миновал две строительные площадки. У южного торца полицейского управления прокладывалась новая линия метро, а повыше на той же улице строители бурили и взрывали скалу для подземных этажей нового полицейского штаба, куда предстояло перебраться и Мартину Беку. Экскаваторы, грузовики, пневматические буры... Какое счастье, что его кабинет сейчас помещается на аллее

Вестберга! Гул моторов на Сёдертельезеген – ничто перед здешним грохотом.

Дверь квартиры на втором этаже была отремонтирована и опечатана. Мартин Бек снял печать, прошел в комнату и сразу же ощутил слабый трупный запах, приставший к стенам и убогой обстановке.

Он подошел к закрытому окну и внимательно осмотрел его. Оно было старой конструкции, открывалось наружу, а запиралось задвижкой с кольцом, которое надевалось на крючок в раме. Собственно, задвижек было две, но нижний крючок отсутствовал. Краска вся облезла, рама внизу потрескалась. Должно быть, в щель над подоконником и ветер дул, и дождь просачивался.

Мартин Бек опустил основательно выцветшую синюю штору. Потом отошел к двери и посмотрел оттуда на комнату. Если верить донесению Квастму, когда полицейские проникли в квартиру, все так и было. Он снова подошел к окну, дернул за шнур, и штора медленно, со скрипом свернулась. Мартин Бек распахнул окно и выглянул наружу.

Справа простиралась строительная площадка, где царил такой грохот, дальше высилось полицейское управление, он даже различил окна уголовной полиции в той части здания, которая выходила на Кунгсхольмсгатан. Слева видно пожарное депо и конец Бергсгатан. Коротенький переулок соединял ее с Хантверкаргатан. Постой, что же это за переулок? Надо будет пройти там, когда он закончит осмотр квартиры.

Прямо напротив окна раскинулся Крунубергский парк, разбитый, как и многие парки Стокгольма, на естественной

возвышенности. Когда Мартин Бек работал в Кристине-бергском районе, он обычно проходил через этот парк, от каменной лестницы в углу около Пульхемсгата до старого еврейского кладбища в другом конце. На самом гребне иногда присаживался на скамейке под липами выкурить сигарету.

Потянуло курить, и он полез в карман, хотя знал, что сигарет там нет. Мартин Бек вздохнул. Перейти на жевательную резинку или мятные лепешки? Или жевать зубочистки по примеру коллеги Монссона в Мальмё?

Он прошел на кухню. Здесь оконная рама разохлась еще сильнее, но щели были заклеены бумагой.

В этой квартире и обои, и потолки, и скудная обстановка – все было запущено. С тяжелым сердцем продолжал он осмотр, проверил ящики, шкафы. Негусто, только самое необходимое...

Выйдя в тесный коридорчик, заглянул в уборную. Ни ванны, ни душа в квартире не было.

Потом он проверил наружную дверь и убедился, что все те замки и запоры, которые были перечислены в донесениях, налицо. И они явно все были заперты, когда дверь взломали.

Чудеса, да и только. Дверь и оба окна были закрыты. Квастму утверждает, что они с Кристианссоном не видели никакого оружия. И что квартира все время находилась под наблюдением; никто не мог проникнуть в нее и что-либо вынести.

Мартин Бек еще раз внимательно оглядел комнату. Напротив двери стояла кровать, рядом с кроватью – полка. Сверху на полке – лампа с желтым плиссированным аба-

журом, старая пепельница зеленого стекла, большой спичечный коробок; внутри – несколько зачитанных журналов и три книги. У стены направо – стул с грязным сиденьем в зеленую и белую полоску, налево – крашенные коричневой краской стол и венский стул. От электрокамина к розетке тянулся черный привод; вилка была выдернута. Еще в комнате был коврик, но его отправили в лабораторию. Среди множества всяких пятен на нем оказалось три кровавых, причем группа крови была та же, что и у Сварда.

В стенном шкафу валялись три старых носка, грязная фланелевая рубашка неопределенного цвета и пустая, сильно потертая холщовая сумка. На плечиках висел сравнительно новый поплиновый плащ, на крючках в стене – вязаный зеленый джемпер, серая нижняя рубашка с длинными рукавами и серые фланелевые брюки. Карманы брюк были пусты.

И все.

Патологоанатом начисто исключала возможность того, что Свард был ранен где-то еще, вошел в квартиру, запер дверь на все замки, потом лег и помер. И хотя Мартин Бек не был специалистом в медицине, опыт подсказывал ему, что она права.

Но как же это произошло?

Каким образом был застрелен Свард, если, кроме него, в квартире никого не было, а ему самому нечем было стрелять?

Когда Мартин Бек еще только начал знакомиться с делом и увидел, как небрежно оно велось, он решил, что и эта головоломка – плод чьей-то небрежности. Однако теперь он стал склоняться к мысли, что в комнате и впрямь не

было никакого оружия и что Свард самолично запер двери и окна. Но как же тогда объяснить эту смерть?

Снова осмотрел он всю квартиру, тщательнее прежнего, но не нашел ничего, что могло бы пролить свет на загадку. В конце концов он решил пойти и спросить других жильцов.

Истратив еще сорок пять минут, Мартин Бек почувствовал, что топчется на месте. Бывший складской рабочий Карл Эдвин Свард явно не отличался общительностью. Большинство жильцов даже и не знали о его существовании, хотя он поселился в доме больше трех месяцев назад. К нему никто не приходил, он ни с кем из соседей словом не перемолвился. Его ни разу не видели пьяным, и никто не жаловался на шум в его квартире, оттуда вообще не доносилось ни звука.

Мартин Бек вышел из подъезда и остановился. Через улицу высилась горка с тенистым парком. Пойти, посидеть под липами? Но тут он вспомнил, что хотел познакомиться с переулком, и повернул налево.

Улуф-Ёдингсгатан... Много лет назад он где-то читал, что в восемнадцатом веке был в Кунгсхольменской школе преподаватель Улуф Ёдинг. И сейчас на Хантверкаргатан есть школа – уж не та ли самая?

Не доходя до Пульхемсгатан, Мартин Бек заметил табачную лавку. Вошел и купил себе пачку сигарет с фильтром.

Свернул в сторону Кунгсхольмсгатан, достал сигарету, закурил. Отвратительный вкус... Он думал о Карле Эдвине

Свярге, и ему было не по себе.

XIII

Во вторник, когда на аэродроме Арланда приземлился самолет из Амстердама, Вернера Руса в пассажирском зале ждали два агента в штатском. Им было приказано действовать тактично, не привлекать внимания, и, когда эконо-ном наконец показался на летном поле в обществе стюардессы, они отступили от дверей в глубь зала.

Вернер Рус сразу заметил их. И то ли узнал в лицо, то ли нюхом угадал полицейских – так или иначе он смекнул, что они явились по его душу, остановился и сказал что-то стюардессе. Она кивнула, попрощалась и пошла к выходу.

А Вернер Рус решительно направился к полицейским.

Он был высокого роста, плечистый, загорелый. Одет в синюю форму, в одной руке – фуражка, в другой – черная кожаная сумка с широким ремнем. Светлый чуб, длинные баки, нахмуренные густые брови, из-под которых холодно смотрели голубые глаза.

– По какому случаю столь торжественная встреча? – осведомился он, вызываяще вскинув голову.

– Прокурор Ульссон хочет побеседовать с вами, – сказал один из агентов. – Так что будьте любезны проследовать с нами на Кунгсхольмсгатан.

– Он что, спятил? Я же был там две недели назад, и ничего нового за это время не прибавилось.

– Ладно, ладно, – сказал агент постарше. – Вы уж сами с ним объяснитесь, наше дело выполнить приказ.

Рус досадливо пожал плечами и зашагал к выходу.

Когда они подошли к машине, он сказал:

– Только сперва вы отвезете меня домой в Мерсту, чтобы я мог переодеться, ясно? Адрес знаете.

Он плюхнулся на заднее сиденье и мрачно скрестил руки на груди. Младший из агентов, который вел машину, вспылil, дескать, он не таксист, но коллега унял его и объяснил, куда ехать.

Они поднялись вместе с Русом в его квартиру и подождали в прихожей, пока он сменил форму на светло-серые брюки, водолазку и замшевую куртку.

После этого они отвезли его в полицейское управление на Кунгсхольмсгатан и проводили в кабинет, где ждал Бульдозер Ульссон.

Как только отворилась дверь, Бульдозер вскочил с кресла, жестом отпустил обоих агентов и предложил Вернеру Русу сесть. Потом вернулся на свое место за письменным столом и радостно произнес:

– Кто бы мог подумать, господин Рус, что мы так скоро свидимся опять.

– Вот именно, кто! – подхватил Рус. – Во всяком случае, не я. Нельзя ли узнать, для чего вам понадобилось задерживать меня на этот раз?

– Бросьте, зачем же так официально. Просто мне захотелось расспросить вас кое о чем. А там будет видно.

– И вообще, совсем необязательно было вашим подручным увозить меня с работы. А если мне сейчас опять идти в рейс? Что тогда – терять место только потому, что вам приспичило почесать язык?

– Ну что вы, что вы! Я отлично знаю, что у вас впереди двое суток свободных – верно? Так что времени у нас

хватит, ничего страшного.

– Вы не имеете права держать меня здесь больше шести часов, – сказал Вернер Рус и поглядел на свои часы.

– Двенадцать, господин Рус. А понадобится – так и больше.

– В таком случае не соизволит ли господин прокурор изложить, в чем меня подозревают, – вызываяще произнес Вернер Рус.

Бульдозер протянул ему пачку дешевых сигарет, но Рус презрительно мотнул головой и достал из кармана «Бенсон энд Хеджес». Прикурив от золоченой зажигалки «Данхилл», он молча смотрел, как Бульдозер Ульссон чиркает спичкой и закуривает свою сигарету.

– А разве я сказал, что подозреваю вас в чем-либо? – Бульдозер пододвинул эконому пепельницу. – Просто нам с вами надо бы потолковать об ограблении в пятницу.

– О каком еще ограблении?

– Я говорю про банк на Хурнsgатан, – сухо ответил Бульдозер Ульссон. – Удачная операция, девяносто тысяч на полу не валяются, вот только не повезло клиенту, который при этом был убит.

Вернер Рус удивленно поглядел на него и покачал головой.

– Что-то вас не туда занесло... В пятницу, говорите?

– Вот именно, – сказал Бульдозер. – Разумеется, господин Рус в тот день находился в рейсе. И куда же вас занесло в пятницу?

Бульдозер Ульссон откинулся назад с самодовольным видом.

– Не знаю, где был господин Ульссон, а я в пятницу был

в Лиссабоне. Можете проверить в авиакомпании. По расписанию посадка в Лиссабоне в четырнадцать сорок пять, мы опоздали на десять минут. В субботу утром вылетели в девять десять, сели в Арланде в пятнадцать тридцать. В пятницу я обедал в отеле «Тиволи» и там же ночевал, это также можно проверить.

Вернер Рус тоже откинулся назад и торжествующе посмотрел на собеседника. Бульдозер сиял от удовольствия.

– Прекрасно, отличное алиби.

Он наклонился, смял сигарету в пепельнице и язвительно продолжал:

– Но ведь господ Мальмстрёма и Мурена в Лиссабоне не было?

– А с какой стати им-то быть в Лиссабоне? И вообще, следить за Мальмстрёмом и Муреном не моя обязанность.

– В самом деле?

– В самом деле, и я вам об этом сто раз говорил. А что касается ограбления в пятницу, так я в последние дни не брал в руки шведских газет и ни о каких ограблениях не знаю.

– Тогда разрешите проинформировать вас, что некто, переодетый женщиной, вошел в банк перед самым закрытием, присвоил девяносто тысяч крон ассигнациями, потом застрелил клиента того же банка, после чего бежал на машине марки «рено». Полагаю, вы сами понимаете, что убийство – это уже совсем другая статья.

– Я другого не понимаю – при чем тут я, – отпарировал Рус.

– Когда вы виделись со своими приятелями Мальм-

стрёмом и Муреном?

– Я уже ответил вам на этот вопрос в прошлый раз. Больше мы не встречались.

– И вам неизвестно, где их можно найти?

– Мне известно только то, что я слышал от вас. Я не видел их с тех пор, как они угодили в Кумлу.

Бульдозер пристально посмотрел на Вернера Руса, потом записал что-то в блокноте, захлопнул его и встал.

– Что ж, – небрежно произнес он. – Это нетрудно проверить.

Он подошел к окну и опустил жалюзи для защиты от солнца.

Вернер Рус подождал, когда он сядет, потом сказал:

– Одно мне совершенно ясно – Мальмстрём и Мурен тут ни при чем. Убийство – нет, они не такие дураки.

– Я допускаю, что ни Мальмстрём, ни Мурен не станут стрелять в человека, но это еще не исключает их соучастия. Предположим, они сидели и ждали в машине. Что вы на это скажете?

Рус пожал плечами и хмуро уставился в пол.

– Представим себе, что у них был сообщник или сообщница, – увлеченно продолжал Бульдозер. – С такой возможностью тоже ведь надо считаться. Если не ошибаюсь, в том деле, на котором они погорели в последний раз, участвовала подружка Мальмстрёма?

Он прищелкнул пальцами, вспоминая.

– Точно: Гюнилла Бергстрём... И заработала на этом полтора года, так что ее найти нетрудно.

Рус глянул на него исподлобья.

– Да-да, ведь она еще не сбежала, – пояснил Бульдо-

зер. – Но, кроме нее, есть на свете и другие девушки, а упомянутые господа, похоже, не против женской помощи. Или я ошибаюсь?

Вернер Рус снова пожал плечами и выпрямился.

– Откуда мне знать, – безучастно произнес он. – Меня это не касается.

– Ну конечно, – кивнул Бульдозер.

Он задумчиво поглядел на Руса, потом наклонился и положил ладони на стол.

– Итак, вы утверждаете, что последние полгода не встречались с Мальмстрёмом и Муреном и они не давали о себе знать?

– Да, утверждаю, – сказал Вернер Рус. – И еще раз повторяю, что я не могу отвечать за их поступки. Да, мы знакомы со школьной скамьи, я этого никогда не отрицал. И то, что мы потом встречались, тоже признаю. Но это не значит, что мы неразлучные друзья и они посвящают меня во все свои дела и затеи. Меня безумно огорчает, что они пошли по кривой дорожке, но я не имею ровным счетом никакого отношения к преступной деятельности, в которой их обвиняют. Я уже говорил, что с удовольствием помог бы направить их на верный путь. Но мы давным-давно не встречались.

– Надеюсь, вы понимаете, что эти слова могут сильно повредить вам, если выяснится, что вы все-таки общались с названными лицами, – на вас тоже может пасть подозрение.

– Нет, не понимаю.

Бульдозер дружелюбно улыбнулся.

– Так уж и не понимаете... – Он хлопнул ладонями по

столу и встал. – Вы извините меня, но мне надо кое-что выяснить. Придется на несколько минут прервать нашу беседу, потом продолжим.

Бульдозер быстро направился к двери. На пороге внезапно обернулся и внимательно посмотрел на Вернера Руса.

У эконома было весьма озабоченное лицо. Бульдозер торжествующе потер руки и затрусил по коридору.

Как только дверь захлопнулась, Вернер Рус встал, неторопливо проследовал к окну и остановился, разглядывая улицу через щели жалюзи. Постоял так, тихо насвистывая, потом кинул взгляд на свои электронные часы, нахмурил брови, быстро подошел к столу и сел в кресло Бульдозера. Пододвинул к себе телефон, поднял трубку, соединился с городом и набрал номер. В ожидании ответа он один за другим выдвигал ящики и штудировал их содержимое. Наконец заговорил:

– Привет, Крошка, это я. Слушай, может, встретимся немного попозже? Мне тут надо потолковать с одним мужиком, это часа на два.

Он взял из ящика ручку с клеймом «Казенное имущество» и поковырял в свободном ухе.

– Ну конечно, потом куда-нибудь сходим и перекусим. Я голодный как черт.

Он покрутил ручку перед глазами, швырнул ее обратно в ящик и закрыл его.

– Нет, не из кабака, здесь что-то вроде гостиницы, но жратва паршивая, так что я потерплю до нашей встречи. Семь устраивает? Ладно, значит, в семь я за тобой заеду. Ну все.

Он положил трубку, встал, сунул руки в карманы и заходил по кабинету, продолжая насвистывать.

Бульдозер отыскал Гюнвальда Ларссона.

– Рус сейчас у меня, – сообщил он.

– Ну и где же он обретался в пятницу? В Куала-Лумпуре или Сингапуре?

– В Лиссабоне, – торжествующе ответил Бульдозер. – Это ж надо, какую работенку себе отхватил – идеальная ширма для гангстера. Такие роскошные алиби – любой позавидует.

– А еще что он говорит?

– Да ничего. Изображает полное неведение. О банковских налетах понятия не имеет, Мальмстрёма и Мурена сто лет не видел. Скользкий, как угорь, хитрый, как лиса, брешет, как собака.

– Словом, ходячий зверинец, а не человек, – подвел итог Гюнвальд Ларссон. – И что же ты думаешь с ним делать?

Бульдозер Ульссон сел в кресло напротив Ларссона.

– Думаю отпустить его. И наладить слежку. У тебя есть человек, которого Рус не знает?

– А докуда за ним следить? Если до Гонолулу, я сам возьмусь.

– Нет, серьезно.

Гюнвальд Ларссон вздохнул.

– Ладно, что-нибудь придумаем. Когда начинать?

– Сейчас, – сказал Бульдозер. – Сейчас я вернусь к себе и отпущу его. У него отгул до четверга, за это время он наведет нас на Мальмстрёма и Мурена, надо только следить в оба.

– До четверга... Тогда одним человеком не обойтись, нужен второй на смену.

– И чтобы люди были первый сорт, – подчеркнул Бульдозер. – Если он почует слежку, все пропало.

– Дай мне четверть часа, – ответил Гюнвальд Ларсон. – Как позвоню, значит, готово.

Когда Вернер Рус двадцать минут спустя остановил такси на Кунгсхольмсгатан, через ветровое стекло серого «вольво» за ним наблюдал инспектор Рюне Эк.

Рюне Эк, тучный седой мужчина в очках, пятидесяти пяти лет, страдал язвой желудка, по причине каковой врач недавно прописал ему строжайшую диету. Вот почему он без особой радости провел четыре часа в кафе «Оперное», пока Вернер Рус и его рыжеволосая партнерша ели и пили за милую душу, сидя за столиком на веранде.

Всю долгую, светлую летнюю ночь со вторника на среду Эк хоронился в роще на берегу Меларена, любуясь исподтишка обнаженной натурой, меж тем как Вернер Рус рассекал кролем воды озера, словно какой-нибудь Тарзан.

Когда утреннее солнце подрумянило макушки деревьев, Рюне Эк продолжил свою сугубо секретную деятельность, прячась в кустах перед одноэтажным коттеджем в дачном поселке Хессельбю. Убедившись, что парочка одна в доме, и к тому же крепко спит после купания, он вернулся к своей машине и ближайшие полчаса очищал волосы и одежду от клещей.

Еще через час его сменили, а Вернер Рус по-прежнему пребывал в коттедже. Похоже было, что он вовсе не спешит вырваться из объятий рыжеволосой красотки и нанести визит своим друзьям Мальмстрёму и Мурену.

XIV

Получи кто-нибудь возможность сравнить силы полицейской спецгруппы и шайки, которая грабила банки, он убедился бы, что во многом они почти равны. Спецгруппа располагала огромными техническими ресурсами, зато у противника был большой оборотный капитал, и ему принадлежала инициатива.

Из Мальмстрёма и Мурена, наверно, вышли бы хорошие полицейские – физические данные блестящие, да и с интеллектом, в общем, обстояло не так уж плохо. Да только поди убеди их посвятить себя столь сомнительной профессии.

Оба они в жизни ничем, кроме преступлений, не занимались, и теперь, когда одному исполнилось тридцать три, а другому – тридцать пять, они вполне заслуживали звания квалифицированных специалистов. Но поскольку их основное занятие далеко не всеми признается почтенным, Мальмстрём и Мурен обзавелись и другими профессиями. В паспортах, водительских удостоверениях и прочих документах они именовались: один – инженером, другой – управляющим. Совсем не глупо, если учесть, что страна буквально кишела инженерами и управляющими. Естественно, все документы были поддельные и выписаны на другие фамилии, тем не менее и на первый, и на второй взгляд они производили солидное впечатление. Паспорта, например, выдержали уже не одно испытание на пограничных пунктах Швеции и ряда других стран.

Да и сами господа Мальмстрём и Мурен выглядели

очень даже положительно. Лица приятные, пышущие здоровьем, взгляд открытый. Четыре месяца свободы отразились на их облике: оба отлично загорели, Мальмстрём отрастил бороду, Мурен – усы и баки.

Причем загорали не где-то там на Мальорке или Канарских островах, – нет, они провели три недели в Восточной Африке, совершили так называемое фотосафари. Хорошенько отдохнули. А затем последовали деловые поездки, одна – в Италию, чтобы пополнить свое снаряжение, другая – во Франкфурт, чтобы нанять толковых ассистентов.

На родине они слегка пощупали несколько банков и ограбили двух частных дисконтёров, которые предпочли не обращаться в полицию, чтобы не привлекать к себе внимания налоговых инспекторов.

Эта деятельность принесла им неплохой валовой доход, но издержки тоже были немалые, да и в ближайшем будущем предстояли довольно большие расходы.

Известно, однако, что дивиденды прямо пропорциональны капиталовложениям; живя в обществе «смешанной экономики», они хорошо усвоили эту истину. А цель, которую они себе поставили, была достаточно значительной.

Мальмстрём и Мурен работали во имя идеи, которую новой отнюдь не назовешь, но от этого она нисколько не проигрывала.

Они собирались еще разок как следует потрудиться, а затем уйти на покой.

Осуществить, наконец, действительно большую операцию.

Приготовления были в основном завершены, проблема

финансирования решена, план почти полностью разработан.

Они не знали еще, где и когда, зато знали самое главное: как.

До заветной цели оставалось совсем немного.

Хотя Мальмстрём и Мурен, как уже говорилось, были профессионалы с изрядным опытом, до настоящих воротил они не доросли.

Настоящие воротилы не попадают.

Настоящие воротилы банков не грабят. Они сидят в конторах и управлениях и нажимают кнопки. Они ничем не рискуют. Они не посягают на священных коров общества, а занимаются легализованным присвоением, стригут шерсть с рядовых граждан.

Они наживаются на всем. Отравляют природу и людей – потом «исцеляют» недуги негодными лекарствами. Намеренно запускают целые городские районы, обрекая их на снос, – потом строят другие дома, которые заведомо хуже старых.

Но главное – они не попадают.

А Мальмстрём и Мурен попадались, их словно преследовал злой рок. Но теперь, кажется, они разобрались, в чем их ошибка: разменивались по мелочам.

– Знаешь, о чем я думал там, под душем? – спросил Мальмстрём. Он только что вышел из ванной и теперь тщательно расстилал на полу купальную простыню; второй простыней он обернул бедра, третья лежала на плечах.

Мальмстрём был болезненно чистоплотен. В этот день он с утра уже четыре раза принял душ.

– Знаю, – ответил Мурен. – О бабах.

– Как ты угадал?

Мурен, в шортах и белой сорочке, сидел у окна и обозревал Стокгольм, приставив к глазам морской бинокль.

Квартира, в которой они пребывали, помещалась в многоэтажном доме на Данвиксклиппан, на высоком берегу залива, и из окна открывался недурственный вид.

– Нельзя смешивать баб и работу, – сказал Мурен. – Сам убедился, к чему это приводит.

– А я ничего и не смешиваю, – обиженно возразил Мальмстрём. – Уж и подумать нельзя, да?

– Почему же, – великодушно уступил Мурен. – Думай на здоровье.

Он следил за белым пароходом, который шел к заливу Стрёммен.

– Гляди-ка, «Нерршер», – сказал он. – Подумать только, жив еще.

– Кто жив?

– Тебе не интересно. А ты о ком именно думал?

– О девах в Найроби. Сильны, правда? Я всегда говорил: негры – это что-то особенное.

– Не негры, а африканцы, – наставительно возразил Мурен. – А в данном случае – африканки. Женский род, а не мужской.

Мальмстрём побрызгал дезодорантом под мышками и в других местах.

– Все-то ты знаешь, – сказал он.

– К тому же ничего особенного в них нет. Просто тебе так показалось после долгого поста.

Минуту-другую они обсуждали подробности, потом Мальмстрём достал новое белье и носки, разорвал поли-

этиленовую упаковку и начал одеваться.

– Этак ты все свое состояние на трусы растратишь, – заметил Мурен. – Непонятная страсть, ей-богу.

– Да, цены растут – кошмар.

– Инфляция, – сказал Мурен. – И виноваты мы сами.

– Мы? Ты что, столько лет в кутузке...

– Мы кучу денег выбрасываем на ветер. Все ворюги – жуткие моты.

– Уж только не ты.

– Так ведь я редкое исключение. Кстати, у меня немало уходит на еду.

– Ты жмот, в Африке даже на девочек не хотел раскошелиться. По твоей милости мы три дня так ходили, пока даровых не нашли.

– Мной руководили не только финансовые соображения, – сказал Мурен. – И уж во всяком случае не опасение вызвать инфляцию в Кении. А вообще-то деньги теряют цену там, где жулье заправляет. Уж если кому сидеть в Кумле, так это нашему правительству.

– Гм-м.

– И заправилам из компаний. Кстати, недавно мне попался интересный пример, от чего бывает инфляция.

– Ну?

– Когда англичане в октябре девятьсот восемнадцатого захватили Дамаск, они ворвались в государственный банк и прикарманили всю наличность. Но солдаты ни черта не смыслили в тамошних деньгах. Один австралийский кавалерист дал полмиллиона мальчишке, который держал его коня, пока он мочился.

– А разве, когда конь мочится, его надо держать?

– Цены выросли стократ, уже через несколько часов рулон туалетной бумаги стоил тыщу тамошних крон.

– Разве в Австралии тогда уже была туалетная бумага?

Мурен тяжело вздохнул. С таким собеседником, как Мальмстрём, недолго и самому поглупеть...

– Дамаск – это в Аравии, – мрачно объяснил он. – Еще точнее – в Сирии.

– Надо же.

Мальмстрём наконец оделся и теперь изучал себя в зеркале. Ворча что-то себе под нос, распустил бороду, щелчком стряхнул с модного пиджака незримую пушинку. Потом расстелил на полу еще две купальные простыни рядом с первой, подошел к гардеробу и достал оттуда оружие. Аккуратно разложил его на простынях, принес ветошь и банку «чистоя». Мурен рассеянно поглядел на весь этот арсенал.

– Тебе еще не надоело? – сказал он. – Они же новенькие, чуть не с завода.

– Порядок есть порядок, – ответил Мальмстрём. – Оружие требует ухода.

Можно было подумать, что они готовятся к небольшой войне или по меньшей мере к государственному перевороту: на простынях лежали два пистолета, револьвер, два автомата и три дробовика с укороченными стволами.

Автоматы – обычного шведского армейского образца; на пистолетах и обрезах стояли иностранные клейма.

Тут был девятимиллиметровый испанский парабеллум «файрберд» и пистолет «лама IX А» сорок пятого калибра. Револьвер «астра кадикс» сорок пятого калибра и дробовик марки «марица» – тоже испанские. Еще два ружья – из

других уголков европейского континента: бельгийское «континенталь супра де люкс» и австрийское «ферлах» с романтической надписью «Forever Yours⁷».

Управившись с пистолетами, Мальмстрём взялся за бельгийское ружье.

— Тому, кто обрезал этот ствол, самому всадить бы заряд дробы в корму, — проворчал он.

— Может быть, ему это ружье досталось не таким путем, как нам.

— Чего? Не усек.

— Я хочу сказать, что он добыл его не честным путем, — серьезно объяснил Мурен. — Скорее всего, украл.

Он опять приставил к глазам бинокль и немного спустя сказал:

— А все-таки Стокгольм смотрится, честное слово.

— Это как понимать?

— Только им надо любоваться издали. Собственно, даже хорошо, что мы редко бываем на улице.

— Боишься, как бы тебя не обчистили в метро?

— Бывает и хуже. Например, стилет в спину. Или топором по черепу. А попасть под копыта истеричной полицейской лошади — думаешь, лучше? Ей-богу, жаль мне людей.

— Каких еще людей?

Мурен взмахнул рукой.

— Да тех, которые там внизу ходят. Представь себе, что ты все жилы из себя выматываешь, чтобы внести очередной взнос за машину или дачу, а твои дети в это время

⁷ Навеки твой (англ.)

наркотиками накачиваются. Если жена после шести вечера выйдет на улицу – того и гляди изнасилуют. На вечернее богослужение соберешься – сто раз подумаешь и дома останешься.

– На богослужение?!

– Это я так, к примеру. Положи в карман больше десятки – непременно ограбят. А если меньше десятки – шпана со зла пырнет тебя ножом. На днях я прочел в газете, что фараоны боятся по одному ходить. Мол, на улицах почти не видно полицейских, и поддерживать порядок в городе становится все труднее. Какой-то чин из министерства юстиции высказался. Да, хорошо будет уехать отсюда и больше никогда не возвращаться.

– И никогда больше родного бэя не увидим, – уныло пробурчал Мальмстрём.

– Что за вульгарное пристрастие к иностранным словам, – укоризненно произнес Мурен. – Сказал бы попросту: родного залива.

И деловито добавил:

– Кстати, из Кумлы его тоже не видно.

– Ну как же, а по телевизору?

– Не напоминай мне об этом изверге, – мрачно произнес Мурен.

Он встал, открыл окно, взмахнул руками и откинул голову назад, словно обращаясь к массам.

– Эй, вы там, внизу! – крикнул он. И пояснил: – Как сказал Линдон Джонсон, когда держал предвыборную речь с вертолета.

– Кто-кто? – спросил Мальмстрём.

Раздался звонок в дверь. Друзья внимательно слушали

комбинацию условных сигналов.

– Похоже, Мауритсон, – Мурен глянул на часы. – Смотри-ка, даже не опоздал.

– Не доверяю я этому фрукту, – заметил Мальмстрём. – Лучше не рисковать.

Он зарядил один из автоматов.

– Держи. – Протянул автомат Мурену, сам взял «астру» и пошел двери.

Держа револьвер в левой руке – он был левша, – Мальмстрём правой снял несколько цепочек. Мурен стоял метрах в двух позади него.

Мальмстрём рывком распахнул дверь. Гость был готов к такому приему.

– Привет, – поздоровался он, опасливо глядя на револьвер.

– Здорово, – сказал Мальмстрём.

– Входи, входи, – пропел Мурен. – Привет тебе, милое создание.

Гость был весь обвешан сумками и пакетами. Складывая их на стол, он покосился на разложенное на полу оружие.

– Переворот замышляете?

– Всю жизнь только этим и занимаемся, – подтвердил Мурен. – Но в данный момент ситуация не революционная. Раков достал?

– Откуда вам раки четвертого июля?

– А за что мы тебе платим? – грозно произнес Мальмстрём.

– Справедливый вопрос, – подхватил Мурен. – Мне тоже непонятно, почему ты не можешь снабдить нас тем,

что мы тебе заказываем.

— Имейте совесть, — сказал Мауритсон. — Я вам все обеспечил, черт дери: квартиры, машины, пушки, билеты, паспорта. Но раки! В июле даже сам король раков не видит.

— Так то король, — возразил Мурен. А ты бы поглядел на столик, за которым сидят наш премьер, и главный профсоюзный босс, и прочие демократы! Небось ломится от раков! Нет уж, придумай оправдание получше.

— И одеколona вашего тоже нигде нет, — поспешно продолжал Мауритсон. — Я весь город обегал, словно ошпаренная крыса, уже который год продавать перестали.

Мальмстрём насупился.

— Зато все остальное принес. А вот почта. — Мауритсон протянул гладкий коричневый конверт Мурену; тот с безразличным видом сунул его в задний карман.

Мауритсон внешне совсем не походил на своих работодателей. Деликатного сложения, рост ниже среднего, возраст около сорока. Гладко выбритое лицо, короткие светлые волосы. Большинство, особенно женщины, находили его симпатичным. Одевался он неярко, вел себя скромно, в глаза не бросался. Словом, весьма распространенный тип людей с незапоминающейся внешностью. Это было ему только на руку, его уже много лет не сажали в тюрьму, не держали под наблюдением и не разыскивали.

Мауритсон подвизался на трех рентабельных поприщах: наркотики, порнография и добывание дефицита. Во всех этих сферах он действовал умело, энергично и четко.

До странности снисходительное законодательство позволяло вполне легально производить и продавать в Швеции порнографию всех мыслимых видов и в неогра-

ниченных количествах. И практически неограниченное количество такой продукции требовалось Мауритсону для экспорта, большая часть которого направлялась в Италию и Испанию, принося недурную прибыль. Импортировал он преимущественно амфетамин и морфий, но принимал заказы и на другой товар, например на оружие.

Среди посвященных Мауритсон слыл человеком, который может достать все на свете. Говаривали даже, будто ему удалось ввезти контрабандой двух слонов, полученных от одного арабского шейха в уплату за двух юных финских девственниц и ящик изысканной санитарии. Причем девственницы были поддельные, а слоны – белые. Правда, история эта была выдумкой.

– Новые кобуры? – спросил Мальмстрём.

– Есть, лежат в сумке под продуктами. Скажите, а чем вас не устраивают прежние?

– Дрянь, – сказал Мальмстрём.

– Никуда не годятся, – подтвердил Мурен. – Откуда ты их взял?

– С главного склада полиции. Зато новые – итальянские.

– Это уже лучше, – сказал Мальмстрём.

– Будут еще заказы?

– Да, вот тебе список.

Мауритсон взял бумажку и затараторил:

– Дюжина трусов, пятнадцать пар нейлоновых носков, шесть нательных сеток, полкило икры, четыре резиновые маски «Фантомас», две коробки патронов девятого калибра, шесть пар резиновых перчаток, любительский сыр, банка маринованного лука, пиво, ветошь, астроябия... –

это еще что за диковина?

– Инструмент для измерения высоты звезд, – объяснил Мурен. – Поищи в антикварных лавках.

– Ладно. Я постараюсь.

– Да уж, постарайся, – сказал Мальмстрём.

– Больше ничего не нужно?

Мурен покачал головой, но Мальмстрём, поразмыслив, добавил:

– Дезодорант для ног.

– Какой именно?

– Самый дорогой.

– Хорошо. Как насчет девочек?

Друзья промолчали, и Мауритсон понял, что они колеблются.

– Есть на любой вкус. А то ведь сидите тут все вечера и киснете. Две резвушки живо помогут вам наладить обмен веществ.

– У меня с обменом все в порядке, – сказал Мурен. – К тому же твои дамы – народ ненадежный.

– Да ну, чего там, я могу подобрать дурочек...

– Знаешь что, попрошу не оскорблять меня, – повысил голос Мурен. – Сказано – нет.

Мальмстрём все еще колебался.

– Хотя...

– Что?

– Эта твоя, ассистентка так называемая...

Мауритсон замахал руками.

– Монита? Не годится. Не на что смотреть. Заурядная девчонка. У меня вкусы самые простые. Пресная она.

– Ну, если так... – разочарованно протянул Мальм-

стрём.

– К тому же она уехала. К сестре в гости.

– Кончили об этом, – сказал Мурен. – Всему свое время, настанет пора...

– Что за пора? – спросил Мальмстрём.

– Когда мы опять сможем сами выбирать партнерш и удовлетворять свои страсти достойным образом. Заседание объявляется закрытым. Следующая встреча завтра в то же время.

– О'кей, – сказал Мауритсон. – Выпускайте меня.

– Еще один вопрос.

– Какой?

– Как тебя теперь называть?

– Как обычно: Леннарт Хольм.

– Если что-нибудь случится и надо будет срочно тебя найти?

– Адрес известен.

– Жду раков.

Мауритсон безнадежно пожал плечами и вышел.

– Подонок, – сказал Мальмстрём.

– Неужели? Тебе не по вкусу наш добрый друг?

– От него воняет потом, – сурово произнес Мальмстрём.

– Мауритсон – негодяй, – сказал Мурен. – Я осуждаю его деятельность. Конечно, в том, что он помогает нам, ничего дурного нет. Но сбывать наркотики школьникам и порнографические открытки неграмотным католикам... Это... это недостойно.

– Я ему не доверяю, – проворчал Мальмстрём.

Мурен вынул из кармана коричневый конверт и вни-

мательно осмотрел его.

– И правильно делаешь, друг мой, – произнес он. – Он полезный человек, но честным его не назовешь. Смотри, опять вскрывал письмо. Интересно, каким способом. Должно быть, какой-нибудь фокус с паром. Если бы Рус не подкладывал волосинку, мы бы и не заметили. Нехорошо, плохо при таком гонораре, какой он у нас получает. И почему он так любопытен?

– Пройдоха он, в этом все дело.

– Возможно.

– Сколько он получил с тех пор, как на нас работает?

– Тысячонок сто пятьдесят. Так ведь и расходы у него немалые. Оружие, автомашины, разъезды и прочее. И без риска не обходится.

– Ни черта он не рискует, – возразил Мальмстрём. – Никто, кроме Руса, не знает, что мы с ним знакомы.

– А эта женщина с благозвучным именем?

– Подумать только, как он пытался навязать мне свою кикимору, – негодуя произнес Мальмстрём. – Да она небось моется через день.

– Объективно ты не совсем справедлив, – возразил Мурен. – Фактум эст, он честно описал ее качества.

– Эст?

– А что касается гигиены, ты сначала мог бы ее продезинфицировать.

– Еще чего!

Мурен достал из конверта три листка бумаги и разложил их перед собой на столе.

– Эврика! – воскликнул он.

– Чего?

– То самое, чего мы ждали, старина. Посмотри.

– Только схожу под душ сперва.

Когда он через десять минут вернулся, Мурен все еще потирал руки от удовольствия.

– Ну? – сказал Мальмстрём.

– Похоже, все в порядке. Видишь – вот чертеж. Отменный. А вот тут время расписано. Буквально до минуты.

– А что слышно насчет Хаузера и Хоффа?

– Завтра приезжают. Вот, читай.

Мальмстрём взял письмо.

Мурен вдруг громко рассмеялся.

– Над чем ты ржешь?

– Над кодом. Например: «У Жана длинные усы». Знаешь, откуда он это взял?

– Понятия не имею.

– Ладно, неважно.

– Постой, два с половиной – это миллионы?

– Несомненно.

– Чистый доход?

– Ну конечно. Издержки мы уже покрыли.

– Но двадцать процентов Русу?

– Совершенно верно. Нам с тобой по миллиону.

– Этот хореk Мауритсон что-нибудь мог тут разобрать?

– Кое-что. Например, срок исполнения.

– А когда срок?

– Пятница, четырнадцать сорок пять. Но какая пятница, не сказано.

– Зато улицы названы, – продолжал Мальмстрём.

– Да плевать нам на Мауритсона, – спокойно ответил

Мурен. – Видишь, что тут внизу написано?

– Ага.

– А что это означает – помнишь?

– Как же! А-а – ну конечно. Это меняет дело.

– То-то и оно, – подтвердил Мурен. – Черт, до чего же раков хочется!

XV

Хофф и Хаузер – так звали немецких гангстеров, которых Мальмстрём и Мурен наняли во время своей деловой поездки во Франкфурт-на-Майне. У обоих были отличные рекомендации, так что при желании вполне можно было обо всем договориться по почте. Но если Рус отличался осторожностью, то Мальмстрём и Мурен славилась разборчивостью, и одним из мотивов их путешествия было желание посмотреть на своих будущих помощников.

Встреча состоялась в первых числах июня. Было условлено, что сначала в баре «Магнолия» устанавливается контакт с Хаузером, а уже он сведет шведов с Хоффом.

Бар «Магнолия» – маленький, сумрачный – помещался в центре города. Скрытые светильники источали оранжевое сияние, стены и ковер были фиолетовые, низкие кресла у круглых столиков из плексигласа – розовые. Латунная стойка изогнулась блестящим полукругом, музыка звучала негромко, декольте у грудастых блондинок за стойкой было очень низкое, цены на напитки – очень высокие.

Мальмстрём и Мурен сели за единственный свободный столик; хотя в зале было человек двадцать, не больше, казалось, что бар битком набит. Все посетители были мужчины, слабый пол представляли только девушки за стой-

кой.

Одна из блондинок подошла к их столу и наклонилась, так что они увидели некоторые пикантные подробности и ощутили не такой уж приятный аромат тела и духов. Получив свои коктейли, Мальмстрём и Мурен попытались определить, кто же тут Хаузер. Они понятия не имели, как он выглядит, знали только, что он натуральный бандюга.

Мальмстрём первым его заметил.

Он стоял у другого конца стойки, одетый в замшевых костюме песочного цвета. В уголке рта – тонкая сигара, в руке – стаканчик виски. Высокий, стройный, плечистый, густые баки, темные волосы, выющиеся на затылке, редеющие на макушке. Вылитый Шон Коннери... Опираясь на стойку, он небрежно бросил что-то девушке, которая заговорила с ним, пользуясь свободной минуткой. Она восторженно глядела на него и игриво хихикала. Поднесла руку к его сигаре и легонько стукнула по ней пальцем, так что длинный столбик пепла упал ей на ладонь. Он и виду не подал, что заметил ее жест. Постоял, опрокинул стаканчик и взял другой. Каменное лицо, холодный взгляд серых глаз устремлен в пространство над локонами химической блондинки... Ее он просто не замечал. Не человек – кремень. Даже Мурен смотрел на него с легким почтением.

Они ждали, когда он обратит на них внимание.

В это время к ним подсел коренастый коротыш в мешковатом сером костюме и белой нейлоновой рубашке с бордовым галстуком. У него было круглое, гладко выбритое румяное лицо, короткие волнистые волосы с косым пробором, за толстыми очками без оправы поблескивали голубые, словно фарфоровые, глаза.

Мальмстрём и Мурен равнодушно глянули на него и

снова усталились на Джеймса Бонда у стойки.

Коротыш тихо сказал что-то мягким голосом, однако они не сразу осознали, что он обращается к ним, и прошло еще какое-то время, пока друзья уразумели, что именно этот херувим, а не хват у стойки – Густав Хаузер.

Через несколько минут они покинули бар «Магнолия» и направились к Хоффу.

Хаузер, в мятой шляпе и длинном, до земли, темно-зеленом кожаном пальто, решительно вышагивал впереди; Мальмстрём и Мурен смущенно следовали за ним.

Хофф, весельчак лет тридцати, принял гостей в кругу семьи, состоявшей из жены, двух детей и таксы. Позднее четверо мужчин пошли в ресторан, чтобы за изысканным ужином потолковать о своих делах. Оказалось, что Хофф и Хаузер стреляные воробьи и обладают полезными специальными познаниями. К тому же оба после длительного тюремного заключения истосковались по работе.

Проведя три дня с новыми компаньонами, Мальмстрём и Мурен уехали домой, чтобы продолжить подготовку к операции. Немцы обещали не подкачать и явиться своевременно. В четверг, шестого июля, будут в условленном месте.

В среду они прибыли в Швецию. Утренний паром из Копенгагена доставил Хаузера с его машиной в Мальмё. В двенадцать часов он должен был встретить на Корабельной пристани Хоффа, который плыл на пароходе Эресуннской компании «Абсалон».

Хофф никогда не бывал в Швеции. Он не видел шведских полицейских; может быть, поэтому его прибытие носило несколько сумбурный характер.

Сойдя по трапу на пристань, он увидел шагающего ему навстречу человека в форме. «Полицейский!» – пронеслось у него в голове. Операция провалилась, сейчас его схватят... Что делать?

В эту минуту он увидел сидящего за рулем машины Хаузера, молниеносно выхватил пистолет и направил его на озадаченного таможенника, который шел на «Абсалон» проводить свою подружку, пароходную буфетчицу. Прежде чем кто-либо осознал, что происходит, Хофф перемахнул через изгородь, отделяющую пристань от тротуара, юркнул между двумя такси, одолел прыжком еще одну изгородь, вильнул за тяжелый грузовик и нырнул в машину Хаузера, все еще держа наготове пистолет.

Хаузер уже распахнул дверцу и включил скорость. Как только Хофф плюхнулся на сиденье, он выжал до отказа газ, и машина скрылась за углом так стремительно, что никто даже не успел приметить ее номер. Хаузер остановился лишь после того, как убедился, что их не преследуют.

XVI

Известно: одному повезет, другого подчас ждет осечка, так что в итоге удача и неудача уравниваются.

Мауритсон зигзагов не любил и предпочитал ничего не оставлять на волю случая. Во всех своих предприятиях он тщательно страховался, и благодаря разработанной им системе нужно было прямо-таки невероятное стечение неблагоприятных обстоятельств, чтобы сорвать его планы.

Конечно, совсем без неудач не обходилось, но при этом

страдал только его карман. Так, несколько недель назад один на редкость неподкупный лейтенант итальянской пограничной службы наложил арест на целый грузовик с порнографической продукцией, однако никакие следователи не смогли бы превратить этот грузовик в улику против Мауритсона.

Правда, месяца два назад с ним произошел один непостижимый случай. Но и тут все обошлось благополучно, и Мауритсон не сомневался, что на много лет застрахован от повторения таких неприятностей. Он по праву считал, что шансов угодить в кутузку у него не больше, чем надежды угадать тринадцать номеров в спортивном тотализаторе.

Мауритсон не жаловал праздности, и на среду у него была намечена достаточно насыщенная программа. Сначала надо было получить на Центральном вокзале посылку с наркотиками и доставить ее в один из боксов камеры хранения на станции метро «Эстермальмстерг». Потом передать ключ от бокса некоему лицу в обмен на конверт с ассигнациями. После этого наведаться по адресу, куда поступали таинственные письма для Мальмстрёма и Мурена; его несколько раздражало, что он никак не может распознать отправителя. Затем – поход в магазины за трусами и прочими заказами. Последним пунктом программы значился очередной визит в дом на Данвикскиппан.

Наркотики – амфетамин и гашиш – были искусно запрятаны внутри сдобной булки и куска сыра, которые лежали в обычной сумке вместе с другими, абсолютно невинными продуктами.

Мауритсон уже забрал товар на вокзале и стоял у перехода – ординарный человечек с располагающей внеш-

ностью и с бумажной сумкой в руке. Рядом с ним в толпе стояли с одной стороны пожилая женщина, а с другой – девушка в зеленой форме, инспектор автостоянок. Метрах в пяти от перехода на тротуаре томились два полицейских – руки за спину, на лице тупая важность.

Машины шли, как всегда, сплошным потоком, насыщая воздух выхлопными газами, так что нечем было дышать.

Наконец загорелся зеленый свет, и все ринулись вперед как угорелые, беззастенчиво орудуя локтями, чтобы хоть на сотую долю секунды опередить других.

Кто-то толкнул пожилую даму; испуганно озираясь по сторонам, она спросила:

– Я плохо вижу без очков, что – уже зеленый свет?

– Да-да, – приветливо подтвердил Мауритсон. – Позвольте, я помогу вам перейти.

Он знал по опыту, что учтивость нередко вознаграждается.

– Большое спасибо, – сказала дама. – А то ведь до нас, стариков, сейчас никому нет дела.

Что верно, то верно...

– Мне спешить некуда, – сказал Мауритсон и, бережно взяв даму под руку, повел ее через улицу.

Не успели они дойти до противоположного тротуара, как дама качнулась от нового толчка и едва не упала, но Мауритсон вовремя поддержал ее. В эту минуту раздался крик:

– Эй, вы!

Обернувшись, он увидел, что девушка в зеленом указывает на него обличительным жестом.

– Полиция! Полиция! – вопила она.

Пожилая дама растерянно оглянулась.

– Держите вора! – надсаживалась инспекторша.

Мауритсон нахмурился, но достоинство ему не изменило.

– В чем дело? – допытывалась пожилая дама. – Что случилось? – Потом вдруг тоже запищала: – Вор! Вор!

Притопали полицейские.

– В чем дело? – властно спросил один.

– В чем дело? – не столь властно подхватил другой.

Врожденная гнусавость не позволяла ему производить грозные, грубые звуки, положенные по службе.

– Вор! – надрывалась инспекторша, показывая на Мауритсона. – Он хотел вырвать сумочку у этой женщины!

Мауритсон посмотрел на нее и сказал про себя: «Да заткнись ты, стерва проклятая».

Вслух он произнес:

– Извините, это какая-то ошибка.

Однако инспекторша, двадцатипятилетняя блондинка, успешно уродуяющая свою и без того непрезентабельную внешность гримом и губной помадой, не унималась:

– Я сама видела!

– Что? – волновалась пожилая дама. – Где вор?

– В чем дело? – наперебой бубнили полицейские.

Мауритсон сохранял полное спокойствие.

– Это явное недоразумение, – повторил он.

– Этот господин помог мне перейти улицу, – объяснила дама.

– Как же, как же! – кипятилась блондинка. – Они помогут. Да он так дернул сумочку, что эта ба... что эта дама чуть не грохнулась...

– Вы все перепутали, – терпеливо объяснил Мауритсон. – На самом деле даму нечаянно толкнул другой человек. А я только поддержал ее, чтобы она не упала и не ушиблась.

– Брось, не заливай, – отпарировала блондинка.

Блюстители порядка вопросительно посмотрели друг на друга. Суровый явно был более опытным и энергичным. Подумав, он вспомнил магическую реплику:

– Попрошу вас следовать за мной.

Помолчал и добавил:

– Все трое. Подозреваемый, свидетельница и истица.

Пожилая дама опешила; инспекторша сразу остыла.

Мауритсон был сама кротость.

– Это явное недоразумение, – твердил он. – А вообще-то ничего удивительного, как подумаешь, сколько подозрительных личностей шныряет по улицам. Я охотно последую за вами.

– Как это? – растерялась дама. – Куда идти?

– В участок, – ответил суровый полицейский.

– В участок?

– Да, в полицейский участок.

Процессия двинулась вперед, вызывая живой интерес у прохожих.

– Может, я ошиблась, – заколебалась блондинка.

Она привыкла записывать номера автомашин и фамилии людей, а тут как бы самой не попасть в протокол...

– Ничего страшного, – утешил ее Мауритсон. – В таких оживленных местах особенно нужен глаз да глаз.

Участок помещался в здании вокзала и служил разным целям; в частности, полицейские заходили сюда выпить

кофе и приводили задержанных.

Началась замысловатая процедура.

Сначала записали имя, фамилию, адрес свидетельницы и мнимой жертвы.

– Нет правда, я ошиблась, – нервничала свидетельница. – Я пойду. У меня дежурство.

– Мы обязаны выяснить все до конца, – неумолимо ответил суровый. – Проверь его карманы, Кеннет.

Гнусавый извлек из карманов Мауритсона ряд вполне безобидных предметов. Одновременно продолжался допрос:

– Ваше имя, фамилия?

– Арне Леннарт Хольм, – сказал Мауритсон. – Или просто Леннарт Хольм.

– Адрес?

– Викергатан, шесть.

– Имя и фамилию он правильно сказал, – подтвердил гнусавый. – Вот его водительское удостоверение, тут так и написано – Арне Леннарт Хольм. Все, как он говорит.

Первый полицейский обратился к пожилой даме:

– У вас что-нибудь пропало?

– Нет.

– Зато у меня скоро пропадет терпение, – злилась блондинка. – Как ваша фамилия?

– Это не имеет отношения к делу, – отпарировал полицейский.

– Да не волнуйтесь вы так, – мягко сказал Мауритсон.

– У вас что-нибудь пропало? – снова спросил полицейский.

– Нет, вы же только что спрашивали, – ответила дама.

– Какие ценности у вас были при себе?

– Шесть крон и тридцать пять эре в кошельке. Кроме того, проездной билет и пенсионное удостоверение.

– Все на месте?

– Да.

Полицейский захлопнул записную книжку, важно посмотрел на задержанных и сказал:

– Так, вопрос ясен. Вы двое можете идти. Хольм останется.

Мауритсон рассовал по карманам свое имущество.

Продуктовая сумка стояла на полу около двери, из нее торчал длинный огурец и шесть стеблей ревеня.

– Что у вас там в сумке? – спросил полицейский.

– Продукты.

– Продукты? А ну-ка, Кеннет, проверь.

Гнусавый принялся выкладывать продукты на скамейку, куда его коллеги обычно бросали свои фуражки и портупеи, когда заходили в участок передохнуть.

Мауритсон невозмутимо наблюдал за его действиями.

– Так, – говорил Кеннет, – все точно, в сумке продукты, как показал Хольм, вот хлеб... масло... сыр... ремень... кофе – да, все так, как показал Хольм.

– Ясно, – подытожил суровый. – Вопрос исчерпан. Клади продукты обратно, Кеннет.

Он подумал, потом обратился к Мауритсону:

– Так вот, господин Хольм. Вышло недоразумение. Но вы сами понимаете, такая у нас служба. Мы сожалеем, что на вас пало подозрение в преступлении. Надеемся, вы на нас не в претензии.

– Что вы, что вы, – сказал Мауритсон. – Вы только исполняли свой долг.

– Всего доброго, господин Хольм.

– Всего доброго, всего доброго.

Дверь отворилась, вошел еще один полицейский, одетый в серо-голубой комбинезон. Он вел на поводке овчарку, а в свободной руке держал бутылку лимонада.

– Фу, жароца! – вздохнул он, бросаю фуражку на скамейку. – Сидеть, Джек.

Сорвал с бутылки колпачок и поднес ее ко рту. Повернулся к собаке и сердито повторил:

– Сидеть, Джек!

Пес послушался, но тотчас встал опять и принялся обнюхивать сумку Мауритсона.

Мауритсон пошел к двери.

– Всего вам доброго, господин Хольм, – сказал Кеннет.

– Всего доброго, всего доброго, – отозвался Мауритсон.

Пес уже всю голову засунул в сумку.

Мауритсон отворил дверь левой рукой, а правую протянул за сумкой. Пес зарычал.

– Минутку, – сказал полицейский в комбинезоне.

Коллеги вопросительно посмотрели на него. Мауритсон оттолкнул голову собаки и поднял сумку с пола.

– Ни с места! – Полицейский поставил бутылку на скамью.

– Простите?.. – озадаченно произнес Мауритсон.

– Эта собака натаскана на наркотики, – сказал полицейский, поднося руку к кобуре.

XVII

Начальник отдела наркотиков, Хенрик Якобссон, за-

нимал эту должность почти десять лет, и десять лет он не ведал, что такое покой. Другой на его месте давно заработал бы себе язву желудка или расстройство моторных центров или жевал бы занавески. Но организм Хенрика Якобссона все выдержал, а теперь его и вовсе трудно было чем-нибудь удивить.

Сейчас он невозмутимо созерцал разрезанный сыр, выпотрошенную булку, конвертики с гашишем, капсулы с амфетамином и сотрудника, который полосовал ремень.

Перед ним сидел Мауритсон, внешне спокойный, а на деле сам не свой. Двойная страховка подвела, и как подвела – самым невероятным, дурацким образом. Это что-то непостижимое. Ну ладно, один раз – еще куда ни шло, так ведь один просчет уже был у него совсем недавно. Два прокола подряд!.. Того и жди, окажется, что он угадал тринадцать номеров в очередном розыгрыше спортивного тотализатора.

Он уже сказал все, что положено говорить в таких случаях. Что злополучная сумка – не его, ему вручил ее неизвестный человек на Центральном вокзале и попросил передать другому неизвестному на Мариинской площади, и, конечно, он сразу заподозрил неладное, но не смог устоять против соблазна, когда неизвестный предложил ему сто крон.

Якобссон выслушал его молча, не перебивая и не комментируя. И скорее всего, не поверил ни единому слову. Наконец он сказал:

– Что ж, Хольм, могу только повторить тебе то, что я уже говорил: мы тебя задержим. Ордер будет подписан завтра утром. Можешь воспользоваться телефоном при

условии, что это не помешает следствию.

– Неужели дело такое серьезное? – смиренно осведомился Мауритсон.

– Смотря что считать серьезным. Посмотрим еще, что мы найдем при домашнем обыске.

Мауритсон отлично знал, что они найдут в однокомнатной квартире на Викиргатан: плохонькую мебель и старую одежду. Тут ему бояться нечего. Неизбежный вопрос – к каким замкам подходят прочие ключи – Мауритсона тоже не тревожил, ибо он не собирался отвечать. Так что, скорее всего, его вторая квартира, на Армфельтсгатан, не будет осквернена ни двуногими, ни четвероногими ищайками.

– Неужели штраф платить придется? – спросил он еще более смиренно.

– Никак нет, старина, – ответил Якобссон. – Штрафом ты не отделаешься, тут тюрьмой пахнет. Да, Хольм, здорово ты влип. Кстати, кофе не желаешь?

– Спасибо, лучше чаю, если не трудно.

Мауритсон лихорадочно соображал.

Что верно, то верно – влип, и похлеще, чем думает Якобссон. Ведь у него взяли отпечатки пальцев, а это значит, что электронная машина в два счета выдаст карточку, на которой написано не Арне Леннарт Хольм, а нечто совсем другое. И пойдут неприятные вопросы...

Они выпили чаю и кофе и съели полбатона; тем временем сотрудник сосредоточенно, словно именитый хирург, оперирующий больного, вскрывал скальпелем огурец.

– Здесь ничего нет, – подвел он итог.

Якобссон флегматично кивнул, дожевывая бутерброд:
– Ясно.

Посмотрел на Мауритсона и добавил:

– С тебя и найденного хватит.

В душе Мауритсона зрело решение. Он в нокдауне, но до нокаута еще далеко. Надо встать на ноги – встать прежде, чем прозвучит роковое «аут», а оно прозвучит, как только на стол Якобссона ляжет справка из картотеки. И уж тогда, с какого козыря ни ходи, ему никто не поверит.

Он поставил на стол бумажный стакан, выпрямился и заговорил совсем другим голосом:

– Ладно, я открываюсь. Не буду больше темнить.

– Премного благодарен, – невозмутимо произнес Якобссон.

– Моя фамилия не Хольм.

– В самом деле?

– Ну да, в документах написано Хольм, но это не настоящая фамилия.

– А как же тебя величать?

– Филип Трезор Мауритсон.

– Ты что же, стыдишься своей настоящей фамилии?

– Откровенно говоря, несколько лет назад угодил я в кутузку. Ну а там, сам понимаешь, раз посидел, за тобой уже слава идет.

– Понимаю.

– Кто-нибудь непременно пронюхает, глядишь, уже легавые идут проверять... прости, я хотел сказать, полиция идет.

– Ничего, я не обидчивый, – произнес Якобссон.

Он ничего не добавил, и Мауритсон беспокойно по-

глядел на стенные часы.

– Да и посадили-то меня за ерунду, – продолжал он. – Сбыт краденого, незаконное хранение оружия – в общем, мелочи. Была еще кража со взломом, но с тех пор уже десять лет прошло.

– А все эти годы, значит, вел себя пайнкой? Исправленному верить? Или стал тоньше работать?

Мауритсон криво усмехнулся, но ответной улыбки не дождался.

– Ну и куда же ты гнешь? – осведомился Якобссон.

– В тюрьму не хочется.

– Поздно, раньше надо было думать. Да и чего тут особенного. Не ты первый, не ты последний. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь не сел. Отдохнешь два-три месяца – чем плохо?

Однако Мауритсон подозревал, что краткосрочным отпуском дело не ограничится. Глядя на свои испорченные продукты, он прикидывал, что, если его арестуют, легавые начнут копать всерьез, и могут выявиться малоприятные для него вещи. А ведь у него хранится в иностранных банках приличная сумма. Так что главное сейчас – выйти отсюда. И сразу уехать из города. Лучше всего за границу махнуть, а там все наладится. Тем более что он давно задумал бросить старое ремесло. Хватит возиться с наркотиками и порнографией, и роль мальчика на побегушках у таких, как Мальмстрём и Мурен, как бы хорошо ни платили, ему тоже не к лицу. Лучше уж переключиться на молочные продукты: можно отлично заработать на контрабанде датского масла в Италию. Занятие почти легальное, и никакого риска – разве что мафия с тобой распра-

вится. Н-да...

Так или иначе, мешкать нельзя, надо принимать экстренные меры.

И Мауритсон спросил:

– Кто занимается ограблениями банков?

– Бульдо... – вырвалось у Якобссона.

– Бульдозер Ульссон, – живо договорил Мауритсон.

– Прокурор Ульссон, – поправил его Якобссон. – Стучать собираешься?

– Я мог бы кое о чем осведомить его.

– А ты осведоми меня.

– Речь идет о секретных сведениях, – ответил Мауритсон. – Неужели трудно позвонить ему?

Якобссон задумался. Он прекрасно помнил, как начальник ЦПУ и его подручные говорили, что ограбления банков важнее всего. Только одно преступление считалось еще страшнее – забрасывать яйцами посла Соединенных Штатов.

Он пододвинул к себе телефон и набрал номер штаба спецгруппы. Бульдозер тотчас взял трубку.

– Ульссон слушает.

– Это Хенрик Якобссон говорит. Мы тут задержали одного за наркотики, уверяет, будто ему что-то известно.

– Насчет банков?

– По-видимому.

– Сейчас буду, – ответил Бульдозер.

Он вломился в кабинет, горя от нетерпения.

Диалог был недолгим.

– Так о чем вы хотели нам поведать?

– Господина прокурора интересуют двое по фамилии

Мальмстрём и Мурен?

Бульдозер даже облизнулся.

– Очень, очень интересуют! И что же именно вам известно, господин Мауритсон?

– Мне известно, где находятся Мальмстрём и Мурен.

– Сейчас находятся?

– Да.

Бульдозер возбужденно потер руки. Потом как бы спохватился:

– Надо думать, господин Мауритсон собирается предложить какие-то условия?

– Мне хотелось бы обсудить этот вопрос в более уютном месте.

– Гм-м. Мой кабинет на Кунгсхольмсгатан вас устроит?

– Вполне, – ответил Мауритсон. – Насколько я понимаю, господину прокурору теперь нужно переговорить с этим господином?

Лицо Якобссона ничего не выражало.

– Совершенно верно, – горячо подтвердил Бульдозер. – Посоветуемся, Якобссон? Без посторонних.

Якобссон кивнул, покоряясь судьбе.

XVIII

Якобссон был человек практичный. Зачем понапрасну трепать себе нервы?

Он не был близко знаком с Бульдозером Ульссоном, но достаточно наслышан о нем и понимал, что сражаться нет смысла, все равно исход боя предрешен.

Помещение было очень скромное – голые стены,

письменный стол, два стула, шкаф для папок. И все, даже ковра не было.

Якобссон спокойно сидел за столом.

Бульдозер метался по комнате, заложив руки за спину и наклонив голову.

– Только один сугубо технический вопрос, – сказал он. – Мауритсон арестован?

– Нет. Еще нет.

– Отлично. Превосходно. Тогда, собственно, и совещаться не о чем.

– Возможно.

– Хочешь, позвоним начальнику цепи. Члену коллегии, начальнику управления.

Якобссон покачал головой. Он хорошо знал названных боссов.

– Тогда замечано?

Якобссон промолчал.

– И ты в накладе не останешься. Теперь ты знаешь этого субчика и будешь держать его на примете. Пригодится.

– Ладно, я поговорю с ним.

– Вот и прекрасно.

Якобссон вернулся к Мауритсону, смерил его взглядом и сказал:

– Так вот, Мауритсон, я тут поразмыслил... Ты получил сумку от неизвестного лица для передачи другому неизвестному лицу. Всякое бывает. Доказать, что ты говоришь не правду, будет нелегко. Короче, мы воздерживаемся от ареста.

– Ясно.

– Товар мы, конечно, конфискуем. Но ведь ты мог и не

знать, что передаешь.

– Меня отпустят?

– Отпустят, отпустят. При условии, что ты переходишь в распоряжение Бульд... в распоряжение прокурора Ульссона.

Бульдозер, должно быть, слушал за дверью – она распахнулась, и он ворвался в кабинет.

– Давай, поехали!

– Прямо сейчас?

– Потолкуем у меня.

– Конечно, конечно, – сказал Мауритсон. – С удовольствием.

– Да уж не иначе, – обещал Бульдозер. – Привет, Якобссон.

Якобссон молча проводил их безучастным взглядом.

Он ко всему привык.

Десять минут спустя Мауритсон был доставлен в штаб спецгруппы. Его приняли как почетного гостя и усадили в самое удобное кресло, а кругом расположились блистательные детективы. В том числе Колльберг, который держал в руках памятку Мауритсона:

– Дюжина трусов и пятнадцать пар носков. Это для кого?

– Две пары Мурену, остальное, наверно, второй себе возьмет.

– Он что – бельем питается, этот Мальмстрём?

– Да нет, просто никогда не отдает белье в стирку, каждый раз новое надевает. И непременно французское, а его только у «Морриса» купить можно.

– С такими привычками поневоле пойдешь банки гра-

бить.

– А что такое астролябия? – удивился Рённ.

– Это вроде секстанта, только старый образец, – объяснил Гюнвальд Ларссон и в свою очередь спросил:

– А зачем им на двоих четыре маски «Фантомас»?

– Ей-богу, не знаю. И ведь у них уже есть две, я на прошлой неделе купил.

– Шесть коробок «девятки» – это как понимать? – продолжал допытываться Рённ.

– Мужской товар, особый сорт, – вяло ответил Мауритсон и добавил кое-какие веселые подробности.

– Ладно, бросьте эту бумажку, – добродушно вмешался Бульдозер Ульссон. – Кстати, господину Мауритсону не обязательно изощряться тут в остроумии. Остричь мы и сами умеем.

– Умеем ли? – мрачно осведомился Колльберг.

– Все, давайте-ка делом займемся. – Бульдозер хлопнул в ладоши и энергично потер руки.

Он призывно поглядел на свое войско, в состав которого кроме Колльберга, Рённа и Гюнвальда Ларссона вошли два инспектора, эксперт по слезоточивым газам («газовщик»), техник-вычислитель и никудышный полицейский по имени Бу Цакриссон, которого, невзирая на острую нехватку кадров, все с величайшей охотой уступали друг другу для всякого рода специальных заданий.

Начальник ЦПУ и прочие тузы, слава Богу, после злополучного киносеанса не показывались, даже не звонили.

– Итак, репетируем, – объявил Бульдозер. – Ровно в шесть Мауритсон должен позвонить в дверь. Ну-ка, изобразите еще раз...

Колльберг отстучал сигнал костяшкой по столу.

Мауритсон кивнул.

– Точно, – сказал он, потом добавил:

– Во всяком случае, очень похоже.

Точка-тире... пауза... четыре точки... пауза... тире-точка.

– Я в жизни не запомнил бы, – уныло произнес Цакриссон.

– Мы тебе поручим что-нибудь еще, – сказал Бульдозер.

– Что именно? – поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

Изо всей группы только ему случалось раньше сотрудничать с Цакриссоном, и он не любил вспоминать об этом.

– А мне что делать? – осведомился техник-вычислитель.

– Вот именно, – отозвался Бульдозер. – Я с самого понедельника над этим голову ломаю. Кто тебя к нам направил?

– Не знаю. Звонил кто-то из управления.

– А может, ты нам вычислишь что-нибудь? – предложил Гюнвальд Ларссон. – Скажем, какие номера выиграют в следующем тираже.

– Исключено, – мрачно произнес вычислитель. – Сколько лет пытаюсь, ни одной недели не пропустил, и все мимо.

– Проиграем мысленно всю ситуацию, – продолжал Бульдозер. – Кто звонит в дверь?

– Колльберг, – предложил Гюнвальд Ларссон.

– Прекрасно. Итак, Колльберг звонит. Мальмстрём

открывает. Он ожидает увидеть Мауритсона с трусами, астрольбией и прочими вещами. А вместо этого видит...

– Нас, – пробурчал Рённ.

– Вот именно! Мальмстрём и Мурен огорошены. Их провели! Представляете себе их физиономии?!

Он семенил по комнате, самодовольно усмехаясь.

– А Руса-то как прищучим! Одним ходом шах ему и мат!

У Бульдозера даже дух захватило от столь грандиозной перспективы. Однако он тут же вернулся на землю:

– Но мы не должны забывать, что Мальмстрём и Мурен вооружены.

Гюнвальд Ларссон пожал плечами: подумаешь...

– Ничего, как-нибудь, – сказал Колльберг.

Они с Гюнвальдом Ларссоном сумеют постоять за себя. Да и вряд ли Мальмстрём и Мурен будут сопротивляться, когда поймут, что попали в безвыходное положение.

Бульдозер словно прочел его мысли.

– И все-таки нельзя исключать возможности того, что они с отчаяния пойдут на прорыв. Тут уж придется тебе вмешаться.

Он указал на эксперта по слезоточивым газам. «Газовщик» кивнул.

– Кроме того, с нами пойдет проводник с собакой, – продолжал Бульдозер. – Собака бросается...

– Это как же, – перебил его Гюнвальд Ларссон. – На ней что, противогаз будет?

– Неплохая идея, – сказал Мауритсон.

Все вопросительно посмотрели на него.

– Значит, так, – вещал Бульдозер. – Случай первый:

Мальмстрём и Мурен пытаются оказать сопротивление, но встречают сокрушительный отпор, атакуются собакой и обезвреживаются слезоточивым газом.

– Всё одновременно? – усомнился Колльберг.

Но Бульдозер вошел в раж, и отрезвить его было невозможно.

– Случай второй: Мальмстрём и Мурен не оказывают сопротивления. Полиция с пистолетами наготове вламывается в квартиру и окружает их.

– Только не я, – возразил Колльберг.

Он принципиально отказывался носить оружие.

Бульдозер заливался соловьем:

– Преступников обезоруживают и заковывают в наручники. Затем я вхожу в квартиру и объявляю их арестованными. Их уводят.

Несколько секунд он смаковал упоительную перспективу, потом бодро продолжал:

– И наконец, вариант номер три – интересный вариант: Мальмстрём и Мурен не открывают. Они чрезвычайно осторожны и могут не открыть, если сигнал покажется им не таким, как обычно. С Мауритсоном у них условлено, что он в таком случае уходит, ждет где-нибудь поблизости, а ровно через двенадцать минут возвращается и звонит снова. Мы так и поступим. Выждем двенадцать минут и позвоним опять. После этого автоматически возникает одна из двух ситуаций, которые мы уже разобрали.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон выразительно посмотрели друг на друга.

– Четвертая альтернатива... – начал Бульдозер.

Но Колльберг перебил его:

– Альтернатива – это одно из двух.

– Не морочь голову. Итак, четвертая альтернатива: Мальмстрём и Мурен все равно не открывают. Тогда вы высаживаете дверь...

– ...вламываемся с пистолетами наготове в квартиру и окружаем преступников, – вздохнул Гюнвальд Ларссон.

– Вот именно, – сказал Бульдозер. – Точно так. После чего я вхожу и объявляю их арестованными. Превосходно. Вы запомнили все слово в слово. Ну что – как будто все варианты исчерпаны?

Собравшиеся молчали. Наконец Цакриссон пробормотал:

– А пятая альтернатива такая, что гангстеры открывают дверь, косят из автоматов нас всех вместе с собакой и сматываются.

– Балда, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Во-первых, Мальмстрёма и Мурена задерживали не раз, и при этом еще никто не пострадал. Во-вторых, их всего двое, а у дверей будет шестеро полицейских и одна собака, да еще на лестнице десять человек, да на улице два десятка, да один прокурор на чердаке – или где он там намерен пребывать.

Цакриссон стушевался, однако добавил мрачно:

– В этом мире ни в чем нельзя быть уверенным.

– Мне ехать с вами? – спросил вычислитель.

– Не надо, – ответил Бульдозер. – Для тебя там дела не найдется.

– Какой от тебя прок без твоей машины, – сказал Колльберг.

– А что, вызовем подъемный кран да подтянем ему машину на пятый этаж, – предложил Гюнвальд Ларссон.

– Расположение квартиры, входы и выходы вам известны, – подвел итог Бульдозер. – Три часа назад дом взят под наблюдение. Как и следовало ожидать, все спокойно. Мальмстрём и Мурен даже и не подозревают, что их ждет. Господа, мы готовы.

Он вытащил из грудного кармашка старинные серебряные часы, щелкнул крышкой и сказал:

– Через тридцать две минуты мы нанесем удар.

– А вдруг они попытаются уйти через окно? – предположил Цакриссон.

– Пусть попробуют, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Квартира, как тебе известно, находится на пятом этаже, и пожарной лестницы нет.

– А то была бы шестая альтернатива, – пробурчал Цакриссон.

Бульдозер обратился к Мауритсону, который равнодушно следил за дискуссией.

– Полагаю, господин Мауритсон вряд ли пожелает присоединиться к нам? Или вам хотелось бы повидаться с приятелями?

Мауритсон не то поежился, не то пожал плечами.

– В таком случае предлагаю вам спокойно переждать где-нибудь в этом здании, пока мы проведем операцию. Вы делец, и я тоже в некотором роде делец, так что вы меня поймете. Вдруг выяснится, что вы нас подвели, – тогда придется пересмотреть наше соглашение.

Мауритсон кивнул.

– Идет, – сказал он. – Но я точно знаю, что они там.

– По-моему, господин Мауритсон – подонок, – произнес Гюнвальд Ларссон в пространство.

Колльберг и Рённ напоследок еще раз проштудировали

план квартиры, начерченный со слов Мауритсона. Затем Колльберг сложил листок и сунул его в карман.

– Что ж, поехали, – сказал он.

Раздался голос Мауритсона:

– Только ради Бога учтите, что Мальмстрём и Мурен опаснее, чем вы думаете. Как бы они не попробовали прорваться. Вы уж зря не рискуйте.

– Хорошо, хорошо, – отозвался Колльберг. – Не будем.

Гюнвальд Ларссон неприязненно посмотрел на Мауритсона:

– Понятно, господин Мауритсон предпочел бы, чтобы мы ухлопали его приятелей, тогда ему не надо будет всю жизнь дрожать за свою жалкую шкуру.

– Я только хотел предостеречь вас, – возразил Мауритсон. – Зря ты обижаешься.

– Заткнись, мразь, – проворчал Гюнвальд Ларссон.

Он не терпел панибратства от людей, которых презирал. Будь то стукачи или начальство из ЦПУ.

– Ну, все готово, – нетерпеливо вмешался Бульдозер. – Операция начинается. Поехали.

В доме на Данвикскиппан все оказалось в точности как говорил Мауритсон. Даже такая деталь, как табличка с надписью «С. Андерссон» на дверях квартиры.

Справа и слева от двери прижались к стене Рённ и Гюнвальд Ларссон. Оба держали в руках пистолеты, Гюнвальд Ларссон – свой личный «смит-вессон 38 мастер», Рённ – обыкновенный «Вальтер», калибр 7,65. Прямо перед дверью стоял Колльберг. Лестничная клетка за его спиной была битком набита людьми; тут были и Цакриссон, и эксперт по газам, и проводник с собакой, и оба инспектора,

и рядовые полицейские с автоматами, в пуленепробиваемых жилетах.

Бульдозер Ульссон, по всем данным, находился в лифте.

«Ох уж это оружие», – подумал Колльберг, следя глазами за секундной стрелкой на часах Гюнвальда Ларссона; сам он был безоружен.

Осталось тридцать четыре секунды...

У Гюнвальда Ларссона были часы высшего класса, они показывали время с исключительной точностью.

В душе Колльберга не было ни капли страха. Он слишком много лет прослужил в полиции, чтобы бояться таких субъектов, как Мальмстрём и Мурен.

Интересно, о чем они говорят и думают, закрывшись там со своими запасами оружия и трусов, горами паштета и икры?..

Шестнадцать секунд...

Один из них – очевидно, Мурен, – судя по словам Мауритсона, бо-ольшой гурман. Вполне простительная слабость, Колльберг и сам страстно любил вкусную еду.

Восемь секунд...

Что будет со всем этим добром, когда Мальмстрёма и Мурена закуют в наручники и увезут?

Может, Мурен уступит ему свои припасы по недорогой цене? Или это будет скупка краденого?..

Две секунды.

Русская икра, особенно красная...

Секунда.

Всё.

Он нажал кнопку звонка.

Точка-тире... пауза... четыре точки... пауза... ти-

ре-точка.

Все замерли в ожидании.

Кто-то шумно перевел дух.

Потом скрипнул чей-то башмак.

Цакриссон звякнул пистолетом. Звякнуть пистолетом – это ведь надо суметь!

Звяк-бряк... Смешное слово.

У Колльберга забурчало в животе. Должно быть, от мыслей об икре. Рефлекс, как у павловских собак.

А за дверью – ни звука. Две минуты прошло, и хоть бы что.

По плану полагалось выждать еще десять минут и повторить сигнал.

Колльберг поднял руку, давая понять, чтобы освободили лестничную площадку. Подчиняясь его приказу, Цакриссон и проводник с собакой поднялись на несколько ступенек вверх, а эксперт по газам спустился вниз.

Рённ и Гюнвальд Ларссон остались на своих местах.

Колльберг хорошо помнил план, но не менее хорошо он знал, что Гюнвальд Ларссон отнюдь не намерен следовать намеченной схеме. Поэтому он и сам отошел в сторонку. Гюнвальд Ларссон стал перед дверью и смерил ее взглядом. Ничего, можно справиться...

«Гюнвальд Ларссон одержим страстью вышибать двери», подумал Колльберг. Правда, он почти всегда проделывал это весьма успешно. Но Колльберг был принципиальным противником таких методов, поэтому он отрицательно покачал головой и всем лицом изобразил неодобрение.

Как и следовало ожидать, его мимика не возымела ни-

какого действия. Гюнвальд Ларссон отступил на несколько шагов и уперся правым плечом в стену. Рённ приготовился поддержать его маневр. Гюнвальд Ларссон чуть присел и напрягся, выставив вперед левое плечо, – живой таран весом сто восемь килограммов, ростом сто девяносто два сантиметра. Разумеется, Колльберг тоже изготовился, раз уж дело приняло такой оборот. Однако того, что случилось в следующую минуту, никто не мог предвидеть.

Гюнвальд Ларссон бросился на дверь, и она распахнулась с такой легкостью, будто ее и не было вовсе.

Не встретив никакого сопротивления, Гюнвальд Ларссон влетел в квартиру, с разгона промчался в наклонном положении через комнату, словно сорванный ураганом подъемный кран, и въехал головой в подоконник. Подчиняясь закону инерции, его могучее тело описало в воздухе дугу, да такую широкую, что Гюнвальд Ларссон пробил задом стекло и вывалился наружу вместе с тучей мелких и крупных осколков. В самую что ни на есть последнюю секунду он выпустил пистолет и ухватился за раму. И повис высоко над землей, зацепившись правой рукой и правой ногой. Из глубоких порезов в руке хлестала кровь, штанина тоже окрасилась в алый цвет.

Рённ двигался не столь проворно, однако успел перемахнуть через порог как раз в тот момент, когда дверь со скрипом качнулась обратно. Она ударила его наотмашь в лоб, он выронил пистолет и упал навзничь на лестничную площадку.

Как только дверь после столкновения с Рённом распахнулась вторично, в квартиру ворвался Колльберг. Окинув комнату взглядом, он убедился, что в ней никого

нет, если не считать руки и ноги Гюнвальда Ларссона, бросился к окну и ухватился за ногу обеими руками.

Опасность того, что Гюнвальд Ларссон упадет и разобьется насмерть, была весьма реальной. Навалившись всем телом на его правую ногу, Колльберг изловчился и поймал левую руку коллеги, которой тот силился дотянуться до окна. Несколько секунд чаша весов колебалась, и у обоих было такое чувство, что они вот-вот полетят вниз. Но Гюнвальд Ларссон крепко держался исполосованной правой рукой, и, напрягая все силы, Колльберг ухитрился втянуть своего незадачливого товарища на подоконник, где он, хотя и сильно пострадавший, был в относительной безопасности.

В эту минуту Рённ, слегка ошалевший от удара по голове, пересек порог на четвереньках и принялся искать оброненный пистолет.

Следующим в дверях появился Цакриссон, за ним по пятам шла собака. Он увидел ползающего на четвереньках Рённа с расквашенным лбом и лежащий на полу пистолет. Увидел также у разбитого окна окровавленных Колльберга и Гюнвальда Ларссона.

Цакриссон закричал:

— Ни с места! Полиция!

После чего выстрелил вверх и попал в стеклянный шар под потолком. Лампа разлетелась вдребезги с оглушительным шумом.

Цакриссон повернулся кругом и следующим выстрелом поразил собаку. Бедняжка осела на задние лапы и жутко завывала.

Третья пуля влетела в открытую дверь ванной и про-

била трубу. Длинная струя горячей воды с шипением ударила прямо в комнату.

Цакриссон еще раз дернул курок, но тут заело механизм.

Вбежал проводник собаки.

– Эти гады застрелили Боя, – вскричал он и схватился за оружие. Размахивая пистолетом, он искал безумным взглядом виновника, чтобы воздать ему по заслугам.

Пес выл страшнее прежнего.

Полицейский в сине-зеленом пуленепробиваемом жилете, с автоматом в руках ворвался в квартиру, зацепил ногой Рённа и растянулся во весь рост. Его автомат прокатился по паркету в дальний угол. Собака – видно, ее рана была не смертельная – впилась ему зубами в икру. Полицейский истошным голосом стал звать на помощь.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон уже сидели рядом на полу, основательно изрезанные и совершенно обессиленные. Но голова у них работала, и оба в одно время пришли к двум идентичным выводам. Во-первых: в квартире никого не было, ни Мальмстрёма, ни Мурена, ни кого-либо еще. Во-вторых, дверь была не заперта и, скорее всего, даже не закрыта как следует.

Кипящая струя из ванной хлестнула Цакриссона по лицу.

Полицейский в жилете полз к своему автомату. Собака волочилась следом, вонзив клыки в мясистую ногу.

Гюнвальд Ларссон поднял окровавленную руку и заорал:

– Кончайте, черт побери...

В ту же секунду «газовщик» одну за другой бросил в

квартиру две гранаты со слезоточивым газом. Они упали на пол между Рённом и проводником собаки и тотчас взорвались.

Раздался еще один выстрел; кто именно выстрелил — установить не удалось, но скорее всего, это был проводник. Пуля ударилась о батарею отопления в сантиметре от колена Колльберга, рикошетом отскочила на лестничную площадку и ранила «газовщика» в плечо.

Колльберг попытался крикнуть: «Сдаемся! Сдаемся!» — но из его горла вырвалось лишь хриплое карканье.

Газ мгновенно распространился по квартире, смешиваясь с паром и пороховым дымом.

Пять человек и одна собака стонали, рыдали и кашляли в ядовитой мгле.

Шестой человек сидел на лестничной клетке и подвывал, прижимая к плечу ладонь.

Откуда-то сверху примчался взбудораженный Бульдозер Ульссон.

— Что такое? В чем дело? Что тут происходит? — допытывался он.

Сквозь туман из квартиры доносились жуткие звуки. Кто-то скулил, кто-то сдавленным голосом звал на помощь, кто-то невнятно чертыхался.

— Отставить! — визгливо скомандовал Бульдозер, перхнулся газом и закашлялся.

Он попятился по ступенькам вверх, но облако газа следовало за ним. Тогда Бульдозер приосанился и обратил грозный взгляд на едва различимый дверной проем.

— Мальмстрём и Мурен, — властно произнес он, обливаясь слезами. — Бросайте оружие и выходите! Руки вверх!

Вы арестованы!

XIX

В четверг 6 июля 1972 года специальная группа по борьбе с ограблениями банков собралась утром в своем штабе. Члены группы сидели бледные, но подтянутые, царила строгая тишина.

Мысль о вчерашних событиях никого не располагала к веселью. А Гюнвальда Ларссона меньше всех.

В кино, может быть, и уморительно, когда человек вываливается из окна и болтается над землей на высоте пятого этажа. В жизни это отнюдь не смешно. Изрезанные руки и порванный костюм тоже не потеха.

Пожалуй, больше всего Гюнвальд Ларссон расстраивался из-за костюма. Он был очень разборчив, и на одежду уходила немалая часть его жалованья. И вот опять, в который раз, один из лучших костюмов, можно сказать, погиб при исполнении служебных обязанностей.

Эйнар Рённ тоже пригорюнился, и даже Колльберг не мог и не желал оценить очевидный комизм ситуации. Слишком хорошо он помнил, как у него сосало под ложечкой, когда ему казалось, что всего пять секунд отделяют его и Гюнвальда Ларссона от верной смерти. К тому же он не верил в Бога и не представлял себе на небесах полицейского управления с крылатыми сыщиками.

Битва на Данвикскиппан подверглась придирчивому разбору Тем не менее объяснительная записка была весьма туманна и пестрила уклончивыми оборотами. Составлял ее Колльберг

Но потери нельзя было скрыть.

Троих пришлось отвезти в больницу. Правда, ни смерть, ни инвалидность им не грозила. У «газовщика» – ранение мягких тканей плеча. У Цакриссона – ожоги на лице. (Кроме того, врачи утверждали, что у него шок, что он производит «странное» впечатление и не в состоянии толково ответить на простейшие вопросы. Но это, скорее всего, объяснялось тем, что они не знали Цакриссона и переоценивали его умственные способности. Возможность недооценки в этом случае начисто исключалась.) Не одну неделю предстояло провести на бюллетене полицейскому, которого искусала собака: разорванные мышцы и жилы не скоро заживают.

Хуже всего пришлось самой собаке. Из хирургического отделения Ветеринарного института сообщили, что, хотя пулю удалось извлечь, вопрос об усыплении не снимается с повестки дня, ибо не исключена возможность инфекции. Правда, в заключении отмечалось, что Бой – молодая и крепкая собака, и ее общее состояние – удовлетворительное.

Для посвященных все это звучало малоутешительно.

Члены спецгруппы тоже не могли похвастаться своим самочувствием. Рённо сидел с пластырем на лбу; его красный от природы нос подчеркивал живописность двух отменных синяков.

Гюнвальду Ларссону, по чести говоря, было место не на службе, а дома – вряд ли можно считать трудоспособным человека, у которого правая рука и правое колено туго перевязаны бинтами. К тому же изрядная шишка украшала его голову.

Колльберг выглядел лучше, но у него голова раскалывалась от боли, которую он приписывал загрязненной атмосфере на поле боя. Специальное лечение – коньяк, аспирин и супружеская ласка (любящая жена постаралась) – помогло только отчасти.

Поскольку противник в битве не участвовал, его потери были минимальными. Правда, в квартире обнаружили и конфисковали кое-какое имущество, но даже Бульдозер Ульссон не решился бы всерьез утверждать, что утрата рулона туалетной бумаги, картона с ветошью, двух банок брусничного варенья и горы использованного белья может сколько-нибудь огорчить Мальмстрёма и Мурена или затруднить их дальнейшие действия.

Без двух минут девять в кабинет ворвался и сам Бульдозер Ульссон. Он уже успел с утра пораньше посетить два важных совещания – в ЦПУ и в отделе по борьбе с мошенничеством и был, что называется, полон боевого задора.

– Доброе утро, привет, – благодушно поздоровался он. – Ну, как самочувствие, ребята?

Ребята сегодня, как никогда, ощущали свои уже немолодые годы, и он не дождался ответа.

– Что ж, вчера Рус сделал ловкий контрход, но не будем из-за этого вешать нос. Скажем так, мы проиграли пешку-другую и потеряли темп.

– По-моему, это скорее похоже на детский мат, – возразил любитель шахмат Колльберг.

– Но теперь наш ход, – продолжал Бульдозер. – Тащите сюда Мауритсона, мы его прощупаем! Он кое-что держит про запас. И он трусит, уважаемые господа, еще как трусит!

Знает, что теперь Мальмстрём и Мурен не дадут ему спуска. Освободить его сейчас – значит оказать ему медвежью услугу. И он это понимает.

Рённо, Колльберг и Гюнвальд Ларссон смотрели воспаленными глазами на своего вождя. Перспектива снова что-то затевать по указке Мауритсона им нисколько не улыбалась.

Бульдозер критически оглядел их; его глаза тоже были воспалены, веки опухли.

– Знаете, ребята, о чем я подумал сегодня ночью? Не лучше ли впредь для таких операций, вроде вчерашней, использовать более свежие и молодые силы? Как по-вашему? – Помолчав, он добавил: – А то ведь как-то нехорошо получается, когда пожилые, солидные люди, ответственные работники бегают, палят из пистолетов, куролесят...

Гюнвальд Ларссон глубоко вздохнул и поник, словно ему вонзили нож в спину.

«А что, – подумал Колльберг, – все правильно». – Но тут же возмутился: – «Как он сказал? Пожилые?.. Солидные?..»

Рённо что-то пробормотал.

– Что ты говоришь, Эйнар? – ласково спросил Бульдозер.

– Да нет, я только хотел сказать, что не мы стреляли.

– Возможно, – согласился Бульдозер. – Возможно. Ну все, хватит киснуть. Мауритсона сюда!

Мауритсон провел ночь в камере, правда, с бóльшим комфортом, чем рядовые арестанты. Ему выделили персональную парашу, он даже одеяло получил, и надзиратель

предложил ему стакан воды.

Все это его вполне устраивало, и спал он, по словам того же надзирателя, спокойно. Хотя, когда ему накануне сообщили, что Мальмстрём и Мурен не присутствовали при их задержании, он был заметно удивлен и озабочен.

Криминалистическое исследование квартиры показало, что птички улетели совсем недавно. Это подтверждали, в частности, обнаруженные в большом количестве отпечатки пальцев; причем на одной из банок остались следы большого и указательного пальцев правой руки Мауритсона.

– Вам не нужно объяснять, что из этого следует, – выразительно произнес Бульдозер.

– Что Мауритсон уличен банкой с брусничным вареньем, – отозвался Гюнвальд Ларссон.

– Вот-вот, совершенно верно, – радостно подхватил Бульдозер. – Он уличен! Никакой суд не подкопается. Но я, собственно, не об этом думал.

– О чем же ты думал?

– О том, что Мауритсон явно говорил правду. И вероятно, он нам еще кое-что выложит.

– Ну да, о Мальмстрёме и Мурене.

– То есть как раз то, что нас сейчас больше всего интересует. Разве не так?

И вот Мауритсон снова сидит в окружении детективов. Сидит тихий, скромный человечек с располагающей внешностью.

– Вот так, дорогой господин Мауритсон, – ласково произнес Бульдозер. – Не сбылось то, что мы с вами задумали.

Мауритсон покачал головой.

– Странно, – сказал он. – Я ничего не понимаю. Может быть, у них чутье, шестое чувство?

– Шестое чувство... – задумчиво произнес Бульдозер. – Иной раз и впрямь начинаешь верить в шестое чувство. Если только Рус...

– Какой еще Рус?

– Нет-нет, господин Мауритсон, ничего. Это я так, про себя. Меня беспокоит другое. Ведь у нас с вами дебет-кредит не сходится! Как-никак, я оказал господину Мауритсону немалую услугу. А он, выходит, все еще в долгу передо мной.

Мауритсон задумался.

– Другими словами, господин прокурор, я еще не свободен? – спросил он наконец.

– Как вам сказать. И да, и нет. Что ни говори, махинация с наркотиками – серьезное преступление. Дойди дело до суда, можно получить... – Он посчитал по пальцам. – Да, пожалуй, восемь месяцев. И уж никак не меньше шести.

Мауритсон смотрел на него совершенно спокойно.

– Но, – голос Бульдозера потеплел, – с другой стороны, я посулил на сей раз господину Мауритсону отпущение грехов. Если получу что-то взамен.

Он выпрямился, хлопком соединил ладони перед лицом и жестко сказал:

– Другими словами: если ты сию минуту не выложишь все, что тебе известно о Мальмстрёме и Мурене, мы арестуем тебя как соучастника. В квартире найдены твои отпечатки пальцев. А потом передадим тебя опять Якобссону. Да еще позаботимся о том, чтобы тебя хорошенько вздули.

Гюнвальд Ларссон одобрительно посмотрел на начальника спецгруппы и произнес:

– Лично я с удовольствием...

Мауритсон и бровью не повел.

– Ладно, – сказал он. – Есть у меня кое-что... вы накроете и Мальмстрёма, и Мурена, и не только их.

Бульдозер Ульссон расплылся в улыбке.

– Это уже интересно, господин Мауритсон. И что же вы хотите нам предложить?

Мауритсон покосился на Гюнвальда Ларссона и продолжал:

– Элементарное дело, котенок справится.

– Котенок?

– Да, и вы уж не валите из меня, если опять дадите маху.

– Ну что вы, дорогой Мауритсон, зачем же там грубо. Вы не меньше нашего заинтересованы в том, чтобы их накрыли. Так что у вас там припасено?

– План их следующей операции, – бесстрастно произнес Мауритсон. – Время, место и все такое прочее.

Глаза прокурора Ульссона чуть не выскочили из орбит. Он трижды обежал вокруг кресла Мауритсона, крича, словно одержимый:

– Говорите, господин Мауритсон! Все говорите! Считайте, что вы уже свободны! Если хотите, обеспечим вам охрану. Только рассказывайте, дорогой Мауритсон, все рассказывайте!

Его порыв заразил и остальных, члены спецгруппы нетерпеливо окружили доносчика.

– Ладно, – решительно начал Мауритсон, – слушайте. Я взялся немного помочь Мальмстрёму и Мурену – ходил для

них в магазин и все такое прочее. Сами они предпочитали не выходить на улицу. Ну вот, и в том числе я каждый день должен был справляться в табачной лавке в Биркастан насчет почты для Мурена.

– Чья лавка? – живо спросил Колльберг.

– Пожалуйста, я скажу, да только вам это ничего не даст, я уже сам проверял. Лавка принадлежит одной старухе, а письма приносили пенсионеры, каждый раз другие.

– Дальше! – поторопил его Бульдозер. – Письма? Какие письма? Сколько их было?

– За все время было только три письма, – ответил Мауритсон.

– И вы передали их?

– Да, но сперва я их вскрывал.

– Мурен ничего не заметил?

– Нет. Я умею вскрывать письма, такой способ знаю, что никто не заметит. Химия.

– Ну и что же было в этих письмах?

Бульдозеру не стоялось на месте, он перебирал ногами и приплясывал, будто раскормленный петух на противне.

– В первых двух ничего интересного не было, речь шла о каких-то X и Y, которые должны были приехать в пункт Z, и так далее. Совсем коротких записки, и все кодом. Просмотрю, заклею опять и несу Мурену.

– А в третьем что?

– Третье пришло позавчера. Очень интересное письмо. План очередного ограбления, во всех подробностях.

– И эту бумагу вы передали Мурену?

– Не бумагу, а бумаги. Там было три листка. Да, я отнес их Мурену. Но сперва сделал фотокопии и спрятал в

надежном месте.

– Дорогой господин Мауритсон. – У Бульдозера даже дыхание перехватило. – Что это за место? Сколько времени нужно вам, чтобы забрать копии?

– Сами забирайте, меня что-то не тянет.

– Когда?

– Как только я скажу, где они.

– Так где же они?

– Спокойно, не жмите на педали, – сказал Мауритсон. – Товар натуральный, никакого подвоха. Но сперва я должен кое-что получить от вас.

– Что именно?

– Во-первых, бумагу за подписью Якобссона, она лежит у вас в кармане. Та самая, в которой сказано, что подозрение в махинациях с наркотиками с меня снято, предварительное следствие прекращено за отсутствием доказательств и так далее.

– Вот она. – Бульдозер полез во внутренний карман.

– И еще одну бумагу, с вашей подписью, это уже насчет моего соучастия в делах Мальмстрёма и Мурена. Дескать, дело выяснено, я ни в чем преступном не замешан и так далее.

Бульдозер Ульссон ринулся к пишущей машинке.

Меньше чем за две минуты бумага была готова. Мауритсон получил оба документа, внимательно прочитал их и сказал:

– Порядок. Конверт с фотокопиями находится в «Шератоне».

– В отеле?

– Ага. Я переправил его туда, получите у портье, до

востребования.

– На чье имя?

– На имя графа Филипа фон Бранденбурга, – скромно ответил Мауритсон.

Члены спецгруппы удивленно посмотрели на него.

Наконец Бульдозер опомнился:

– Замечательно, дорогой господин Мауритсон, замечательно. Может быть, вы пока посидите в другой комнате, совсем недолго, выпьете чашечку кофе со сдобой?

– Лучше чаю, – сказал Мауритсон.

– Чаю... – рассеянно произнес Бульдозер. – Эйнар, позаботься о том, чтобы господину Мауритсону принесли чаю со сдобой... и чтобы кто-нибудь составил ему компанию.

Рённо проводил Мауритсона и тут же вернулся.

– Что дальше делаем? – спросил Колльберг.

– Забираем письма, – ответил Бульдозер. – Сейчас же. Проще всего будет, если кто-нибудь из вас отправится туда, назовется графом фон Бранденбургом и востребует свою почту. Хотя бы ты, Гюнвальд.

Гюнвальд Ларссон холодно уставился на него своими ярко-голубыми глазами.

– Я? Ни за что на свете. Лучше сразу подам заявление об уходе.

– Тогда придется тебе это сделать, Эйнар. Если сказать все как есть, еще заартачатся, дескать, то, сё, не имеем права выдавать почту графа. И мы потеряем драгоценное время.

– Так, – сказал Рённо. – Филипп фон Бранденбург, граф, вот у меня тут визитная карточка, Мауритсон дал. Они у

него в бумажнике лежат, в потайном отделении. Благо-родство-то какое!

Он показал им: мелкие буквы пепельного цвета, серебряная монограмма в уголке...

– Ладно, двигай! – нетерпеливо распорядится Бульдозер. – Живей!

Рённ вышел.

– Подумать только, – сказал Колльберг. – Если я зайду в лавку, где уже десять лет покупаю продукты, и попрошу пол-литра молока в долг, мне шиш покажут. А этакий Мауритсон удостоит визитом самый роскошный ювелирный магазин в городе, назовется герцогом Малабарским, и ему тут же выдадут два ящика брильянтовых колец и десять жемчужных ожерелий для ознакомления.

– Что поделаешь, – отозвался Гюнвальд Ларссон. – Классовое общество...

Бульдозер Ульссон кивнул с отсутствующим видом. Вопросы общественного устройства его не интересовали.

Портье посмотрел на письмо, потом на визитную карточку и наконец на Рённа.

– А вы точно граф фон Бранденбург? – подозрительно осведомился он.

– Угу, – проямлил Рённ, – собственно, я его посыльный.

– А-а, – протянул портье. – Понятно. Пожалуйста, возьмите. И передайте господину графу, что мы всегда к его услугам.

Человек, не знающий Бульдозера Ульссона, мог бы

подумать, что он серьезно заболел. Или по меньшей мере обезумел.

Вот уже целый час Бульдозер пребывал в состоянии высшего блаженства, и выражалась эта эйфория не столько в словах, сколько в действии, точнее даже, в пластике. Он и трех секунд не стоял на месте, он буквально парил над полом, как будто мятый голубой костюм служил оболочкой не для прокурора, а для небольшого дирижабля, наполненного гелием.

Долго смотреть на это ликование было тягостно, зато три листка из графского конверта оказались такими захватывающими, что Колльберг, Рёnn и Гюнвальд Ларссон и час спустя не могли от них оторваться.

Никакого сомнения, на столе спецгруппы и впрямь лежали копии всесторонне разработанного плана очередного налета, задуманного Мальмстрёмом и Муреном.

И надо признать, замысел был грандиозный.

Речь шла о той самой большой операции, которую ждали уже несколько недель, но о которой до сего дня, по существу, ничего не знали. И вот теперь вдруг стало известно почти все!

Операция была назначена на пятницу, время – 14:45. По всей вероятности, подразумевалось либо седьмое число (а это уже завтра), либо четырнадцатое (через неделю).

Многое говорило в пользу второго варианта. В таком случае у спецгруппы с избытком хватит времени для основательной подготовки. Но даже если Мальмстрём и Мурен нанесут удар безотлагательно, в этих трех листках было достаточно данных, чтобы без труда схватить злоумышленников на месте преступления и поломать столь

тщательно разработанный план.

На одном листке – подробный чертеж банковского зала, с детальными указаниями, как будет происходить налет, как размещаются участники и автомашины, какими маршрутами уходить, покидая город.

Бульдозер Ульссон знал все о стокгольмских банках, ему достаточно было одного взгляда на схему, чтобы опознать зал. Это был один из крупнейших новых банков в деловой части города.

План был настолько прост и гениален, что имя автора не вызывало сомнения: Вернер Рус. Во всяком случае, Бульдозер был твердо в этом убежден.

Вся операция распадалась на три независимых звена.

Звено первое – отвлекающий маневр.

Звено второе – превентивная акция, направленная против главного противника, то есть против полиции.

Звено третье – само ограбление.

Чтобы осуществить такой план, Мальмстрёму и Мурену требовалось по меньшей мере четыре активных помощника.

Двое из них даже были названы: Хаузер и Хофф. Судя по всему, им отводилась роль наружной охраны во время налета.

Двое других (не исключено, что их больше) отвечали за отвлекающий маневр и превентивную акцию. В плане они именовались «подрядчиками».

Время отвлекающего маневра – 14:40, место – Русенлюндсгатан, стало быть, в районе Сёдермальм. Необходимые атрибуты – минимум две автомашины и мощный заряд взрывчатки.

Судя по всему, смысл этой шумной диверсии заключался в том, чтобы привлечь возможно больше патрульных машин, циркулирующих в центре города и южных предместьях. Как именно она будет проведена, из плана не вытекало, но, скорее всего, предполагался сильный взрыв в каком-нибудь здании или возле бензоколонки.

За отвлекающий маневр отвечал «подрядчик А».

Минутой позже – верный тактический ход! – начинается превентивная акция. Эта часть плана, столь же дерзкая, сколь и остроумная, предусматривала блокировку выезда машин, постоянно находящихся в оперативном резерве при полицейском управлении. Конечно, это непросто сделать, но если бы злоумышленникам удалось застигнуть противника врасплох, полиция попала бы в незавидное положение.

Этой частью операции руководил «подрядчик Б».

В случае успеха обеих предварительных акций в 14:45 бо́льшая часть мобильных полицейских патрулей оказалась бы связанной происшествием на Русенлюндсгатан, а оперативные резервы – запертыми в полицейском управлении на Кунгсхольмене.

Что позволило бы Мальмстрёму и Мурену при участии таинственных незнакомцев Хоффа и Хаузера в эту самую минуту нанести удар по банку, не опасаясь помех со стороны полиции.

Так выглядел план знаменитой большой операции, которую давно предвидел прокурор Ульссон.

Для отступления налетчики располагали двумя машинами, да еще четыре были на подставе, по одной на каждого. Отход намечалось осуществить в северном направ-

лении – естественный вариант, поскольку предполагалось, что почти все полицейские патрули в это время будут заняты в южной части города, а оперативные резервы застрянут на Кунгсхольмене.

Автор плана не забыл даже указать предполагаемые размеры добычи: что-то около двух с половиной миллионов шведских крон.

Именно эта цифра заставила спецгруппу склониться к выводу, что операция намечена не на седьмое, а на четырнадцатое июля. Ибо из телефонного разговора с банком выяснилось, что как раз в этот день там вполне можно будет набрать такую сумму в разной валюте. Если же банда нанесет удар завтра, добыча будет гораздо меньше.

Большинство пунктов плана было изложено открытым текстом, а закодированные легко расшифровывались.

– «У Жана длинные усы», – прочел Колльберг. – Известная фраза. Во время второй мировой войны такой сигнал союзники передали французским партизанам перед высадкой.

Заметив вопросительный взгляд Рённа, он пояснил:

– Расшифровывается очень просто: начинаем, ребята.

– И в конце тоже все понятно, – сказал Гюнвальд Ларссон. – *Abandon ship*⁸. Правда, по-английски написано, вот Мауритсон и не постиг. Приказ немедленно уносить ноги. Оттого и была квартира пуста. Видно, Рус не доверял Мауритсону и велел им сменить укрытие.

– И еще одно слово под конец: «Милан», – заметил Колльберг. – Это как понимать?

⁸ Оставить корабль (англ.)

– Сбор для дележа в Милане, – уверенно объявил Бульдозер. – Да только они дальше банка никуда не денутся. Если мы их вообще туда пустим. Считайте, что партия уже выиграна.

– Это точно, – подтвердил Колльберг. – Похоже на то.

Теперь, когда они знали план, нетрудно было принять контрмеры. Что бы ни произошло на Русенлюндсгатан – не обращать особенного внимания. А что касается полицейских машин на Кунгсхольмене, позаботиться о том, чтобы к моменту превентивной акции они не стояли во дворе управления, а были целесообразно размещены в районе банка.

– Так, – рассуждал Бульдозер, – план составлен Вернером Русом, это несомненно. Но как это доказать?

– А пишущая машинка? – высказался Рённ.

– Привязать текст к электрической машинке почти невозможно. Да он к тому же всегда начеку. На чем бы его подловить?

– Ты прокурор – твоя забота, – сказал Колльберг. – У нас ведь главное – предъявить обвинение, а там, будь человек сто раз невиновен, все равно осудят.

– Но Вернер Рус как раз виновен, – возразил Бульдозер.

– А что с Мауритсоном будем делать? – поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

– Отпустим, что же еще, – рассеянно ответил Бульдозер. – Он свою роль сыграл, с него больше нечего спросить.

– Так уж и нечего, – усомнился Гюнвальд Ларссон.

– Следующая пятница, – мечтательно произнес Бульдозер. – Подумать только, что нас ждет.

– Вот именно, только подумать, – кисло повторил

Колльберг.

Зазвонил телефон: ограбление банка в Зеллингбю.

Оказалось, ничего интересного. Игрушечный пистолет, вся добыча – пятнадцать тысяч. Злоумышленника схватили через час, когда он, еле держась на ногах, раздавал деньги прохожим в парке Хумлегорден. За этот час он успел напиться пьяным и купить сигару, да еще в довершение всего получил пулю в ногу от одного не в меру усердного постового.

С этим делом спецгруппа разобралась, не покидая штаба.

– Тебе не кажется, что и тут замешан Вернер Рус? – ехидно спросил Гюнвальд Ларссон.

– А что, – оживился Бульдозер. – В этом что-то есть. Косвенным образом он виноват. Его ловкие операции раззадоривают и менее талантливых преступников. Так что можно сказать...

– Ради Бога, – перебил его Гюнвальд Ларссон. – Остановись.

Рённ направился в свой кабинет.

За его столом сидел человек, которого он очень давно не видел. Мартин Бек.

– Привет, – поздоровался гость. – Ты что, в драке бывал?

– Угу. Косвенным образом.

– Это как же понимать?

– Сам не знаю, – туманно ответил Рённ. – Я теперь уже ничего не понимаю. А ты зачем пришел?

Окно кабинета Эйнара Рённа в штабе уголовной полиции на Кунгсхольмсгатан выходило во двор, открывая хозяину вид на огромный котлован. Постепенно из этой ямины вырастет, заслоня вид, новое роскошное здание ЦПУ. От ультрасовременного колосса в сердце Стокгольма полиция протянет свои щупальца во все стороны и крепко стиснет ими незадачливых граждан. Ведь не все же могут уехать за границу, и не каждый способен покончить с собой.

Выбор места и гипертрофированные размеры нового полицейского штаба вызвали горячую критику, но в конце концов полиция настояла на своем.

Заветной целью полиции, вернее некоторых ее руководящих деятелей, была власть. Именно стремление к власти прежде всего определяло действия полиции в последние годы. А поскольку полиция до сих пор никогда не выступала в шведской политике как самостоятельная сила, лишь немногие осознали, чем это пахнет, большинству же ее непрекращающаяся активность казалась непонятной и противоречивой.

Новое здание должно служить олицетворением новой силы и власти. Облегчить централизованное управление в тоталитарном духе, а заодно стать крепостью, закрытой для посторонних глаз твердыней. Роль посторонних отводилась в этом случае всему народу.

И еще один важный мотив: над шведской полицией в последнее время много смеялись. Слишком много. Теперь смеху будет положен конец, полагали в соответствующих кругах.

Впрочем, все это пока не выходило за пределы сокровенных чаяний, лелеемых кучкой людей. И то, что при благоприятных политических зигзагах могло трансформироваться в министерство ужаса и кошмара, пока что было всего лишь огромной яминой в каменистой почве острова Кунгсхольмен.

И по-прежнему из окна Рённа можно было свободно обозреть верхнюю часть Бергсгата и пышную зелень Крунубергского парка.

Мартин Бек встал с кресла и подошел к окну. Ему было видно даже окно той самой квартиры, где Карл Эдвин Свард месяца два пролежал мертвый и всеми забытый.

— Прежде чем стать специалистом по ограблениям банков, ты расследовал один смертный случай. Фамилия покойного — Свард.

Рённ смущенно хихикнул.

— Специалистом... Не сглазь!

Рённ был человек как человек, но в характере — ничего общего с Мартином Беком, поэтому сотрудничество у них никогда не ладилось.

— Но насчет Сварда ты прав, — продолжал он. — Я как раз занимался этим делом, когда меня отрядили в распоряжение специальной группы.

— Отрядили в распоряжение?

— Ну да, направили в спецгруппу.

Мартин Бек поморщился. Сам того не замечая, Рённ сбивается на военный жаргон... Два года назад в его речи не было словечек вроде «отрядили в распоряжение».

— Так, и к какому же выводу ты пришел?

Рённ помял свой красный нос и пробурчал:

– Я не успел копнуть как следует. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что это дело, как известно, поручили мне. Своего рода трудовая терапия.

– Угу... Дурацкое дело. Прямо как начало детективного романа. Убитый старик в комнате, которая заперта изнутри. А тут еще...

Он умолк, словно чего-то устыдился. Еще одна не-сносная привычка, его поминутно надо подстегивать. Скажем, так:

– Ну, что еще?

– Да нет, просто Гюнвальд сказал, что мне следовало бы тотчас арестовать самого себя.

– Это почему же?

– В качестве подозреваемого. Да ты погляди – видишь? Дескать, я мог сам застрелить его отсюда, из окна моего кабинета.

Мартин Бек не ответил, и Рёnn окончательно смешался.

– Да нет, это он пошутил, конечно. И ведь окно Сварда было закрыто изнутри. И штора опущена, и стекло целое. К тому же...

– Что к тому же?

– К тому же я никудышный стрелок. Один раз с восьми метров промахнулся по лосю. После этого отец не давал мне ружья. Только термос доверял, водку да бутерброды. Так что...

– Что?

– Да ведь тут двести пятьдесят метров. Если я с восьми метров из ружья по лосю промазал, так из пистолета вообще в тот дом не попаду! Ох, ты извини меня, ради Бога...

Я просто не подумал...

— Что не подумал?

— Да нет, я все время говорю про пистолеты, про стрельбу, а ведь тебе это должно быть неприятно.

— Ничуть. Ну и что же ты все-таки успел сделать?

— Да почти ничего, как я сказал. Провели криминалистическое исследование, но к тому времени там уже столько натоптали... Еще я позвонил в химическую лабораторию, спросил, проверяли руки Сварда на следы пороха или нет. Оказалось, не проверяли. И в довершение всего...

— Ну, что?

— Да то, что трупа уже не было. Кремировали. Хорошенькая история. Дознание, называется.

— А биографией Сварда ты занимался?

— Да нет, не успел. Но я задумал было одно дело.

— Какое же?

— Сам понимаешь, если человек убит из пистолета, должна быть пуля. А баллистической экспертизы не провели. Ну я и позвонил патологоанатому — между прочим, оказалась женщина, — и она сказала, что положила пулю в конверт, а конверт этот куда-то засунула. Словом, халатность на каждом шагу.

— А дальше?

— А дальше она никак не могла найти его, конверт этот. Я ей велел, чтобы непременно разыскала и отправила пулю на баллистическую экспертизу. На а потом дело у меня забрали.

Глядя на дома вдаль на Бергсгата, Мартин Бек задумчиво потер переносицу большим и указательным пальцами.

– Послушай, Эйнар, – сказал он. – А что ты лично думаешь об этом случае? Твое частное мнение?

В полиции личное и частное мнение о следственных делах обсуждается только между близкими друзьями.

Мартин Бек и Рённо никогда не были ни друзьями, ни недругами.

Рённо примолк, неприятно озадаченный вопросом Мартина Бека. Наконец он заговорил:

– По-моему, в квартире был револьвер, когда туда вломились полицейские.

Почему именно револьвер? Очень просто: гильзу не нашли. Стало быть, Рённо все же кое-что сообщает. В самом деле, на полу – скажем, под трупом – лежал револьвер. Потом кто-то его забрал.

– Но ведь тогда выходит, кто-то из полицейских врет?

Рённо уныло мотнул головой.

– Угу... То есть я сказал бы по-другому: просто они дали маху, а потом решили покрывать друг друга. Допустим, Свард покончил с собой и револьвер лежал под трупом. Тогда ни полицейские, ни Гюставссон, которого они вызвали, не могли видеть его, пока тело оставалось на месте. А когда труп увезли, у них, вернее всего, опять же руки не дошли пол проверить.

– Ты знаешь Альдора Гюставссона?

– Знаю.

Рённо поежился, но Мартин Бек воздержался от неприятных вопросов. Вместо этого он сказал:

– Еще одно важное дело, Эйнар.

– Какое?

– Ты разговаривал с Кристианссоном и Квастму? Когда

я вышел на работу в понедельник, только один из них был на месте, а теперь ни одного застать не могу – первый в отпуску, у второго выходной.

– Ну как же, я обоих вызывал сюда.

– И что они показали?

– То же самое, что написали в донесении, ясное дело. Что с той минуты, когда они взломали дверь, и пока не ушли, в квартире побывало только пятеро.

– То есть они сами, Гюставссон и двое, которые увезли тело?

– Точно так.

– Ты, конечно, спросил, смотрели ли они под трупом?

– Угу. Квастму сказал, что смотрел. А Кристианссона вывернуло наизнанку, и он предпочел держаться подальше. Мартин Бек продолжал нажимать.

– И по-твоему, Квастму соврал?

Рённ почему-то замялся.

«Сказал ведь «а», – подумал Мартин Бек, – так не тяни, говори «б»!»

Рённ потрогал пластырь на лбу.

– Недаром мне говорили, что не дай Бог попасть к тебе на допрос.

– А что?

– Да ничего, только похоже, что верно говорили.

– Извини, но, может быть, ты все-таки ответишь на мой вопрос?

– Я не специалист по свидетельской психологии, – сказал Рённ. – Но мне показалось, что Квастму говорил правду.

– У тебя концы с концами не сходятся, – холодно за-

метил Мартин Бек. – С одной стороны, ты допускаешь, что в комнате был револьвер, с другой стороны, считаешь, что полицейские говорили правду.

– А если другого объяснения нет, тогда что?

– Ладно, Эйнар, я ведь тоже верю Квастму.

– Но ты же с ним не разговаривал, сам сказал, – удивился Рённ.

– Ничего подобного я не говорил. Я беседовал с Квастму во вторник. Но у меня – в отличие от тебя – не было случая расспросить его по-человечески, в спокойной обстановке.

Рённ надулся.

– Нет, с тобой и вправду тяжело.

Он выдвинул ящик стола и достал блокнот. Полистал его, вырвал листок и протянул Мартину Беку.

– Вот еще данные – может, тебе пригодится, – сказал он. – Ведь Свард совсем недавно переехал сюда, на Кунгсхольмен. Я выяснил, где он жил прежде. Но тут дело ушло от меня, на том все и кончилось. Держи адрес, прошу.

Мартин Бек поглядел на листок. Фамилия, номер дома, название улицы – Тюлегатан. Он сложил листок и сунул его в карман.

– Спасибо, Эйнар.

Рённ промолчал.

– Пока.

Рённ едва кивнул.

Их отношения никогда не отличались сердечностью, а сегодня, похоже, между ними пробежала еще одна черная кошка.

Мартин Бек покинул кабинет Рённа и вышел из здания

уголовного розыска. Быстро шагая по Кунгсхольмсгатан, он дошел до Королевского моста, пересек пролив, по Кунгсгатан вышел на Свеавеген и повернул на север.

Улучшить отношения с Рённом было бы совсем нелегко: сказать ему доброе слово, похвалить.

Тем более что основания для этого были. С самого начала расследование смерти Сварда велось кое-как, и лишь после того, как дело поручили Рённу, установился надлежащий порядок.

Рённ тотчас уразумел, что под трупом мог лежать револьвер – обстоятельство крайне существенное. Точно ли Квастму осмотрел пол после того, как увезли тело? Строго говоря, если он этого не сделал, какой с него спрос? Рядовой полицейский, а тут появляется Гюставссон, он старшего чина, он криминалист, так что его категорические выводы в большой мере снимали ответственность с полицейских.

А если Квастму не осмотрел пол, это в корне меняет всю картину. После того как тело увезли, полицейские опечатали квартиру и уехали. Но что означало в данном случае «опечатать квартиру»?

Ведь для того, чтобы проникнуть внутрь, пришлось снять дверь с петель, причем еще до этого над ней крепко поработали. В итоге опечатывание свелось к тому, что полицейские протянули веревочку от косяка до косяка и повесили стандартную бумажку, возвещающую, что вход воспрещен согласно такому-то параграфу. Пустая формальность, при желании кто угодно в любой день мог без труда проникнуть внутрь. И унести что-нибудь, например, огнестрельное оружие.

Но тут возникают два вопроса. Во-первых, получается,

что Квастму намеренно солгал, и притом так искусно, что убедил не только Рённа, но и самого Мартина Бека. А ведь Рённ и Мартин Бек стреляные воробьи, им не так-то просто заморочить голову.

Во-вторых, если Свард застрелился сам, зачем кому-то понадобилось выкрадывать оружие?

Явный абсурд.

Как и то, что покойник лежал в комнате, которая была надежно заперта изнутри и в которой к тому же явно не было никакого оружия.

Судя по всему, у Сварда не было близких родственников. Известно также, что он ни с кем не водил компании.

Но если его никто не знал, кому тогда на руку его смерть?

В общем, надо выяснить целый ряд вопросов.

В частности, Мартин Бек решил проверить еще одну деталь, связанную с событиями, которые происходили в воскресенье, 18 июня.

Но прежде всего необходимо побольше узнать о Карле Эдвине Сварде.

На листке, полученном от Рённа, помимо адреса, была записана фамилия.

«Квартиросдатчик: Рея Нильсен».

Кстати, вот и нужный ему дом. Взглянув на доску с перечнем жильцов, он убедился, что хозяйка дома сама проживает тут же. Необычно... Что ж, может, хоть здесь повезет?

Мартин Бек поднялся на третий этаж и позвонил.

Серый фургон, никаких особых примет, если не считать номерных знаков... Люди, работающие на этом фургоне, были одеты в комбинезоны примерно такого же цвета, как машина, и ничто в их внешности не выдавало их занятия. То ли слесари-ремонтники, то ли работники одной из муниципальных служб. В данном случае справедливо было второе.

Скоро шесть вечера, и, если в ближайшие четверть часа не случится ничего чрезвычайного, они после конца рабочего дня отправятся по домам – часок посвятят детишкам, после чего предадутся созерцанию полной мнимой значительности, а на деле – пустой телевизионной программы.

Мартин Бек не застал хозяйку дома на Тюлегатан, зато тут ему повезло больше. Два труженика в серых комбинезонах сидели подле своего «фольксвагена» и тянули пиво, не обращая внимания на едкий запах дезинфекции и на еще один аромат, которого никакая химия на свете не может истребить.

Задние дверцы машины были, естественно, открыты, поскольку кузов старались проветривать при каждом удобном случае.

В этом прекрасном городе двое в комбинезонах исполняли специфическую и весьма важную функцию. Их повседневная работа заключалась в том, чтобы переправлять самоубийц и иных малопочтенных покойников из домашней обстановки в другую, более подходящую.

Кое-кто – например, пожарники, полицейские, некоторые репортеры и другие посвященные лица – тотчас узнавал эту серую машину на улице и понимал, что зна-

менуется ее появление. Но для подавляющего большинства это был обыкновенный, заурядный фургон. Что и требовалось – зачем сеять уныние и страх среди людей, которые и без того достаточно запуганы и подавлены.

Подобно многим другим, кому приходится исполнять не самые приятные обязанности, водитель фургона и его напарник относились к своей работе с философским спокойствием и нисколько не драматизировали свою роль в механизме так называемого процветающего общества. О делах службы толковали преимущественно между собой, ибо давно убедились, что большинство слушателей воспринимает эту тему весьма и весьма негативно, особенно когда соберутся веселые собутыльники или подружки жизни пригласят одна другую на чашку кофе.

С сотрудниками полиции они общались каждый день, однако все больше с рядовыми.

Так что внимание комиссара полиции, который к тому же удосужился сам прийти, было для них даже отчасти лестным.

Тот, который побойчее, вытер губы рукой и сказал:

– Ну как же, помню. Бергсгатам – точно?

– Совершенно верно.

– Вот только фамилия мне ничего не говорит. Как вы сказали – Скат?

– Свяд.

– Мимо. Нам ведь фамилии ни к чему.

– Понятно.

– К тому же это было в воскресенье, а по воскресеньям нам особенно жарко приходится.

– Ну а полицейского, которого я назвал, не помните? Кеннет Квастму?

– Мимо. Фамилии для меня звук пустой. А вообще-то фараон там стоял, все наблюдал за нами.

– Это когда вы тело забирали?

– Во-во, когда забирали, – кивнул собеседник Мартина Бека. – Мы еще решили, что этот, видно, матерый.

– В каком смысле?

– Так ведь фараоны бывают двух родов. Одних тошнит, другим хоть бы хны. Этот даже нос не зажал.

– Значит, он стоял там все время?

– Ну да, я же говорю. Небось следил, насколько добросовестно мы исполняем свои обязанности...

Его товарищ усмехнулся и хлебнул пива.

– Еще один вопрос, последний.

– Валяйте.

– Когда вы поднимали тело, ничего не заметили? Под ним ничего не лежало?

– А что там могло лежать?

– Пистолет, скажем. Или револьвер.

– Пистолет или револьвер. – Водитель засмеялся. – Кстати, в чем разница?

– У револьвера вращающийся барабан.

– А, это такой шпалер, как у ковбоев в кино?

– Совершенно верно. Но дело не в этом, мне важно знать вообще, не было ли на полу под покойником какого-нибудь оружия.

– Видите ли, комиссар, этот клиент был не первой свежести.

– Не первой свежести?

– Ну да, он месяца два пролежал.

Мартин Бек кивнул.

– Мы перенесли его на полиэтилен, и, пока я запаивал

края, Арне собрал с пола червей. У нас для них есть особый пакет с какой-то дрянью, от которой им сразу каюк.

– Ну?

– Ну так если бы Арне вместе с червями попался шпалер, уж наверно он бы заметил! Верно, Арне?

Арне кивнул и захихикал, но подавился пивом и закашлялся.

– Как пить дать, заметил бы, – вымолвил он наконец.

– Значит, ничего не лежало?

– Ничегошеньки. И ведь полицейский тут же стоял, глаз не сводил. Кстати, он еще оставался там, когда мы уложили клиента в цинковый ящик и отчалили. Точно, Арне?

– Как в аптеке.

– Вы абсолютно уверены?

– Сто пятьдесят процентов. Под этим клиентом ничего не лежало, кроме отборной коллекции циномия мортурорум.

– Это еще что такое?

– Трупные черви.

– Значит, уверены?

– Чтоб мне провалиться.

– Спасибо, – сказал Мартин Бек.

И ушел.

После его ухода разговор еще некоторое время продолжался.

– Здорово ты его умыл, – сказал Арне.

– Чем?

– Да этим греческим названием. А то ведь эти шишки думают, что все остальные только на то и годятся, что тухлых жмуриков возить.

Зазвонил телефон. Арне взял трубку, буркнул что-то и

положил ее на место.

– Черт, – сказал он. – Опять висельник.

– Что поделаешь, – скорбно вздохнул его коллега. – Селя ви.

– Не люблю, висельников, честное слово. Что ты там еще загнул?

– Да ничего, поехали.

Похоже было, что Мартин Бек проработал все наличные факты, касающиеся странного казуса на Бергсгатан. Во всяком случае, он достаточно четко представлял себе, что сделано полицией. Оставалось еще одно важное дело: разыскать заключение баллистической экспертизы, если таковая вообще производилась.

О самом Сварде он по-прежнему знал очень мало, хотя и принял меры, чтобы собрать сведения.

Бурные события среды совершенно не коснулись Мартина Бека. Он ничего не слышал о банковских ограблениях и о невзгодах спецгруппы – и ничуть об этом не жалел. Побывав во вторник в квартире Сварда, он сперва отправился в уголовную полицию на Кукгсхольмсгатан. Там все были поглощены своими собственными заботами, всем было не до него, тогда он прошел в здание ЦПУ. И сразу услышал в кулуарах толки, которые в первую минуту показались ему смехотворными. Но, поразмыслив, он расстроился.

Кажется, его намерены повесить.

Повесить?

И куда же его назначат? Начальником управления? Членом коллегии? Заместителем начальника ЦПУ по во-

просам быта и гигиены?

Ладно, это все неважно. Небось обычная, ни на чем не основанная коридорная болтовня.

Звание комиссара полиции ему присвоили не так давно, в 1967 году, и он вовсе не рассчитывал на дальнейшее продвижение по служебной лестнице. Во всяком случае, не раньше чем через четыре-пять лет. Казалось бы, это любому ясно, ведь что-то, а вопрос о ставках и назначениях в государственных учреждениях досконально изучен всеми, и каждый ревниво взвешивает свои и чужие шансы.

Так откуда же эти толки?

Должны быть какие-то резоны. Какие?

Мартин Бек мог представить себе два мотива.

Первый: его хотят выжить с поста руководителя группы расследования убийств. Так сильно хотят, что готовы придать ему ускорение вверх по бюрократической лестнице – самый распространенный способ отделиваться от нежелательных или слишком явно неквалифицированных должностных лиц. Однако в данном случае этот мотив, скорее всего, ни при чем. Конечно, у него есть враги в ЦПУ, но вряд ли он представляет для них какую-нибудь угрозу. К тому же его преемником должен стать Колльберг, а это, с точки зрения высшего начальства, ничуть не лучше.

Вот почему второй мотив казался ему более правдоподобным. К сожалению, он и намного более унизителен для затронутых сторон.

Пятнадцать месяцев назад Мартин Бек едва не приказал долго жить. Он – единственный в современной истории шведской полиции высокий чин, раненный пулей так называемого преступника. Случай этот вызвал много шу-

ма, и поведение Мартина Бека совершенно незаслуженно изображали как подвиг. Дело в том, что у полиции, по вполне естественным причинам, острый дефицит на героев, а посему заслуги Мартина Бека в относительно успешном исходе драмы раздували сверх всякой меры.

Итак, полицейское сословие обзавелось своим героем. А как отметить героя? Медаль он успел получить еще раньше. Значит, его надо хотя бы повесить!

У Мартина Бека было вдоволь времени, чтобы проанализировать события того злополучного дня в апреле 1971 года, и он уже давно пришел к выводу, что действовал неправильно, не только в моральном, но и в чисто профессиональном смысле. И он отлично понимал, что задолго до него к такому же выводу пришли многие его коллеги.

Он схватил пулю по собственной дурости.

И за это его теперь собираются назначить на более высокую и ответственную должность.

Весь вечер вторника он размышлял об этом казусе, но как только в среду пришел в кабинет на аллею Вестберга, то всецело переключился на дело Сварда. Сидя в одиночестве за своим столом, он с холодной и неумолимой систематичностью прорабатывал материалы следствия.

И в какой-то момент поймал себя на мысли, что, пожалуй, это для него сейчас и впредь самый подходящий вариант: работать над делом в одиночку, привычными методами, без помех со стороны. Он всегда был склонен к уединению, а теперь и вовсе начал превращаться в затворника, его не тянуло в компанию, и он не ощущал стремления вырваться из окружающей его пустоты. В глубине души он чувствовал, что ему чего-то недостает.

Чего именно? Может быть, подлинной увлеченности.

Этак недолго стать роботом, функционирующим под колпаком из незримого стекла...

Дело, которым он сейчас занимался, чисто профессионально не вызывало у него особых сомнений. Либо он решит задачу, либо не решит. В его группе процент успешного расследования был высок, во многом благодаря тому, что дела чаще всего попадались несложные, виновные быстро сдавались и признавали свою вину.

К тому же группа расследования убийств была неплохо оснащена техникой. В этом ее превосходила только служба безопасности, в существовании которой было мало смысла, ведь она все время занималась почти исключительно учетом коммунистов, упорно закрывая глаза на разного рода фашистские организации, а посему, чтобы не остаться совсем без дела, ей приходилось измышлять несуществующие политические преступления и мнимые угрозы безопасности страны. Результат был соответствующий, а именно — смехотворный. Однако служба безопасности представляла собой тактический резерв для борьбы против нежелательных идейных течений, и нетрудно было представить себе ситуации, когда ее деятельность станет отнюдь не смехотворной...

Конечно, случались осечки и у группы расследования убийств, бывало, что следствие заходило в тупик и в архив ложилось нераскрытое дело. Причем нередко и злоумышленник был известен, да не желал признаваться, а улики не хватало. Так уж бывает: чем примитивнее насильственное преступление, тем скуднее подчас доказательства.

Типичным примером мог служить последний провал

Мартина Бека. В Лапландии один муж далеко не первой молодости пришиб топором свою столь же пожилую супругу. Мотивом убийства было то, что он давно состоял в связи с более молодой экономкой и ему надоели упреки ревнивой жены. Убийца отнес труп в дровяной сарай, а так как дело было зимой, то стоял трескучий мороз; муж выждал около двух месяцев, потом положил убиенную супругу на санки и дотащил до ближайшего селения, куда от его хутора было двадцать километров по бездорожью. Там он заявил, что жена упала и ударилась головой о плиту, и сослался на лютый мороз, который-де помешал ему привезти ее раньше. Вся округа знала, что это ложь, но хуторянин стоял на своем, и экономка была с ним заодно, а местные полицейские, не отличавшиеся высокой квалификацией, при осмотре места преступления уничтожили все следы. Потом они обратились за помощью в центр, и Мартин Бек две недели торчал в захудалой гостинице, прежде чем сдался и уехал домой. Днем он допрашивал убийцу, а по вечерам, сидя в ресторане, слушал, как местные жители хихикают за его спиной.

Но вообще-то неудачи случались редко.

Дело Сварда было более мудреным: Мартин Бек не помнил ничего похожего в своей практике. Казалось бы, это должно его подхлестнуть, но он относился к загадкам равнодушно и не испытывал ни малейшего азарта.

Исследование, которое он провел в среду, сидя в своем кабинете, почти ничего не дало. Данные о покойном, почерпнутые из обычных источников, оказались довольно скудными.

В уголовной картотеке Карл Эдвин Свард не значился,

но из этого вытекало только то, что он никогда не привлекался к суду, а мало ли преступников благополучно уходят от карающей руки правосудия? Не говоря уже о том, что закон сам по себе призван охранять сомнительные интересы определенных классов и пробелов в нем больше, чем смысла.

Судя по тому, что по ведомству административного контроля за Свардом ничего не числилось, он не был алкоголиком. Ибо власти пристально следят за тем, сколько спиртного потребляют такие люди, как Свард. В Швеции, когда пьет буржуазия, это называется «умеренным потреблением спиртных напитков», а простой люд сразу зачисляют в разряд алкоголиков, нуждающихся в наблюдении или лечении. И оставляют без наблюдения и лечения.

Свард всю жизнь был складским рабочим; в последнее время он работал в экспедиторском агентстве. Он жаловался на боли в спине – обычный для его профессии недуг – и в пятьдесят шесть лет получил инвалидность. После этого он, судя по всему, перебивался, как мог, на пенсию, пополнив собой ряды тех членов общества, для блага которых на полках магазинов отводится так много места банкам с собачьим и кошачьим кормом.

Кстати, в кухонном шкафу Сварда только и нашли съестного, что наполовину опустошенную банку с надписью «Мяу».

Вот и все, что Мартину Беку удалось выяснить в среду. Если не считать еще кое-каких малозначительных фактов.

Свард родился в Стокгольме, его родители скончались в сороковых годах, он никогда не был женат и никому не платил алиментов. За помощью в органы социального

обеспечения не обращался. В фирме, где он работал до ухода на пенсию, его никто не помнил.

Врач, который подписал заключение об инвалидности, отыскал в своих бумагах записи о том, что пациент не способен к физическому труду и слишком стар для пере-квалификации. К тому же сам Свьярд заявил врачу, что его не тянет больше работать, он не видит в этом никакого смысла.

Может быть, и выяснять, кто его убил и зачем, тоже нет никакого смысла...

К тому же способ убийства настолько непонятен, что, похоже, стоит сперва отыскать убийцу и уже от него узнать, как было дело.

Но это все было в среду, а в четверг, примерно через час после беседы с водителем зловонного фургона, Мартин Бек снова подошел к дому на Тюлегатан.

Вообще-то его рабочий день кончился, но ему не хотелось идти домой.

Он опять поднялся на третий этаж, остановился и передел дух.

А заодно еще раз прочел надпись на овальной табличке. На белой эмали – зеленые буквы: РЕЯ НИЛЬСЕН.

Электрического звонка не было, но с притолоки свисал шнурок.

Мартин Бек дернул его и стал ждать.

Колокольчик послушно звякнул. И никакой реакции. Дом был старый, и через ребристые стекла в створках Мартин Бек видел свет в прихожей. Видимо, дома кто-то есть; когда он приходил днем, свет не горел.

Выждав немного, он снова дернул за шнурок. На этот раз после звонка слышались торопливые шаги, и за полупрозрачным стеклом возник чей-то силуэт.

У Мартина Бека давно выработалась привычка первым делом составлять себе общее представление о людях, с которыми его сталкивала служба. Или, выражаясь профессиональной прозой, регистрировать приметы.

Женщине, которая открыла дверь, на вид было не больше тридцати пяти, но что-то подсказывало ему, что на самом деле ей около сорока.

Рост невысокий, примерно метр пятьдесят восемь. Плотное телосложение, но не толстая, а скорее ладная и подтянутая.

Черты лица энергичные, не совсем правильные; строгие голубые глаза смотрели на него в упор, обличая человека решительного и смелого.

Волосы светлые, прямые, коротко стриженные; в данную минуту – мокрые и нерасчесанные. Он уловил приятный запах какого-то шампуня.

Одета она была в белую тенниску и поношенные джинсы, блеклый цвет которых свидетельствовал, что они не один десяток раз побывали в стиральной машине. Тенниска на плечах и груди влажная: видно, только что надела.

Так... Плечи сравнительно широкие, бедра узкие, шея короткая, загорелые руки покрыты светлым пушком. Босая. Ступня маленькая, пальцы прямые, как у людей, предпочитающих носить сандалии или сабо, а то и вовсе обходиться без обуви.

Мартин Бек поймал себя на том, что рассматривает ее ноги с таким же профессиональным вниманием, с каким

привык штудировать следы крови и трупные пятна, и перевел взгляд на ее лицо.

Глаза пытливые, брови чуть нахмурены...

– Я мыла голову, – сказала она.

Голос был несколько хриплый, то ли от простуды, то ли от курения, то ли просто от природы.

Он кивнул.

– Я кричала: «Войдите!» Два раза кричала. Дверь не заперта. Когда я дома, обычно не запираю. Разве что отдохнуть захочется. Вы не слышали, как я кричала?

– Нет. Вы – Рея Нильсен?

– Да. А вы из полиции?

Мартин Бек не жаловался на смекалку, но сейчас он явно встретил человека, способного дать ему несколько очков вперед. В несколько секунд она верно классифицировала его и к тому же, судя по выражению глаз, уже составила себе мнение о нем. Какое именно?

Конечно, ее слова можно объяснить тем, что она ждала гостей из полиции, да только на это не похоже.

Мартин Бек полез в бумажник за удостоверением. Она остановила его:

– С меня достаточно, если вы назовете себя. Да входите же, черт возьми. Насколько я понимаю, у вас есть разговор ко мне. А разговаривать, стоя на лестнице, ни вам, ни мне не хочется.

Мартин Бек опешил, самую малость, что случилось с ним крайне редко.

Хозяйка вдруг повернулась и пошла в квартиру; ему оставалось только следовать за ней.

С одного взгляда трудно было разобраться в плани-

ровке, но он заметил, что комнаты обставлены со вкусом, хотя и старой разномастной мебелью.

Приколотые кнопками детские рисунки свидетельствовали, что хозяйка живет не одна. Кроме этих рисунков стены украшала живопись, графика, старые фотографии в овальных рамках, а также вырезки из газет и плакаты, в том числе несколько политических, с портретами видных коммунистических деятелей. Много книг – и не только на полках, внушительная коллекция пластинок, стереопроектор, две старые, хорошо послужившие пишущие машинки, кипы газет и горы бумаг, главным образом, соединенных скрепками ротаторных копий, смахивающих на полицейские донесения. Скорее всего, конспекты; стало быть, хозяйка где-то учится.

Другая комната явно была детской; судя по царившему в ней порядку и аккуратно застеленным кроватям, обитатели ее находились в отлучке.

Что же, лето есть лето, большинство детей сколько-нибудь обеспеченных родителей отдыхают в деревне, вдали от отравленного воздуха и прочих язв города.

Она оглянулась на него через плечо – довольно холодно – и сказала:

– Ничего, если потолкуем на кухне? Или вас это не устраивает?

Голос неприветливый, но и не враждебный.

– Сойдет.

Они вошли на кухню.

– Тогда присаживайтесь.

Шесть стульев – все разные и все окрашенные в яркие цвета – редкой цепочкой окружали большой круглый стол.

Мартин Бек сел на один из них.

– Одну минуточку, – сказала хозяйка.

В ее поведении сквозила какая-то нервозность, но Мартин Бек решил, что просто такой у нее характер. Возле плиты на полу стояли красные сабо. Она сунула в них ноги и, громко топая, вышла из кухни.

Раздался какой-то стук, загудел электромотор.

– Вы еще не назвали себя, – услышал он ее голос.

– Бек. Мартин Бек.

– Значит, в полиции служите?

– Да.

– Где именно?

– Центральная уголовная полиция.

– Жалованье по двадцать пятому классу?

– По двадцать седьмому.

– Ишь ты. Недурно.

– Не жалуюсь.

– А чин какой?

– Комиссар.

Мотор продолжал жужжать. Знакомый по семейному прошлому звук, он уже сообразил, чем она занята: пылесосом сушит волосы.

– Рея, – представилась она. – Да вы и так, конечно, знаете. И на двери написано.

Кухня, как во многих старых домах, была просторная; кроме обеденного стола в ней разместились газовая плита, двухкамерная мойка, холодильник, морозильник, посудомоечная машина, да еще осталось вдоволь свободного места. На полке над мойкой стояли горшки и кастрюли; ниже полки на гвоздях висели разные дары природы – пучки

полыни и чабреца, гроздь рябины, сушеные опята и сморчки и три длинные плети чеснока. Не такой уж необходимый в хозяйстве набор, но запах от него приятный и впечатление домовитости. Впрочем, полынь и рябина хороши для настоек, а чабрец – недурная приправа к гороховому супу (хотя Мартин Бек предпочитал майоран, когда его желудок еще переносил этот шведский деликатес). Грибы – совсем неплохо, если знаешь, как их приготовить. А вот чеснок явно висел для красоты, ибо такого количества рядовому потребителю хватило бы на целую жизнь.

Хозяйка вошла на кухню, расчесывая волосы, и перехватила его взгляд:

– Это против упырей.

– Чеснок?

– Ну да. Вы не ходите в кино? На все случаи жизни ответ дает.

Влажную тенниску сменила какая-то бирюзовая безрукавка, смахивающая на нижнюю рубашку.

– Полицейский, значит. Комиссар уголовной полиции. – Слегка нахмурясь, она испытующе посмотрела на него. – Вот уж не думала, что чиновники двадцать седьмого класса самолично посещают клиентов.

– Верно, обычно они этого не делают, – согласился он.

Она села, но тотчас встала опять, нервно покусывая суставы пальцев.

«Ладно, пора приступать к делу», – подумал Мартин Бек. – Если я вас правильно понял, вы не очень одобрительно относитесь к полиции, – начал он.

Ее глаза скользнули по нему:

– Точно. Не припомню случая, чтобы мне когда-нибудь

была от нее польза. И не только мне. Зато знаю многих, кому она причинила неприятности, даже страдания.

– В таком случае постараюсь не слишком обременять вас, фру Нильсен.

– Рея, – сказала она. – Все зовут меня Рея.

– Если не ошибаюсь, этот дом принадлежит вам?

– Мне. Получила в наследство несколько лет назад. Но для полиции здесь нет ничего интересного. Ни торговцев наркотиками, ни игорных притонов, даже воров и проституток нет

Перевела дух и продолжала:

– Разве что немного подрывной деятельности ведется. Крамольные мысли. Но ведь вы не из политической полиции.

– Вы в этом уверены?

Она вдруг рассмеялась – от души, заразительно.

– Я не совсем дура.

«Да уж, это верно», – сказал себе Мартин Бек.

– Вы правы, – продолжал он вслух. – Я занимаюсь по большей части насильственными преступлениями. Преднамеренные и непреднамеренные убийства.

– Чего нет, того нет. За последние три года даже ни одной драки не было. Правда, зимой кто-то взломал дверь на чердак и утащил разный хлам. Пришлось обратиться в полицию, страховые компании этого требуют. Из полиции никто не пришел – им некогда было, – но страховку я получила. Главное – формальность соблюсти.

Она почесала затылок:

– Ну, так что тебе надо?

– Потолковать об одном из жильцов.

– Из моих жильцов?

Она нахмурилась. В интонации, с которой было произнесено слово «моих», сквозило удивление и беспокойство.

– Из бывших жильцов, – пояснил он.

– В этом году только один переехал.

– Свяд.

– Правильно, жил у меня один по фамилии Свяд. Переехал весной. А что с ним?

– Умер.

– Его убили?

– Застрелили.

– Кто?

– Возможно, самоубийство. Но мы в этом не уверены.

– Послушай, а нельзя нам разговаривать как-нибудь попроще?

– Пожалуйста. Что вы подразумеваете? Чтобы я тоже перешел на «ты»?

Она пожала плечами:

– Терпеть не могу официальный тон, тоска смертная. Нет, конечно, я могу быть весьма корректной, если необходимо. А могу и пококетничать – принарядиться, накрастить губы, подвести глаза.

Мартин Бек слегка растерялся.

– Чаю хочешь? – вдруг предложила она. – Отличная штука – чай.

Он был не прочь, однако ответил:

– Зачем же столько хлопот, не надо.

– Пустяки, – возразила она. – Вздор. Погоди малость, я и поесть что-нибудь придумаю. Горячий бутерброд будет

очень кстати.

От ее слов у него сразу разыгрался аппетит. Она продолжала говорить, предвзяв его отказ.

– От силы десять минут. Я постоянно что-нибудь стряпаю. Это так просто. И даже полезно. Почему не доставить себе удовольствие. Когда на душе совсем погано, приготовь что-нибудь вкусненькое. Вскипячу чайник, хлеба поджарю, а там можно и потолковать.

Мартин Бек понял, что отказываться бесполезно. Видно, эта маленькая женщина не лишена упрямства и силы воли, умеет на своем настоять.

– Спасибо, – покорно произнес он.

Она уже действовала. С шумом, с грохотом, но толково и быстро.

Мартин Бек никогда еще не видел такой сноровки, во всяком случае в Швеции.

Семь минут ушло у нее на то, чтобы приготовить чай и шесть ломтей поджаренного хлеба с тертым сыром и кружками помидора. Пока она молча трудилась, Мартин Бек пытался сообразить, сколько же ей все-таки лет.

Садясь напротив него, она сказала:

– Тридцать семь. Хотя большинство находят меня моложе.

Мартин Бек оторопел.

– Как ты угадала?..

– А что, ведь верно угадала? – перебила она. – Ешь.

Бутерброды были очень вкусные.

– Я вечно голодная, – объяснила Рея. – Ем десять, а то и двенадцать раз в день.

– Обычно у людей, которые едят десять, а то и двена-

дцать раз в день, возникают проблемы с весом...

– И ни капельки не толстею, – сказала она. – А хоть бы и потолстела. Плюс-минус несколько килограммов ничего не меняют. Во всяком случае, я не меняюсь. Правда, если не поем, огрызаться начинаю.

Она живо управилась с тремя бутербродами. Мартин Бек съел один, подумал и взял второй.

– Похоже, у тебя есть что сказать о Сварде, – сказал он.

– Пожалуй...

Они понимали друг друга с полуслова. И почему-то это их не удивляло.

– У него был какой-нибудь заскок?

– Вот именно, – подтвердила Рея, – с причудами мужчины, большой оригинал. Я никак его не могла раскусить и была только рада, когда он переехал. Что же с ним все-таки приключилось?

– Его нашли в его квартире восемнадцатого июня. Минимум полтора месяца пролежал мертвый, а то и больше. Вероятно, два.

Она поежилась.

– Кошмар. Пожалуйста, не надо подробностей. Я слишком впечатлительна, чтобы всякие ужасы слушать. Потом еще приснится...

Он хотел сказать, что она может быть спокойна на этот счет, но понял, что в этом нет надобности. Тем более, что она уже продолжала:

– Одно могу сказать тебе точно.

– Что именно?

– В моем доме ничего подобного не случилось бы.

– Это почему же?

– Потому что я бы этого не допустила.

Она подперла ладонью подбородок, так что нос оказался между средним и указательным пальцами. У нее был довольно крупный нос, руки крепкие, ногти острижены. Глаза строго смотрели на Мартина Бека.

Вдруг она поднялась и подошла к полке. Покопалась, отыскивала спички, сигареты и закурила, глубоко затягиваясь.

Потом потушила сигарету, съела еще один бутерброд и, понурила голову, положив локти на колени. Наконец подняла взгляд на Мартина Бека.

– Может быть, я не упасла бы его от смерти, но, во всяком случае, он не пролежал бы так два месяца. И двух дней не пролежал бы.

«Да уж наверно», – сказал себе Мартин Бек.

– Квартиродатчики в этой стране, – продолжала Рея, – последняя сволочь. Что поделаешь, строй поощряет эксплуатацию.

Мартин Бек прикусил нижнюю губу. Он ни с кем не делился своими политическими взглядами и вообще избегал разговоров с политической окраской.

– Что, не надо о политике? – спросила она. – Ладно, не будем ее трогать. Но так уж вышло, что я сама оказалась в числе квартиродатчиков. Чистая случайность – наследство... Кстати, дом совсем неплохой, но, когда я сюда переехала, жуть что было, крысиная нора. Мой дорогой родитель за последние десять лет, наверно, ни одной перегоревшей лампочки не сменил, ни одного стекла не вставил. Сам-то он жил в другом конце города и только об одном заботился: собирать квартирную плату да вышибать

жильцов, которые не могли заплатить вовремя. Потом превратил квартиры в общежития для иностранных рабочих и вообще тех, кому некуда деться. И драл с них втридорога, благо у них не было выбора. Таких сквалыг в городе хватает.

Кто-то отворил наружную дверь и вошел, но Рея никак не реагировала.

В дверях кухни появилась девушка в рабочем халате, с узелком в руке.

– Привет, – поздоровалась она. – Можно, я попользуюсь стиральной машиной?

– Конечно.

Девушка не обращала внимания на Мартина Бека, но Рея сказала:

– Вы ведь не знакомы? Напомни, как тебя зовут.

Мартин Бек встал и подал девушке руку.

– Мартин, – сказал он.

– Ингела, – ответила она.

– Ингела только что въехала, – объяснила Рея. – В ту самую квартиру, где Свяд жил.

Она повернулась к девушке с узелком:

– Как тебе квартира, нравится?

– Здорово. Только уборная опять барахлит.

– Чтоб ее! Завтра утром позвоню водопроводчику.

– А так все в полном порядке. Да, знаешь...

– Что?

– У меня стирального порошка нет.

– Возьми за ванной.

– И денег ни гроша.

– Ничего. Возьми на полкроны, потом отработаешь –

скажем, запрешь подъезд на ночь.

– Спасибо.

Девушка вышла; Рея закурила новую сигарету.

– Да, вот тебе один ребус... Квартира хорошая, я ее отремонтировала два года назад. Свярд платил всего восемьдесят крон в месяц. И все-таки переехал.

– Почему?

– Не знаю.

– Поругались?

– Что ты. Я с жильцами не ругаюсь. А зачем ругаться? Конечно, у каждого своя блажь. Но это только занятно.

Мартин Бек промолчал. Он отдыхал душой. К тому же чувствовал, что наводящие вопросы просто не нужны.

– А самое странное с этим Свардом – четыре замка поставил. И это в таком доме, где люди запираются только в тех случаях, когда не хотят, чтобы их беспокоили. А как собрался переезжать, отвинтил все замки, цепочки, задвижки и взял с собой. Надежно был защищен – не хуже нынешних девочек.

– Это ты в переносном смысле?

– Ясное дело. Столпы нашего общества негодуют по поводу того, что подростки, особенно девчонки, начинают половую жизнь с тринадцати лет. Дурачье. От возраста никуда не уйдешь, а со всеми нынешними пилюлями и спиралями девчонкам ничто не грозит. Стало быть, им нечего опасаться. А как я в свое время дрожала – вдруг попадусь! Постой, о чем мы говорили?

Мартин Бек рассмеялся.

И сам удивился, но факт оставался фактом: он смеялся.

– Мы говорили о дверях Сварда.

– Ну да. А ты, оказывается, умеешь смеяться. Вот уж не ожидала. Я думала, ты давно разучился.

– Может, я сегодня просто не в духе.

Неудачная реплика, он понял это по ее лицу.

Она ведь не ошиблась. И знает это, и глупо темнить.

Он поспешил загладить свой промах:

– Извини.

– Правда, я только в шестнадцать лет влюбилась по-настоящему. Но в наше время все было иначе. Тогда ведь как говорили: дескать, ни к чему нищих плодить. Или это еще раньше говорили? Теперь людей другое пугает – неуверенность в завтрашнем дне... Где-то серьезная промашка допущена.

Она смяла сигарету и деловито заметила:

– Я слишком много говорю, кошмар. Вечная история. И это только один из моих недостатков. Хотя пороком это не назовешь... А как, по-твоему, это серьезный порок, если человек любит поговорить?

Он отрицательно покачал головой.

Рея поскребла затылок и продолжала:

– А что, Свярд так и не расстался со своими замками?

– Нет.

Она тряхнула головой и сбросила сабо. Уперлась пятками в пол и свела вместе большие пальцы.

– Чего не понимаю, того не понимаю. Или это у него мания такая была? Иногда я даже беспокоиться начинала. У меня ведь ко всем дверям запасные ключи. В доме много стариков. Вдруг кто-то из них заболит, надо помочь. Как без ключа в квартиру попадешь? Но ведь никакой ключ не поможет, когда человек вот так забаррикадируется. А

Свярд был уже в годах...

В ванной что-то загудело, и Рея крикнула:

– Тебе помочь, Ингела?

– Да... если можно.

Она вышла, через минуту вернулась и сообщила:

– Теперь все в порядке. Кстати, о возрасте: ведь мы с тобой почти ровесники?

Мартин Бек улыбнулся. Он привык к тому, что никто не давал ему пятидесяти лет, от силы – сорок пять.

– Правда, стариком я Свярда не назвала бы, – продолжала Рея, – но со здоровьем у него не ладилось. Что-то серьезное было, он считал, что ему недолго жить осталось. Как раз перед тем, как переехать, ложился на обследование. Что ему там сказали, не знаю. В онкологической клинике лежал, а это, насколько я понимаю, ничего хорошего не сулит.

Мартин Бек наострил уши: важная новость! Но тут опять хлопнула наружная дверь, и кто-то громко позвал:

– Рея!

– Здесь я. На кухне.

Вошел мужчина. Увидев Мартина Бека, он остановился, но она живо пододвинула ему ногой стул:

– Садись.

Мужчина был молодой, лет двадцати пяти, рост средний, телосложение обычное. Овальное лицо, русые волосы, серые глаза, ровные зубы. Одет в клетчатую рубашку, вельветовые брюки и сандалии. В руке он держал бутылку красного вина.

– Вот, захватил по дороге.

– А я-то думала сегодня одним чаем обойтись, – сказала

Рея. – Ладно. Доставай бокалы. Ставь четыре – Ингела стирает в ванной.

Она нагнулась, поскребла ногтями щиколотку, потом сказала:

– Бутылка на четверых – маловато будет. Ничего, у меня кое-что припасено. Возьми одну в шкафчике, с левой стороны. Штопор лежит в верхнем ящике, слева от раковины.

Мужчина выполнил ее указания. Он явно привык подчиняться. Когда он снова сел, Рея представила:

– Надо думать, вы раньше не встречались? Мартин... Кент.

– Привет, – сказал Кент.

– Привет, – отозвался Мартин Бек.

Они обменялись рукопожатием.

Рея наполнила бокалы и крикнула:

– Ингела, как справишься, тебя тут вино ждет! – Потом озабоченно посмотрела на парня в клетчатой рубашке:

– Какой-то ты кислый сегодня. В чем дело? Опять неудача?

Кент глотнул вина и спрятал лицо в ладонях.

– Рея, куда мне податься?

– Все еще без работы?

– И никакого просвета. Для чего я диплом получал, если мест свободных нет? Нет и, похоже, не будет.

Он потянулся к ней, хотел взять ее за руку, но она недовольно отодвинулась.

– Сегодня мне пришла в голову отчаянная мысль, – продолжал он. – Хочу знать твое мнение.

– Давай, выкладывай свою мысль.

– Поступать в полицейское училище. Они всех берут, им не хватает людей. С моим образованием я вполне могу рассчитывать на продвижение, как только научусь бить по морде лиходеев.

– Тебе что, не терпится людей избивать?

– Будто ты не знаешь. Но ведь я могу сделать что-то полезное... Важно освоиться, а там можно попытаться изменить порядки.

– Между прочим, полиция меньше всего с лиходеем воюет, – заметила Рея. – А как ты думаешь кормить Стину и детей, пока будешь учиться?

– Можно взять ссуду. Я вчера узнавал, когда брал бланки для поступления. Вот, посмотри и скажи свое мнение. Ты во всем разбираешься.

Он вынул из заднего кармана несколько сложенных бланков и проспект и положил на стол.

– Или ты считаешь, что это безрассудная затея?

– Да уж... К тому же вряд ли полиции нужны думающие люди, которые собираются перестраивать ее изнутри. А как у тебя анкета? С точки зрения политики?

– Я состоял одно время в «Кларте⁹», больше ничего не было. А в училище теперь всех принимают, кроме явных коммунистов.

Она задумалась, потом глотнула вина и пожала плечами.

– Что ж, попробуй... Вроде бы несуразная идея, а на деле может оказаться интересно.

⁹ «Кларте» – первое международное объединение прогрессивных деятелей культуры. Основано в Париже в 1919 году. Скандинавские страны присоединились к нему в начале двадцатых годов.

– Меня ведь что беспокоит...

Он чокнулся с Мартином Беком, который пока предпочитал соблюдать умеренность.

– Ну, что тебя беспокоит? – Голос Реи выдавал ее недовольство.

– Выдержу ли я, вот в чем вопрос. Служба-то какая...

Рея лукаво посмотрела на Мартина Бека; хмурое выражение на ее лице сменилось улыбкой.

– А ты спроси Мартина. Он у нас спец.

Парень недоверчиво поглядел на Мартина Бека.

– Ты правда смыслишь в этом деле?

– Немного. И могу подтвердить, что полиции позарез нужны хорошие люди. И в проспекте правильно сказано, что служба многогранная, можно специализироваться в разных областях. Если человек, например, увлекается вертолетами, или механизмами, или организационными проблемами, или лошадьми...

Рея хлопнула ладонью по столу так, что бокалы подпрыгнули.

– Хватит чушь городить, – сердито сказала она. – Отвечай честно, черт дер.

К своему собственному удивлению, Мартин Бек ответил:

– Если вы согласны повседневно общаться с болванами и чтобы вами помыкали спесивцы, карьеристы или просто идиоты, можно выдержать несколько лет. Главное, не иметь собственного мнения ни по каким вопросам. А потом... потом, глядишь, и сам таким станешь.

– Да я вижу, ты не любишь полицию, – разочарованно сказал Кент. – Не верится мне, что дело обстоит так плохо. О полиции многие предвзято судят. А ты что скажешь, Рея?

Она рассмеялась – громко, от души.

– Попробуй, – сказала она наконец. – Сдается мне, будет из тебя хороший полицейский. Тем более, что кандидатов на это звание, судя по всему, немного. Так что тебе успех обеспечен.

– Ты поможешь мне бланки заполнить?

– Давай ручку.

Мартин Бек достал ручку из внутреннего кармана пиджака.

Рея подперла рукой голову и принялась писать с сосредоточенным лицом.

– Это будет черновик, – объяснила она. – Потом перепишешь на машинке. Можешь моей воспользоваться.

Девушка по имени Ингела управилась со стиркой и присоединилась к ним. Говорила она преимущественно о ценах на продукты, о том, как на упаковке вчерашнего молока ставят завтрашнее число. Мартин Бек заключил, что она работает в магазине самообслуживания.

Звякнул колокольчик, скрипнула наружная дверь, и кто-то зашаркал по коридору. На кухню вошла пожилая женщина.

– У меня что-то телевизор плохо показывает, – пожаловалась она.

– Если антенна виновата, я попрошу Эрикссона завтра проверить ее. Или же придется сдать в починку. Что делаешь, вон уже сколько служит. А мы пока одолжим другой у моих друзей, у них есть лишний. Тоже не новый, правда. Завтра договорюсь.

– Я сегодня хлеб пекла, вот и вам булку принесла.

– Спасибо, огромное спасибо. Вы не волнуйтесь, все

будет в порядке с телевизором.

Рея кончила писать (быстро управилась!), вернула Кенту бланки и снова обратила пристальный взгляд на Мартина Бека.

— Сам видишь, домовладелец обо всем должен заботиться. Именно должен, да мало кому это по душе. Большинство ловчат, только и думают, на чем выгадать. По-моему, это свинство, я стараюсь все сделать, чтобы жильцам было уютно и чтобы они ладили между собой. Квартиры привела в порядок, а вот для наружного ремонта денег нет. Повышать квартирную плату тоже не хочется. Но ведь осень на носу, так что никуда не денешься. Хочешь, чтобы дом был в порядке, не жалея труда. Ответственность надо чувствовать перед съемщиками.

У Мартина Бека было удивительно хорошо на душе. Ему не хотелось уходить из этой кухни. К тому же его немного разморило от вина. Как-никак больше года не брал в рот спиртного.

— Постой, — спохватилась она. — Разговор-то у нас о Свярдe!

— У него были дома какие-нибудь ценности?

— Какие там ценности... Два стула, стол, кровать, грязный коврик да самая необходимая утварь — вот и все его имущество. Одежда — только что на нем. Нет, замки эти явно от помешательства. Всех людей сторонился. Со мной, правда, разговаривал, но только когда очень подпирало.

— Такое впечатление, что он был совсем нищий.

Рея глубоко задумалась. Наполнила бокал вином, сделала глоток и наконец ответила:

— А вот в этом я не уверена. Болезненно скупой — это да.

Конечно, квартплату он вносил вовремя, но каждый раз ворчал. Из-за восьмидесяти крон в месяц! И насколько мне известно, в магазине брал только собачий корм. Нет, вру – кошачий. Не пил. Расходов у него не было никаких, так что вполне мог бы иногда взять немного колбасы, пенсия позволяла. Конечно, многие старики собачьим кормом обходятся, но у них, как правило, много уходит на квартиру, да и запросов побольше, разрешают себе иногда побаловаться бутылочкой десертного вина. Свярд себе даже приемника не завел. Я читала в курсе психологии про людей, которые ели картофельную шелуху и носили старое тряпье, а в матрасе у них были защиты сотни тысяч крон. Известный случай. Изъян в психике, не помню только, как называется.

– Но в матрасе Сварда денег не было.

– И он сменил квартиру. Не в его духе поступок. Ведь на новом месте, наверно, приходилось больше платить. Да и на переезд деньги пошли. Нет, тут что-то не так.

Мартин Бек допил вино. Как ни хочется посидеть еще с этими людьми, надо уходить.

И есть над чем поразмыслить...

– Ну ладно, я пошел. Спасибо. Всего доброго.

– А я собиралась приготовить макароны с мясным соусом. Отличная штука, когда сам делаешь соус. Оставайся?

– Да нет, мне надо идти.

Рея проводила его до дверей, не надевая сабо. Проходя мимо детской, он заглянул туда.

– Ага, – сказала она, – детей нет дома, они за городом. Я разведена. Помолчала и спросила:

– Ты ведь тоже?..

– Тоже.

Прощаясь, она сказала:

– Ну пока, приходи еще. Днем я занята на летних курсах, а вечером, после шести, всегда дома.

Выждала немного и добавила с лукавинкой во взгляде:

– Потолкуем о Сварде.

Сверху по лестнице спускался толстяк в шлепанцах и неглаженных серых брюках, с красно-желто-синим значком FNL¹⁰ на рубашке.

– Рея, лампочка на чердаке перегорела, – сообщил он.

– Возьми новую в чулане, – ответила она. – Семьдесят пять свечей достаточно.

И снова обратилась к Мартину Беку:

– Тебе ведь не хочется уходить, оставайся.

– Нет, пойду. Спасибо за чай, за бутерброды, за вино.

По ее лицу было видно, что она не прочь настоять на своем. Удержать его хотя бы при помощи макарон.

Однако она передумала.

– Ну ладно, привет.

– Привет.

Никто из них не сказал «до свиданья».

Пока он шагал к своему дому, стемнело.

Он думал о Сварде.

Он думал о Рее.

И хотя он этого по-настоящему еще не осознал, на душе у него было хорошо. Так хорошо, как давно уже не было.

¹⁰ Объединенные группы поддержки Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. В настоящее время эта организация распущена.

За письменным столом Гюнвальда Ларссона друг против друга сидели двое – хозяин стола и Колльберг. У обоих был задумчивый вид.

На календаре по-прежнему четверг, шестое июля, они только что покинули кабинет Бульдозера Ульссона, предоставив начальнику спецгруппы в одиночестве мечтать о счастливом дне, когда он наконец посадит за решетку Вернера Руса.

– Не пойму я этого Бульдозера, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Неужели он и впрямь думает отпустить Мауритсона?

Колльберг пожал плечами:

– Похоже на то.

– Хоть бы слежку организовал, честное слово, – продолжал Гюнвальд Ларссон. – Прямой смысл... Или, по-твоему, у Бульдозера припасена какая-нибудь другая гениальная идея?

Колльберг в раздумье покачал головой:

– Нет, по-моему, тут вот что: Бульдозер решил пожертвовать тем, что ему может дать слежка за Мауритсоном, в расчете на что-то более важное.

– Например? – Гюнвальд Ларссон нахмурил брови. – Разве Бульдозеру не важнее всего накрыть эту шайку?

– Это верно. Но ты задумывался над тем, что никто из нас не располагает такими надежными источниками информации, как Бульдозер? Он знает кучу воров и бандитов, и они ему всецело доверяют, потому что он их никогда не подводит, всегда держит слово. Они ему верят, знают, что

понапрасну он не станет ничего обещать. Осведомители – главная опора Бульдозера.

– По-твоему, ему не будет ни доверия, ни надежной информации, как только они проводят, что он устроил слежку за стукачом?

– Вот именно, – ответил Колльберг.

– Все равно, я считаю, что упускать такой шанс – глупее глупого, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Если незаметно проследить, куда направится Мауритсон, и выяснить, что у него на уме, Бульдозеру это не повредит.

Он вопросительно посмотрел на Колльберга.

– Ладно, – отозвался тот. – Я и сам не прочь разузнать, что собирается предпринять господин Трезор Мауритсон. Кстати, Трезор – это имя, или у него двойная фамилия?

– Собачья кличка, – объяснил Гюнвальд Ларссон. – Может, он иногда под видом собаки орудует? Но нам надо поторапливаться, его могут отпустить с минуты на минуту. Кто начинает?

Колльберг посмотрел на свои новые часы, такие же, как те, которые побывали в стиральной машине. Он уже часа два не ел и успел проголодаться. В какой-то книжке он прочел, что одно из правил диеты для тучных – есть понемногу, но часто, и усердно выполнял вторую половину этого правила.

– Начни ты, – предложил он. – А я буду у телефона, как только тебе понадобится помощь или смена – звони. Да, возьми лучше мою машину, она не такая приметная, как твоя.

Он отдал Гюнвальду Ларссону ключи.

– Идет. – Гюнвальд Ларссон встал и застегнул пиджак.

В дверях он обернулся:

– Если Бульдозер будет меня искать, придумай что-нибудь. Привет, жди звонка.

Кольберг выдержал еще две минуты, потом спустился в столовую, чтобы расправиться с очередным «диетическим» блюдом.

Гюнвальду Ларссону не пришлось долго ждать. Через несколько минут на крыльце появился Мауритсон. Подумав немного, он взял курс на Агнегатан. Свернул направо, дошел до Хантверкаргатан и повернул налево. У автобусной остановки на площади Кунгсхольмсторг остановился. Гюнвальд Ларссон притаился в подъезде неподалеку.

Он отлично понимал, что перед ним – нелегкая задача. При его росте и массе даже в толпе трудно оставаться незамеченным, а ведь Мауритсон узнает его с первого взгляда. Так что ехать с ним в одном автобусе нельзя, сразу увидит. На стоянке такси через улицу была одна свободная машина. Только бы ее увели у него из-под носа! Гюнвальд Ларссон решил обойтись без машины Кольберга.

Подошел шестьдесят второй автобус, и Мауритсон сел в него.

Гюнвальд Ларссон дал автобусу отойти подальше, чтобы Мауритсон не увидел его из окна, и поспешил к такси.

За рулем сидела молодая женщина с копной светлых волос и живыми карими глазами. Гюнвальд Ларссон показал свое удостоверение и попросил ее следовать за автобусом.

– Как интересно! – загорелась она – Наверно, за каким-нибудь опасным гангстером гонитесь?

Гюнвальд Ларссон промолчал.

– Понимаю, секрет. Не беспокойтесь, я умею держать язык за зубами.

Но этого она как раз и не умела.

– Поедем потише, чтобы не обгонять автобус на остановках? – предложила она тут же.

– Вот именно, – процедил Гюнвальд Ларссон. – Только не сокращайте интервал.

– Ясно, чтобы он вас не заметил. Да вы опустите щиток от солнца, и сверху вас никто не разглядит.

Гюнвальд Ларссон послушался. Она поглядела на него с видом заговорщика, увидела перевязанную руку и воскликнула:

– Ой, что это у вас? Наверно, с бандитами схватились?

Гюнвальд Ларссон только крикнул в ответ.

– Да, полицейская служба опасная, – не унималась она. – Но зато и жутко увлекательная! Я сама до того, как за руль сесть, собиралась в полицейские пойти. Лучше всего – в детективы, но муж был против.

Гюнвальд Ларссон молчал.

– Да и на такси тоже бывает интересно. Вот как сейчас, например.

Гюнвальд Ларссон криво усмехнулся в ответ на ее сияющую улыбку.

Она старательно выдерживала нужную дистанцию до автобуса и вообще на редкость хорошо вела машину; за это можно было простить ей болтливость.

Как ни отмалчивался Гюнвальд Ларссон, она успела наговориться всласть, прежде чем Мауритсон наконец сошел с автобуса на Эрик-Дальбергсгатан. Кроме него,

никто не вышел, и, пока Гюнвальд Ларссон искал деньги, кареглазая блондинка с любопытством рассматривала Мауритсона.

– Нисколько не похож на бандита, – разочарованно произнесла она. Получила деньги и быстро выписала квитанцию. – Все равно, желаю удачи!

Машина медленно отъехала от тротуара, тем временем Мауритсон пересек улицу и свернул на Армфельтсгатан. Как только он исчез за углом, Гюнвальд Ларссон поспешил вдогонку и увидел, как Мауритсон входит в подъезд неподалеку.

Подождав немного, Гюнвальд Ларссон вошел следом. Где-то щелкнул замок. Он остановился перед доской с перечнем жильцов.

Фамилия «Мауритсон» сразу бросилась ему в глаза, и он удивленно поднял брови. Так, значит, Филип Трезор Мауритсон живет здесь под своей настоящей фамилией. А на допросах указывал адрес на Викиргатан, где он известен как Леннарт Хольм. Удобно устроился... В эту минуту заработал лифт, и Гюнвальд Ларссон поспешил выйти из подъезда.

Переходить через улицу было рискованно – еще увидит из окна, – и Гюнвальд Ларссон, прижимаясь к стене, вернулся на угол Эрик-Дальбергсгатан, чтобы оттуда продолжать наблюдение.

Вскоре начал саднить порез под коленом. Но звонить Колльбергу было рано, к тому же он не решался покинуть свой пост, чтобы не прозевать Мауритсона.

Он протомился на углу не меньше сорока пяти минут, когда из подъезда вдруг вышел Мауритсон и направился в

его сторону. В последнюю секунду Гюнвальд Ларссон отпрянул за угол и добежал, прихрамывая, до ближайшего подъезда. Кажется, не заметил?..

Мауритсон прошел мимо него быстрыми шагами, глядя прямо перед собой. Он был в другом костюме и нес в руке черный чемоданчик.

Гюнвальд Ларссон подождал и, когда он пересек Валхаллавеген, осторожно двинулся следом, стараясь не отпустить его слишком далеко.

Мауритсон шел к площади Карлаплан. Дважды он нервно озирался; в первый раз Гюнвальд Ларссон успел спрятаться за стоящим у тротуара фургоном, во второй – нырнул в подворотню.

Нетрудно было сообразить, что Мауритсон направляется к метро. На перроне было мало людей, не так-то просто укрыться, но вроде бы все обошлось благополучно. Мауритсон сел на поезд, идущий к центру, и Гюнвальд Ларссон вскочил в следующий вагон.

У Хётorget они вышли, и Мауритсон исчез в толпе.

Гюнвальд Ларссон весь перрон обрыскал – Мауритсон как сквозь землю провалился! И на лестницах не видно. Он поднялся на эскалаторе, обошел все пять выходов – пустой номер. В конце концов остановился перед витриной подземного магазина, кляня себя за невнимательность. Неужели Мауритсон все-таки заметил его? В таком случае ничто не мешало ему перебежать через перрон и сесть на поезд, идущий в противоположную сторону.

Гюнвальд Ларссон мрачно посмотрел на итальянские замшевые туфли, которые охотно приобрел бы, будь в магазине его размер; он уже справлялся здесь несколько дней

назад.

Только он повернулся, чтобы выйти из метро и сесть на автобус, идущий на Кунгсхольмен, как в другом конце подземного зала показался Мауритсон. Он направился к выходу на Свеавеген; к черному чемоданчику прибавился сверток с нарядной розеткой. Гюнвальд Ларссон дал ему подняться по лестнице и двинулся следом.

Дойдя по Свеавеген до авиационного агентства, Мауритсон вошел в кассовый зал. Гюнвальд Ларссон продолжал наблюдение, укрывшись за товарным фургоном на Лестмакаргатан.

Через большие окна было видно, как Мауритсон подошел к стойке и обратился к высокой блондинке в синей форме.

Интересно, куда это он собрался? На юг, надо думать, к Средиземному морю. А то и подальше, теперь многие в Африке отдыхают. Стокгольм его, понятно, сейчас не устраивает – как только Мальмстрём и Мурен смекнут, что он их продал, ему несдобровать.

Мауритсон открыл чемоданчик, положил в него свой сверток – конфеты, что ли? – получил билет и сунул его в карман пиджака.

Выйдя на улицу, он не спеша направился в сторону площади Сергея. Гюнвальд Ларссон проводил его взглядом и вошел в кассовый зал.

Девушка, которая обслуживала Мауритсона, искала что-то в картотеке.

– Слушаю вас, – обратилась она к Гюнвальду Ларссону, продолжая перебирать карточки.

– К вам сейчас подходил господин, мне нужно узнать,

купил он билет? И если купил – куда?

– Простите, но я не обязана отвечать на такие вопросы, – сказала блондинка. – А зачем это вам?

Гюнвальд Ларссон положил на стойку свой документ. Девушка поглядела на удостоверение, потом на Гюнвальда Ларссона и сказала:

– Насколько я понимаю, вас интересует граф фон Бранденбург? Он взял билет до Йёнчёпинга на самолет, который вылетает в 15:40. На аэродром, вероятно, поедет на автобусе, он спрашивал расписание. Автобус отходит от площади Сергея без пяти три. А что, граф...

– Спасибо, больше вопросов нет, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Всего доброго.

Идя к выходу, он соображал, с чего это Мауритсона вдруг потянуло в Йёнчёпинг. Потом вспомнил его анкетные данные: ну конечно, ведь он там родился, и там по-прежнему живет его мать.

Ясно, Мауритсон решил спрятаться у мамочки...

Гюнвальд Ларссон вышел на Свеавеген.

Он поглядел в сторону площади Сергея – вдали, наслаждаясь солнышком, не спеша шагал Трезор Мауритсон Хольм фон Бранденбург.

Гюнвальд Ларссон взял курс в противоположную сторону. Ему нужен был телефон-автомат, чтобы созвониться с Колльбергом.

XXIII

Леннарт Колльберг явился на свидание с Гюнвальдом Ларссоном, вооруженный всевозможными отмычками, чтобы открыть дверь квартиры на Армфельтсгатан. Прав-

да, не мешало бы, кроме того, запасться ордером на обыск за подписью прокурора Ульссона. Однако их ничуть не тревожил тот факт, что они нарушают порядок. Расчет был прост: если в квартире Мауритсона найдется что-нибудь для Бульдозера, тот на радостях не станет придираться. А не найдут ничего – ему необязательно знать о нарушении.

И вообще, о каком порядке можно говорить на такой службе...

К этому времени Мауритсон уже должен был вылететь из Стокгольма на юг – правда, не в Африку, но все же достаточно далеко, чтобы они могли работать без помех.

Все двери в этом доме были снабжены стандартными замками. Квартира Мауритсона не представляла исключения, и Колльберг в несколько минут справился с замком. Правда, дверь еще запиралась двумя цепочками и задвижкой, но только изнутри. Очевидно, хозяин опасался гостей поназойливее, чем простые побирušки и разносчики, от которых его ограждала строгая надпись на эмалированной табличке, привинченной к дверному косяку.

Квартира состояла из трех комнат, кухни, прихожей, ванной и производила шикарное впечатление. Обстановка довольно дорогая, правда, с налетом безвкусицы.

Они вошли в гостиную. Прямо перед ними стояла стенка, отделанная под благородное дерево: книжные полки, шкаф, встроенный секретер. Одну полку занимали дешевые книжонки, на других стояли всякие безделушки – сувениры, фарфоровые фигурки, вазочки, блюдечки. На стенах висели олеографии и репродукции, какие можно приобрести в третьеразрядных магазинчиках.

Мебель, гардины, ковры – все это, несомненно, стоило

немалых денег, однако подбор был случайный, материал, цвет, узоры плохо сочетались.

В одном углу стоял небольшой бар. На него достаточно было взглянуть, не надо даже принахиваться к бутылкам за зеркальными дверцами, чтобы уже стало дурно. Лицевая сторона обтянута материей с каким-то странным узором: на черном фоне желтые, зеленые, розовые фигуры, не то инфузории, не то сперматозоиды, увиденные в микроскоп. Тот же узор, только масштабом поменьше, повторялся на пластике столика.

Подойдя к бару, Колльберг отворил дверцы. Початая бутылка «Парфе д'Амур», остатки шведского десертного, нетронутая поллитровка пунша и порожняя бутылка из-под джина «Бифитер». Он поежился, закрыл дверцы и прошел в следующую комнату.

Судя по тому, что ее соединяла с гостиной открытая арка на двух колоннах, она, вероятно, была задумана как маленькая столовая. Окно-фонарь выходило на улицу. У стены стояло пианино, в углу – приемник и проигрыватель.

– Прошу, музыкальный кабинет, – взмахнул он рукой.

– Что-то мне трудно представить себе, чтобы эта тварь сидела тут и играла «Лунную сонату», – сказал Гюнвальд Ларссон.

Он подошел к инструменту, поднял крышку и заглянул внутрь.

– Во всяком случае, трупов здесь нет.

Когда общий осмотр закончился, Колльберг снял пиджак, и они взялись за работу всерьез. Начали со спальни. Пока Гюнвальд Ларссон хозяйничал в стенном шкафу, Колльберг изучал ящики письменного стола. Долго они

трудились молча, наконец, Колльберг нарушил тишину:

– Слышь, Гюнвальд.

Из шкафа донесся какой-то невнятный звук.

– Слежка за Русом ничего не дала, – продолжал Колльберг. – Два часа назад он вылетел с Арланды. Как раз перед моим уходом Бульдозеру позвонили и доложили. Он жутко расстроился.

Гюнвальд Ларссон, кряхтя, высунул голову и сказал:

– Он бы поменьше загадывал да предвкушал победу, не приходилось бы так часто расстраиваться. Впрочем, Бульдозер подолгу не унывает, сам знаешь. Ну и как Рус провел дни своего отгула?

Он опять скрылся в гардеробе.

Колльберг задвинул нижний ящик стола и выпрямился.

– Не оправдал он надежд Бульдозера, не навел его на Мальмстрёма и Мурена, – ответил он. – В первый вечер, это, значит, позавчера, ходил с девой в кабак, потом они купались ночью нагишом.

– Это я уже слышал. А дальше что было?

– А дальше он пробыл у этой девы почти до вечера, потом поехал в город и слонялся по улицам один, по видимости без определенной цели. Попозже отправился в другой кабак, с другой девой, но в озере больше не купался, а повез ее к себе в Мерсту. Сегодня утром подбросил ее на такси до Уденплан, там они расстались. Потом опять шлялся один, зашел в несколько магазинов, вернулся в Мерсту, переоделся и поехал на аэродром. Словом, ничего захватывающего и, уж во всяком случае, ничего криминального.

– А купание нагишом? А то, что Эк видел из кустов?

Ему бы взять да составить протокол о нарушении приличий.

Гюнвальд Ларссон выбрался из гардероба и затворил дверь.

– Ничего, – сообщил он. – Если не считать кучи отвратительнейшего тряпья.

С этими словами он направился в ванную, а Колльберг тем временем занялся зеленой тумбочкой, которая служила ночным столиком.

В двух верхних ящиках лежало всевозможное барахло: бумажные носовые платки, запонки, пустые спичечные коробки, половина шоколадки, несколько булавок, градусник, мятные таблетки, ресторанные счета и магазинные чеки, мужская санитария, шариковые ручки, открытка из Щецина с текстом: «Водка, женщины, постель – что еще надо. Стиссе», сломанная зажигалка и тупая финка без чехла.

Сверху на тумбочке валялась книжонка; на обложке ковбой – ноги широко расставлены, в каждой руке по дымящемуся револьверу. «Перестрелка в Черном ущелье»...

Колльберг полистал книжку; из нее на пол выпала цветная фотография, любительский снимок – на лодочной пристани сидит молодая женщина в шортах и белой тенниске. Темные волосы, заурядное лицо. На обороте вверху было написано карандашом: «Мёйя, 1969». Пониже – синими чернилами и другим почерком – «Монита».

Он сунул фотографию обратно в книгу. Потом выдвинул нижний ящик – он был глубже двух других – и позвал Гюнвальда Ларссона.

– Нашел тоже место, где держать точило, – сказал он. –

Или это вовсе не точило, а какое-нибудь новейшее приспособление для массажа?

– Интересно, зачем оно ему понадобилось, – произнес Гюнвальд Ларссон. – Вот уж кто не похож на любителя деревянных поделок. А может, просто стащил где-нибудь? Или получил в уплату за наркотики?

Он вернулся в ванную.

Через час с небольшим осмотр квартиры и мебели был завершен. Ничего особенного они не нашли – ни ловко спрятанных денег, ни уличительных писем, ни оружия; самые сильнодействующие медикаменты – таблетки от головной боли да сельтерская вода.

Напоследок они осмотрели кухню, обшарили все ящики и шкафы. Холодильник был включен и полон продуктов – видимо, Мауритсон уехал ненадолго. Измученного диетой, вечно голодного Колльберга больше всего смущал копченый угорь, даже в животе забурчало. Но он совладал с собой и решительно повернулся спиной к холодильнику с его соблазнами.

За кухонной дверью на крючке висело кольцо с двумя ключами.

– От чердака, – сказал Колльберг, показывая на них.

Гюнвальд Ларссон подошел, снял кольцо с крючка, осмотрел ключи и добавил:

– Или от подвала. Давай проверим.

К чердаку ключи не подошли. Тогда они спустились на лифте до первого этажа и протопали по лестнице в подвал.

Большой ключ подошел к патентованному замку огнеупорной двери, за которой начинался короткий проход с двумя дверьми по сторонам. Открыв правую, они увидели

выход шахты мусоропровода и подвешенный на каркасной тележке большой мешок из желтого пластика. Около стены – еще три тележки; два мешка – пустые, третий до краев наполнен мусором. В одном углу стоял совок и веник.

Дверь напротив была заперта; за ней, судя по надписи, помещалась домовая прачечная.

Проход упирался в длинный поперечный коридор, разделявший два ряда нумерованных дверей с висячими замками всех родов.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон довольно скоро нашли замок, к которому подходил меньший ключ.

В чулане Мауритсона хранилось только два предмета – старый пылесос без шланга и большой чемодан. Гюнвальд Ларссон заглянул внутрь пылесоса.

– Пусто, – сообщил он.

– Зато здесь не пусто, смотри, – ответил Колльберг, который в это время расковырял замочек чемодана.

Он поднял крышку, и Гюнвальд Ларссон увидел четырнадцать больших бутылок пятидесятиградусной польской водки, четыре кассетных магнитофона, электрический фен и шесть электробритв в заводской упаковке.

– Контрабанда, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Или же скупка краденого.

– А по-моему, вознаграждение за наркотики, – возразил Колльберг. – Конечно, не худо бы конфисковать водку, но лучше оставить все, как было.

Он запер чемодан, и они вышли в коридор.

– Что ж, не совсем зря трудились, – подвел итог Колльберг. – Правда, Бульдозера порадовать нечем. Осталось только повесить ключи на место, и можно сматы-

ваться. Здесь больше делать нечего.

– Осторожный жук этот Мауритсон, – отозвался Гюнвальд Ларссон. – Может быть, у него есть еще квартиры...

Не договорив, он указал кивком на дверь в конце коридора. На двери красной краской было выведено: БОМБОУБЕЖИЩЕ.

– Поглядим, если открыто, – предложил Гюнвальд Ларссон. – Заодно уж...

Дверь была открыта. Бомбоубежище явно служило велосипедным гаражом и складом для всякого хлама. Они увидели несколько велосипедов, разобранный мопед, две детские коляски, финские сани и старомодные санки с рулем. У стены – верстак, под ним на полу – пустые оконные рамы. Слева от двери – лом, две метлы, лопата для снега и два заступа.

– Мне всегда не по себе в таких помещениях, – произнес Колльберг. – В войну, когда устраивали учебные тревоги, я все представлял себе, что будет, если в самом деле разбомбят дом и бомбоубежище завалит. Кошмар...

Он обвел глазами закуток. В углу за верстаком стоял старый деревянный ларь с полустершейся надписью ПЕСОК. На крышке ларя поблескивало цинковое ведро.

– Гляди-ка, – сказал Колльберг, – ларь с песком, еще с войны стоит.

Он подошел, снял ведро и поднял крышку.

– Даже песок остался.

– Слава Богу, не понадобился, – заметил Гюнвальд Ларссон. – Во всяком случае, не для борьбы с зажигательными бомбами. А это что у тебя?

Он смотрел на предмет, который Колльберг только что

извлек из недр ящика и положил на верстак.

Зеленая американская брезентовая сумка армейского образца.

Кольберг открыл сумку и выложил на верстак содержимое.

Скомканная голубая рубашка.

Светлый парик.

Синяя джинсовая шляпа с широкими полями.

Темные очки.

И пистолет – «лама автомат» сорок пятого калибра.

XXIV

В тот летний день три года назад, когда молодую женщину по имени Монита сфотографировали на пристани у Мёйя в шхерах под Стокгольмом, она еще не была знакома с Филипом Трезором Мауритсоном.

Это было последнее лето ее шестилетнего брака с Петером: осенью он познакомился с другой женщиной и сразу после рождества оставил Мониту с пятилетней дочерью Моной. Идя навстречу его желанию, она подала в суд заявление о срочном разводе по причине измены – он спешил расписаться с новой женой, которая была уже на пятом месяце, когда ему оформили развод. Моните осталась двухкомнатная квартира в Хёкарэнгене, и Петер вовсе не претендовал на ребенка. Он отказался даже от права регулярно общаться с дочерью; вскоре выяснилось, что он устранился и от обязанности платить алименты.

Развод тяжело отразился не только на материальном положении Мониты – больше всего в этой печальной ис-

тории ее огорчило то, что пришлось бросить курсы, на которые она недавно поступила.

Она уже давно почувствовала, как ее сковывает недостаточное образование, и ведь ее вины тут не было, просто не представилось возможности учиться в высшей школе или хотя бы получить специальность. После обязательных девяти классов она решила год отдохнуть от учебников. В конце этого года Монита познакомилась с Петером, вышла замуж, и мысль об учении пришлось отложить. На следующий год родилась дочь. Петер тем временем поступил на вечерние курсы, и, только когда он их окончил, за год до развода, наступила ее очередь. Но после его ухода ей и вовсе стало не до учения, ведь няню найти было невозможно, а и найдешь – где денег взять?

Первые два года после рождения ребенка Монита сидела дома, но как только удалось пристроить дочь на день в частной воспитательнице, пошла на работу. Она и раньше – то есть после школы и почти до самых родов – служила в разных местах; за неполных два года успела поработать и в канцелярии, и кассиршей в магазине самообслуживания, и продавщицей, и упаковщицей на фабрике, и официанткой. Такая уж у нее была беспокойная натура: как только становилось неинтересно, хотелось чего-то нового, она меняла работу.

Но когда Монита после невольного двухлетнего перерыва спять начала искать место, оказалось, что с работой в стране стало хуже, возможностей выбора куда меньше. Без специальности и полезных знакомств она могла рассчитывать лишь на самую нудную работу, с невысоким жалованьем. Надоест на одном месте – уже не так-то просто

найти другое. Правда, как только она опять начала учиться и появилась перспектива, стало легче переносить убийственное однообразие конвейера.

Три года Монита работала на химико-технологической фабрике в южном пригороде Стокгольма, но после развода, когда она осталась одна с дочерью и пришлось перейти на укороченный рабочий день с меньшей оплатой, эта работа ее уже никак не устраивала. В приступе отчаяния она уволилась, хотя и не представляла себе, что будет дальше.

А безработица все росла, теперь даже опытные специалисты и люди с высшим образованием соперничали из-за низкооплачиваемых мест, далеко не отвечающих их квалификации.

Некоторое время Монита тянула на скудное пособие по безработице. На душе становилось все тяжелее. Только и думай о том, как свести концы с концами; квартплата, еда и одежда для дочери поглощали все, что удавалось наскреести. О том, чтобы самой одеться, она уже и не мечтала, бросила курить, но кипа неоплаченных счетов продолжала расти. В конце концов она поступилась самолюбием и обратилась к Петеру – как-никак он задолжал ей алименты. Петер заявил, что ему надо о своей семье думать, но все же дал ей пятьсот крон, которые сразу ушли на оплату самых неотложных долгов.

Если не считать трех недель временной работы на коммутаторе и двух недель сортировщицей в большой пекарне, Монита всю осень 1970 года слонялась без дела. Вообще-то ей такой образ жизни не был противен – разве плохо утром подольше поспать, а днем заниматься с Монной? Не будь денежных забот, она вовсе не рвалась бы на

службу. Стремление учиться поумерилось: зачем тратить силы и время, залезать в долги, когда единственная награда – ничемное свидетельство да мысль о том, что ты приобрела какие-то там знания? К тому же Монита начала догадываться, что высокого заработка и хороших условий труда еще не достаточно, чтобы получать радость от участия в общественном производстве.

Под рождество она вместе с Моной поехала к старшей сестре в Осло. Родители погибли в автомобильной катастрофе пять лет назад, кроме сестры, у нее никого не осталось, и с тех пор у них вошло в обычай встречать рождество вместе. Чтобы купить билет, Монита отнесла в ломбард обручальные кольца родителей и еще кое-какие безделушки, полученные в наследство. Провела в Осло две недели, прибавила за это время три килограмма и вернулась после Нового года в Стокгольм в совсем другом настроении.

В феврале 1971 года Моните исполнилось двадцать пять лет.

С тех пор как Петер оставил ее, прошел год. У нее было ощущение, что за этот год она переменялась больше, чем за все годы брака. Прибавилось жизненного опыта и уверенности в себе – это хорошо. Правда, она к тому же ожесточилась и стала грубее, а это ее меньше радовало.

И она очень тяготилась одиночеством.

Мать-одиночка с шестилетним ребенком, требующим постоянного внимания, живущая в большом доме, где каждый замыкался в своей скорлупе, без работы, без денег – что она могла сделать, чтобы вырваться из вынужденной изоляции?

Прежние друзья и знакомые перестали навещать, самой по гостям ходить недосуг – нельзя оставлять дочку одну, да и не очень-то поразвлекаешься, когда в кошельке пусто. Первое время после развода подруги еще навещали ее, но ведь Хёкарэнген – край города, ехать далеко... К тому же она нередко хандрила и, вероятно, наводила на них такую тоску, что в конце концов отбила охоту поддерживать с ней отношения.

Монита ходила гулять с дочкой, брала в библиотеке кучу книг, которые читала в часы полного уединения, когда Мона спала. Телефон звонил редко, самой звонить некому, и когда его отключили за неуплату, она этого почти и не заметила. Она чувствовала себя в своей квартире как в тюрьме, но постепенно заточение стало для нее залогом покоя, а жизнь за стенами ее унылой квартирки казалась все более чуждой и нереальной.

По ночам, когда Монита бесцельно бродила по комнатам, не в силах читать от усталости и не в силах уснуть от душевной смуты, ей иногда казалось, что она сейчас сойдет с ума. Только поддайся чуть-чуть, уступи, и безумие прорвет последние барьеры.

Она подумывала о самоубийстве; все чаще чувство безнадежности и тревоги достигало такой силы, что только мысль о ребенке удерживала ее от последнего шага.

Будущее дочери сильно тревожило Мониту, нередко она даже плакала от горечи и бессилия. Ей хотелось, чтобы Мона росла в человеческих условиях, окруженная заботой и теплом, а не в такой среде, где погоня за деньгами и социальным престижем, стремление возвыситься над другими делают людей врагами, где слова «приобретать» и

«иметь» соединяют знаком равенства со словом «счастье». Хотелось, чтобы дочь могла развиваться свободно и естественно, чтобы ее не втискивали в одну из заготовленных государственных ячеек. Хотелось, чтобы ее ребенок узнал радость труда и общения, жил без тревог, уважая себя.

Казалось бы, все это – элементарные предпосылки для человеческого существования. Однако Монита отлично сознавала, что в Швеции ни о чем таком мечтать не приходится.

Но как добыть денег, чтобы покинуть страну?.. И на смену отчаянию и тоске приходила апатия и полная отрешенность.

Вернувшись домой из Осло, она решила взять себя в руки и что-то предпринять.

Прежде всего надо было пристроить Мону: самой станет посвободнее и дочь не будет все одна да одна. Монита в десятый раз обратилась в детский сад поблизости от своего дома, и ей вдруг повезло – Мону приняли.

После этого она без особого энтузиазма принялась искать работу по объявлениям.

И все время мозг ее сверлила одна мысль: как раздобыть денег? Чтобы в корне изменить свою жизнь, денег потребуется немало. Монита решила во что бы то ни стало уехать, ей было невозможно в Швеции, в душе зрела ненависть к обществу, которое кичилось процветанием, тогда как на самом деле процветали малочисленные привилегированные слои, а на долю подавляющего большинства выпала лишь одна привилегия: крутить маховик, приводящий в движение весь механизм.

Она перебирала в уме разные способы добыть нужные

средства, но не видела подходящего решения.

Накопить деньги честным трудом? Исключено. До сих пор того, что оставалось после уплаты налогов, ей хватало только на квартиру и питание.

Выиграть в тотализаторе? Маловероятно. И все-таки она каждую неделю заполняла бланки спортивного лото: хоть какая-то надежда.

Ждать крупного наследства неоткуда. Где найдешь смертельно больного миллионера, который попросит ее руки и прикажет долго жить в свадебную ночь...

Некоторые девушки – она сама знала таких – хорошо зарабатывали проституцией. Теперь не обязательно промышлять на улице, назовись «моделью» и открой «ателье», или поступи в «институт массажа», или запишись в какой-нибудь роскошный «секс-клуб». Но ей сама мысль об этом была глубоко отвратительна.

Остается украсть. Но как и где? Да и не выйдет у нее ничего, она слишком порядочна.

Ладно, для начала хоть бы на стоящую работу устроиться.

Моните и тут посчастливилось: ее взяли официанткой в популярный ресторан в деловом центре Стокгольма. Удобные рабочие часы, и можно рассчитывать на приличные чаевые.

Среди тех, кто отдавал предпочтение этому ресторану, был Филип Трезор Мауритсон.

Так вышло, что за один из столиков Мониты однажды сел аккуратно одетый человек с ординарной внешностью, который заказал свиные ножки с брюквенным пюре. Рассчитываясь, он сказал ей какой-то шутливый комплимент,

но особого впечатления на нее не произвел.

Правда, и Монита не привлекла его внимания, во всяком случае в тот раз.

Она не могла похвастаться броской внешностью, в чем давно уже убедилась, поскольку люди, с которыми она виделась раз или два, редко узнавали ее при повторной встрече. Темные волосы, серо-голубые глаза, ровные зубы, правильные черты лица. Средний рост (метр шестьдесят пять), нормальное сложение (вес – шестьдесят килограммов).

Некоторые мужчины считали ее красивой, но только те, у кого был случай как следует приглядеться к ней.

Когда Мауритсон в третий раз за неделю сел за столик Мониты, она узнала его и угадала, что он попросит: шкварки с тушеным картофелем – в этот день это блюдо представляло в меню крестьянскую кухню. В прошлый раз он ел блины.

Мауритсон заказал шкварки и молоко и, когда она принесла ему заказ, сказал:

– А вы, должно быть, новенькая?

Монита кивнула. Он не впервые обращался к ней, но она привыкла чувствовать себя безликой, и одежда официантки не прибавляла ей своеобразия.

Когда она принесла счет, он не поскупился на чаевые и заметил:

– Надеюсь, вы здесь приживетесь, как я прижился. В этом ресторане вкусно кормят, так что берегите фигуру.

На прощание он дружески подмигнул ей.

В последующие недели Монита заметила, что аккуратный маленький человек, который всегда ест крестьян-

ские блюда и пьет только молоко, намеренно выбирает один из ее столиков. Постоит у двери, посмотрит, где она обслуживает, и садится там. Ей это было не совсем понятно, но чуточку лестно.

Монита считала себя плохой официанткой, она не умела сдерживать себя, когда нетерпеливый клиент начал брюзжать, на грубость отвечала грубостью. К тому же, поглощенная своими мыслями, часто бывала забывчива и невнимательна. Но вообще-то работала быстро и ловко и с теми, кто, на ее взгляд, того заслуживал, держалась приветливо, однако без заигрывания и кокетства, в отличие от некоторых других девушек.

Мауритсон неизменно перекидывался с ней парой слов, и она стала воспринимать его как старого знакомого. Моните нравилась его несколько старомодная учтивость, пусть даже она не вязалась с его взглядами на разные стороны жизни, которые он иногда кратко и выразительно излагал.

Нельзя сказать, чтобы Монита была в восторге от своей новой работы – но в общем-то ничего, и она успевала забрать Мону из детского сада до закрытия. Она уже не чувствовала себя такой безнадежно одинокой, как прежде, однако продолжала всей душой мечтать о возможности перебраться в более радужные края.

У Моны появилось много подруг, и по утрам она буквально рвалась в детский сад. Ее лучшая подруга жила в том же доме, Монита познакомилась с родителями – славной молодой четой – и, когда им надо было освободить себе вечер, оставляла их дочь ночевать у себя. В свою очередь и Монита дважды воспользовалась возможностью

вечером сходить в кино в центре. Других развлечений она не могла придумать, но все-таки теперь уже не чувствовала себя такой связанной. А позже дружба с соседями ей еще больше пригодилась.

В один апрельский день – шел третий месяц ее работы в ресторане, – когда Монита стояла и о чем-то грезилась, Мауритсон подозвал ее к своему столику. Она подошла, кивнула на тарелку с гороховым супом и спросила:

– Невкусно?

– Превосходно – как всегда. Но мне сейчас пришла в голову одна мысль. Я тут каждый день сижу, ем за милую душу, а вы все на ногах, все трудитесь. Вот я и подумал – можно мне вас пригласить куда-нибудь поесть? Вечером, конечно, когда вы свободны. Скажем, завтра?

Монита недолго колебалась. Она давно уже вынесла свое суждение о нем: человек честный, благонравный, непьющий, правда чудаковат, но вполне безобидный и симпатичный. К тому же его приглашение не было для нее неожиданностью, и она приготовила ответ.

– Ну что ж, – сказала Монита, – можно и завтра.

Посетив в пятницу ресторан вместе с Мауритсоном, она только по двум пунктам пересмотрела свое суждение о нем: во-первых, он не трезвенник, во-вторых, не похоже, чтобы он был таким уж благонравным. Впрочем, он от этого не стал ей менее симпатичен. Больше того, ей с ним было очень интересно.

В ту весну они еще несколько раз ходили в ресторан, при этом Монита мягко, но бесповоротно отклоняла попытки Мауритсона позвать ее вечером к себе на рюмку вина или напроситься в гости к ней.

В начале лета он куда-то пропал, а в июле она сама ездила на две недели в отпуск к сестре в Норвегию.

Возвратившись из отпуска, Монита в первый же день увидела его за своим столиком, и вечером они встретились. На этот раз она поехала с ним на Армфельтсгатан, впервые осталась у него ночевать и не пожалела об этом.

Обе стороны были довольны тем, как складывались их отношения. Мауритсон не навязывался, и они встречались, только когда ей этого хотелось – один-два раза в неделю. Он относился к ней заботливо, тактично, им было хорошо вместе.

В свою очередь и она вела себя деликатно. К примеру, Мауритсон избегал говорить о том, чем он занимается и откуда берет деньги. И хотя этот вопрос интересовал Мониту, она не давала воли своему любопытству. Ей ведь не хотелось, чтобы он чрезмерно вторгся в ее жизнь, особенно она берегла Мону, а потому избегала вмешиваться в его дела. Она его не ревновала, он ее тоже – то ли чувствовал, что у нее больше никого нет, то ли не придавал этому значения. И о прошлом опыте не расспрашивал.

Осенью они все реже ходили куда-то, а больше сидели у него дома – приготовят что-нибудь вкусное, немного выпьют и рано ложатся спать.

Время от времени Мауритсон уезжал по делам, но куда и зачем – не рассказывал. Монита была не так уж глупа и быстро уразумела, что он занимается чем-то противозаконным, но, так как Мауритсон был ей симпатичен, она считала, что в глубине души он порядочный человек, так сказать, благородный жулик. Если даже и крадет, то только у богатых, чтобы помочь бедным, как Робин Гуд. И уж, во

всяком случае, он не торгует белыми рабынями и не сбывает наркотики детям. При случае она, надеясь заставить Мауритсона проговориться, осторожно давала ему понять, что не видит ничего аморального в правонарушениях, направленных против ростовщиков, спекулянтов и эксплуататорского общества в целом.

Под рождество Мауритсон поневоле приоткрыл завесу над своей деятельностью. Рождество и для жуликов хлопотное время, и, боясь хоть что-то упустить, он пожадничал, набрал столько поручений, что одному справиться было физически невозможно.

В самом деле, как поспеть 26 декабря в Гамбург для весьма замысловатой сделки, требующей его личного присутствия, и в тот же день доставить заказ на аэродром Форнебу под Осло? А тут Монита, как обычно, собралась в Осло встречать рождество, и он не устоял против соблазна, попросил ее быть его заместителем и курьером. От нее не требовалось никаких смелых действий, но процедура передачи его посылки была обставлена столь хитрыми предосторожностями, что нелепо было делать вид, будто речь идет о заурядном рождественском подарке. Мауритсон тщательно проинструктировал ее и, зная отношение Мониты к наркотикам, внушил ей, что речь идет о фальшивых бланках для махинаций с почтовыми переводами.

Монита не стала возражать и успешно справилась с заданием. Он оплатил ей проезд, да еще добавил несколько сот крон.

Казалось бы, она должна войти во вкус – деньги дались легко и пришлись очень кстати, – однако, поразмыслив, Монита решила впредь поосторожнее относиться к таким

поручениям.

Конечно, деньги нужны, но если уж рисковать арестом, а то и тюрьмой, надо знать, за что. Жаль, что не проверила сверток: кажется, Мауритсон все-таки обманул ее... И она решила больше не выступать в роли его посланца. Что за радость таскать таинственные свертки, в которых может быть все, что угодно, — от опиума до бомбы с часовым механизмом.

Видно, Мауритсон чутьем угадал настроение Мониты, потому что он больше не просил ее выручить его. Но хотя он относился к ней по-прежнему, она стала открывать в нем такие черты, которых прежде не замечала. Так, он часто лгал ей, притом без всякой нужды, ведь она его никогда не спрашивала, чем он занимается, когда на время исчезает, и не пыталась припереть к стенке. К тому же Монита начала подозревать, что он вовсе не благородный жулик, а скорее этакий «чегоизволите», ради денег способный на любые мелкие преступления.

После Нового года они встречались реже, и не столько из-за прозрения Мониты, сколько из-за того, что Мауритсон чаще обычного уезжал по своим делам.

Судя по тому, что каждый свободный вечер он стремился провести с ней, она вряд ли ему наскучила. Как-то в начале марта при ней к нему зашли гости, некие Мурен и Мальмстрём; как видно, деловое знакомство. Они были чуть помоложе Мауритсона, один из них ей даже приглянулся, но больше они не появлялись.

Зима 1972 года оказалась для Мониты несчастливой. Ресторан, где она служила, перешел к другому владельцу, тот открыл пивной бар, старых клиентов растерял, а новых

не приобрел, в конце концов уволил весь персонал и оборудовал игровой зал. Опять Монита оказалась без работы, и она острее прежнего ощущала одиночество, ведь Мона будни проводила в детском саду, а в субботу и воскресенье днем играла с подружками.

Ее злило, что она не может порвать с Мауритсоном. Впрочем, злилась она тогда, когда его не было, а вместе с ним Моните было хорошо, и ей льстила его откровенная влюбленность. К тому же, кроме Моны, он был единственным, кому она была нужна.

Томясь без дела, Монита стала иногда заходить в квартиру на Армфельтсгатан, когда хозяин отсутствовал. Ей нравилось посидеть там, почитать, послушать пластинки, а то и побродить по комнатам среди вещей, с которыми она никак не могла свыкнуться, хотя видела их десятки раз. Кроме двух-трех книг и нескольких пластинок, у Мауритсона не было ничего, что она стала бы держать в своей квартире, и все же ей почему-то было здесь уютно.

Он не давал Моните ключа, она сама заказала, когда Мауритсон однажды оставил ей свою связку. Это было ее единственное покушение на его независимость, и несколько дней она мучилась угрызениями совести.

Монита заботилась о том, чтобы после ее визитов не оставалось никаких следов, и ходила на Армфельтсгатан лишь тогда, когда была уверена, что Мауритсона нет в городе. Интересно, как он поступит, если проведает?.. Конечно, она иногда рылась в его вещах, но пока ей не попалось ничего особенно криминального. И ведь она все не для этого обзавелась ключом, просто ей почему-то был нужен такой вот тайный уголок. Разумеется, ее никто

не разыскивал, и вообще никому не было дела до Мониты, но ей нравилось чувствовать себя недосыгаемой и независимой – как в детстве, когда во время игры в прятки удавалось найти такое местечко, где никто на свете не смог бы ее найти. Возможно, он и сам дал бы ей ключ, если бы она попросила, но это испортило бы всю игру.

В один апрельский день, когда Монита буквально не находила себе места, она отправилась на Армфельтсгатан. Посидит в самом безобразном и самом удобном кресле Мауритсона, послушает Вивальди – смотришь, душа обретет покой, почерпнутый в этом своеобразном чувстве неприкосновенности.

Мауритсон уехал в Испанию, она ждала его только на следующий день.

Монита повесила пальто и сумку в прихожей, взяла из сумки сигареты, спички и прошла в гостиную. Все как обычно, чистота и порядок. Мауритсон сам занимался уборкой. В начале их знакомства она как-то спросила его, почему он не наймет уборщицу. Он ответил, что ему нравится убирать и он никому не хочет уступать это удовольствие.

Положив сигареты и спички на широкий подлокотник, она вышла в соседнюю комнату и включила проигрыватель. Отыскала «Времена года», под звуки «Весны» сходила на кухню за блюдцем, потом села в кресло, поджав ноги, и поставила блюдце на подлокотник.

Монита думала о Мауритсоне, о том, какой у них убогий роман. Уже год знакомы, а их взаимоотношения ничем не обогатились, не стали полноценнее, скорее напротив. Она не могла даже припомнить, о чем они разговаривали

при встречах, – очевидно потому, что разговаривали о пустяках. Сидя в его любимом кресле и глядя на полку с рядами дурацких безделушек, она говорила себе, что он, по сути дела, ничтожество, фитюлька. Почему, спрашивала она себя в сотый раз, да, почему она до сих пор не бросила его и не завела себе настоящего мужчину?..

Монита закурила, пустила струйку дыма к потолку и решила, что хватит думать об этом хлюсте, только вконец настроение себе испортишь.

Она села поудобнее и закрыла глаза, медленно помахивая рукой в такт музыке и стараясь ни о чем не думать. Посреди ларго рука задела блюдце, оно слетело на пол и разбилось вдребезги.

– А, чтоб тебя! – вырвалось у нее.

Она встала, вышла на кухню, открыла дверцу под раковиной и протянула руку за веником, который обычно стоял справа от мешка для мусора. Веника на месте не оказалось, тогда Монита присела на корточки и заглянула внутрь шкафчика. Веник лежал на полу, и, потянувшись за ним, она увидела за мусорным мешком портфель. Старый, потертый коричневый портфель, который до сих пор не попадался ей на глаза. Должно быть, Мауритсон поставил его здесь, собираясь отнести вниз, в мусорный контейнер, потому что для мусоропровода он был слишком велик.

Но тут она заметила, что портфель надежно обмотан крепкой бечевкой и бечевка завязана несколькими узлами.

Монита вытащила портфель и поставила на пол. Тяжелый...

Любопытство взяло верх, и она принялась осторожно развязывать узлы, стараясь запомнить их последовательность. Потом размотала бечевку и открыла портфель.

Камни, плоские плитки черного шифера; где-то она совсем недавно видела такие же.

Монита озадаченно нахмурилась, выпрямилась и бросила окурок в раковину, не отрывая глаз от портфеля.

Зачем понадобилось Мауритсону набивать камнями старый портфель, обвязывать его бечевкой и ставить под раковину?

Настоящая кожа – наверно, была когда-то роскошная вещь... И достаточно дорогая. Она поглядела на клапан с внутренней стороны – имени владельца нет. Постой, а это что: все четыре угла внизу обрезаны, то ли острым ножом, то ли лезвием. Причем сделано это недавно, срез совсем свежий.

Вдруг ее осенило. Ну конечно, он задумал утопить портфель в море! Ну не в море, так в заливе. Но зачем?

Монита нагнулась и принялась вынимать из портфеля шифер. Складывая плитки горкой на полу, она вспомнила, где их видела. В подъезде внизу, около двери, выходящей во двор. Очевидно, двор собираются заново мостить; там он их и взял.

Когда же они кончатся?.. Внезапно ее пальцы коснулись какого-то другого предмета. Он был гладкий, холодный и твердый. Монита вынула его из портфеля. И замерла, а в душе ее постепенно обретала четкие формы мысль, которая давно уже шевелилась в подсознании.

А что, может быть, это и есть решение. Может быть, этот блестящий металлический предмет – залог свободы, о которой она столько мечтала.

Длиной около двадцати сантиметров, широкое дуло, тяжелая рукоятка. На блестящей сизой плоскости над скобой выгравировано название: «лама».

Она взвесила его на ладони. Тяжелый.

Монита вышла в прихожую и сунула пистолет в свою сумку. Потом вернулась на кухню, положила камни обратно в портфель, обмотала его бечевкой, постаралась точно воспроизвести все узлы и поставила портфель туда, где нашла его.

Взяла веник, подмела в гостиной, вынесла осколки в прихожую и высыпала в мусоропровод. Потом выключила проигрыватель, убрала на место пластинку, вышла на кухню, достала окурок из раковины, бросила его в унитаз и спустила воду. Надела пальто, застегнула сумку, повесила ее на плечо и напоследок еще раз прошла по всем комнатам, проверяя, все ли так, как было. Пощупала в кармане, на месте ли ключ, захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице.

Придет домой – все как следует продумает.

XXV

В пятницу седьмого июля Гюнвальд Ларссон поднялся очень рано. Правда, не вместе с солнцем, это было бы чересчур – согласно календарю, в этот день солнце взошло в Стокгольме без одиннадцати минут три.

К половине седьмого он принял душ, управился с завтраком и оделся, а еще через полчаса уже стоял на крыльце того самого типового домика на Сонгарвеген в Соллентуне, в который четыремя днями раньше наведывался Эйнар Рённ.

Пятница эта обещала быть напряженной, предстояло новое свидание Мауритсона с Бульдозером Ульссоном –

надо полагать, не столь теплое, как предыдущее. И возможно, удастся наконец изловить Мальмстрёма и Мурена и сорвать их грандиозную операцию.

Но прежде чем спецгруппа засучит рукава и примется за работу, Гюнвальду Ларссону хотелось решить один маленький ребус, который всю неделю не давал ему покоя. Вообще-то пустяк, соринка в глазу, но лучше от нее избавиться, а заодно доказать самому себе, что он верно рассуждал и сделал правильный вывод.

Стен Шёгрэн явно не поднимался вместе с солнцем. Не одна минута прошла, прежде чем он отворил, позевывая и путаясь в завязках махрового халата.

Гюнвальд Ларссон сразу взял быка за рога.

– Вы солгали полиции, – мягко произнес он.

– Я солгал?

– На прошлой неделе вы дважды описали приметы налетчика, будто бы похожего на женщину. Кроме того, вы подробно описали машину марки «рено-шестнадцать», которой налетчик якобы воспользовался для бегства, и двоих мужчин, которые были в той же машине.

– Верно.

– В понедельник вы слово в слово повторили свою версию следователю, который приезжал сюда, чтобы побеседовать с вами.

– Тоже верно.

– Верно и то, что почти все рассказанное вами – чистейшая ложь.

– Я точно описал налетчика, что видел, то и сказал.

– Конечно, потому что другие тоже его видели. И к тому же вы сообразили, что в нашем распоряжении, веро-

ятно, будет пленка из кинокамеры в банке.

– Но я по-прежнему уверен, что это была женщина.

– Почему?

– Не знаю. По-моему, девчонку можно чутьем угадать.

– На этот раз чутье вас обмануло. Но меня привела сюда другая причина. Мне нужно получить от вас подтверждение, что история про машину и двоих мужчин – ваша выдумка.

– А зачем это вам?

– Мои мотивы вас не касаются. Тем более, что они чисто личные.

Сонное выражение покинуло лицо Шёгрена. Он испытующе поглядел на Гюнвальда Ларссона и медленно произнес:

– Насколько мне известно, неполные или неверные показания не считаются преступлением, если они не даны под присягой.

– Совершенно верно.

– В таком случае я не вижу смысла в нашем разговоре.

– Зато я вижу. Мне важно разобраться в этом деле. Предположим, я пришел к какому-то выводу и хочу его проверить.

– И что же это за вывод?

– Что вы морочили голову полиции не из корыстных побуждений.

– В нашем обществе хватает таких, у которых только своя корысть на уме.

– Но ты не такой?

– Стараюсь... Правда, не все меня понимают. Например, жена не могла понять. Оттого у меня теперь нет жены.

– По-твоему, грабить банки – хорошо и полиция – прирожденный враг народа?

– Что-то в этом роде. Только не так упрощенно.

– Ограбить банк и убить преподавателя гимнастики – отнюдь не политическая акция.

– В данном случае – нет. Но вообще надо учитывать идейные мотивы. А также историческую перспективу. Иногда ограбление банков вызвано чисто политическими причинами. Взять, например, революцию в Ирландии. Кроме того, бывает еще и неосознанный протест.

– Ты предлагаешь рассматривать уголовных преступников как своего рода бунтарей?

– Что ж, это идея, – сказал Шёгрэн. – Да только видные сторонники социализма отвергают ее. Ты читаешь Артура Лундквиста¹¹?

– Нет.

Гюнвальд Ларссон предпочитал довоенные приключенческие романы Жюлья Региса и подобных авторов. Сейчас настала очередь С. А. Дюсе. Но это к делу не относилось. Его выбор определялся потребностью в развлечении, а не в самообразовании.

– Лундквист получил международную Ленинскую премию, – сообщил Стен Шёгрэн. – В сборнике, который называется «Человек социализма», он говорит примерно следующее, цитирую по памяти: «Порой доходит до того, что явных преступников изображают как носителей сознательного протеста против язв общества, чуть ли не как революционеров... в социалистической стране такое не-

¹¹ Лундквист Артур (1906–1991) – шведский писатель.

ВОЗМОЖНО».

– Продолжай, – сказал Гюнвальд Ларссон.

– Конец цитаты, – ответил Шёгрэн. – Я считаю, что Лундквист рассуждает примитивно. Во-первых, необязательно быть идейным, чтобы восставать против общественных пороков, если тебя доведут. А что до социалистических стран, то они тут вообще ни при чем – с какой стати людям грабить самих себя?

После долгого молчания Гюнвальд Ларссон спросил:

– Значит, никакого бежевого «рено» не было?

– Не было.

– И никакого бледного шофера в белой футболке, никакого парня в черном, похожего на Харпо Маркса?

– Нет.

Гюнвальд Ларссон кивнул, думая о своем. Потом продолжал:

– Дело в том, что грабитель, похоже, попался. И никакой он не стихийный революционер, а паршивая крыса, которая паразитировала на капитализме, кормилась перепродажей наркотиков и порнографии и ни о чем, кроме барыша, не думала. Одна корысть на уме. И он сразу начал закладывать своих приятелей, торопился спасти собственную шкуру.

Шёгрэн пожал плечами.

– Таких тоже немало... Но все равно – человек, который ограбил этот банк, он, как бы тебе объяснить, горемыка. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, понимаю.

– Слушай, а откуда у тебя вообще такие мысли?

– Угадай, – ответил Гюнвальд Ларссон. – Попробуй

поставить себя на мое место.

– Тогда кой черт тебя понес в полицию?

– Случайность. Вообще-то я моряк. К тому же это было давно, когда мне многое представлялось не так. Но это к делу не относится. Я выяснил то, что хотел.

– Значит, все?

– Вот именно. Привет.

– Привет, – отозвался Шёгрэн. – Всего доброго.

Лицо его выражало полное недоумение. Но Гюнвальд Ларссон этого не видел, потому что уже ушел. Не слышал он и последних слов Шёгрена:

– Все равно я уверен, что это была дева.

В этот же ранний утренний час, в городе Йёнчёпинге, в одном из домов на Пильгатан, фру Свеа Мауритсон хлопотала у себя на кухне – пекла к завтраку булочки с корицей, чтобы порадовать возвратившегося домой блудного сына. Она пребывала в счастливом неведении о том, как в эти минуты отзываются о ее сыне в типовом домике в трехстах километрах от Йёнчёпинга. Но если бы она услышала, что ее ненаглядное дитяtko называют крысой, святотатцу досталось бы скалкой по голове.

Пронзительный звонок в дверь разорвал утреннюю тишину. Фру Мауритсон отставила в сторону противень с булочками, вытерла руки о фартук и засеменила в прихожую, шаркая стоптанными туфлями. Старинные часы показывали всего полвосьмого, и она бросила беспокойный взгляд на закрытую дверь спальни.

Там спит ее мальчик. Она постелила на кушетке в гостиной, но часы мешали ему спать своим боем, он разбудил ее среди ночи, и они поменялись местами. Совсем выбился

из сил, бедняжка, ему нужно как следует отдохнуть. А ей, старой глухой тетере, часы не помеха.

На лестнице стояли двое рослых мужчин.

Фру Мауритсон расслышала не все, что они говорили, но поняла: им во что бы то ни стало надо увидеть ее сына.

Тщетно она пыталась объяснить им, что сейчас слишком рано, пусть приходят попозже, когда он выспится.

Гости твердили свое: дескать, у них чрезвычайно важное дело; в конце концов она неохотно побрела в спальню и осторожно разбудила сына. Он приподнялся на локте, поглядел на будильник на тумбочке и возмутился:

– Ты что, спятила? Будить меня среди ночи! Сказано было, что мне надо выспаться.

– Тебя там спрашивают два господина, – виновато объяснила она.

– Что? – Мауритсон вскочил на ноги. – Надеюсь, ты их не впустила?

Он решил, что это Мальмстрём и Мурен разнюхали, где он прячется, и явились покарать его за предательство.

Удивленно качая головой, фру Мауритсон смотрела, как ее сын поспешно надел костюм прямо на пижаму, после чего забегал по комнате, собирая разбросанные вещи и швыряя их в чемодан.

– Что случилось? – робко спросила она.

Он захлопнул чемодан, схватил ее за руку и прошипел:

– Спровадь их, понятно?! Меня нет, я уехал в Австралию, на край света!

Мать не расслышала, что он говорит, и вспомнила, что слуховой аппарат остался лежать на тумбочке. Пока она его надевала, Мауритсон подкрался к двери и приложил ухо к

щели. Тихо. Небось стоят и ждут с пистолетами наготове...

Мать подошла к нему и прошептала:

– В чем дело, Филип? Что это за люди?

– Ты давай спровадь их, – повторил он, тоже шепотом. – Скажи, что я уехал за границу.

– Но я уже сказала, что ты дома. Я ведь не знала, что ты не хочешь встречаться с ними.

Мауритсон застегнул пиджак и взял чемодан.

– Уже уходишь, – огорчилась мать. – А я тебе булочки испекла. Любимые, с корицей.

Он резко повернулся к ней

– Какие еще булочки, когда...

Мауритсон не договорил. В спальню из прихожей донеслись голоса.

...Они уже идут за ним. Чего доброго, пристрелят на месте... Он лихорадочно озирался по сторонам, обливаясь холодным потом. Седьмой этаж, в окно не выскочишь, и выход из спальни только один – в прихожую, где его ждут Мальмстрём и Мурен.

Он шагнул к матери, которая растерянно застыла у кровати.

– Ступай к ним! Скажи, что я сейчас выйду. Заведи их на кухню. Предложи булочек. Ну, живее!

Он подтолкнул ее к двери и прижался спиной к стене. Как только дверь за ней закрылась, Мауритсон снова приник ухом к щели. Голоса... Тяжелые шаги... Ближе, ближе... Не пошли на кухню, остановились перед его дверью. И до Мауритсона вдруг дошло, что означает выражение «волосы встали дыбом».

Тишина. Потом что-то звякнуло – словно в пистолет вставили магазин с патронами. Кто-то прокашлялся, раз-

дался требовательный стук, и незнакомый голос произнес:

– Выходите, Мауритсон. Уголовная полиция.

Мауритсон распахнул дверь и, застонав от облегчения, буквально упал в объятия инспектора Хёгфлюгта из Йёнчёпингской уголовной полиции, который стоял с наручниками наготове.

... Через полчаса Мауритсон уже сидел в стокгольмском самолете с большим пакетом булочек на коленях. Он убедил Хёгфлюгта, что никуда не денется, и обошлось без наручников. Задержанный уписывал булочки с корицей, любовался через иллюминатор солнечными пейзажами Эстерётланда и чувствовал себя совсем неплохо.

Время от времени он протягивал сопровождающему пакет с булочками, но инспектор Хёгфлюгт только тряс головой, сжимая челюсти: он плохо переносил самолеты, и его основательно мучило.

Точно по расписанию, в девять двадцать пять, самолет приземлился на аэродроме Бромма, и через двадцать минут Мауритсон снова очутился в полицейском управлении на Кунгсхольмене. По пути туда он с беспокойством пытался представить себе, что теперь на уме у Бульдозера. Облегчение, испытанное утром, когда его опасения не оправдались и все обошлось так благополучно, испарилось, и на смену ему пришла тревога.

Бульдозер Ульссон нетерпеливо ждал прибытия Мауритсона. Ждали также избранные представители спецгруппы, а именно Эйнар Рённ и Гюнвальд Ларссон; остальные под руководством Колльберга готовили намеченную на вторую половину дня операцию против шайки Мурена. Сложная операция, естественно, требовала тща-

тельной разработки.

Когда Бульдозеру доложили о находке в бомбоубежище, он от радости чуть не лишился рассудка и ночью от волнения никак не мог уснуть. Он предвкушал великий день: Мауритсон практически у него в руках, Мурена и его сообщников тоже в два счета накроют, как только они явятся в банк на Русенлюндсгатан. Пусть даже не в эту пятницу – уж в следующую наверное. А сегодняшняя операция тогда будет генеральной репетицией. Словом, шайке Мурена недолго осталось гулять на свободе, а там он и до Вернера Руса доберется.

Телефонный звонок нарушил радужные грезы Бульдозера. Он схватил трубку и через три секунды выпалил:

– Сюда его, живо!

Бросил трубку, хлопком соединил ладони и деловито сообщил:

– Господа, сейчас он будет здесь. Мы готовы?

Гюнвальд Ларссон буркнул что-то; Рённ вяло произнес:

– Угу.

Он великолепно понимал, что ему и Гюнвальду Ларссону предназначена роль зрителей. Бульдозер всегда обожал выступать перед публикой, а сегодня у него, бесспорно, бенефис.

Исполнитель главной роли, он же режиссер, раз пятнадцать передвинул стулья других действующих лиц, прежде чем остался доволен. Сам он занял место в кресле за письменным столом; Гюнвальд Ларссон сидел в углу около окна, Рённ – справа от стола. Стул для Мауритсона стоял посреди кабинета, прямо напротив Бульдозера.

Гюнвальд Ларссон ковырял в зубах сломанной спичкой, поглядывая исподлобья на летний наряд Бульдозера: ко-

стюм горчичного цвета, сорочка в синюю и белую полоску, галстук – зеленые ромашки на оранжевом поле.

Раздался стук в дверь, и в кабинет ввели Мауритсона. У него и так было нехорошо на душе, а тут он и вовсе скис, видя, какая суровость написана на уже знакомых ему лицах.

Правда, этот рослый блондин – Ларссон, кажется, – с первого дня на него взъелся, а второй, с малиновым носом, должно быть, родился с такой угрюмой рожей, но вот то, что даже Бульдозер, который в прошлый раз был добродушным, как Дед Мороз в сочельник, сейчас глядит на него волком, – это дурной знак...

Мауритсон послушно сел на указанный ему стул, осмотрелся и сказал:

– Здравствуйте.

Не получив ответа, он продолжал:

– В бумагах, которые дал мне господин прокурор, не говорится, что я не должен выезжать из города. И вообще, насколько я помню, у нас такого уговора не было.

Видя, какую мину изобразил Бульдозер, он поспешил добавить:

– Но я, конечно, к вашим услугам, если могу помочь чем-нибудь.

Бульдозер наклонился, положил руки на стол и переплел пальцы. С минуту он молча смотрел на Мауритсона, потом заговорил елеиным голосом:

– Вот как, значит, господин Мауритсон к нашим услугам. Как это любезно с его стороны. Да только мы больше не нуждаемся в его услугах, вот именно, теперь наша очередь оказать ему услугу. Ведь господин Мауритсон был не

совсем откровенен с нами, верно? И его теперь, разумеется, мучает совесть. Вот мы и потрудились устроить эту маленькую встречу, чтобы он мог спокойно, без помех облегчить свою душу.

Мауритсон растерянно поглядел на Бульдозера:

– Я не понимаю.

– Не понимаете? Может быть, вы вовсе не ощущаете потребности покаяться?

– Я... честное слово, не знаю, в чем я должен каяться.

– Вот как? Ну, а если я скажу, что речь идет о прошлой пятнице?

– О прошлой пятнице?

Мауритсон беспокойно заерзал на стуле. Он поглядел на Бульдозера, на Рённа, опять на Бульдозера, наткнулся на холодный взгляд голубых глаз Гюнвальда Ларссона и потупился. Тишина. Наконец Бульдозер снова заговорил:

– Да-да, о прошлой пятнице. Не может быть, чтобы господин Мауритсон не помнил, чем он занимался в этот день... А? Разве можно забыть такую выручку? Девяносто тысяч – не безделица! Или вы не согласны?

– Какие еще девяносто тысяч? Первый раз слышу!

Мауритсон явно хорохорился, и Бульдозер продолжал уже без елеса:

– Ну конечно, вы понятия не имеете, о чем это я говорю?

Мауритсон покачал головой.

– Правда, не знаю.

– Может быть, вы хотите, чтобы я выражался яснее? Господин Мауритсон, вы этого хотите?

– Прошу вас, – смиренно произнес Мауритсон.

Гюнвальд Ларссон выпрямился и с раздражением ска-

зал:

– Хватит представляться! Ты отлично знаешь, о чем речь.

– Конечно, знает, – добродушно подтвердил Бульдозер. – Просто господин Мауритсон ловчит, хочет показать, что его голыми руками не возьмешь. Так уж заведено – поломаться для начала. А может быть, он у нас просто застенчивый?

– Когда стучал на своих приятелей, небось не стеснялся, – желчно заметил Гюнвальд Ларссон.

– А вот мы сейчас проверим. – Бульдозер подался вперед, сверля Мауритсона глазами. – Значит, тебе надо, чтобы я выражался яснее? Хорошо, слушай. Мы отлично знаем, что это ты в прошлую пятницу ограбил банк на Хурнsgатан, и отпираться ни к чему, у нас есть доказательства. Грабеж дело серьезное, да, к сожалению, этим не ограничилось, так что, сам понимаешь, ты здорово влип. Конечно, ты можешь заявить, что на тебя напали, что ты вовсе не хотел никого убивать, но факт остается фактом, и мертвеца не воскресишь.

Мауритсон побледнел, на лбу заблестели капельки пота. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но Бульдозер перебил его.

– Надеюсь, тебе ясно, что в твоём положении юлить не стоит, только хуже будет. У тебя есть один способ облегчить свою участь – перестать отпираться. Теперь понял?

Мауритсон качал головой, открыв рот.

– Я... я не понимаю... о чем вы толкуете. – выговорил он наконец.

Бульдозер встают и заходил по кабинету.

– Дорогой Мауритсон, мое терпение беспредельно, но я

не переносу, когда человек глуп как пробка.

По голосу Бульдозера чувствовалось, что даже у бес-
предельного терпения есть предел.

Мауритсон все так же качал головой, а Бульдозер,
важно прохаживаясь перед ним, продолжал вещать:

– Мне кажется, я выразился достаточно ясно, но могу
повторить: нам известно, что ты явился в банк на Хурнс-
гатан. Что ты застрелил клиента этого банка. Что тебе
удалось уйти и унести с собой девяносто тысяч крон. Это
точно установлено, и тебе нет смысла отпираться, только
хуже будет. Зато, если ты перестанешь юлить и призна-
ешься, тебе это зачтется – в какой-то мере, конечно. Но
одного признания мало, ты должен помочь полиции, рас-
сказать, как все происходило, затем – куда ты спрятал
деньги, как ушел с места преступления, кто тебе помогал.
Ну, теперь до тебя дошло?

Бульдозер прекратил разминку и снова сел за пись-
менный стол. Откинувшись в кресле, он посмотрел на
Рённа, потом на Гюнвальда Ларссона, словно ждал апло-
дисментов. Но лицо Рённа выражало только сомнение, а
Гюнвальд Ларссон ковырял в носу с отсутствующим ви-
дом. Образцовый по ясности и психологической глубине
монолог не был оценен по достоинству. «Бисер перед
свиньями», – разочарованно подумал Бульдозер и снова
повернулся к Мауритсону, в глазах которого смешались
недоумение и страх.

– Но я тут совершенно ни при чем, – горячо произнес
Мауритсон. – О каком таком ограблении вы толкуете?

– Кончай вилять. Сказано тебе – у нас есть доказа-
тельства.

– Какие доказательства? Не грабил я никаких банков и никого не убивал. Черт-те что.

Гюнвальд Ларссон вздохнул, поднялся и стал у окна, спиной к остальным.

– С таким, как он, да еще вежливо разговаривать, – процедил он через плечо. – Врезать ему по роже – сразу все уразумее.

Бульдозер жестом успокоил его.

– погоди немного, Гюнвальд.

Он уперся в стол локтями, положил подбородок на ладони и озабоченно посмотрел на Мауритсона.

– Ну так как?

Мауритсон развел руками.

– Но ведь я ничего такого не делал. Честное слово! Клянусь!

Лицо Бульдозера по-прежнему выражало озабоченность. Но вот он нагнулся и выдвинул нижний ящик стола.

– Значит, клянешься... И тем не менее я оставляю за собой право сомневаться.

Он выпрямился, бросил на стол зеленую брезентовую сумку и торжествующе уставился на Мауритсона, который глядел на сумку с явным удивлением.

– Да-да, Мауритсон, как видишь, всё налицо.

Он аккуратно разложил на столе содержимое сумки.

– Парик, рубашка, очки, шляпа и, наконец, самое главное – пистолет. Что ты скажешь теперь?

Мауритсон ошалело переводил взгляд с одного предмета на другой, внезапно он изменился в лице и застыл, бледный как простыня.

– Что это... что это значит?... – Голос его сорвался, он прокашлялся и повторил вопрос.

Бульдозер устало поглядел на него и повернулся к Рённу.

– Эйнар, проверь, пожалуйста, – свидетели здесь?

– Угу, – сказал Рённ, вставая.

Он вышел из кабинета, через несколько минут снова появился в дверях и доложил:

– Угу.

Бульдозер сорвался с места.

– Прекрасно! Сейчас мы придем.

Рённ скрылся, а Бульдозер уложил вещи обратно в сумку и сказал:

– Ну что ж, Мауритсон, тогда пройдем в другой кабинет, устроим небольшой показ моделей. Ты идешь с нами, Гюнвальд?

Он ринулся к двери, прижимая к себе сумку. Гюнвальд Ларссон последовал за ним, грубо подталкивая вперед Мауритсона.

Кабинет, в который они вошли, находился по соседству и мало чем отличался от других служебных помещений уголовной полиции. Письменный стол, стулья, шкафы для бумаг, столик для пишущей машинки. На одной стене – зеркало, оно же окно, через которое можно было наблюдать за всем происходящим из соседней комнаты.

Стоя за этим потайным окном, Эйнар Рённ смотрел, как Бульдозер помогает Мауритсону надеть голубую рубашку, натягивает ему на голову светлый парик, подает шляпу и темные очки. Мауритсон подошел к зеркалу и удивленно воззрился на свое отражение. При этом он глядел прямо в глаза Рённу, и тому даже стало не по себе, хотя он знал, что его не видно.

Очки и шляпа тоже пришлись Мауритсону в самый раз, и Рённо пригласил первого свидетеля – кассиршу из банка на Хурнsgатан.

Мауритсон стоял посреди комнаты, сумка на плече; по команде Бульдозера он начал прохаживаться взад и вперед.

Кассирша посмотрело на него, потом повернулась к Рённу и кивнула.

– Присмотритесь хорошенько, – сказал Рённо.

– Ну конечно, она. Никакого сомнения. Может быть, только брюки были поуже, вот и вся разница.

– Вы совершенно уверены?

– Абсолютно. На сто процентов.

Следующим был бухгалтер банка.

– Это она, – решительно произнес он после первого же взгляда на Мауритсона.

– Вы должны посмотреть как следует, – сказал Рённо. – Чтобы не было никакой ошибки.

Свидетель с минуту глядел, как Мауритсон ходит по комнате. – Она, точно она. Походка, осанка, волосы... могу поручиться. – Он покачал головой. – Жалко, такая симпатичная девушка.

Всю первую половину дня Бульдозер продолжал заниматься Мауритсоном; было уже около часа, когда он прервал допрос, так и не добившись признания. Правда, он не сомневался, что сопротивление Мауритсона скоро будет сломлено, – а впрочем, доказательств и без того достаточно.

Задержанному позволили созвониться с адвокатом, после чего его отправили в камеру предварительного заключения.

В целом Бульдозер был доволен достигнутым, и, наскоро проглотив в столовой рыбу с картофельным пюре, он с новыми силами приступил к следующей задаче – охоте на шайку Мурена.

Кольберг крепко потруился и сосредоточил крупные силы в двух главных точках, где ожидалось нападение: на Русенлюндсгатан и в окрестностях банка.

Мобильные отряды получили приказ быть наготове, но так, чтобы не привлекать внимания. На случай, если грабителям все же удастся улизнуть, на путях отхода устроили моторизованные засады.

В гараже и на дворе полицейского управления на Кунгсхольмене даже ни одного мотоцикла не осталось, весь колесный транспорт вывели и расположили в тактически важных пунктах города.

Бульдозер в критические минуты будет находиться в управлении, следить по радио за ходом событий и принимать участников ограбления по мере их поимки.

Члены спецгруппы разместились в самом банке и вокруг него. Кроме Рённа, которому поручили патрулировать на Русенлюндсгатан.

В два часа Бульдозер отправился на серой машине «вольво-амазон» проверять посты. В районе Русенлюндсгатан, пожалуй, было заметно обилие полицейских машин, но около банка ничто не выдавало засады. Вполне удовлетворенный увиденным, Бульдозер вернулся на Кунгсхольмсгатан, чтобы ждать решающей минуты.

И вот на часах 14:45. Однако на Русенлюндсгатан все было спокойно. Ничего не произошло и минутой позже у здания полицейского штаба. А после того, как в 14:50 не

поступило никаких тревожных сигналов из банка, стало очевидно, что большое ограбление намечено не на эту пятницу.

На всякий случай Бульдозер подождал до половины четвертого, потом дал отбой. Репетиция прошла организованно и успешно.

Он созвал спецгруппу, чтобы тщательно разобрать и обсудить операцию и решить, какие детали требуют исправления и более тщательной отработки: как-никак, в запасе есть еще целая неделя. Однако члены группы пришли к выводу, что никаких осечек не было.

Все участники операции действовали четко.

Никто не нарушил график

В надлежащую минуту каждый находился в надлежащем месте. Правда, ограбление не состоялось, но через неделю акция будет повторена с не меньшей, а то и с большей точностью и эффективностью.

Только бы Мальмстрём и Мурен не подкачали.

Между тем в эту пятницу случилось то, чего опасались больше всего. Начальник ЦПУ вообразил вдруг, что кто-то вознамерился забросать яйцами посла Соединенных Штатов. А может быть, не яйцами, а помидорами, и не посла, а посольство. А может быть, не забросать, а поджечь, и не посольство, а звездно-полосатый флаг.

Тайная полиция нервничала. Она жила в вымышленном мире, кишашем коварными коммунистами, анархистами-террористами и опасными смутьянами, которые подрывали общественные устои, протестуя против ограниченной продажи спиртного и нарушения гармоничного облика города. Информацию о мнимых левых активистах

тайная полиция получала от усташей и других фашистских организаций, с которыми охотно сотрудничала.

Начальник ЦПУ нервничал еще больше. Ибо ему было известно то, о чем не проведала тайная полиция. На скандинавском горизонте появился Рональд Рейган¹². Сей малопопулярный губернатор из США уже прибыл в Данию и позавтракал с королевой. Не исключено, что он нагрянет в Швецию, и нет никакой гарантии, что его визит удастся сохранить в тайне.

Вот почему очередная демонстрация сторонников Вьетнама пришлась как нельзя более некстати. Десятки тысяч людей возмущались бомбежкой дамб и незащищенных деревень Северного Вьетнама, который американцы престижа ради вознамерились вернуть в каменный век, и негодующая толпа собралась на Хакбергет, чтобы принять резолюцию протеста. Оттуда демонстранты намеревались пройти к посольству США и вручить свой протест дежурному привратнику.

Этого нельзя было допустить. Острота ситуации усугублялась тем, что полицеймейстер Стокгольма находился в командировке, а начальник управления охраны порядка – в отпуску.

Тысячи возмутителей спокойствия собрались в угрожающей близости от самого святого здания в городе – стеклянных чертогов американского посольства. В этом положении начальник ЦПУ принял историческое решение: он лично позаботится о том, чтобы демонстрация прошла мирно, лично увлечет за собой демонстрантов в безопасное

¹² В 1967-1975 гг. – губернатор штата Калифорния.

место, подальше от звездно-полосатого флага. Безопасным местом он считал парк Хумлегорден в центре города. Пусть прочтут там свою проклятую резолюцию и разойдутся.

Демонстранты были настроены миролюбиво и не стали артачиться. Процессия двинулась по Карлавеген на север.

Для обеспечения операции были мобилизованы все наличные полицейские силы. В числе мобилизованных был и Гюнвальд Ларссон, который, сидя в вертолете, сверху наблюдал шествие людей с лозунгами и флагами. Он отчетливо видел, что сейчас произойдет, однако ничего не мог поделать. Да и зачем?..

На углу Карлавеген и Стюрегатан колонна, движение которой направлял сам начальник ЦПУ, столкнулась с толпой болельщиков – они возвращались с Центрального стадиона, слегка подогретые винными парами и весьма недовольные бесцветной игрой футболистов. То, что было потом, больше всего напоминало отступление наполеоновских войск после Ватерлоо или визит папы римского в Иерусалим. Не прошло и трех минут, как вооруженные дубинками полицейские уже лупили налево и направо болельщиков и сторонников мира. Со всех сторон на ошарашенную толпу напирали мотоциклы и кони. Сбитые с толку демонстранты и любители футбола принялись колошматить друг друга; полицейские под горячую руку дубасили своих коллег, одетых в штатское. Начальника ЦПУ пришлось вызывать на вертолете.

Правда, не на том, в котором сидел Гюнвальд Ларссон, ибо Ларссон уже через несколько минут распорядился:

– Лети скорей, черт дери, лети куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Около сотни человек было арестовано, еще больше – избито. И никто из них не знал, за что пострадал.

В Стокгольме царил хаос.

А начальник ЦПУ по старой привычке дал команду:
– Никакой огласки!..

XXVI

Мартин Бек снова скакал верхом. Пригнувшись над гривой, он во весь опор мчался через поле, в одном строю с конниками в регланах. Впереди стояла царская артиллерия, и между мешками с песком на него смотрело в упор пушечное дуло. Знакомый черный глаз смерти. Вот навстречу ему вылетело ядро. Больше, больше... уже заполнило все поле зрения...

Это, надо понимать, Балаклавский бой¹³.

А в следующую секунду он стоял на мостике «Лайона». Только что «Неутомимый» и «Куин Мэри»¹⁴ взорвались и ушли под воду. Подбежал гонец: «Принцесс Ройял» взлетела на воздух! Битти наклонился и спокойно сказал громким голосом, перекрывшим неистовый грохот битвы: «Бек, что-то неладно сегодня с нашими кораблями, черт бы их побрал. Два румба ближе к противнику!»

Затем последовала обычная сцена с Гарфилдом и Гито, Мартин Бек соскочил с коня, пробежал через здание вок-

¹³ Балаклавский бой произошел в октябре 1854 года во время Крымской войны. Дэвид Битти – английский адмирал, во время первой мировой войны участвовал в боях у Гельгоlanda, у Доггер-банки и в Ютландском сражении.

¹⁴ «Куин Мэри» и «Куин Элизабет» (две «океанские королевы») – самые большие из всех когда-либо построенных пассажирских лайнеров.

зала и принял пулю на себя. В ту самую секунду, когда он выпускал последний вздох, подошел начальник ЦПУ, нацепил на его простреленную грудь медаль, развернул что-то вроде пергаментного свитка и прокричал: «Ты назначен начальником управления, жалование по классу Б-3».

Президент лежал ничком, цилиндр катился по перрону. Нахлынула волна жгучей боли, и Мартин Бек открыл глаза.

Он лежал мокрый от пота. Сплошные штампы, один банальнее другого... Гито сегодня опять был похож на бывшего полицейского Эрикссона, Джеймс Гарфилд – на элегантного пожилого джентльмена, начальник ЦПУ – на начальника ЦПУ, а Битти – на свой портрет, запечатленный на мемориальной кружке в честь Версальского мира: этакий надутый господин в обрамлении лаврового венка. А вообще сон и на этот раз был полон нелепостей и неверных цитат.

Дэвид Битти никогда не командовал: «Два румба ближе к противнику!» Согласно всем доступным источникам, он сказал: «Четфилд, что-то неладно сегодня с нашими кораблями, черт бы их побрал. Два румба влево!»

Правда, суть от этого не менялась, ведь два румба влево в этом случае было все равно что два румба ближе к противнику.

И еще: когда Гито приснился ему в облике Каррадина, он стрелял из пистолета «хаммерли интернешнл». Теперь же, когда он походил на Эрикссона, у него в руке был «деррингер».

Не говоря уже о том, что в Балаклавском бою один только Фицрой Джеймс Генри Сомерсет был в реглане.

В этих снах все шиворот-навыворот.

Мартин Бек поднялся, снял пижаму и принял душ.

Ежась под холодными струями, он думал о Рее.

По пути к метро он думал о своем странном поведении накануне вечером.

Сидя за письменным столом в кабинете на аллее Вестберга, он ощутил вдруг острый приступ одиночества.

Вошел Колльберг, спросил, как он поживает. Затруднительный вопрос. Мартин Бек отделался коротким:

– Ничего.

У Колльберга был совсем задерганный вид, и он почти сразу ушел. В дверях он обернулся.

– Кстати, дело на Хурнsgатан как будто выяснено. И у нас есть все шансы схватить Мальмстрёма и Мурена с поличным. Правда, не раньше следующей пятницы. А как твоя запертая комната?

– Неплохо. Во всяком случае, лучше, чем я ожидал.

– В самом деле? – Колльберг помешкал еще несколько секунд. – По-моему, сегодня ты выглядишь уже бодрее. Ну, всего.

– Всего.

Снова оставшись в одиночестве, Мартин Бек принялся размышлять о Свярдe.

Одновременно он думал о Рее.

Он получил от нее гораздо больше, чем рассчитывал, – как следователь, естественно. Целые три нити. А то и четыре.

Свярд был болезненно скуп.

Свярд всегда – ну, не всегда, так много лет – запирался на сто замков, хотя не держал в квартире ничего ценного.

Незадолго перед смертью Свард тяжело болел, даже лежал в онкологической клинике.

Может быть, у него были припрятаны деньги? Если да, то где? Может быть, Свард чего-то боялся? Если да, то чего? Что, кроме собственной жизни, оберегал он, запираясь в своей конуре?

Что за болезнь была у Сварда? Судя по обращению в онкологическую клинику – рак. Но если он был обречен, то к чему такие меры защиты?

Может быть, он кого-то остерегался? Если да, то кого?

И почему он переехал на другую квартиру, которая была и хуже, и дороже? Это при его-то скупости.

Вопросы.

Непростые, но вряд ли неразрешимые.

За два-три часа с ними не справишься, понадобятся дни. Может быть, недели, месяцы. А то и годы. Если вообще справишься. Что же все-таки показала баллистическая экспертиза? Пожалуй, с этого следует начать.

Мартин Бек взялся за телефон. Но сегодня у него что-то не ладилось: шесть раз он набирал нужный номер, и четыре раза слышал в ответ: «Минуточку!» – после чего наступала гробовая тишина. В конце концов он все-таки разыскал девушку, которая семнадцать дней назад вскрывала грудную клетку Сварда.

– Да-да, – сказала она, – теперь припоминаю. Звонил тут один из полиции насчет этой пули, всю голову мне продолбил.

– Старший инспектор Рённ.

– Возможно, не помню. Во всяком случае, не тот, который сначала вел это дело, не Альдор Гюставссон. Явно

не такой опытный, и все время мямлит «угу» да «угу».

– Ну и что же?

– Ведь я уже говорила вам в прошлый раз, полиция поначалу довольно равнодушно подошла к этому делу. Пока не позвонил этот ваш мямля, никто и не заикался о баллистической экспертизе. Я даже не знала толком, как поступить с этой пулей. Но...

– Да?

– В общем, я решила, что выбрасывать не годится, и положила ее в конверт. Туда же положила свое заключение, по всем правилам. Так, как у нас заведено, когда речь идет о настоящем убийстве. Правда, в лабораторию не стала посылать, я же знаю, как они там перегружены.

– А потом?

– Потом куда-то засунула конверт и, когда позвонили, не могла сразу найти его. Я ведь тут внештатно, у меня даже своего шкафа нет. Но в конце концов я его все-таки отыскала и отправила.

– На исследование?

– У меня нет таких прав. Но если в лабораторию поступает пуля, они, надо думать, исследуют ее, хотя бы речь шла о самоубийстве.

– Самоубийстве?

– Ну да. Я написала так в заключении. Ведь полиция сразу сказала, что речь идет о суициде.

– Ясно, буду искать дальше, – сказал Мартин Бек. – Но сперва у меня к вам будет еще один вопрос.

– Какой?

– При вскрытии вы ничего особенного не заметили?

– Как же, заметила, что он застрелился. Об этом сказано

в моем заключении.

– Да нет, я, собственно, о другом. Вы не обнаружили признаков какого-нибудь серьезного заболевания?

– Нет. Никаких органических изменений не было. Правда...

– Что?

– Я ведь не очень тщательно его исследовала. Определила причину смерти, и все. Только грудную клетку и смотрела.

– Точнее?

– Прежде всего сердце и легкие. Никаких дефектов – если не считать, что он был мертв.

– Значит, в остальном возможность болезни не исключается?

– Конечно. Все что угодно – от подагры до рака печени. Скажите, а почему вы так копаетесь? Рядовой случай, ничего особенного...

– В моих вопросах тоже нет ничего особенного.

Мартин Бек закрутился и попробовал разыскать кого-нибудь из сотрудников баллистической лаборатории. Ничего не добился и в конце концов вынужден был позвонить самому начальнику отдела, Оскару Ельму, который пользовался славой выдающегося специалиста по криминалистической технике. И малоприятного собеседника.

– А, это ты, – пробурчал Ельм. – Я-то думал, тебя сделали начальником управления... Видно, не оправдались мои надежды.

– А тебе-то что от этого?

– Начальники управлений сидят и думают о своей ка-

рьере. Кроме тех случаев, когда играют в гольф и мелют вздор по телевидению. Уж во всяком случае, они не звонят сюда и не задают пустых вопросов. Ну, что тебе нужно?

– Ничего особенного, баллистическая экспертиза.

– Ничего особенного? А поточнее можно? Нам ведь каждый недоумок какую-нибудь дрянь шлет. Горы предметов ждут исследования, а работать некому. На днях Меландер прислал бак из уборной с садового участка – определите, мол, сколько людей в него испражнялось. А бак полный до краев, его, наверно, два года не чистили.

– Да уж, неприятная история.

Фредрик Меландер прежде занимался убийствами, он много лет был одним из лучших сотрудников Мартина Бека. Но недавно его перевели в отдел краж – видимо надеясь, что он поможет разобраться в царящем там кавардаке.

– Точно, – сказал Ельм. – В нашей работе приятного мало. Если бы кто-нибудь это понимал. Начальник цепу сто лет к нам не заглядывал, а когда я весной попросился к нему на прием, он велел передать, что ближайшее время у него все расписано. Ближайшее время – а сейчас уже июль! Что ты скажешь?

– Знаю, знаю, что у вас хоть волком вой.

– Это еще мягко сказано. – Голос Ельма звучал несколько приветливее. – Ты просто не представляешь себе, что творится. И хоть бы кто посочувствовал нам, добрым словом поддержал. Черта с два.

Оскар Ельм был неисправимый брюзга, зато хороший специалист. И он был восприимчив к лести.

– Просто диво, как вы со всем управляетесь, – сказал Мартин Бек.

– Диво? – повторил Ельм совсем уже добродушно. – Это не диво, это чудо. Ну так что у тебя за вопрос по баллистической экспертизе?

– Да я насчет пули, которую извлекли из одного покойника. Фамилия убитого Свярд. Карл Эдвин Свярд.

– Ясно, помню. Типичная история. Диагноз – самоубийство. Патологоанатом прислал пулю нам, а что с ней делать, не сказал. Может, позолотить и отправить в криминалистический музей? Или это послание надо понимать как намек: дескать, отправляйся на тот свет сам, пока не пришили?

– А какая пуля?

– Пистолетная. Пистолет у тебя?

– Нет.

– Откуда же взяли, что это самоубийство?

Хороший вопрос.

Мартин Бек сделал отметку в своем блокноте.

– Какие-нибудь данные можешь сообщить?

– Конечно. Судя по всему, сорок пятый калибр, род оружия – автоматический пистолет. Правда, такие пистолеты разные фирмы делают, но если ты пришлешь гильзу, определим поточнее.

– Я не нашел гильзы.

– Не нашел? А что, собственно, делал этот Свярд после того, как застрелился?

– Не знаю.

– Вообще-то с такой пулей в груди особую прыть не разовьешь, – заметил Ельм. – Ложись да помирай, вот и весь сказ.

– Понятно, – сказал Мартин Бек. – Спасибо.

– За что?

– За помощь. И желаю успеха.

– Попрошу без этих шуточек. – Ельм положил трубку.

Что ж, один вопрос выяснен. Кто бы ни стрелял, сам Свард или кто-то другой, он действовал наверняка. Сорок пятый калибр гарантирует успех, даже если не попадешь точно в сердце.

Это ясно, а в целом – много ли дал ему этот разговор?

Пуля – это еще далеко не улика, если нет оружия или хотя бы гильзы.

Правда, выяснилась одна важная деталь. Ельм сказал, что пуля от автоматического пистолета сорок пятого калибра, а на его слова можно положиться. Итак, Свард убит из автоматического пистолета.

А в остальном все непонятно по-прежнему.

Свард не мог покончить с собой, и никто другой не мог его убить.

...Мартин Бек продолжал поиск.

Он начал с банков, зная по опыту, что на них уйдет уйма времени. Правда, в Швеции не ахти как строго с тайной вкладов, но очень уж много финансовых учреждений, к тому же годовой процент невысок, и мелкие вкладчики предпочитают банки соседних стран, особенно Дании.

Мартин Бек не давал передышки телефону.

Говорят из полиции. По поводу такого-то, проживающего по адресу такому-то или такому-то... личный индекс... Просим сообщить, не открывал ли он у вас личный счет, не было ли у него абонентского ящика.

Вопрос сам по себе несложный, но пока всех обзовишь... А тут еще пятница и конец рабочего дня. Раньше

понедельника-вторника ответов не жди.

Кроме того, надо бы позвонить в больницу, где лежал Свард, но это дело Мартин Бек сразу отложил на понедельник.

Его рабочий день тоже подходил к концу.

В Стокгольме в это время царил полный хаос, полиция была в истерике, многочисленные толпы – в панике.

Но Мартин Бек об этом не подозревал. В его окно из всей Северной Венеции было видно только дышащее мизмами шоссе да промышленные комплексы. Словом, вид не более отвратительный и отталкивающий, чем всегда.

В семь часов он все еще сидел в своем кабинете, хотя рабочий день кончился два часа назад и сегодня он больше ничего не мог сделать для следствия.

Наиболее осязаемым итогом дня была метина на указательном пальце правой руки от усердного вращения телефонного диска.

Завершая служебные дела, он поискал в телефонной книге Рею Нильсен. Нашел и уже хотел набрать ее номер, но поймал себя на том, что не знает, о чем ее спросить, во всяком случае по поводу Сварда.

И нечего себя обманывать: служба тут ни при чем.

Просто он хотел убедиться, дома ли Рея, и задать ей только один незатейливый вопрос.

Можно зайти?

Мартин Бек снял руку с аппарата и поставил телефонные книги на место. Потом навел порядок на столе, выбросил ненужные бумажки, аккуратно сложил карандаши.

Все это он делал тщательно, не спеша и ухитрился растянуть уборку чуть ли не на полчаса. И еще полчаса

возился с испорченной шариковой ручкой, прежде чем решил, что ее уже не починишь, и выбросил в корзину.

Здание еще не опустело, он слышал, как по соседству двое коллег спорят о чем-то на повышенных тонах.

Его не интересовало, о чем они спорят.

Выйдя на улицу, Мартин Бек зашагал к метро «Мидсоммаркрансен». Ему пришлось довольно долго ждать, прежде чем подошли зеленые вагоны, снаружи очень аккуратные, а внутри изуродованные хулиганами – сиденья изрезаны, ручки оторваны или отвинчены.

В Старом городе он сошел и направился к своему дому.

Дома, надев пижаму, поискал пива в холодильнике и вина в шкафу, хотя знал, что ни того, ни другого нет.

Открыл банку русских крабов и сделал два бутерброда. Откупорил бутылку минеральной воды. Поел. Ужин как ужин, совсем даже неплохой, но уж больно тоскливо сидеть и жевать в одиночестве... Правда, позавчера было точно так же тоскливо, но тогда его это почему-то меньше трогало. Чтобы чем-то заняться, Мартин Бек взял с полки одну из многих еще не прочитанных книг. Это оказалась беллетризованная история битвы в Яванском море, автор Рэй Паркинс. Лежа в постели, он быстро ее одолел и заключил, что книжка плохая. И зачем только ее переводили на шведский? Кстати, какое издательство? «Норстедтс» – странно.

Сэмюэл Элиот Морисон в своей «Войне на двух океанах» на девяти страницах сумел о том же написать куда толковее и ярче, чем Паркинс на двухстах пятидесяти семи.

Засыпая, Мартин Бек думал о макаронах с мясным соусом. И поймал себя на том, что ждет завтрашнего дня с

чувством, смахивающим на предвкушение.

А так как чувство это было ничем не оправдано, бес-
содержательность субботы и воскресенья показалась ему
особенно невыносимой. Впервые за несколько лет одино-
чество превратилось в нестерпимую муку. Дома не сиде-
лось, и в воскресенье он даже совершил прогулку на па-
роходике до Мариефред, но это не помогло. Он и на воль-
ном воздухе чувствовал себя словно взаперти. Что-то в его
жизни крепко не ладилось, и он не хотел больше с этим
мириться, как мирился прежде. Глядя на других людей,
Мартин Бек догадывался, что многие из них пребывают в
таком же тупике, но то ли не осознают этого, то ли не хотят
осознавать.

В понедельник утром во сне он опять скакал верхом.
Гито был похож на Каррадина и держал в руке автомати-
ческий пистолет сорок пятого калибра. А когда Мартин Бек
выполнил свой жертвенный ритуал, к нему подошла Рея
Нильсен и спросила: «Ты ничего лучшего не мог придум-
ать?» Придя в свой кабинет на аллее Вестберга, он снова
взялся за телефон. Начал с онкологической клиники. И с
великим трудом добился ответа, из которого мало что
можно было извлечь.

Свярд был госпитализирован в понедельник шестого
марта. Но уже на другой день его направили в инфекци-
онное отделение больницы Сёдер.

Почему?

— На этот вопрос теперь не так-то легко ответить, —
сказала секретарша, отыскав наконец в регистрационных
книгах фамилию Свярда. — Очевидно, случай не по нашему
профилю. Истории болезни нет, есть только пометка, что

он поступил с направлением от частного врача.

– А что за врач?

– Некий доктор Берглюнд, терапевт. Кстати, вот и направление, только разобрать ничего нельзя, вы же знаете, как врачи пишут. Вдобавок ксерокопия плохая.

– Адрес тоже не разобрать?

– Адрес врача? Уденгатан, тридцать.

– Ну вот видите, что-то все же разобрали.

– Штемпель, – лаконично ответила секретарша.

У доктора Берглюнда автоматический ответчик сообщил, что прием временно прекращен, до пятнадцатого августа.

Ну конечно, доктор в отпуске.

Но Мартина Бека никак не устраивало ждать больше месяца, чтобы узнать, чем болел Свяд.

Он набрал один из номеров больницы Сёдер. Больница эта большая, ее телефоны вечно заняты, и он потратил почти два часа, прежде чем выяснил, что Карл Эдвин Свяд действительно находился в инфекционном отделении в марте месяце, а именно со вторника, седьмого числа, по субботу, восемнадцатого, после чего, судя по всему, отбыл домой.

Но с каким заключением его выписали – здоров?.. Смертельно болен?..

На этот вопрос он никак не мог добиться ответа: заведующий отделением занят, не может подойти к телефону.

Придется опять самому трогаться в путь...

Мартин Бек доехал на такси до больницы и, поблуждав немного, отыскал нужный коридор.

Еще через десять минут он сидел в кабинете человека, коему положено было знать все о состоянии здоровья

Свярда.

Это был мужчина лет сорока, небольшого роста, волосы темные, глаза неопределенного цвета – серо-голубые с зелеными и светло-коричневыми искорками. Пока Мартин Бек искал в карманах несуществующие сигареты, врач, надев очки в роговой оправе, углубился в бумаги. Десять минут прошло в полном молчании, наконец он сдвинул очки на лоб и посмотрел на посетителя.

– Ну, так. Что же вы хотели узнать?

– Чем болел Свярд?

– Ничем.

С минуту Мартин Бек осмысливал это несколько неожиданное заявление. Потом спросил:

– Почему же он пролежал тут почти две недели?

– Точнее, одиннадцать суток. Мы провели тщательное обследование. Были некоторые симптомы, было направление от частного врача.

– Доктора Берглюнда?

– Совершенно верно. Пациент считал себя тяжело больным. Во-первых, у него были две шишки на шее, во-вторых, в области живота слева – опухоль. Она легко прощупывалась, и, как часто бывает в таких случаях, пациент решил, что у него рак. Обратился к частному врачу, тот нашел симптомы тревожными. Но ведь частные врачи обычно не располагают необходимым оборудованием, чтобы диагностировать такие случаи. Да и не всегда квалификация достаточная. В этом случае был поставлен неверный диагноз, и пациента скоропалительно направили в онкологическую клинику. А там сразу выяснилось, что пациент не прошел обследования, и его перевели к нам. Ну

а обследование дело серьезное, надо было взять не один анализ.

– И вывод гласил, что Свярд здоров?

– Практически здоров. Насчет шишек на шее мы сразу его успокоили – обыкновенные жировики, ничего опасного. Опухоль в области живота потребовала более серьезного исследования. Мы, в частности, произвели общую аортографию, рентген всего пищеварительного тракта. А также биопсию печени...

– Это что такое?

– Биопсия печени? Попросту выражаясь, в бок пациента вводят трубочку и отделяют кусочек печени. Кстати, это исследование я сам проводил. Затем взятый образец направили в лабораторию и проверили на раковые клетки. Так вот, ничего похожего мы не нашли. Опухоль оказалась изолированной кистой на колон...

– Простите, как вы сказали?

– На кишке. Словом, киста. Ничего серьезного. Ее можно было удалить хирургическим путем, но мы посчитали, что в таком вмешательстве нет нужды. Пациент не испытывал никаких неудобств. Правда, он утверждал, что у него прежде были сильные боли, но они явно носили психосоматический характер.

Врач остановился, посмотрел на Мартина Бека, как глядят на детей и малограмотных, и пояснил:

– Попросту говоря, самовнушение.

– Вы лично общались со Свярдом?

– Конечно. Я каждый день с ним разговаривал, и перед его выпиской у нас состоялась долгая беседа.

– Как он держался?

– Первое время все его поведение определялось мыс-

лями о мнимой болезни. Он был уверен, что у него неизлечимый рак и дни его сочтены. Думал, что ему осталось жить от силы месяц.

– Что ж, он угадал, – вставил Мартин Бек.

– В самом деле? Попал под машину?

– Застрелен. Возможно, покончил с собой.

Врач снял очки и задумчиво протер их уголком халата.

– Второе предположение кажется мне совсем невероятным.

– Почему?

– Как я уже сказал, перед выпиской Свярга у меня была с ним долгая беседа. Когда он убедился, что здоров, у него словно гора с плеч свалилась. Прежде он был страшно подавленный, а тут совсем переменялся, сразу повеселел. Еще до этого мы установили, что его боли исчезают от самых простых средств. От таких таблеток, которые, между нами говоря, вовсе не являются болеутоляющими.

– Значит, по-вашему, он не мог покончить с собой?

– Не такая натура.

– А какая у него была натура?

– Я не психиатр, но на меня он произвел впечатление человека сурового и замкнутого. Персонал жаловался на него – придирается, брюзжит... Но это все проявилось уже в последние дни, после того, как он понял, что у него нет ничего опасного.

Подумав, Мартин Бек спросил:

– Вы не знаете, его здесь никто не навещал?

– Чего не знаю, того не знаю. Вообще-то он говорил мне, что у него нет друзей.

Мартин Бек встал.

– Спасибо. Тогда, пожалуй, все. До свидания.

Он был уже в дверях, когда врач вдруг сказал:

– Кстати, насчет друзей и посещений...

– Да?

– Понимаете, какой-то родственник Сварда – его племянник, звонил как-то во время моего дежурства и спрашивался о здоровье дяди.

– И что вы ответили?

– Он позвонил как раз, когда мы закончили обследование. И я сразу обрадовал его, ответил, что Свард здоров, проживет еще много лет.

– Ну и как он реагировал?

– Судя по голосу, удивился. Очевидно, Свард не только себя, но и его убедил, что тяжело болен и не выйдет живым из больницы.

– Этот племянник как-то назвался?

– Наверно, но я не запомнил фамилию.

– Я сейчас вот о чем подумал, – сказал Мартин Бек. – Разве не заведено, чтобы пациент сообщал фамилию и адрес кого-нибудь из родных или знакомых на случай...

Он не договорил.

– Совершенно верно. – Врач надел очки. – Сейчас посмотрим... Тут должно быть написано. Точно, есть.

– Кто же это?

– Рея Нильсен.

Глубоко задумавшись, Мартин Бек шел через парк Тантулюнден. Его не ограбили, даже не оглушили ударом по голове; правда, в кустах кругом лежало множество пьяниц, очевидно ожидающих, когда кто-нибудь возьмется их опекать.

А задуматься было о чем.

У Карла Эдвина Сварда не было ни братьев, ни сестер. Откуда же взялся племянник?

У Мартина Бека появился повод навестить на Тюлегатан, и он направился было туда.

Но, доехав на метро до станции «Центральная», он передумал и, вместо того чтобы сделать пересадку, возвратился на две остановки назад. Выйдя на станции «Слюссен», не спеша побрел по набережной Шеппсбрун. Может быть, сегодня есть на что поглядеть?

Но красивых пароходов не было.

Внезапно он почувствовал, что проголодался. Магазины уже закрылись, пришлось зайти в ресторан. Мартин Бек заказал окорок с гарниром и приступил к еде под градом любопытных взглядов – иностранные туристы истязали официантов дурацкими вопросами, кто и чем знаменит из присутствующих. Годом раньше о Мартине Беке довольно много писали, но люди быстро забывают, и слава его уже померкла.

Расплачиваясь, он сразу ощутил, что давно не был в ресторане. Ибо за время его вынужденного воздержания и без того баснословные цены подскочили еще выше.

Придя домой, Мартин Бек долго бродил по квартире в отвратительнейшем настроении, прежде чем взял очередную книгу и лег. Книга была недостаточно скучной, чтобы усыпить его, и недостаточно интересной, чтобы прогнать сон. Часов около трех он встал и принял две таблетки снотворного, от чего обычно старался воздерживаться. Быстро уснул и проснулся совсем разбитый, хотя спал дольше обычного и на этот раз обошлось без снов.

Явившись на службу, он начал рабочий день с того, что внимательно проштудировал все свои записи. Этого занятия ему хватило до второго завтрака – чашки чая и двух сухарей.

Перекусив, он сходил в туалет и вымыл руки.

Когда он вернулся в кабинет, зазвонил телефон.

– Комиссар Бек? – спросил мужской голос.

– Да.

– Говорят из Торгового банка.

Голос объяснил, из какого отделения звонят, и продолжал:

– Мы получили запрос относительно клиента по фамилии Свяд, Карл Эдвин Свяд.

– Да, слушаю.

– У нас открыт счет на его имя.

– На счету есть деньги?

– Да, и сумма довольно крупная.

– Сколько?

– Около шестидесяти тысяч. Вообще...

Говорящий замялся.

– Ну, что вы хотели сказать? – подбодрил Мартин Бек.

– Вообще, я бы сказал, счет какой-то странный.

– Бумаги у вас под рукой?

– Конечно.

– Я могу сейчас приехать и взглянуть на них?

– Разумеется. Спросите бухгалтера Бенгтсона.

Мартин Бек был рад немного размяться. Отделение банка находилось на углу Уденгатан и Свеавеген, и, несмотря на оживленное движение, он добрался туда за каких-нибудь полчаса.

Ему отвели столик за стойкой, и, просматривая бумаги, он подумал, что есть все-таки что-то положительное в порядках, позволяющих полиции и прочим властям бесцеремонно копаться в личных делах граждан.

Что верно, то верно: странный счет.

— Обращает на себя внимание тот факт, что клиент предпочел чековый счет, — сказал бухгалтер. — Было бы естественнее выбрать такую форму вклада, которая дает более высокий процент.

Справедливое замечание, но Мартина Бека больше заинтересовала регулярность взносов. Ежемесячно поступало семьсот пятьдесят крон, причем всегда между пятнадцатым и двадцатым числами.

— Насколько я понимаю, — сказал Мартин Бек, — деньги вносились не здесь.

— Совершенно верно, ни одного вклада не сделано у нас. Вот, посмотрите, каждый взнос оформлен в другом отделении, часто даже не нашего банка. Технически это никакой роли не играет, все равно ведь деньги поступают сюда, на счет Сварда. Но постоянная смена касс, похоже, не случайна.

— Вы хотите сказать, что Свард перечислял деньги сам, но так, чтобы оставаться неизвестным?

— Да... Скорее всего. Когда перечисляешь деньги на свой счет, необязательно указывать фамилию отправителя.

— Но ведь бланк все равно надо заполнять?

— Как когда. Очень часто клиент просто вручает деньги кассиру и просит оформить перевод. Не все умеют бланки заполнять, тогда кассир вписывает фамилию адресата, номер личного счета, расчетный счет. Это предусмотрено

правилами сервиса.

– А дальше что?

– Клиент получает копию бланка в качестве квитанции. Когда клиент перечисляет деньги на собственный счет, банк не шлет ему извещения. Вообще уведомления посылают только в том случае, если клиент об этом просит.

– Понятно, а куда попадают оригиналы бланков?

– В наш центральный архив.

Мартин Бек медленно провел пальцем вдоль колонки цифр.

– Свярд ни разу не брал денег со своего счета? – спросил он.

– Нет, и это мне кажется самым странным. Ни одного чека не выписал. А когда я стал проверять, выяснилось, что он даже чековой книжки не брал, во всяком случае последние несколько лет.

Мартин Бек потер переносицу. На квартире Свярда не нашли ни чековой книжки, ни уведомлений, ни копий бланков перечислений.

– Кто-нибудь из здешнего отделения знает Свярда в лицо?

– Нет, мы его никогда не видели.

– Когда открыт счет?

– Судя по всему, в апреле тысяча девятьсот шестьдесят шестого.

– И с тех пор ежемесячно поступало семьсот пятьдесят крон?

– Да. Правда, последний взнос получен шестнадцатого марта сего года. – Заведующий заглянул в свой календарик. – Это был четверг. А в апреле ничего не поступило.

– Это объясняется очень просто, – сказал Мартин Бек. – Свярд умер.

– Что вы говорите... Нас не известили. Обычно в таких случаях к нам обращаются претенденты на наследство.

– Ну, в этом случае претендентов не было.

Чиновник озадаченно посмотрел на него.

– Зато теперь будут, – добавил Мартин Бек. – Всего доброго.

Лучше не задерживаться, пока кто-нибудь не надумал ограбить этот банк. Если при нем произойдет налет, как пить дать привлекут его в спецгруппу.

Откомандируют... Отрядят...

Как бы то ни было, дело повернулось новой стороной. Семьсот пятьдесят крон в месяц, шесть лет подряд! Как говорится, постоянный доход. И поскольку Свярд ничего не расходовал, на таинственном счету накопилась изрядная сумма. Пятьдесят четыре тысячи крон плюс проценты.

Для Мартина Бека это были большие деньги.

Для Свярда, надо думать, и того больше: целое состояние.

Так что Рея была не так уж далека от истины, когда говорила про деньги в матрасе. Вся разница в том, что Свярд поступил более рассудительно, в духе времени.

Новый поворот подсказывал и новые пути поиска.

Для начала надо, во-первых, потолковать с налоговыми органами, во-вторых, взглянуть на бланки перечислений, если они и впрямь сохранились.

Налоговое управление не располагало никакими данными о Свярде. Когда речь идет о бедняках, каким его

считали, власти ограничиваются утонченной формой эксплуатации, которая выражается в наценке на продовольственные товары и сильнее всего бьет по карману тех, у кого карман и без того самый тощий.

Мартин Бек буквально слышал в телефонной трубке, как налоговый инспектор облизывается при мысли о пятидесяти четырех тысячах крон, оставшихся без хозяина. Уж он найдет способ конфисковать эти деньги, даже если окажется, что Свярд ухитрился нажить их, как выражались когда-то, честным путем – скажем, упорным трудом.

Да только вряд ли эти деньги заработаны честным трудом, а накопить такую сумму при той пенсии, какую получал Свярд, невысказанно.

Так, а что же с бланками перечислений?..

В центральном отделении Торгового банка быстро отыскивали двадцать два последних бланка – всего их, если он верно посчитал, было семьдесят два, – и в тот же день Мартин Бек держал в руках заветные бумажки. Все бланки оформлены в разных отделениях, и каждый заполнен другой рукой – несомненно, рукой кассира. Конечно, этих людей можно разыскать и спросить, помнят ли они клиента. Колоссальный труд, который, скорее всего, ничего не даст.

Кто в состоянии вспомнить человека, который много месяцев назад перечислил на свой чековый счет семьсот пятьдесят крон?

Ответ: никто.

...И вот Мартин Бек сидит у себя дома и пьет чай из мемориальной кружки.

Н-да, будь таинственный вкладчик похож на фельд-маршала Хейга, его бы кто угодно запомнил.

Но кто похож на фельдмаршала Хейга? Никто. Ни в одном фильме, ни в одной театральной постановке, даже самой реалистичной, не удалось добиться удовлетворительного сходства.

Мартин Бек снова был не в своей тарелке. Опять душа не на месте, опять муторно, но теперь это отчасти объяснялось тем, что он никак не мог выкинуть из головы служебные дела.

Свярд.

Эта дурацкая запертая комната.

Таинственный вкладчик.

Вот именно, таинственный вкладчик. Кто он? Неужели все-таки сам Свярд?

Нет.

Трудно поверить, чтобы Свярд стал так мудрить.

И невозможно представить себе, чтобы обыкновенный складской рабочий сам додумался завести чековый счет в банке.

Нет, деньги перечислял кто-то другой. По-видимому, мужчина – очень уж сомнительно, чтобы в банк пришла женщина, назвалась Карлом Эдвином Свярдом и сказала, что хочет перечислить семьсот пятьдесят крон на свой чековый счет.

И вообще, с какой стати кто-то переводил Свярду деньги?

Этот вопрос пока что повисал в воздухе.

Кроме того, есть еще одна непонятная фигура.

Загадочный племянник.

Но невидимка номер один – человек, который то ли в апреле, то ли в начале мая ухитрился застрелить Свярда,

хотя тот забаррикадировался в запертой изнутри комнате, как в крепости.

А может быть, эти трое неизвестных – на самом деле одно лицо? Вкладчик, племянник, убийца?

Да, есть над чем поломать голову.

Мартин Бек отодвинул кружку и поглядел на часы. Быстро время пролетело – уже половина десятого. Пойти куда-нибудь поздно.

Да и куда идти?

Мартин Бек поставил пластинку Баха и включил проигрыватель.

Потом лег в постель.

Он продолжал размышлять. Если отвлечься от всех пробелов и вопросительных знаков, из того, что уже известно, можно составить версию. Племянник, вкладчик и убийца – один человек. Свярд был мелким шантажистом и шесть лет принуждал этого человека платить ему семьсот пятьдесят крон в месяц, однако из-за болезненной скупости ничего не тратил. Его жертва продолжала платить год за годом, пока не лопнуло терпение.

Представить себе Сварда в роли шантажиста не так уж трудно. Но у шантажиста должны быть какие-то козыри против того, у кого он вымогает деньги.

В квартире Сварда ничего такого не нашли.

Конечно, он мог завести для своих секретов абонентский ящик в банке. Если так, полиция об этом скоро узнает.

Суть в том, что шантажист должен располагать какой-то информацией.

Где мог складской рабочий добыть такую информацию?

Там, где он работал.

Или там, где жил.

Насколько известно, Свярд в общем-то больше нигде и не бывал.

Только дома и на работе.

Но в июне 1966 года Свярд оставил работу. За два месяца до этого на его чековый счет поступил первый взнос.

Стало быть, началось все больше шести лет назад. А чем занимался Свярд после этого?

Когда Мартин Бек проснулся, пластинка все еще крутилась. Может быть, ему что-то и приснилось, но память ничего не сохранила.

Среда, новый рабочий день, и совершенно ясно, с чего он должен начаться.

С прогулки.

Нет, не до метро. В кабинет на аллее Вестберга Мартина Бека не тянуло, и сегодня у него были вполне уважительные причины не являться туда.

Вместо этого он решил побродить по набережным. Сперва – по Шеппсбрун, потом, перейдя мост у Слюссена, свернуть на восток вдоль Стадсгорден.

Он всегда очень любил эту часть Стокгольма. Особенно в детстве, когда у причалов стояли пароходы с товарами из дальних стран. Теперь редко увидишь настоящие океанские корабли, их заменили паромы для любителей выпивки с Аландских островов. Хороша замена... И вымирает старая гвардия докеров и моряков, без которых гавань совсем не та.

Сегодня настроение Мартина Бека заметно отличалось от вчерашнего. Он получал удовольствие от прогулки,

шагал быстро, целеустремленно, думая о своем.

Эти упорные слухи о предстоящем повышении... Вот уж нехстати. До прискорбной оплошности, допущенной им пятнадцать месяцев назад, Мартин Бек пуще всего на свете боялся такой должности, которая прикует его к письменное столу. Он всегда предпочитал работать, как говорится, на объекте, дорожил возможностью приходить и уходить, когда заблагорассудится.

Мысль о большом кабинете – длинный стол, две картины на стенах (подлинники), вращающееся кресло, мягкие кресла для посетителей, фабричный ковер с длинным ворсом, личный секретарь – эта мысль сегодня страшила его куда больше, чем неделю назад. Не потому, что он наконец поверил слухам, а потому, что он вдруг перестал безразлично относиться к последствиям такого варианта. В конце концов, может быть, не все равно, как сложится его жизнь в дальнейшем...

Полчаса быстрого хода – и вот он у цели.

Старый пакгауз был явно обречен на снос, он не годился для контейнерных перевозок и вообще не отвечал современным требованиям.

Ничего похожего на кипучую деятельность... Закуток для заведующего складом – пуст, стекла, через которые сей начальник некогда наблюдал за работой, – пыльные. Одно и вовсе разбито. Календарь на стене – двухлетней давности.

Рядом с горкой штучного груза стоял электропогрузчик, а позади него Мартин Бек увидел двух рабочих, один был в оранжевом комбинезоне, другой в сером халате.

Первый – совсем молодой, другому можно было на вид дать все семьдесят. И скорее всего, ошибиться. Они сидели

на пластиковых канистрах, между ними стоял опрокинутый ящик. Младший покуривал, читая вчерашнюю вечернюю газету, старший ничем не занимался.

Рабочие безучастно посмотрели на Мартина Бека; правда, младший выплюнул окурочок и растер его каблуком.

– Курить в пакгаузе, – покачал головой старший. – Да знаешь, что тебе за это было бы...

– ...раньше, – кисло договорил за него младший. – Так ведь то раньше, а мы живем теперь, или ты этого до сих пор не усек, старый хрыч?

Он повернулся к Мартину Беку.

– А вам что тут надо? Посторонним вход воспрещен. Вон и на двери написано. Или читать не умеете?

Мартин Бек вытащил бумажник и показал удостоверение.

– Легавый, – процедил младший.

Старик ничего не сказал, но уставился в землю и отхаркнулся, словно для плевок.

– Вы здесь давно работаете?

– Семь дней, – сказал младший. – И завтра конец, уж лучше вернусь на грузовой автовокзал. А вам-то какое дело?

Не дождавшись ответа, парень добавил:

– Здесь скоро вообще всему конец. А дед вот помнит еще времена, когда в этой чертовой развалюхе вкалывало двадцать пять работяг и два десятника покрикивали. За эту неделю он мне об этом раз двести толковал. Верно, дед?

– Тогда он, наверно, помнит рабочего по фамилии Свярд. Карл Эдвин Свярд.

Старик поднял на Мартина Бека мутные глаза.

– А что стряслось? Я ничего не знаю.

Все ясно: из конторы уже передали, что полиция ищет кого-нибудь, кто помнит Сварда.

– Умер он, Свард, умер, давно похоронили, – ответил Мартин Бек.

– Помер? Вот оно что... Ну тогда я его помню.

– Не заливай, дед, – вмешался парень. – А кого Юханссон на днях расспрашивал? Небось тогда ты ничего не помнил. У тебя паутина в мозгах.

Видно, он решил, что Мартина Бека можно не опасаться, потому что спокойно закурил новую сигарету и продолжал:

– Я вам точно говорю, дед из ума выжил. На следующей неделе увольняют, с Нового года будет пенсию получать. Если доживет.

– У меня с памятью все в порядке, – оскорбленно возразил старик. – И уж кого-кого, а Калле Сварда я хорошо помню. Да только мне никто не говорил, что он помер.

Мартин Бек молча слушал.

– На том свете и фараон тебя не достанет, – философски заключил старик.

Парень встал, взял канистру и зашагал к воротам.

– Скорей бы этот чертов грузовик пришел, – пробурчал он. – А то в этом доме престарелых сам плесенью обрас-тешь.

Он вышел на солнце и сел там.

– Что за человек он был, этот Калле Свард? – спросил Мартин Бек.

Старик покачал головой, опять отхаркался и чуть не попал плевком в ботинок Мартина Бека.

– Какой человек? Это все, что тебе надо знать?

– Все.

– А он точно помер?

– Точно.

– В таком случае разрешите доложить, что Калле Свьярд был первый подонок во всей этой дерьмовой стране. То есть я другого такого подонка не встречал.

– В каком смысле?

Старик разразился дребезжащим смехом.

– А в любых смыслах. За всю мою жизнь не припомню хуже человека, а ведь я семь морей повидал – йес, сэр. Уж на что этот вот сопляк – тунядец, а с Калле Свьярдом не сравнится. И ведь хорошая профессия наша была, так они ее во что превратили...

Он кивнул в сторону двери.

– Что же в нем такого особенного было, в этом Свьярде?

– Особенного? Да уж что верно, то верно – лентяй он был особенный, другого такого мастера отлынивать не сыщешь. А еще скупердяй, каких свет не видел, и никудышный товарищ. От него, хоть бы ты помирал, глотка воды не дождался бы.

Он помолчал, затем плутовато добавил:

– Правда, кое в чем он был молодец.

– Например?

Старик отвел глаза, помялся, потом сказал:

– Например? Да хоть лизать корму начальству. И спихивать на других свою работу. Больным прикидываться. Опять же инвалидность ухитрился вовремя получить, не стал дожидаться, когда его уволят.

Мартин Бек сел на ящик.

– А ведь ты не это хотел сказать.

– Я?

– Да, ты.

– А Калле точно отдал концы?

– Умер. Честное слово.

– Откуда у фараона честное слово... И вообще, негоже покойника охаивать, хотя, по-моему, это не так уж важно, только бы ты с живыми по совести обращался.

– Подписываюсь двумя руками, – сказал Мартин Бек. – Ну так в чем же Калле Свядр был молодец?

– А в том, что знал он, какие ящики разбивать. Но все норовил в сверхурочные часы, чтобы не делиться.

Мартин Бек встал. Так, вот и еще один факт – и наверно, единственный, которым располагает этот старик. Умение разбивать нужные ящики всегда играло важную роль в этой профессии, и тонкости этого дела держались в строгой тайне. Чаще всего страдали при перевозке спиртное, табак и продукты. Ну и, разумеется, всякие мелкие изделия, которые несложно унести и сбыть.

– Ну вот, – сказал старик, – сорвалось с языка. Ладно... Узнал, что надо, – и сразу сматываешься. Давай, всего, приятель.

Карл Эдвин Свядр не пользовался любовью товарищей, но, пока он жил, с ним обращались по совести...

– Всего, – повторил старик. – Счастливого пути.

Мартин Бек уже шагнул к двери и открыл рот, чтобы поблагодарить и попрощаться, но передумал и снова сел на ящик.

– А что, посидим еще, потолкуем?

– Чего-чего? – недоверчиво вымолвил старик.

– Вот только жаль, пива нет. Но я могу сходить.

Старик вытаращил глаза. Унылое выражение смени-

лось на его лице удивлением.

– Нет, ты правда?.. Потолковать... со мной?

– Ну да.

– Так у меня есть. Пиво есть. Вот, под ящиком, ты на нем сидишь.

Мартин Бек приподнялся, и старик достал из-под ящика две банки пива.

– Плачу? – спросил Мартин Бек.

– Плати, коли хочется. А можно и так.

Мартин Бек протянул ему пятерку и снова сел.

– Так говоришь, по морям плавал, – сказал он. – И когда же ты первый раз в рейс пошел?

– В девятьсот двадцать втором, из Сундсвалля. Судно называлось «Фрам». А фамилия шкипера была Янссон. Ох и злыдень был...

Когда они откупорили по второй банке, вошел водитель электропогрузчика. И сделал большие глаза:

– Вы в самом деле из полиции?

Мартин Бек промолчал.

– Да вас самих не мешало бы привлечь, – заключил парень и опять вышел.

Мартин Бек ушел только через час с лишним, когда к пакгаузу наконец подъехал грузовик.

Этот час не был брошен на ветер. У старых рабочих есть что порассказать, даже странно, что почти никому нет до них дела. Взять хоть этого старика – сколько он повидал и пережил на суше и на море. Вот кого надо приглашать на радио, на телевидение, в газету! Послушали бы политики и технократы таких ветеранов – наверно, удалось бы избежать многих катастрофических просчетов в вопросах труда

и охраны среды...

И в деле Свярда появилась еще одна ниточка, которую не мешало бы размотать.

Но сейчас Мартин Бек был не в состоянии этим заниматься. Он не привык выпивать три банки пива на пустой желудок, и последствия уже сказывались – сверлящая головная боль и легкое головокружение.

Ничего, это вполне излечимо.

Около Слюссена он сел на такси и доехал до Центральных бань. Провел четверть часа в сауне, передохнул, добавил еще десяток минут, побарахтался в бассейне с холодной водой и в заключение подремал часок на топчане в своей кабине.

Лечебная процедура произвела желаемое действие, и Мартин Бек был в отличной форме, когда после ленча вошел в контору экспедиторского агентства на набережной Шеппсбрун.

Он понимал, что с его вопросом не приходится рассчитывать на особенную отзывчивость. И не ошибся.

– Повреждения грузов при перевозке?

– Вот именно.

– Конечно, без повреждений не обходится. Вам известно, сколько тонн в год мы обрабатываем?

Риторический вопрос. От него явно хотели поскорее отделаться, но он не собирался отступать.

– Разумеется, теперь, при новой технике, повреждения случаются реже, но зато, если что-то повредят, потери намного больше. Контейнерные перевозки...

Но Мартина Бека не занимали контейнерные перевозки. Ему надо было знать, что могло случиться, когда на складе

работал Свяд.

– Шесть лет назад?

– Шесть, семь... Давайте возьмем шестьдесят пятый и шестьдесят шестой годы.

– Вы посудите сами, можем ли мы ответить на такой вопрос? Я вам уже сказал, что в старых пакгаузах повреждения случались чаще. И бывало, что ящики разбивались, но ведь на то и страховка, чтобы покрывать такие потери. С рабочих редко взыскивали. Кого-то иногда приходилось увольнять, не без этого, но в основном временных. И вообще совсем без повреждений обойтись было невозможно.

Мартину Беку не было дела до увольнений. Его интересовало другое: регистрировались ли где-нибудь повреждения грузов с указанием непосредственного виновника.

Конечно, десятник делал соответствующую запись в амбарной книге.

А сохранились амбарные книги за те годы?

Надо думать, сохранились.

Где они могут быть?

В каком-нибудь старом ящике на чердаке. Там невозможно что-нибудь найти. Сейчас ничего не выйдет.

Фирма существовала не один десяток лет, и ее главная контора всегда находилась в этом здании в Старом городе. Так что бумаги впрямь должно было накопиться немало.

Мартин Бек продолжал настаивать, и на него смотрели все более недобрыми глазами. Но это входило в издержки производства. После непродолжительной дискуссии, что понимать под словом «невозможно», было решено, что простейший способ избавиться от настырного гостя — уступить.

На чердак послали молодого человека, который почти сразу вернулся с пустыми руками и удрученным лицом. Мартин Бек отметил, что на пиджаке молодого человека нет даже следов пыли, и вызвался сам сопровождать его в повторной вылазке.

На чердаке было очень жарко, и в солнечных лучах плясали пылинки, но в общем-то ничего страшного, и через полчаса они нашли нужный ящик. Папки были старого типа, картонные, с коленкорovým корешком. На ярлычках – номер пакгауза, год. Всего набралось пять папок с нужным номером и надлежащей датировкой – от второй половины шестьдесят пятого до первой половины шестьдесят шестого года.

Молодой клерк утратил свой опрятный вид, его пиджак просился в химчистку, все лицо было в грязных потеках.

В конторе на папки посмотрели с удивлением и неприязнью.

Нет-нет, никаких расписок не надо, и возвращать папки не обязательно.

– Надеюсь, я не очень много хлопот причинил, – учтиво сказал Мартин Бек.

Когда он удалился, зажав добычу под мышкой, его провожали холодные взгляды.

Да, похоже, его визит не прибавил популярности самому большому в стране бюро услуг – как недавно выразился о полиции начальник ЦПУ, чем привел в немалое замешательство даже собственных подчиненных.

Добравшись до аллеи Вестберга, Мартин Бек первым делом отнес папки в туалет и стер с них пыль. Потом умылся сам, после чего сел за свой стол и углубился в до-

кументы.

Когда он приступил, часы показывали три; в пять часов он решил, что можно подвести черту.

Количество обработанных грузов учитывалось ежедневно, и записи были сделаны достаточно аккуратно, но сплошные сокращения мало что говорили непосвященному человеку.

Тем не менее Мартин Бек нашел искомое – разбросанные тут и там пометки о поврежденных грузах. Например: «Поврежден при перевозке 1 ящик мар., грибов, зак. опт. Сванберг, Хювюдстагат. 16, Сульна». Всякий раз был указан род товара и адресат. Но о размерах, роде и виновнике повреждения – ни слова.

В целом повреждений было не так уж много, зато бросалось в глаза явное преобладание в этой рубрике спиртных напитков и продуктов, а также товаров широкого потребления. Мартин Бек тщательно занес в свой блокнот все случаи повреждений с указанием даты. Получилось около полусотни записей.

Закончив работу, он отнес папки в канцелярию и написал на листке бумаги, чтобы их отправили по почте в экспедиторское агентство.

Подумал и приложил к папкам благодарственную записку на бланке полицейского управления: «Спасибо за помощь! Бек».

Идя к метро, он вдруг сообразил, что по его вине агентству прибавится работы. И с удивлением поймал себя на этаким ребяческом злорадстве.

В ожидании зеленого поезда, над которым потрудились хулиганы, Мартин Бек размышлял о современных кон-

тейнерных перевозках. Раньше ведь как было: уронил ящик, а потом разбивай бутылки и осторожно сливай коньяк в бидоны или канистры... Со стальным контейнером такой номер не пройдет, зато нынешние гангстерские синдикаты получили возможность провозить контрабандой все что угодно. И делают это повседневно, пользуясь тем, что не поспевающая за прогрессом таможня сосредоточила весь огонь на личном багаже, вылавливая не объявленный в декларации блок сигарет или бутылочку виски.

Подошел поезд. Мартин Бек сделал пересадку на станции «Центральная» и вышел у Торгового училища.

В винной лавке на Сюрбрюннгатан продавщица подозрительно воззрилась на его мятый пиджак, сохранивший отчетливые следы визита на чердак экспедиторского агентства.

– Пожалуйста, две бутылки красного, – попросил он.

Она живо нажала под прилавком кнопку, соединенную с красной сигнальной лампочкой, и строго потребовала, чтобы он предъявил документ.

Мартин Бек достал удостоверение личности, и продавщица порозовела, как будто оказалась жертвой на редкость глупой и непристойной шутки.

Выйдя из лавки, он взял курс на Тюлегатан, к Рее.

Мартин Бек дернул звонок, потом толкнул дверь. Заперто. Но в прихожей горел свет, поэтому немного погодя он позвонил еще раз.

Она отворила. Сегодня на ней были коричневые вельветовые брюки и какой-то длинный, чуть ли не до колен, лиловый кафтан.

– А, это ты... – кисло протянула она.

– Я. Можно войти?

– Входи, – сказала она, помешкав, и сразу повернулась спиной.

Мартин Бек вошел в прихожую. Рея сделала шаг-другой, потом остановилась. Постояла, понутив голову, вернулась к двери и передвинула «собачку» на замке. Подумала, все-таки заперла дверь и повела гостя на кухню.

– Я захватил две бутылки вина.

– Поставь в буфет, – ответила она, садясь.

На кухонном столе лежали раскрытые книги, какие-то бумаги, карандаш, розовый ластик.

Мартин Бек достал из сумки бутылки и убрал их в буфет. Рея недовольно скосилась на него:

– Зачем такое дорогое?

Он сел напротив нее.

– Опять Свядр? – Она пристально поглядела на него.

– Нет. Хотя годится, как предлог.

– Тебе необходим предлог?

– Ага. Для храбрости.

– А-а... Ладно, тогда давай заварим чай.

Она отодвинула в сторону книги, встала и загремела посудой.

– Вообще-то я думала сегодня вечером позаниматься. Ладно, обойдется. Очень уж муторно одной сидеть. Ты ужинал?

– Нет.

– Вот и хорошо. Сейчас что-нибудь соображу.

Рея положила одну руку на бедро, другой почесала затылок.

– Рис, – заключила она. – То, что надо. Сварю рис, а потом заправлю чем-нибудь, так будет повкуснее.

– Ну что ж, давай.

– Тогда придется тебе потерпеть минут двадцать. А пока чаю попьем.

Она расставила чашки и налила чай. Села, взяла широкими сильными пальцами свою чашку и подула, все еще немного хмуро глядя на него.

– Между прочим, ты угадала насчет Сварда, – сказал Мартин Бек. – У него были деньги в банке. И немалые.

– М-м-м, – отозвалась она.

– Кто-то платил ему семьсот пятьдесят крон в месяц. Как, по-твоему, кто бы это мог быть?

– Не представляю. Он же ни с кем не знался.

– А почему он все-таки переехал?

Она пожала плечами.

– Я вижу только одно объяснение: ему здесь не нравилось. Он ведь со странностями был. Несколько раз жаловался, почему я так поздно запираю подъезд. Будто весь дом только для него.

– Что ж, все верно...

Она помолчала, потом спросила

– Что верно? Ты узнал что-нибудь интересное?

– Не знаю, назовешь ли ты это интересным, – ответил Мартин Бек. – Похоже все-таки, что его кто-то застрелил.

– Странно. Рассказывай.

Она опять загремела посудой, но слушала внимательно, не перебивая, только иногда хмурилась.

Когда Мартин Бек закончил свой рассказ, она расхохоталась.

– Великолепно! Ты не читаешь детективов?

– Нет.

– Я их пачками глотаю, без разбору, и тут же почти все забываю. Но ведь это классический случай. Запертая комната – на эту тему чертова уйма написана. Недавно я прочла... Погоди-ка. Расставь пока тарелки. Там на полке – соус соевый. Накрой так, чтобы приятно было за стол сесть. Я сейчас.

Он приложил все свое старание. Рея вернулась через несколько минут с каким-то журнальчиком, раскрыла его, потом разложила по тарелкам рис.

– Ешь, – распорядилась она. – Пока горячий.

– Вкусно, – сказал он.

– М-м-м... Да, рис удался.

Она живо управилась со своей порцией и взялась за журнальчик.

– Вот, слушай. Запертая комната. Расследование. Три основные версии. – А, Б и В. Версия А: преступление совершено в комнате, которая надежно заперта изнутри, и убийца исчез – в комнате никого не обнаружено. Б: преступление совершено в комнате, которая только кажется наглухо закрытой, а на самом деле есть более или менее хитрый способ выбраться из нее. В: убийца остается в комнате и где-то ловко прячется.

Рея положила себе еще рису.

– Случай В тут вроде отпадает, – продолжала она. – Невозможно прятаться в квартире два месяца, тем более когда у тебя всего полбанки кошачьего корма. Но тут еще есть куча вариантов. Например, А-5: убийство с помощью животного, или Б-2: убийца не трогает замки и засовы, а снимает дверные петли и входит. Потом привинчивает петли на место.

– Чье это сочинение?

Она поглядела на обложку.

– Какой-то Ёран Сьундхольм написал. Он и других цитирует. Неплохой способ – А-7, сдвиг во времени создает ложную картину. Или вот, А-9: жертва получает смертельную рану в каком-то другом месте, приходит в свою комнату, запирается и только потом умирает. Да ты почи-тай сам.

Она подала ему журнальчик. Мартин Бек пробежал его глазами и отложил в сторону.

– Кому посуду мыть? – спросила Рея.

Он встал и собрал тарелки.

Она поджала ноги, оперлась пятками на сиденье и обняла колени руками.

– Ты же детектив. Радоваться должен необычному случаю. По-твоему, в больницу звонил загадочный убийца?

– Не знаю.

– А мне кажется, так вполне могло быть.

Он пожал плечами.

– В конце концов все окажется проще простого, – заключила она.

– Наверно.

Слышно было, как кто-то дернул наружную дверь, но звонок молчал, и Рея никак не реагировала.

Это похоже на какую-то систему... Если хочешь, чтобы тебя не беспокоили, запираешь дверь на замок. Но если у человека важное дело, он позвонит. Словом, взаимное уважение и доверие.

Мартин Бек сел.

– Может, продегустируем твое дорогое вино? – спро-

сила она.

Вино и впрямь было приятное. Они помолчали.

– Нравится тебе твоя полицейская служба? – заговорила Рея.

– Как тебе сказать...

– Не хочешь об этом – не будем.

– Кажется, меня задумали сделать начальником управления.

– А тебе не хочется, – заключила Рея.

Подумала немного и спросила:

– Какую музыку ты любишь? У меня есть всякие пластинки.

Они перешли в комнату с проигрывателем и разномастными креслами. Включили музыку.

– Да сними ты пиджак к черту, – сказала Рея. – И ботинки сбрось. Она откупорила вторую бутылку, но теперь они уже наливали неполные бокалы.

– Мне кажется, ты была не в духе, когда я пришел, – заметил он.

– Да нет, ничего.

Она ограничилась этим.

Понятно, холодная встреча была намеренной. Чтобы дать ему понять, что на легкий успех рассчитывать не приходится. Намек дошел, и он видел, что она это знает.

Мартин Бек глотнул еще вина. Давно у него не было так хорошо на душе.

Он хитро посмотрел на надутое лицо Реи.

– Может, нам мозаикой заняться? – неожиданно спросила она.

– У меня дома есть отличный набор, – ответил он. – Лайнер «Куин Элизабет».

Он в самом деле года два назад купил такую мозаику – купил и забыл.

– Захвати в следующий раз. – Она вдруг переменяла позу: скрестила ноги и подперла ладонями подбородок. – Кстати, я сейчас вообще не в форме, ты это учти.

Он вопросительно поглядел на нее.

– Сам знаешь, как это бывает у нас, женщин.

Мартин Бек кивнул.

– Скучная у меня личная жизнь, – продолжала она. – А у тебя?

– Совсем никакой, – ответил он.

– Это нехорошо.

Она поставила другую пластинку, они выпили еще вина.

Он зевнул.

– Ты устал, – сказала Рея.

Мартин Бек промолчал.

– А домой идти не хочется, – заключила она. – Так ты и не ходи.

Тут же она добавила:

– Знаешь, я все-таки попробую позаниматься еще немного. Только сброшу эти проклятые брюки. Не нравятся они мне, тесные какие-то.

Она живо разделась, бросая одежду прямо на пол, и надела длинную, до самых ступней, диковинную ночную рубашку из темно-красной фланели.

Мартин Бек с интересом смотрел, как она переодевалась.

Именно такой он себе ее представлял. Плотная, крепкая, стройная фигурка.

Никаких шрамов, родинок и прочих особых примет.

– Прилег бы, – сказала она. – У тебя вид совсем измотанный.

Мартин Бек послушался. Он в самом деле был измотан и почти тотчас уснул. Рея сидела за столом, склонив голову над книгами.

Когда он снова открыл глаза, она стояла около кровати:

– Проснись, уже двенадцать. Есть хочу до смерти. Сходишь, запрешь подъезд? А я пока горячий бутерброд приготовлю. Ключ висит на дверном косяке слева на зеленом шнурке.

XXVII

Мальмстрём и Мурен совершили налет в пятницу, четырнадцатого июля. Ровно без четверти три они вошли в банк – в оранжевых комбинезонах, масках «Фантомас» и резиновых перчатках.

Они держали в руках свои крупнокалиберные пистолеты, и Мурен первым делом пустил пулю в потолок. Чтобы присутствующим было понятно, о чем идет речь, он затем крикнул на ломаном шведском языке:

– Ограбление!

Хаузер и Хофф были в обычных костюмах, только лицо скрывал черный капюшон с прорезями для глаз. Хаузер был вооружен автоматом. Хофф – куцом дробовиком «марица». Они стояли в дверях, прикрывая пути отхода к машинам.

Хофф поводил стволом обреза, чтобы не совались посторонние; Хаузер, как предусматривал план, занял так-

тически выгодную позицию, которая позволяла ему держаться под прицелом и прилегающую часть тротуара, и кассовый зал.

Тем временем Мальмстрём и Мурен методично опорожняли кассы.

Все шло по плану с точностью изумительной.

Пятью минутами раньше в южной части города, возле гаража на Русенлюндсгатан взорвался какой-то старый рыдван. Сразу после взрыва слышались беспорядочные выстрелы и загорелась постройка по соседству. Виновник всей этой суматохи, подрядчик А, вышел проходными дворами на другую улицу, сел в свою машину и покатил домой.

Ровно через минуту после взрыва в подворотню полицейского управления въехал задним ходом мебельный фургон, причем въехал наискось и плотно застрял. Из фургона высыпались коробки с ветошью, которая была пропитана горючей смесью и тотчас вспыхнула ярким пламенем.

А подрядчик Б в это время невозмутимо шагал по тротуару, удаляясь от места происшествия, словно его ничуть не касался этот сумбур.

Словом, все шло как по-писаному. Предусмотренные планом акции выполнялись досконально и точно по расписанию.

С точки зрения полиции, события в общем и целом тоже развивались так, как было предусмотрено, это относилось и к последовательности акций, и к срокам.

Если не считать одной небольшой заковыки.

Мальмстрём и Мурен провели налет не в Стокгольме.

Они ограбили банк в Мальмё.

Пер Монссон, старший инспектор уголовной полиции Мальмё, пил кофе в своем кабинете. Его окно выходило во двор полицейского управления, и инспектор чуть не подавился сдобой, когда в подворотне что-то ухнуло и за клубился густой дым. Одновременно Бенни Скакке, подающий надежды молодой сотрудник, который, сколько ни усердствовал, никак не мог продвинуться дальше простого инспектора, распахнул дверь его кабинета и крикнул, что принят сигнал тревоги. На Русенлюндсгатан произведен взрыв, идет жуткая перестрелка, горит по меньшей мере одна постройка.

Хотя Скакке четвертый год жил в Мальмё, он никогда не слышал о такой улице и не представлял себе, где она находится. Зато Пер Монссон знал родной город как свои пять пальцев, и ему было невдомек, с чего это вдруг кому-то понадобилось устраивать взрыв в глухом закоулке тихого городского района, известного под названием Софьина Роща.

Впрочем, ни ему, ни его коллегам не пришлось долго раздумывать. Не успело начальство распорядиться, чтобы личный состав выезжал к месту происшествия, как само полицейское управление подверглось атаке, и, когда разобрались что к чему, оказалось, что весь тактический резерв заперт во дворе. Так что сотрудники добирались до Русенлюндсгатан на такси или на собственных машинах, не оборудованных радиотелефоном.

Монссон прибыл туда в семь минут четвертого. К этому времени расторопные пожарники уже справились с огнем; устроенный неизвестным поджигателем пожар причинил

незначительные повреждения пустому гаражу. Направленные в район взрыва крупные полицейские силы не обнаружили ничего особо подозрительного, если не считать искореженного драндулета. А через восемь минут один из моторизованных патрулей услышал по своему приемнику донесение о том, что ограблен банк в деловом центре города.

Мальмстрём и Мурен к этой минуте успели покинуть Мальмё. Кто-то видел, как от банка отъехал синий «фиат». Погони не было, и через несколько минут приятели разделились, сев каждый в свою машину.

Как только полиции наконец удалось навести порядок в собственном доме, избавившись от фургона и горящих коробок, город был закрыт. Полицейские силы всей страны были брошены на розыск синего «фиата».

Его нашли через три дня в одном из сараев Восточной гавани Мальмё; в машине лежали комбинезоны, маски «Фантомас», резиновые перчатки, пистолеты и разная дребедень.

Хаузер и Хофф честно отработали щедрый гонорар, помещенный на чековые счета их жен. Они удерживали позицию у входа в банк почти десять минут после того, как укатили Мальмстрём и Мурен, и отошли только тогда, когда вдали показались первые полицейские – два пеших патруля, весь опыт которых сводился к перебранкам со школьниками, распивающими слабое пиво в общественных местах. Вооруженные портативными радиостанциями, они не пощадили своих голосовых связок, да только некому было оценить их усилия, потому что в эти минуты чуть не все полицейские города Мальмё кричали в свои

микрофоны – и почти никто не слушал.

Хаузеру вопреки всем, в том числе и его собственным, расчетам даже удалось благополучно уйти; через Хельсингборг и Хельсингтер он без помех покинул страну.

А вот Хофф попался – попался из-за странной оплошности. Без пяти четыре он поднялся на борт железнодорожного парома «Мальмёхюс», одетый в серый костюм, белую сорочку с галстуком и черный ку-клукс-клановский капюшон. Проклятая рассеянность...

Портовая охрана и таможенники пропустили его, полагая, что на пароме происходит не то маскарад, не то мальчишник, но у команды он вызвал подозрение, и по прибытии в Копенгаген Хоффа сдали пожилому датскому полицейскому, который от удивления чуть не выронил бутылку с пивом, когда задержанный кротко выложил на стол тесной дежурки два заряженных пистолета, плоский штык и ручную гранату с вставленным запалом. Впрочем, безоружный датчанин быстро опомнился и совсем повеселел, когда выяснилось, что фамилия арестованного совпадает с названием фирмы, производящей превосходное пиво.

Помимо билета до Франкфурта, Хофф имел при себе деньги, а именно сорок немецких марок, две датские десятки и три кроны тридцать пять эре в шведской валюте.

За вычетом этой суммы потери банка составили только два миллиона шестьсот тринадцать тысяч четыреста девяносто шесть крон и шестьдесят пять эре.

Странные вещи происходили в это время в Стокгольме.

И самое сногшибательное приключение выпало на долю Эйнара Рённа.

Ему выделили шестерых полицейских и поручили относительно скромную задачу: держать под наблюдением Русенлюндсгата и схватить подрядчика А. Поскольку улица довольно длинная, он постарался целесообразно распределить свои немногочисленные силы. Двое на машине составили мобильный отряд, остальные четверо заняли стратегические пункты.

Бульдозер Ульссон велел ему действовать спокойно, главное – не терять голову, что бы ни произошло.

Без двадцати двух минут три Эйнар Рённо стоял как раз напротив кафе «Бергсгрюван». Ничто не омрачало его настроения, когда к нему подошли два юнца – такие же неопрятные, как большинство прохожих на стокгольмских улицах в наши дни.

– Дай закурить, – сказал один из них.

– Угу, так ведь нет у меня сигарет, – миролюбиво ответил Рённо.

Миг – и он увидел стилет, нацеленный ему прямо в живот, а в опасной близости от его головы закачалась велосипедная цепь.

– Ну ты, треска вонючая, – процедил юнец со стилетом. И бросил своему приятелю: – Тебе бумажник. Мне часы и кольцо. Потом пырнем старичка.

Рённо никогда не слыл мастером джиу-джитсу или карате, но кое-какие приемы все-таки помнил.

Он ловко сделал подсечку парню с ножом, который удивленно приземлился на пятую точку. Однако следующий прием Рённу удался хуже. Он уклонился в сторону, но недостаточно быстро, и цепь ударила его повыше правого уха так, что в глазах потемнело. Тем не менее, падая, он

ухитрился повалить на тротуар и второго грабителя.

– Ну, дед, заказывай панихиду, – прошипел юнец со стилетом.

В эту самую минуту к месту происшествия подоспел мобильный отряд, и, когда в голове у Рённа прояснилось, полицейские уже успели избить лежащих лиходеев дубинками и пистолетами и заковать их в наручники.

Парень с велосипедной цепью первым пришел в себя, осмотрелся кругом, вытер кровь со лба и недоуменно спросил:

– Что произошло?

– А то, паренек, что ты на засаду нарвался, – объяснил ему один из полицейских.

– Полицейская засада? Против нас? Да вы что? Из-за какой-то тухлой трески?

У Рённа снова выросла шишка на голове – правда, это был единственный физический урон, который понесла спецгруппа в этот день; психологические травмы не в счет.

В оснащённом по последнему слову техники сером автобусе оперативного центра Бульдозер Ульссон выделял замысловатые антраша от нетерпения, чем немало затруднял работу не только радисту, но и руководившему этой частью операции Колдьергу.

Без четверти три напряжение достигло кульминации, потянулись нестерпимо долгие секунды.

В три часа служащие банка заявили, что пора закрывать, и сосредоточенным в зале полицейским силам во главе с Гюнвальдом Ларссоном оставалось лишь покориться.

Тяжкое чувство опустошенности овладело всеми, только Бульдозер Ульссон сказал:

– Господа, это временная неудача. А может быть, никакой неудачи и нет. Просто Рус проведал, что мы что-то проведали, и рассчитывает взять нас измором. Он пошлет Мальмстрёма и Мурена на дело в следующую пятницу, ровно через неделю. Фактически потеря темпа у него, а не у нас.

Первые тревожные сигналы поступили в половине четвертого. Причем настолько тревожные, что спецгруппа тотчас отступила в штаб на Кунгсхольмене, чтобы оттуда следить за ходом событий. В ближайшие часы телексы безостановочно отстукивали новые сообщения.

Мало-помалу картина прояснялась.

– Очевидно, слово Милан означало не то, что ты думал, – сухо сказал Колльберг.

– Не то, – согласился Бульдозер. – Мальмё... Вот ловкачи!

Удивительное дело: он уже целый час не метался, а тихо сидел на месте.

– Кто бы мог знать, что и в Мальмё есть такая улица, – проворчал Гюнвальд Ларссон.

– И что почти все новые отделения банков строят по одному чертежу, – добавил Колльберг.

– Мы должны были знать это, господа! – воскликнул Бульдозер. – Рус знал. Зато теперь мы будем начеку. Совсем забыли про рационализацию. Одинаково строить дешевле. Рус привязал нас к Стокгольму. Но в другой раз он нас не проведет. Главное, не сидеть сложа руки.

Бульдозер встал; он явно воспрянул духом.

– А где сейчас Вернер Рус?

– В Стамбуле, – ответил Гюнвальд Ларссон. – Отды-

хает там, у него несколько свободных дней.

– Так, – произнес Колльберг. – Хотел бы я знать, где отдыхают Мальмстрём и Мурен?

– Это не играет никакой роли. – Бульдозер все больше воодушевлялся. – Легко добыто – легко прожито. Скоро они опять появятся здесь. И уж тогда на нашей улице будет праздник.

– Как же, жди, – буркнул Колльберг.

Итак, туман развеялся совсем. И день был на исходе. Мальмстрём успел уже расположиться в гостиничном номере в Женеве, который заказал еще три недели назад.

Мурен находился в Цюрихе, но собирался завтра же двигаться дальше, в Южную Америку.

В сарае, у которого они пересаживались в другие машины, им удалось перекинуться лишь несколькими словами.

– Ты уж смотри, не выбрасывай заработанные тяжким трудом гроши на тусовки и недостойных женщин, – наставительно произнес Мурен.

– Жуть какой куш отхватили, – отозвался Мальмстрём. – Что будет делать с деньгами?

– В банк положим, что же еще, – ответил Мурен.

В один из ближайших дней в отеле «Хилтон Истанбул», сидя в баре и потягивая коктейль «дайкири», Вернер Рус читал «Геральд трибюн».

Впервые сей разборчивый орган печати удостоил его своим вниманием. Короткая заметка, лаконичный заголовок: «Ограбление банка по-шведски».

Сообщались основные факты, в частности выручка налетчиков. Около полмиллиона долларов.

И второстепенная деталь:

«Представитель шведской полиции заявил сегодня, что организаторы ограбления известны».

Чуть пониже – еще одна телеграмма из Швеции:

«Массовый побег. Пятнадцать самых матерых грабителей бежали сегодня из тюрьмы Кумла, считавшейся абсолютно надежной».

Бульдозера Ульссона эта новость застигла в ту самую минуту, когда он впервые за много недель лег спать в супружескую постель. Он тотчас вскочил и забегал по спальне, упоенно твердя:

– Какие возможности! Какие сказочные возможности! Теперь пойдет война не на жизнь, а на смерть!

XXVIII

В пятницу Мартин Бек явился в дом на Тюлегатан в четверть шестого с бутылкой вина в руке и мозаикой под мышкой. На первом этаже ему встретилась Рея. Одетая только в длинный лиловый кафтан, она громыхала по ступенькам красными сабо, держа в руках по сумке с мусором.

– Привет, – поздоровалась она. – Хорошо, что ты пришел. Я тебе кое-что покажу.

– Давай я возьму сумки, – предложил он.

– Зачем, это мусор. Да у тебя и без того руки заняты. Это и есть та мозаика?

– Ага.

– Очень хорошо. Откроешь мне?

Мартин Бек распахнул дверь на двор, и Рея направилась

к мусорным контейнерам. Он провожал ее взглядом. Ноги, как и фигура, – крепкие, мускулистые, ладные. Хлопнув крышкой контейнера, она сразу повернулась и побежала обратно. Бежала по-спортивному, слегка наклонив голову, уверенно и легко.

И по лестнице она поднималась почти бегом, он еле поспевал за ней.

На кухне за чашкой чая сидели двое – девушка по имени Ингела и другая, которой он еще не видел.

– Ну, что ты мне хотела показать?

– Сию минуту, – сказала Рея. – Пошли.

Мартин Бек пошел за ней.

Она показала на одну из дверей, выходящих в прихожую.

– Вот, прошу. Запертая комната.

– Детская?

– Точно. В ней никого нет, и заперто изнутри.

Он пристально поглядел на нее. Какая она сегодня бодрая и веселая...

Рея рассмеялась – у нее был чуть хрипловатый сердечный смех.

– Дверь запирается изнутри на крючок. Я сама его привинтила. Чтобы ребята могли уединяться, когда захотят..

– Но ведь их дома нет.

– Фу, дурачок! Я там убиралась, пылесосила, а когда кончила уборку, захлопнула дверь – и перестаралась. Крючок подскочил и упал в петлю. Теперь не откроешь.

Он подергал дверь. Правда, не поддается.

– Сам крючок – на двери, – объяснила она, – а петля на

косяке. Крепко привинчены.

– Ну и как же теперь открыть?

Она пожала плечами:

– Видно, силу применить придется. Действуй. Как говорится, для таких вещей и держат мужчину в доме.

Наверно, у него был на редкость глупый вид, потому что она опять рассмеялась. Потом быстро погладила его по щеке и сказала:

– Ладно, Бог с ней. Сама справлюсь. Но как бы то ни было, вот перед тобой запертая комната. Не знаю только, какой вариант.

– А нельзя что-нибудь в щель просунуть?

– Щели-то нет. Я же тебе говорю, сама крючок ставила. Сработано на совесть.

Она была права: дверь решительно не поддавалась.

Рея взялась за ручку, сбросила правый башмак и уперлась в косяк ступней.

– Нет уж, стой, – вмешался он. – Лучше я.

– Давай, – уступила она и пошла на кухню к своим гостям.

Мартин Бек некоторое время присматривался к двери. Потом поступил так же, как Рея, – уперся ногой в косяк и взялся за ручку. Она была старая, добротная и производила вполне надежное впечатление.

В самом деле, другого способа нет. Разве что выбить шпилы из петель.

Сначала он дернул вполсилы, но во второй раз рванул уже как следует. Только на пятый раз его усилия увенчались успехом – винты поддались с жалобным скрипом, и дверь распахнулась.

Не выдержали шурупы, крепившие крючок, а петля сидела на месте, словно впаянная в косяк. Она была отлита заодно с опорной пластиной; в пластине – четыре дырки для шурупов.

Крючок даже не выскочил из петли – широкий, несгибаемый, видно стальной.

Мартин Бек осмотрелся в детской. Комната пуста, окно заперто...

Теперь, чтобы действовал запор, надо передвинуть крючок и петлю на несколько сантиметров. Вокруг старых дырок вся древесина измочалена.

Он вышел на кухню, там оживленно беседовали о геноциде во Вьетнаме.

– Рея, – сказал Мартин Бек. – Где инструмент?

– Вон там, в сундучке.

Ее руки были заняты – Рея делилась с гостьей секретами вязания, – и она показала ногой.

Он разыскал отвертку и шило, но она остановила его:

– Небось не срочно. Возьми себе чашку и садись с нами. Погляди, каких булочек Анна напекла.

Он сел и принялся за свежую булочку, рассеянно слушая их беседу, но затем в мозгу его будто включился магнитофон, который воспроизводил совсем другой разговор, происходивший одиннадцать дней назад.

Разговор в одном из коридоров Стокгольмского городского суда, состоялся во вторник, 4 июля 1972 года.

Мартин Бек: Значит, вы выбили шпиленты из петель, открыли дверь, а потом вошли в квартиру?

Кеннет Квастму: Ну да.

Мартин Бек: Кто вошел первым?

Кеннет Квастму: Я вошел. Кристианссона мутило от запаха.

Мартин Бек: Что ты сделал, когда вошел? Поточнее.

Кеннет Квастму: Вонь стояла жуткая. В комнате было мало света, но я увидел на полу труп, метрах в двух-трех от окна.

Мартин Бек: Дальше? Постарайся вспомнить все подробно.

Кеннет Квастму: В комнате нечем было дышать. Я обошел вокруг тела и подошел к окну.

Мартин Бек: Окно было закрыто?

Кеннет Квастму: Да. И штора спущена. Я хотел ее поднять – не поддалась. Пружина была сорвана. Но ведь надо было открыть окно, чтобы проветрить.

Мартин Бек: Ну и что же ты сделал?

Кеннет Квастму: Просто отодвинул штору в сторону и распахнул окно. Потом мы скрутили штору и наладили пружину. Но это уже потом.

Мартин Бек: Окно было заперто?

Кеннет Квастму: Ага, во всяком случае, одна щеколда была надета на крюк. Я поднял ее и открыл окно.

Мартин Бек: Ты не помнишь, какая это была щеколда – верхняя или нижняя?

Кеннет Квастму: Точно не скажу: По-моему, верхняя. Насчет нижней сейчас не припомню. Кажется, я ее тоже открыл... нет, не помню.

Мартин Бек: Но ты уверен, что окно было заперто изнутри?

Кеннет Квастму: Конечно, уверен. На сто процентов.

Рея легонько толкнула Мартина Бека ногой.

– Кому говорят, возьми еще булочку.

– Рея, у тебя есть хороший фонарик? – спросил он.

– Есть. В чуланчике, на гвозде висит.

– Можно его взять на время?

– Конечно, возьми.

– Мне надо уйти сейчас. Но я быстро вернусь и починю дверь.

– Отлично, – сказала она. – Пока.

– Пока, – эхом откликнулись ее подруги.

– Пока, – ответил Мартин Бек.

Он взял фонарик, вызвал по телефону такси и проехал прямо на Бергсгатан. Несколько минут постоял на тротуаре, глядя через улицу на окно на третьем этаже.

Потом повернулся. Перед ним возвышался поросший кустарником, крутой каменистый склон Крунубергского парка.

Мартин Бек стал карабкаться вверх по склону, пока не поравнялся с окном. Промежуток составлял от силы двадцать пять метров. Достав из грудного кармана шариковую ручку, он прицелился в темный прямоугольник окна. Штора была спущена; до особого распоряжения полиция запретила негодующему домовладельцу сдавать квартиру.

Мартин Бек сделал несколько шагов в одну, в другую сторону, пока не нашел наилучшее положение. Он не считал себя метким стрелком, однако не сомневался, что, будь у него в руке вместо шариковой ручки автоматический пистолет сорок пятого калибра, он сумел бы попасть в человека, стоящего в этом окне.

И остаться при этом незамеченным. Конечно, в середине апреля листва пожиже, но и то можно притаиться так,

что на тебя не обратят внимания.

В это время дня еще достаточно светло, но и поздно вечером уличное освещение, наверное, позволяет различить окно. К тому же в темноте легче укрыться в кустах.

А вот стрелять без глушителя было бы рискованно.

Он еще раз проверил, какое место лучше всего для стрельбы, и приступил к поискам.

Прохожих было немного, и каждый останавливался, услышав возню на склоне. Остановятся на секунду-другую и тут же спешат дальше, боясь нарваться на неприятности.

Мартин Бек искал продуманно. Начал справа – почти все автоматические пистолеты выбрасывают гильзу вправо, однако дальность и направление различаются. Дело это было достаточно кропотливое. Местами пришлось пускать в ход фонарик.

Но Мартин Бек не сдавался, он с самого начала настроился искать долго.

Он нашел гильзу через час сорок минут. Она застряла между двумя камнями – исцарапанная, грязная. С весны прошел не один дождь. И собаки тут бродили, да и люди, наверное, топали в поисках подходящего места, чтобы нарушить закон и порядок, распивая пиво в общественных местах.

Мартин Бек извлек латунный цилиндр из щели, обернул носовым платком и сунул в карман.

Потом пошел по Бергсгатан налево. Около ратуши поймал такси и доехал до криминалистической лаборатории. Правда, рабочий день кончился, но Мартин Бек рассчитывал на то, что теперь почти всюду можно застать людей, работающих сверхурочно.

Он не ошибся, однако ему пришлось изрядно поторговаться, чтобы его находку хотя бы приняли.

В конце концов он настоял на своем, положил гильзу в пластиковую коробку и тщательно заполнил карточку.

– И конечно же, это безумно срочно, невозможно терпеть, – сказал лаборант.

– Да нет, – ответил Мартин Бек. – Совсем не срочно. Будет время – поглядите, если не трудно.

Он сам еще раз посмотрел на гильзу. Смятая, грязная, неказистая – много ли от нее проку...

– За такие слова, ей-богу, нарочно поскорее сделаю, – сказал лаборант. – А то ведь только и слышишь: «Срочно, спешно, каждая секунда дорога!»

Было уже довольно поздно, и Мартин Бек решил сперва позвонить Рее.

– Привет, – отозвалась она. – Я одна дома, гости ушли. Подъезд заперт, но я сброшу тебе ключ.

– Я почию крючок.

– Уже сделано. А ты управился со своими делами?

– Ага.

– Вот и хорошо. Значит, жду тебя через полчаса.

– Около того.

– Покричи снизу.

Он приехал в начале двенадцатого и посвистел.

Пришлось немного подождать, зато Рея спустилась сама – босая, в красной ночной рубашке.

Войдя на кухню, она спросила:

– Ну что – пригодился фонарик?

– Ага, еще как.

– Выпьем вина? Кстати, ты ужинал?

– Нет.

– Безобразие. Я что-нибудь приготовлю. Это недолго.
Ты изголодался.

«Изголодался». Да, пожалуй.

– Как там со Свярдом?

– Начинает проясняться.

– Правда? Расскажи. Я жутко любопытная.

В час ночи бутылка опустела.

Рея зевнула.

– Да, между прочим, завтра я уезжаю. Вернусь в понедельник. А может, только во вторник.

Он открыл рот, чтобы сказать: «Ну я пошел».

– Тебе не хочется идти домой, – опередила она его.

– Не хочется.

– Так оставайся.

Он кивнул. Она продолжала:

– Только учти, со мной рядом спать – не сахар. Я без конца ворочаюсь, даже во сне.

Он разделся и лег.

– Ну что – снять мою роскошную хламиду? – спросила она.

– Сними.

– Ладно.

Она разделась и легла рядом с ним.

– Увеселений не будет.

Он подумал, что вот уже два года, как спит один.

– Здорово устал?

Мартин Бек промолчал. От нее исходило ласковое тепло.

– Опять до мозаики руки не дошли, – сказала Рея. – Ничего, на следующей неделе.

Он быстро уснул.

XXIX

В понедельник утром Мартин Бек явился на работу, напевая какую-то песенку, чем немало поразил встретившегося ему в коридоре служащего. Он отлично себя чувствовал оба выходных дня, хотя и провел их в одиночестве. Давно у него не было так хорошо на душе, сразу и не припомнишь – когда. Разве что в канун Иванова дня в 1968 году.

Кажется, вторгаясь в запертую комнату Сварда, он в то же время вырывается на волю из своего собственного заточения?

Он положил перед собой выписки из амбарных книг, отметил галочками фамилии, которые по датам подходили больше всего, и взялся за телефон.

Перед страховыми обществами стоит ответственная задача, а именно: зашибить возможно больше денег, по-сему люди у них трудятся, как каторжные. И по той же причине они содержат документацию в образцовом порядке, а то ведь, чего доброго, надует кто-нибудь, оставит без барыша.

Вообще-то спешка и гонка в наши дни стала чуть ли не самоцелью.

«Это невозможно, у нас нет времени».

Против этого есть разные приемы. Например, тот, к которому он прибег в пятницу в криминалистической лаборатории. Или другой: сделать вид, что твое дело – самое спешное. Такой трюк сходит, когда ты представляешь

государственное учреждение. Правда, в пределах своего ведомства это сложнее, но есть люди, на которых слово «полиция» производит впечатление.

«Это невозможно, у нас нет времени. А вам срочно?»

«Чрезвычайно срочно. Вы обязаны сделать это».

«Но у нас нет времени».

«Кто ваш непосредственный начальник?»

И так далее.

Добившись ответа на очередной вопрос, он делал пометку в блокноте. Возмещение выплачено. Дело урегулировано. Держатель страховки скончался прежде, чем был произведен расчет.

Мартин Бек продолжал звонить и выпрашивать. Конечно, не везде ему сопутствовала удача, но все же на полях блокнота появилось уже довольно много пометок.

При восьмом разговоре его вдруг осенило:

– А что происходит с поврежденным грузом, после того как компания выплатит страховку?

– Его проверяют, разумеется. Если товар не совсем испорчен, наши служащие могут приобрести его со скидкой.

Ну конечно. На этом тоже можно что-то выгадать.

Неожиданно ему вспомнилось кое-что из собственного опыта. Двадцать два года назад, в бытность молодоженом, он жил далеко не богато. Инга, его жена, до того как родилась причина брака, служила в страховой компании. И однажды купила там со скидкой уйму поврежденных при транспортировке банок на редкость отвратительного бульона. Эти банки выручали их несколько месяцев; с тех самых пор ему противно глядеть на бульон.

Вполне возможно, что Калле Свярд или какой-нибудь другой эксперт дегустировал сей мерзопакостный продукт и признал его непригодным в пищу.

Девятый номер ему не пришлось набирать.

Телефон вдруг зазвонил сам. Кому-то понадобился Мартин Бек.

Неужели?..

Нет, не угадал.

– Бек слушает.

– Это Ельм говорит.

– Привет, молодец, что позвонил.

– Что верно, то верно. Но ты, говорят, вел себя здесь вполне пристойно, и кроме того, я решил оказать тебе услугу напоследок.

– Напоследок?

– Ну да, пока тебя не сделали начальником управления.

Я вижу, ты нашел свою гильзу.

– Вы ее исследовали?

– А зачем, ты думаешь, я звоню, – едко произнес Ельм. – Нам тут некогда заниматься пустой болтовней.

«Кажется, у него припасен какой-то сюрприз», – подумал Мартин Бек. Ельм звонил сам, когда мог чем-нибудь блеснуть. Во всех других случаях приходилось терпеливо ждать письменного заключения.

– Считай, что я твой должник, – сказал он.

– Вот именно, – ответил Ельм. – Так вот, насчет твоей гильзы – и досталось же ей. С таким материалом работать – не сахар.

– Понимаю.

– Что ты там понимаешь... Но ты, очевидно, хочешь

знать, связана ли гильза с пулей, которую нашли в теле самоубийцы?

– Да.

Молчанье.

– Да, – повторил Мартин Бек. – Очень хочу знать.

– Связана, – сказал Ельм.

– Это точно?

– Разве я тебе не говорил, что мы тут не занимаемся гаданием?

– Извини. Значит, гильза от той пули.

– От нее. А пистолета у тебя случайно нет?

– Нет. Я не знаю, где он может быть.

– Зато я знаю, – сухо произнес Ельм. – В эту минуту он лежит на моем столе.

В логове спецгруппы на Кунгсхольмсгатан царило отнюдь не приподнятое настроение. Бульдозер Ульссон умчался в полицейское управление за инструкциями. Начальник ЦПУ велел проследить, чтобы ничего не просочилось в печать, и теперь ему не терпелось узнать, что именно не должно просочиться.

Колльберг, Рённ и Гюнвальд Ларссон сидели безмолвно в позах, которые выглядели как пародии на «Мыслителя» Родена.

В дверь постучались, и в кабинет вошел Мартин Бек.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – отозвался Колльберг.

Рённ кивнул. Гюнвальд Ларссон никак не реагировал.

– Что-то вы носы повесили.

Колльберг обозрел своего друга с головы до ног.

– Есть причина. Зато ты вон какой бодренький. Прямо не узнать. Чему обязаны? Сюда добровольно не приходят.

– Считаю меня исключением. Если не ошибаюсь, у вас тут содержится один проказник по фамилии Мауритсон.

– Верно, – подтвердил Рённ. – Убийца с Хурнгатан.

– Зачем он тебе? – подозрительно спросил Колльберг.

– Мне бы только повидаться с ним.

– Для чего?

– Побеседовать немного – если это возможно.

– А что толку, – сказал Колльберг. – Он охотно говорит, да все не то, что надо.

– Отпирается?

– Что есть мочи. Но он изобличен. Мы нашли в его доме наряд, в котором он выступал. Да еще оружие, которым совершено убийство. И оно указывает точно на него.

– Каким образом?

– Серийный номер на пистолете стерт. И борозды на металле оставлены точилом, которое заведомо принадлежало ему и к тому же найдено в ящике его тумбочки. Подтверждено микрофотосъемкой. Железно. А он все равно нагло отпирается.

– Угу, – вставил Рённ. – И свидетели его опознали.

– В общем... – Колльберг остановился, нажал несколько кнопок на селекторе и дал команду.

– Сейчас его приведут.

– Где можно с ним посидеть? – спросил Мартин Бек.

– Да хоть в моем кабинете, – предложил Рённ.

– Береги эту пададь, – процедил Гюнвальд Ларссон. – У нас другой нет.

Мауритсон появился через какие-нибудь пять минут, прикованный наручниками к конвоиру в штатском.

— Это, пожалуй, лишнее, — заметил Мартин Бек. — Мы ведь только побеседуем с ним немного. Снимите наручники и подождите за дверью.

Конвоир разомкнул наручники. Мауритсон досадливо потер правое запястье.

— Прошу, садитесь, — сказал Мартин Бек.

Они сели к письменному столу друг против друга.

Мартин Бек впервые видел Мауритсона и как нечто вполне естественное отметил, что арестованный явно не в себе, нервы предельно напряжены, психика на грани полного расстройства.

Возможно, его били. Да нет, вряд ли. Убийцам часто свойственна неуравновешенность характера, и после поминки они легко раскисают.

— Это какой-то жуткий заговор, — начал Мауритсон звонящим голосом. — Мне подсунули кучу фальшивых улик, то ли полиция, то ли еще кто. Меня и в городе-то не было, когда ограбили этот чертов банк, но даже мой собственный адвокат мне не верит. Что я теперь должен делать, ну, что?

— Вы говорите — подсунули?

— А как это еще называется, когда полиция вламывается к вам в дом, подбрасывает очки, парики, пистолеты и прочую дребедень, потом делает вид, будто нашла их у вас? Я клянусь, что не грабил никаких банков. А мой адвокат, даже он говорит, что мое дело труба. Чего вы от меня добиваетесь? Чтобы я признался в убийстве, к которому совершенно не причастен? Я скоро с ума сойду.

Мартин Бек незаметно нажал кнопку под столешницей. Новый письменный стол Рённа был предусмотрительно

оборудован встроенным магнитофоном.

— Вообще-то я не занимаюсь этим делом, — сказал Мартин Бек.

— Не занимаетесь?

— Нет, никакого отношения.

— Зачем же я вам понадобился?

— Поговорить о кое-каких других вещах.

— Каких еще других вещах?

— Об одной истории, которая, как мне думается, вам знакома. А началось это в марте шестьдесят шестого. С ящика испанского ликера.

— Чего-чего?

— Я подобрал все документы, почти все. Вы совершенно легально импортировали ящик ликера. Оформили через таможенную, заплатили пошлину. И не только пошлину, но и фрахт. Верно?

Мауритсон не ответил. Подняв голову, Мартин Бек увидел, что он разинул рот от удивления.

— Да-да, я располагаю документами, — повторил Мартин Бек. — Так что, надо думать, все правильно.

— Ладно, — уступил наконец Мауритсон. — Допустим.

— Но дело в том, что груз до вас так и не дошел. Если не ошибаюсь, произошел несчастный случай, и ящик разбился при перевозке.

— Верно, разбился. Только я бы не назвал это несчастным случаем.

— Да, тут вы, пожалуй, правы. Лично мне сдается, что складской рабочий по фамилии Свядр умышленно разбил ящик, чтобы присвоить ликер.

— Верно, сдается, именно так все и было, — с досадой сказал Мауритсон.

– Гм-м-м... Я понимаю, вы сыты по горло тем, из-за чего вас сейчас здесь держат. Может быть, вы вообще не хотите ворошить это старое дело?

Мауритсон долго думал, прежде чем ответить.

– Почему же? Мне только полезно потолковать о том, что было на самом деле. Иначе, ей-богу, с ума сойду.

– Ну, смотрите, – сказал Мартин Бек. – А только мне кажется, что в этих бутылках был вообще не ликер.

– И это верно.

– Что в них было на самом деле, сейчас не важно.

– Могу сказать, если вам интересно. В Испании над бутылками немного поколдовали. С виду все как положено, а внутри – раствор морфина и фенедрина, он тогда пользовался большим спросом. Так что ящик представлял немалую ценность.

– Насколько я понимаю, теперь вам за давностью ничто уже не грозит за попытку провезти контрабанду, ведь дело ограничилось попыткой.

– Что верно, то верно, – протянул Мауритсон так, словно до него это только сейчас дошло.

– Затем, у меня есть причина предполагать, что этот Свард вас шантажировал.

Мауритсон промолчал.

Мартин Бек пожал плечами:

– Повторяю, вы не обязаны отвечать, если не хотите.

Мауритсон никак не мог укротить свои нервы. Он непрерывно ерзал на стуле, руки его беспокойно шевелились.

«Похоже, они его все-таки обработали», – удивленно подумал Мартин Бек.

Он знал, какими методами действует Колльберг, знал, что методы эти почти всегда гуманны.

– Я буду отвечать, – сказал Мауритсон. – Только не уходите. Вы возвращаете меня к действительности.

– Вы платили Свярдуну семьсот пятьдесят крон в месяц.

– Он запросил тысячу. Я предложил пятьсот. Сговорились на семистах пятидесяти.

– А вы рассказывайте сами, – предложил Мартин Бек. – Если на чем-нибудь споткнетесь, реконструируем вместе.

– Вы так думаете? – У Мауритсона дергалось лицо. – Вы уверены?

– Уверен.

– Скажите, вы тоже считаете меня ненормальным? – вдруг спросил Мауритсон.

– Нет, с какой стати.

– Похоже, что все считают меня чокнутым. Я и сам готов в это поверить.

– Вы рассказывайте, как было дело, – сказал Мартин Бек. – Увидите, все разъяснится. Итак, Свярд вас шантажировал.

– Он был настоящий кровосос, – сказал Мауритсон. – Мне в тот раз никак нельзя было под суд идти. Меня уже судили раньше, на мне висели два условных приговора, я находился под надзором. Но вы все это знаете, конечно.

Мартин Бек промолчал. Он еще не исследовал досконально послужной список Мауритсона.

– Так вот, – продолжал Мауритсон. – Семьсот пятьдесят в месяц – не ахти какой капитал. За год – девять тысяч. Да один только тот ящик куда дороже стоил.

Он оборвал свой рассказ и озадаченно спросил:

– Ей-богу, не понимаю, откуда вам все это известно?

– В нашем обществе почти на все случаи есть бумажки, – любезно объяснил Мартин Бек.

– Но ведь эти бестии окаянные, наверно, каждую неделю ящики разбивали, – сказал Мауритсон.

– Правильно, только вы не потребовали возмещения.

– Это верно... Я еле-еле отбрехался от проклятой страховки. Мало мне Сварда, не хватало еще, чтобы инспекторы страхового общества начали в моих делах копать.

– Понятно. Итак, вы продолжали платить.

– На второй год хотел бросить, но не успел и двух дней просрочить, как старик сразу угрожать начал. А мои дела постороннего глаза не терпели.

– Можно было подать на него в суд за шантаж.

– Вот именно. И загреметь самому на несколько лет. Нет, мне одно оставалось – гнать монету. Этот чертов хрыч бросил работу, а я ему вроде как бы пенсию платил.

– Но в конце концов вам это надоело?

– Ну да.

Мауритсон нервно мямл в руках носовой платок.

– А что, между нами, – вам не надоело бы? Знаете, сколько всего я выплатил этому прохвосту?

– Знаю. Пятьдесят четыре тысячи крон.

– Все-то вам известно, – протянул Мауритсон. – Скажите, а вы не могли бы забрать дело об ограблении у тех психов?

– Боюсь, из этого ничего не выйдет, – ответил Мартин Бек. – Но ведь вы не покорились безропотно? И пробовали припугнуть его?

– А вы откуда знаете? Примерно с год назад я начал задумываться, сколько же всего я выплатил этому подонку.

И зимой переговорил с ним.

– Как это было?

– Подстерег на улице и сказал ему – дескать, хватит, отваливай. А тот, жила, мне в ответ – берегись, говорит, сам знаешь, что произойдет, если деньги перестанут поступать вовремя.

– А что могло произойти?

– А то, что он побежал бы в полицию. Конечно, дело с ящиком давно кануло в прошлое, но полиция обязательно копнула бы в настоящем, а я не только законными делами занимался. Да и поди растолкуй убедительно, почему столько лет платил ему без отказа.

– Но в то же время Свядр вас успокоил. Сказал, что ему недолго осталось жить.

Мауритсон опешил.

– Он что, сам вам рассказал об этом? – спросил он наконец. – Или это тоже где-нибудь записано?

– Нет.

– Может, вы из этих – телепатов?

Мартин Бек покачал головой.

– Откуда же вам все так точно известно? Да, он заявил, что у него в брюхе рак, протянет от силы полгода. Мне кажется, он слухнул немного. Ну, я и подумал – шесть лет содержал его, как-нибудь выдержу еще полгода.

– Когда вы в последний раз с ним разговаривали?

– В феврале. Он скулил, плакался мне, словно родственнику какому-нибудь. Дескать, в больницу ложится. Он ее фабрикой смерти назвал. Его в онкологическую клинику взяли. Смотрю, вроде бы и впрямь старичку конец. «И слава Богу», – подумал я.

– А потом все-таки позвонили в клинику и проверили?

– Верно, позвонил. А его там не оказалось. Мне ответили, что он помещен в одно из отделений больницы Сёдер. Тут я почуял, что дело пахнет керосином.

– Ясно. После чего позвонили тамошнему врачу и назвались племянником Сварда.

– Послушайте, а зачем я вам рассказываю, если вы все наперед знаете?

– Да нет, не все.

– Например?

– Например, под какой фамилией вы звонили.

– Свард – под какой же еще. Раз я племянник этого прохвоста, значит, само собой, Свард. А вы не сообразили? Мауритсон даже повеселел.

– Нет, не сообразил. Вот видите.

Что-то вроде мостика протянулось между ними.

– Врач, с которым я говорил, сказал, что старичина здоров как бык, запросто протянет еще лет двадцать. Я подумал...

Он примолк. Мартин Бек быстро посчитал в уме.

– Подумали, что это означает еще сто восемьдесят тысяч.

– Сдаюсь, сдаюсь. Куда мне с вами тягаться. В тот же день я перечислил мартовский взнос, чтобы уведомление уже ждало этого идола, когда он вернется домой. А сам... вам, конечно, известно, что я решил?

– Что это последний раз.

– Вот именно. Я узнал, что его выписывают в субботу. И как только он выполз в лавку за своей проклятой кошачьей едой, я его хватать за шкирку и говорю: все, больше

денег не будет. А он какой был наглец, такой и остался: дескать, я знаю, что произойдет, если к двадцатому следующего месяца он не получит уведомление из банка. Но все же он перетрусил, потому что после этого, угадайте – что?

– Он переехал.

– Все-то вам известно. И что я тогда сделал?

– Знаю.

В кабинете воцарилась тишина. «А магнитофон и впрямь работает бесшумно», – подумал Мартин Бек. Он сам проверил аппарат перед допросом и зарядил новую ленту. Теперь важно выбрать верную тактику.

– Знаю, – повторил он. – Так что в основном наш разговор можно считать оконченным.

Его слова явно не обрадовали Мауритсона.

– Постойте – вы вправду знаете?

– Вправду.

– А вот я не знаю толком. Не знаю даже, черт бы меня побрал, жив старикашка или помер. Дальше пошли сплошные чудеса.

– Чудеса?

– Ну да, с тех самых пор у меня все... как бы это сказать, шиворот-навыворот идет. И через две недели мне припаяют пожизненное заключение за дело, которое не иначе как сам нечистый подстроил. Ни на что не похоже... Ну, так что я тогда сделал?

– Сначала разузнали, где поселился Свярд.

– Это было несложно. Ну вот, потом я несколько дней следил за ним, примечал, в какое время он выходит из дома, когда возвращается... Он мало выходил. И штора на его

окне всегда была опущена, даже вечером, когда он проветривал, я это живо усек.

Мартин Бек отметил про себя пристрастие Мауритсона к жаргонным словечкам. Он и сам иногда ловил себя на таких выражениях, хоть и старался следить за своей речью.

– Вы задумали хорошенько припугнуть Сварда, – сказал он. – В крайнем случае – убить.

– Ну да. А чего... Только не так-то легко было до него добраться. Но я все равно придумал способ. Совсем простой. Разумеется, вам известно – какой.

– Вы решили подстрелить Сварда у окна, когда он будет его открывать или закрывать.

– Вот-вот. А иначе как его подловишь? И местечко я высмотрел подходящее. Сами знаете где.

Мартин Бек кивнул.

– Еще бы, – сказал Мауритсон. – Там только одно место и подходит, если в дом не входить. На склоне парка через улицу. Свард каждый вечер открывал окно в девять часов, а в десять закрывал. Вот я и отправился туда, чтобы угостить старичка пулей.

– Когда это было?

– В понедельник, семнадцатого, так сказать, вместо очередного взноса... В десять вечера. А дальше как раз и начинаются чудеса. Не верите? А я докажу, черт дери. Только сперва один вопрос к вам. Какое оружие у меня было, знаете?

– Знаю. Автоматический пистолет сорок пятого калибра, марка «лама девять А».

Мауритсон обхватил голову руками.

– Ясное дело, вы заодно с ними. Иначе не объяснить,

откуда вам известно то, чего никак невозможно знать. Чертовщина, да и только.

– Чтобы выстрел не привлек внимания, вы применили глушитель.

Мауритсон озадаченно кивнул.

– Наверно, сами же его и сделали. Какой попроще, на один раз.

– Да-да, точно, – подтвердил Мауритсон. – Точно, все точно, только ради Бога объясните, что случилось потом.

– Рассказывайте начало, – ответил Мартин Бек, – а я объясню конец.

– Ну вот, пошел я туда. Нет, не пошел, а поехал на машине, но это один черт. Было уже темно. Ни души поблизости. Свет в комнате не горел. Окно было открыто. Штора опущена. Я влез на склон. Постоял несколько минут, потом поглядел на часы. Без двух минут десять. Все идет, как было задумано. Чертов старикан отодвигает штору, чтобы закрыть окно, как заведено. Но только я к тому времени еще до конца не решился. Вы, конечно, знаете, о чем я говорю.

– Вы не решили – то ли убить Сварда, то ли просто припугнуть его. Скажем, ранить его в руку или в подоконник стрелнуть.

– Разумеется, – вздохнул Мауритсон. – Разумеется, вам и это известно. Хотя я ни с кем не делился, только про себя думал, вот тут.

Он постучал костяшками себе по лбу.

– Но вы недолго колебались.

– Да, как поглядел я на него – тут и сказал себе, что лучше уж сразу с ним покончить. И выстрелил.

Мауритсон смолк.

– А дальше?

– Это я вас спрашиваю, что было дальше. Я не знаю. Промahnуться было невозможно, но в первую минуту мне показалось, что я промазал. Свьярд исчезает, а окно закрывается, раз-два, и закрыто. Штора ложится на место. Все выглядит, как обычно.

– И что же вы сделали?

– Поехал домой. Что мне еще было делать. А дальше каждый день открываю газету – ничего! День за днем ни слова. Непостижимо! Я ничего не мог понять. Тогда не мог, а теперь – и вовсе...

– Как стоял Свьярд, когда вы стреляли?

– Как... Наклонился вперед малость, правую руку поднял. Должно быть, одной рукой держал щеколду, а другой опирался на подоконник.

– Где вы взяли пистолет?

– Знакомые ребята купили кое-какое оружие за границей, по экспортной лицензии, а я помог им ввезти товар в страну. Ну, и подумал, что не мешает самому обзавестись шпалером. Я в оружии не разбираюсь, но мне понравился один из их пистолетов, и я взял себе такой же.

– Вы уверены, что попали в Свьярда?

– Конечно. Промазать было немислимо. А вот потом ничего не понятно. Почему не было никаких последствий? Я несколько раз проходил мимо дома, проверял – окно закрыто, как всегда, штора спущена. В чем дело, думаю, – может, все-таки промахнулся? А там новые чудеса пошли, черт-те что. Полный сумбур, чтоб мне провалиться. И вдруг ваша милость является и все знает.

– Кое-что могу объяснить, – сказал Мартин Бек.

– Можно я теперь задам несколько вопросов?

– Конечно.

– Во-первых: попал я в старикана?

– Попали. Уложили наповал.

– И то хлеб. Я уж думал, что он сидит в соседней комнате с газеткой и ржет, аж штаны мокрые.

– Таким образом, вы совершили убийство, – сурово произнес Мартин Бек.

– Ага, – невозмутимо подтвердил Мауритсон. – И остальные мудрецы – мой адвокат, например, – то же самое твердят.

– Еще вопросы?

– Почему всем было плевать на его смерть? В газетах ни строчки не написали.

– Сварда обнаружили только много позже. И сначала решили, что он покончил с собой. Так уж обстоятельства сложились.

– Покончил с собой?

– Да, полиция тоже иногда небрежно работает. Пуля попала ему прямо в грудь, это понятно, ведь он стоял лицом к окну. А комната, в которой лежал покойник, была заперта изнутри. И дверь, и окно заперты.

– Ясно – должно быть, он потянул окно за собой, когда падал. И щеколда сама на крюк наделась.

– Да, пожалуй, что-то в этом роде. Удар пули такого калибра может отбросить человека на несколько метров. И даже если Свард не держал щеколду, она вполне могла надеться на крюк, когда захлопнулось окно. Мне довелось видеть нечто подобное. Совсем недавно.

Мартин Бек усмехнулся про себя.

— Ну что же, — заключил он, — будем считать, что в основном все ясно.

— В основном все ясно? Скажите на милость, откуда вам известно, что я думал перед тем, как выстрелить?

— Вот это как раз была просто догадка, — ответил Мартин Бек. — У вас есть еще вопросы?

Мауритсон удивленно воззрился на него.

— Еще вопросы? Вы что — разыгрываете меня?

— И не думал.

— Тогда будьте добры объяснить мне такую вещь. В тот вечер я отправился напрямик домой. Положил пистолет в старый портфель, который набил камнями. Обвязал портфель веревкой — крепко обвязал, как следует, — и поставил в надежное место. Но сначала снял глушитель и раздолбил его молотком. Он и вправду был на один раз, только я его не сам сделал, как вы говорите, а купил вместе с пистолетом. На другое утро я доехал до вокзала и отправился в Сёдертелье. По пути зашел в какой-то дом и бросил глушитель в мусоропровод. Какой дом, и сам теперь не припомню. В Сёдертелье сел на моторную лодку, которая у меня там обычно стоит, и к вечеру добрался на ней до Стокгольма. Утром забрал портфель с пистолетом, опять сел в лодку и где-то аж около Ваксхольма бросил портфель в море. Прямо посреди фарватера.

Мартин Бек озабоченно нахмурился.

— Все было точно так, как я сейчас сказал, — запальчиво продолжал Мауритсон. — Без меня никто не может войти в мою квартиру. Ключа я никому не давал. Только два-три человека знают мой адрес, а им я сказал, что на несколько

дней уезжаю в Испанию, перед тем как занялся Свярдом.

— Ну?..

— А вы вот сидите тут, и вам все известно, черт возьми. Известно про пистолет, который я самолично вот этими руками в море утопил. Известно про глушитель. Так вы уж будьте любезны, просветите меня.

Мартин Бек задумался.

— Где-то вы так или иначе допустили ошибку, — сказал он наконец.

— Ошибку? Но ведь я же вам все рассказал, ничего не пропустил. Или я уже не отвечаю за свои поступки, черт дери? Что?..

Мауритсон пронзительно рассмеялся, но тут же оборвал смех:

— Ну конечно, и вы хотите меня подловить. Только не думайте, что я повторю эти показания на суде.

Опять зазвучал истерический хохот.

Мартин Бек встал, открыл дверь и жестом подозвал конвоира:

— У меня все. Пока все.

Мауритсона увели. Он продолжал смеяться. Приятным этот смех нельзя было назвать.

Мартин Бек открыл тумбу письменного стола, быстро перемотал конец ленты, вынул бобину из аппарата и прошел в штаб спецгруппы.

Он застал там Рённа и Колльберга.

— Ну? — спросил Колльберг. — Понравился тебе Мауритсон?

— Не очень. Но у меня есть данные, чтобы привлечь его за убийство.

– Кого же он еще убил?

– Сварда.

– В самом деле?

– Точно. Он даже признался.

– Послушай, эта лента, – вмешался Рённо, – она из моего магнитофона?

– Да.

– Ну так тебе от нее не будет проку. Аппарат ведь не работает.

– Я его сам проверил.

– Точно, первые две минуты он пишет. А потом звук пропадает. Я вызвал на завтра монтера.

– Вот как. – Мартин Бек поглядел на ленту. – Ничего. Мауритсон все равно уличен. Леннарт же сам сказал, что оружие, из которого совершено убийство, неопровержимо указывает на него. Ельм говорил вам, что на пистолет был надет глушитель?

– Говорил. – Колльберг зевнул. – Но в банке Мауритсон обошелся без глушителя. Скажи лучше, почему у тебя лицо такое озабоченное?

– С Мауритсоном что-то неладно, – ответил Мартин Бек. – И я не могу понять, в чем дело.

– А тебе непременно подавай глубокое проникновение в человеческую психику? – поинтересовался Колльберг. – Собираешься писать диссертацию по криминологии?

– Привет, – сказал Мартин Бек.

И вышел.

– А что, время у него будет, – заметил Рённо. – Вот станет начальником управления, и знай себе сиди строчи.

XXX

Дело Мауритсона рассматривалось в Стокгольмском суде. Он обвинялся в убийстве, вооруженном ограблении, махинациях с наркотиками и иных правонарушениях.

Обвиняемый все отрицал. На все вопросы отвечал, что ничего не знает, что полиция сделала его козлом отпущения и сфабриковала улики.

Бульдозер Ульссон был в ударе, и ответчику пришлось жарко. В ходе судебного разбирательства прокурор даже изменил формулировку «непреднамеренное убийство» на «преднамеренное».

Уже на третий день суд вынес решение.

Мауритсона приговорили к пожизненным принудительным работам за убийство Гордона и ограбление банка на Хурнsgатан. Кроме того, его признали виновным по целому ряду других статей, в том числе как соучастника налетов шайки Мурена.

А вот обвинение в убийстве Карла Эдвина Сварда суд отверг. Адвокат, который поначалу не проявил особой прыти, здесь вдруг оживился и раскритиковал вещественные доказательства. В частности, он организовал новую экспертизу, которая подвергла сомнению результаты баллистического исследования, справедливо указывая, что гильза слишком сильно пострадала от внешних факторов, чтобы ее с полной уверенностью можно было привязать к пистолету Мауритсона.

Показания Мартина Бека были сочтены недостаточно обоснованными, а кое в чем и попросту произвольными.

Конечно, с точки зрения так называемой справедливости это большой роли не играло. Какая разница, судить ли Мауритсона за одно или за два убийства. Пожизненное

заключение – высшая мера, предусмотренная шведским законодательством.

Мауритсон выслушал приговор с кривой усмешкой. Вообще он на процессе производил довольно странное впечатление.

Когда председатель спросил, понятен ли ответчику приговор, Мауритсон покачал головой.

– Коротко говоря, вы признаны виновным в ограблении банка на Хурнsgатан и в убийстве господина Гордона. Однако суд не признал вас виновным в убийстве Карла Эдвина Сварда. Вы приговорены по совокупности к пожизненному заключению и будете содержаться в камере предварительного заключения, пока приговор не вступит в силу.

Когда Мауритсона уводили из зала суда, он смеялся. Люди, видевшие это, пришли к выводу, что только законченный преступник и редкостный негодяй, совершенно не способный к раскаянию, может проявлять такое неуважение к закону и суду.

Монита устроилась в тенистом углу на террасе отеля, положив на колени учебник итальянского языка для взрослых.

Мона играла с одной из своих новых подружек в бамбуковой рощице в саду. Девочки сидели на испещренной солнечными зайчиками земле между стройными стеблями, и, слушая их звонкие голоса. Монита поражалась тому, как легко понимают друг друга дети, даже если говорят на совершенно разных языках. Впрочем, Мона уже запомнила довольно много слов, и мать не сомневалась, что дочь го-

раздо быстрее ее освоит местную речь; самой Моните язык никак не давался.

Конечно, в отеле достаточно было ее скудного запаса английских и немецких слов, но Монита хотела общаться не только с обслуживающим персоналом. Потому-то она и взялась за итальянский, который показался ей намного легче словенского и которым на первых порах вполне можно было обходиться здесь, в маленьком городке вблизи итальянской границы.

Стояла страшная жара, и ее совсем разморило, хотя она сидела в тени и всего десять минут назад в четвертый раз с утра приняла душ. Она захлопнула учебник и сунула его в сумку, стоящую на каменном полу подле шезлонга.

На улице и прилегающей к саду набережной прогуливались одетые по-летнему туристы, среди которых было много шведов. Чересчур много, считала Монита. Местных жителей легко было отличить в толпе, они двигались уверенно и целеустремленно, неся корзины с яйцами или фруктами, большие буханки свежееиспеченного серого хлеба, рыболовные снасти, детишек. Только что мимо прошел мужчина, который нес на голове зарезанного поросенка. К тому же люди постарше чуть не все одевались в черное.

Она позвала Мону, и дочь подбежала к ней вместе со своей подружкой.

– Я думаю прогуляться, – сказала Монита. – Только до дома Розеты и обратно. Пойдешь со мной?

– А это обязательно? – спросила Мона.

– Конечно, нет. Оставайся, играй тут, если хочется. Я скоро вернусь.

Монита не торопясь пошла вверх по косогору за отелем.

Сверкающий белизной дом Розеты стоял на горе, в пятнадцати минутах ходьбы от гостиницы. Название сохранилось, хотя Розета умерла пять лет назад и дом перешел к ее трем сыновьям, которые давно уже обосновались в самом городке.

Со старшим сыном Монита познакомилась в первую же неделю; он содержал погребок в порту, и его дочурка стала лучшей подружкой Моны. Из всего семейства Монита только с ним могла объясняться – он был когда-то моряком и неплохо говорил по-английски. Ей было приятно, что она так быстро обзавелась друзьями в городе, но больше всего ее радовала возможность снять дом Розеты осенью, когда уедет поселившийся там на лето американец.

Дом просторный, удобный, с чудесным видом на горы, порт и залив, кругом большой сад. И до следующего лета он никому не обещан, так что в нем можно почти год прожить.

А пока Монита ходила туда, чтобы посидеть в саду и поговорить с американцем, отставным военным, который приехал сюда писать мемуары.

Поднимаясь по крутому склону, она снова и снова перебирала в уме события, приведшие ее сюда. И в который раз за эти три недели поражалась тому, как быстро и просто все свершилось, стоило решиться и сделать первый шаг. Правда, ее терзала мысль о том, что цель достигнута ценой человеческой жизни. В бессонные ночи в ее голове до сих пор отдавался непреднамеренный роковой выстрел – но, может, время приглушит это воспоминание.

Находка на кухне Филипа Мауритсона сразу все решила. Взяв в руки пистолет, она фактически уже знала, как поступит. Потом два с половиной месяца разрабатывала план и собиралась с духом. Десять недель она ни о чем другом не могла думать.

И когда пришла пора выполнять план, Монита была уверена, что предусмотрела все возможные ситуации, будь то в банке или за его пределами.

Вот только вмешательство постороннего застигло ее врасплох. Она ничего не смыслила в огнестрельном оружии и не пыталась поближе познакомиться с пистолетом, ведь он ей нужен был только для устрашения. Ей и в голову не приходило, что выстрелить так просто.

Когда этот человек бросился к ней, она непроизвольно сжала пистолет в руке. Звук выстрела был для нее полной неожиданностью. Увидев, что человек упал, и поняв, что она натворила, Монита страшно перепугалась. Внутри все онемело, и ей до сих пор было непонятно, как она после такого потрясения смогла довести дело до конца.

Доехав на метро домой, Монита засунула сумку с деньгами в чемодан с одеждой Моны: она приступила к сборам еще накануне.

Дальнейшие действия Мониты трудно было назвать осмысленными.

Она переоделась в платье и сандалии и доехала на такси до Армфельтсгатан. Это не было предусмотрено планом, но ей вдруг представилось, что Мауритсон отчасти тоже повинен в гибели человека в банке, и она решила вернуть оружие туда, где нашла его.

Однако войдя на кухню Мауритсона, Монита почувствовала, что это вздор. В следующую минуту на нее напал

страх, и она обратилась в бегство. На первом этаже заметила распахнутую дверь подвала, спустилась туда и уже хотела бросить зеленую брезентовую сумку в мешок с мусором, когда услышала голоса мусорщиков. Она пробежала в глубь коридора, очутилась в каком-то чулане и спрятала сумку в деревянный сундук в углу. Дождалась, когда мусорщики хлопнули дверью, и поспешно покинула дом.

На другое утро Монита вылетела за границу.

Мечтой всей ее жизни было увидеть Венецию, и уже через сутки после ограбления она прилетела туда вместе с Моной. Они недолго пробыли в Венеции, всего два дня – было туго с гостиницей, к тому же стояла невыносимая жара, усугубляемая вонью от каналов. Уж лучше приехать еще раз, когда схлынет наплыв туристов.

Монита взяла билеты на поезд до Триеста, оттуда они проехали в Югославию, в маленький истрийский городок, где и остановились.

Черная нейлоновая сумка с восемьюдесятью семью тысячами шведских крон лежала в платяном шкафу ее номера, в одном из чемоданов. Монита не раз говорила себе, что надо придумать более надежное место. Ничего, на днях съездит в Триест и поместит деньги в банк.

Американца не оказалось дома, тогда она прошла в сад и села на траву, прислонясь спиной к дереву; кажется, это была пиния.

Подобрав ноги и положив подбородок на колени, Монита смотрела на Адриатическое море.

Воздух на редкость прозрачный, хорошо видно линию горизонта и светлый пассажирский катер, спешащий к га-

вани.

Прибрежные утесы, белый пляж и переливающийся синевой залив выглядели очень заманчиво. Что ж, посидит немного и пойдет искупается...

Начальник ЦПУ вызвал члена коллегии Стига Мальма, и тот не замедлил явиться в просторный, светлый угловой кабинет, расположенный в самом старом из зданий полицейского управления.

На малиновом ковре лежал ромб солнечного света, сквозь закрытые окна пробивался гул от стройки, где прокладывалась новая линия метро.

Речь шла о Мартине Беке.

— Ты ведь гораздо чаще моего встречался с ним, — говорил начальник ЦПУ. — Когда у него был отпуск после ранения и теперь, в эти две недели, когда он вышел на работу. Как он тебе?

— Смотря что ты подразумеваешь, — ответил Мальм. — Ты про здоровье спрашиваешь?

— О его физической форме пусть врачи судят. По-моему, он совсем оправился. Меня больше интересует, что ты думаешь о состоянии его психики.

Стиг Мальм пригладил свои холеные кудри.

— Гм... Как бы это сказать...

Дальше ничего не последовало, и, не дождавшись продолжения, начальник ЦПУ заговорил сам с легким раздражением в голосе:

— Я не требую от тебя глубокого психологического анализа. Просто хотелось бы услышать, какое впечатление он на тебя сейчас производит.

– И не так уж часто я с ним сталкивался, – уклончиво произнес Мальм.

– Во всяком случае, чаще, чем я, – настаивал начальник ЦПУ. – Тот он или не тот?

– Ты хочешь знать, тот ли он, что был прежде, до ранения? Да нет, пожалуй, не тот. Но ведь он долго болел, был большой перерыв, ему нужно какое-то время, чтобы втянуться в работу.

– Ну а в какую сторону он, по-твоему, изменился?

Мальм неуверенно посмотрел на шефа.

– Да уж во всяком случае, не в лучшую. Он всегда был себе на уме и со странностями. Ну и склонен слишком много на себя брать.

Начальник ЦПУ наклонил голову и сморщил лоб.

– В самом деле? Да, пожалуй, это верно, однако прежде он успешно справлялся со всеми заданиями. Или, по-твоему, он теперь стал больше своевольничать?

– Трудно сказать... Ведь он всего две недели как вышел на работу...

– По-моему, он какой-то несобранный, – сказал начальник ЦПУ. – Хватка уже не та. Взять хоть его последнее дело, этот смертный случай на Бергсгатан.

– Да-да, – подхватил Мальм. – Это дело он вел неважно.

– Отвратительно! Больше того – какую нелепую версию предложил! Спасибо, пресса не заинтересовалась этим делом. Правда, еще не поздно, того и гляди, просочится что-нибудь. Вряд ли это будет полезно для нас, а для Бека и подавно.

– Да, тут я просто теряюсь, – сказал Мальм. – У него там многое буквально из пальца высосано. А это мнимое

признание... Я даже слов не нахожу.

Начальник ЦПУ встал, подошел к окну, выходящему на Агнегатан, и уставился на ратушу напротив. Постоял так несколько минут, потом вернулся на место, положил ладони на стол, внимательно осмотрел свои ногти и возвестил:

– Я много думал об этой истории. Сам понимаешь, она меня беспокоит, тем более что мы ведь собирались назначить Бека начальником управления.

Он помолчал. Мальм внимательно слушал.

– И вот к какому выводу я пришел, – снова заговорил начальник. – Когда посмотришь, как Бек вел дело этого... этого...

– Сварда, – подсказал Мальм.

– Что? Ладно, пускай Сварда. Так вот – все поведение Бека свидетельствует, что он вроде бы не в своей тарелке, как по-твоему?

– По-моему, очень похоже на то, что он спятил, – сказал Мальм.

– Ну, до этого, будем надеяться, еще не дошло. Но какой-то сдвиг в психике, несомненно, есть, а потому я предложил бы подождать и поглядеть – серьезно это или речь идет о временном последствии его болезни.

Начальник ЦПУ оторвал ладони от стола и снова опустил их.

– Словом... В данный момент я посчитал бы несколько рискованным рекомендовать его на должность начальника управления. Пусть еще поработает на старом месте, а там будет видно. Все равно ведь этот вопрос обсуждался только предварительно, на коллегиях не выносился. Так что

предлагаю снять его с повестки дня и отложить до поры до времени. У меня есть другие, более подходящие кандидаты на эту должность, а Беку необязательно знать, что обсуждалась его кандидатура, и ему не будет обидно. Ну как?

– Правильно, – сказал Мальм. – Это разумное решение.

Начальник ЦПУ встал и открыл дверь: Мальм тотчас сорвался с места.

– Вот именно, – заключил начальник ЦПУ, затворяя за ним дверь. – Весьма разумное решение.

Когда слух о том, что повышение отменяется, через два часа дошел до Мартина Бека, он, в виде исключения, вынужден был согласиться с начальником ЦПУ.

Решение и впрямь было на редкость разумным.

Филип Трезор Мауритсон ходил взад и вперед по камере.

Ему не сиделось на месте, и мысли его тоже не знали покоя. Правда, со временем они сильно упростились и теперь свелись всего к нескольким вопросам.

Что, собственно, произошло?

Как это могло получиться?

Он тщетно доискивался ответа.

Дежурные наблюдатели уже докладывали о нем тюремному психиатру. На следующей неделе они собирались обратиться еще и к священнику.

Мауритсон все требовал, чтобы ему что-то объяснили. А священник – мастак объяснять, пусть попробует.

Заключенный лежал неподвижно на нарах во мраке. Ему не спалось.

Он думал.

Что же случилось, черт побери?

Как все это вышло?

Кто-то должен знать ответ.

Кто?

Пер Валё, Май Шеваль

ПОЛИЦИЯ, ПОЛИЦИЯ, КАРТОФЕЛЬНО ПЮРЕ!

I

Мальмё не очень похож на шведский город во многом из-за своего расположения. Отсюда ближе до Рима, чем до северных красот, на горизонте видны огни датского берега, и если верно то, что зимой тут частенько бывает мерзкая погода – слякотная, с пронизывающими ветрами, то верно и другое: не менее часто лето здесь стоит долгое и жаркое, в парках заливаются соловьи и запахи цветов и свежей листвы кружат голову.

Как раз таким выдался этот вечер в начале июля 1969 года. В городе к тому же было тихо, спокойно и в общем-то безлюдно. Даже в большой гостинице напротив вокзала было довольно тихо. Несколько иностранцев рассчитывались с портье за жилье, швейцар, укрывшись в глубине гардеробной, безмятежно почитывал какого-то классика, а в сумраке бара виднелись фигуры двух-трех завсегдатаев, тихо переговаривавшихся между собой, и светилась белая куртка бармена.

В просторном ресторане вправо от вестибюля тоже было тихо; может, чуть шумнее. Занято всего несколько столиков, да и то молчаливыми одиночками; пианист уже ушел на перерыв. Напротив двери, ведущей в кухню, стоял официант; заложив руки за спину, он задумчиво смотрел в окно, очевидно, погруженный в мысли о пляже, до которого не так уж и далеко.

В глубине ресторана обедала компания хорошо одетых и, очевидно, настроенных на торжественный лад людей.

Стол был загроможден деликатесами и бутылками с шампанским. Но официанты тактично удалились, поскольку хозяин стола встал и начал говорить. Это был рослый, загорелый человек с сильной проседью. Говорил он тихо, хорошо поставленным голосом; чувствовалось, что это опытный оратор. Сидевшие за столом молча слушали его, только один из них курил.

Через открытые окна доносился шум пронесившихся мимо автомобилей и гудки маневровых паровозов с сортировочной станции по ту сторону канала; в порту коротко и резко гудел копенгагенский пароход, где-то близко, на набережной, хихикала девчонка.

Вот такой была ситуация в ту среду, вечером, примерно в половине девятого. Приходится говорить «примерно», ибо никому не удалось установить точное время случившегося. С другой стороны, тем легче говорить о том, что случилось.

В гостиницу вошел какой-то человек, бросил взгляд на иностранцев, рассчитывавшихся с портье, свернул направо, прошел через узкий длинный вестибюль и двинулся по ресторану спокойно и уверенно, не очень быстрыми шагами. В нем не было ничего особенного, привлекающего к нему внимание, на него никто не смотрел, да и сам он тоже не оглядывался по сторонам.

Он прошел мимо рояля, миновал столик официанта, заставленный блестящей, как зеркало, посудой, и ряд колонн, поддерживающих потолок ресторана. Так же спокойно и уверенно он направился к столу, за которым сидела компания. Говоривший стоял спиной к нему. Не доходя примерно шагов пять до стола, человек сунул правую руку

за пазуху, и одна из женщин, сидевших за столом, взглянула на него; оратор повернул голову, чтобы посмотреть, что привлекло ее внимание. Бросив безразличный взгляд на подошедшего, он снова повернулся к столу, не прерывая своей речи, и в ту же секунду прищелец вынул из-за пазухи предмет серо-стального цвета с длинным стволом, тщательно прицелился и выстрелил в голову говорившего. Звук выстрела никого не напугал, он скорее был похож на мирный шлепок духового ружья в тире.

Пуля попала в левое ухо, и оратор упал ничком на стол, угодив щекой в картофельное пюре, изысканно уложенное вокруг тушеной рыбы а-ля франс суэль.

Стрелявший убрал оружие, подошел к ближайшему открытому окну, перешагнул через подоконник, встал в цветочный ящик, спрыгнул на тротуар и исчез.

Человек лет пятидесяти, сидевший за несколько столиков от компании, так и застыл, поднеся рюмку виски ко рту. Перед ним лежала раскрытая книга; незадолго до этого он делал вид, что читает ее.

Тот, в кого стреляли, был еще жив.

Он пошевелился и сказал:

— Ой, больно.

Мертвые обычно не жалуются. Кроме того, совсем не было видно крови.

II

Пер Монссон сидел в своей холостяцкой квартире на Регементсгатан и говорил по телефону. Инспектор уголовной полиции Мальмё хоть и был женат, пять дней в неделю жил как холостяк. Только субботу и воскресенье он

проводил с женой; этот порядок они установили лет десять назад, и до сих пор он устраивал их обоих. Прижав трубку плечом к уху, он смешивал коктейль. Жена ходила в кино и теперь пересказывала ему содержание «Унесенных ветром». Это требовало времени, но Монссон терпеливо слушал, ибо собирался отменить ее визит на выходные дни под тем предлогом, что будет занят на работе. Что было ложью.

Часы показывали двадцать минут девятого.

Монссон взмок от пота, несмотря на то, что сидел в одной майке. Перед тем как подойти к телефону, он закрыл дверь на балкон, чтобы не мешал шум улицы, и, хотя вечернее солнце давно уже скрылось за крышами домов, в комнате было очень жарко. Он помешивал свой коктейль вилкой, которую, стыдно сказать, утащил или случайно прихватил с собой в ресторане под названием «Полковник». «Можно ли случайно унести вилку?» – подумал Монссон и сказал:

– Да, да, понимаю. Это, значит, Лесли Говард... Ах, нет? Кларк Гейбл? А-а...

Минут через пять жена добралась до конца, Монссон подsunул ей свою нехитрую выдумку и повесил трубку.

Телефон зазвонил. Монссон подошел не сразу. Сегодня он свое уже отработал, и с него хватит. Медленно выпил коктейль и, разглядывая темнеющее вечернее небо, снял трубку.

– Слушаю.

– Привет. Это Нильссон. Ну и долго же ты разговаривал. Я уже полчаса пытаюсь к тебе пробиться.

Нильссон был помощником инспектора и в этот вечер дежурил в полицейском участке на Давидсхалсторг.

Монссон вздохнул.

– Ну, – сказал он. – Что еще там стряслось?

– В «Савое» стреляли в одного из посетителей ресторана. Боюсь, что тебе придется туда подъехать.

Монссон приложил пустой, но еще холодный стакан ко лбу и, покатывая его ладонью, спросил:

– Он жив?

– Не знаю, – ответил Нильссон.

– А ты не можешь послать туда Скакке?

– Он выходной. Его не поймать никак. Баклунд сейчас там, но ведь ты знаешь...

– Баклунд? О'кэй, тогда я сейчас же еду.

Он набрал номер вызова такси, положил трубку на стол и стал одеваться, слушая, как записанный на пленку голос механически повторяет «ждите... ждите...», пока наконец не отозвалась дежурная.

Перед гостиницей «Савой» вкривь и вкось стояло несколько автомобилей с надписью «Полиция», два полицейских сдерживали любопытных прохожих, толпившихся у входа.

Наблюдая за этой сценой, Монссон расплатился с шофером, сунул квитанцию в карман; ему показалось, что один из полицейских действует совсем уж бесцеремонно, и он с грустью подумал, что скоро у полицейских Мальмё будет такая же скверная репутация, как и у стокгольмских коллег. Тем не менее Монссон ничего не сказал, кивнув полицейским, он прошел мимо них в вестибюль. Теперь здесь было шумно, служащие гостиницы, собравшиеся отовсюду, казалось, пытались перекричать друг друга; здесь же толпились посетители. Картину дополняли по-

лицейские. Вид у них был растерянный, они явно не привыкли к такой обстановке.

Монссон – рослый, пятидесятилетний, был одет очень легко: рубашка навывпуск, териленовые брюки¹⁵, сандалеты. Достав из нагрудного кармана зубочистку, он разорвал обертку и сунул зубочистку в рот. Пожевал, оценивая ситуацию. Зубочистка была американская и отдавала ментолом, он прихватил ее на пароме, где такого рода вещи держат для пассажиров.

У двери в ресторан стоял констебль, которого звали Элофссон и который, казалось, был обескуражен меньше других. Монссон подошел к нему и спросил:

– А что, собственно, случилось?

– Кажется, в кого-то стреляли.

– Инструкции вы какие-нибудь получили?

– Никаких.

– А Баклунд чем занимается?

– Допрашивает свидетелей.

– Раненый где?

– Наверное, в больнице. – Элофссон чуть покраснел, потом сказал: – По-видимому, «скорая» успела приехать раньше полиции.

Монссон вздохнул и вошел в ресторан.

У стола, заставленного суповыми мисками, блестящими, как серебро, официанта допрашивал Баклунд, пожилой человек в очках. Заурядной внешности. Каким-то образом ему удалось стать первым помощником инспек-

¹⁵ Полиэфирное синтетическое волокно. Основные торговые названия: лавсан, терилен, дакрон, тетерон, элана, тергаль, тесил.

тора уголовной полиции. Баклунд держал в руках блокнот и, задавая вопросы, старательно все записывал. Монссон подошел поближе, но своего присутствия ничем не выдал.

– И в какое время это случилось?

– Примерно так, полдевятого.

– Примерно?

– Ну да, точно-то я не знаю.

– Другими словами, вы не знаете, сколько было времени?

– Вот именно.

– В высшей степени странно, – произнес Баклунд. – У вас ведь есть часы, не так ли?

– Ну есть.

– А вон там, на стене, тоже висят часы, если не ошибаюсь?

– Да, но... И те и другие идут неверно. Кроме того, я и не думал тогда смотреть на часы.

Баклунда, казалось, ошеломил такой ответ. Отложив блокнот и ручку, он принялся протирать очки. Потом глубоко вздохнул и снова взял блокнот.

– Значит, несмотря на то, что у вас двое часов, вы не знаете, сколько было времени?

– Приблизительно знаю.

– Нам приблизительные ответы ни к чему.

– Да и идут-то эти часы по-разному. Мои спешат, а настенные отстают.

Баклунд сверил часы со своим хронометром.

– Странно, – сказал он и что-то записал.

«Что бы такое он мог записать?» – удивленно подумал Монссон.

– И так, вы стояли здесь, когда преступник проходил мимо? Вы можете описать его внешность?

– Но ведь я на него и не смотрел.

– Вы не видели преступника? – поразился Баклунд.

– Видел, когда он уже перешагивал подоконник и уходил.

– И как же он выглядел?

– Не знаю. Я стоял далеко от окна, да еще колонна его загораживала.

– Вы хотели сказать, что не можете описать его внешность?

– Не могу.

– Ну, а как он был одет?

– Кажется, в коричневую куртку.

– Кажется?

– Да, я ведь видел-то его только секунду.

– А что еще на нем было, кроме куртки? Брюки, например?

– Брюки были.

– Вы уверены?

– Да, потому что иначе это было бы немножко... Ну странно, что ли. То есть, если бы он был без штанов.

Баклунд писал как одержимый. Монссон повернул во рту зубочистку и тихо сказал:

– Слышь, Баклунд!

Тот сердито обернулся:

– Я веду важный допрос...

Узнав Монссона, он сразу скис.

– А, это ты?..

– Что тут произошло?

– В ресторане застрелили человека, и знаешь кого? Виктора Пальмгрена, – с ударением сказал Баклунд.

– Ах, его... – произнес Монссон. И подумал: «Хорошенькое дело, черт бы его побрал...» А вслух сказал: – Значит, это случилось более часа назад и стрелявший вылез в окно и исчез?

– Да, может быть, и так.

Баклунд, как всегда, сомневался во всем.

– Почему у гостиницы торчат шесть полицейских автомашин?

– Я разрешил оцепить это место.

– Что оцепить? Квартал?

– Место преступления.

– Убери отсюда всех полицейских в форме, – сухо сказал Монссон. – Для гостиницы мало хорошего в том, что в вестибюле и у входа полным-полно констеблей. Кроме того, они наверняка нужны где-нибудь в другом месте. А потом постарайся собрать приметы преступника. Ведь есть свидетели, которые видели больше, чем этот твой официант.

– Мы должны допросить всех, – сказал Баклунд.

– Допросим в свое время. Не держи здесь тех, кто не может сказать ничего важного, только запиши их фамилии и адреса. Баклунд подозрительно посмотрел на него и спросил:

– А ты что собираешься делать?

– Звонить по телефону.

– Куда это?

– В газеты, например. Надо же выяснить, что тут случилось?

– Шутишь все, – неодобрительно сказал Баклунд.

– Вот именно. – Монссон с отсутствующим видом смотрел в зал.

Там уже сустились журналисты и фотографы. Некоторые из них наверняка примчались сюда задолго до того, как явилась полиция, а кое-кто, вполне вероятно, сидел в баре или кафе как раз в момент выстрела.

– Но система требует... – начал Баклунд.

В этот момент в ресторан влетел Бенни Скакке. В свои тридцать лет он был помощником инспектора. Прежде он работал в Стокгольме в комиссии по особо опасным преступлениям, но ушел оттуда после какой-то сомнительной операции, которая чуть не кончилась бедой для одного из его начальников. Надежный и добросовестный, немножко наивный, Бенни нравился Монссону.

– Можешь взять себе в помощь Скакке, – сказал он.

– Стокгольмец, – с сомнением произнес Баклунд.

– Вот именно. И не забудь насчет примет. Это сейчас самое важное.

Монссон сунул изжеванную зубочистку в пепельницу и вышел в вестибюль к телефону.

Он быстро позвонил по пяти номерам, потом тяжело вздохнул и направился в бар.

– Бог мой, кого я вижу! – обрадовался бармен.

– Привет, – сказал Монссон, усаживаясь у стойки.

– Что будем сегодня пить? Или как всегда?

– Нет, только сок. Мне нужно подумать.

«Начало такое, что хуже некуда», – думал Монссон. Во-первых, Пальмгрен – фигура очень известная и значительная. Почему – сказать, конечно, трудно. Несомненно

только одно: у него куча денег, он по меньшей мере миллионер. То, что в него стреляли в одном из лучших ресторанов, тоже не улучшает дело. Этот случай наверняка привлечет особое внимание. Сразу же после выстрела служащие гостиницы перенесли Пальмгрена в холл, соорудив ему временное ложе. Одновременно позвонили в полицию и в «скорую помощь». «Скорая» пришла очень быстро, забрала раненого и отвезла в больницу. Полиция же сначала не явилась. А патруль с рацией находился у вокзала, то есть в каких-то двухстах метрах от места преступления! Как это могло случиться? Правда, теперь уже известно как, но такие срывы не прибавят лавров полиции. Сообщение из гостиницы неправильно поняли: решили, что дело не спешное. Поэтому оба патрульных на вокзале устремили все свои помыслы на то, чтобы сцапать безобидного алкоголика. Только потом, когда позвонили еще раз, целое полчище полицейских во главе с Баклундом сломя голову понеслось в гостиницу. Расследование начали вести тоже совершенно безобразно. Сам же Монсон в это время сидел и пережевывал вместе с женой «Унесенных ветром» целых сорок минут. К тому же он выпил, и ему пришлось вызывать такси. Первый полицейский явился на место преступления только через полчаса после выстрела. Что касается Пальмгрена, неясно, в каком он состоянии. В больнице его обследовали и отправили к нейрохирургу, в Лунд. От Мальмё это километров двадцать, и машина еще в пути. В этой машине и один из главных свидетелей – жена Пальмгрена. За столом она, вероятно, сидела напротив мужа и могла близко видеть лицо стрелявшего.

Теперь прошел уже почти час. Потеряно время, а ведь каждая секунда дорога.

Монссон снова покачал головой и взглянул на часы. Половина десятого.

В бар вошел Баклунд в сопровождении Скакке.

– Сидишь? – удивился Баклунд, близоруко взглянув на Монссона.

– Как с приметами? – спросил тот. – Это надо быстро сделать.

Баклунд покопался в своем блокноте, потом положил его на стойку, снял очки и принялся их протирать.

– Вот, – быстро сказал Скакке, – что мы пока собрали. Среднего роста, худощавый, волосы темно-каштановые, зачесаны назад. Коричневая куртка, рубашка пастельных тонов, желтая или зеленая, темный галстук, темно-серые брюки, черные или коричневые ботинки. Возраст – примерно сорок.

– Хорошо, – сказал Монссон. – Разослать приметы. Перекрыть основные дороги, проверить поезда, самолеты и пароходы. Тотчас же. Я хочу, чтобы он остался в городе.

Скакке ушел.

Баклунд надел очки, посмотрел на Монссона и повторил свой бессмысленный вопрос:

– Сидишь? – Потом взглянул на стакан и добавил еще более удивленно: – И пьешь?

Монссон не ответил.

Баклунд переключил внимание на часы, висевшие на стене бара, сверил время по своим и произнес:

– Эти часы тоже идут неверно.

– Конечно, – улыбнулся бармен. – Они спешат. Это наш

маленький сервис: услуга клиентам, которые торопятся на поезд или пароход.

– Ах, ах, ах! – вздохнул Баклунд. – Мы никогда в этом не разберемся. Как можно установить точное время, если нельзя верить часам?

– Да, трудное дело, – сказал Монссон, думая о своем. Вернулся Скакке.

– Ну вот, теперь порядок, – сообщил он.

– Наверное, слишком поздно, – сказал Монссон

– С чего это вы взяли?

Баклунд вытащил свой блокнот:

– Относительно этого официанта...

Монссон поднял руку:

– Обожди, этим мы займемся позднее... Бенни, позвони в Лунд, в полицию, и попроси их послать человека в нейрохирургическую клинику. Пусть он возьмет магнитофон и запишет все, что говорит Пальмгрен. Если только он в сознании. И конечно, нужно допросить фру Пальмгрен.

– Что касается этого самого официанта, – заговорил бармен, – то могу вам сказать, что он не заметил бы ничего, если бы даже в ресторан влетел вампир.

Баклунд раздраженно молчал. Монссон тоже ничего не говорил. Поскольку формально Баклунд был начальником Скакке, то осторожничал и обращался к нему на «вы».

– Кого вы считаете самым важным свидетелем?

– Парня, которого зовут Эдвардссон, – ответил Скакке. – Он сидел недалеко, три столика от места преступления. Только...

– Что «только»?

– Он пьяный.

– Водка – это проклятие, – произнес Баклунд.

– Ладно, обождем, пока он проспится, – сказал Монссон. – Кто может подкинуть меня в полицию?

– Я, – ответил Скакке.

– А я остаюсь здесь, – упрямо сказал Баклунд. – Формально это мой случай.

– Конечно, – ответил Монссон. – Ну пока.

– Ты думаешь, он смылся? – уже в машине задал вопрос Скакке.

– Во всяком случае, такая возможность у него есть. Нам придется обзвонить массу людей и не стесняться, что кого-то разбудим. Трудная будет ночь.

Скакке искоса взглянул на Монссона, который снимал обертку с новой зубочистки. Машина въехала во двор управления полиции.

Здание полиции казалось огромным, мрачным и в это время суток совсем пустым. Они шли по широкой лестнице, и их шаги отдавались гулким эхом где-то наверху.

По натуре Монссон был большой флегматик; и роста в нем было достаточно, и флегмы тоже. Он терпеть не мог трудные ночи, да к тому же уже завершал свою карьеру. У Скакке все обстояло иначе: он был моложе на двадцать лет, надеялся на быстрое продвижение по службе, отличался рвением и честолюбием. Однако работа в полиции успела научить его и осторожности и услужливости. Так что они, собственно говоря, хорошо дополняли друг друга.

Войдя в свой кабинет, Монссон первым делом открыл окно, потом опустился в кресло и долго сидел, задумчиво поворачивая валик своего старого «ундервуда». Наконец проговорил:

– Скажи, чтобы все сообщения по радио и телефонные звонки переводили сюда. На твой телефон. – Кабинет Скакке был напротив, через коридор. – А двери оставь открытыми.

Скакке пошел к себе и стал звонить. Через минуту за ним двинулся Монссон. Встал, прислонившись к дверному косяку и пожевывая зубочистку.

Зазвонил телефон. Скакке сделал пометку.

– У человека, стрелявшего в Пальмгрена, почти не было шансов выбраться из ресторана. Его действия до того, как он выстрелил, отдают фанатизмом, – сказал Монссон.

– Как при покушении по политическим соображениям?

– Примерно. А потом ему каким-то чудом удастся уйти, и дальше он ведет себя уже не как фанатик. Он паникует.

– Поэтому ты и думаешь, что он попытается уйти из города?

– И поэтому тоже. Он входит в ресторан и стреляет, не думая о последствиях. Но потом его, как и большинство преступников, охватывает паника. Он просто-напросто боится и хочет только одного: как можно скорее оказаться подальше от этого места.

«Теория, – подумал Скакке. – К тому же слабо обоснованная». Но ничего не сказал.

– Конечно, это всего лишь так называемая теория, – продолжал Монссон. – Хороший криминалист не станет заниматься теориями. Но в данный момент я не вижу никакого другого подхода.

Ночь была трудной, поскольку ничего не случилось. На вокзале и дорогах, ведущих из города, остановили нескольких человек, по приметам похожих на преступника.

Никто из них, по-видимому, отношения к этому делу не имел, но их имена на всякий случай записали.

Без двадцати час с вокзала ушел последний поезд. Без четверти два из Лунда сообщили, что Пальмгрен жив. В три часа оттуда пришло новое известие. Фру Пальмгрен чуть не в шоковом состоянии, и вести допрос практически нельзя. Тем не менее она сказала, что рассмотрела стрелявшего и уверена, что не знает его.

— А он, похоже, шустрый парень, этот лундский констебль, — зевая, сказал Монссон.

Сразу после четырех опять позвонили из Лунда: врачи решили пока что не оперировать Пальмгрена. Пуля вошла в голову за левым ухом, и трудно сказать, какие причинила нарушения. Общее состояние пациента для данных обстоятельств хорошее.

Общее состояние Монссона хорошим не было. Он устал, у него пересохло в горле, и он без конца ходил пить воду в туалет.

— А можно жить с пулей в голове? — спросил Скакке.

— Да. Такие случаи бывают. Иногда ткань образует оболочку вокруг пули, и человек поправляется. А если бы врачи попытались ее достать, он мог бы умереть.

Баклунд, как видно, намертво вцепился в «Савой», потому что позвонил в половине пятого и сказал, что он отгородил и опечатал часть ресторана, ожидая, когда из технического отдела придут обследовать место преступления, а придут они не раньше, чем через несколько часов.

— Спрашивает, не нужен ли он здесь, — спросил Скакке, прикрывая ладонью.

— Единственное место, где он, будем надеяться, нужен, — это дома, в постели своей жены, — сказал Монссон.

Скакке передал это Баклунду, слегка смягчив выражения. Потом сказал:

– Думаю, мы можем вычеркнуть из списка Бультофту¹⁶. Последний самолет ушел оттуда пять минут двенадцатого. Никого по приметам схожего с преступником на нем не было. Следующий рейс в половине седьмого, на него билеты проданы еще позавчера, и никто места не спрашивал.

– Хм, – пробормотал Монссон, – позвоню-ка я сейчас человеку, который страшно не любит, когда его будят.

– Кому? Начальнику полиции?

– Нет, тот наверняка спал не больше нас с тобой. Кстати, в девять часов из Мальмё в Копенгаген пошел маршрутный катер на подводных крыльях. Постарайся выяснить, какой именно.

Задача оказалась неожиданно трудной, и прошло полчаса, прежде чем Скакке смог доложить:

– Он называется «Бегун» и сейчас стоит в Копенгагене. Удивительно, до чего люди злятся, когда их будит телефон.

– Можешь утешать себя тем, что мне сейчас достанется куда больше, чем тебе, – сказал Монссон.

Он пошел в свой кабинет, снял трубку, набрал код Копенгагена, потом номер домашнего телефона Могенсена, инспектора уголовной полиции. Насчитал семнадцать гудков, пока в трубке послышался невнятный голос:

– Могенсен.

– Привет. Это Пер Монссон из Мальмё.

– Чтоб тебя перекосило, – сказал Могенсен. – Ты зна-

¹⁶ *Бультофта* – аэродром в Мальмё. Здесь и далее, если не отмечено другое, видимо, прим. перев. или ред., хотя в исходной электронной версии не указано.

ешь, который теперь час?

– Знаю, – ответил Монссон. – Но это важное дело, срочное.

– Провалились бы вы к дьяволу с вашими срочными делами, – с ненавистью сказал датчанин.

– Вчера у нас в Мальмё было покушение на убийство. Стрелявший мог улететь в Копенгаген. У нас есть его приметы.

Потом он изложил всю историю, и Могенсен недовольно сказал:

– Черт побери, ты думаешь, я волшебник?

– Вот именно, – ответил Монссон. – Позвони, если что найдешь.

– Пошел ты к лешему, – сказал Могенсен на неожиданно чистом шведском и бросил трубку.

Монссон потянулся и зевнул. Позвонил Баклунд. Сказал, что место преступления оцеплено.

Было восемь утра.

– До чего же он настырный, – сказал Монссон.

– Что дальше будем делать? – спросил Скакке.

– Ничего. Ждать.

Без двадцати девять позвонили по личному телефону Монссона. Он взял трубку, с минуту или около того слушал, прекратил разговор, не сказав ни «спасибо», ни «до свидания», и крикнул Скакке:

– Звони в Стокгольм. Прямо сейчас.

– А что сказать?

Монссон взглянул на часы.

– Звонил Могенсен. Он говорит, что швед, назвавший себя Бенгтом Стенссоном, этой ночью купил билет Ко-

пенгаген – Стокгольм и торчал на аэродроме несколько часов. Наконец он сел в самолет САС, который вылетел в семь двадцать пять. Самолет должен приземлиться в Стокгольме максимум десять минут назад. У этого парня все приметы, кажется, совпадают. Надо, чтобы автобус, который повезет пассажиров в город, остановили у аэровокзала и этого человека взяли.

Скакке набросился на телефон.

– Все, – через минуту произнес он, еле переводя дух. – Стокгольм этим займется.

– С кем ты говорил?

– С Гюнвальдом Ларссоном.

Через полчаса зазвонил телефон Скакке. Он рванул трубку, выслушал то, что ему сообщили, и остался сидеть с трубкой в руках.

– Лопнуло, – сказал он.

– Вот как? – лаконично заметил Монссон. – А ведь у них там было двадцать минут в запасе.

III

Эти же слова прозвучали в Стокгольме, в отделении полиции на Кунгсхольмсгатан.

– Лопнуло! – Красная, потная физиономия Эйнара Рённа показалась в дверях кабинета Гюнвальда Ларссона.

– Что лопнуло? – отсутствующим тоном спросил Ларссон.

Он думал совсем о другом: о трех необычно дерзких ограблениях в метро прошлой ночью. И двух изнасилованиях. И шестнадцати драках. Что вы хотите – это Сток-

гольм. Хотя ни одного убийства за ночь, и то слава Богу. Сколько совершено краж и взломов – он не знал. И сколько наркоманов, контрабандистов, хулиганов и пьяниц взяла полиция – не знал тоже. Или сколько в чем-то виновных (кто больше, кто меньше) людей избито полицейскими в машинах и участках. Вероятно, бесчисленное множество. Его это не касалось, он занимался своим делом. Гюнвальд Ларссон был первым помощником комиссара по уголовным делам.

– С этим автобусом с аэровокзала.

– Ну и что с ним? Что у него лопнуло?

– Патруль, который должен был проверить пассажиров, опоздал – когда он прибыл на место, пассажиры уже разошлись, а автобус уехал.

Ларссон сумел наконец отключиться от своих размышлений и пристально посмотрел на Рённа:

– Что? Да ведь этого не может быть!

– К сожалению, может, – сказал Рённ. – Они туда просто не успели.

Гюнвальд Ларссон принял просьбу Скакке по чистой случайности и считал проверку автобуса простейшим из повседневных дел. Сердито нахмурившись, он сказал:

– Но ведь я, черт возьми, тут же позвонил в Сольну, и дежурный сказал, что у них есть радиопатруль на Каролинской дороге. Оттуда до аэровокзала максимум три минуты езды. А у них было не меньше двадцати в запасе. Что случилось?

– По дороге к ним кто-то пристал, и им пришлось разбираться. А когда они после этого приехали на место, автобус уже ушел.

– Значит, им пришлось разбираться?

Рённо надел очки и заглянул в записку, которую держал в руках.

– Да, именно так. А автобус назывался «Беата».

– «Беата»? Какой же это кретин стал давать имена автобусам?

– Ну не я же, – спокойно ответил Рённо.

– А этих болванов из патруля как-нибудь звали?

– Вероятно. Но я не знаю.

– Выясни. Если уж у автобусов есть имена, то должны же они, черт возьми, быть и у полицейских. Хотя им, собственно, хватило бы одних номеров.

– Или символов.

– Символов?

– Ну да. Как у ребятишек в детском саду, знаешь. Птичка, грибок, муха, собачка или еще что-нибудь.

– Я никогда не бывал в детском саду, – холодно бросил Ларссон. – Займись-ка патрульными. Этот Монссон из Мальмё помрет со смеху, если мы не найдем пристойного объяснения.

– Выяснил, – сказал Рённо, вернувшись минут через десять. – Автомашина номер три из полицейского участка в Сольне. Экипаж – Карл Кристианссон и Курт Квант.

Гюнвальд Ларссон вздрогнул:

– Что? Я так и знал. Эти два идиота просто преследуют меня. Вдобавок, оба они из Сконе¹⁷. Скажи, чтоб их немедленно доставили сюда. С этим надо разобраться.

Кристианссону и Кванту было что объяснять. Запу-

¹⁷ *Сконе* – южная область Швеции. Ее жителей, как принято считать, отличает медлительность и тугодумие. Диалект, на котором они говорят, труден для понимания жителям других областей страны.

танная история. Кроме того, они до смерти боялись Гюнвальда Ларссона и сумели оттянуть визит на Кунгсхольм-сгатам почти на два часа. Это было ошибкой, ибо Ларссон тем временем успел провести, и весьма успешно, свое собственное дознание.

Во всяком случае, они наконец стояли в его кабинете, оба в аккуратных мундирах, держа фуражки в руках. Широкоплечие, светловолосые, по метр восемьдесят шесть каждый, они оцепенело смотрели на Гюнвальда Ларссона блекло-голубыми глазами. Про себя они дивились тому, что именно Ларссон – исключение из неписаного, но действующего правила, по которому полицейский не критикует действия коллеги и не свидетельствует против него.

– Здравствуйте, – любезно сказал Гюнвальд Ларссон. – Очень хорошо, что вы сумели прийти.

– Здравствуйте, – нерешительно ответил Кристианссон.

– Привет! – нахально сказал Квант.

Гюнвальд Ларссон взглянул на него, вздохнул и сказал:

– Это вы, кажется, должны были проверить пассажиров автобуса аэропорта, не так ли?

– Да, – сказал Кристианссон. И задумался. Потом добавил: – Но мы опоздали.

– Не успели, – поправил дело Квант.

– Догадываюсь, – произнес Гюнвальд Ларссон. – Я понимаю и то, что ваша машина стояла на Каролинской дороге, когда вы получили приказ. Оттуда до аэровокзала две, максимум три минуты езды. Какая у вас машина?

– «Плимут», – поежился Кристианссон.

– Карась проходит два километра в час, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Это самая медлительная рыба в мире. Тем

не менее он преодолел бы это расстояние быстрее вас. – Он сделал паузу, потом взревел: – Почему, черт вас побори, вы опоздали?

– Нам пришлось разбираться с одним делом, – еле говорил Квант.

– Карась, наверное, и то сумел бы придумать что-нибудь получше, – уже спокойно сказал Ларссон. – Ну так что там у вас вышло?

– Нас... нас обругали, – тихо произнес Кристианссон.

– Оскорбление при исполнении служебных обязанностей, – категорически заявил Квант.

– И как это случилось?

– Велосипедист, проезжавший мимо, крикнул нам ругательные слова. – Квант по-прежнему не сдавался, в то время как Кристианссон стоял молча и казался все более испуганным.

– И это помешало вам выполнить только что полученное задание?

– Сам начальник управления полиции в официальном выступлении сказал, что за любое оскорбление служащего, особенно служащего в форменной одежде, следует привлекать к ответственности. Полицейский – это не какой-нибудь там попка.

– Разве? – удивился Гюнвальд Ларссон. Оба патрульных непонимающе уставились на него. Он пожал плечами и продолжал: – Разумеется, деятель, которого вы упомянули, весьма известен своими выступлениями, но я сомневаюсь, что даже он мог спорить такую глупость. Ну так как же вас обругали?

– Полиция, полиция, картофельное рыло, – сказал Квант.

– И вы считаете это оскорблением?

– Безусловно, – ответил Квант.

Гюнвальд Ларссон взглядом инквизитора посмотрел на Кристианссона, и тот, переступив с ноги на ногу, пробормотал:

– Ну да, и я так думаю.

– Да, – сказал Квант, – даже если о Сив кто-нибудь...

– Кто это Сив? Тоже автобус?

– Моя жена, – сказал Квант.

Гюнвальд Ларссон растопырил пальцы и опустил свои громадные кисти рук на крышку стола.

– Значит, дело было так. Ваша машина стояла на Каролинской дороге. Вы только что получили задание. В это время мимо проехал велосипедист и крикнул вам: «Полиция, полиция, картофельное рыло!» Вам пришлось разбираться с ним, и поэтому вы упустили автобус.

– Именно так, – сказал Квант.

– Да, – вздохнул Кристианссон.

Ларссон долго смотрел на них, потом тихо спросил:

– А это правда?

Оба патрульных молчали. Квант начал что-то подозревать, и вид у него был настороженный. Кристианссон одной рукой нервно теребил кобуру пистолета, другой вытирал фуражкой пот со лба.

Гюнвальд Ларссон выжидал, и глубокая тишина медленно вкралась в комнату. Потом он вдруг сжал кулаки и грохнул ими по столу так, что все задрожало.

– Ложь! – загремел он. – Каждое слово ложь, и вы это прекрасно знаете. Вы остановились у киоска с сосисками. Один из вас стоял возле машины и ел сосиску. Мимо вас –

это верно – проехал велосипедист, и кто-то вам что-то крикнул. Но крикнул не велосипедист, а его сынишка, который сидел сзади на багажнике. И крикнул он не «полиция, полиция, картофельное рыло», а «полиция, полиция, картофельно пюре», поскольку ему всего три года и он еще не научился говорить как следует.

Гюнвальд Ларссон оборвал свою речь. У Кристианссона и Кванта лица стали багровыми. Наконец Кристианссон пробормотал:

– И откуда вы все это знаете?

Ларссон переводил уничтожающий взгляд с одного на другого.

– Ну, так кто из вас жрал сосиски?

– Не я, – отозвался Кристианссон.

– Скотина трусливая, – сквозь зубы прошипел Квант.

– А теперь я скажу, откуда я все это знаю, – сухо произнес Ларссон. – Велосипедист был возмущен тем, что два хама в полицейской форме целых четверть часа орали на него за то, что трехлетний несмышлениш что-то там сказал. Он позвонил и пожаловался, и правильно сделал. Тем более, что у него есть свидетели. Кстати, а пюре к сосискам было?

Кристианссон с мрачным видом кивнул головой.

Квант попытался занять последнюю оборонительную позицию:

– Легко ослышаться и ошибиться, когда у тебя набит рот и ты...

Подняв руку, Гюнвальд Ларссон остановил его излияния. Потом вынул записную книжку, достал из внутреннего кармана ручку и написал крупными буквами: УБИ-

РАЙТЕСЬ К ЧЕРТУ

Вырвал листок и протянул его через стол. Кристианссон взял бумагу, посмотрел на нее, побагровел еще сильнее и передал Кванту.

– Я не в силах выговорить это, – произнес Гюнвальд Ларссон.

Кристианссон и Квант, взяв письменное указание с собой, удалились.

IV

Обо всем этом Мартин Бек ничего не знал. Он сидел в своем рабочем кабинете в полиции на аллее Вестберга, и занимали его совсем другие проблемы. Отставив стул подальше, он вытянул ноги и водрузил их на выдвинутый нижний ящик письменного стола. Покусывая мундштук только что прикуренной «Флориды» и засунув руки глубоко в карманы брюк, Мартин Бек смотрел в окно. Он думал.

Поскольку Мартин Бек руководил государственной комиссией по особо опасным преступлениям, можно было предположить, что он размышляет над убийством в Сэдере, случившемся неделю назад и до сих пор не раскрытым. Или думает о неопознанном женском трупе, выловленном вчера в Риддарфьорде. Однако это было не так.

Он не мог придумать, чем кормить гостей, которых пригласил к себе домой.

В конце мая Мартин Бек получил двухкомнатную квартиру на Чёпмансгатан и уехал от семьи. Они с Ингой прожили вместе восемнадцать лет, но брак распался дав-

ным-давно, и уже в январе, когда его дочь Ингрид собрала вещички и перебралась к своему приятелю, они с женой договорились о разводе. Сначала она была против, но, когда вопрос о квартире был решен, ей оставалось только согласиться. Рольфу было всего четырнадцать лет, и Мартин Бек чувствовал, что она рада остаться вдвоем с сыном.

Квартира была удобная и уютная, и когда он наконец расставил те немногие вещи, которые перевез из своего с Ингой дома в мрачноватом пригородном районе Багармуссен, и купил то, чего не хватало, он в припадке лихости пригласил трех своих лучшие друзей на ужин. Поскольку его высшим достижением в кулинарное искусство были вареные яйца и чай, приходилось признать, что он поступил по меньшей мере опрометчиво, и теперь он понимал это. Он попытался вспомнить, чем угощала гостей Инга, но в памяти поплыли только нечеткие картины вкусных и сытных блюд, способ приготовления которых, как и составные части, были ему совершенно неведомы.

Мартин Бек закурил новую сигарету и с тоской подумал о камбале а ля Велевска и телячьем филе Оскар. А что и говорить о Кёр-де-филе Провансаль! Кроме того, было еще одно обстоятельство: он не учел, каким аппетитом обладают его будущие гости.

Леннарт Колльберг, его ближайший помощник, не только любил поесть, но и был знатоком кулинарных тонкостей, в чем Мартин Бек имел не один случай убедиться, когда решался пойти вместе в столовую. Да и само бременное тело Колльберга свидетельствовало об усиленном интересе к прелестям накрытого стола, и даже ножевое

ранение в живот, полученное год назад, не лишило его этой особенности. У Гюн Колльберг не было габаритов ее мужа, но по аппетиту она ему не уступала. И Оса Турелль, которая теперь стала их коллегой, поскольку ее после окончания училища определили в полицию нравов, была истым Гаргантюа.

Он хорошо помнил, какой маленькой и тщедушной она была полтора года назад, когда ее мужа, младшего помощника Мартина Бека, в автобусе застрелил закоренелый убийца. Теперь все самое страшное позади, аппетит к ней вернулся и даже усилился. По-видимому, у нее великолепный обмен веществ.

Мартин Бек сначала хотел попросить Осу прийти пораньше, чтобы помочь ему, но потом отбросил эту идею.

Чей-то увесистый кулак стукнул в дверь, она отворилась, и в кабинет вошел Колльберг.

– Над чем задумался? – спросил он, усаживаясь в кресло для посетителей, которое задумчиво крякнуло под тяжестью его тела.

Никто не мог подумать, что Колльберг знал воровских приемов больше и умел отделать человека по всем правилам науки лучше, чем, может статься, любой другой во всей полиции.

Мартин Бек снял ноги с ящика и вместе со стулом подвинулся ближе к столу. Прежде чем ответить, он тщательно затушил недокуренную сигарету.

– Об этом убийстве топором в Юртхагене, – соврал он. – Нового ничего нет?

– Ты видел протокол вскрытия? Там сказано, что парень умер уже от первого удара. У него на редкость тонкие

кости черепа.

– Да, я видел.

– Посмотрим, что скажет его жена. В больнице вчера сообщили, что она пока в невменяемом состоянии. Может быть, она его и убила, кто знает.

Он встал, подошел к окну и открыл его.

– Закрой, – попросил Мартин Бек.

Колльберг закрыл окно.

– И как ты это выносишь, – жалобно сказал он. – Здесь ведь жарко, как в печке.

– Уж пусть меня лучше зажарят, чем задушат, – философски заметил Мартин Бек.

Здание полиции примыкало к Эссингеледен, и, когда машин на улице становилось больше, как, например, теперь, во время отпусков, особенно сильно чувствовалось, насколько воздух насыщен выхлопными газами.

– Пеняй на себя, – сказал Колльберг и побрел к двери. – Постарайся, во всяком случае, дожить до вечера. Ты ведь сказал – в семь часов, да?

– В семь, – ответил Мартин Бек.

– Я уже голоден, – сказал Колльберг.

– Вечером накормлю, – улыбнулся Мартин Бек, но дверь за Колльбергом уже закрылась.

Через минуту начали звонить телефоны, по которым надо было отвечать, пошли люди с бумагами, которые нужно было подписывать, и с вопросами, которые нужно было решать, и мысли о вечернем меню отошли на второй план.

Без четверти четыре он вышел из здания полиции и поехал на метро за покупками в Хёторьсхаллен. Он про-

возился там так долго, что ему в конце концов пришлось брать такси, чтобы успеть домой вовремя.

Без пяти семь все было готово, и он окинул взглядом накрытый стол. Икра в венчике тонко нарезанного лука, с укропом и лимоном. Копченый лосось. Крутые яйца, нарезанные ломтями. Салака горячего копчения. Копченый палтус. Колбасы разных сортов: салями, польская, ливерная. Салат из свежих креветок. Им Мартин Бек особенно гордился, потому что делал этот салат сам и, как ни странно, получилось даже вкусно. Сыр, редиска и оливки. Хлеб черный, белый и серый. Деревенское масло. На плите благоухал укропом молодой картофель. В холодильнике лежали четыре бутылки вина, пиво и бутылка водки.

Мартин Бек был весьма доволен результатами своих стараний. Теперь не хватало лишь гостей.

Оса Турелль явилась первой. Мартин Бек смешал два коктейля – «кампари» с содовой, и со стаканами в руке они пошли осматривать его владения.

Квартира состояла из спальни, гостиной, кухни, ванной и прихожей. Комнаты были маленькие, но уютные и удобные.

– Я уж не спрашиваю, хорошо ли тебе здесь, – произнесла Оса Турелль.

– Как и все, кто родился в Стокгольме, я всегда мечтал получить квартиру в старом районе, – сказал Мартин Бек. – Да и хорошо все-таки быть самому себе хозяином.

Оса кивнула. Она сидела на подоконнике, скрестив ноги, и держала стакан двумя руками. Маленькая и тонкая, с большими карими глазами и коротко подстриженными тонкими волосами, загорелая и свежая, она казалась очень

спокойной и хорошо отдохнувшей. Мартин Бек был рад видеть ее такой, ибо ей потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя после смерти Оке Стенстрёма.

– Ну, а сама-то ты как? – спросил он. – Ведь ты тоже недавно переехала.

– Заходи как-нибудь, посмотришь, как я живу, – ответила Оса.

После смерти Стенстрёма Оса одно время жила у Колльбергов, и, поскольку не хотела возвращаться в квартиру, где раньше жила вместе со Стенстрёмом, сменяла ее на однокомнатную на Кунгсхольмсстранде. Свою работу в туристской фирме она тоже бросила и поступила в полицейское училище.

Ужин удался на славу. Еда пользовалась большим успехом. Мартин Бек боялся, не будет ли ее слишком мало, но, когда гости встали из-за стола, вид у них был сытый и довольный, а Колльберг даже расстегнул украдкой верхнюю пуговицу на брюках. Оса и Гюн пили пиво и водку, а не вино, и к концу ужина бутылка лётенса тоже была пустой.

Мартин Бек принес коньяк и кофе, поднял свою рюмку и сказал:

– Теперь подумаем о том, чтобы завтра опохмелиться как следует, раз уж в кои-то веки у нас выходной получается у всех вместе.

– А я занята, – сказала Гюн. – В пять утра придет Будиль, прыгнет мне на живот и потребует завтрак.

Будиль, дочке Гюн и Леннарта, было два года.

– Не волнуйся, – сказал Колльберг. – Я сам с ней займусь независимо от того, будет у меня трещать башка или

нет. И давайте забудем о службе. Если бы я мог найти порядочную работу, то сразу бы ушел после той истории, год назад.

— Ты хоть сейчас-то не думай об этом, — сказал Мартин Бек.

— Это чертовски трудно, — ответил Колльберг. — Рано или поздно вся полиция дойдет до точки. Посмотри только на этих несчастных деревенских дурней в униформе, которые бродят по улицам и не знают, что им предпринять. А какие у них руководители?

— Конечно, конечно, — успокаивающе сказал Мартин Бек и потянулся за коньяком.

Его тоже очень беспокоило положение дел в полицейском корпусе, особенно централизация и крен в сторону политических соображений в работе; это стало чувствоваться после последних нововведений. То, что профессиональный уровень патрульной службы становился все ниже, тоже не улучшало дело. Но обсуждать эти проблемы сейчас вряд ли было уместно.

— Конечно, конечно, — меланхолично повторил он и поднял рюмку.

После кофе Оса и Гюн решили мыть посуду, а когда Мартин Бек запротестовал, заявили, что мытье посуды — их любимое занятие и они готовы мыть ее где угодно, только не дома. Он им подчинился и принес на кухню виски и содовую.

Зазвонил телефон.

Колльберг посмотрел на часы.

— Четверть одиннадцатого, — сказал он. — Готов поклясться, что это Мальм. Сейчас он скажет, что наш вы-

ходной завтра отменяется. Меня здесь нет!

Мальм был главный инспектор, помощник Хаммара, их бывшего шефа, который ушел на пенсию. Мальм явился из ниоткуда, то бишь из правления полиции, и заслуги имел исключительно в области политики.

Мартин Бек снял трубку. Потом сделал красноречивую гримасу. Звонил не Мальм, а шеф полиции. Он слегка картавил:

– Боюсь, что мне придется просить тебя завтра утром выехать в Мальмё. – И добавил, хотя и поздно спохватился: – Извини, если я помешал.

Не отвечая на это, Мартин Бек спросил:

– В Мальмё? А что там случилось?

Колльберг, который только что занялся приготовлением коктейля, взглянул на него и сокрушенно покачал головой. Мартин Бек показал глазами на свой стакан.

– Ты знаешь Виктора Пальмгрена? – спросил шеф.

– Конечно, слышал о нем, но знаю только, что у него масса разных предприятий и он богат, как Крез. У него, кажется, молодая и красивая жена, которая была не то манекенщицей, не то еще кем-то в этом роде. А что с ним?

– Умер. Сегодня вечером в нейрохирургической клинике в Лунде, после того, как в ресторане гостиницы «Савой» в Мальмё в него стрелял неизвестный. Это было вчера. У вас там что, газет нет?

Мартин Бек уклонился от ответа. Лишь сказал:

– А они сами там не справятся? – Он взял стакан виски с содовой, который протянул ему Колльберг, и отпил глоток. – Разве Пер Монссон больше не работает? – продолжал он. – Он-то ведь в состоянии...

Шеф нетерпеливо оборвал его:

– Да, Монссон работает, но я хочу, чтобы ты поехал туда и помог ему. Или, точнее говоря, занялся этим делом. И хочу, чтобы отправился как можно скорее.

«Нет уж, спасибо», – подумал Мартин Бек. В Мальмё можно было улететь и этой ночью без четверти час, но он не собирался этого делать.

– Вылетай завтра же, – сказал шеф. Он явно не знал расписания самолетов. – В этой тягостной и неприятной истории мы должны разобраться как можно быстрее. – Он замолчал. Мартин Бек маленькими глотками тянул свой коктейль и ждал. Наконец шеф продолжил: – И высокие инстанции тоже выразили пожелание, чтобы этим делом занялся именно ты.

Мартин Бек нахмурил брови и встретил вопросительный взгляд Колльберга.

– Он что, был такой важной персоной? – спросил Мартин Бек.

– Да, само собой. С некоторыми аспектами его деятельности связаны крупные интересы.

«А не мог бы ты выразиться яснее, без этих трафаретов, – подумал Мартин Бек. – Какие интересы, какие аспекты, какой деятельности?»

– К сожалению, я не совсем ясно представляю себе картину его деятельности, – сказал он.

– Тебя потом проинформируют. Главное, чтобы ты как можно быстрее был на месте. Я говорил с Мальмом, и он согласен отпустить тебя. Мы должны приложить все силы, чтобы взять этого человека, И будь осторожен при разговорах с прессой. Писанины тут будет много, как ты пони-

маешь. Ну, когда ты сможешь вылететь?

– Кажется, есть самолет в девять пятьдесят утра, – колебавшись, ответил Мартин Бек.

– Хорошо, вылетай этим рейсом, – сказал шеф полиции и повесил трубку.

V

Виктор Пальмгрен умер в семь тридцать вечера, в четверг. Всего за полчаса до официальной констатации его смерти врачи, обследовавшие физическое состояние Пальмгрена, нашли, что у него очень сильный организм и общее состояние не так уж плохо. Единственный изъян – пуля в голове.

В момент смерти возле Пальмгрена была его жена, два нейрохирурга, две медсестры и первый помощник инспектора лундской полиции.

Все сходились на том, что оперировать Пальмгрена слишком рискованно, даже неспециалист понимал это.

Временами раненый приходил в сознание, и однажды даже смог отвечать на вопросы. Дежуривший у его постели помощник инспектора, который к этому времени сам был еле жив от усталости, задал ему два вопроса:

– Рассмотрели ли вы человека, который в вас стрелял? – И: – Узнали ли вы его?

Ответы были такие: утвердительный в первом случае и отрицательный во втором. Пальмгрен видел стрелявшего, но в первый и последний раз в жизни.

От этого дело не прояснялось. Монссон, собрав на лбу тяжелые морщины, размышлял над ним; ему мучительно

хотелось спать или хотя бы сменить рубашку. День стоял невыносимо жаркий, а кондиционеров в здании полиции не было.

Единственная зацепка, на которую он надеялся, отпала. Прохлопали. Уж эти мне стокгольмцы, подумал Монссон. Но вслух этого не сказал из-за Скакке, который был чувствительной натурой.

А серьезной ли, кстати, она и была, эта зацепка?

И все-таки. Датская полиция допросила команду катера на подводных крыльях, и одна из стюардесс сказала, что во время вечернего рейса из Мальмё в Копенгаген она обратила внимание на то, что один из пассажиров упрямо стоял на палубе половину пути, который занимает тридцать пять минут. Внешний вид его, то есть прежде всего одежда, совпадал с приметами.

Здесь, кажется, что-то было.

На этих катерах, которые больше напоминают самолет, чем судно, на палубе не стоят. Вряд ли разумно стоять на таком ветру. Потом этот человек все же побрел в салон и сел там в одно из кресел. Он не стал покупать ни шоколада, ни спиртного, ни сигарет, которые на борту продаются беспощинно, и потому его имя не записано. Когда пассажир что-то покупает, он должен заполнить отпечатанный типографским способом бланк-заказ.

Почему этот человек старался подольше побыть на палубе?

Может быть, ему нужно было что-то выбросить за борт?

В таком случае – что именно?

Оружие.

Если только речь шла о том самом человеке. Если только он хотел избавиться от оружия. И если только он стоял на палубе не потому, что боялся морской болезни и хотел подышать свежим воздухом. «Если, если, если», – пробормотал про себя Монссон и раскусил последнюю зубочистку.

Обследование места преступления шло плохо. Обнаружили сотни отпечатков пальцев, но не было никаких оснований считать, что какие-то из них принадлежат человеку, стрелявшему в Пальмгрена. Самые большие надежды возлагались на окно, но те несколько отпечатков, которые нашли на стекле, были слишком нечетки.

Баклунда больше всего раздражало то, что он никак не мог найти стреляную гильзу. Он несколько раз звонил по телефону, жаловался:

– Не понимаю, куда она могла запропаститься.

Монссон считал, что ответ на этот вопрос предельно прост, и даже Баклунд мог бы догадаться. Поэтому и сказал с мягкой иронией:

– Позвони, если у тебя появится какая-нибудь теория на этот счет.

Следов ног тоже не смогли обнаружить. Вполне естественно, поскольку по ресторану прошло множество людей, да и просто нельзя найти что-нибудь стоящее на полу, который сплошь затянут ковром. Прежде чем спрыгнуть с окна на тротуар, преступник шагнул в цветочный ящик, что нанесло большой ущерб цветам, но ничего не дало криминалистам.

– Ну и званый ужин, – сказал Скакке.

– А что такое?

– Он скорее похож на деловое заседание, чем на дружескую встречу.

– Может быть, и так, – сказал Монссон. – У тебя есть список сидевших за столом?

– Конечно:

Виктор Пальмгрен, директор, Мальмё, 56 лет.

Шарлотта Пальмгрен, его жена, Мальмё, 32 года.

Хампус Бруберг, заведующий отделом, Стокгольм, 43 года.

Хелена Ханссон, секретарь, 26 лет.

Уле Хофф-Енсен, заведующий отделом, Копенгаген, 48 лет.

Бирта Хофф-Енсен, его жена, Копенгаген, 43 года.

Матс Линдер, помощник директора, Мальмё, 30 лет.

– И, понятное дело, все работают в концерне Пальмгрена, – сказал Монссон, вздохнул и подумал, что теперь все эти люди разъехались кто куда. Енсены на следующий вечер вернулись в Копенгаген. Хампус Бруберг и Хелена Ханссон утром улетели в Стокгольм, а Шарлотта Пальмгрен пребывала у смертного одра своего мужа. В Мальмё остался только Матс Линдер. Да и в этом уверенности тоже не было: ближайший помощник Пальмгрена все время разъезжал.

Казалось, что кульминацией всех неприятностей в этот день было сообщение о смерти Пальмгрена, которое они получили без четверти восемь и которое превратило покушение в убийство.

Но худшее было еще впереди.

В половине одиннадцатого они сидели и пили кофе, осунувшиеся и измученные бессонной ночью. Зазвонил

телефон, и Монссон снял трубку.

– Инспектор Монссон слушает. – И сразу: – Понимаю. – Он повторил это слово еще три раза, попрощался и повесил трубку. Посмотрел на Скакке и сказал: – Этот случай больше не наш. Сюда присылают человека из комиссии по расследованию особо опасных преступлений.

– Колльберга? – настороженно спросил Скакке.

– Нет. Самого Бека. Он прилетит завтра утром.

– Так что теперь делать?

– Спать, – ответил Монссон и встал.

VI

Когда стокгольмский самолет приземлился в Бультофте, Мартин Бек чувствовал себя неважно. Он и в хорошее-то время терпеть не мог самолеты, а на этот раз после выпивки полет показался ему вообще отвратительным.

Жаркий, неподвижный воздух после относительной прохлады салона показался ему обжигающим. Уже спускаясь по трапу, Мартин Бек вспотел, он пошел к зданию аэропорта, чувствуя, как ноги вязнут в размякшем от зноя асфальте.

В такси было жарко, как в печке, несмотря на опущенные стекла, и накалившаяся спинка заднего сиденья буквально жгла его плечи сквозь рубашку. Он знал, что Монссон ждет его в полиции, но решил сначала заехать в гостиницу, чтобы принять душ и переодеться. На этот раз он заказал номер не в «Сант-Ёргене», как обычно, а в «Савое».

В номере было прохладно. Окна выходили на север, и был виден канал, здание центрального вокзала и порт; чуть

дальше виднелся пролив; белый катер на подводных крыльях таял в голубоватой дымке где-то по дороге к Копенгагену.

Мартин Бек разделся и пошлепал по комнате, разбирая свои вещи. Потом пошел в ванную и долго стоял под холодным душем.

Он надел чистое белье и свежую рубашку и, когда был готов, увидел, что часы на здании вокзала показывали ровно двенадцать. В полицию он поехал на такси и, добравшись туда, пошел прямо в кабинет Монссона.

Окна, в кабинете были открыты настежь. Во дворе в это время дня стояла тень. Монссон сидел в одной рубашке и пил пиво, перелистывая лежавшие перед ним бумаги.

Они поздоровались. Мартин Бек снял пиджак и, опустившись в кресло, закурил свою «Флориду»; Монссон протянул ему пачку бумаг.

– Взгляни для начала на этот рапорт. Чертовщина тут начинается с первых шагов.

Бек внимательно читал рапорты, временами задавая Монссону вопросы для уточнения деталей. Монссон изложил ему и одну из слегка исправленных версий поведения Кванта и Кристианссона на Каролинском мосту. Гюнвальд Ларссон отказался от дальнейшего участия в нынешнем деле.

Мартин Бек, прочитав рапорты, отложил их в сторону и сказал:

– Прежде всего нам нужно как следует допросить свидетелей. Все это мало что дает. А что, кстати говоря, означает вот эта писанина? – Он полистал бумаги, нашел, что ему нужно, и прочитал: «Отклонения имеющихся в

наличии часов в показании точного момента преступления...» Что это такое?

Монссон пожал плечами:

– Это Баклунд. Ты, наверное, имел с ним дело?

– Ах, он. Тогда понятно, – ответил Бек.

Он имел дело с Баклундом. Однажды, несколько лет назад. Этого было достаточно.

Во двор въехала машина и остановилась под окнами. Захлопали дверцы, застучали торопливые шаги, потом громко заговорили по-немецки. Монссон неторопливо поднялся и выглянул в окно.

– Как видно, сделали облаву на площади Густава Адольфа, – сказал он, – или у причалов в порту; мы усилили там охрану, но попадается большей частью молодежь с какой-то мелочью, покупает гашиш для себя. Крупные партии наркотиков и серьезную контрабанду редко удается найти.

– У нас такая же картина.

Монссон закрыл окно и уселся.

– Ну, а как тут Скакке? – спросил Мартин Бек.

– Ничего, – ответил Монссон. – Честолюбивый парень. По вечерам сидит дома и зубрит. И работает хорошо. Очень исполнительный, точный, сгоряча ничего не делает. Видно, тот случай был ему хорошей наукой. Впрочем, он боялся, что сюда приедет Колльберг, а не ты.

Около года назад Бенни Скакке и Колльберг брали на аэродроме Арланда преступника, и тот нанес Колльбергу тяжелое ножевое ранение; отчасти виноват был Скакке.

– Да и для футбольной команды хорошее пополнение, как я слышал, – улыбнулся Монссон.

– Вот как, – безразлично сказал Мартин Бек. – А чем он сейчас занимается?

– Пытается найти человека, который сидел через несколько столиков от компании Пальмгрена. Его зовут Эдвардссон, он работает корректором в газете «Арбетет». Во вторник он был слишком пьян, и допрос не имел смысла, а вчера мы не могли его найти. Лежал, наверное, дома с похмелья и не хотел открывать дверь.

– Если уж он был пьян, когда стреляли в Пальмгрена, то от него мало толку как от свидетеля. А когда будем допрашивать жену Пальмгрена?

Монссон отхлебнул из стакана и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Надеюсь, сегодня. Или завтра. Ты хочешь этим заняться?

– Пожалуй, лучше поговорить с ней тебе самому. Ты, наверное, знаешь о Пальмгрене больше, чем я.

– Не думаю, – вздохнул Монссон. – Ну ладно, ведь решаешь здесь ты. Можешь поговорить с Эдвардссоном, если только Скакке его разыщет. У меня такое чувство, что пока он у нас самый важный свидетель, несмотря ни на что. Кстати, хочешь пива? Правда, оно совсем теплое.

Мартин Бек отрицательно покачал головой. Пить хотелось ужасно, но теплое пиво его не привлекало.

– Давай лучше поднимемся в буфет и выпьем минеральной воды, – сказал он.

Они выпили бутылку воды у стойки, не садясь, и вернулись в кабинет Монссона. На стуле для посетителей сидел Бенни Скакке и листал свою записную книжку. Он быстро встал, когда они вошли, и Мартин Бек пожал ему

руку.

– Ну как? Поймал Эдвардссона? – спросил он.

– Да, сейчас он в газете, но часа в три будет дома, – ответил Скакке. Заглянув в свои записи, он добавил: – Каммергатан, два.

– Позвони и скажи, что я буду у него в три часа, – сказал Бек.

Дом на Каммергатан был, очевидно, заселен первым из строившихся здесь домов. На другой стороне улицы горбатились приземистые старые здания, которым скоро предстояло пасть жертвой зубастых экскаваторов и освободить место для новых больших доходных домов.

Эдвардссон жил на самом верхнем этаже и сразу же после звонка Мартина Бека отворил дверь. Это был человек лет пятидесяти, с умным лицом, украшенным крупным носом. По обеим сторонам рта залегли глубокие морщины. Прищурившись, он посмотрел на Мартина Бека:

– Комиссар Бек? Входите.

Он прошел в комнату, очень скромно обставленную. Вдоль стен тянулись книжные полки, на письменном столе у окна стояла пишущая машинка с заправленным в нее и наполовину уже заполненным листом бумаги.

Эдвардссон снял кипу газет с единственного в комнате кресла.

– Садитесь, я принесу что-нибудь выпить. У меня в холодильнике есть пиво.

– Пусть будет пиво, – сказал Мартин Бек.

Эдвардссон сходил на кухню и вернулся с двумя бутылками пива и стаканами.

– «Бекс Бир». Пиво Бека, – сказал он. – Нам в самый раз.

Разлив пиво по стаканам, он уселся на диван, закинув руку на спинку.

Мартин Бек сделал большой глоток. Пиво было холодное, в жару такое только и пить. Потом сказал:

– Ну, вы ведь знаете, по какому делу я пришел?

Эдвардссон кивнул, закуривая сигарету.

– Да, Пальмгрен. Не могу сказать, что я горько оплакиваю эту потерю.

– Вы его знали?

– Лично? Вовсе нет. Но так или иначе мне все время приходилось наталкиваться на это имя. На меня Пальмгрен производил очень тяжелое, неприятное впечатление. Впрочем, я никогда не терпел людей его толка.

– Что значит – «его толка»?

– Людей, для которых деньги – все, и которые не брезгуют никакими средствами, чтобы их добыть.

– Я с удовольствием выслушаю ваше мнение о Пальмгрене потом, если вы захотите, конечно, но пока меня интересует другое. Вы видели человека, который в него стрелял?

Эдвардссон провел рукой по волосам, в которых уже пробивалась проседь.

– Боюсь, что тут я вам помочь не сумею. Я сидел, читал и, собственно, среагировал на все это только тогда, когда тот человек уже вылезал из окна. Меня интересовал в первую очередь Пальмгрен, а стрелявшего я видел лишь мельком. Он очень быстро исчез, и, когда я опомнился и подбежал к окну, его уже не было видно.

Мартин Бек достал из кармана мятую пачку «Флориды» и закурил.

– Вы совсем не помните, как он выглядел?

– Вспоминаю, что одежда была темной, костюм или пиджак и брюки, и что он не молод. Но это только мимолетное впечатление, ему может быть лет тридцать, сорок, ну пятьдесят, но никак не больше и не меньше этих пределов.

– А эта пальмгреновская компания уже сидела за столом, когда вы пришли?

– Нет, – сказал Эдвардссон. – Как раз наоборот. Когда они явились, я уже поел и выпил виски. Я ведь без семьи и иногда люблю пойти в какой-нибудь кабак и спокойно посидеть там за книгой. Бывает, что я засиживаюсь довольно долго. – Он помолчал и добавил: – Хотя это и чертовски дорого, конечно.

– Узнали ли вы кого-нибудь, кроме Пальмгрена, в этой компании?

– Его жену и того молодого человека, который считается... то есть считался его правой рукой. Остальных не знаю, но мне показалось, что они все служащие концерна. Двое из них говорили по-датски.

Эдвардссон достал из кармана брюк носовой платок и вытер пот со лба. На нем была белая рубашка, галстук, светлые териленовые брюки и темные ботинки. Рубашка намочена от пота. Мартин Бек чувствовал, что его рубашка тоже стала влажной и прилипает к телу.

– Может быть, вы случайно слышали, о чем шла речь за столом? – спросил он.

– Честно говоря, да. Я по природе любопытен и люблю изучать людей, поэтому я сидел и почти что подслушивал. Пальмгрен и датчанин говорили о делах, и я не понял, о чем

шла речь, но они несколько раз упомянули Родезию. Этого Пальмгрена просто распирали всякие планы и идеи, он сам сказал за столом об этом. Потом много говорили о разных темных аферах. Женщины болтали о том, о чем обычно болтают женщины такого рода. Тряпки, поездки, общие знакомые, приемы и прочее. Фру Пальмгрэн и самая молодая из дам говорили о какой-то женщине, сделавшей операцию груди, которые были плоскими, а после этого стали упругими, как теннисные мячи, и чуть ли не упирались в подбородок. Потом Шарлотта Пальмгрэн рассказала о приеме в Нью-Йорке, на котором был Фрэнк Синатра и кто-то по прозвищу Бутерброд всю ночь поил компанию шампанским. И остальное было не лучше. Что в «Твильфите» есть шикарные бюстгальтеры по семьдесят пять крон за штуку. Что летом жарко носить парик и приходится укладывать волосы каждый день.

Мартин Бек подумал, что Эдвардссон в тот вечер мало что прочел в своей книге.

— Ну а другие мужчины? Тоже говорили о делах?

— Не так много. Создавалось впечатление, что перед этим ужином у них было деловое заседание: четвертый из них, то есть не датчанин и не тот, что моложе всех, говорил о чем-то в этом роде. Нет, их разговор касался уж никак не высоких тем. Они, к примеру, долго болтали о галстук, который надел Пальмгрэн и которого я не видел, потому, что Пальмгрэн сидел спиной ко мне. Галстук был, наверное, какой-то особенный, потому что все им восхищались, а Пальмгрэн сказал, что купил его на Елисейских полях в Париже за девяносто пять франков. А этот четвертый говорил, что мучается и не спит по ночам из-за очень серъ-

езной проблемы: его дочь спуталась с негром. Пальмгрен предложил отправить ее в Швейцарию, где вряд ли есть негры.

Эдвардссон встал, отнес пустые бутылки на кухню и принес две полные. Они запотели и выглядели весьма привлекательно.

– Да, – сказал Эдвардссон, – вот в общем-то и все, что я помню из застольного разговора. Мало что дает, а?

– Немного, – честно признался Мартин Бек. – А что вы знаете о Пальмгрене?

– Тоже мало. Он жил в одной из самых роскошных вилл, знаете – эти старинные, принадлежавшие аристократам, в пригороде. Он заколачивал массу денег, да и тратил массу, в частности, на свою жену и этот старый дом. – Эдвардссон с минуту молчал, потом сам задал вопрос: – А вы что знаете о Пальмгрене?

– Не намного больше.

– Спаси нас Бог, если уж полиция знает столько же, сколько мы, о таких, как Пальмгрен, – вздохнул Эдвардссон и глотнул пива.

– А что, в момент выстрела Пальмгрен, кажется, речь произносил, да?

– Да, он встал и понес всякую чушь, как обычно бывает в таких случаях: «Спасибо за внимание, за старание», «наши очаровательные дамы» и прочее. Он, как видно, поднаторел в этом деле, временами даже казалось, что он говорит от всего сердца. Все, кто обслуживал стол, ушли, чтобы не мешать, музыка тоже кончилась, а я сидел и потягивал виски. Да вы и в самом деле не знаете, чем занимался Пальмгрен, или это полицейская тайна?

Бек покосился на стакан. Взял его. Осторожно отпил глоток.

– Я и впрямь знаю о нем мало, – сказал он. – Но есть люди, которым известно больше. Масса зарубежных предприятий, акционерное общество домовладельцев в Стокгольме.

– Да, – сказал Эдвардссон, казалось, погруженный в свои мысли. Немного погодя он сказал: – То, что я мог рассказать об убийце, я изложил позавчера вечером. Со мной сразу двое ваших беседовали. Сначала один, он все время спрашивал – сколько было тогда времени, потом второй, тот вроде похитрее.

– Вы ведь были не совсем трезвым в тот вечер, – сказал Мартин Бек.

– Не совсем, Бог свидетель. И вчера добавил, чтобы голова не трещала. Наверное, все из-за этой проклятой жары.

«Здорово, – подумал Мартин Бек. – Детектив с похмелья допрашивает не успевшего просохнуть свидетеля, который ничего не видел. Многообещающее начало».

– Вы, может, знаете, как человек себя чувствует с похмелья? – спросил Эдвардссон.

– Знаю. – Мартин Бек взял стакан и без раздумий выпил его до дна. Поднялся и сказал: – Спасибо. Я, может статься, еще зайду.

В дверях он остановился и задал еще один вопрос:

– Кстати, вы случайно не видели оружия, которым пользовался убийца?

Эдвардссон задумался.

– Теперь я вспоминаю, что, кажется, видел мельком,

когда он его уже прятал. Конечно, я в оружии мало смыслю, но это было что-то длинное и очень узкое. С такой круглой штуковиной, как она там называется.

– Барабан, – сказал Мартин Бек. – До свидания и спасибо за пиво.

– Заходите, – ответил Эдвардссон. – А я сейчас глотну как следует, чтобы прийти в норму.

Монссон сидел за столом почти в прежней позе.

– Хочешь, чтобы я спросил, как у тебя дела? – сказал он, когда Мартин Бек вошел в кабинет. – Ну, как дела?

– Хороший вопрос. А дела неважные. Мне кажется. А у тебя как?

– Тоже не очень.

– А вдова?

– Займусь ею завтра. Тут лучше быть осторожнее. Ведь она а трауре.

VII

Пер Монссон родился и вырос в Мальмё, в рабочем квартале. Он служил в полиции больше двадцати пяти лет и знал свой город лучше, чем кто-либо другой, рос и жил вместе с городом и, кроме того, любил его. Но один из районов был для него все-таки чужим и никогда его не притягивал: западные пригороды – Фридхем, Вастервонг, Бельвью, где всегда жили очень богатые люди. Монссон помнил, как он сам, еще мальчишкой, в трудные двадцатые и тридцатые годы тащился, шлепая деревянными башмаками, через эти шикарные кварталы, направляясь в Лимхамн, где можно было какими-то путями добыть се-

ледку на обед. Он помнил роскошные автомобили и шоферов в униформе, горничных в черных платьях с передниками и в накрахмаленных белых чепчиках, барских детишек, наряженных в тюлевые платьица и матросские костюмчики. Для него все это было настолько далеким, что казалось сказочным и непонятным. Каким-то образом старое ощущение продолжало жить в нем, и эти кварталы оказывали на него прежнее воздействие, несмотря на то, что личных шоферов теперь не было, прислуги стало меньше, а дети богачей по одежде мало чем отличались от остальных.

В конце концов, картошка с селедкой оказалась не такой уж плохой едой, и он, росший в бедности, без отца, вымахал в здорового парня, прошел так называемый «большой путь» и мало-помалу стал хорошо жить. По крайней мере, ему самому так казалось.

И вот теперь он направлялся именно в этот район. Здесь жил Виктор Пальмгрен и, следовательно, должна была жить его вдова.

Монссон видел людей, собравшихся за столом в тот роковой вечер, только на фото, и ему мало что было известно о них. О Шарlotte Пальмгрен он знал, что она была женщиной необычайной красоты и однажды стала какой-то «мисс» – не то «мисс Швецией», не то даже «мисс Вселенной». Потом прославилась как манекенщица и вышла замуж за Пальмгрена двадцати семи лет от роду и на вершине своей неотразимости. Теперь ей было тридцать два, и внешне она не изменилась, как не меняются только женщины, у которых никогда не было детей, но есть большие деньги и много времени, чтобы заниматься своей

наружностью. Виктор Пальмгрен был на двадцать четыре года старше ее, что, кажется, проливало свет на обоюдные мотивы супружества. Он хотел, чтобы у него было кого показать своим коллегам по бизнесу, она – иметь достаточно денег, чтобы никогда больше не работать.

Но, что там ни говори, Шарлотта Пальмгрен была вдовой, а Монссона в какой-то степени сковывали традиции. Поэтому он с большой неохотой надел темный костюм, белую рубашку и галстук, прежде чем сесть в машину и ехать в Бельвю.

Пальмгренская резиденция, казалось, полностью соответствовала детским воспоминаниям Монссона, хотя годы подернули ее дымкой преувеличений. С улицы видна была только часть крыши и флюгер, остальное закрывала аккуратно подстриженная живая изгородь, очень высокая и необыкновенно густая и плотная. За ней, по-видимому, была еще одна ограда – металлическая. Участок казался непомерно большим, а сад скорее напоминал разросшийся парк. Ворота главного входа, высокие и широкие, обитые медью, позеленевшей от времени, с затейливыми башенками поверху, тоже были непроницаемы для взгляда. На одной из створок красовались излишне крупные, отлитые из бронзы буквы, составлявшие имя – Пальмгрен, на другой створке – прорезь для писем, кнопка звонка, а еще выше – квадратное окошко, через которое посетителя как следует рассматривали, прежде чем впустить. Ясно было, что в этот дом нельзя заглянуть попросту, когда угодно, и Монссон, осторожно нажав на ручку двери, почти ждал, что где-нибудь в доме зазвенит сигнал тревоги. Ворота оказались, разумеется, запертыми, а смотровое окошко

наглухо закрытым. Сквозь прорезь для писем ничего нельзя было разглядеть: с той стороны, очевидно, висел железный ящик.

Монссон поднял было руку к звонку, но раздумал и звонить не стал. Огляделся по сторонам. У тротуара, кроме его старенького «вартбурга», стояли еще две машины: красный «ягуар» и желтая «МГ». Почему Шарлотта Пальмгрен держит две спортивные машины на улице? Он постоял, прислушиваясь, и ему показалось, что из парка доносятся голоса. Потом их не стало слышно, может быть, звуки поглотила жара и раскаленный неподвижный воздух.

Ну и лето, подумал Монссон. Такое бывает раз в десять лет, наверное. Сейчас бы на пляже валяться или дома сидеть в одних трусах и пить холодный грог. А тут торчишь, как дурак, в галстук, рубашке и костюме.

Потом мысли вернулись к вилле. Она была старая, вероятно, самого начала века, ее наверняка перестраивали и модернизировали, не жалея миллионов. В таких домах обычно бывал и черный ход, через который ходили кухарки, прислуга, няньки, садовник и почтальон, чтобы не раздражать господ.

Монссон пошел вдоль ограды, свернул на боковую улицу. Участок занимал, как видно, целый квартал: плотная листва живой изгороди тянулась ровной стеной, нигде не прерываясь. Он опять повернул направо, обходя виллу вокруг, и тут нашел, что искал. Калитку с железными решетками створок. Отсюда дом не был виден совсем, его загораживала листва высоких деревьев и кустов, но виднелся гараж, по-видимому, недавно построенный, и какое-то старое небольшое строение, скорее всего сарай для

садового оборудования. Таблички с именем владельца на калитке не было.

Монссон обеими руками резко нажал на створки, они подались внутрь, и калитка отворилась. Таким путем он избавился от необходимости выяснить, заперта она или нет, и закрыл за собой калитку.

На посыпанной гравием площадке у выезда из гаража виднелись следы машины, но здесь они кончались: дорожки, ведущие в сад, были уложены шиферной плиткой.

По газону Монссон зашагал к дому. Прошел сквозь ряды цветущего ракитника и жасмина и очутился, как и хотел, на задней стороне виллы. Тихо, пустынно, закрытые окна, двери на кухню и в погреб, какие-то загадочные пристройки. Он взглянул вверх, но мало что мог рассмотреть, потому что стоял у самой стены. Двинулся вдоль стены направо, прошел по цветочной клумбе, заглянул за угол и замер, стоя среди шикарных пионов.

Тут было от чего окаменеть. Зеленая лужайка с ровно подстриженной, как на английской площадке для гольфа, травой. Посредине овальный бассейн: искрящаяся, прозрачно-зеленая вода, светло-голубой кафель. Рядом баня и гимнастические снаряды – брусья и кольца, велосипедный тренажер. Вероятно, здесь и добывал Виктор Пальмгрен свое «хорошее физическое состояние». В бассейне, на чем-то вроде шезлонга, сидела или скорее лежала Шарлотта Пальмгрен, голая, с закрытыми глазами. Ровный, очень хороший загар по всему телу, безразличное выражение лица. Чистый профиль, прямой рот, светлые волосы. Худощавая, неестественно узкие бедра и тонкая талия. Эта женщина не вызывала у Монссона никаких эмоций. С та-

ким же успехом она могла быть куклой, выставленной в витрине магазина. Смотри-ка, голая вдова. Впрочем, а почему бы и нет. Монссон стоял среди пионов и чувствовал себя соглядатаем, да, кстати, и был им.

Его заставляло оставаться на месте не то, что он видел, а то, что он слышал. Где-то совсем рядом, но вне поля зрения Монссона, что-то звенело, кто-то ходил и что-то делал. Потом послышались шаги, и из тени дома вышел человек. На нем были пестрые купальные трусы, в руках он держал два высоких стакана с каким-то красноватым напитком, соломинками и кубиками льда.

Монссон сразу же узнал этого человека по фотографиям: Матс Линдер, помощник директора, правая рука и ставленник умершего меньше сорока восьми часов назад Виктора Пальмгрена. Вот он подошел к бассейну. Женщина почесала щиколотку, по-прежнему не открывая глаз, протянула руку и взяла у него стакан.

Монссон отступил за угол дома. Линдер сказал:

– Не очень кислый получился?

– Нет, в самый раз.

Было слышно, как она поставила стакан на кафельный бортик бассейна.

– Мы с тобой просто ненормальные, – сказала Шарлотта Пальмгрен.

– Во всяком случае, все чертовски хорошо.

– Да, пожалуй. – Голос был по-прежнему безразличный. – А почему ты в этих дурацких штанах?

Что ответил на это Линдер, Монссон так никогда и не узнал, потому что в этот момент покинул свое убежище.

Он быстро и неслышно пошел той же дорогой обратно, закрыл за собой калитку и двинулся вдоль живой изгороди,

обходя дом. Остановившись перед медными воротами, он без колебаний нажал кнопку.

Вдали раздался звонок, более похожий на бой часов. Прошло не больше минуты, и за воротами послышались легкие шаги. Открылось смотровое окошко, и Монссон увидел светло-зеленый глаз с неестественно длинными ресницами, великолепно сделанными с точки зрения техники, и светлую прядь волос.

Он вынул удостоверение личности и подержал его перед окошком.

– Извините, если помешал. Меня зовут Монссон. Инспектор полиции.

– А, – как-то по-детски сказала она. – Конечно. Полиция. Вы можете подождать две минуты?

– Разумеется. Я не вовремя?

– Что? Нет-нет. Просто я...

Она, как видно, не сумела найти подходящий конец фразы, ибо окошко захлопнулось, и легкие шаги удалились гораздо быстрее, чем приближались.

Он посмотрел на часы. Прошло три с половиной минуты, и Шарлотта Пальмгрен, одетая в серебряные сандалии и серое платье из какого-то легкого материала, отворила дверь.

– Входите, пожалуйста, – сказала Шарлотта Пальмгрен. – Очень жаль, что вам пришлось ждать.

Она заперла ворота и повела его к дому. На улице рокотнул мотор отъезжающего автомобиля. Очевидно, не только вдова действовала быстро.

Монссон впервые увидел виллу всю целиком и ошеломленно рассматривал ее. Собственно говоря, это была не

вилла, а маленький дворец, украшенный башнями, башенками и зубцами. Все говорило за то, что ее первый хозяин страдал манией величия, и архитектор срисовывал здание с какой-то открытки. Последующие реконструкции – и пристроенные балконы, и стеклянные веранды не улучшали дела. Вид у здания был устрашающий, и трудно сказать, следовало ли тут смеяться или плакать, или просто вызвать подрывников и разнести эту аляповатую громадину на куски. При этом она казалась на редкость прочной и взять ее мог, очевидно, только динамит. Вдоль дороги, ведущей к воротам, стояли отвратительные скульптуры из тех, что были модны в Германии имперских времен.

– Да, вилла у нас красивая, – сказала Шарлотта Пальмгрен. – Но перестройка обошлась недешево. Зато теперь все тип-топ.

Монссону удалось оторвать взгляд от дома и переключить внимание на окрестности. Парк был, как он уже имел возможность отметить, ухоженный.

Женщина проследила за его взглядом и сказала:

– Садовник бывает три раза в неделю.

– Вот как, – сказал Монссон.

– Войдем в дом или посидим здесь?

– Все равно, – ответил Монссон.

Следы присутствия Матса Линдера исчезли, даже стакан, но на передвижном столике перед верандой стоял сифон, ведро со льдом и несколько бутылок.

– Этот дом купил мой свекор, – сказала она. – Но он умер давным-давно, задолго до того, как мы с Виктором встретились.

– А где вы встретились? – равнодушно спросил Монссон.

– В Ницце, шесть лет назад. Я там выступала с показом моделей одежды. – После секундного колебания она сказала: – Может быть, войдем в дом? Ничего особенного я, правда, предложить не могу. Ну, немножко выпить.

– Спасибо, я не хочу.

– Понимаете, я здесь совершенно одна. Прислугу отпустила.

Монссон промолчал, и после паузы она продолжала:

– После того, что случилось, мне кажется, лучше побыть одной. Совсем одной.

– Я понимаю. Весьма вам сочувствую.

Она склонила голову, но не сумела изобразить ничего, кроме скуки и полнейшего равнодушия. «Очевидно, она слишком бездарна, чтобы сделать печальное лицо», – подумал Монссон.

Он прошел за ней по каменным ступеням лестницы рядом с верандой. Миновав большой мрачный зал, они вошли в огромную, забитую мебелью гостиную. Смешение стилей было поистине нелепым: сверхсовременная мебель соседствовала со старинными креслами с высокими спинками и чуть ли не античным столом. Она провела его в угол, где стояли четыре кресла, диван и гигантский стол, покрытый толстым стеклом, как видно, совсем новый и очень дорогой.

– Садитесь, пожалуйста, – официальным тоном сказала она.

Монссон сел. Таких больших кресел он в жизни не видел, а это оказалось к тому же настолько глубоким, что Монссон засомневался, сумеет ли он из него вылезти и снова встать на ноги.

– А вы и в самом деле не хотите выпить?

– В самом деле. Я не стану вас долго задерживать. Но, к сожалению, мне придется задать вам несколько вопросов. Нам, как вы понимаете, очень важно быстрее найти человека, убившего директора Пальмгрена.

– Разумеется. Вы ведь полиция. Ну что я могу сказать? Это ведь все ужасно печально. Трагедия.

– Вы видели лицо стрелявшего?

– Конечно. Но все произошло страшно быстро. Никто сначала и не среагировал даже. Только потом мне пришла в голову ужасная мысль, что он мог и меня застрелить. И всех.

– Вы никогда прежде не встречали этого человека?

– Нет. У меня хорошая память на лица, но имена и прочее в этом роде я никогда не могу запомнить. В Лунде полицейский меня тоже спрашивал об этом.

– Я знаю, но тогда вы, конечно, были взволнованы.

– Вот именно, это же ужасно, – неуверенно сказала она.

– Должно быть, в последние дни вы много думали о случившемся?

– Конечно.

– И вы хорошо видели этого человека. Вы сидели к нему лицом, и он оказался всего лишь в нескольких метрах от вас. Как он, собственно, выглядел?

– Ну, как это сказать... У него был совсем обычный вид.

– Какое он производил впечатление? Казался потерявшим самообладание? Или взвинченным?

– Да нет, у него был совершенно обычный вид. Очень простой.

- Простой?
- Ну да, то есть он не из тех, с кем обычно общаешься.
- Что вы почувствовали, увидев его?
- Ничего, пока он не вынул пистолет. Тогда я испугалась.
- Вы видели и оружие?
- Конечно. Это был какой-то пистолет.
- Не можете сказать, какого типа?
- Я ничего не понимаю в оружии. Но это был какой-то пистолет. Длинный такой. Как в ковбойских фильмах.
- А какое было выражение лица у этого человека?
- Обычное. У него был совсем обычный вид, как я говорила. Одежду я рассмотрела лучше, но о ней я уже рассказала.

Монссон не стал спрашивать о приметах. Она не хотела или не могла сказать больше того, что уже сказала. Он посмотрел по сторонам. Женщина заметила это и сказала:

- Симпатичные кресла, и стол тоже, правда?
- Монссон кивнул и подумал, сколько все это стоило.
- Я сама покупала, – с оттенком гордости сказала она.
 - Вы всегда здесь живете? – спросил Монссон.
 - А где же нам еще жить, когда мы в Мальмё? – туповато ответила она.
 - А когда вы не в Мальмё?
 - У нас есть дом в Эсторице. Обычно мы живем там зимой – у Виктора было много дел в Португалии. И еще, понятно, есть представительская квартира в Стокгольме. – Немного подумав, она сказала: – Но там мы живем только тогда, когда мы в Стокгольме.

– Я понимаю. Вы всегда сопровождали мужа в деловых поездках?

– Да, когда речь шла о представительстве. Но на переговоры не сопровождала.

– Я понимаю, – повторил Монссон.

Что он понимал? Что она работала куклой, на которую можно было вешать дорогие и недоступные простому человеку тряпки и украшения? Что у таких, как Виктор Пальмгрен, жена, вызывающая всеобщее восхищение, входит в список необходимых вещей?

– Вы любили своего мужа? – вдруг спросил Монссон.

Она не удивилась, но медлила с ответом.

– Любить – это так глупо звучит, – наконец сказала она.

Монссон вынул одну из своих зубочисток, положил в рот и принялся задумчиво жевать.

Она удивленно воззрилась на него. Впервые за все это время на ее лице отразилось что-то похожее на неподдельное чувство.

– Почему вы ее жуете? – с любопытством спросила она.

– Дурная привычка. Приобрел ее, когда бросил курить.

– А-а, – сказала она. – Вот оно что. А вообще у меня есть сигареты и сигары. Вон там, в шкатулке на столике.

Монссон с секунду рассматривал хозяйку. Потом начал с другой стороны.

– Этот ужин был ведь почти деловой встречей, не так ли?

– Да. Днем у них было заседание, но я в нем не участвовала. Я тогда дома переодевалась. До этого был деловой ленч.

– Вы не знаете, о чем шла речь на заседании?

– О делах, как обычно. О каких – точно не знаю. У Виктора всегда было много всяких идей и планов. Он сам

так всегда и говорил: «У меня много идей и планов».

– А из тех, кто во время ужина сидел за столом, вам все знакомы?

– Я с ними встречалась время от времени. Хотя нет, не со всеми. Секретаршу, с которой был Хампус Бруберг, я раньше не видела.

– А с кем из них вы особенно хорошо знакомы?

– Особенно ни с кем.

– И с директором Линдером тоже? Он ведь живет здесь, в Мальмё.

– Иногда встречались на официальных приемах.

– Но частным образом не общались?

– Нет. Только через моего мужа.

Она отвечала монотонно и сидела с совершенно безучастным видом.

– Ваш муж произносил речь, когда в него стреляли. О чем он говорил?

– Я не прислушивалась. Поблагодарил за внимание, за хорошее сотрудничество и прочее. Ведь за столом были только те, кто у него работал. Кроме того, мы собирались на время уехать.

– Уехать?

– Да, отдохнуть на западном побережье. У нас дача в Бохуслене, я совсем забыла о ней сказать. И потом мы должны были ехать в Португалию.

– Значит, ваш муж на какое-то время расставался со своими сотрудниками?

– Вот именно.

– И с вами тоже?

– Что? Нет, я должна была ехать вместе с Виктором.

Мы собирались потом поиграть в гольф. В Португалии.

Ее безразличие мешало понять, когда она лгала, когда говорила правду, и своих чувств, если только они у нее были, ничем не проявляла.

Монссон выкарабкался из финского суперкресла и сказал:

– Спасибо, не смею вас больше задерживать.

– Очень мило с вашей стороны.

Она проводила его до ворот. Он не решился обернуться и еще раз взглянуть на этот злосчастный дом. Они обменялись рукопожатием. Ему показалось, что она держала свою руку как-то необычно, но только уже садясь в машину, Монссон сообразил: она ожидала, что он ей поцелует руку. У нее была узкая ладонь, длинные, тонкие пальцы.

На улице красного «ягуара» уже не было.

VIII

Мартин Бек спал тяжелым сном без сновидений и проснулся только в пять минут десятого.

Когда он стоял под душем, зазвонил телефон. Звонил долго, пока Мартин Бек не закрутил кран, завернулся в простыню и подошел к столику.

– Слушаю, – сказал он.

– Это Мальм. Как дела?

Как дела. Вечный вопрос. Мартин Бек наморщил лоб и сказал:

– Пока трудно сказать. Мы только что начали.

– Я звонил тебе в полицию, но там оказался только этот

Скакке, – словно жалуясь, сказал Мальм. – А ты что, спал? Ты должен взять преступника немедленно. На меня нажимают и шеф, и министр. А теперь еще и МИД подключился. – Мальм говорил громко и торопливо, явно нервничая, но это за ним всегда водилось. – Поэтому его нужно взять быстро. Немедленно, как я сказал.

– А как это сделать? – спросил Мартин Бек.

Главный инспектор оставил вопрос без ответа, что и следовало ожидать, ибо его знания практической полицейской работы были почти равны нулю. Да и администратором он оказался не ахти каким. Вместо этого он спросил:

– Наш разговор идет через гостиничный коммутатор, наверное?

– Я полагаю, что да.

– Тогда позвони мне по какому-нибудь другому телефону. Я сейчас дома, а не на работе. Звони как можно быстрее.

– Ты зря волнуешься, мы можем спокойно говорить и так, – сказал Бек. – В нашей стране только у полиции есть время подслушивать чужие разговоры.

– Нет, нет, нельзя. То, что я тебе скажу, совершенно конфиденциально и очень важно. Этому делу придается первостепенное значение.

– Почему?

– Вот об этом я тебе и хочу рассказать. Но ты должен позвонить по прямому телефону. Поезжай в полицию или куда-нибудь еще. И быстрее. Я попал в очень щекотливое положение. Один только Бог знает, как бы я хотел не отвечать за это дело.

«Дерьмо трусливое», – про себя сказал Мартин Бек.

– Не слышу. Что ты сказал?

– Ничего. Я скоро позвоню.

Он повесил трубку, вытерся полотенцем и стал неторопливо одеваться. Подождав, пока прошло какое-то время, заказал Стокгольм и набрал номер домашнего телефона Мальма. Тот, должно быть, сидел и ждал звонка, потому что ответил тут же, еще не успел прозвучать до конца первый гудок.

– Слушаю.

– Это Бек.

– Наконец-то. Теперь слушай меня внимательно. Речь пойдет о Пальмгрене и его деятельности.

– Вот уж действительно – ни на минуту раньше, чем нужно.

– Это не моя вина. Я получил эти сведения только вчера.

Слышно было, как он, нервничая, шелестит какой-то бумагой.

– Ну, – сказал наконец Мартин Бек.

– Это не обычное убийство.

– Обычных убийств не бывает.

Ответ, кажется, привел Мальма в замешательство. После короткого раздумья он сказал:

– Да, разумеется, это вообще-то правильно. У меня нет такого опыта работы в этой области, как у тебя... («Вот уж что верно, то верно», – подумал Мартин Бек.) ...поскольку я большей частью занимался решением крупных административных проблем.

– А чем занимался этот Пальмгрен? – нетерпеливо спросил Мартин Бек.

– Бизнесом. Крупным бизнесом. Как ты знаешь, с некоторыми странами у нас очень деликатные отношения.

– С какими, например?

– С Родезией, Южной Африкой, Биафрой, Нигерией, Анголой и Мозамбиком, если называть лишь некоторые. Нашему правительству трудно поддерживать нормальные контакты с этими государствами.

– Ангола и Мозамбик не государства, – произнес Мартин Бек.

– Не придирайся к мелочам. Пальмгрен, во всяком случае, вел дела с этими странами, как и со многими другими. Особенно обширной была его деятельность в Португалии. Хотя официально штаб-квартира Пальмгрена находилась в Мальмё, многие из его самых выгодных сделок делались, очевидно, в Лиссабоне.

– Чем торговал Пальмгрен?

– Оружием, в частности.

– В частности?

– Да. Он занимался практически всем. Ему принадлежало, например, акционерное общество по недвижимому имуществу, он был владельцем множества домов в Стокгольме. Его фирма в Мальмё считается своего рода фасадом, прикрытием, хотя и вполне достопочтенным на вид.

– Значит, он зарабатывал большие деньги?

– Да, это мягко говоря. А сколько, никто не знает.

– А что говорят об этом налоговые власти?

– Мало чего говорят. Но точно ничего не известно. Большинство предприятий Пальмгрена зарегистрировано в Лихтенштейне, и считают, что основная часть его доходов шла на счета в швейцарских банках. Даже если деньги,

заработанные им в Швеции, и учитывались полностью, то все равно главные его капиталы были недоступны шведским налоговым властям.

– А откуда эти сведения?

– Частично из министерства иностранных дел, частично из налогового управления. Теперь ты понимаешь, почему этим убийством так обеспокоены самые высокие инстанции?

– Нет, а почему?

– Ты и в самом деле не понимаешь...

– Ну, скажем, не улавливаю, к чему ты клонишь.

– Вот слушай, – раздраженно сказал Мальм. – У нас есть небольшая, но весьма воинственно настроенная политическая группировка, она резко выступает против того, чтобы Швеция имела какие-то отношения со странами, которые я тебе называл. Кроме того, значительно большее число людей верят официальным заявлениям о том, что Швеция никаких дел с Родезией, например, или с Мозамбиком не ведет. Деятельность Пальмгрена была и остается хорошо замаскированной, но из определенных источников нам случайно удалось узнать, что экстремистским группировкам в нашей стране она была отлично известна, и что Пальмгрен числился в их черном списке. Если уж выражаться банально.

– Лучше уж банально, чем неясно, – подбодрил его Мартин Бек. – А как вы узнали об этом? О черном списке?

– Этим занималась полиция безопасности. Кстати говоря, определенные и весьма влиятельные круги настаивают на том, чтобы расследование по этому делу было передано полиции безопасности.

– Подожди минутку, – сказал Мартин Бек.

Он отложил трубку и принялся искать сигареты. Наконец нашел помятую пачку в кармане брюк. Все это время он лихорадочно думал. Полиция безопасности, или Сепо, как ее обычно называли, была совершенно особым учреждением, многими презираемым, но знаменитым прежде всего своими нелепыми действиями и своей полнейшей непригодностью к делу. В тех редчайших случаях, когда ей удавалось что-то раскрыть или даже поймать какого-то шпиона, это непременно доводилось до сведения широкой общественности и подавалось, как жареная индейка на блюде, с гарниром из неопровержимых доказательств. Даже военная контрразведка и та работала лучше. По крайней мере, о ней хоть не было слышно.

Мартин Бек закурил и вернулся к телефону.

– Что ты там, в конце концов, делаешь? – возмутился Мальм.

– Курю, – ответил Мартин Бек. – Ну так что там с Сепо?

– С полицией безопасности? Предлагают передать это дело ей. И она сама, кажется, им заинтересовалась.

– Позволю себе задать один вопрос. С чего бы это она им заинтересовалась?

– А ты подумал о модус операнди¹⁸ преступника? – спросил Мальм со значением.

«Модус операнди. Интересно, откуда ты это вычитал», – усмехнулся про себя Мартин Бек.

– Насколько я вижу, тут есть все признаки покушения в классическом стиле. Фанатик, который думает только о

¹⁸ Модус операнди (лат.) – здесь: способ преступления.

том, чтобы выполнить задуманное, и не беспокоится о том, схватят его или нет.

– Да, в этом что-то есть, – согласился Мартин Бек.

– Многие считают, что да. В частности, полиция безопасности.

Мальм сделал паузу, очевидно, ради пущего эффекта. Потом сказал:

– Я, как ты знаешь, не распоряжаюсь персоналом полиции безопасности и не осведомлен об их делах. Но сейчас имею информацию о том, что они посылают в Мальмё одного из своих специалистов. Впрочем, уже, наверное, послали. Кроме того, в Мальмё у них ведь есть и постоянные сотрудники.

От отвращения Мартин Бек затушил наполовину выкуренную сигарету.

– Официально за розыск отвечаем мы, – сказал Мальм. – Но, вероятно, можем считать, что полиция безопасности будет вести, так сказать, параллельное расследование. И, естественно, тебе следует избегать конфликтов.

– Конечно.

– Но прежде всего тебе нужно немедленно взять преступника. «Пока этого не сделала полиция безопасности», – подумал Мартин Бек. В таком случае на этот раз можно не спешить.

– Немедленно, – твердо сказал Мальм.

Бек с тоской посмотрел в окно, за которым улица купалась в солнце. С Хаммаром, предшественником Мальма, тоже приходилось нелегко, особенно в последние годы, но тот, во всяком случае хоть был полицейским.

– А у тебя есть какие-то соображения насчет того, как вести расследование? – ласково спросил он.

Мальм размышлял довольно долго. Наконец подобрал подходящую формулировку.

– Решение этого вопроса я с полным доверием передаю тебе и твоим помощникам. У вас ведь большой опыт.

Красиво сказано. И Мальм, очевидно, сам очень довольный ответом, продолжал:

– И вы не пожалеете для этого сил, так ведь?

– Так, – автоматически сказал Мартин Бек. Он думал совсем о другом. – Фирму Пальмгрена в Мальмё можно считать почти что липовой?

– Этого бы я не сказал. Наоборот, она себя великолепно оправдывает.

– Чем она занимается?

– Импортом и экспортом.

– Чего?

– Сельди.

– Сельди?

– Да, – удивленно сказал Мальм. – А ты разве не знал? Покупает селедку в Норвегии и Исландии и потом ее экспортирует. Куда – не знаю. Все совершенно законно, насколько я понимаю.

– А фирма в Стокгольме?

– Прежде всего недвижимость, но... специалисты считают, что Пальмгрен нажил себе состояние с помощью других источников и таким путем, который мы не имеем возможности проверить.

– Ладно, понимаю.

– И еще я должен тебе кое-что сообщить. Во-первых,

то, что Пальмгрен совершенно независимо от своих африканских и прочих зарубежных дел был и у нас видной личностью, и у него весьма влиятельные друзья. Значит, действовать надо осторожно. А во-вторых, ты должен учитывать возможность того, что убийство совершено по политическим соображениям.

– Да, – сказал Мартин Бек и посерьезнел. – Я учитываю такую возможность.

На этом разговор кончился.

Бек позвонил в полицию. Монссон еще не давал о себе знать, Скакке был занят, а Баклунд вышел.

Неплохая идея. Выйти.

Погода манила. К тому же была суббота.

В вестибюле гостиницы, куда он спустился через несколько минут, было многолюдно. Приезжие обменивали валюту, слышался разноязычный разговор, но среди тех, кто толкался у конторки портье, один человек сразу же должен был привлечь внимание. Довольно молодой, полноватый, в клетчатом костюме модного покроя, полосатой рубашке, желтых ботинках и носках такого же ядовитого цвета, он стоял, небрежно облокотившись на стойку. Волнистые напояженные волосы, усики, как видно, требующие немалых забот. В петлице цветок и под мышкой свернутый в рулон экземпляр «Эсквайра». Рекламный красавчик с обложки грампластинки. Бек узнал этого человека. Паульссон, первый помощник инспектора в Стокгольме.

Когда Мартин Бек подошел к портье отдать ключ от своей комнаты, Паульссон бросил на него взгляд столь наигранно пустой и безразличный, что трое стоявших ря-

дом с ним людей обернулись и посмотрели на Бека.

Полиция безопасности была уже на месте.

Еле сдерживая приступ смеха, Мартин Бек повернулся к своему тайному коллеге спиной и вышел на улицу.

На мосту он остановился и взглянул на гостиницу. Неплохое здание и архитектура оригинальная.

Паульссон стоял у входа в гостиницу и наблюдал за ним. В своем маскарадном наряде он бросался в глаза, и вряд ли какой-нибудь враг общества не узнал бы его. Кроме того, Паульссон отличался удивительной способностью попадать на экран телевизора в связи с демонстрациями и прочими инцидентами.

Мартин Бек улыбнулся и пошел к гавани.

IX

Бенни Скакке снимал комнату в доме на Чэрлексгатан, всего через квартал от здания полиции. Комната была большая, уютная, с удобной и практичной, хоть и чуть потертой, мебелью. Ему она досталась от помощника инспектора, которого перевели служить в Ландскруну. Хозяйка, пожилая и по-матерински добрая женщина, была вдовой полицейского и требовала от жильцов только одного: чтобы они тоже служили в полиции.

Ванная и кухня находились почти что рядом, и Бенни Скакке пользовался ими сколько хотел. Он был человеком привычки, или, точнее, становился им. Бенни, собственно говоря, вовсе не хотел жить по расписанию, но считал, что скорее добьется своей цели, если будет действовать по определенной системе. А целью его было стать шефом

полиции.

Каждое утро он вставал в половине седьмого, делал зарядку, занимался со штангой, принимал ледяной душ, растирался полотенцем и одевался. Потом плотно завтракал.

Поскольку его рабочее время не имело точных границ, он занимался спортом тогда, когда был свободен в течение дня. Не реже трех раз в неделю ходил в бассейн, ездил за город на велосипеде или, надев тренировочный костюм, бегал трусцой по парку; не пропускал тренировок в футбольном клубе полиции и участвовал во всех матчах. Вечерами изучал право, он уже сдал два кандидатских экзамена и осенью надеялся сдать третий.

Каждый день в одиннадцать утра и в девять вечера он звонил своей невесте Монике. Они обручились в Стокгольме за неделю до того, как его перевели в Мальмё; она только что получила диплом специалиста по лечебной физкультуре и пыталась найти работу тоже в Мальмё, но ближе, чем Хельсингборг, ей ничего не могли предложить. Во всяком случае, и это было неплохо, потому что удавалось встречаться в тех редких случаях, когда их выходные совпадали.

В это жаркое и солнечное субботнее утро он все-таки настолько отошел от своей системы, что встал на час позже и не позавтракал. Вместо этого он налил в термос холодного шоколадного молока и положил термос в парусиновую сумку вместе с плавками и махровым полотенцем. По дороге в полицию он зашел в кондитерскую на Давидсхалсторг и купил две булочки с корицей и ванильную сдобу. Миновав медные ворота главного входа в здание

полиции, он вошел во двор, где стоял его велосипед. Велосипед был черный, датская модель, на раме он собственноручно изобразил белой краской слово «ПОЛИЦИЯ» печатными буквами. Он надеялся, что это отпугнет похитителей.

Привязав сумку к багажнику, Скакке сел на велосипед и поехал через зеленый и тенистый Дворцовый парк в купальню на Риберсборг. Несмотря на ранний час, солнце уже пекло вовсю. Он купался и загорал примерно час, потом уселся на берегу и поел.

Когда Скакке вошел в свой кабинет, было половина девятого. Его стол украшала записка от Баклунда:

«Монссон у вдовы. Бек пока в «Савое». Карауль телефон. Я буду в 12:00. Баклунд».

Скакке сел за стол и стал караулить не издававший ни звука телефон, раздумывая над убийством Виктора Пальмгрена. Какой тут мог быть мотив? Поскольку Пальмгрен был богат, это, очевидно, деньги. Или власть. Кому была выгодна его смерть? Шарлотта Пальмгрен оставалась ближайшей и, насколько он знал, единственной наследницей денег; к власти ближе всех стоял, вероятно, Матс Линдер. Если учесть красоту Шарлотты Пальмгрен, ставшую притчей во языцех, и ее относительную молодость, то мотивом могла быть и ревность. Вполне возможно, что у нее был любовник, которому надоело играть вторую скрипку. Но в таком случае он выбрал странный способ избавиться от законного мужа. Какой мотив ни возьми, образ действия казался очень необдуманым. Правда, преступнику удалось уйти, но шансы на это были ничтожно малы, если он планировал убийство заранее. Кроме

того, Пальмгрен умер только через сутки; могло случиться так, хорошо это было бы или плохо, что он бы выжил. Убийца должен был также знать, что Пальмгрен находился в «Савое» именно в этот момент, если только он не был каким-то сумасшедшим, который просто-напросто пристрелил первого встречного.

Телефон зазвонил. Главный инспектор Мальм из Стокгольма спрашивал Мартина Бека. Скакке сообщил, что тот, вероятно, находится в гостинице, и Мальм повесил трубку, не поблагодарив и не попрощавшись.

Бенни Скакке потерял нить своих рассуждений и погрузился в мечты. Он представил себе, как он самостоятельно ведет расследование, выслеживает и берет преступника. Его повышают в должности, остается только карабкаться по этим ступенькам еще выше. Он добрался уже почти до должности шефа полиции, когда телефонный звонок прервал его мечтания.

Звонила женщина. Сначала он не понял, о чем она говорит, – сконский диалект стокгольмцы понимают плохо. До перевода в Мальмё Скакке не бывал в Сконе, и его не удивляло, что некоторые из местных диалектов он понимает с трудом. Поражало Скакке другое: его самого не всегда хорошо понимали. Его, говорящего на чистейшем шведском!

– Я насчет того убийства, про которое напечатано в газете, – сказала женщина.

– Слушаю вас.

– А кто со мной говорит? – подозрительно спросила она.

– Помощник инспектора Скакке.

Женщина молчала, очевидно, что-то взвешивая.

– Помощник? А начальника, что, нету?

– Да, он вышел. Но вы можете говорить со мной. Я тоже занимаюсь этим делом. Ну, так что же вас тревожит? – Самому Скакке казалось, что его тон должен внушать доверие, но женщина, как видно, не совсем была убеждена в его компетентности.

– Пожалуй, лучше уж мне самой прийти, – торжественно сказала она. – Я тут недалеко живу.

– Да, пожалуйста, – приветливо сказал Скакке. – Спросите помощни...

– Может, и начальник к тому времени успеет вернуться, – добавила она и повесила трубку.

Прошло двенадцать минут. В дверь постучали. Если эта женщина во время разговора по телефону относилась к Скакке скептически, то теперь, увидев его, и вовсе, кажется, потеряла к нему полное доверие.

– Мне бы кого-нибудь постарше, – сказала она, словно выбирая товар в магазине.

– Весьма сожалею, – сухо сказал Скакке. – Но сейчас на этом посту нахожусь я. Садитесь, пожалуйста.

Он пододвинул стул чуть ближе к письменному столу, и женщина осторожно уселась на самый краешек. Она была маленькая, кругленькая, в светло-зеленом плаще и белой соломенной шляпе.

Вернувшись на свое место за столом, Скакке сказал:

– Итак, фру...

– Грёнгрен.

«Неужели бывают такие фамилии?» – подумал Скакке.

– Итак, фру Грёнгрен. Что вы можете сказать, о том происшествии в среду?

– Об убийстве, – сказала она. – Дело в том, что я видела убийцу. Хотя, конечно, тогда я не знала, что он убийца. Только когда в газете про это прочитала, поняла.

Скакке подался вперед, положив ладони на стол.

– Рассказывайте, – сказал он.

– Значит, так. Я ездила в Копенгаген за продуктами, а когда вернулась, встретила подругу и пила с ней кофе в Брэннуме, поэтому домой шла довольно поздно. Дошла до Мэлларбрун, а на перекрестке красный свет горит. Я стою и жду. Это как раз напротив «Савоя». И вдруг вижу: человек какой-то из окна вылезает, из ресторана, я там бывала с племянником, так что знаю, что это ресторан. Вот паршивец, думаю, поел, а платить не хочет, через окно удирает. Но сделать-то ничего не могу, ведь красный свет горит, и никого поблизости нету.

– Вы видели, куда он потом направился?

– Конечно. Подошел к стоянке велосипедов возле гостиницы, сел на велосипед и поехал в сторону Дротнингторгет. Потом зеленый загорелся, но тогда я этого человека уже не видела, ладно, думаю, директор ресторана, наверное, не обеднеет, надо домой идти. Ну а когда перешла дорогу, вижу, из гостиницы люди выбегают, смотрят по сторонам. А его уж и след простыл.

– Вы можете описать этого человека? – спросил Скакке с плохо скрываемым нетерпением и раскрыл свою записную книжку.

– На вид ему лет этак тридцать-сорок. А может, и больше сорока, поскольку он лысоватый, не совсем плешивый, а редкие, значит, волосы. И темные. И костюм на нем коричневый, желтоватая такая рубашка и галстук не

знаю какого цвета. Ботинки, по-моему, черные или коричневые, нет, точно, коричневые, раз костюм такой.

– Как он выглядел? Телосложение, черты лица, особые приметы?

Она задумалась.

– Он худой. И сам худой, и лицо тоже. Выглядел как обычный человек, только роста он довольно высокого. Нет, поменьше вас, конечно, но тоже длинный. Не знаю, что еще сказать.

Скакке молча сидел и смотрел на нее. Потом спросил:

– Когда вы потеряли его из вида? Где он в тот момент находился?

– У светофора, по-моему. На перекрестке у Бруксгатан. Там, видно, красный свет был. А потом загорелся зеленый. Я перешла дорогу, а он уехал.

– Хм, – сказал Скакке. – А вы видели, что за велосипед у него?

– Велосипед? Да обычный велосипед, кажется.

– Не заметили, какого цвета?

– Нет, – ответила фру Грёнгрен, покачав головой. – Ведь машины все время проезжали, заслоняли его.

– Так, – сказал Скакке. – Больше ничего не можете припомнить?

– Нет. Только то, что рассказала. А какое-нибудь вознаграждение мне за это будет?

– Не думаю, – сказал Скакке. – Помогать полиции – моральный долг общественности. Вы не могли бы оставить свой адрес и телефон, чтобы вас вызвать, если понадобится?

Женщина назвала свой адрес и номер телефона. Потом

встала.

— Ну тогда до свидания, — сказала она. — А как вы думаете, в газете про меня напечатают?

— Вполне вероятно, — сказал Скакке, чтобы как-то ее утешить.

Он поднялся и проводил гостью до дверей.

— До свидания. И большое спасибо за помощь. И за беспокойство.

Он вернулся к письменному столу, но в это время дверь снова приоткрылась, и женщина просунула голову в щель.

— Да, вот еще что, — сказала она. — Прежде чем сесть на велосипед, он достал что-то из-за пазухи и сунул в картонную коробку на багажнике. Я совсем забыла сказать.

— Так, — сказал Скакке. — А вы случайно не видели, что это было? То, что он вынул из-за пазухи?

— Нет, он стоял вроде как отвернувшись. Но коробка была вот такого размера. Длиной почти с багажник и высотой сантиметров десять.

Скакке еще раз поблагодарил, и фру Грёнгрен ушла, на этот раз окончательно.

Он набрал номер телефона морского вокзала.

На обложке записной книжки еще тогда, когда она была совсем новой, его рукой было написано: «Помощник инспектора Б. Скакке». Ожидая ответа по телефону, он принялся пририсовывать перед этой надписью слово «Первый».

Мартин Бек и Пер Монссон столкнулись в дверях в служебную столовую в начале второго.

Мартин Бек с утра бродил по грузовому порту, который по случаю субботы казался пустым и вымершим. Он дошел до нефтяных причалов, рассматривая странный, как в научно-фантастических романах, пейзаж: стоячая молочно-белая вода в запрудах, песчаные отмели, глубокие следы самосвалов и погрузчиков, и удивился, насколько вырос порт за пятнадцать лет, которые прошли с той поры, когда он увидел его впервые. Потом он почувствовал, что голоден, и, шагая к центру города насколько можно быстро в такую жару, прикидывал, что сегодня на обед в служебной столовой.

Монссон не испытывал особого голода, но зато очень хотел пить. Он отказался от приглашения у Шарлотты Пальмгрен, но теперь, в прокаленной солнцем машине, ему все время мерещились запотевшие от холода стаканы с красноватым напитком, которые нес Матс Линдер. Он подумал было, не заехать ли домой что-нибудь выпить, но решил, что для этого время еще раннее и вполне можно обойтись холодной содовой.

У Мартина Бека голод чуть приутих, когда он вошел в столовую. Пока еще не веря как следует своему желудку, он заказал омлет с ветчиной, помидоры и минеральную воду. Монссон повторил этот заказ.

Усевшись за столиком, они увидели Бенни Скакке, который смотрел в их сторону взглядом отчаявшегося человека. Перед Бенни, спиной к ним, сидел Баклунд. Он уже отодвинул свою тарелку в сторону и, грозя пальцем, что-то

говорил Скакке. Слов не было слышно, но, судя по взгляду Скакке, Баклунд его за что-то распекал.

Бек быстро покончил со своим омлетом и подошел к их столику. Положив руку на плечо Баклунда, он дружелюбно сказал:

– Извини, я заберу у тебя Скакке. Мне с ним нужно кое-что обсудить.

Баклунд, хотя и был раздражен тем, что ему помешали, вряд ли мог возражать. Ведь этого напускающего на себя важность стокгольмца прислали из управления...

Скакке поднялся с явным облегчением и последовал за Мартином Бекком. Монссон уже поел, и они вдвоем направились к выходу, провожаемые оскорбленным взглядом Баклунда.

Они устроились в кабинете Монссона, довольно прохладном и проветренном. Монссон уселся во вращающееся кресло, достал из карандашницы зубочистку и, сунув ее в уголок рта, принялся за бумаги. Бек закурил сигарету, а Бенни, сходяв за своим блокнотом, сел рядом с ним и положил блокнот на колени. Мартин Бек заметил надпись на обложке и улыбнулся. Скакке перехватил его взгляд и, покраснев, быстро прикрыл блокнот. Потом начал докладывать о показаниях новой свидетельницы.

– А ты уверен, что ее фамилия Грёнгрен? – с сомнением спросил Монссон.

Когда Скакке кончил, Мартин Бек сказал:

– Займись экипажем катера на подводных крыльях. Если на палубе стоял тот же человек, они, возможно, видели и коробку. Если она была у него с собой.

– Я уже звонил, – сказал Скакке. – У стюардессы, ко-

торая его видела, сегодня выходной. Но завтра она будет, и я с ней поговорю.

Пришел черед Мартина Бека. Он рассказал им о телефонном разговоре с Мальмом и о приехавшем сюда новом коллеге.

— Значит, его зовут Паульссон. Не его ли я видел по телевидению? — спросил Монссон. — Он, кстати, очень напоминает нашего местного парня из безопасности. Мы его называем «Секретчик Перссон». Тоже любит такие костюмы и всякие маскарады. Насчет экспорта сельди дело известное, а вот о сделках с оружием и прочем я никогда не слыхал.

— Это и неудивительно, — сказал Бек. — Вряд ли кто хотел, чтобы такие дела имели огласку.

Монссон сломал зубочистку и бросил ее в пепельницу.

— Верно. Мне тоже так показалось, когда голая вдова рассказала, что в Португалии Пальмгрен ворочал большими делами.

— Голая? — в один голос переспросили Бек и Скакке.

— Я хотел сказать — веселая вдова. Но она не веселая. И не печальная. Она совершенно равнодушная.

— Но голая, — произнес Мартин Бек.

Монссон рассказал о визите к вдове Пальмгрена.

— А она красивая? — спросил Скакке.

— По-моему, нет, — коротко ответил Монссон. Потом, повернувшись к Мартину Беку, спросил: — Ты ничего не будешь иметь против, если я поговорю с этим Линдером?

— Нет. Но я бы тоже хотел на него посмотреть. Так что давай им вдвоем займемся.

Монссон кивнул. Немного помолчав, сказал:

– А почему нет? Но сначала мне бы хотелось побольше узнать о зарубежных делах Пальмгрена. Любыми путями. Матс Линдер, вероятно, в них участия не принимал, он ведал, скорее всего, этой селедочной фирмой. Кстати, а чем занимался датчанин?

– Пока не знаю. Мы это выясним. В крайнем случае позвоню Иогансену – он наверняка в курсе дела.

Они помолчали. Потом Скакке сказал:

– Если стрелял тот же самый парень, который летел из Копенгагена в Стокгольм, то уже ясно, что он швед. И если это убийство по политическим соображениям, то он, значит, был против дел Пальмгрена в Родезии, Анголе, Мозамбике и где-то там еще. А раз так, то он должен быть каким-нибудь фанатиком из левых экстремистов.

– Ты рассуждаешь как секретчик Перссон, – сказал Монссон. – Тому за каждым углом чудятся фанатики-экстремисты. Но в твоих словах все-таки что-то есть.

– По правде говоря, мне пришло это в голову еще до разговора с Мальмом. Поразительная схожесть с покушением по политическим мотивам. И странность с этим модус операнди...

Мартин Бек резко оборвал себя, вдруг поняв, что он пользуется терминологией Мальма. Это его страшно разозлило.

– Может, так, а может, и нет, – сказал Монссон. – У нас на юге большинство экстремистских группировок сконцентрировано в Лунде. Я всех их знаю, они в большинстве своем чертовски мирно настроены. Сепо, понятное дело, это не нравится.

– Ничто не указывает, что он здешний, – вставил

Скакке.

Монссон покачал головой.

– Хорошее знание местности, – сказал он. – Если история с велосипедом правда.

– Вот бы нам найти этот велосипед, – с оптимизмом произнес Скакке.

Монссон долго смотрел на него. Потом снова покачал головой и добродушно сказал:

– Эх, мальчик ты мой, выследить велосипед...

В дверь постучали, и в кабинет вошел, не дожидаясь приглашения, Баклунд. В руках у него были очки, он усердно протирал их платком.

– Все заседаете, – раздраженно сказал он. – Может, господа заседатели выяснили, куда девалась гильза? Мы искали повсюду, даже в еде. Я лично перевернул все картофельное пюре. Никакой гильзы просто нет.

– Гильза есть, – устало вздохнул Монссон.

– Стрелял-то он из револьвера, – в один голос сказали Мартин Бек и Скакке.

Баклунд ошарашено смотрел на них.

Когда в воскресенье утром Бенни Скакке слезал с велосипеда у причала катеров на подводных крыльях, «Бегун» как раз входил в порт. Он уже опустился на киль и медленно скользил к пристани.

Погода стояла по-прежнему великолепная, и мало кто захотел провести весь путь через Зунд взаперти, сидя в салоне, больше похожем на самолетный. «Бегун» привез всего с десяток пассажиров. Выкарабкавшись из его чрева, они торопливо зашагали по мосткам к морскому вокзалу и

скопом бросились к единственному такси, оказавшемуся на стоянке.

Скакке ждал у трапа. Минут через пять на палубе показалась светловолосая девушка в форме стюардессы. Он подошел к ней, представился и показал свое удостоверение.

– Но ведь я уже рассказывала об этом человеке полиции, – сказала она. – В Копенгагене.

– Да, я знаю, – сказал он. – Но мне бы хотелось задать вам еще несколько вопросов. Вы случайно не заметили, держал ли он что-нибудь в руках?

Наморщив лоб и закусив губу, стюардесса неуверенно сказала:

– Знаете, вот когда вы спросили, я, кажется, припоминаю... По-моему... Да, по-моему, у него была какая-то коробка, черная, вот такой примерно величины.

Она показала руками.

– А вы не заметили, в салон он вернулся с коробкой или без нее? И на берег как выходил – с пустыми руками или нет?

Она снова задумалась. Потом покачала головой и твердо сказала:

– Нет, не могу вспомнить. Не знаю. Я видела только, что он держал коробку под мышкой, когда стоял на палубе.

– Ну что ж, спасибо. Это очень ценные сведения. После того разговора с полицией в Копенгагене вы ничего нового не припомнили об этом человеке?

Она опять отрицательно покачала головой и улыбнулась профессиональной улыбкой.

Скакке вернулся на Давидсхалсторгет и поднялся в

свой кабинет. Собственно говоря, дел у него никаких не было, но время подходило к одиннадцати: пора звонить Монике.

Он охотнее звонил ей с работы, чем из дома. Отчасти это объяснялось тем, что он хотел сэкономить, отчасти тем, что хозяйка была излишне любопытна. А он не хотел, чтобы ему мешали, когда он говорит с Моникой.

Она тоже была выходная и сидела одна в квартире, которую снимала вместе с подругой по работе. Проговорили почти час, но и что из того? Платить-то будет полиция, или, вернее, налогоплательщики.

Когда Скакке положил трубку, он уже не думал о деле Пальмгрена: его занимали совсем другие мысли.

XI

Мартин Бек и Монссон снова встретились в полиции в понедельник в восемь утра не в лучшем расположении духа.

Воскресенье не принесло ничего нового, разве стало еще жарче и еще безлюднее на улицах, и, когда они сообщили вечерним газетам, что «в расследовании изменений нет», эта пустая и избитая фраза имела под собой все основания. Единственным светлым пятном были расплывчатые сведения, добытые Скакке у стюардессы.

Июль – очень неудобный месяц для полицейских дел. Если к тому же стоит хорошая погода, то он неудобен ни для чего. Королевство Швеции закрыто, ничто не работает, и никого не найдешь по той простой причине, что люди уехали за город или за границу. Это касается большинства,

от местных профессиональных преступников до работников государственных органов, и полицейские, которых в это время остается относительно мало, занимаются большей частью проверкой иностранцев да пытаются поддерживать порядок на автомагистралях.

Мартин Бек, к примеру, много бы дал за то, чтобы поговорить со своим бывшим сотрудником Фредриком Меландером, теперь инспектором уголовной полиции в Стокгольме. Тому было сорок девять лет, тридцать из них он прослужил в полиции, и его память надежнее, чем чья-либо, хранила имена, события, ситуации и другие факты, которые ему удалось добыть за все годы. Этот человек никогда ничего не забывал и был одним из тех, кто, может быть, сумел бы посоветовать сейчас что-нибудь дельное. Но Меландера не найдешь, он в отпуске и, как всегда, когда бывает свободен, сидит в своем домишке на острове Вермдё. Телефона там нет, и никто из его коллег не знает точно, где этот дом находится. Любимое занятие Меландера – заготовка дров, но в этот отпуск он решил заняться строительством нового, двухместного нужника.

Кстати говоря, отпуска у Бека и Монссона начались как раз в эту неделю, и мысль о том, что отпуск приходится отодвинуть на неопределенный срок, действовала на нервы.

Но, как бы там ни было, в этот понедельник придется провести допрос. Мартин Бек позвонил в Стокгольм и после долгих «если» и «но» уговорил Колльберга заняться Хампусом Брубергом и Хеленой Ханссон.

– О чем мне их спрашивать-то? – уныло сказал Колльберг.

– Сам толком не знаю.

– А кто же руководит расследованием?

– Я.

– И ты не знаешь? Что же я-то тогда могу придумать, черт возьми!

– Нам не хватает мотива преступления. Или, вернее, у нас их слишком много, этих мотивов. Может быть, знание обстановки в пальмгреновском концерне поможет нам за что-то уцепиться?

– Ну-ну, – недоверчиво произнес Колльберг. – А эта самая Ханссон, секретарша, она хоть симпатичная?

– Говорят.

– Ну, тогда еще куда ни шло. Пока.

Мартин Бек чуть не сказал «жду звонка», но в последнюю минуту сдержался.

– Пока, – лаконично ответил он и повесил трубку. Взглянул на Монссона и сказал: – Колльберг займется стокгольмским отделением концерна.

Потом оба сидели молча, лениво перебирая бумаги. В девять часов встали и пошли на улицу, к автомашине Монссона.

Движение было более оживленным, чем в воскресенье, но тем не менее путь до портового района, где располагалась главная контора Пальмгрена в Швеции и где сейчас распоряжался Матс Линдер, занял не больше десяти минут.

Монссон поставил машину так, как ставить ее по правилам никак уж нельзя, и опустил щиток, с наружной стороны которого красовалась надпись «ПОЛИЦИЯ».

Они поднялись на лифте на седьмой этаж и оказались в просторной приемной, пол которой был затянут светло-красным ковром, а стены обиты шелком, посередине

стоял низкий стол и удобные кресла, на столе – грудa журналов, большей частью иностранных, но были «Свенск тидскрифт» и «Векканс афферер», две большие хрустальные пепельницы, деревянный ящик с сигарами и сигаретами, настольная зажигалка черного дерева и массивная ваза с красными розами. Поодаль, за столиком, сидела светловолосая девица лет двадцати и изучала свои сверкающие, как зеркало, ногти. Перед ней – переговорный аппарат, два телефона, блокнот на металлической дощечке и позолоченное вечное перо.

У нее была фигура манекенщицы, черно-белое, очень короткое платье. Чулки с черным хитроумным узором, элегантные черные туфли с серебряной обтяжкой. Губы накрашены почти белой помадой, а веки резко обведены синим. Серебряные серьги, белые как мел зубы, длинные приклеенные ресницы над глуповатыми голубыми глазами. «Безупречно сделано, если кому это надо», – подумал Мартин Бек.

Она взглянула на них с оттенком презрения, ткнула длинным ногтем в свой блокнот и сказала на самом настоящем сконском диалекте:

– Вы из полиции, насколько я понимаю. – Бросила взгляд на свои миниатюрные часики и добавила: – Вы пришли почти на десять минут раньше. Господин Линдер сейчас говорит по телефону.

«Господин, – подумал Мартин Бек. – Значит, Матс Линдер уже сделал шаг вперед, туда, где должность называть уже и не нужно».

– Он разговаривает с Йоханнесбургом, – сказала девушка. – Как только он закончит, я вас приглашу. Ваши

фамилии Монссон и Бек, кажется?

– Бек.

– Хорошо, – равнодушно сказала она. Взяла ручку и стала небрежно чертить в своем блокноте. Потом снова посмотрела на них с плохо скрываемым отвращением и, кивнув в сторону стола с розами, хрусталем и сигаретами, сказала: – Курите, пожалуйста.

Примерно так говорит зубной врач – сплюньте, пожалуйста. Мартин Бек чувствовал себя скверно в этой обстановке. Он взглянул на Монссона, на котором была мятая рубашка навыпуск, неглаженные брюки и сандалеты. Сам он выглядел ненамного элегантнее, хотя и положил на ночь брюки под матрас. Монссон тем не менее казался совершенно невозмутимым. Он развалился в кресле, достал из нагрудного кармана зубочистку, за полминуты пролистал «Векканс афферер» и, пожав плечами, бросил журнал на стол. Бек, внимательно изучив богатое содержимое ящика с сигаретами, кончил тем, что вытащил из кармана свою «Флориду», прикусил мундштук и чиркнул спичку.

Минуты шли. Монссон с отсутствующим видом жевал зубочистку. Бек загасил сигарету и прикурил новую. Встал и подошел к стене, в которую был вделан большой аквариум с зеленой искрящейся водой. Он молча стоял, разглядывая пестрых рыбешек, пока жужжащий сигнал переговорного аппарата не прервал это занятие.

– Господин Линдер ждет вас.

Сразу отворилась одна из дверей, и темноволосая женщина лет тридцати пяти пригласила их войти. Ее движения были быстрыми и точными, а взгляд пронизывающим. Типичная секретарша большого начальника, подумал

Мартин Бек. Вероятно, именно она и делала всю работу, если только какая-то работа здесь была. Монссон тяжело поднялся и лениво двинулся за Мартином Беком через небольшую комнату с письменным столом, электрической пишущей машинкой, шкафом для документов и полками, которые пестрели переплетами.

Темноволосая секретарша открыла следующую дверь и молча пропустила их вперед. Бек еще сильнее почувствовал, насколько они с Монссоном неуклюжи, неприглажены и не вписываются в эту обстановку.

Пока Монссон шел к письменному столу, из-за которого с печальной, но все же любезной и учтивой улыбкой поднялся Матс Линдер, Мартин Бек изучал по порядку три разных объекта: вид из окна, кабинет и человека, к которому они пришли. Он успел заметить все самое значительное, пока Монссон вынимал зубочистку изо рта, клал ее в пепельницу и протягивал руку Линдеру.

Вид из окна открывался потрясающий. В гавани (вернее, в гаванях, ибо их было несколько) кипела жизнь: сутолока грузовых и пассажирских судов, буксиров, кранов, грузовиков, железнодорожных составов, нагромождения контейнеров. Где-то вдали лежали Эресунн и Дания. Видимость была великолепная, и он заметил по меньшей мере два десятка судов, тянувшихся по морской глади в Копенгаген или идущих оттуда. Эта панорама была лучше, чем вид из его окна в гостинице, хотя и тот был неплохим. Так и хотелось попросить хороший бинокль.

На столе Линдера как раз лежал бинокль: морской, цейсовский. Стол поставили так, что Линдер сидел спиной к торцовой, без окон, стене. Всю стену от пола до потолка и

из угла до угла занимала гигантская фотография, изображавшая рыболовный траулер во время шторма. Брызги пены, каскады воды, обрушивающиеся на палубу. Вдоль правого борта – люди в зюйдвестках и проолифенных робах, поднимающие трал. Контраст поразительный. Зарабатывать себе на пропитание невероятным трудом в море или спокойно посиживать в роскошном кабинете и наживать состояние на тяжком труде других. Разница поразительная, как уже сказано, однако вряд ли фотографию здесь выставили умышленно: и цинизм должен иметь свои границы. На противоположной окну стене висели три литографии – Матисс, Шагал, Сальвадор Дали. В кабинете стояли также два кожаных кресла для посетителей и стол для переговоров с шестью стульями палисандрового дерева.

По полученным данным, Матсу Линдеру было тридцать лет, и его внешность точно соответствовала его возрасту и положению. Высокий, подтянутый, хорошо тренированный. Карие глаза, аккуратный пробор, сухощавое лицо с твердым профилем и решительным подбородком. Строгий костюм.

Мартин Бек посмотрел на Монссона и почувствовал себя мятым и потным, как никогда.

Он назвал и пожал руку Линдеру.

Уселись в кожаные кресла.

Линдер, поставив локти на стол, поднял руки. Кончики пальцев касались друг друга.

– Ну, – сказал он, – вы взяли убийцу?

Монссон и Бек одновременно покачали головами.

– Чем я могу вам помочь?

– У директора Пальмгрена были враги? – спросил Мартин Бек.

Глупый и простой вопрос, но с чего-то надо начинать. Линдер тем не менее воспринял его с преувеличенной серьезностью и тщательно обдумывал свой ответ. Наконец сказал:

– Когда человек ведет дело такого размаха, он едва ли может обойтись без недругов.

– А кто бы конкретно это мог быть?

– Слишком многие, – тускло улыбнулся Линдер. – Господа, деловой мир сегодня весьма жесток. Конъюнктура не оставляет места для благотворительности и сантиментов. Очень часто вопрос стоит так: убить или быть убитым. С точки зрения экономической, конечно. Но мы, деловые люди, пользуемся иными методами, чем стрельба друг в друга. Поэтому, я думаю, можно спокойно отложить в сторону теорию, согласно которой некий обиженный конкурент приходит в первоклассный ресторан с пистолетом в руках, чтобы лично, так сказать, подвести итог.

Монссон шевельнулся. Казалось, ему в голову пришла какая-то идея, но он ничего не сказал. Бек продолжал спрашивать:

– Вы имеете какое-нибудь представление о человеке, который стрелял в вашего шефа?

– Я его, собственно говоря, и не видел. Во-первых, я сидел рядом с Викки – так мы обычно называли его в узком кругу – и, следовательно, спиной к убийце. Во-вторых, я не сразу понял, что случилось. Я услышал выстрел, он был не слишком громкий и не вызвал у меня тревоги, потом Викки упал ничком на стол, я тут же встал и наклонился над ним.

Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что он серьезно ранен. Когда я посмотрел по сторонам, стрелявший уже исчез, к нам со всех сторон бежали люди. Впрочем, все это я уже говорил полиции еще в тот вечер.

– Знаю, – сказал Мартин Бек. – Возможно, я выразился не совсем ясно. Я хотел спросить, к какому, на ваш взгляд, типу людей принадлежал этот человек?

– Он идиот, – сказал Матс Линдер, ни секунды не колеблясь. – Только душевнобольной способен на такие поступки.

– Стало быть, Пальмгрена можно считать случайной жертвой?

Линдер задумался. Потом улыбнулся своей тусклой улыбкой:

– Это уж полиция должна выяснить.

– Насколько я понимаю, Пальмгрен вел дела и за рубежом?

– Верно. Круг его интересов был весьма широк. Но здесь, в Мальмё, мы занимаемся тем, с чего когда-то начиналась фирма: экспорт и импорт рыбы, частично консервная промышленность. Фирму основал старый Пальмгрен, отец Викки. С ним я никогда не встречался, слишком молод для этого. Что же касается зарубежных дел концерна, то тут я мало что знаю.

Он сделал паузу.

– Но весьма вероятно, что теперь мне придется познакомиться с этими делами поближе.

– А кто теперь отвечает за деятельность... концерна?

– Шарлотта, я полагаю. Она единственная наследница. Ни детей, ни родственников у Пальмгрена нет. Впрочем,

это уже дело юристов. Главному адвокату фирмы пришлось срочно прервать свой отпуск. Он приехал в пятницу вечером и вместе со своими помощниками просматривал дела за последние дни. А пока мы работаем, как обычно.

– Рассчитываете ли вы занять место Пальмгрена? – вдруг спросил Монссон.

– Нет, – ответил Линдер. – Не рассчитываю. У меня нет ни того опыта, ни тех способностей, которых требует дело такого размаха...

Он остановился, а Монссон не стал развивать этой темы дальнейшими вопросами. Бек тоже молчал. Линдер продолжил сам:

– Пока меня полностью удовлетворяет мое положение. Могу вас заверить, что и этой работой не так-то просто руководить.

– А что, прибыльно это – торговля сельдью? – спросил Мартин Бек.

Линдер снисходительно улыбнулся:

– Но ведь мы занимаемся не только сельдью. Во всяком случае, можете не сомневаться: экономическое положение фирмы весьма прочное.

Мартин Бек решил начать наступление с другого фланга.

– Я полагаю, вы лично знаете всех присутствовавших на ужине?

Линдер на мгновение задумался.

– Да. Кроме секретарши Бруберга.

Не промелькнула ли тень неприязни по его лицу? Бек, чувствуя, что вот-вот что-то обнаружится, продолжал:

– Директор Бруберг, кажется, старше вас и по возрасту,

и по должности, которую он занимает в концерне?

– Да, ему лет сорок пять.

– Сорок три, – уточнил Мартин Бек. – А давно он работает на Пальмгрена?

– С середины пятидесятых. Лет пятнадцать.

Было очевидно, что Линдеру эта тема не по вкусу.

– И все же вы находитесь в более привилегированном положении, чем он, не так ли?

– Это зависит от того, что считать привилегиями. Хампус Бруберг сидит в Стокгольме, занимается недвижимостью. И акциями тоже.

Линдер явно был не в своей тарелке. Надо бить в одну точку. Рано или поздно он проговорится.

– Но ведь совершенно ясно, что директор Пальмгрэн доверял больше вам, чем Брубергу. И это несмотря на то, что он работал у него пятнадцать лет, а вы только... Да, кстати, а сколько вы здесь работаете?

– Почти пять лет, – ответил Матс Линдер.

– А Пальмгрэн не очень-то полагался на Бруберга?

– Наоборот. Слишком полагался, – сказал Линдер и сжал губы, словно хотел взять свои слова обратно и вычеркнуть их из протокола.

– А вы считаете Бруберга ненадежным? – быстро спросил Бек.

– На этот вопрос я не хочу отвечать.

– Бывали ли разногласия между ним и вами?

Линдер помолчал. Казалось, он пытается взвесить ситуацию.

– Да, – наконец сказал он.

– По каким вопросам?

– Это уж наше внутреннее дело.

– Вы считаете его нелояльным по отношению к концерну?

Линдер молчал. Но теперь это уже не имело значения, ибо он в принципе дал ответ на вопрос.

– Ладно, нам ведь все равно придется говорить и с Брубергом, – небрежно сказал Бек.

Линдер взял тонкую длинную сигару, снял целлофан и осторожно закурил ее.

– Я совершенно не понимаю, какое отношение все это имеет к убийству моего шефа.

– Может быть, никакого, – пожал плечами Мартин Бек. – Посмотрим.

– У вас есть еще вопросы ко мне? – спросил, затягиваясь, Линдер.

– В среду днем у вас было заседание. В этом кабинете?

– Нет, в конференц-зале.

– О чем шла речь на этом заседании?

– Внутренние дела. Я не могу и не хочу рассказывать о том, что там говорилось. Скажем так: Пальмгрен на какое-то время должен был отключиться от работы и хотел получить обзор положения дел в Скандинавии.

– Делались ли во время докладов выговоры кому-либо? Был ли Пальмгрен чем-нибудь недоволен?

Ответ последовал после короткого колебания:

– Нет.

– Но вы, возможно, считаете, что выговоры кому-то следовало сделать?

Линдер не отвечал.

– Вы, может быть, имеете что-нибудь против того, что

мы поговорим с Брубергом?

– Наоборот, – пробормотал Линдер.

– Извините, я не понял, что вы сказали?

– Ничего.

– Во всяком случае, ясно, что Пальмгрен доверял вам больше, чем Брубергу.

– Может быть, – сухо сказал Линдер. – Так или иначе, к убийству это отношения не имеет.

– Это мы посмотрим, – произнес Мартин Бек.

В глазах Линдера сверкнул огонек. Он был взбешен и с трудом скрывал это.

– Ну извините, мы и так уже отняли у вас много драгоценного времени, – сказал Мартин Бек.

– Верно замечено. И чем скорее мы этот разговор закончим, тем лучше. И для меня, и для вас. Я не вижу никакого смысла в том, чтобы пережевывать одно и то же.

– Что ж, согласен, – сказал Мартин Бек, поднимаясь.

– Спасибо, – устало выговорил Линдер. В его тоне чувствовался сарказм.

И тут Монссон, выпрямившись в кресле, медленно произнес:

– Простите, пожалуйста, но я хотел вас кое о чем спросить.

– О чем же?

– В каких вы отношениях с Шарлоттой Пальмгрен?

– Я с ней знаком.

– Насколько хорошо?

– Это, очевидно, мое личное дело.

– Конечно. Но я все-таки хотел бы получить ответ на свой вопрос: состоите ли вы в каких-либо отношениях с

Шарлоттой Пальмгрен?

Линдер смотрел на него холодным и неприязненным взглядом. После минутного молчания он раздавил сигару в пепельнице и сказал:

– Да.

– В любовных отношениях?

– В половых. Я сплю с ней, если уж выражаться так, чтобы это было понятно даже полицейскому.

– И как долго эти отношения у вас продолжаются?

– Два года.

– Знал ли о них директор Пальмгрен?

– Нет.

– А если бы знал, ему бы это, наверное, не понравилось?

– Не уверен. Шарлотта и я – люди современные, достаточно широко мыслящие и без предрассудков. Виктор Пальмгрен был таким же. Их супружество основывалось скорее на деловых соображениях, чем на чувствах.

– Когда вы ее видели в последний раз?

– Шарлотту? Два часа назад.

Монссон полез в нагрудный карман за новой зубочисткой. Посмотрел на нее и спросил:

– А как она в постели, ничего?

Линдер, онемев, смотрел на него. Наконец сказал:

– Вы в своем уме?

Когда садились в машину, Монссон произнес:

– Ловкий парень. Достаточно ловкий, чтобы говорить правду тогда, когда знает, что на враках мы его поймаем. Уверен, что Пальмгрену от него была большая польза.

– Матс Линдер прошел, как видно, хорошую школу, –

заметил Мартин Бек.

– Да и сам он способный. Вопрос только в том, способен ли он убивать людей.

XII

Леннарту Колльбергу задание, которое он получил, казалось и бессмысленным и противным, но уж никак не трудно выполнимым. Нужно найти каких-то конкретных людей, поговорить с ними, и все.

Сразу же после десяти он вышел из здания полиции в Вестберге; там все было тихо и спокойно, что главным образом объяснялось нехваткой людей. В работе же, напротив, недостатка не было, ибо на великолепно унавоженной почве так называемого «общества всеобщего благоденствия» преступность во всех ее формах расцветала пышным цветом. Причины такого положения казались совершенно неясными – во всяком случае, для власть имущих и для теоретиков.

За благопристойным, приглаженным, даже респектабельным фасадом Стокгольма скрывались джунгли большого города, где наркомания и развращенность достигли широчайшего размаха, где бессовестные воротилы совершенно открыто наживали огромные барыши на порнографии в ее самых грязных и отвратительных формах, где профессиональные преступники не только росли численно, но и становились все более и более хорошо организованными. То, что алкоголизм, который всегда был проблемой, и преступность среди молодежи продолжали все расти и расти, не могло удивить никого, кроме служащих учре-

ждений, отвечавших за борьбу с этими явлениями, и правительственных кругов.

Стокгольм, что поделаешь.

От того города, в котором Колльберг родился и вырос, мало что осталось. Эскаваторы спекулянтов земельными участками и бульдозеры так называемых специалистов по уличному движению снесли, с благословения планировщиков, бóльшую часть старых, добротных строений, оставив только своего рода заповедники культуры, которые, потеряв окружение, отдавали теперь излишней патетикой и резали глаз. Характер города, его настроение и стиль исчезли, или, точнее говоря, бесповоротно стали другими.

А механизм стокгольмской полиции от излишней перегрузки работал все с бóльшим скрипом, и нехваткой людей это объяснялось лишь отчасти, главными здесь были другие причины. Все упиралось не в то, чтобы полицейских было больше, а в то, чтобы они работали лучше, но об этом никто не заботился.

Так думал Леннарт Колльберг.

Добраться до жилого района, которым ведал Хампус Бруберг, оказалось непросто. Он находился в южной части города, в местах, которые во времена детства Колльберга были дачными.

Школьником он ездил туда вместе с классом на экскурсии. Теперь это был район, в точности напоминавший многие другие, застроенные доходными домами. Изолированная группа быстро и небрежно приткнутых друг к другу высотных зданий, единственное назначение которых — дать владельцу как можно бóльшую прибыль и одно-

временно заразить своей унылостью и неуютом тех несчастных людей, коим придется здесь жить. Поскольку жилищный кризис в течение многих лет поддерживался искусственным путем, даже эти квартиры были желанными, а квартплата – почти астрономической.

Контора Бруберга размещалась, вероятно, в самом лучшем и тщательно отделанном помещении, но даже здесь пятна сырости проступали по фасаду, а дверные косяки отошли от стен.

Однако главным ее недостатком, с точки зрения Колльберга, было то, что самого Бруберга не оказалось на месте.

Помимо его личного кабинета, просторного и довольно хорошо обставленного, здесь был зал заседаний и две маленькие комнаты. В них жили техник и две консьержки, одна лет пятидесяти, другая совсем молоденькая, не старше девятнадцати.

Старшая оказалась сущей крокодилицей, и Колльберг предположил, что ее главная задача – грозить жильцам выселением и отказывать в ремонте квартир. Девушка была дурнушкой, неуклюжей, прыщавой и, как видно, совсем забитой. Мужчина производил впечатление человека, смирившегося со своей судьбой. По всей вероятности, его неблагодарная миссия заключалась в том, чтобы следить за исправностью сантехники. Колльберг решил, что говорить ему следует с крокодилицей.

Нет, господина Бруберга на месте нет. Он не появлялся здесь с пятницы. Тогда он зашел в контору минут на десять, взял портфель и уехал.

Нет, директор Бруберг не сказал, когда он вернется.

Нет, ее зовут не Хелена Хансен, и она никогда не слышала здесь такой фамилии.

Нет, директор Пальмгрен обычно не занимался этими домами. С тех пор, как их построили четыре года назад, он был тут только два раза, причем вместе с директором Брубергом.

Что она делает в конторе? Конечно, собирает квартирную плату и следит за тем, чтобы жильцы не нарушали порядок.

– А это не самое легкое дело, – злобно сказала крокодилица.

– Охотно вам верю, – быстро согласился Колльберг.

И ушел. Он сел в машину и поехал в северную часть города.

Поставил машину на Кунгсгатан и подошел к подъезду проверить, по тому ли адресу приехал.

Судя по перечню названий, в доме помещались главным образом кинофирмы и юридические бюро, но было и то, что он искал. На четвертом этаже было указано не только «Акционерное общество Хампус Бруберг», но и «Банковская фирма Виктор Пальмгрен».

На старом, скрипучем лифте Колльберг поднялся на четвертый этаж и увидел, что оба этих названия украшают одну и ту же дверь. Он дернул за ручку, но дверь оказалась заперта. Конечно, был и звонок, но он предпочел свой старый верный способ и забарабанил в нее кулаком.

Открыла женщина. Удивленно взглянула на него большими карими глазами:

– Что случилось?

– Я ищу директора Бруберга.

- Его здесь нет
- Вас зовут Хелена Ханссон?
- Нет... А вы кто такой?

Колльберг вытащил из заднего кармана визитную карточку. Комната, в которой он очутился, была похожа на самую обычную контору: стол, пишущая машинка, шкаф, бумаги и прочее. Через полуоткрытую дверь он видел еще одну комнату, вероятно, личный кабинет Бруберга. Она была меньше секретарской, но уютнее. Казалось, что большую ее часть занимают письменный стол и большой сейф.

Пока Колльберг осматривался, женщина захлопнула дверь на замок. Вопросительно глядя на него, она спросила:

- Почему вы решили, что меня зовут Ханссон?

Ей было лет тридцать пять. Стройная, темноволосая, с широкими бровями и короткой стрижкой.

– Я думал, что вы секретарь директора Бруберга, – рассеянно ответил Колльберг.

- Я и есть его секретарь.

- А как же вас зовут?

- Сара Муберг.

– И вы не были в Мальмё в среду, когда был убит Пальмгрен?

- Не была.

– У нас есть сведения, что Бруберг был в это время в Мальмё вместе со своим секретарем.

– В таком случае не со мной. Я не езжу ни в какие поездки.

- И секретаря звали фрекен Хелена Ханссон, – упрямо

продолжал Колльберг.

– Мне неизвестна эта фамилия. Кроме того, я замужем. У меня двое детей. И я, как уже сказано, не сопровождаю Бруберга в его поездках.

– Кто же тогда такая фрекен Ханссон?

– Не имею понятия.

– Может быть, она работает где-нибудь у вас в концерне?

– Я, во всяком случае, никогда о ней не слышала. – Женщина пристально посмотрела на него. – До сих пор. – Потом тихо добавила: – Хотя ведь есть же так называемые разъездные секретари.

Колльберг не стал касаться этой темы.

– Когда вы видели Бруберга в последний раз?

– Сегодня утром. Он пришел в десять, с четверть часа был в своем кабинете. Потом ушел. Я думаю, в банк.

– А где он может быть сейчас?

Она взглянула на часы.

– Вероятно, дома.

Колльберг заглянул в свою бумажку.

– Он живет на Лидинге, да?

– Да, улица Чедервеген.

– У него есть семья?

– Есть. Жена и дочь семнадцати лет. Но их дома нет. Уехали отдыхать в Швейцарию.

– Вы это точно знаете?

– Да, я сама заказывала им билеты на самолет. В пятницу. Они улетели в тот же день.

– После этого случая в среду, в Мальмё, Бруберг работал как обычно?

– Пожалуй, нет. Едва ли так можно сказать. Он очень

нервничал в четверг. Тогда ведь мы еще ничего определенно не знали. О том, что директор Пальмгрен умер, нам стало известно только в пятницу. И в пятницу Бруберг пробыл здесь около часа. А сегодня, как я сказала, всего минут пятнадцать.

— А обычно он у себя в конторе бывает дольше или нет?

— О да, он почти все время здесь. Сидит в своем кабинете.

Колльберг подошел к двери, ведущей в кабинет, и заглянул в нее. На столе три черных телефона, возле сейфа элегантный чемодан. Небольшой, кожаный, затянутый ремнями. Как видно, совсем новенький.

— Вы не знаете, был здесь Бруберг в субботу и в воскресенье?

— Кто-то, во всяком случае, здесь был. По субботам контора закрыта, так что я два дня была выходная. А когда сегодня утром пришла, то сразу заметила, что кто-то рылся в бумагах.

— А этот «кто-то» может быть кем-то иным, кроме Бруберга?

— Едва ли. Ключи есть только у меня и у него.

— Как вы думаете, он еще придет сюда сегодня?

— Не знаю. Может быть, он из банка поедет прямо домой. Это скорее всего.

— Лидинге, — пробормотал Колльберг. — Чедервеген. До свидания, — вдруг оборвал он беседу.

Проезжая по мосту через Вэртан и глядя на корабли в гавани и сотни лодок с полуголыми загорелыми отпускниками, он думал, какую глупость делает, что болтается по городу. Конечно, можно было сидеть в своем кабинете, а

этих людей вызвать к себе по телефону. Но тогда он бы их не нашел, а это уже ни к черту не годилось. Кроме того, Мартин Бек сказал, что дело срочное.

На Чедервеген стояли дома, может статься, и не сверхроскошные, но выгодно отличающиеся от серой унылости, с которой он только что столкнулся. Здесь уже жили не бедняги, которые, не имея иного выбора, позволяют людям типа Пальмгрена и Бруберга выжимать из себя деньги. По обеим сторонам дороги красовались дорогостоящие виллы в стиле бунгало с великолепно ухоженными садами.

Дом Хампуса Бруберга казался вымершим. Следы автомашины вели к гаражу, но, когда Колльберг заглянул в него через одно из маленьких окошек в стене, он оказался пустым. На звонки и стук в двери никто не отвечал, гардины на огромных окнах были опущены, и разглядеть виллу изнутри Колльбергу не удалось.

Он вздохнул и пошел к соседнему дому. Эта вилла была больше и шикарнее, чем у Бруберга. Колльберг позвонил, дверь открыла высокая светловолосая женщина, на редкость тощая, с аристократическими манерами. Когда он представился, она надменно и с легким презрением взглянула на него, не проявляя никакого намерения пригласить в дом. Он изложил свое дело, и она холодно сказала:

— У нас здесь нет привычки шпионить за своими соседями. Я не знаю директора Бруберга и ничем не могу вам помочь.

— Печально.

— Может быть, для вас, но не для меня. Скажите, а кто вас сюда прислал?

Судя по голосу и выражению голубых глаз, она его в

чем-то подозревала. Ей было лет тридцать пять-сорок. Холеная. Кого-то она ему очень напоминала, но кого именно, он вспомнить не мог.

– Что ж, прощайте, – уныло сказал он, пожав плечами.

Сев в машину, Колльберг заглянул в свою бумажку. Хелена Ханссон называла свой адрес – Вестеросгатан в Васастадене и номер телефона. Он поехал в отделение полиции на Лидинге. Его коллеги в штатском сидели над карточками футбольной лотереи, попивая лимонад из бумажных стаканчиков.

– Я сюда пришел только позвонить, – устало произнес Колльберг.

– Звони по любому.

Колльберг ехал в Васастаден и по дороге думал о том, что и Лидинге с его лощеным видом тоже кладет свою гирию на весы растущей преступности. Только живут здесь люди богатые, и они могут скрыть свои делишки за чистеньким фасадом.

В доме на Вестеросгатан лифта не было, и Колльбергу пришлось карабкаться на пятый этаж в пяти разных подъездах. Дом был ветхий и запущенный хозяевами, в заасфальтированном дворе между бочками для мусора сновали большие жирные крысы.

Он звонил в разные квартиры, иногда двери открывались, и разные люди испуганно смотрели на него. Здесь полиции боялись, и, как видно, причины для этого были.

Никакой Хелены Ханссон он не нашел.

Никто не мог сказать, живет ли здесь женщина с такой фамилией и жила ли вообще. В таких домах не любили давать сведения полиции, да и мало что знали друг о друге.

Колльберг стоял на улице, вытирая лицо носовым платком, который давным-давно был насквозь мокрым от пота. Несколько минут размышлял. Потом сдался и поехал домой. Через час его жена сказала:

– Почему ты так плохо выглядишь?

Он уже принял душ и сидел, завернувшись в мохнатое полотенце, с банкой холодного пива в руках.

– Потому что я себя так чувствую, – ответил он. – Эта проклятая работа...

– Бросать ее пора.

– Это не так-то легко.

Колльберг был полицейским и ничего не мог поделать с тем, что всегда старался быть как можно более хорошим полицейским. Это стремление было как будто встроено в механизм его психики и стало бременем, которое он почему-то обязан нести.

Задание Мартина Бека казалось простым заурядным делом, а оно не давало ему покоя. Нахмурившись, он спросил:

– Слушай, Гюн, а что такое разъездной секретарь?

– Обычно своего рода «девушка по вызову», у которой в портфеле всегда наготове ночная рубашка, зубная щетка и противозачаточные таблетки.

– Значит, обычная проститутка?

– Вот именно. Обслуживает бизнесменов и прочих, когда они куда-нибудь едут и не хотят искать себе потаскуху на месте.

Он поразмыслил и решил, что ему нужна помощь. У себя в отделе он на нее рассчитывать не мог, потому что народ был в отпусках. Вздохнув, Колльберг пошел к те-

лефону и позвонил в уголовную полицию на Кунгсхольм-сгатам.

Ему ответил человек, с которым он меньше всего хотел иметь дело, – Гюнвальд Ларссон.

– Как у меня дела? – недовольно ответил тот. – А как ты думаешь? Поножовщина, драки, грабежи, сумасшедшие иностранцы, готовые отдать любые деньги за наркотики. А людей почти нет. Меландер сидит в Вермдё, Рённ в пятницу уехал в свой Арьеплуг, Стрёмгрен на Майорке. Кроме того, похоже, что в такую жару люди становятся агрессивнее. А тебе чего?

Колльбергу Гюнвальд Ларссон был неприятен. «Он сообразительность потерял еще в колыбели», – подумал Колльберг. А вслух сказал:

– Я насчет этого дела Пальмгрена.

– Ничего общего с ним иметь не хочу, – быстро сказал Ларссон. – И так уже имел с ним достаточно неприятностей.

Колльберг тем не менее изложил ему историю своих мытарств. Гюнвальд Ларссон слушал, изредка вставляя злые реплики, а один раз оборвал его, сказав:

– Чего ты зря стараешься мне все объяснить? Не мое это дело.

Тем не менее что-то его все-таки заинтересовало, потому что под конец он спросил:

– Так ты говоришь, Чедервеген? А какой номер?

Колльберг повторил номер дома.

– Хм, – сказал Ларссон. – Может быть, тут я сумею что-то сделать.

– Спасибо, – выдавил из себя Колльберг.

– А я не для тебя стараюсь, – сказал Ларссон, будто и в самом деле имел в виду какие-то свои цели.

А он их и имел.

Колльберг удивился этой заинтересованности. Желание помочь другому никогда не было характерной чертой Гюнвальда Ларссона.

– Что касается этой потаскухи Ханссон, – мрачно произнес Ларссон, – то тебе лучше всего поговорить с полицией нравов. Конечно же, в Мальмё на первом допросе ей пришлось показать свое удостоверение личности. Так что зовут ее скорее всего Хеленой Ханссон. А вот адрес она могла соврать какой угодно.

Колльберг повесил трубку, потом тут же набрал еще один номер. На этот раз он звонил Осе Турелль, в полицию нравов.

XIII

Закончив разговор по телефону, Гюнвальд Ларссон тут же спустился вниз, сел в машину и поехал прямым путем на Лидинге.

Он рассматривал свои тяжелые ладони, лежавшие на баранке, и посмеивался про себя. Юмор висельника.

Приехав на Чедервеген, он бросил беглый взгляд на по-прежнему мертвый дом Бруберга и направился к соседней вилле. Позвонил. Дверь открыла та же тощая блондинка, которая двумя часами ранее выпроводила Колльберга.

– Гюнвальд, – ошеломленно сказала она теперь. – Какого... Как ты смел сюда явиться?

– О, – насмешливо ответил он. – Старая любовь не

ржавеет.

– Я не видела тебя больше десяти лет, и за это благодарна. – Нахмутив светлые брови, она подозрительно спросила: – Это не ты подослал ко мне того толстяка, что приходил сегодня утром?

– Нет, не я. Хотя я пришел по тому же делу.

– Могу повторить только то же, что сказала ему. Я не шпионю за своими соседями.

– Нет? А впустить меня в дом ты собираешься? Или мне разнести эти твои дурацкие палисандровые двери?

– Я на твоём месте умерла бы от стыда. Хотя у тебя не хватит тонкости для этого.

– Потихоньку исправляюсь.

– Уж лучше входи, чем стоять здесь и позорить меня.

Она распахнула дверь. Гюнвальд Ларссон перешагнул порог.

– А где эта вонючка, муж твой?

– Хюгольд в штабе. У него сейчас много работы, очень ответственной.

– И ему не удалось тебя обрюхатить за тринадцать или за сколько там лет?

– Одиннадцать, – сказала она. – И не хами. Впрочем, я дома не одна.

– Вот как? И любовника завела? Небось какой-нибудь курсантик?

– Оставь при себе эти вульгарные шуточки. Ко мне на чашку чая заглянула подруга детства. Соня. Может быть, ты ее помнишь?

– Слава Богу, нет.

– Ей не очень повезло, – сказала женщина, поправляя

свои светлые волосы. – Но у нее очень respectable работа. Она зубной врач.

Гюнвальд Ларссон промолчал. Он вошел следом за ней в просторную гостиную. На низком столике стоял чайный сервиз, а на диване сидела высокая худошавая женщина с каштановыми волосами и грызла печенье.

– Это мой старший брат, – сказала блондинка. – К сожалению. Его зовут Гюнвальд. Он... полицейский. А раньше был просто бродяга. В последний раз я видела его больше десяти лет назад, да и до этого встречалась с ним не часто.

– Ну, води себя хоть теперь приличнее, – произнес Гюнвальд Ларссон.

– И это говоришь мне ты? А где ты был в последние шесть лет жизни отца?

– В море. Я работал. И больше, чем кто-нибудь другой в этой семье.

– Ты свалил на нас всю ответственность, – горько сказала она.

– А кто наложил лапу на все деньги? И на остальное?

– Ты промотал свою часть наследства еще до того, как тебя выгнали из флота, – холодно ответила она. – А как теперь ты называешься? Констебль?

– Первый помощник комиссара.

– Папа перевернулся бы в гробу, услышав об этом. Значит, ты даже не сумел дослужиться до комиссара, или как это называется. А сколько ты получаешь?

– Это тебя не касается.

– А что ты здесь делаешь? Может быть, пришел взять в долг? Это бы меня не удивило. – Она взглянула на подругу,

молча следившую за их разговором, и деловито добавила: — Он всегда отличался наглостью.

— Вот именно, — сказал Гюнвальд Ларссон и сел. — Принеси-ка еще чашку.

Она вышла из комнаты. Гюнвальд Ларссон с проблеском интереса в глазах взглянул на подругу детства. Та не ответила на его взгляд. Вернулась сестра, неся на украшенном резьбой серебряном подносыке чайный стакан в серебряном же подстаканнике.

— Зачем ты сюда пришел? — спросила она.

— Я уже сказал. Ты должна выложить все, что тебе известно об этом Бруберге и его шефе, Пальмгрене, который умер в среду.

— Умер?

— Да. Ты что, газет не читаешь?

— Может, и читаю. Только тебя это не касается.

— Его убили. Застрелили.

— Застрелили? Господи, какими пакостями ты занимаешься!

Гюнвальд Ларссон невозмутимо помешивал чай.

— Впрочем, я тебе уже ответила. Я не шпионю за соседями.

Ларссон отпил из стакана. Потом резко поставил его на стол.

— Перестань кривляться, Малышка. Ты любопытна, как омар, и была такой с тех пор, как научилась ходить. Я знаю, что тебе известно много всякой всячины и о Бруберге и о Пальмгрене. Ты и эта твоя крыса, то есть муж, оба все отлично знаете. Я же представляю себе, как это делается в ваших высоких кругах.

— Твои грубости ничему не помогут. Во всяком случае,

я ничего не скажу. Тем более тебе.

– Нет, скажешь. Иначе я приведу с собой полицейского в форме и буду заходить в каждый дом в радиусе километра. Представлюсь и скажу, что ты моя сестра, но теперь стала важной и не хочешь мне помочь, приходится просить других.

Она уставилась на него неподвижным взглядом. Наконец глухо сказала:

– Неужели у тебя хватит нахальства...

– А ты не задумывайся над этим. Давай-ка, запускай свою мельницу.

Подруга детства следила за этим диалогом со скрываемым, но все-таки очевидным интересом.

После долгого, напряженного молчания сестра покорно сказала:

– Да, ты, как видно, и впрямь способен на это. Так что ты хочешь знать?

– Чем Бруберг занимался в последние дни?

– Это меня как раз не касается.

– Совершенно верно. Но именно поэтому я готов побиться об заклад, что ты стояла и глазела каждый вечер на этот дом. Ну?

– Его семья в пятницу уехала.

– Знаю. Еще что?

– В тот же день он продал автомашину жены, белый «феррари».

– Откуда тебе это известно?

– Приходил покупатель. Они стояли во дворе и договаривались.

– Вот оно как. Дальше.

– Я думаю, что Бруберг в последние дни не ночевал дома.

– Откуда ты знаешь? Ты что, проверяла?

– С тобой просто невозможно говорить. Ну, трудно не заметить того, что происходит в соседнем доме.

– Ты считаешь, его здесь не было?

– Да нет, несколько раз он приезжал. По-моему, увозил по частям вещи.

– Кроме этого покупателя автомашины, кто-нибудь еще здесь был? Кто и когда?

– В субботу вместе с Брубергом приехала какая-то блондинка. Они пробыли в доме часа два. Потом носили в машину вещи. Сумки и все такое. Вчера здесь тоже были люди. Изысканно одетая пара и какой-то человек, похожий на адвоката. Они ходили и все осматривали, а тот, который похож на адвоката, что-то записывал.

– И как ты это истолковала?

– Как то, что он пытается продать дом. Думаю, что ему это удалось.

– Ты слышала их разговор?

– Ну, иногда просто нельзя не услышать.

– Это уж точно, – сухо сказал Гюнвальд Ларссон. – И похоже, что он продал виллу, так?

– Да, я слышала обрывки разговора. Говорили, например, что быстрые сделки всегда самые удачные, а эта устраивает обе стороны.

– Дальше.

– Они распрощались очень любезно. Жали руки и хлопали друг друга по плечу. Бруберг передал часть вещей. И ключ, по-моему. Потом эти люди уехали в своей машине.

Черный «бентли». А Бруберг еще оставался часа два. Топил печки. Обе трубы долго дымились. Мне показалось... — Она замолчала.

— Что тебе показалось?

— Что это странно. Ведь жара стоит. Потом он ходил по дому и опускал шторы. После этого уехал. С тех пор я его не видела.

— Малышка, — дружелюбно сказал Ларссон.

— Ну что еще?

— Из тебя мог бы выйти отличный полицейский.

Она сделала брезгливую гримасу и сказала:

— Ты еще долго будешь меня мучить?

— Теперь уже нет. Насколько хорошо ты знаешь Бруберга?

— Иногда встречались. Ведь соседи.

— А Пальмгрена?

— Бегло. Как-то видела его у Бруберга. Один раз мы дома устраивали прием в саду, он тоже был. Ты же знаешь, на такие вечера обычно приглашают всех соседей. А Пальмгрен оказался случайно у Бруберга, ну и пришел за компанию.

— Один?

— Нет, с женой — молодой и совершенно очаровательной.

— Ну, а какое у тебя впечатление от этих людей?

— Они очень состоятельные — безразлично сказала она.

— Так и вы тоже, ты и твой фон барон.

— Да, — сказала она. — Это верно.

— Рыбак рыбака... — философски заметил Гюнвальд Ларссон.

Она долго смотрела на него, потом резко сказала:

– Я хочу, чтобы ты понял одно, Гюнвальд: такие люди, как Бруберг и Пальмгрен, вовсе не принадлежат к нашему кругу. Правда, у них много денег, особенно у Пальмгрена. Но им не хватает стиля, изысканности. Это бесцеремонные дельцы, которые сметают все на своем пути. Я слышала, Бруберг чуть ли не ростовщик, а Пальмгрен большинство своих темных дел вел за границей. Конечно, у таких людей есть деньги, которые открывают им доступ в высшие сферы, но все-таки им чего-то не хватает. И их никогда не признают до конца.

– Ну-ну, это уже занято. Значит, ты не признаешь Бруберга?

– Признаю, но только из-за его денег. То же самое с Пальмгреном. Его состояние сделало его влиятельным и там и сям. Общество зависит от наличия людей типа Пальмгрена и Бруберга. Во многом они – более важные детали механизма страны, чем и правительство, и риксдаг, и прочее. Поэтому даже люди нашего круга вынуждены их признавать.

Потом она холодно добавила:

– Хюгольд может вернуться в любую минуту. И я не хочу, чтобы он тебя здесь застал.

– Короткий же у него рабочий день!

– Да, короткий. У людей высокой квалификации часто так бывает. Прощай, Гюнвальд.

Он встал.

– Ну что ж, ты, во всяком случае, помогла.

– Я бы не сказала тебе ни слова, если бы ты не шантажировал меня. И для меня было бы лучше не видеть тебя еще лет десять.

– И для меня тоже. Пока.

Она не ответила.

Подруга поднялась и сказала:

– Я, пожалуй, тоже пойду.

Гюнвальд Ларссон взглянул на нее. Высокая симпатичная девушка, ему почти по плечо. Хорошо и со вкусом одета. В меру накрашена. Вообще все в меру. Он не видел автомашины на улице и спросил:

– Подкинуть вас в город?

– Да, спасибо.

Когда они садились в машину, он покосился на руку девушки – нет ли обручального кольца. Кольца не было.

– Простите, я тогда не расслышал фамилию?

– Линдберг. Соня Линдберг. Я тебя помню с детства.

Может, пригласить ее куда-нибудь? Нет, спешить ни к чему. Он ей как-нибудь позвонит.

– Где тебя высадить? – спросил он.

– На Стюреплан. Я работаю на Биргерярлсгатан. И живу там же.

«Хорошо, – подумал он. – Не пришлось спрашивать».

В кабинете на Кунгсхольмсгатан его ждало много дел. Сделав самые первоочередные, Гюнвальд Ларссон позвонил Колльбергу и пересказал ему то, что услышал, не называя источника этих сведений.

– Хорошо, Ларссон, – сказал Колльберг. – Значит, похоже на то, что он собирался удрать.

– По всей вероятности, уже удрал.

– Не думаю. Чемодан, о котором я говорил, по-прежнему стоит в его кабинете на Кунгсгатан. Я только сейчас звонил его секретарше, и она сказала, что полчаса назад Бруберг сообщил, что не успеет вернуться в контору

до пяти.

– Он, наверное, отсиживается в какой-нибудь гостинице, – задумчиво произнес Ларссон.

– Очевидно. Я попытаюсь проверить. Но маловероятно, чтобы он поселился там под своим именем.

– Да, вряд ли. А ты нашел эту девицу?

– Пока нет. Жду сообщения из полиции нравов. – И пожаловался: – Долгое дело. Если я не успею попасть на Кунгсгатан до пяти, ты не мог бы последить за этой проклятой ростовщической конторой? Или поручить кому-нибудь?

Ларссону, разумеется, хотелось сказать «нет».

– Ладно, – все-таки выговорил он наконец. – Послежу.

– Спасибо.

«Скажи спасибо моей милой сестричке», – подумал Гюнвальд Ларссон.

XIV

Леннарт Колльберг битый час прождал сообщения из полиции нравов. То, что утром казалось простым деловым поручением – беседа с двумя свидетелями, – каким-то образом превратилось в настоящую охоту за ними.

Хампус Бруберг и эта непонятная Хелена Ханссон вдруг стали лицами, на которых объявлен розыск, а он сам как какой-то паук сидит и караулит паутину. Странно, но он по-прежнему не знал, почему он ищет этих людей. Против них не выдвинуто никаких обвинений. Как свидетели они уже допрошены полицией в Мальмё, и здравый смысл подсказывает, что никто из них двоих не имеет ни-

чего общего с убийством Виктора Пальмгрена.

И все же он не мог отделаться от чувства, что их нужно найти как можно быстрее. Зачем?

«Это все твоя полицейская душа не может успокоиться, – мрачно думал он. – Тебя испортили годы службы, ты уже не в состоянии мыслить как нормальный человек».

Двадцать три года ежедневного общения с полицейскими привели к тому, что даже в своей семье он никогда не чувствовал себя по-настоящему свободным.

Почему полицейские общаются почти исключительно с полицейскими? Конечно, потому, что так проще. Проще держаться на расстоянии. Но проще и не обращать внимания на то нездоровое панибратство, которое в течение многих лет беспрепятственно процветает в полиции. В итоге полицейский сам исключает себя из общества, которое должен охранять и с которым должен был бы составлять единое целое.

Полицейские, например, не критикуют друг друга, разве что в исключительных случаях.

Социологические обследования показали, что полицейские, будучи в отпуске и попадая не совсем по своей воле в среду людей другого круга, чаще всего стыдятся говорить, что они полицейские.

Причина – точная определенность предназначенной им роли и рассказы, которые ходят об их профессии.

Любой может стать параноиком, если все на него смотрят со страхом, недоверием или откровенным презрением.

Колльберг недовольно поежился.

Он не хотел внушать страх, не хотел, чтобы к нему

относились с недоверием или презрением. Он не хотел стать параноиком.

Зато он хотел заполучить Хампуса Бруберга и Хелену Ханссон. Но по-прежнему не понимал – почему.

Наконец зазвонил телефон.

– Колльберг слушает.

– Здравствуй, это Оса.

– Ну как, есть успехи?

– По-моему, есть. Установили личность Ханссон. Во всяком случае, я уверена, что это именно она. Ее имя фигурирует в наших документах.

– Она проститутка?

– Довольно высокого уровня – что называется, «девушка по вызову».

– А где она живет?

– На Банергатан. Другой адрес неверный. Насколько нам известно, она никогда не жила на Вестеросгатан. Зато номер телефона не выдуман. У нее, по-видимому, этот номер был и раньше. Да, проституцией она занимается с ранней юности. Нашему отделу приходилось встречаться с ней не раз, правда, за последние годы не так часто.

Оса Турелль помолчала. Он очень живо представил себе, как она выглядит именно в эту минуту: сидит, согнувшись у письменного стола, точь-в-точь как он сам, и задумчиво грызет ноготь большого пальца.

– Она начала, наверное, как и большинство, не из-за денег. Потом стала уличной, но, по-видимому, была достаточно ловка, чтобы подняться в более доходный разряд. «Девушки по вызову» – это своего рода аристократки среди проституток. Они не якшаются с кем попало, а делают

ставку только на тех, с кого можно побольше взять. Одно дело – ходить по Регерингсгатан, совсем другое – сидеть дома в квартире на Эстермальм и ждать телефонного звонка. Очевидно, у нее более или менее определенный круг постоянных клиентов, и она берет не больше одного заказа, или как это там называется, в неделю. У нас есть несколько ее фотографий. Судя по ним, вид у нее весьма приличный и деловой. Но ведь это и необходимо для успеха в такой специфической профессии.

– Да, им надо уметь носить маску. Чтоб не выдать себя, когда они попадают в представительное общество.

– Вот именно. Я слышала, что некоторые из этих девиц даже знают стенографию. Во всяком случае, они играют свою роль так, что большинство изумляется.

– У тебя есть номер ее телефона? Я хотел бы встретиться с ней в домашней обстановке.

– Девицы этой профессии часто меняют номера телефонов. У них, несомненно, секретные телефоны, и в большинстве случаев зарегистрированные под вымышленными именами. – Оса помолчала, а затем задала вопрос: – Почему тебе так уж нужно ее видеть?

– Честно говоря, и сам не знаю. Мартин хочет ее допросить в обычном порядке о том, что она видела или чего не видела в тот вечер в Мальмё.

– Что ж, недурно для начала, – сказала Оса Турелль. – А потом, может быть, одно зацепится за другое.

– Вот на это-то я и надеюсь, – сказал Колльберг. – Ларссон говорил, что в субботу она была на вилле Хампуса Бруберга в Лидинге, а в том, что Бруберг занимается явно какими-то темными делами, я более чем уверен.

– Чем, по-твоему, занимается Бруберг?

– Какими-то крупными аферами. Он, кажется, молниеносно реализовал свои капиталы. Я подозреваю, что он готовится выехать из Швеции уже сегодня.

– Почему ты не подключаешь отдел?

– Потому что время не терпит. Пока ребята, которые занимаются экономическими преступлениями, успеют вникнуть в дело, Бруберг будет уже далеко. А может быть, и эта самая Ханссон. Убийство Пальмгрена дает нам все же некоторые преимущества. Оба они были свидетелями преступления, и, значит, я имею возможность их задержать.

– Правда, я новичок, – сказала Оса Турелль. – И меньше всего понимаю в разбирательстве дел об убийствах. Но не считает ли Мартин, что кто-то из участвовавших в том обеде решил убрать Пальмгрена с дороги ради собственной выгоды?

– Да, это одна из версий: данному лицу пришлось прибегнуть к наемному убийце.

– По-моему, это надуманно.

– По-моему, тоже. Но такие случаи бывали.

– А какие еще варианты у вас в запасе?

– В частности, покушение по политическим мотивам. В этом деле принимает участие даже Сепо. Я слышал, оттуда послали в Мальмё своего человека.

– Вот уж удовольствие для Мартина и других!

– Не говори. Сепо, как обычно, проведет свое расследование. Разберутся через несколько лет, подошьют свое заключение к делу и сдадут в архив.

– А Мартин так любит политику! – засмеялась Оса.

– Да уж, – проговорил Колльберг. – Во всяком случае,

ясно, что Пальмгрен зарабатывал большинство своих миллионов на чем-то прямо противоположном помощи развивающимся странам. Поэтому ни Мартин, ни другие не исключают возможности того, что его убрали по политическим соображениям. В качестве предупреждения остальным, действующим в той же области.

– Бедный Мартин, – сказала Оса Турелль.

В ее голосе звучала теплая нотка.

– Ну, давай-ка прямо сейчас отправимся к этой прекрасной даме и попробуем выжать из нее что-нибудь интересное. Я возьму машину и заеду за тобой. Будем надеяться, что она дома.

– Хорошо, – согласилась Оса Турелль. – Но учти, что она крепкий орешек и нужно быть осторожным, во всяком случае вначале. Правда, я новичок в этой игре, и, может, смешно давать тебе советы, но с подобной публикой мне приходилось иметь дело. Такая, как Хелена Ханссон, прекрасно знает, как нужно вести себя с полицией. Хорошая тренировка. Не думаю, что тут стоит идти напролом, как бульдозер.

– Ты, пожалуй, права.

– А кто следит за Брубергом?

– Если нам повезет, мы, может быть, найдем его в объятиях этой дамы, – сказал Колльберг. – А вообще-то, как это ни странно, Гюнвальд Ларссон предложил свои услуги.

– Ну тогда это, уж наверное, будет бульдозерная тактика, – сухо проговорила Оса Турелль.

– Очевидно. Значит, через двадцать минут я тебя захвачу.

Посидев еще несколько минут с телефонной трубкой в

руках, Колльберг позвонил Гюнвальду Ларссону.

– Да, – резко ответил тот. – Ну что тебе еще?

– Мы нашли эту девицу.

– Ну и что? – равнодушно отозвался Ларссон.

– Я сейчас еду к ней вместе с Осой Турелль. Послушай, я, наверное, не успею вовремя попасть в контору Бруберга.

– Не беспокойся, – ответил Ларссон. – Я беру это на себя. Меня самого начинает интересовать этот парень.

Оба одновременно положили трубки, не сказав больше ни слова. Колльберг позвонил на Кунгсгатан.

– Нет, директор Бруберг не давал о себе знать, – сказала Сара Муберг.

– А чемодан по-прежнему стоит в его кабинете?

– Да, я его видела еще тогда, когда вы звонили в первый раз.

– Простите, я хотел только проверить.

Еще он позвонил в контору по управлению домами, где побывал утром. И там Хампуса Бруберга не было, он не давал о себе знать.

Колльберг спустился к машине.

Оса Турелль ждала его на лестнице перед зданием полицейского управления на Кунгсхольмсгатан. Колльберг залюбовался ею, пока она спускалась с широких ступеней и пересекала улицу. «Если б я не успел завести себе жены, да еще такой...» – подумал Леннарт Колльберг. Широким жестом он распахнул переднюю дверцу.

Она уселась рядом с ним, положила висевшую через плечо сумку на колени и предупредила:

– Как договорились, будем вести себя спокойно.

Квартира находилась на четвертом этаже, на дверной дощечке действительно значилось: Хелена Ханссон.

Колльберг поднял было кулак, чтобы постучать, но Оса Турелль отвела его руку и позвонила. Тишина. Через полминуты она позвонила снова.

На этот раз дверь открылась, из нее выглянула молодая светловолосая женщина и вопросительно взглянула на них голубыми глазами. На ней были изящные туфли и широкий утренний халат. Она явно только что приняла душ или вымыла волосы, поскольку голова ее была укутана махровым полотенцем, словно тюрбаном.

– Полиция, – сказал Колльберг и вынул свое удостоверение. Оса Турелль сделала то же самое, но молча.

– Вы Хелена Ханссон?

– Да, конечно.

– Мы бы хотели поговорить с вами о том, что случилось в Мальмё на прошлой неделе.

– Я уже рассказала то немногое, что я знаю, тамошней полиции. В тот же вечер.

– Та беседа была недостаточно исчерпывающей, – сказал Колльберг. – Вы, естественно, были потрясены, а свидетельские показания, которые даются в таких ситуациях, всегда бывают слишком общими. Поэтому мы обычно допрашиваем свидетелей еще раз, когда они успеют собраться с мыслями, через несколько дней. Разрешите войти? Мы не отнимем у вас много времени, – добавил Колльберг. – Это чистая проформа.

– Хорошо, – поколебавшись, сказала Хелена Ханссон. – Правда, я спешу, но... – и замолчала, а они не мешали ей

придумывать окончание фразы. – Будьте добры, подождите здесь минуточку, пока я наброшу на себя что-нибудь. Я только что вымыла волосы, – прибавила она и, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, захлопнула дверь перед самым их носом.

Колльберг предупреждающе приложил палец к губам. Оса тут же встала на колени и осторожно и беззвучно приподняла крышку, закрывающую прорезь для писем и газет. Стало кое-что слышно. Сначала жужжание телефонного диска: Хелена Ханссон набирала номер, пытаясь кому-то позвонить. Ей, очевидно, ответили, она очень тихим голосом попросила соединить ее с кем-то, ее соединили. Она молчала, очевидно, шли гудки. Наконец сказала: «Значит, нет. Извините». И положила трубку.

– Она пыталась позвонить кому-то, но не застала, – прошептала Оса. – По-видимому, через коммутатор.

Колльберг одними губами произнес имя:

– Бруберг.

– Она не сказала «Бруберг», я бы услышала.

Колльберг снова сделал предупреждающий знак и молча показал на прорезь в двери. Оса Турелль прижалась к ней правым ухом, минуты через две выпрямилась и прошептала:

– Она что-то делает и явно торопится. По-моему, упаковала чемодан, мне кажется, я слышала, как она застегнула его. А потом потащила что-то по полу, открыла и закрыла дверь. Теперь одевается.

Когда Хелена Ханссон снова открыла дверь, то была в платье и удивительно тщательно причесана. И Колльберг и Оса Турелль догадались, что она надела парик на влажные

волосы. Они в тот момент уже стояли с невинным видом далеко от двери на площадке. Оса Турелль зажгла сигарету и курила с равнодушным и отсутствующим лицом.

– Пожалуйста, входите, – сказала Хелена Ханссон.

Голос у нее был приятный и выговор удивительно правильный.

Они вошли и огляделись.

Квартира состояла из передней, комнаты и кухни. Просторная и чистая, она была обставлена как-то безлично. Почти все вещи были новые, и множество деталей говорило о том, что живущая здесь не испытывает нужды в деньгах. Всюду прибрано, все в порядке.

Бросив взгляд на большую широкую кровать, покрытую толстым одеялом, Колльберг различил ясный четырехугольный отпечаток – наверняка на одеяле только что лежал чемодан.

В комнате стояли диван и удобные кресла. Хелена Ханссон сделала неопределенный жест и пригласила:

– Садитесь, пожалуйста. Хотите, может быть, выпить?

– Нет, спасибо, – ответил Колльберг. Оса Турелль отрицательно покачала головой.

Хелена Ханссон взяла сигарету из металлического стакана на столе, закурила, спокойно сказала:

– Чем могу служить?

– Вы уже знаете, в чем дело, – сказал Колльберг.

– Да, эта ужасная история в Мальмё. Но, кроме этого, я больше ничего и сказать не могу. Ужасная история.

– Где вы сидели за столом?

– Ближе к краю, рядом со мной сидел датский коммерсант. Его, кажется, звали Енсен.

– Директор Хофф Енсен, – сказал Колльберг.

– Да, кажется, так.

– А директор Пальмгрен?

– Он сидел по другую сторону стола. Наискось от меня. Прямо против меня находилась жена датчанина.

– Значит, вы сидели лицом к человеку, который стрелял в директора Пальмгрена?

– Да. Но все произошло очень быстро. Я даже не успела сообразить, в чем дело. По-моему, и остальные пришли в себя только позже.

– Но вы видели убийцу?

– Видела, но я не думала, что он окажется убийцей.

– Как он выглядел?

– Об этом я уже рассказывала. Вы хотите, чтобы я это повторила?

– Будьте так любезны.

– У меня только очень общее впечатление от его внешности. Ведь все произошло очень быстро, и к тому же я не особенно обращала внимание на окружающих. Сидела, думая о своем.

Она говорила спокойно и казалась совершенно откровенной.

– А почему вы не обращали внимания на окружающих?

– Директор Пальмгрен произносил тост. То, о чем он говорил, меня не касалось, и я фактически слушала вполуха. Я толком не понимала, о чем он говорит, курила и думала о другом.

– Вернемся к человеку, который стрелял. Вы его когда-нибудь прежде видели?

– Нет. Это был совершенно незнакомый мне человек.

– Узнаете ли вы его, если снова увидите?

- Может быть. Но я в этом далеко не уверена.
 - Каким он вам показался?
 - Лет тридцати пяти или скорее сорока. У него узкое лицо и редкие темные волосы. Роста он, по-моему, среднего.
 - Можете ли вы еще что-либо сказать о нем?
 - Нет, у него очень обычная внешность.
 - К какому общественному классу вы бы его отнесли?
 - Общественному классу?
 - Да. Похож ли он на состоятельного человека?
 - Пожалуй, нет. Скорее на конторского служащего или простого рабочего. У него вид нуждающегося человека. – Пожав плечами, она продолжала: – Но вам не следует особенно полагаться на то, что я говорю. Дело в том, что я только бегло на него взглянула. Позже я пыталась собрать свои впечатления воедино, но я в них совершенно не уверена. Многое из того, что я видела, может оказаться чистейшим, если не воображением, то...
 - Попыткой воссоздать события постфактум? – подсказал Колльберг.
 - Вот именно. Постфактум. Увидишь что-то или кого-то очень бегло, а потом, когда пытаешься вспомнить подробности, часто ошибаешься.
 - Видели ли вы его оружие?
 - Какую-то секунду. Это был пистолет с довольно длинным дулом.
 - Вы разбираетесь в оружии?
 - Нет, совсем не разбираюсь.
- Колльберг перевел разговор на другую тему.
- Знали ли вы директора Пальмгрена раньше?

– Нет.

– А остальных присутствовавших? Были ли вы с ними знакомы?

– Только с директором Брубергом. Остальных я никогда раньше не встречала.

– Но Бруберга вы знали?

– Да, он иногда пользовался моими услугами.

– В качестве кого вы находились в Мальмё?

Она посмотрела на него удивленно:

– Конечно, в качестве секретаря. Правда, у директора Бруберга есть постоянный секретарь, но она не ездит с ним в поездки.

Она говорила свободно и уверенно. Все казалось хорошо отрепетированным.

– Стенографировали ли вы или вели протокол в этой поездке?

– Да, конечно. Днем же было совещание. И я записывала, о чем шла речь.

– А о чем шла речь?

– О различных делах. Честно говоря, я не очень в этом разбираюсь, просто записывала.

– Есть ли у вас стенограмма?

– Нет, я расшифровала все, когда вернулась домой в четверг, и передала протокол директору Брубергу. Стенограмму я выбросила.

– Вот как, – сказал Колльберг. – Сколько вы получили за работу?

– Гонорар в двести крон плюс, конечно, за проезд и гостиницу.

– Так. А это трудная работа?

– Не очень.

Колльберг обменялся взглядами с Осой Турелль, которая пока что не произнесла ни слова.

– Мне все ясно, – сказал он. – Только еще один вопрос. Когда вас допрашивали в полиции в Мальмё сразу же после убийства, вы назвали свой адрес на Вестеросгатан?

– Неужели?

– Вы ошиблись?

– Раньше я действительно жила на Вестеросгатан. В этой всеобщей суматохе я просто оговорила.

– Гм, – пробормотал Колльберг. – Это может случиться с каждым. – Он поднялся. – Спасибо за помощь. Мне все ясно. Прощайте.

Он направился к двери и вышел из квартиры.

Хелена Ханссон вопросительно взглянула на Осу Турелль, которая по-прежнему молча и неподвижно сидела в кресле.

– Еще что-нибудь?

Оса посмотрела на нее долгим взглядом.

Они сидели друг против друга. Две женщины примерно одного возраста, но на этом сходство и кончалось.

Оса Турелль не нарушала молчания долго, затем смяла свою сигарету в пепельнице и медленно проговорила:

– Ты такая же секретарша, как я царица Савская.

– Как вы смеее так говорить! – возмутилась Хелена Ханссон.

– Мой коллега, который только что вышел, служит в отделе, занимающемся убийствами. А я работаю в полиции нравов.

– О, – проговорила Хелена. Ее плечи поднялись.

– У нас есть на тебя досье, – спокойно и безжалостно продолжала Оса. – Оно заведено десять лет тому назад. Тебя забирали уже пятнадцать раз. Это многовато.

– На этот раз ты меня не засадишь, шпионка проклятая, – пробормотала Хелена Ханссон.

– Какая халатность – не иметь дома пишущей машинки. Или хотя бы блокнота для стенографирования. Если только все это не находится вон в том портфеле.

– Посмей только рыться в моих вещах без разрешения, мерзавка. Я свои права знаю.

– А я и не собираюсь здесь ничего трогать без разрешения, – сказала Оса Турелль.

– Какого же черта тебе здесь надо? За это меня не посадят. И к тому же я имею полное право ездить с кем хочу и куда хочу.

– И спать с кем хочешь? Совершенно верно. Но ты не имеешь права брать за это плату. Какой ты, говоришь, получила гонорар?

– Ты что, считаешь меня идиоткой, чтобы я отвечала на такие вопросы?

– И не нужно. Такса мне известна. Ты получила тысячу монет, с которых не платишь налога, и все остальное тоже даром.

– Не слишком ли много ты знаешь? – нахально спросила Хелена Ханссон.

– О таких делах мы знаем почти все.

– Не воображай, что можешь посадить меня.

– Могу. Не волнуйся. Все образуется.

Вдруг Хелена Ханссон вскочила и, растопырив пальцы, через стол бросилась на Осу Турелль.

Оса быстро, как кошка, вскочила на ноги и парировала

атаку ударом, который опрокинул Хелену на спинку стула. Ваза с гвоздиками покатилась на пол, никто не подумал ее поднять.

– Не царапаться, – сказала Оса Турелль. – Спокойно.

Женщина уставилась на нее. В ее водянистых голубых глазах выступили слезы. Парик съехал набок.

– Ты еще дерешься, чертова ведьма, – простонала она. Посидела минуту молча, с безнадежным видом. Потом снова решила пойти в атаку: – Убирайся отсюда! Оставь меня в покое. Приходи, когда будет с чем прийти.

Оса Турелль порылась в сумке, достала ручку и блокнот.

– Меня, собственно, интересует другое, – сказала она. – Ты ведь никогда не была свободным художником, так сказать, не являешься им и теперь. А кто же дергает за ниточки?

– Неужели ты настолько глупа, что думаешь – я отвечу на этот вопрос?

Оса подошла к телефону на туалетном столике. Наклонилась и записала номер на аппарате. Подняла трубку и набрала этот номер. Занято.

– Не очень-то хитро оставлять наклейку с настоящим номером, – сказала она. – На этом телефоне вы попадетесь независимо от того, под каким именем зарегистрирован абонент.

Женщина опустилась глубже на стул и посмотрела на Осу Турелль взглядом и ненавидящим и покорным одновременно. Взглянув на часы, жалобно проговорила:

– Может, все-таки уберешься отсюда? Ты уже доказала, какая ты ловкая ищейка.

– Нет еще, подожди немного.

Хелена Ханссон была совершенно сбита с толку ходом событий. Она никак не ожидала такого поворота. Тут все шло не так, как обычно, хорошо заученный урок не помогал. К тому же теперь можно было не притворяться: ведь эта женщина из полиции все равно знает ее прошлое. И все же Хелена нервничала и все смотрела на часы. Она поняла, что Оса ждет чего-то, но не могла догадаться – чего.

– Долго ты будешь стоять здесь и глаза таращить? – раздраженно спросила она.

– Недолго. Дальше пойдет быстрее.

Зазвонил телефон.

Хелена Ханссон не сделала никакого движения, чтобы подняться и взять трубку. Оса Турелль тоже не пошевелилась. Прозвонив шесть раз, аппарат замолчал.

Хелена Ханссон съежилась в кресле, глядя перед собой пустыми, бесцветными глазами, и пробормотала:

– Отпустила бы, а? – И сразу же после этого: – Как это женщина может стать ищейкой...

Оса могла бы задать контрвопрос, но промолчала.

Мертвая тишина минут через десять нарушилась громким стуком во входную дверь.

Оса Турелль открыла, вошел Колльберг с бумагой в руках. Красный, потный, он явно очень спешил. Остановился посреди комнаты, оценил обстановку. Бросив взгляд на упавшую вазу, осведомился:

– Дамы подрались?

Хелена Ханссон посмотрела на него без надежды и без удивления. Всю ее профессиональную полировку словно ветром сдуло.

– Чего вы, черт вас подери, хотите? – сказала она.

Колльберг протянул ей бумагу и сказал:

– Это разрешение на обыск в квартире. По всем правилам – с печатью и подписью. Я сам его затребовал, и дежурный прокурор разрешил.

– Катитесь к дьяволу, – пробормотала Хелена Ханссон.

– Не собираемся, – любезно ответил Колльберг. – Нам нужно тут немножко оглядеться.

– По-моему, там. – Оса Турелль указала на дверцу шкафа. Взяла сумочку Хелены Ханссон с туалетного столика и открыла. Женщина в кресле никак на это не реагировала.

Колльберг открыл шкаф и вытащил чемодан.

– Небольшой, но на редкость тяжелый, – пробормотал он. Положил его на кровать и раскрыл. – Нашла что-нибудь интересное? – спросил он Осу Турелль.

– Билет в Цюрих и обратно и заказ на номер в гостинице. Самолет вылетает без четверти десять с Арланды. Обратный рейс из Цюриха в семь сорок завтра утром. Комната в гостинице заказана на одну ночь.

Колльберг поднял лежавшие сверху в чемодане платья и начал копаться в связке бумаг на дне чемодана.

– Акции, – сказал он. – Да их целая куча.

– Не мои, – беззвучно сказала Хелена Ханссон.

– Я в этом не сомневаюсь.

Отойдя от чемодана, он открыл черный портфель. В нем было именно то, о чем говорила его жена. Ночная рубашка, трусики, косметические принадлежности, зубная щетка и коробочка с пилюлями.

Он посмотрел на часы. Уже половина шестого. Он надеялся, что Гюнвальд Ларссон сдержит свое обещание и

не проморгает Бруберга.

– Пока хватит. Вам придется проследовать за нами.

– Почему? – спросила Хелена Ханссон.

– Я могу тут же обвинить вас в грубом нарушении валютных правил, – сказал Колльберг. – Вы можете считать себя арестованной, но тут не мое дело. – Оглядев комнату, он пожал плечами. – Оса, последи, пусть возьмет с собой что полагается в таких случаях.

Оса Турелль кивнула.

– Ищейки чертовы, – сказала фрёкен Ханссон.

XVI

Многое случилось в тот понедельник.

Гюнвальд Ларссон стоял у окна кабинета и смотрел на свой город. Внешне все было вполне благопристойно. Город как город. Но Гюнвальд Ларссон слишком хорошо знал, какой ад преступности таился в нем. Правда, он имел дело лишь с такими преступлениями, где дело шло о насилии, но и этого более чем достаточно. К тому же обычно их очень неприятно разбирать. Шесть новых ограблений, одно хуже другого, и до сих пор никаких следов. Четыре случая избиения жен, с членовредительством. А один обратный: жена ударила мужа утюгом. Помимо ограблений, которые производили впечатление хорошо обдуманых, все так называемые спонтанные преступления были похожи на несчастные случаи. Несчастные, с истрепанными нервами люди помимо своей воли оказывались в отчаянном положении. Почти во всех случаях наркотики или алкоголь играли решающую роль. В

какой-то степени, может, действовала и жара, но в первую очередь виновна была сама система, безжалостный механизм большого города, перемалывающий слабых, мало приспособленных и толкающий их на безумные поступки. И еще – сколько же самоубийств было совершено за последние сутки; пройдет еще некоторое время, прежде чем он об этом узнает – дела пока находились в полицейских отделениях, где материалы обрабатывались и составлялись отчеты.

Без двадцати минут пять, его вот-вот сменят.

Он мечтал поехать домой в свою холостяцкую квартиру в Булмору, принять душ, влезть в домашние туфли и чистый купальный халат, выпить холодного сидра – Гюнвальд Ларссон был почти полным трезвенником, – выключить телефон и провести вечер за чтением отнюдь не детективного романа.

Но он взялся за дело, которое, собственно, его никак не касалось. За дело Бруберга, в чем он иногда раскаивался, а иногда испытывал какую-то животную радость. Если Бруберг преступник (а Ларссон был в этом убежден), то такого рода, кого Гюнвальд Ларссон сажал бы в тюрьму с радостью. Кровосос. Спекулянт. К сожалению, подобные люди попадали в руки правосудия редко, хотя всем было известно, кто они и какими способами благоденствуют, формально не нарушая давно устаревшие законы.

Он решил не заниматься этим делом в одиночку. Потому что слишком часто за свою службу действовал, исходя только из своего разума, и получал слишком много нареканий. Так много, что перспективы повышения по службе можно было считать минимальными. Еще потому,

что не хотел рисковать, и потому, что тут все следует сделать чисто.

На этот раз он действовал по всем правилам, и именно поэтому был готов к тому, что все полетит прямым в тартарары.

Но где взять помощника?

В его отделе не было никого, а Колльберг сказал, что в Вестберге такое же положение.

В поисках выхода он позвонил в четвертый район и после долгих «если» и «но» получил положительный ответ.

– Если это так уж важно, – сказал комиссар, – я смогу выделить одного человека.

– Это великолепно.

– Ты думаешь, легко давать людей, причем вам? Должно бы быть наоборот.

Большая часть полицейских болталась в полном безделье перед различными посольствами и туристскими бюро. Причем безо всякой пользы. Они ведь все равно не смогут ничего сделать в случае демонстрации или диверсии.

– Ну, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Так кого вы мне даете?

– Его фамилия Цакриссон. Он из полицейского участка «Мария». Работает в гражданской патрульной службе.

Гюнвальд Ларссон угрюмо нахмурил брови.

– Я его знаю.

– Вот как, тогда это преиму...

– Последите только, чтобы он не надел форму, – сказал Гюнвальд Ларссон, – и чтобы без пяти пять был здесь перед зданием. – Подумав, он прибавил: – И если я говорю перед

зданием, то это вовсе не значит, что он должен стоять, скрестив руки наподобие вышибалы.

– Понимаю.

Сам Ларссон подошел к дому на Кунгсгатан точно без пяти пять и сразу же обнаружил Цакриссона, который с дурацким видом стоял у витрины с дамским бельем. Из штатского на нем была только спортивная куртка. Остальное все форменное – форменные брюки, форменная рубашка и полагающийся к ней форменный галстук. Любый идиот на расстоянии ста метров мог догадаться, что это полицейский. К тому же он стоял широко расставив ноги, заложив руки за спину и покачиваясь на носках. Не хватало только фуражки и дубинки.

Увидев Гюнвальда Ларссона, он вздрогнул и чуть было не встал по стойке «смирно». У Цакриссона были неприятные воспоминания об их предыдущей совместной работе.

– Спокойно, – сказал Ларссон. – Что это у тебя в правом кармане куртки?

– Пистолет.

– А что, у тебя не хватило ума надеть наплечную кобуру?

– Не нашел, – уныло ответил Цакриссон.

– Так сунул бы свою пушку за ремень, что ли.

Цакриссон тут же полез в карман.

– Да не здесь же, ради Бога, – взмолился Ларссон. – Зайди в подъезд. Незаметно.

Цакриссон послушался. В подъезде он несколько улучшил свой внешний вид, хотя и ненамного.

– Слушай, – оказал Гюнвальд Ларссон. – Возможно,

что тут появится один человек и войдет в дом где-то после пяти. Он выглядит примерно так. – Он показал фотографию, которую держал скрытно в огромной ладони. – Плохая фотография, но единственная, которую удалось раздобыть. – Цакриссон кивнул. – Он войдет в дом и, если я не ошибаюсь, через несколько минут выйдет. У него в руках, наверное, будет черный кожаный чемодан, оплетенный двумя ремнями.

– Он вор?

– Да, вроде. Я хочу, чтобы ты держался около дома, вблизи подъезда.

Цакриссон снова кивнул.

– Сам я поднимусь по лестнице. Возможно, я возьму его там, но, возможно, предпочту этого не делать. Вероятно, он приедет на машине и остановится перед подъездом. Он будет торопиться и едва ли станет глушить мотор. Машина – черный «мерседес», но это не точно. Если получится так, что он с чемоданом в руках выйдет из дому без меня, то ты любой ценой должен помешать ему сесть в машину и уехать, пока я не приду.

Полицейский сделал решительное лицо и стиснул зубы.

– Ради Бога, постарайся сделать вид, что ты просто прохожий. Ты ведь стоишь не перед Торговым центром США.

Цакриссон покраснел и немного смутился.

– О'кей, – пробормотал он. И тут же прибавил: – Он опасен?

– Может статься, – небрежно проронил Ларссон. Сам он считал, что Бруберг не опаснее мокрицы. – Постарайся все запомнить, – со значением проговорил он.

Цакриссон с достоинством кивнул.

Гюнвальд Ларссон вошел в подъезд. Просторный вестибюль казался пустынным, похоже, все учреждения уже закрылись. Он поднялся вверх, и когда проходил мимо двери с двумя дощечками А/О ХАМПУС БРУБЕРГ и БАНКОВСКАЯ ФИРМА ВИКТОРА ПАЛЬМГРЕНА, то она открылась, и на площадку вышла темноволосая женщина лет тридцати пяти. По-видимому, секретарь. Взгляд на хронометр – точно пять. Пунктуальность – добродетель. Женщина, не удостоив его взглядом, нажала кнопку лифта, чтобы спускаться вниз. Он же поднялся по лестнице еще на один марш и стоял спокойно, ждал.

Ждать пришлось довольно долго. За последующие пятьдесят минут лифт проходил три раза, два раза по лестнице шли вниз люди, которые, очевидно, по той или иной причине задержались на работе. В этих случаях Ларссон поднимался на верхнюю площадку. А затем опять спускался. Без трех минут шесть он услышал скрип лифта, который шел вверх, и одновременно чьи-то тяжелые шаги снизу. Лифт остановился, из него вышел человек. Он держал в руках связку ключей, и Гюнвальд Ларссон понял, что это Хампус Бруберг. Несмотря на жару, тот был в пальто и шляпе. Он отпер контору, вошел и закрыл за собой дверь.

Одновременно поднимавшийся снизу человек прошел мимо конторы Бруберга и стал подниматься выше. Это был кряжистый парень в синем костюме и фланелевой рубашке. Увидев Гюнвальда Ларссона, он остановился и громко спросил:

– Что вы тут делаете, а?

– Это вас не касается, – прошептал Ларссон в ответ.

От парня несло пивом или водкой, а скорее всего, и тем

и другим.

– Очень даже касается, – упрямо сказал парень. – Я – здешний привратник.

Он стал посреди лестницы, одной рукой опираясь о стену, а другой – на перила, чтобы загородить дорогу.

– Я из полиции, – шепнул Ларссон.

Как раз в эту минуту открылась дверь, и Бруберг, или кто бы он ни был, вышел, держа в руках пресловутый чемодан.

– Ах, из полиции, – громким хриплым голосом сказал парень. – А ты покажи документы, прежде чем...

Человек с чемоданом не стал ждать лифта и доли секунды. Он стремглав помчался вниз по лестнице.

Гюнвальд Ларссон оказался в трудном положении. Времени для объяснений не было. Ударь он парня в синем костюме, тот скатится по лестнице и свернет себе шею. Чуть поколебавшись, он решил оттолкнуть его в сторону. Однако привратник был упрям и уцепился за пиджак Ларссона. Тот попытался вырваться, пиджак затрещал и разорвался. Раздраженный, Ларссон повернулся и ударил парня по рукам. Привратник взвыл и выпустил его, но Бруберг был уже далеко внизу. Гюнвальд Ларссон побежал по лестнице, слыша за своей спиной злобные проклятия и тяжелые неуверенные шаги.

А в вестибюле разыгралась совершенно нелепая сцена. Цакриссон, конечно, вошел в подъезд и стоял у входной двери, широко расставив ноги. Он расстегнул куртку и вытащил пистолет.

– Стой! – заорал он. – Полиция!

Бруберг резко остановился, не выпуская чемодана, ко-

торый держал в правой руке. Левой рукой он вынул из кармана пальто что-то вроде пистолета и выстрелил вверх. Не услышав рикошета, Гюнвальд Ларссон был почти уверен, что это скорее всего стартовый пистолет, а может быть, игрушечный или учебный.

Цакриссон упал ничком на мраморный пол и выстрелил, но промазал. Ларссон крепко прижался к стене. Бруберг бросился в сторону от двери вестибюля, около которой находился полицейский. Очевидно, в доме был черный ход. Цакриссон выстрелил снова и снова промахнулся. Человек с чемоданом был всего в трех метрах от Гюнвальда Ларссона.

Цакриссон выстрелил три раза подряд и промазал. «Чему, черт возьми, их только учат в школе полицейских?» – в отчаянии думал Ларссон. Пули свистели, отскакивая от каменных стен. Одна из них попала в каблук ботинка Ларссона и навсегда испортила первоклассную итальянскую работу.

– Прекратить огонь, – зарычал он.

Цакриссон нажал на курок еще раз, но пистолет дал осечку. Очевидно, он забыл вставить обойму.

Гюнвальд Ларссон сделал три быстрых шага вперед и изо всех сил ударил Хампуса Бруберга в челюсть. Что-то хрустнуло под кулаком, и Бруберг сел, вытянув ноги.

По ступенькам спускался привратник, ругаясь и тяжело пыхтя.

– Что тут такое? – ошарашено прохрипел он.

Над вестибюлем висел голубой туман. Резко пахло порохом.

Цакриссон поднялся со смущенным видом.

– Куда ты целился? – злорадно спросил Гюнвальд Ларссон.

– В ноги.

– В мои?

Гюнвальд Ларссон поднял оружие, выпавшее из руки Бруберга. Это действительно был стартовый пистолет.

На улице возле дома собралась шумная толпа.

– Вы с ума сошли, – сказал привратник. – Это же директор Бруберг.

– Заткни глотку, – сказал Ларссон и заставил сидящего человека подняться на ноги.

– Возьми чемодан, – сказал он Цакриссону. – Если сумеешь.

Крепко держа Бруберга за правую руку, он вывел его из подъезда. Левую руку Бруберг держал у подбородка. Между пальцами сочилась кровь. Не оглядываясь, Ларссон прокладывал дорогу к своей машине среди шумящей толпы. Цакриссон с чемоданом тащился сзади.

Гюнвальд Ларссон толкнул Бруберга на заднее сиденье и сел рядом.

– Доберешься до полицейского управления? – спросил он Цакриссона.

Тот кивнул с пришибленным видом и уселся за руль.

– Что тут происходит? – спросил почтенного вида господин в сером костюме и в берете.

– Кино снимаем, – ответил Гюнвальд Ларссон и хлопнул дверцу.

Хампус Бруберг не произнес до сих пор ни слова и потому, что не хотел, и потому, что не мог. У него было выбито два зуба и сломана нижняя челюсть.

В половине десятого вечера Ларссон и Колльберг все еще стояли, наклонившись над ним, и задавали бессмысленные вопросы:

- Кто застрелил Виктора Пальмгрена?
- Почему вы пытались бежать?
- Вы наняли убийцу?
- Расскажите, что вы знаете.
- Кто стрелял?
- Почему вы не отвечаете?
- Ваша игра проиграна, так что говорите.

Время от времени Бруберг качал головой, а когда речь заходила об убийстве Пальмгрена, его искривленное лицо искажалось еще более и на нем появлялось что-то, долженствующее изображать сардоническую усмешку.

В начале допроса они из чистой формальности спросили его, не хочет ли он позвонить своему адвокату, но и тогда арестованный только покачал головой.

– Вы хотели убрать Пальмгрена, чтобы сбежать с деньгами, да?

- Где находится человек, стрелявший в Пальмгрена?
 - Кто еще участвовал в заговоре?
 - Отвечайте же, черт вас дерит!
 - Если вы скажете, кто совершил убийство, возможно, это облегчит вашу участь.
 - С вашей стороны было бы умнее помочь нам.
- Колльберг иногда пытался задавать более нейтральные

вопросы.

— Когда вы родились? Где?

А Гюнвальд Ларссон по давней привычке действовал по принципу, что нужно начинать сначала.

— Начнем сначала. Когда вы решили убрать Виктора Пальмгрена с дороги?

Гримаса. Покачивание головой.

Колльбергу казалось, что губы Бруберга складываются в слово «идиот». На мгновение он подумал, что это недалеко от истины.

— Если вы не хотите говорить, пишите.

— Вот ручка.

— Нас интересует только убийство. Остальным занимаются другие.

— Понимаете ли вы, что вас подозревают в заговоре?

— В участии в преднамеренном убийстве?

— Признаётесь вы или нет?

— Было бы лучше для всех, если бы вы признались теперь. Немедленно.

— Начнем сначала: когда вы решили убить Пальмгрена?

— Говорите же!

— Вы знаете, у нас достаточно доказательств для вашего ареста. Вы уже задержаны.

В этом можно было не сомневаться. В чемодане лежали акции и другие ценные бумаги на сумму около полумиллиона крон, насколько можно было оценить на первый взгляд. Делом обоих было расследовать убийства, а не экономические преступления, но все же они кое-что знали о контрабанде валюты и акций.

Во внутреннем кармане пиджака Бруберга они нашли

билет до Женевы через Копенгаген и Франкфурт. Билет на имя мистера Роджера Франка, инженера.

– Ну так как?

– Самое лучшее для вас облегчить свою совесть.

Наконец Бруберг взял шариковую ручку и написал на блокноте:

«Приведите сюда врача».

Колльберг отвел Ларссона в сторону и тихо сказал:

– Это самое лучшее, что мы можем сделать. Нельзя же продолжать вот так час за часом.

Гюнвальд Ларссон нахмурился:

– Возможно, ты прав. И есть ли какие-либо доказательства того, что он подстроил это убийство? Я думаю, скорее наоборот.

– Вот именно, – задумчиво проговорил Колльберг. – Вот именно.

Оба они устали, и им очень хотелось уйти домой. Но в заключение они задали еще несколько вопросов:

– Кто стрелял в Пальмгрена?

– Мы знаем, что стреляли не вы, но вы знаете имя стрелявшего. Кто он?

– Где он?

– Когда и где вы родились? – спросил Гюнвальд Ларссон, уже не понимая, о чем говорит.

Наконец, потеряв всякую надежду, они вызвали дежурного полицейского врача и, передав Бруберга на попечение дежурным, сели в свои машины и отправились – Колльберг к жене, которая уже уснула, а Ларссон – сожалеть о своей испорченной одежде. Прежде чем лечь, Колльберг попытался позвонить Мартину Беку, но без-

успешно. Гюнвальд Ларссон не собирался звонить ни Мартину Беку, ни кому-либо еще.

В тот день Колльберг, правда, принимал участие и в более удачном допросе.

Как только он и Оса Турелль привели Хелену Ханссон в холодную негостеприимную комнату в полиции нравов, она совершенно упала духом, и показания полились из нее столь же обильно, сколь и проливаемые при этом слезы. Им пришлось включить магнитофон, чтобы записать все, что она говорила.

Да, она была «девушкой по вызову». Да, к ней часто обращался Хампус Бруберг. Он передал ей чемодан и билет на самолет. Она должна была лететь в Цюрих и оставить в гостинице чемодан на хранение. Он должен был прибыть на следующий день из Женевы и взять чемодан. Ей было обещано за труды десять тысяч крон, если все пройдет удачно. Что в чемодане – она не знает. Хампус Бруберг сказал, что им нельзя рисковать и лететь одним самолетом. Да, при появлении полицейских она попыталась связаться с Брубергом, который жил в отеле Карлтон под именем Франка, но не застала его.

Гонорар за выполнение поручения в Мальмё составил не тысячу, а полторы тысячи крон.

Она сообщила номера телефонов девушек, к сообществу которых принадлежала. Да, она живет проституцией, но, во-первых, не одна она такая, а, во-вторых, она никогда ничем другим не занималась.

В связи с убийством она решительно ничего не знает. Во всяком случае, не больше того, о чем уже рассказывала.

Колльберг был склонен поверить ей в этом, как и во

всем остальном.

XVIII

В Мальмё Паульссон старался вовсю.

В первые дни – в субботу и воскресенье – он сосредоточил свое внимание на служащих отеля, он хотел, так сказать, взять в кольцо того, кого искал. По опыту он знал, что поручение выполняется легче, если знаешь, кого ищешь.

Он завтракал, обедал и ужинал в ресторане отеля, а в остальное время пребывал в холле. Вскоре он убедился, что бессмысленно сидеть в ресторане, наострив уши и спрятавшись за газету. Большинство посетителей говорили на непонятных ему иностранных языках, а если официанты и обсуждали события, происшедшие в среду, то делали это отнюдь не поблизости от его стола.

Паульссон решил играть роль любопытного посетителя, узнавшего об убийстве из газет. Он подозвал кельнера – вялого молодого человека с баками, в белоснежной куртке, и попытался завести разговор о драме с выстрелом, но кельнер отвечал односложно и равнодушно, поглядывая все время в окно. Видел ли он убийцу? Да. Это был длиноволосый тип? Не-е-т. Он действительно не был длиноволос и кое-как одет? Может быть, не подстрижен. Точно не видел. Во всяком случае, он был в пиджаке.

Кельнер притворился, что ему нужно идти на кухню, и удалился.

Паульссон размышлял. Человеку, обычно носящему длинные волосы и бороду, одевающемуся в джинсы и

мешковатую куртку, ничего не стоит переодеться. Стоит только постричься, побриться, надеть костюм – и никто его не узнает. Загвоздка в таком переодевании заключалась в том, что человеку понадобится время, чтобы принять свой прежний вид. Поэтому его легко было бы найти. Паульссон был доволен этим выводом. Но, с другой стороны, многие левые социалисты выглядели как обычные люди. Наблюдая за демонстрациями в Стокгольме, он не раз в этом убеждался, и это его раздражало. Легко распознать молодых людей, одетых в синие комбинезоны с портретами Мао на груди, даже когда те ходят группами. Но работа затруднялась тем, что некоторые из них брились, стриглись, одевались в приличные костюмы, а листовки и брошюры носили в красивых портфелях. Конечно, ради этого не стоило самому прибегать к антигигиеническим крайностям в одежде, но все же это раздражало.

К его столу подошел метрдотель.

– Нравится? – спросил он.

Он был невысокого роста, с коротко остриженными волосами и веселыми глазами. С ним, наверное, легче завести разговор, чем с кельнером.

– Спасибо. Очень вкусно, – ответил Паульссон. И быстро перешел на интересовавшую его тему: – Я как раз думаю о том, что произошло в среду. Где вы были в тот вечер?

– Работал. Неприятная история. И до сих пор стрелявшего не поймали.

– Вы его видели?

– Все произошло очень быстро. Когда он появился, меня в ресторане не было. Я вошел, когда он уже выстрел-

лил. Так что я, можно сказать, видел только его тень.

В голове Паульссона мелькнула гениальная догадка:

– Может быть, он был цветной?

– Простите?

– То есть негр, проще говоря. Он не негр?

– А почему он должен быть негром? – с изумлением поинтересовался метрдотель.

– Как вы, может быть, знаете, бывают и светлые негры. Они совсем непохожи на негров, даже если к ним внимательно присматриваться.

– Нет, я об этом ничего не слышал. Есть люди, которые видели его гораздо лучше меня, и кто-нибудь из них обратил бы внимание, если бы это был негр.

Субботний вечер Паульссон провел в баре, где выпил огромное количество различных безалкогольных напитков. Когда он заказал шестой стакан, то даже бармен, редко чему-либо удивлявшийся, несколько опешил.

Вечером в воскресенье бар был закрыт, и Паульссон перебрался в холл. Он описывал круги вокруг конторки портье, но портье был очень занят, говорил по телефону, листал книгу регистрации, помогал посетителям и время от времени исчезал по спешным делам. В конце концов Паульссону удалось переброситься с ним несколькими словами, но он не получил подтверждения своей теории. Портье решительно отвергал мнение, что убийцей был негр.

Паульссон закончил день жареным на углях шницелем в маленьком кабачке. Публики там было значительно больше, чем в отеле, причем в основном молодежь, и он расслышал несколько интересных разговоров за ближай-

шими столиками. Рядом с ним беседовали двое мужчин и девушка, причем он, к своему огорчению, ничего не понимал из их разговора, пока они не заговорили об убийстве Виктора Пальмгрена. Самый молодой из них, рыжий длинноволосый юноша с пышной бородой, презрительно отозвался об убитом и с восхищением об убийце. Паульссон внимательно осмотрел его внешность и запечатлел ее в памяти.

На следующий день, в понедельник, Паульссон решил расширить поле деятельности и поехать в Лунд. В Лунде студенты, а там, где студенты, там и левозэкстремистские элементы. При себе он имел большой список лиц в Лунде, которых можно было подозревать в опасных мыслях. К вечеру он сел в поезд, отправился в этот университетский город, где раньше не бывал, и бродил по улицам в поисках студентов. Было жарче, чем обычно, и Паульссон потел в своем клетчатом костюме.

Он дошел до университета; освещенное солнцем здание казалось мертвым и забытым. Никакой подрывной деятельности в нем явно не велось. Паульссон вспомнил фотографию Мао, плывущего по реке Янцзы. Может быть, лундские маоисты купаются в реке Хэйе, следуя примеру председателя?

Паульссон снял пиджак и направился к собору. Он удивился, что знаменитый гигант Финн¹⁹ выглядит таким маленьким, и купил открытку, чтобы послать жене. По дороге от собора он увидел афишу, сообщавшую, что сту-

¹⁹ *Финн* – по народным преданиям, великан, строивший церкви в северных странах, в том числе в Лунде.

денческий союз организует вечером танцы. Паульссон решил пойти туда, но пока было еще рано.

Он бродил по пустому в летнее время городу, прогуливался под высокими деревьями городского парка, прогуливался по посыпанным гравием тропинкам ботанического сада и вдруг почувствовал, что очень голоден. Он пообедал в погребке, а потом, сидя за чашкой кофе, наблюдал за отнюдь не оживленным движением на площади.

Он не очень-то понимал, как нужно вести расследование и поиски убийцы Виктора Пальмгрена. Политические покушения случались в Швеции редко. Он мечтал о том, чтобы факты не были такими расплывчатыми и чтобы немножко лучше знать, где ему искать.

Когда над городом сгустилась тьма и зажглись фонари, он расплатился и пошел на танцы. Это тоже не дало никаких результатов. Человек двадцать молодых людей пили пиво и танцевали под оглушающую поп-музыку. Паульссон поговорил с некоторыми из них, но оказалось, что они не студенты. Он выпил кружку пива и вернулся в Мальмё.

В лифте он встретил Мартина Бека. Несмотря на то, что они были одни, Мартин Бек упорно смотрел в одну точку над головой Паульссона, тихонько посвистывая. Когда лифт остановился, он подмигнул Паульссону и, приложив указательный палец к губам, вышел в коридор.

XIX

Вечером в понедельник Монссон позвонил своему датскому коллеге.

— Черт возьми, — сказал Могенсен. — Что с тобой слу-

чилося – ты звонишь днем? Или, думаешь, я и тут сплю? А, понимаю, дело такое спешное, что ты не можешь дожждаться ночи. Ну, выкладывай, я ведь сижу тут, сложив руки на пузе.

– Оле Хофф-Енсен – он директор какой-то фирмы, входящей в международный концерн, принадлежащий Виктору Пальмгрену. Я бы хотел узнать, что это за фирма и где помещается ее контора. Как можно скорее.

– Понял, – произнес Могенсен. – Я позвоню.

Прошло полчаса.

– Это было нетрудно, – сказал Могенсен. – Слушаешь? Директору Оле Хофф-Енсену сорок восемь лет, он женат, у него две дочери. Его жену зовут Бирте, ей сорок три года. Они живут на Аллее Ришелье в Хеллерупе. Фирма – акционерное общество по воздушным перевозкам, называется Аэрофрахт, ее главная контора находится на Угольной площади, а другие помещения – в аэропорту Каструп. Общество имеет пять самолетов типа ДС-6. Нужно тебе еще что-то?

– Нет, спасибо, пока хватит. Как ты поживаешь?

– Дьявольски плохо. Жарко. И город кишит чужаками. В частности, шведами. Прощай.

Монссон положил трубку и в ту же минуту вспомнил, что забыл узнать номер телефона этой самой фирмы. Он попросил телефонистку найти номер, на что ушло время. Когда он наконец позвонил в Аэрофрахт, ему сообщили, что Хофф-Енсен будет только на следующий день, и попросили звонить после одиннадцати.

Во вторник утром Монссон встретил Мартина Бека у гостиницы. Он рассчитывал, что оба поедут в Копенгаген

на катере на подводных крыльях, но Бек заявил, что предпочитает поехать на настоящем пароходе и что они прекрасно могут соединить приятное с полезным и позавтракать во время поездки. Он знал, что паром отходит через двадцать минут.

Пассажиров было немного, и в столовой было занято всего два столика. Они съели по бутерброду с селедкой, по венскому шницелю и перебрались в салон пить кофе.

За кофе Мартин Бек рассказал, чего добились Колльберг и Ларссон в деле Бруберга и Хелены Ханссон, что само по себе было сенсационно, но ни на йоту не двинуло вперед расследование самого убийства.

Они доехали на поезде до Главного вокзала и прошли пешком по площади Ратуши, по узким улочкам к Угольной площади. Контора Аэрофрахта находилась в верхнем этаже старого дома, лифта не было, и им пришлось подниматься по крутым узким ступенькам.

Если дом был стар, то тем более современным было внутреннее оборудование конторы. Они вошли в длинный узкий коридор с множеством дверей по обе его стороны; стены были обиты зеленым материалом под кожу. В простенках между дверьми висели большие фотографии, изображавшие самолеты старых марок, под каждым стояло кожаное кресло и металлическая пепельница на длинной ножке. Коридор заканчивался большой комнатой, два высоких окна которой выходили на площадь.

Секретарша, спиной к окнам сидевшая у металлического письменного стола, покрытого белым лаком, была немолода и некрасива. Зато обладала очень приятным голосом. Монссон заметил это еще вчера, когда ей звонил.

Кроме того, у нее были великолепные светло-рыжие волосы. Она говорила по телефону и сделала жест рукой, приглашая посетителей сесть. Монссон опустился в одно из кресел и вынул зубочистку. Он пополнил свой запас в ресторане на пароме. Мартин Бек стоял, рассматривая старую изразцовую печку в одном из углов комнаты. Телефонный разговор велся на испанском языке, которого ни Мартин Бек, ни Монссон не знали, и поэтому очень скоро устали от него. Наконец рыжеволосая закончила разговор и, улыбаясь, поднялась.

— Насколько я понимаю, вы из шведской полиции, — сказала она. — Минуточку, я сейчас доложу директору Хофф-Енсону.

Она исчезла за двойными дверьми, которые тоже были обиты заменителем кожи, но табачно-коричневого цвета, и украшены блестящими медными бляхами. Дверь за ней закрылась бесшумно, и, как Мартин Бек ни напрягал слух, услышать ничего не удалось. Не прошло и минуты, как дверь открылась, и появился Хофф-Енсен.

Это был стройный загорелый человек, широкая улыбка обнажала ряд безукоризненных белых зубов под светлыми холеными усами. Он был одет с изысканной простотой в оливково-зеленую рубашку тонкого шелка, темно-зеленый пиджак мягкого ирландского твида, коричневые брюки и бежевые ботинки. Видневшиеся из выреза рубашки волосы блестели серебром на загорелой груди. Он был широкоплечий, с резкими чертами лица и большой головой, густыми короткими волосами цвета платины, как и усы.

Пожав руку Беку и Монссону, он открыл перед ними дверь и, прежде чем закрыть ее, сказал секретарше:

— Прошу меня не беспокоить.

Хофф-Енсен подождал, пока посетители сядут, и уселся сам за письменный стол. Он откинулся на спинку стула и взял сигару, которая дымилась перед ним в пепельнице.

– Итак, господа, дело, очевидно, идет о бедном Викторе? Вы не нашли виновного?

– Пока нет, – ответил Мартин Бек.

– Я могу мало что прибавить к тому, что я уже сказал на допросе в Мальмё в тот печальный вечер. Все произошло в считанные секунды.

– Но вы видели стрелявшего, не правда ли? – спросил Монссон. – Вы ведь сидели лицом к нему.

– Конечно, – ответил Хофф-Енсен, затянувшись сигарой. – До выстрела я не обратил никакого внимания на этого человека, и прошло какое-то время, прежде чем я понял, что случилось. Я увидел, что Виктор упал на стол, но не сразу осознал, что его убили, хотя и слышал выстрел. Затем я увидел человека с револьвером, кажется, это был револьвер. Человек быстро вышел в окно и исчез. Естественно, я был ошеломлен и не обратил внимания, как он выглядел. Вот, господа, видите, большой помощи от меня ожидать трудно. – Он развел руками и опустил их на подлокотники кресла, всем своим видом выражая сожаление.

– Но все же вы его видели, – сказал Мартин Бек. – Какое-то впечатление у вас создалось.

– Пожалуй, он средних лет, может быть, в несколько потертой одежде. Лица его я не видел – когда я взглянул на него, то он уже повернулся ко мне спиной. Очевидно, он хорошо тренирован, поскольку так быстро вышел в окно.

– А ваша жена? – спросил Монссон. – Она что-нибудь видела?

– Решительно ничего, – ответил Хофф-Енсен. – Моя

жена очень впечатлительная и слабая женщина – она двое суток не могла оправиться после этого потрясения. К тому же она сидела рядом с Виктором и, следовательно, спиной к преступнику. Вы не настаиваете на ее допросе?

– Нет, в этом, я думаю, нет необходимости, – сказал Мартин Бек.

– Благодарю, – улыбнулся Хофф-Енсен. – Да, вот так-то...

Он уперся в подлокотники, чтобы встать, но Монссон поспешил сказать:

– Если директор Хофф-Енсен разрешит, я задам еще несколько вопросов.

– Слушаю вас.

– Как долго вы возглавляете эту фирму?

– Одиннадцать лет. В молодости я был летчиком, затем изучал рекламное дело в США, руководил отделом рекламы в одной авиакомпании, пока Виктор не сделал меня шефом Аэрофрахта здесь в Копенгагене.

– А теперь? Вы продолжаете работу как обычно, несмотря на его кончину?

Хофф-Енсен развел руками, показав свои прекрасные вставные зубы.

– Представление продолжается.

– А кто будет руководить концерном? – спросил Бек.

– Это вопрос, – ответил Хофф-Енсен. – Молодой Линдер слишком еще зелен. А Бруберг, как и я, загружен делами.

– Как вы относились к директору Пальмгрену?

– Очень хорошо. Он полностью доверял мне и тому, как я руковожу компанией.

– А чем, собственно, занимается Аэрофрахт? – спросил

Мартин Бек, догадываясь об ответе.

– Воздушными перевозками – как это явствует из названия.

– Да, я понимаю, но что это за перевозки? У вас пять самолетов, не так ли?

Хофф-Енсен кивнул, затем сказал:

– Перевозим главным образом продукцию самого концерна, прежде всего рыбные консервы. На одном из самолетов есть морозильная установка. Иногда у нас идут и чартерные перевозки. Некоторые копенгагенские фирмы обращаются к нам с такими просьбами, есть и другие клиенты.

– В какие страны вы летаете? – спросил Мартин Бек.

– Главным образом в европейские, за исключением восточных государств. Иногда в Африку.

– В Африку?

– Да. Большей частью это чартерные полеты. Сезонные. – Хофф-Енсен демонстративно взглянул на часы.

Монссон выпрямился, вынул зубочистку изо рта и направил ее на Хофф-Енсена:

– Вы хорошо знаете Хампуса Бруберга?

– Не очень. – Датчанин пожал плечами. – Иногда встречаемся на заседаниях правления, как в ту среду. Изредка говорим по телефону. Вот и все.

– Вы знаете, где он сейчас?

– Наверное, в Стокгольме. Он там живет. И его контора тоже там. – Вопрос явно удивил Хофф-Енсена.

– А какие отношения с Брубергом были у Пальмгре-на? – спросил Бек.

– Хорошие, насколько мне известно. Не то чтобы они

виделись так же часто, как я с Виктором. Мы нередко играли в гольф, встречались не только для деловых бесед. Отношения между Виктором и Хампусом Брубергом были скорее отношениями между начальником и подчиненным.

Судя по его тону, особой симпатии к Хампусу Брубергу он не испытывал.

– Сколько у вас служащих?

Хофф-Енсен на мгновение задумался.

– Сейчас двадцать два человека: Количество колеблется в зависимости от сезона, количества заказов и тому подобного, – расплывчато сказал он.

– А где сейчас находятся ваши самолеты?

– Два в Копенгагене. Один в Риме. Один в Сан Томе, ремонтирует мотор. Пятый в Португалии.

Мартин Бек резко поднялся и сказал:

– Спасибо. Можем ли мы позвонить вам, если понадобится? Вы будете в Копенгагене в ближайшее время?

– Конечно, – ответил Хофф-Енсен.

Он отложил сигару, но продолжал спокойно сидеть в кресле. В дверях Монссон обернулся и сказал:

– Может быть, вы знаете, кто хотел убрать Виктора Пальмгрена?

Хофф-Енсен взял сигару и холодно взглянул на Монссона:

– Нет, не знаю. Очевидно, тот, кто в него стрелял. Прощайте, господа.

По Кебмагергаде они дошли до площади Амагер. Монссон бросил взгляд на переулок Ледерстраде. Там жила его знакомая. Она была скульптором и, хотя родилась в Сконе, предпочитала жить в Копенгагене. Он познако-

мился с ней год назад в связи с одним расследованием. Ее звали Надя, и ему она очень нравилась. Они иногда встречались, чаще всего у нее. Никто из них не хотел себя связывать, как-то мешать друг другу, и за все это время их отношения ничем не омрачались. Единственным минусом было то, что он не испытывал прежней радости, проводя свободные дни со своей женой: ему хотелось быть с Надей.

Улица кишела народом, большинство, несомненно, составляли туристы. Бек, ненавидевший скопления людей, потащил Монссона через толпу, мимо «Магазен дю нор» на Лилле Конгенсгаде. Они выпили холодного пива в ресторане, где тоже было много народу, но все же было приятнее, чем на улице.

Монссон уговорил Мартина Бека ехать домой на катере на подводных крыльях.

Через сорок минут после того, как они покинули датскую землю, они вошли в служебный кабинет Монссона.

На письменном столе лежало сообщение из технического отдела: «Баллистические исследования готовы. Балл.».

XX

Бек и Монссон разглядывали пулю, убившую Виктора Пальмгрена. Она лежала перед ними на белом листе бумаги и казалась обоим маленькой и безобидной. Она деформировалась от удара, но не очень, во всяком случае, экспертам понадобилось всего несколько секунд, чтобы установить калибр оружия. Да и не нужно было даже быть экспертом, чтобы решить этот вопрос.

— Двадцать второй, — задумчиво сказал Монссон. —

Какой дурак пытается убить человека из двадцать второго?

Мартин Бек откашлялся. Как обычно, он простудился в самую жару.

– Сирхан Сирхан убил Роберта Кеннеди из «Ивера Джонсона» двадцать второго калибра, – сказал Скакке, стоявший в глубине кабинета.

– Это верно, – произнес Бек. – Но он был вне себя и выпустил всю обойму. Стрелял как попало.

– Этот же человек целился точно и сделал всего один выстрел, – вставил Монссон. – Судя по всему, он нажал на курок большим пальцем.

– Правой руки, – добавил Бек. – Но это почти все, что мы знаем.

Монссон помолчал раздумывая. Потом сказал:

– Я думаю, что он действовал как профессионал. Особенно в обращении с оружием. И точно знал, в кого будет стрелять.

Стали изучать отчет технического отдела, обследовавшего пулю. Если есть пуля, пустая гильза и оружие, то для любого специалиста проще простого установить, была ли данная пуля выпущена из данного оружия или нет. А если в распоряжении два компонента – чаще всего пуля и гильза, то в большинстве случаев довольно легко установить тип оружия: разное оружие оставляет характерные отпечатки на пуле и гильзе, когда боек бьет по пистону и пуля летит по стволу. С начала тридцатых годов в Швеции медленно, но верно стал создаваться своего рода справочник с бесконечными таблицами, из которых можно было узнать, как различные типы оружия влияют на патрон.

Но в нынешнем случае наука споткнулась о тот факт,

что тут была только пуля, и к тому же деформированная.

И все же баллистики составили список предполагаемых типов использованного оружия.

Беку и Монссону самим надлежало уточнить этот список. Для этого требовалась лишь малая толика здравого смысла. Прежде всего можно было исключить все автоматические пистолеты – они выбрасывают пустую гильзу, когда ствол откатывается, а тут гильза не была найдена. Решающее значение имели в данном случае свидетельские показания. Хотя свидетели и мало понимали в оружии, все они твердили одно и то же: убийца стрелял из револьвера. А револьвер, как известно, не выбрасывает пустые гильзы, они остаются в барабане, пока их оттуда не вытащат.

Баллистический отчет был очень длинен, и даже после того, как Бек и Монссон потратили целый час своего драгоценного времени, вычеркивая из него все лишнее, он словно не стал короче.

– Ну и ну, – удивился Монссон, почесывая затылок. – Эта бумажка нам не поможет до тех пор, пока мы не установим вид оружия или не найдем еще чего-нибудь.

Мартин Бек вытер пот со лба сложенным носовым платком, потом развернул его и высморкался. Взял список револьверов и уныло забубнил:

– Кольт «Кобра», «Смит энд Вессон» модель 34. Четырехствольный международный, «Гаррингтон и Рикардсон 900», «Гаррингтон и Рикардсон 622», «Гаррингтон и Рикардсон 926», «Гаррингтон и Рикардсон „Сайд-Кик”», «Гаррингтон и Рикардсон 49», «Гаррингтон и Рикардсон спортивный»...

– Спортивный, – повторил Монссон.

– Хотел бы я потолковать с этими ребятами – Гаррингтоном и Рикардсоном. И чего им было мало одной модели? – заметил Мартин Бек, перевернул страницу и продолжал бубнить: – «Ивер Джонсон „Сайдвиндер”», «Ивер Джонсон „Кадет”», «Ивер Джонсон „Викинг”», «Ивер Джонсон „Викинг” с укороченным стволом»... Этот можно вычеркнуть. Все говорят, что дуло было длинное.

Монссон подошел к окну и задумчиво смотрел на полицейский двор. Он уже не слушал. Голос Мартина Бека звучал где-то вдалеке.

– «Хертерс-22», «Лама», «Астра Кадикс», «Арминиус», «Росси», «Хауэс Тексас Маршал», «Хауэс Монтана Маршал», «Рик Биг 7»... Господи Боже мой, конца не видно. Интересно, сколько револьверов в этом городе...

На этот вопрос ответить было трудно. Конечно, бесчисленное множество: полученных по наследству, украденных, привезенных контрабандой, запрятанных в шкафы или в ящики столов и старые чемоданы. Разумеется, это незаконно, но владельцы про то не думают. Есть правда, люди, имеющие разрешения, но их не так много. Единственно, у кого наверняка нет револьверов или кто, во всяком случае, их не носит – это полицейские. Шведская полиция вооружена пистолетами «Вальтер-7,65». Глупо, конечно: хотя в автоматических пистолетах легче менять магазин, они обладают неприятной особенностью застревать в одежде, когда их вытаскиваешь, причем, естественно, торопишься.

Их размышления прервал Скакке:

– Кто-то из вас должен поговорить с Колльбергом. Он не знает, что делать с этой парочкой в Стокгольме.

На вопрос о том, что делать с Хампусом Брубергом и Хеленой Ханссон, мягко говоря, ответить было трудно. К тому же пришлось решать эту проблему по телефону, что требовало времени.

– Где они? – спросил Мартин Бек.

– На Кунгсхольмсгатан.

– Задержаны?

– Да.

– Можем ли мы их арестовать?

– Прокурор думает, что можем.

– Думает?

Колльберг глубоко вздохнул.

– Они задержаны за попытку вывоза валюты. Но пока никакого обвинения им не предъявлено. Доказано, впрочем, что у Бруберга в кармане был фальшивый паспорт и что он стрелял из стартового пистолета, когда Ларссон и тот полицейский, любитель стрельбы, должны были его задержать. И мадам призналась, что занимается проституцией. К тому же у нее найден чемодан, набитый ценными бумагами. Она говорит, что эти бумаги, билет и все остальное дал ей Бруберг, пообещав десять тысяч за то, что все это будет доставлено в Швейцарию.

– И наверное, она не врет.

– Конечно. Но все дело в том, что они не успели уехать. Если бы у нас с Ларссоном хватило ума, мы бы оставили их пока на свободе. Сообщили бы в таможенную, в паспортную полицию, и их задержали бы на аэродроме.

– Словом, ты считаешь, что доказательств недостаточно?

– Вот именно. Прокурор предполагает, что судья может

отменить арест и удовольствоваться подпиской о невыезде.

– И выпустит их?

– Вот именно. Если только ты не убедишь прокурора в Мальмё, что эта пара может дать решающие показания об убийстве Пальмгрена. В таком случае мы имеем право арестовать их и отправить к тебе. Таково мнение юристов.

– А что ты сам думаешь?

– Да ничего. Во всяком случае, совершенно ясно, что Бруберг собирался удрать и увезти с собой массу денег. Но если вести эту линию, дело придется передать в другой отдел.

– А Бруберг имеет какое-нибудь отношение к убийству?

– Предположим, что, начиная с пятницы, он действует именно так лишь потому, что в четверг вечером умер Пальмгрен. Это же ясно, как день, правда?

– Да, пожалуй.

– С другой стороны, у Бруберга великолепное алиби по поводу самого убийства. Так же, как и у Хелены Ханссон и у всех сидевших за столом.

– А что говорит сам Бруберг?

– Он изволил сказать «ай», когда врач чинил ему морду. А больше ни слова.

– Подожди-ка, – сказал Мартин Бек.

Телефонная трубка стала влажной от пота, и он вытер ее носовым платком.

– Что ты делаешь? – подозрительно спросил Колльберг.

– Потеею.

– Посмотрел бы ты на меня. Но вернемся к этому Брубергу. С ним договориться трудно. Насколько мне из-

вестно, все эти деньги и акции могут и на самом деле принадлежать ему.

– Гм, – пробурчал Мартин Бек. – А откуда он их взял?

– Не задавай мне таких вопросов. О деньгах я знаю только то, что у меня их нет. – Колльберг замолчал, по-видимому, обдумывая этот горестный факт.

– А как с этой девчонкой?

– Насколько я понимаю, тут все проще. Она болтает вовсю. Полиция нравов сейчас разматывает этот клубок и выявляет «девушек по вызову». Эта сеть явно охватывает всю страну. Я только что говорил с Сильвией Гранберг, она считает, что они без лишних разговоров могут арестовать Хелену Ханссон, во всяком случае, на время расследования.

Сильвия Гранберг была первым помощником комиссара в полиции нравов и, в частности, начальницей Осы Турелль.

– Ну, – проговорил Колльберг. – Так что мне делать?

– Было бы, конечно, интересно провести очную ставку, – промямлил Мартин Бек.

– Не слышу, что ты говоришь, – пожаловался Колльберг.

– Мне нужно подумать над этим. Я позвоню тебе через полчаса.

– Только не позже. В любую минуту на меня могут обрушиться и Мальм, и начальник полиции, и вся эта свора.

– Полчаса. Обещаю, – сказал Мартин Бек и повесил трубку.

Он долго сидел, положив локти на стол и сжав голову

руками. Через какое-то время картина для него стала проясняться. Хампус Бруберг реализовал все свои ценности в Швеции и пытался бежать из страны. Он заранее отправил семью в безопасное место. Все это свидетельствует о том, что после смерти Пальмгрена его положение стало шатким.

Почему? По всей вероятности, потому, что в течение долгих лет он присваивал себе крупные суммы из доходов тех предприятий Пальмгрена, которые контролировал. Виктор Пальмгрен полагался на Бруберга, поэтому он мог считать себя в относительной безопасности, пока директор концерна был жив. Но когда Пальмгрена не стало, Бруберг не решился оставаться в стране. Значит, он чувствовал опасность, если не для жизни, то, во всяком случае, для своего благосостояния, и, возможно, предвидел долгое тюремное заключение.

Но опасность с какой стороны?

Вряд ли со стороны властей, ибо казалось невероятным, чтобы полиции или налоговому управлению удалось когда-либо распутать пальмгреновские дела. Если это вообще можно сделать, то на это потребуются, наверное, годы.

Опасность грозила скорее всего со стороны Матса Линдера. Или, возможно, Хофф-Енсена.

Неприязнь Линдера к Брубергу была так велика, что он не смог ее скрыть даже во время допроса. Не намекнул ли он достаточно прозрачно, что Бруберг мошенник? Что Пальмгрен слишком полагался на своего представителя в Стокгольме?

Во всяком случае, в возможной борьбе за овладение пальмгреновскими миллионами все козыри у Линдера. Если Бруберг присвоил большие деньги, то Линдер в по-

добной ситуации мог немедленно потребовать ревизии счетов различных предприятий и сообщить о нем в полицию. С другой стороны, Линдер еще этого не сделал, несмотря на то, что знал или, во всяком случае, предполагал, что дело не терпит отлагательства. Полиция задержала Бруберга без помощи Линдера и почти случайно. Это может означать, что и сам Линдер находится в щекотливом положении и не решился рисковать из-за того, что против него выдвинули бы контробвинение.

Как бы там ни было, Брубергу смерть Пальмгрена была совсем не выгодна, и он уж никак ее не предвидел. Его поведение, начиная с пятницы, как правильно заметил Колльберг, обуславливалось смертью Пальмгрена, но все говорит за то, что он действовал торопливо, почти в панике и, следовательно, был почти не подготовлен заранее. Не снимает ли все это с Бруберга подозрения относительно самого убийства?

Мартин Бек был убежден в одном: если преступление явилось результатом заговора, то это заговор не политического, а экономического характера.

Кто же выигрывал от смерти Пальмгрена? Кто достаточно хорошо информирован, чтобы суметь напугать такого закоренелого мошенника, как Бруберг, и заставить его бежать? Ответ может быть только один: Матс Линдер. Человек, который уже сумел завладеть женой Пальмгрена и у которого самые сильные позиции в борьбе за экономическую власть.

Шарлотта Пальмгрен была слишком довольна своей жизнью, чтобы вступать в заговоры на таком высоком уровне. К тому же она просто-напросто глупа.

А Хофф-Енсен явно недостаточно знает дела паль-

мгреновской империи.

Но мог ли Линдер пойти на такой явный риск? А почему нет? Крупная игра требует крупных ставок. Интересно было бы устроить очную ставку между Хампусом Брубергом и Матсом Линдером и услышать, что эти господа могут сказать друг другу.

А Хелена Ханссон? Была ли она только наемным орудием? Практичным, кстати говоря, орудием – она и секретарь, и контрабандистка, и любовница. Об этом говорили ее собственные показания, и не было никаких оснований в них сомневаться. Но долгий опыт свидетельствовал, что именно в постели можно узнать многое. А Бруберг был ее постоянным клиентом... Мартин Бек пришел к решению.

Он встал и вышел из комнаты. Спустился на лифте на нижний этаж, в прокуратуру. Через десять минут он снова был за письменным столом в том же кабинете и набирал номер в Вестберге.

– Потрясающе, – сказал Колльберг. – Ты выдержал срок.

– Позаботься, чтобы обоих арестовали. Они нужны нам здесь как свидетели. Это важно для расследования убийства.

– Правда? – В голосе Колльберга звучало сомнение.

– Их нужно переправить сюда как можно скорее, – упрямо сказал Бек.

– О'кей. Но только еще один вопрос: ты меня потом освободишь от этой чертовщины?

– Думаю, да.

После телефонного разговора Мартин Бек посидел еще за столом размышляя. Но теперь он думал о Колльберге и

его невысказанном сомнении. Действительно ли эти люди нужны для расследования убийства? Может быть, и нет, но у него были свои, скорее личные причины для такой просьбы. Он никогда не видел ни Бруберга, ни Хелены Ханссон, только их фотографии, и его просто разбирало любопытство. Он хотел знать, как они выглядят, поговорить с ними, добиться с ними контакта и проверить свои собственные предположения.

Хампус Бруберг и Хелена Ханссон были арестованы в пять минут одиннадцатого на следующее утро, в среду девятого июля. Они вылетели из Стокгольма дневным самолетом. Бруберга сопровождал конвойный полицейский, Хелену Ханссон – женщина из тюремного управления и Оса Турелль, которой нужно было совместно с коллегами в Мальмё обсудить проблемы расследования.

Без четверти два самолет приземлился на Бультофте.

XXII

На краю острова Амагер к югу от аэродрома Каструп находится город Драгер. Это маленький датский городок, в котором живет четыре-пять тысяч человек и который известен главным образом своей паромной переправой. Летом паромы между Драгером и Лимхамном на шведской стороне снуют, как челноки, перевозя через пролив шведских автомобилистов, а в зимнее время используются главным образом для перевозки тяжелых машин, автобусов и грузовиков. И круглый год из Мальмё в Драгер ездят домашние хозяйки, чтобы делать на пароме покупки, не облагаемые пошлиной, а также покупать в Дании то, что

там дешевле, чем в Швеции.

В очень недавнем прошлом маленький портовый город был излюбленным курортом и местом рыбной ловли. Лодки стояли там во множестве, бок о бок, и в порту царило оживление.

Теперь близость столицы превратилась в недостаток, а вода у причалов стала такой грязной, что в ней нельзя ни купаться, ни ловить рыбу.

Зато сам городок и его строения не изменились сколько-нибудь с тех пор, как дамы, прохаживаясь по берегу, лениво вертели зонтами, тщательно охраняя свою алебастрово-белую кожу от разрушающего действия лучей солнца. А у самого берега осторожно окунались в воду по системе доктора Кнейпа²⁰ мужчины в купальных трико, выставлявших в далеко не лестном свете их разбухшие от пунша животы. Дома низкие, живописные, окрашенные в веселые цвета, сады тенистые, распространяющие аромат ягод, цветов и пышной зелени. Улочки – извилистые, узкие, часто мощенные булыжником. Шумное и зловонное движение машин к паромам обходит окраины города стороной, и в старых кварталах относительно спокойно.

Отдыхающие по-прежнему приезжают в Драгер, несмотря на грязную воду, и в этот вторник в начале июля все комнаты в гостинице «Странд» были заняты. В три часа пополудни семья из трех человек только что закончила свой поздний ленч на веранде гостиницы. Родители еще сидели за чашкой кофе и тортом, а шестилетний сын приставал ним:

– Когда мы пойдем? Я хочу смотреть лодки. Пейте

²⁰ *Кнейп* – немецкий доктор, лечивший холодной водой.

кофе. Скорее. Ну пойдемте!

Они спустились к старому портовому павильону, ставшему теперь музеем. В рыбной гавани было всего две лодки, обычно их бывало здесь больше, очевидно, прочие ушли в Зунд на ловлю отравленной ртутью камбалы.

Мальчик остановился у причала и стал бросать камни в мутную воду. Он увидел множество интересных предметов, которые волна прибивала к набережной, но их было не достать.

Дальше виднелась паромная пристань. На большой асфальтированной площади стояла очередь машин, ожидавших парома, который уже приближался.

Трое повернули и медленно пошли обратно вдоль набережной, а потом между домами и виллами. Когда виллы остались позади, впереди показался аэродром Каструп. Здесь они повернули направо и подошли к берегу.

Енс нашел на берегу сломанную зеленую лодочку из пластмассы и играл с ней, а родители уселись на траве. Наконец мальчику надоело его занятие, и он отправился вдоль моря. Нашел картонку из-под молока, пивную бутылку и горько раскаивался, что показал свои находки родителям, которые заставили его тут же все выбросить.

В ту минуту, когда отец позвал его, чтобы возвращаться в «Странд», Енс увидел на поверхности нечто захватывающее. Большую коробку, похожую на ящик с сокровищами.

Отец, конечно, отобрал находку. Енс немножко поревел в знак протеста, но вскоре перестал, поняв, что это бесполезно. Родители рассмотрели коробку. Она намочена, и черная бумага, которой она была оклеена, в нескольких

местах отстала. Но все же коробка была целой, и неплотно прилежавшая крышка не повреждена. На крышке они увидели печатную надпись: «АРМИНИУС-22».

Они осторожно открыли коробку. В белой пластмассе были вырезаны два ложа. Одно имело контуры револьвера с очень длинным стволом. По форме другого трудно было догадаться, для чего оно.

— Коробка для игрушечных пистолетов, — сказала мать и пожала плечами.

— Нет, не то, — ответил отец. — В этой коробке лежал настоящий револьвер. На крышке даже написано, какой он марки. Посмотри сюда, в эту выемку. Здесь лежал запасной приклад, который при необходимости можно использовать для оружия более крупного калибра.

— Фу, — сказала мать. — Оружие — это такая гадость. Подумай, если бы револьвер или пистолет по-прежнему лежал там и был заряжен, а Енс нашел его и...

Мужчина засмеялся и погладил жену по щеке:

— Ты выдумщица. Если бы револьвер лежал здесь, коробка не плавала бы по воде. «Арминиус-22» — тяжелая штука. В коробке явно не было оружия, когда ее выбросили в море. Никто не выбросит такую дорогую вещь, как револьвер...

— ...если только это не гангстер, который хотел отделаться от орудия убийства. Подумай... — Она внезапно остановилась и схватила мужа за рукав. — ...подумай, а если это так? Нужно отнести коробку в полицию.

— Ты с ума сошла? Нас же на смех поднимут.

Енс бежал впереди, он уже забыл о своем ящике со кровищ.

— И все-таки, — продолжала жена. — Кто его знает. По-

вредить мы себе не повредим. Пойдем в полицию.

Она была упряма, и муж за десять лет совместной жизни убедился, что лучше уступить, чем протестовать.

Поэтому у драгерского инспектора Ларсена четвертью часа позже было испорчено сукно на письменном столе, поскольку на него положили насквозь мокрую коробку из-под револьвера.

XXIII

Если в понедельник произошло многое, а во вторник кое-что, то зато в среду не случилось решительно ничего. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы продвинуть расследование.

В полицейском управлении царило все то же тяжелое настроение. Молчаливый и задумчивый Монссон раз за разом перелистывал свои бумаги, систематически перемалывая зубочистку за зубочисткой. Скакке казался обескураженным, а Баклунд с оскорбленным видом прочищал очки.

Мартин Бек знал по опыту, что подобные спады настроений случаются при каждом трудном расследовании, они могут тянуться целыми днями, неделями и слишком часто от них вообще не избавиться. Если бы он повиновался инстинкту, то просто плюнул бы на все, сел на поезд, отправляющийся в Фальстербу, улегся там на пляже и вовсю наслаждался бы редкой для шведского лета жарой. Но комиссар уголовной полиции так поступить не может, в особенности в разгар охоты за убийцей.

Все это раздражало. Он нуждался и в физической, и в

психической активности, но не знал, чем заняться. Еще менее он мог приказать что-то делать другим. После нескольких часов явной бездеятельности Скакке спросил:

– Что мне делать?

– Спроси Монссона.

– Уже спрашивал.

Мартин Бек посмотрел на часы. Все еще только одиннадцать. Оставалось целых три часа до прибытия самолета с Брубергом и Хеленой Ханссон.

За неимением лучшего он позвонил в контору Пальмгрена и попросил соединить его с Матсом Линдером.

– Господина Линдера нет, – лениво произнесла телефонистка. – Могу соединить вас с его секретарем.

Матс Линдер был поистине неуловим. Он вылетел в Йоханнесбург с Каструпа во вторник вечером. По очень спешному делу. В данную минуту его нельзя застать и в Йоханнесбурге, если кому-нибудь и пришла бы сумасбродная мысль позвонить туда, – дело в том, что самолет еще в воздухе. Неизвестно, когда господин Линдер вернется. Была ли поездка запланирована? Господин Линдер всегда очень тщательно планирует свои поездки.

Мартин Бек положил трубку и с упреком посмотрел на аппарат. Да, значит очная ставка между Брубергом и Линдером – дело пропащее.

Новая мысль пришла ему в голову, он опять поднял трубку и набрал номер Аэрофрахта в Копенгагене. Совершенно верно, так оно и есть: директору Хофф-Енсону сегодня утром пришлось спешно выехать в Лиссабон. Возможно, позже можно будет застать его в отеле Тиволи на Авенида да Либертаде. Но пока самолет находится в

воздухе. Когда директор Хофф-Енсен вернется в Данию — неизвестно.

Мартин Бек передал новости Монссону, который равнодушно пожал плечами.

Наконец в половине третьего прибыли Бруберг и Хелена Ханссон.

Бруберга, лицо которого прикрывал огромный пластырь, сопровождал не только конвойный полицейский, но и адвокат. Бруберг не сказал ничего, зато адвокат высказывался очень откровенно.

Директор Бруберг НЕ МОЖЕТ говорить, поскольку он явился жертвой полицейской жестокости. И если бы он даже был в состоянии говорить, ему нечего прибавить к тому, что он уже высказал по данному делу в качестве свидетеля неделю тому назад.

Адвокат продолжал разглагольствовать, бросая время от времени испепеляющие взгляды на Скакке, который записывал его высказывания на магнитофон. Скакке краснел.

Мартин Бек был спокоен. Он сидел, подперев подбородок рукой, и не отрываясь рассматривал человека с пластырем.

Бруберг был человек совершенно иного типа, чем, например, Линдер и Хофф-Енсен. Коренастый, рыжий, с грубыми чертами лица. Прищуренные голубые глазки, брюшко и такая форма головы, владелец которой должен обязательно попасть в камеру смертников, если криминалистические теории блаженной памяти Ломброзо верны. Одним словом, внешность Бруберга была отталкивающей, к тому же одет он был вычурно и безвкусно. Мартин Бек

почти пожалел его.

У адвоката было более профессиональное отношение к Брубергу. Он все говорил и говорил, никто не прерывал его, хотя он повторял все то же. Но должен же парень оправдать тот гонорар, который его ожидает, если ему удастся добиться освобождения Бруберга, а также наказания Гюнвальда Ларссона и Цакриссона за злоупотребление служебным положением.

Они, собственно, это заслужили. Бек давно уже был недоволен методами Гюнвальда Ларссона, но во имя святого товарищества не вмешивался.

Когда адвокат наконец закончил перечень страданий Бруберга, Бек, по-прежнему не отрывая взгляда от арестованного, спросил:

– Следовательно, директор Бруберг не может говорить? Кивок головой.

– Что вы думаете о Матсе Линдере?

Пожатие плечами.

– Считаете ли вы его способным взять на себя основную ответственность за концерт?

Новое пожатие плечами.

Он еще целую минуту смотрел на Бруберга, пытаясь уловить выражение бегających бесцветных глаз. Бруберг, несомненно, боялся и одновременно производил впечатление готового к бою. Наконец Мартин Бек сказал адвокату:

– Я понимаю, что ваш клиент потрясен событиями последней недели. Пока мы можем поставить на этом точку.

Это удивило всех – Бруберга, адвоката, Скакке и даже конвойного.

Мартин Бек встал и вышел, чтобы узнать, как идут дела

у Монссона и Баклунда с Хеленой Ханссон. В коридоре он встретил Осу Турелль.

– Что она говорит?

– Много чего говорит. Но вряд ли что-нибудь может тебя порадовать.

– В какой гостинице ты остановилась?

– В той же, что и ты, в «Савое».

– Тогда, может, пообедаем вместе? Несмотря ни на что, будет приятное завершение скверного дня.

– Не обещаю, – уклончиво ответила Оса Турелль. – Мне нужно еще многое сегодня сделать.

Она избегала его взгляда, что удавалось ей очень легко, ибо она была ростом только ему по плечо.

Хелена Ханссон говорила без умолку, Монссон молчал. Жужжал магнитофон. Баклунд ходил взад и вперед по комнате с возмущенным видом. По-видимому, его вере в чистоту жизненных идеалов был нанесен жесточайший удар.

Мартин Бек стоял у двери, облокотившись о железный шкаф, и наблюдал. От полуреспектабельной внешности и с трудом приобретенного лоска ничего не осталось. Жалкая проститутка, впутавшаяся во что-то, чего она не понимала, и теперь смертельно напуганная. Слезы текли по ее щекам. Она быстро выдавала всех соратниц в явной надежде подешевле отделаться самой. Это производило неприятное впечатление, и Бек вернулся в свой опустевший кабинет. Зазвонил телефон. Мальм, конечно.

– Чем, чер... чем, Боже ж ты мой, вы занимаетесь?

– Расследованием.

– Разве не было ясно сказано, что расследование

должно вестись по возможности тактично?

– Было.

– А ты считаешь тактичным устраивать стрельбу и драку в центре Стокгольма?

– Нет.

– Ты видел газеты?

– Да, я видел газеты.

– Как по-твоему, что в них будет завтра?

– Не знаю.

– Полиция берет под арест двух человек, которые, по всей вероятности, совершенно невиновны; не слишком ли это?

Один ноль в его пользу, ничего не поделаешь.

– Да понимаете ли вы там, что козлом отпущения буду я?!

– Очень жаль.

– Могу тебе сказать, что шеф возмущен так же, как и я. Мы несколько часов сидели у него и обсуждали это дело...

«Один осел почесывает другого, – подумал Мартин Бек. – Кажется, есть такое изречение».

– Как ты к нему попал? – невинным тоном спросил Бек.

– Как я попал? Что ты хочешь этим сказать? Что это – неудачная попытка сострить?

Всем было известно, что шеф полиции не любит беседовать с людьми. По слухам, одно высокопоставленное лицо даже грозило пригнать в полицейское управление автопогрузчик и снять двери в святая святых, чтобы иметь возможность поговорить с ним с глазу на глаз. Зато глава полиции страдал слабостью держать речи, обращаясь к народу вообще.

– Ну, – произнес Мальм. – Можно ли вообще надеяться,

что вы его скоро возьмете? Что я должен говорить заинтересованным лицам?

– Правду.

– Какую правду?

– Пока никакого прогресса.

– Никакого прогресса? Это после недели расследования? С участием наших самых лучших сил?

Мартин Бек глубоко вздохнул.

– Я не знаю, сколько преступлений я раскрыл, но достаточно много. Могу заверить тебя, что мы делаем все возможное.

– Я в этом уверен, – сказал Мальм уже спокойнее.

– Я хотел подчеркнуть в первую очередь не это, – продолжал Мартин Бек, – а скорее тот факт, что одна неделя часто слишком короткий срок. Вообще-то дело идет не о неделе, как ты знаешь. Я приехал сюда в пятницу, а сегодня среда. Два года тому назад, значит, еще до тебя, мы взяли человека, который совершил убийство шестнадцатью годами ранее.

– Да, да, я все это знаю. Но ведь это не простое убийство. Могут произойти международные осложнения, – сказал Мальм, и в голосе его прозвучало отчаяние. – Они уже есть.

– Какие же?

– На нас оказывают упорное давление некоторые иностранные дипломатические представительства. И я знаю, что агенты органов безопасности уже прибыли из-за границы. Они скоро появятся или в Мальмё, или в Копенгагене. – Он сделал паузу. И продолжал подавленным голосом: – Или здесь у меня.

– Ну, – возразил Бек в утешение, – они, во всяком слу-

чае, не могут наделать большей суматохи, чем Сепо.

– Полиция безопасности? У них есть человек в Мальмё. Вы сотрудничаете с ним?

– Не могу утверждать этого.

– Вы встречались?

– Я его видел.

– И это всё?

– Да. И этого-то нелегко было избежать.

– Я не могу избавиться от впечатления, что ты слишком легко относишься к этому делу. Тут нельзя работать кое-как, – произнес Мальм твердо и решительно. – Виктор Пальмгрен был одним из известнейших людей не только в Швеции, но и за границей.

– Да, о нем вечно писали в иллюстрированных журналах.

– Хампус Бруберг и Матс Линдер – тоже люди незаурядные, и нельзя с ними обращаться как кому вздумается. К тому же мы должны быть очень осторожны с тем, что даем в прессу.

– Я лично не даю ни слова.

– Как я уже тебе сказал в прошлый раз, если некоторые стороны деятельности Пальмгрена получают огласку, это может принести непоправимый вред.

– Кому же?

– Обществу, конечно. Нашему обществу. Если станет известно, что на правительственном уровне знали о некоторых сделках...

– То...

– Это может привести к очень серьезным политическим последствиям.

Мартин Бек питал отвращение к политике. Если у него

и были политические убеждения, то он держал их при себе. Он всегда пытался отделаться от поручения, если оно могло иметь политические последствия. Вообще как только заговаривали о политических преступлениях, он упорно молчал. Но на этот раз не удержался.

— Для кого?

Мальм издал такой звук, будто ему всадили нож в спину.

— Мартин, сделай все, что возможно, — умоляюще сказал он.

— Да, — мягко ответил Бек. — Я сделаю все, что могу... — И, помолчав, прибавил: — ...Стиг. — Он в первый раз назвал главного инспектора по имени. По-видимому, и в последний.

Кончался день совсем уныло. Расследование дела Пальмгрена зашло в тупик.

Вообще же в полицейском управлении было необычное оживление. Полиция Мальмё обнаружила в городе два публичных дома, к большому огорчению тамошнего персонала и к еще большему огорчению клиентов, попавших в облаву. Оса Турелль явно была права, когда говорила, что у нее много дел.

Мартин Бек ушел из управления часов в восемь. Аппетита не было. Он заставил себя на всякий случай съесть бутерброд и выпить стакан молока в кафетерии на площади Густава Адольфа. Жевал долго и тщательно, рассматривая в окно подростков, кутивших у квадратного каменного бассейна на площади гашиш и выменивавших наркотики на украденные граммофонные пластинки. Полицейских поблизости не было видно, а люди из комиссии по охране

детей явно были заняты чем-то другим. Потом он медленно побрел вдоль Седергатан, пересек Стурторьет и направился к гавани. В половине одиннадцатого он был в отеле.

В холле Бек сразу обратил внимание на двух человек, сидевших в креслах направо от входа в ресторан. Один высокого роста, лысый, с пышными черными усами и очень загорелый. Другой горбатый, почти карлик, с острыми чертами бледного лица и умными черными глазами. Оба были безукоризненно одеты, на обоих – блестящие как зеркало черные ботинки, и оба сидели неподвижно, глядя в одну точку. На столике перед ними стояла бутылка вина и два бокала. Иностранцы, подумал Мартин Бек. Отель кишел иностранцами, а среди множества флагов, реявших перед зданием, было минимум два, которые он не смог распознать.

Пока он брал ключ у портье, Паульссон вышел из лифта и подошел к столику незнакомцев.

XXIV

В комнате горничная уже все приготовила к ночи, постелила постель, положила коврик к кровати, закрыла окно и задернула гардины.

Мартин Бек зажег лампу на ночном столике и взглянул на телевизор. У него не было желания его включать, да и передачи уже, наверное, закончились.

Он снял ботинки, носки и рубашку. Отдернул гардины и открыл настежь двойное окно. Опершись о подоконник, стал смотреть на канал, железнодорожный вокзал и гавань. Проходили освещенные пассажирские суда, у входа в га-

вань гудел паром. Движения на улицах почти не было, а перед вокзалом стоял длинный ряд такси с зажженными огоньками и открытыми дверцами. Водители болтали друг с другом; машины выкрашены в более или менее веселые цвета, не черные, как в Стокгольме.

Ложиться не хотелось. Вечерние газеты он уже прочитал, а взять с собой какую-нибудь книгу забыл. Да и читать не было охоты, а если захочется, то в каждой комнате гостиницы есть библия и телефонный каталог. Было у него и заключение о вскрытии трупа, но его текст он знал почти наизусть.

Мартин Бек смотрел в окно и чувствовал себя одиноким. Он сам этого хотел, иначе мог бы сейчас сидеть в баре, или дома у Монссона, или в каком-нибудь из множества других мест. Ему чего-то не хватало, но он не знал – чего.

Послышался легкий стук в дверь. Очень легкий. Если бы он спал или принимал душ, то не услышал бы.

– Войдите, – сказал он, не оборачиваясь. Услышал, что дверь открылась.

Может быть, это готовый броситься на него убийца. Если тот выстрелит в затылок, Мартин Бек упадет в окно и разобьется о тротуар. Он улыбнулся и повернул голову.

Это был Паульссон в своем клетчатом костюме и ядовито-желтых ботинках. Вид у него был несчастный. Даже усы не казались такими шикарными, как обычно.

– Привет, – сказал он.

– Привет.

– Можно войти?

– Конечно, – ответил Мартин Бек. – Садись.

Сам он отошел и сел на край кровати. Паульссон уселся

в кресло. Лоб и щеки у него блестели от пота.

– Сними пиджак, – предложил Мартин Бек. – Здесь можно не соблюдать этикет.

Паульссон долго колебался, но наконец начал расстегивать пуговицы. Сняв пиджак, старательно сложил его и повесил на ручку кресла.

Под пиджаком была рубашка в широкую полосу светло-зеленого и оранжевого цветов. В наплечной кобуре револьвер. Мартин Бек подумал, сколько времени понадобится, чтобы добраться до оружия, пока справишься со сложной процедурой растягивания пуговиц.

– Ну, что тебя беспокоит? – беспечно спросил он.

– Я... Я хочу спросить тебя.

– О чем?

Наконец, по-видимому, после больших усилий над собой, Паульссон произнес:

– Добился ты чего-нибудь?

– Нет, – ответил Мартин Бек. И из вежливости прибавил: – А ты?

Паульссон печально покачал головой. Любовно погладил усы, словно пытаясь набраться новых сил.

– Все это так сложно, – произнес он.

– Или, наоборот, очень просто, – сказал Бек.

– Нет, – возразил Паульссон, – не думаю. А самое скверное... – Потом, с проблеском надежды во взгляде, спросил: – Ты получил от них нагоняй?

– От кого?

– От шефов в Стокгольме.

– Они немножко нервничают, – ответил Мартин Бек. – А что самое скверное, как ты сказал?

– Будет международное расследование, политически

очень сложное. Всестороннее. Сегодня вечером два иностранных агента безопасности уже приехали сюда. В гостиницу.

– Эти странные люди, которые сидели в холле? Откуда они?

– Маленький из Лиссабона, а второй из Африки. Называют себя деловыми людьми. Но... они сразу меня узнали. Знают, кто я. Странно.

«Да уж куда как странно», – подумал Мартин Бек. Вслух же он сказал:

– Ты с ними говорил?

– Да. Они хорошо говорят по-английски.

Мартин Бек знал, что Паульссон был очень слаб в английском. Может быть, он хорошо знал китайский или украинский, или какой там еще язык нужно знать для безопасности государства.

– Что им нужно?

– Они спрашивали о вещах, которые я не очень-то понимал. Поэтому-то я и побеспокоил тебя. Они хотели получить список подозреваемых. По правде говоря, у меня такого списка нет. Может быть, у тебя есть?

Бек покачал головой.

– Я, конечно, им этого не сказал, – хитро улыбнулся Паульссон. – Но они спросили о чем-то непонятном.

– О чем же?

– Насколько я понял, но, может быть, я ошибаюсь, они хотели знать, кого подозревают в заокеанских провинциях. Заокеанские провинции... Но они повторили это несколько раз на разных языках.

– Ты правильно понял, – дружелюбно сказал Мартин

Бек. – Португальцы утверждают, что их колонии в Африке и в другие местах равноправны с провинциями в самой Португалии.

Лицо Паульссона просветлело.

– О, черт, – сказал он. – Значит, я правильно понял.

– И что же ты им сказал?

– Ничего точного. У них был разочарованный вид.

– Да, можно себе представить.

– Они собираются остаться здесь?

– Нет, – сказал Паульссон. – Едут в Стокгольм. Будут беседовать в своем посольстве. Я тоже лечу туда завтра. Должен доложить. И изучать архивные материалы. – Он зевнул. – Пожалуй, нужно ложиться. Тяжелая была неделя. Спасибо за то, что помог. – Паульссон поднялся, взял пиджак и очень тщательно застегнул все пуговицы. – Пока.

– Спокойной ночи.

В двери он повернулся и зловеще проговорил:

– По-моему, на это уйдут годы.

Мартин Бек посидел еще несколько минут. Посмеялся над ушедшим гостем, разделся и вошел в ванную комнату. Долго стоял под холодным душем. Закутался в банную простыню и вернулся к прежнему месту у окна.

Снаружи было тихо и темно. Казалось, что вся жизнь замерла и в гавани и на вокзале. Где-то промчалась полицейская машина. Многие таксисты смирились со своим положением и разъехали по домам. Наконец и он решил, что пора лечь. Раньше иди позже это придется сделать, хотя сон по-прежнему не приходил.

Лег на спину и заложил руки за голову. Лежал неподвижно, устремив взор в потолок.

Минут так через пятнадцать, двадцать, снова услышал

стук в дверь. Очень легкий и на этот раз.

Господи Боже, подумал он, неужели Паульссон опять начнет распространяться о шпионах и тайных агентах? Самим простым делом было прикинуться, что спишь. Но разве ты лишился чувства долга?

– Войдите, – произнес он с тоской.

Дверь осторожно открылась, и в комнату вошла Оса Турелль в домашних туфлях и в коротком белом ночном халате, завязанном пояском на талии.

– Ты не спишь?

– Нет, – ответил Мартин Бек и простодушно прибавил:
– И ты тоже?

Она засмеялась и покачала головой. Коротко остриженные темные волосы блестели.

– Я только что вернулась. Успела лишь принять душ.

– Я слышал, что у вас сегодня была большая суета.

– Да, черт возьми. Поесть некогда было. Сжевала только несколько бутербродов.

– Садись.

– Спасибо. Если ты не устал.

– От ничегонеделания не устаешь.

Она все еще колебалась, не отпуская ручку двери.

– Принесу свои сигареты. Моя комната через две от твоей.

Она оставила дверь приоткрытой. Он лежал по-прежнему, заложив руки за голову, и ждал.

Через несколько секунд она вернулась, бесшумно закрыла за собой дверь и подошла к креслу, на котором час назад Паульссон изливал свои страдания. Она сбросила туфли и забралась в кресло с ногами, подтянув колени к

подбородку. Зажгла сигарету и сделала несколько глубоких затяжек.

– Хорошо, – сказала она. – День был ужасный.

– Ты жалеешь, что стала служить в полиции?

– И да и нет. Видишь так много дряни, о которой раньше только слышала. Но иногда вроде бы делаешь что-то полезное.

– Да, – сказал он. – Иногда.

– У вас был плохой день?

– Очень. Ничего нового или положительного. Но так бывает часто. А у тебя есть какие-нибудь предположения?

– Какие у меня могут быть предположения? Хотя Пальмгрен был подлецом. Многие, несомненно, имели основания его ненавидеть. Мне кажется, тут просто-напросто месть.

– Я тоже так думал.

Она помолчала. Когда сигарета потухла, она тут же зажгла новую.

Мартин повернулся и посмотрел на Осу. Казалось, мысли ее далеко отсюда, а глаза устремлены в какую-то точку вдаль.

Наконец она взглянула ему прямо в глаза. Глаза у нее были большие, карие, серьезные.

Только что она словно отсутствовала, а теперь вся была здесь.

Она смяла сигарету и не закурила новую. Облизала губы кончиком языка. Зубы у нее были белые, но слегка неровные. Брови густые и темные.

– Да, – проговорил он.

Она медленно кивнула. Очень тихо сказала:

– Да, раньше или позже. Почему бы не теперь?

Встала и села на край кровати. Сидела не шевелясь. Они все смотрели друг на друга.

– У тебя серые глаза, – сказала она.

– А у тебя карие.

– Ты думал об этом раньше? – спросила она.

– Да, а ты?

– Иногда, в последний год.

Он обнял ее за плечи.

Когда она ушла, в комнате уже было светло.

Это произошло и никогда более не повторится, или, может быть...

Он не знал. Зато знал, что достаточно стар, чтобы быть ее отцом, если бы это место не было занято двадцать семь лет тому назад.

Мартин Бек думал о том, что среда, несмотря ни на что, закончилась неплохо. Или, может быть, четверг начался хорошо?

Они, встретились через несколько часов в полицейском управлении. Мартин Бек спросил мимоходом:

– Кто заказал тебе комнату в «Савое»?

– Я сама. Хотя это Леннарт сказал, чтобы я так сделала.

Мартин Бек улыбнулся: Колльберг, конечно. Интриган. Но пусть он никогда не узнает, удалась ему нынешняя интрига или нет.

В девять часов утра в четверг в их штаб-квартире не намечалось никаких перемен. Мартин Бек и Монссон сидели друг против друга за большим письменным столом. Оба молчали. Мартин Бек курил, а Монссон ничего не делал. Запасы зубочисток иссякли.

Двенадцать минут десятого Бенни Скакке проявил наконец активность, войдя в кабинет с длинной лентой телекса в руке. Остановившись около двери, он начал ее просматривать.

– Что это? – спросил Мартин Бек.

– Список из Копенгагена, – вяло проговорил Монссон. – Они присылают такие списки ежедневно. Объявления о розыске. Пропавшие машины, найденные вещи, всякое такое.

– Много девчонок пропало, – сказал Скакке. – Девять, нет, десять.

– Обычное дело для такого времени года, – прокомментировал Монссон.

– Уведенные машины, – продолжал Скакке. – Шведский паспорт на имя Свена Улофа Гюставссона из Сведала, пятидесяти шести лет. Конфискован у проститутки в Ньюхавне. Бумажник тоже.

– Пьяная скотина, – лаконично сказал Монссон.

– Экскаватор со стройки туннеля. Как можно увести экскаватор?

– Пьяная скотина, – повторил Монссон. – А оружие? Они обычно сообщают об этом в конце.

Скакке продолжал читать список.

– Да, есть. Несколько. Шведский армейский пистолет, девятимиллиметровый «Хускварна», должно быть, старый,

«Беретта Ягуар»... Ящик к «Арминиусу-22»..., пять коробок патронов калибра семь шестьдесят пять...

– Стоп, – сказал Монссон.

– Да, что там за ящик? – спросил Мартин Бек.

Скакке нашел нужное место в списке.

– Упаковочный ящик для «Арминиуса-22».

– Где найден?

– Прибит к берегу между Драгером и Каструпом. Найден частным лицом и передан полиции в Драгере. Во вторник.

– Есть «Арминиус-22» в нашем описке? – спросил Мартин Бек.

– Конечно, – ответил Монссон, быстро вскочил и схватил телефонную трубку.

– Да, да, конечно, – догадался Скакке. – Ящик. Коробка на велосипеде...

Монссон упорно добивался коммутатора копенгагенской полиции. Прошло время, прежде чем он добрался до Могенсена.

Тот ничего не слышал ни о каком ящике.

– Нет, я прекрасно понимаю, что ты не можешь помнить обо всем на свете, – терпеливо сказал Монссон. – Но дело в том, что он фигурирует в вашем чертовом списке. Под тридцать восьмым номером. Для нас это может оказаться очень важным... – Несколько минут он слушал. Потом сказал: – Кстати, а что ты еще знаешь об Аэрофракте и Оле Хофф-Енсене?

Могенсен отвечал довольно долго.

– Так, хорошо, – произнес Монссон и положил трубку. Посмотрел на остальных. – Они проверят и сообщат.

– Когда? – спросил Бек.

– Могенсен оборачивается очень быстро.

Меньше чем через час раздался звонок из Копенгагена.

Монссон слушал, и вид у него становился все более довольным.

– Прекрасно, – выговорил он.

– Ну? – оказал Мартин Бек.

– Ящик находится в их техническом отделе. Парень в Драгере собирался было его выбросить, но вчера положил в пластиковый мешок и отправил в Копенгаген. Нам привезут его на пароход, который отходит от Новой гавани в одиннадцать часов. – Бросив взгляд на часы, он обратился к Скакке: – Последи, чтобы радиопатруль был на месте в порту, когда привезут ящик.

– Что о Хофф-Енсене? – спросил Мартин Бек.

– Много чего. Он, как видно, у них там хорошо известен. Скользкий тип, но к нему не подберешься. В Дании он темными делами не занимается. Все, чем он там занимается, вполне законно.

– Другими словами, темные дела Пальмгрена.

– Вот именно. Дела, по-видимому, крупные. Могенсен сказал, что имена Пальмгрена и Хофф-Енсена фигурируют в связи с контрабандой оружия и самолетов в страны, где объявлено эмбарго на оружие. Он узнал это через Интерпол. Но они тоже ничего не могут поделать.

– Или не хотят, – сказал Мартин Бек.

– Более чем вероятно, – согласился Монссон.

Без десяти двенадцать ящик лежал у них на столе. Обращались с ним очень осторожно, несмотря на то, что он уже был сильно поврежден и явно побывал во многих ру-

ках.

Мартин Бек снял крышку и рассмотрел выемки от револьвера и запасного приклада.

– Да, – проговорил он. – Ты прав.

Монссон кивнул. Несколько раз закрывал и открывал крышку.

– Легко открывается, – сказал он.

Они перевернули ящик и осмотрели его со всех сторон. Он высох и был в довольно хорошем состоянии.

– Он недолго находился в воде, – констатировал Мартин Бек.

– Пять суток, – ответил Монссон.

– Здесь, – сказал Мартин Бек, – здесь что-то есть. Он легко погладил дно, на которое была наклеена бумага. Она отмокла и частично отвалилась.

– Да, – сказал Монссон. – На бумаге что-то было написано. По-видимому, шариковой ручкой. Подожди-ка.

Он взял из ящика письменного стола лупу и протянул ее Мартину Беку.

– Гм, – промолвил Мартин Бек. – Отпечаток виден. «Б» и «С» видны достаточно отчетливо. Может быть, еще кое-что.

– У нас есть люди, вооруженные более точными инструментами, чем моя старая лупа. Пусть они посмотрят.

– Этот револьвер применяется, или, вернее, применялся на соревнованиях.

– Да, я это понял. Необычная марка. – Монссон побарабанил пальцами по столу. – Отдадим его в технический отдел. И пусть Скакке проверит стрелковые общества. А мы пойдем завтракать. Неплохое распределение труда, а?

– Неплохое, – согласился Мартин Бек.

– Заодно я покажу тебе Мальм. Ты бывал в «Полковнике»? Нет? Тогда пойдем туда.

Ресторан «Полковник» находился на двадцать втором этаже, и вид оттуда превосходил все, что Мартин Бек видел за предыдущие дни.

Под ними, словно с самолета, был виден весь город. А также Эресунн, Сальтхольм и датский берег. К северу виднелась Ландскруна, остров Вэн и даже Хельсингборг. Видимость была необыкновенно хорошая.

Светловолосый кельнер подал им бифштексы и холодное вино «амстель». Монссон ел с жадностью; он вытряс все зубочистка из стаканчика на столе, сунул одну в рот, а остальные в карман.

– Да, – произнес он, – насколько я понимаю, все сходится.

Мартин Бек, которого больше интересовал вид, чем еда, неохотно оторвался от панорамы.

– Да, – сказал он. – Похоже на то. Ты был прав с самого начала. Хотя ты только догадывался.

– Ну и что ж, что догадывался, – сказал Монссон.

– Теперь нужно только догадаться, где он.

– Где-то здесь, – сказал Монссон, кивнув в сторону окна. – Но кто мог ненавидеть Пальмгрена до такой степени?

– Тысячи людей, – сказал Мартин Бек. – Пальмгрен и его дружки безжалостно уничтожала вокруг себя все и вся. Он, например, возглавлял множество предприятий – более или менее долгий срок. Пока они оправдывали себя. Когда же те переставали приносить бешеные барыши, он просто

закрывал их, и многие рабочие оставались ни с чем. А скольких разорили ростовщические фирмы, вроде той, которой ведает Бруберг?

Монссон ничего не стал отвечать.

– Но я думаю, что ты прав, – продолжал Мартин Бек. – Этот человек должен быть где-то здесь, если не сбежал.

– Сбежал и вернулся, – сказал Монссон.

– Возможно. Должно быть, действовал он непреднамеренно. Ни один человек, задумавший убийство, и в первую голову наемный убийца, не поедет на велосипеде летним вечером, привязав к багажнику коробку с револьвером. Да еще такую большую – больше обувной.

К их столу подошел бармен.

– Инспектора по уголовным делам просят к телефону, – сказал от Монссону. – Кофе?

– Это, наверное, тот парень с микроскопом, – предположил Монссон. – Кофе? Да, будьте любезны. Два эспresso.

– Да, – сказал Монссон, вернувшись. – На дне коробки заметны «Б» и «С». Остальное прочесть нельзя, так считает и парень из лаборатории. Но, по его мнению, это имя владельца.

Человек, который ведал тиром, задумчиво посмотрел на Бенни Скакке.

– «Арминиус-22»? Да, сюда приходят два-три человека, которые обычно стреляют из таких револьверов. Но кто именно, я так сразу сказать не могу. Кто из них был здесь в прошлую среду? Нет, ведь всех невозможно запомнить. Но спросите парня, который стреляет вон там. Он тут палит с

той поры, как ушел в отпуск, десять дней уже. – Когда Скакке отошел к тиру, он крикнул ему вдогонку: – Спросите заодно, откуда у него деньги, чтобы покупать столько патронов.

Стрелок как раз закончил серию выстрелов, подсчитал очки и стал приклеивать новую мишень, когда Скакке подошел к нему.

– «Арминиус-22»? – сказал он. – Одного я, во всяком случае, знаю. Но он не был здесь с середины прошлой недели. Хороший стрелок. Если бы он стрелял из...

Парень повертел в руке свой автоматический револьвер «Беретта Этфайр».

– Вы знаете его имя?

– Бертиль... не то Ульссон, не то Свенссон, точно не помню. Он работает на «Кокумсе».

– Вы уверены?

– Да, скверная работа. Кажется, мусорщик.

– Спасибо, – сказал Скакке. – А откуда вы берете деньги на патроны?

– Это мое единственное хобби, – ответил стрелок, набивая обойму.

Уходя, Скакке получил от директора тира записку с тремя именами.

– Это те стрелки из «Арминиуса», имена которых я помню, – пояснил тот.

Скакке вернулся к полицейской машине. Прежде чем завести мотор, он прочел: ТОММИ ЛИНД, КЕННЕТ АКСЕЛЬССОН, БЕРТИЛЬ СВЕНССОН.

...В полицейском управлении Монссон задал вопрос Мартину Беку:

– Что будем делать с Брубергом и Ханссон?

– Отправь их обратно в Стокгольм. Если только Оса узнала все, что ей нужно.

– Моя работа в Мальмё закончена, – сказала Оса и взглянула на Мартина Бека ясными карими глазами.

Расследование шло своим чередом. Бек решил проверить, не проживал ли Бертиль Свенссон в одном из пальмгреновских домов. Через два часа после запроса, отправленного полиции в Халден, телекс выдал нужную строчку: СВЕНССОН, БЕРТИЛЬ УЛОФ ЭМАНУЭЛЬ, ВЫСЕЛЕН 15 СЕНТЯБРЯ 1968 ГОДА.

– Это значит, что его вышвырнули, – сказал Монссон.

Мартин Бек набрал номер телефона конторы Бруберга в Стокгольме. Ответила женщина, должно быть, секретарша. Для верности он спросил:

– Это фру Муберг?

– Да.

Он назвал себя.

– Чем могу служить? – спросила она.

– Скажите, фру Муберг, закрывал ли директор Пальмгрен недавно какие-либо из своих предприятий?

– Смотря по тому, что вы подразумеваете под словом «недавно». Два года назад он закрыл фабрику в Сольне, если вас это интересует.

– Какую фабрику?

– Это была очень маленькая фабрика, на которой делали детали для станков. Кажется, пружины или что-то в этом роде.

– Почему он ее закрыл?

– Она себя больше не оправдывала. Предприятия, ко-

торые покупали эти детали, то ли реконструировали свои станки, то ли перешли на новые. Во всяком случае, прежнего сбыта продукции не было, перестраивать производство не стали, работу остановили, а фабрику продали.

– Два года назад?

– Да, осенью шестьдесят седьмого.

– А что стало с рабочими?

– Их уволили, – сказала Сара Муберг.

– Сколько их было?

– Этого я не помню. Но документы где-то есть. Могу посмотреть, если хотите.

– Очень просил бы вас. Мне нужны фамилии работавших.

Прошло несколько минут, прежде чем она снова взяла трубку.

– Извините, я не сразу нашла. Прочитать фамилии?

– Сколько их?

– Двадцать восемь.

– И всех уволили? Разве нельзя было перевести их на другое предприятие?

– Нет, все были освобождены. За исключением одного... Он был мастером, и его сделали управляющим домами. Но через полгода он тоже ушел. Очевидно, нашел работу получше.

– Будьте добры, прочтите мне фамилии. – Когда она дошла до девятой фамилии, он сказал: – Стоп. Повторите эту фамилию.

– Бертиль Свенссон, конторщик.

– Больше о нем ничего там не написано?

– Только то, что я прочитала.

— Благодарю, достаточно, — сказал Мартин Бек. — До свидания и спасибо за помощь. — И стал рассказывать Монссону: — Бертиль Свенссон уволен два года назад с пальмгреновского предприятия. Конторщик.

Монссон повертел зубочистку во рту.

— Нет, подсобный рабочий. Я беседовал в личном столе на «Кокумсе».

— У тебя есть его адрес?

— Да, он живет на Ваттенверксвеген. Но сейчас в отпуске. Начал работать на «Кокумсе» в январе этого года. Ему тридцать семь лет... По-видимому, в разводе. Его жена... — Монссон порылся в документах и вынул бумажку с нацарапанными на ней заметками. — Его жена живет в Стокгольме. Контора вычитает деньги из его жалованья каждый месяц и посылает фру Еве Свенссон, Нортульсгата, двадцать три, Стокгольм.

— Гм, если у него отпуск, то его может не оказаться в городе, — предположил Мартин Бек.

— Посмотрим, — ответил Моннсон. — Надо бы поговорить с женой. Как ты думаешь, Колльберг...

Бек взглянул на часы. Скоро половина шестого. Колльберг, наверное, уже на пути домой.

— Да, — сказал он. — Завтра...

XXVI

В голосе Леннарта Колльберга звучали недобрые нотки, когда Мартин Бек позвонил ему утром в пятницу.

— Только не говори, что это опять пальмгреновская история.

Мартин Бек кашлянул.

– Очень сожалею, Леннарт, но я вынужден просить тебя помочь. Я знаю, что у тебя много...

– Много, – возмущенно прервал его Колльберг. – У меня всего много, кроме людей. Я утопаю в делах.

– Я понимаю, Леннарт, – мягко проговорил Мартин Бек. – Но выяснились некоторые моменты, которые меняют суть дела. Тебе нужно раздобыть сведения об одном человеке, который, возможно, застрелил Пальмгрена. На худой конец попроси Гюнвальда...

– Ларссона? Да его теперь сам министр не упросит заняться делом Пальмгрена, пусть хоть на колени встанет. – После короткой паузы Колльберг вздохнул и сказал: – Кто этот человек?

– По-видимому, тот самый, которого мы могли бы взять на аэровокзале неделю тому назад, если бы не проворонили. Его зовут Бертиль Свенссон...

– Свенссонов у нас, наверное, тысяч десять, не меньше, – уныло сказал Колльберг.

– Наверное, – любезно согласился Мартин Бек. – Но об этом Свенссоне мы знаем следующее: он работал на пальмгреновском предприятии в Сольне, это крохотная механическая фабрика, которую закрыли осенью шестидесят седьмого. Он жил в одном из пальмгреновских домов, но примерно год назад его оттуда вышвырнули. Он член стрелкового клуба и, судя по словам свидетелей, стреляет из револьвера, соответствующего тому, из какого убили Пальмгрена. Он разведен с осени, и его жена и двое детей живут по-прежнему в Стокгольме. Сам он живет в Мальмё и работает на «Кокумсе». Его зовут Бертиль Улоф

Эмануэль Свенссон. Он родился в приходе церкви Софии в Стокгольме шестого мая тысяча девятьсот тридцать второго года.

– Почему же вы его не берете, если он живет в Мальмё?

– Возьмем, но сначала хотим узнать о нем побольше. Я надеялся, что в этом ты нам поможешь.

Колльберг горестно вздохнул.

– Ладно. Что я должен сделать?

– Его нет в списке бывших под судом, но надо выяснить, попадал ли он в полицию. Узнай также, интересовались ли им различные социальные комиссии. Спроси в управлении домами, почему его выселили. И последнее, но не менее важное, – поговори с его женой.

– Ты знаешь, где она живет, или мне и ее нужно искать? Попробуй-ка среди всех фру Свенссон найти нужную.

– Она живет на Нортульсгатан, двадцать три. Не забудь спросить ее, когда она в последний раз видела мужа. Я не знаю, в каких они отношениях, но возможно, что он звонил или встречался с ней в прошлый четверг. Ты можешь проделать все это срочно?

– На это уйдет целый день, – жалобно сказал Колльберг. – Но у меня нет выбора. Я позвоню, когда управлюсь.

Колльберг положил трубку и мрачным взглядом уставился на свой письменный стол, где в полнейшем беспорядке лежали папки, документы, копии отчетов. Со вздохом взял телефонную книгу и начал звонить.

Часа через два он поднялся, надел пиджак, положил в карман записную книжку и спустился к машине.

Направляясь к Нортульсгатан, он размышлял о том, что дали его упорные телефонные звонки. До октября шесть-

десять седьмого полиции не был известен человек по имени Бертиль Улоф Эмануэль Свенссон. В октябре его забрали за пьянство – нашли в подъезде дома, где он жил, и продержали ночь в участке. До июля шестьдесят восьмого его задерживали пять раз, один раз снова за пьянство, и четыре раза за так называемые нарушения порядка в квартире. Это все. После июля никаких записей о нем не было.

В деле фигурировала и комиссия трезвости. Владелец дома и соседи неоднократно обращались в эту комиссию, вызывая ее представителей и утверждая, что Свенссон в нетрезвом виде их беспокоит. Над ним установили наблюдение, но за исключением двух раз, когда его забирали полиция, оснований для вмешательства не было. До октября шестьдесят седьмого он не был замечен в злоупотреблении алкоголем, и до этого времени о нем не было никаких сведений в комиссии трезвости.

Семью Свенссонов знали и в комиссии по охране детей. Поступали жалобы на плохое обращение с детьми; насколько Колльберг мог установить, жаловался тот же сосед, который обращался в различные комиссии. Сообщалось, что детей, которым тогда было семь и пять лет, родители бросают на произвол судьбы, что дети плохо одеты и что из квартиры Свенссонов слышны детские крики. Комиссия по охране детей сделала проверку, первый раз в декабре шестьдесят седьмого и еще раз в мае шестьдесят восьмого. Несколько раз приходили к Свенссонам, но никаких признаков дурного обращения с детьми не заметили. В квартире, правда, было недостаточно чисто, мать производила впечатление женщины ленивой и неряшливой, отец был без работы, и материальное поло-

жение семьи очень плохое. Однако не было никаких признаков того, что детей бьют. Старшая девочка хорошо училась в школе, здорова, совершенно нормальный ребенок, только несколько застенчива и замкнута. Младший – мальчик, находился дома с матерью, но иногда – в частном детском саду, когда у матери бывала случайная работа. Хозяйка детского сада характеризовала ребенка как живого, восприимчивого, общительного и здорового.

Комиссия по безработице выплачивала пособие семье с октября шестьдесят седьмого по апрель шестьдесят восьмого. Свенссон заявил о желании переквалифицироваться и осенью шестьдесят восьмого прошел курс обучения в механической мастерской комитета по охране труда. В январе шестьдесят девятого, то есть этого года, Свенссон устроился подсобным рабочим в механические мастерские «Кокумс», в Мальмё, куда и переехал.

Комиссия по здравоохранению провела замер уровня шумов в квартире в связи с тем, что владельцы дома потребовали выселения Свенссонов. Шум от детского крика, от быстрых шагов по квартире и от текущей воды был выше нормы. Такая же картина, собственно, была и в остальных домах, но никто не обращал на это внимания.

В июне шестьдесят девятого комиссия по сдаче квартир приняла решение о праве квартировладельцев расторгнуть контракт о найме квартиры, заключенный со Свенссоном. Первого сентября семья Свенссонов была вынуждена выехать. Новой квартиры им не было рекомендовано.

Кольберг созвонился с управляющей, истинным драконом в юбке. Она очень сожалела, что была вынуждена пойти на такую меру, как выселение семьи, но на Свенс-

сонов слишком часто жаловались. В заключение она сказала:

– Я думаю, что так было лучше для них самих. Они нам не подходили.

– Что значит «не подходили»? – спросил Колльберг.

– У нас иной уровень квартиросъемщиков, если вы понимаете, о чем я говорю. Мы не привыкли почти ежедневно вызывать людей из комиссии трезвости, полицию, и еще Бог знает кого...

– Значит, не соседи обратили внимание властей на семью Свенссонов, а вы?

– Да, конечно. Когда узнаешь о беспорядках, то твой долг – выяснить, в чем тут дело. К тому же один из соседей очень охотно этим занимался.

На этом Колльберг закончил беседу, почувствовав себя почти больным от сознания своей беспомощности и от отвращения. Неужели все так и было? По-видимому, да.

Колльберг поставил машину на Нортульсгатан, но не сразу вышел из нее. Он вынул блокнот и записал:

1967:

Сент. Уволен.

Окт. Пьянство (полицейский участок в Болмора).

Нояб. Комиссия трезвости.

Дек. Скандалы в квартире. Комиссия по охране детей.

1968:

Янв. Скандалы в квартире (п/у Болмора).

Февр. Комиссия трезвости.

Март. Пьянство (п/у Болмора). Комиссия трезвости.

Май. Комиссия по охране детей.

Июнь. Требование о выселении.

Июль. Решение о выселении. Шум в квартире (п/у Болмора).

Авг. —

Сент. Выселены.

Окт. —

Нояб. Развод.

Дек. —

1969:

Янв. Переезд в Мальмё. «Кокумс».

Июль. Застрелен В. Пальмгрен.

Он просмотрел записанное и подумал, что этой мрачной таблице очень подходит заголовок: «Беда не приходит одна».

XXVII

После удушающей жары на улице в подъезде ветхого дома № 23 на Нортульсгатан было удивительно прохладно. Казалось, зимняя влага и холод спрятались в стенах за отставшей штукатуркой.

Фру Свенссон жила на втором этаже, дверь с дощечкой «ЕВА СВЕНССОН», по-видимому, была входом на кухню.

Колльберг постучал. Послышались шаги, звон снимаемой цепочки, дверь приоткрылась. Колльберг показал свое удостоверение. Прежде чем дверь открылась, он услышал глубокий вздох.

Как он и предполагал, вход вел прямо на кухню. Женщина, закрывшая за ним дверь, была маленькая, худенькая,

с резкими чертами лица. Волосы не причесаны и, как видно, давно не крашены: светлые, почти белые на концах, у корней они становились совсем темными. На ней было домашнее платье из полинявшей хлопчатобумажной материи, с большими темными пятнами от пота под мышками, судя по всему, давно не стиранное. На ногах – матерчатые туфли неопределенного цвета. Колльберг знал, что ей двадцать девять лет, но на вид дал бы не меньше тридцати пяти.

– Полиция... – неуверенно произнесла она. – Что еще случилось? Если вы ищете Бертиля, то его здесь нет.

– Да, – сказал Колльберг, – я знаю. Я хочу только поговорить с вами, если можно. Разрешите войти?

Женщина кивнула и подошла к кухонному столу, стоявшему у окна. На цветастой пластмассовой скатерти лежал иллюстрированный журнал и недоеденный бутерброд, сигарета с фильтром дымилась на голубом в цветах блюдец, полном окурков. Вокруг стола стояли три стула, она села, ваяла сигарету с блюда и указала посетителю на стул напротив.

– Садитесь.

Колльберг сел и взглянул в окно, выходившее на задний двор, единственным украшением которого были веревки для выбивания ковров и мусорные ящики.

– О чем вы хотите поговорить? – дерзко спросили Ева Свенссон. – Долго вам оставаться здесь нельзя, мне нужно забрать Томаса с игровой площадки.

– Томас – это младший? – спросил Колльберг.

– Да, ему шесть. Я обычно оставляю его в парке за торговым училищем, пока хожу за покупками и убираюсь.

– У вас есть еще ребенок?

– Да, Урсула. Она в детской колонии. На острове Барнен.

– Давно вы здесь живете?

– С апреля. – Она докурила сигарету до самого фильтра. – Но я останусь здесь только на лето. Хозяйка не любит детей. А потом черт знает, куда нам деваться.

– Вы работаете?

Женщина бросила дымящийся фильтр на блюдце.

– Да, работаю на хозяйку квартиры. За то, что я живу здесь, я убираю, готовлю, хожу в магазин, стираю и ухаживаю за ней. Она старая и не может сама спускаться с лестницы, я ей помогаю, когда она хочет выйти.

Колльберг указал на дверь, противоположную входной.

– Вы там живете?

– Да.

Колльберг встал и открыл дверь. Комната была метров пятнадцать. Окно выходило на тот же мрачный двор. Вдоль стен стояли две кровати, под одной из них была низкая выдвижная кровать. Комод, два стула, маленький колченогий стол и коврик из лоскутов завершали меблировку.

– Комната небольшая, – сказала за его спиной Ева Свенссон. – Но нам разрешают находиться на кухне сколько угодно, а дети могут играть во дворе.

Колльберг вернулся к кухонному столу. Взглянул на женщину, выведившую пальцем какие-то рисунки на пластмассовой скатерти, и сказал:

– Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали, как вам с мужем жилось в последние годы. Я знаю, что вы в разводе, но как вы жили до развода? Он долго был безработным, да?

— Да, его уволили почти два года тому назад. Не то, чтобы он был в чем виноват, просто уволили всех работавших на этой фабрике. Она, наверное, себя не оправдывала. И он не мог найти работу, ее просто не было. То есть, настоящей работы. Раньше-то он хорошо получал. Он был конторщиком, но образования у него не было, и все места, на которые он пытался устроиться, доставались тем, у кого было образование.

— Сколько он там работал, пока ее не закрыли?

— Двенадцать лет. А до этого работал на другой фабрике с тем же шефом. Директор Пальмгрен. Может быть, он и не был шефом, но фирма принадлежала ему. Бертиль работал на складе и водил автокар. Потом его перевели в контору.

— Как давно вы женаты?

— Мы поженились на троицын день в пятьдесят девятом году.

Она откусила кусочек, посмотрела на бутерброд, поднялась, подошла к помойному ведру и выбросила его.

— Так что мы были женаты восемь с половиной лет.

— А когда вы переехали в Болмору?

Женщина стояла у раковины и ковыряла в зубах мизинцем.

— Осенью шестьдесят шестого. До той поры мы жили на Вестманнагатан. В служебной квартире, дом принадлежал также директору Пальмгрену. Потом он стал ремонтировать этот дом, перестраивать квартиры в конторские помещения, и мы переехали в его новый дом. Квартира была гораздо лучше, но очень далеко от города, и платить за нее нужно было очень много. Когда Бертиля уволили, я думала, что мы переедем, но не пришлось. Во всяком случае, пе-

реехали гораздо позже и по другим причинам.

– По каким?

– Бертиль пил и вообще, – уклончиво сказала женщина. – А нижний сосед жаловался, что мы очень шумим. Но мы шумели не больше, чем остальные жильцы дома. Стены такие тонкие, что было слышно, как плачут дети, лают собаки, слышно было граммофон на несколько этажей ниже нас. Мы думали, что на пианино занимается сосед, а оказалось, что это на целых три этажа выше. Детям мы дома играть не разрешали. А осенью нас выселили.

– Он много пил?

– Да, иногда.

– А как он вел себя пьяный? Был агрессивен?

Она ответила не сразу. Отошла и села.

– Иногда он был зол. Зол из-за того, что лишился работы, зол на общество и вообще. Я уставала от его разговоров об этом каждый раз, когда он выпивал пару рюмок.

– Говорят, в вашей квартире бывали скандалы?

– А, совсем не скандалы. Иногда мы ссорились, а однажды ребята проснулись ночью и стали играть, а мы спали. Явился патруль полиции. Может быть, иногда мы разговаривали слишком громко, но никаких драк или чего-нибудь в этом роде не было.

Колльберг кивнул.

– Когда вам угрожали выселением, обращались ли вы в союз квартиросъемщиков?

– Нет, мы не состояли ни в каких союзах. Да ничего и нельзя было сделать. Нам пришлось выехать.

– И где вы жили?

– Я нашла однокомнатную квартиру, мы сняли ее. Жила

там, пока не перебралась сюда, а Бертиль жил в общежитии для холостяков, когда мы развелись. Теперь он живет в Мальмё.

– Когда вы видели его в последний раз?

Ева Свенссон, подумав немного, сказала:

– Кажется, в прошлый четверг. Он пришел неожиданно, но я выставила его через час иди что-то в этом роде, потому что мне нужно было идти по делам. Он сказал, что у него отпуск и что он будет несколько дней в Стокгольме. Он даже дал мне немного денег.

– После этого он не давал о себе знать?

– Нет, наверное, уехал в Мальмё. Я, во всяком случае, его не видела. – Она повернулась и бросила взгляд на будильник, стоявший на холодильнике. – Мне нужно забирать Томаса. Они не любят, когда дети остаются дольше положенного срока.

Она встала, ушла в свою комнату, но дверь не закрыла.

– Почему вы развелись? – спросил Колльберг, поднимаясь с места.

– Мы устали друг от друга. Все пошло прахом. В последнее время мы только ссорились. А Бертиль, приходя домой, только и знал, что ворчал и злился. Я уже просто не могла его видеть.

Она вошла в кухню. Причесанная и в сандалетах.

– Теперь мне пора уходить.

– Еще один вопрос. Знал ли ваш муж своего главного шефа – директора Пальмгрена?

– Нет, по-моему, он его даже никогда не видел. Тот сидел в своем кабинете и оттуда всем руководил. По-моему, он никогда и не бывал на своих предприятиях,

там руководили другие шефы, помощники директора.

Она сняла с крюка над плитой хозяйственную сумку и открыла дверь на лестницу.

Расстались у подъезда. Он видел, как она пошла к площади Уденплан, маленькая, хрупкая, в полинявшем платье.

Уже после обеда Колльберг позвонил в Мальмё, чтобы сообщить результаты. К этому времени Мартин Бек уже полчаса нетерпеливо ходил взад-вперед по коридору, и когда наконец телефон зазвонил, то схватил трубку, не дав дозвонеть первому сигналу.

Он завел магнитофон, присоединенный к телефону, и записал рассказ, ни разу не прервав Колльберга, а когда тот кончил говорить, сказал:

– Больше я тебя беспокоить не буду.

– Да, незачем. Вы, кажется, нашли того, кого нужно. А я займусь своей работой, но позвони, расскажи, как пойдет дело. Привет тем, кто заслуживает привета.

Мартин Бек взял магнитофон и направился к Монссону. Они вместе прослушали запись.

– Да-а, – проговорил Монссон. – Причины налицо. Сначала уволили после двенадцати лет работы на предприятии Пальмгрена, потом тот же Пальмгрен вышвырнул его из квартиры, и в довершение всего развод. Ему пришлось уехать из Стокгольма, пришлось взяться за работу и по зарплате и морально гораздо хуже той, какая у него была раньше. И все из-за Пальмгрена.

Бек кивнул, Монссон продолжал:

– Свенссон был в Стокгольме в прошлый четверг. Я так и не понял, почему его не задержали на аэровокзале. Ведь

он был бы у нас до того, как Пальмгрен умер. Прямо настроение портится, когда думаешь об этом.

– Я знаю, почему они не успели, – сказал Мартин Бек. – Но об этом я расскажу тебе в следующий раз. Тогда настроение у тебя станет еще хуже.

– Ладно, побереги до следующего раза.

Мартин Бек зажег сигарету.

– Как мерзко это выселение! Совершенно ясно, что именно фирма Пальмгрена сообщала о нем разным комиссиям.

– При помощи готового на все соседа, да?

– Который, несомненно, служил Пальмгрену, или Брубергу, или обоим вместе. Пальмгрену хотелось выгнать Свенссона из квартиры, раз тот больше у него не работает.

– Ты думаешь, Пальмгрен сказал своим служащим, что нужно найти предлог и выселить его? – сказал Монссон.

– Я в этом убежден. Он передал это через Бруберга, конечно. А Бертиль Свенссон, наверное, все понимал. Нет ничего удивительного в том, что он ненавидел Пальмгрена.

Монссон почесал затылок и сделал гримасу.

– Это ясно. Но убить его...

– Вспомни, что в течение долгого времени на Свенссона сыпались удар за ударом. Когда он понял, что это не удары судьбы, а следствие поступков определенного человека, точнее – определенной группировки, ненависть его стала целенаправленной. Ведь фактически у него постепенно отняли все.

– А Пальмгрен представлял именно эту группировку, – произнес Монссон.

Мартин Бек поднялся:

– Надо будет послать кого-нибудь последить за

Свенссоном, чтобы мы не потеряли его еще раз. Кого-нибудь из тех, кто не ест картофельное пюре на работе.

XXVIII

Человек по имени Бертиль Свенссон жил в Кирсеберьсстадене, у восточной границы города; район в обиходе назывался Холмы. «Жить на Холмах» буржуазия Мальмё всегда считала несолидным, но многие жители гордились Кирсеберьсстаденом, любили его, несмотря на то, что в большинстве домов не было современных удобств, да и вообще никто не думал о том, что дома нужно ремонтировать и приводить в порядок. В самых плохих квартирах ютились люди, нежелательные в привилегированных районах, а также те, кому, казалось, ничего лучшего и не надо. Не случайно многие иностранные рабочие, прибывшие за последние годы в Швецию, жили именно там. Это был пролетарский район, и мало кто из жителей Мальмё, принадлежавших к той категории что и Виктор Пальмгрен, бывал в нем или знал о его существовании.

Туда вечером в пятницу и отправился на велосипеде Бенни Скакке с поручением узнать, находится ли Бертиль Свенссон в своей квартире, а если да, то взять его под наблюдение, не вызывая подозрения. Скакке должен был каждый час сообщать о себе Мартину Беку или Монссону.

Они собирались арестовать Свенссона в тот же вечер. Мартин Бек сказал, что пока не хватает еще кое-каких подробностей.

Свенссон, как это следовало из записей на его работе и в стрелковом клубе, жил на Ваттенверксвеген, на улице,

пересекающей Кирсеберьсстаден от Люндавегея; улица кончалась холмом, и Скакке предпочел слезть с велосипеда, взбираясь наверх. Он катил велосипед мимо старой круглой водонапорной башни, которая много лет назад была перестроена в жилой дом. Скакке подумал, что квартиры там должны быть похожи на куски торта. Он вспомнил, что читал об ужасающих санитарных условиях в этом доме, где жили только югославы.

Он поставил велосипед на площади Кирсеберьстор в надежде, что его не украдут. Он заклеил надпись «ПОЛИЦИЯ» на велосипеде: такую меру предосторожности он предпринимал, когда не хотел, чтобы его узнавали.

Дом, за которым ему следовало наблюдать, был старый, двухэтажный. Он рассмотрел его с тротуара напротив. Быстрыми шагами Скакке пересек улицу и вошел в подъезд. На двери справа он увидел приколотую картонку, на ней шариковой ручкой было написано Б. СВЕНССОН.

Скакке вернулся на площадь, нашел скамью, откуда был виден дом. Вынул газету, которую купил по пути из полицейского управления, развернул ее и сделал вид, что читает.

Ему пришлось ждать не более двадцати минут. Дверь открылась, и из подъезда вышел человек. Его внешность совпадала с приметами стрелявшего в «Савое», хотя он и оказался ниже ростом, чем Скакке представлял себе. И одежда была та же – темно-коричневый пиджак, брюки более светлого коричневого цвета, бежевая рубашка и галстук в красно-коричневую полоску.

Скакке неторопливо сложил газету, поднялся, запихнул ее в карман и медленно пошел за ним. Тот повернул в пе-

реулок и довольно быстро направился к тюрьме у подножия холма.

Скакке почувствовал жалость к этому человеку, который не знал, как скоро окажется в мрачных стенах старой тюрьмы. Может быть, он уже начинает верить, что ему удастся этого избежать?

У тюрьмы человек повернул направо, потом налево на Гевальдигергатан, где остановился у футбольной площадки. Скакке остановился тоже. На площадке шел матч, и Скакке сразу же узнал обе команды: «Флаг» в красных майках и «Балкан» в синих. Игра, кажется, была интересная, и Скакке не имел ничего против, чтобы посмотреть ее подольше, но человек почти сразу двинулся дальше.

Они продолжали путь по Люйдавеген, а когда прошли площадь Дальхемспланен, человек в коричневом вошел в бутербродную. Через витрину Скакке видел его у прилавка. Через несколько минут человек вышел с коробкой в одной руке, пакетом в другой и пошел обратно тем же путем.

Скакке теперь держался на большем расстоянии, считая, что человек направляется домой. Когда они проходили мимо футбольной площадки, «Балкан» как раз забил гол и публика, по-видимому, состоявшая главным образом из болельщиков «Балкана», встретила его единогласным кликом торжества. Мужчина с маленьким ребенком на плече громко выкрикивал рифмованные приветствия, но Скакке не смог разобрать слов, поскольку язык был югославский.

Человек, за которым следил Скакке, действительно пришел домой. Через окно было видно, как тот вынул банку с пивом. Тогда Скакке зашел в телефонную будку и

позвонил Мартину Беку:

- Он дома. Выходил купить пива и бутербродов.
- Хорошо. Стой там и позвони, если он выйдет.

Скакке вернулся на свой пост на скамейке. Через полчаса он зашел в ближайший киоск, купил вечерние газеты, плитку шоколада и вернулся на скамейку. Время от времени он прохаживался по тротуару, но опасался слишком часто проходить мимо окна. Стемнело, и за окном зажегся свет. Тот человек снял пиджак, съел бутерброды, выпил две банки пива и теперь ходил по комнате взад и вперед. Иногда присаживался за стол у окна.

К двадцати минутам одиннадцатого Скакке прочел по несколько раз три газеты, съел четыре плитки шоколада, выпил две бутылки апельсинового сока и был уже готов завывать от тоски.

Свет в той комнате погас. Скакке подождал пять минут, затем позвонил в полицейское управление. Ни Монссона, ни Мартина Бека там не оказалось. Он позвонил в «Савой». Комиссар Бек ушел. Позвонил домой Монссону. Оба были там.

– Ты все еще на месте? – спросил Монссон.

– Конечно. Оставаться еще? Почему вы не приходите? – Скакке почти плакал.

– А, – флегматично произнес Монссон. – Я думал, что ты знаешь. Мы подождем до завтра. А что он делает?

Скакке заскрежетал зубами:

– Потушил свет. Наверное, собирается лечь спать.

Монссон ответил не сразу. Скакке услышал подозрительное бульканье, слабый звон и чей-то голос.

– По-моему, тебе нужно сделать то же самое. Он, надеюсь, тебя не видел?

– Нет, – отрезал Скакке, бросился к велосипеду и буквально полетел вниз с холма к Лундавеген, а через десять минут стоял в передней своей квартиры и набирал номер телефона Моники.

В пять минут девятого в субботу утром Мартин Бек и Монссон постучали в дверь Бертиля Свенссона.

Он вышел к ним в пижаме. Увидев их удостоверения, только кивнул головой, вошел обратно в квартиру и стал одеваться.

В квартире, состоявшей из комнаты и кухни, оружия они не нашли. Бертиль Свенссон последовал за ними и сел в машину, не сказав ни слова. Всю дорогу он молчал. Когда они вошли в кабинет Монссона, он указал на телефон и впервые заговорил:

– Разрешите позвонить жене?

– Позже, – ответил Мартин Бек. – Сначала мы немного побеседуем.

XXIX

Почти целый день Мартин Бек и Монссон слушали историю жизни Бертиля Свенссона. Казалось, он испытывает облегчение от возможности высказаться; ему хотелось, чтобы они его поняли, и он почти рассердился, когда пришлось сделать перерыв на обед. Его рассказ в основном подтверждал их реконструкцию событий и даже версию о мотивах убийства.

После всех своих бед, сидя в одиночестве в Мальмё, он начал обдумывать свое положение, и ему становилось все более и более ясно, кто был причиной постигших его несчастий: Виктор Пальмгрен, кровопийца, наживающийся

за счет других, магнат, которого нисколько не волнует благополучие тех, кто на него работает или живет в его домах. Как тут не возненавидеть такого!

Несколько раз во время допроса Свенссон падал духом, начинал плакать, но опять брал себя в руки и заверял, что благодарен за то, что получил возможность все объяснить. Он несколько раз повторил, что рад их приходу. Но если бы они его не нашли, он вряд ли бы выдержал долго и пришел бы сам. В том, что сделал, он не раскаивался.

Неважно, что придется сесть в тюрьму, жизнь его уже искалечена, и он не в состоянии начать новую.

По окончании допроса, когда все уже было сказано, он пожал руки Монссону и Мартину Беку и поблагодарил их. Его отвели в арестантскую.

После того, как за ним закрылась дверь, в кабинете долго стояла тишина. Наконец Монссон встал, подошел к окну и посмотрел на тюремный двор.

– Черт подери, – пробормотал он.

– Надеюсь, приговор будет мягким, – сказал Бек.

В дверь постучали, и вошел Скакке.

– Как дела? – спросил он.

Ему ответили не сразу. Потом Монссон сказал:

– Примерно так, как мы предполагали.

– Хладнокровный, дьявол, – сказал Скакке, – просто взял и застрелил. Почему он это сделал?

– Подожди, сейчас услышишь, – Мартин Бек перемотал ленту магнитофона, нажал кнопку, и катушки завертелись.

Монссон: Но как вы узнали, что Пальмгрен как раз в это время находится в отеле «Савой»?

Свенссон: Я этого не знал. Я просто проезжал мимо...

Бек: Будет лучше все изложить по порядку. Расска-

жите, что вы делали в течение дня в среду.

С.: Мой отпуск начался в понедельник, так что в среду я был свободен. Утром ничего особенного не делал, просто болтался дома. Постирал рубашки и нижнее белье. На завтрак съел яичницу и выпил кофе. Вымыл посуду и отправился за покупками. Я пошел в универсам на площади Вэрнхемсторьет, это не самый близкий ко мне магазин, но просто хотелось убить время. У меня мало знакомых в Мальмё, всего несколько товарищей по работе, но сейчас время отпусков, и все разъехались. Сделав покупки, вернулся домой. Было очень жарко, и мне не хотелось больше выходить. Я лег на кровать и стал читать книгу. К вечеру стало прохладнее, и в половине седьмого я поехал на велосипеде в тир.

Б.: В какой тир?

С.: В тир, где я обычно стреляю, в Лимхамне.

М.: У вас был с собой револьвер?

С.: Да, его можно оставлять в клубе, но я обычно беру его с собой.

Б.: Продолжайте.

С.: Я пострелял с час. Вообще-то у меня нет на это денег, ведь все это довольно дорого: патроны, членские взносы, но надо же иметь хоть какое-то удовольствие.

М.: Давно ли у вас револьвер?

С.: Довольно давно. Я купил его лет десять назад, когда выиграл деньги в лотерее. Я всегда любил стрелять. Когда я был мальчишкой, мне всегда хотелось иметь духовое ружье, но родители у меня были бедные, они не могли и не желали его покупать. Больше всего мне нравилось ходить в тир и стрелять в жестяных оленей.

Б.: Вы хорошо стреляете?

С.: Да, могу сказать, хорошо. Я несколько раз выигрывал на соревнованиях.

Б.: Продолжайте.

С.: Когда я кончил стрелять, то поехал на велосипеде в город.

М.: А револьвер?

С.: Он лежал в коробке на багажнике. Я ехал по велосипедной дорожке вдоль гавани Лимхамн, потом мимо музея и здания суда. На углу Норра Валльгатан и Хампгтан мне пришлось остановиться из-за красного света, и тут я его увидел.

М.: Виктора Пальмгрена?

С.: Да. В окне «Савоя». Он стоял, а за столом сидело много людей.

М.: Вы сказали раньше, что никогда не видели Пальмгрена. Как же вы узнали, что это он?

С.: Я много раз видел его фото в газетах.

Б.: И что вы сделали?

С.: Я, по правде сказать, не думал, что я делаю, и одновременно я знал, что я сделаю. Трудно объяснить. Я проехал мимо входа в «Савой» и поставил велосипед. Вынул револьвер из коробки и сунул за пазуху. Сначала зарядил его, людей вокруг не было, я стоял спиной к улице и, держа револьвер в коробке, зарядил два патрона.

Затем вошел в ресторан и выстрелил ему в голову. Он упал на стол. Я увидел, что ближайшее окно открыто, вылез через него и пошел к велосипеду.

М.: Вы не боялись, что вас задержат? Ведь в ресторане было много людей.

С.: Я об этом не думал, мне нужно было только убить этого дьявола.

Б.: Видели ли вы, что окно открыто, до того, как вы вошли?

С.: Нет, я об этом не думал. Я и не думал, что смогу уйти. И только когда увидел, что он упал, а на меня никто не обращает внимания, я начал думать о том, как оттуда выбраться.

Б.: Что вы сделали потом?

С.: Я положил револьвер снова в коробку и поехал через мост мимо гавани. Я не знал точно, когда отходят суда, но знал, что катера на подводных крыльях отходят каждый час. На часах водной станции было двадцать минут девятого, я поехал к зданию, где проверяют молочные изделия, и поставил велосипед там. Потом пошел и купил билет на катер. Коробку с револьвером взял с собой. Мне казалось странным, что меня не ищут. Когда катер отошел, я стоял на палубе, стюардесса сказала, чтобы я спустился вниз, но я не послушался и продолжал стоять до тех пор, пока мы не дошли почти до середины Зунда. Там я бросил коробку с револьвером и патронами в море, спустился вниз и сел.

Б.: Вы знали, куда пойти в Копенгагене?

С.: Нет, точно не знал. Я мог думать сразу только о чем-нибудь одном.

Б.: Что вы делали в Копенгагене?

С.: Бродил по городу. Зашел в кафе, выпил пива. Потом решил поехать в Стокгольм повидаться с женой.

Б.: Деньги у вас были?

С.: У меня была тысяча крон, я получил жалованье за

два месяца, поскольку уходил в отпуск.

Б.: Продолжайте.

С.: Сел на автобус, доехал до аэродрома и взял билет на самолет в Стокгольм. Я, конечно, не назвал своего имени.

Б.: Который был час?

С.: Около двенадцати. Я просидел там до утра; самолет вылетал в семь двадцать пять. В Стокгольме я сел на автобус до аэровокзала, пошел к жене и детям. Они живут на Нортульсгатан.

М.: Сколько времени вы пробыли у них?

С.: Час, может быть, два.

М.: Когда вы снова приехали сюда?

С. В понедельник вечером.

Б.: Где вы жили в Стокгольме?

С.: В пансионате на Уденсгатан. Не помню, как он называется.

М.: Что вы здесь делали после возвращения?

С. Ничего особенного. Я не мог пойти в тир пострелять, потому что револьвера у меня не было.

Б.: А велосипед?

С.: Ах, да, я забрал его, когда сошел с поезда.

М.: Меня удивляет одно: до того, как вы увидела Виктора Пальмгрена в окно в «Савое», вы не думали о том, чтобы его застрелить.

С.: Когда я увидел его и револьвер был со мной, то меня словно молнией поразила мысль – убить его проще простого. Поскольку я решил, то уже не думал о том, что будет потом. Как будто эта мысль впервые пришла мне в голову. Но подсознательно я не раз желал ему смерти.

Б.: Что вы почувствовали, когда прочли в газетах... вы же читали газеты на другой день?

С.: Да.

Б.: Что вы думали, когда узнали, что он, возможно, выживет?

С.: Я был зол на самого себя, что стрелял так плохо. Подумал, что следовало бы выстрелить несколько раз, но я не хотел ведь ранить никого другого, и мне, кстати, показалось, что он умер сразу.

Б.: А теперь? Что вы чувствуете теперь?

С.: Я рад, что он умер.

М.: Сделаем перерыв. Вам нужно поесть.

Мартин Бек выключил магнитофон.

— Остальное прослушаешь один, — сказал он Скакке. — Когда я уеду.

XXX

Поздно вечером в субботу двенадцатого июля Мартин Бек сидел один за столом в ресторане «Савой». Он заранее упаковал свой чемодан и сам отнес его в холл. Теперь его никто не дергал, и он собирался ночным поездом выехать в Стокгольм.

Он поговорил по телефону с Мальмом, который казался очень довольным и все время повторял:

— Значит, никаких осложнений? Прекрасно, просто прекрасно.

В ресторане было уютно: и роскошно, и в то же время просто.

Свет свечей отражался в огромных серебряных судках. Тихо беседующие посетители. Их не настолько много,

чтобы они раздражали, но и не настолько мало, чтобы чувствовать себя одиноким. Кельнеры в белых куртках, кланяющийся метрдотель, маленький, непрерывноправляющий манжеты.

Мартин Бек начал с виски в баре, а в ресторане заказал камбалу. К ней взял водки, настоящей на каких-то таинственных травах и очень вкусной. А теперь пил кофе с ликером.

Все было прекрасно. Хорошая еда, хорошие напитки, прекрасное обслуживание, а за открытыми окнами теплый летний вечер. К тому же успешно законченное дело. У него должно быть прекрасное настроение, но его не было. Он почти не видел, что происходит вокруг. Вряд ли замечал даже, что ест и пьет.

Виктор Пальмгрен умер.

Исчез навсегда, и никто о нем не сожалеет, за исключением международных финансовых акул и представителей подозрительных режимов в далеких странах. Но они скоро привыкнут обделывать дела с Матсом Линдером, и разницы, в сущности, никакой не будет.

Шарлотта Пальмгрен теперь очень богата и независима.

Перед Линдером и Хофф-Енсеном открывается блестящее будущее.

Хампус Бруберг, наверное, сумеет избежать нового ареста, и целая армия хорошо оплачиваемых юристов докажет, что он ничего не украл, не пытался вывезти акции за границу и вообще не сделал ничего незаконного. Его жена и дочь уже в безопасности в Швейцарии или в Лихтенштейне, в их распоряжении жирные банковские счета.

Хелена Ханссон, по-видимому, получит какое-то

наказание, но не такое уж серьезное, чтобы в ближайшем будущем не вернуться к своему ремеслу.

Остается только подсобный рабочий, которого в свое время будут судить за убийство, возможно преднамеренное, а потом лучшие свои годы ему придется гнить в тюрьме. Мартин Бек, комиссар по уголовным делам, чувствовал себя скверно.

Он заплатил по счету, взял чемодан и направился по мосту Мэлар к станции. Думал – сумеет ли он заснуть в поезде.